

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В двух томах
под П общей редакцией
С. Д. СКАЗКИНА

Том I.

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов университетов, обучающихся по специальности «История»
Издание 2-е, переработанное
Москва «Высшая школа» 1977

Рецензент: кафедра истории средних веков Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

В первом томе учебника изложены важнейшие события истории средневекового общества на протяжении десяти столетий – с конца V до конца XV в. Специальные главы посвящены критике буржуазных концепций и обзору новой литературы по истории средних веков, истории католической церкви и еретических движений, развитию естествознания и культуры. Первое издание вышло в 1966 г. Предназначается для студентов исторических факультетов университетов.

Предисловие А.А.Хлевова для студентов РХГА (и не только)

Данный учебник является «классикой жанра» и, несмотря на почти сорокалетний возраст, несомненно, не был превзойден даже хваленым учебником команды С.П.Карпова. Надеюсь, что студенческое сознание обладает достаточной зрелостью для того, чтобы научиться не «спотыкаться» на постоянном цитировании Маркса, Энгельса и Ленина. Особенно если учесть, что, за редчайшим исключением, они в своих замечаниях были абсолютно правы. Для любознательных в тексте полностью сохранены главы о славянских странах, Венгрии и т.д. – лишнего знания не бывает. Как говорится, «не бойтесь совершенства – оно вам не грозит».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей второе исправленное и дополненное издание учебника «История средних веков» в двух томах (первое издание вышло в 1966 г.) для студентов исторических факультетов университетов охватывает историю стран Западной и Центральной Европы, а также Византийской империи (до ее падения в 1453 г.). Настоящий первый том этого учебника посвящен периоду с V до конца XV в.

Том состоит из трех разделов: введения и двух частей. Во вступительном разделе определяется понятие «средние века» и место этого длительного периода во всемирной истории; характеризуются важнейшие источники по истории средневековья; дается критический анализ буржуазных концепций и краткий обзор советской историографии по важнейшим и наиболее спорным проблемам истории средних веков — о сущности феодализма и о происхождении этого общественного строя в Западной Европе.

В первой части тома излагается история раннего средневековья (V—XI вв.), во второй — история развитого средневековья (XI—XV вв.), когда феодальный строй достигает своего расцвета.

Как и в первом издании, в соответствии с программой курса, читаемого в университетах, главы по истории отдельных стран дополняются проблемными: кроме уже упомянутых глав вступительной части это глава по истории средневековых городов (гл. 7), крестовых походов (гл. 8), церкви и еретических движений (гл. 18), международных отношений в странах Западной Европы (гл. 19), средневековой культуры и идеологии в V—XIV вв. (гл. 20), зарождения гуманистической идеологии и культуры раннего Возрождения (гл. 22).

Согласно учебному плану исторических факультетов университетов, курс истории Южных и Западных славян (включая и средневековый период) читается отдельно. По истории этих регионов имеется специальный учебник. Поэтому в данном издании предполагаемого учебника (как и в предыдущем) история славянских стран не освещается. Однако исторические взаимосвязи с другими народами Европы рассматриваются в специальном параграфе гл. 19 «Роль западнославянских и Южнославянских стран в международных отношениях XII—XV вв.»

В томе имеются карты, хронологическая таблица и обширная библиография.

При подготовке нового издания авторами и редакторами учебника были учтены замечания по первому изданию, сделанные в рецензиях, опубликованных в периодической печати. Учтены также основные выводы важнейших специальных монографий и статей по проблемам истории средних веков, вышедших за последнее десятилетие. Структура тома осталась без существенных изменений так же, как и основное содержание большинства глав. Значительной переработке подверглись главы 2-я («Сущность феодализма и проблема его происхождения в исторической науке»), 7-я («Возникновение и рост средневековых городов»), 18-я («Церковь и ее организация в Западной Европе. Народные еретические движения»). Заново написана глава 20-я («Средневековая культура и идеология в странах Западной Европы в V—XIII вв.»). Картографический материал тома дополнен рядом новых карт и карто-схем.

В подготовке нового издания участвовал большой авторский коллектив. В него входят научные сотрудники сектора истории средних веков Института Всеобщей Истории АН СССР, Ленинградского отделения Института Истории СССР АН СССР, преподаватели кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета и других вузов, а также сотрудники ряда других научных учреждений. Состав авторского коллектива указан в оглавлении.

Редколлегия первого тома.

История средних веков охватывает длительный период, насыщенный многообразными событиями. Он ознаменовался возникновением и развитием новых форм экономической и общественно-политической жизни.

В средние века человечество значительно продвинулось вперед в развитии материальной и духовной культуры по сравнению с предшествующими периодами истории. Наряду с проявлениями феодального насилия, невежества и кострами инквизиции, голодовками и опустошительными эпидемиями средневековье оставило в памяти человечества мощные крестьянские восстания и войны против феодалов и церкви, полную драматизма борьбу горожан с феодальными сеньорами, массовые еретические движения, выражавшие социальные чаяния народных масс, первые буржуазные революции, ранние проявления свободомыслия. От этой эпохи дошли до нас замечательные поэтические произведения, в том числе памятники народного творчества, прекрасные образцы архитектуры, живописи, поэзии; к концу ее относятся первые успехи пробуждающейся научной мысли.

Эпоха средневековья выдвинула плеяду великих людей, которыми гордится передовое человечество. Таковы первые провозвестники еще смутных коммунистических чаяний народа — Дольчино, Джон Болл, Томас Мюнцер; вожди революционных народных масс — Гильом Каль, Уот Тайлер; родоначальники утопического социализма — Томас Мор и Томмазо Кампанелла. В благодарной памяти потомков навсегда остались имена смелых представителей свободной мысли — Петра Абеляра, Роджера Бэкона, Авиценны и Аверроэса, Яна Гуса, Николая Коперника, Джордано Бруно, Галилео Галилея; гениальных поэтов и писателей — Фирдоуси, Омара Хайяма, Саади, Хафиза, Низами, Данте, Петрарки, Боккаччо, Чосера, Рабле, Шекспира, Сервантеса; выдающихся художников — Джотто, Рафаэля, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Андрея Рублева, Дюрера, Рубенса, Рембрандта. Термин «средние века» (точнее средний век — *medium aevum*) возник в Италии в XV-XVI вв. в кругах гуманистов (от этого латинского термина ведет свое происхождение и термин «медиевистика», которым называют область исторической науки, изучающую историю средних веков). На разных этапах развития исторической науки в понятие «средние века» вкладывали различное содержание. Историки XVII—XVIII вв., закрепившие деление истории на древнюю, среднюю и новую, считали средние века периодом глубокого культурного упадка в противовес высокому взлету культуры в античном мире и в новое время. В дальнейшем буржуазные историки не смогли выдвинуть какого-либо единого научного определения понятия средние века. В современной буржуазной историографии преобладает мнение, что термины «средние века», «древний мир», «новое время» лишены всякого определенного содержания и приняты лишь как традиционные деления исторического материала.

Марксистско-ленинская историческая наука вкладывает в эту традиционную периодизацию совершенно иное содержание. Рассматривая исторический процесс как закономерную смену общественно-экономических формаций, историки-марксисты понимают средние века как время господства феодального способа производства, который сменил рабовладельческий, а затем в новое время уступил историческую арену капитализму. Средние века определяются ими как эпоха возникновения, развития и упадка феодальной социально-экономической формации.

Почти все народы, ныне населяющие Европу и Азию, а также многие народы Африки и Латинской Америки прошли в своем развитии стадию феодальной формации и, следовательно, пережили свое средневековье. Поэтому в советской исторической науке понятие средние века относится не только к истории западноевропейских или европейских народов, как это до сих пор принято в буржуазной историографии. Ему придается всемирно-историческое значение. Данный учебник, однако, посвящен истории феодальной формации только в странах Западной и Центральной Европы, а также в Византии. Переход к феодализму у разных народов происходил не одновременно. Поэтому хронологические рамки средневекового периода различны для разных континентов и даже отдельных стран.

В странах Европы у истоков средневековья стоит крушение рабовладельческой Западной Римской империи во второй половине V в., которая погибла в результате внутреннего кризиса рабовладельческого строя, сделавшего ее беззащитной перед варварскими вторжениями германских и славянских племен. Эти вторжения привели к распаду империи и ликвидации рабовладельческого строя на ее территории, стали началом глубокого социального переворота, отделяющего средние века от древней истории.

Рубежом между средними веками и новым временем в советской историографии считается первая буржуазная революция, имевшая общеевропейское значение и положившая начало господству капиталистического строя в Западной Европе, — английская революция 1640—1660 гг. (в буржуазной историографии гранью, отделяющей средние века от Нового Времени, принято считать другую дату — конец XV в.).

Между второй половиной V и серединой XVII в. лежат двенадцать столетий средневековья в странах Западной и Центральной Европы. С ростом производительных сил в феодальной социально-экономической формации происходили определенные сдвиги. Изменялись характер производственных отношений, отчасти социальная структура, а также политический облик феодальных государств. Поэтому в советской историографии историю средних веков принято делить на три основных периода. Первый — раннее средневековье — раннефеодальный период — с конца V по середину XI в., когда феодализм только складывался как господствующий способ производства. Второй — с середины XI по конец XV в. — период развитого феодализма, когда феодальный строй достиг своего наивысшего расцвета. Третий — позднее средневековье, XVI — первая половина XVII в. — период разложения феодализма, когда в недрах феодального общества зарождаются и начинают складываться капиталистические отношения. Буржуазная историография, с начала XVIII в.

широко пользуясь термином «феодализм», не сформулировала, однако, его единое научное определение. Чаще всего буржуазные историки определяют феодализм по его второстепенным, главным образом политическим и юридическим, признакам. Одни считают его главной отличительной чертой политическую раздробленность; другие — феодальную иерархию; третьи — соединение политической власти с землевладением; некоторые — господство личных связей и т. д.

Марксистско-ленинская историческая наука видит сущность феодализма не в этих вторичных признаках, а в имманентно присущих ему производственных отношениях, обусловленных определенным уровнем развития производительных сил общества. Именно эти производственные отношения определяли все особенности политической и общественной структуры, присущие феодальной социально-экономической формации в целом.

Для производственных отношений феодального строя характерно прежде всего господство крупной земельной собственности, которая находилась в руках класса феодалов и «была подлинной основой средневекового, феодального общества». Другой важной чертой, отличавшей феодальный строй от рабовладельческого, с одной стороны, и от капиталистического — с другой, являлось сочетание крупной земельной собственности с мелким индивидуальным хозяйством непосредственных производителей — крестьян, которым феодалы раздавали в держания большую часть своей земли. Крестьяне в феодальном обществе никогда не являлись собственниками обрабатываемой ими земли; они были лишь ее держателями на тех или иных условиях, иногда даже на правах наследственного пользования. На этой земле они вели самостоятельное мелкое хозяйство. В отличие от античного раба и наемного рабочего при капитализме непосредственный производитель феодального общества был наделен основным средством производства — землей — и, кроме того, являлся собственником орудий труда и рабочего скота. Сущность производственных отношений феодализма, по словам В. И. Ленина, состояла в том, что «земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделили крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как

бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика...».

Эти отношения собственности порождали необходимость внеэкономического принуждения, применения насилия для обеспечения эксплуатации крестьян, «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство». Формы и степень внеэкономического принуждения при феодализме были самые различные: крепостничество или другие менее жесткие виды зависимости; в позднее средневековье — сословное неполноправие крестьянства.

Перечисленные характерные черты феодального способа производства порождали многие специфические особенности социальной структуры, политической, правовой и идеологической надстройки феодальной социально-экономической формации. В области права к их числу относится условный характер феодальной земельной собственности в связанное с ним разделение права собственности на землю между несколькими феодалами. Развитая форма феодальной собственности — «феод» (лат. — *feodum*), от которого произошел термин «феодализм», представлял собой наследственную земельную собственность представителя господствующего класса, связанную с обязательным несением военной службы и выполнением некоторых других обязательств в пользу вышестоящего сеньора. Последний, а иногда и другие стоявшие над ним сеньоры юридически также считались собственниками данного феода. Такое юридическое разделение земельной собственности в феодальном обществе придавало ей, а вместе с тем и классу феодалов иерархическую структуру, определявшую значительную роль в его среде личных вассально-ленных связей. Однако эти связи были не самодовлеющим фактором, а производным от специфики распределения земельной собственности внутри господствующего класса. Объединяя его представителей всех рангов поземельными и вассальными связями, феодальная иерархия играла важную роль в организации эксплуатации крестьянства и подавлении его сопротивления.

Лишенные права собственности на землю крестьяне противостояли феодалам — собственникам земли — как эксплуатируемый антагонистический класс. Эксплуатация крестьянства осуществлялась, как правило, в рамках феодальной вотчины (сеньории, манора), в которой наиболее полно реализовались экономическое и социальное назначение феодальной собственности. Вотчина служила наиболее удобной организацией для взимания феодальной ренты. Феодальная земельная рента — это часть прибавочного труда, или прибавочного продукта зависимых крестьян, присваиваемая землевладельцем. Таким образом, феодальная рента выступает как экономическая форма реализации собственности феодала на землю. Средством этой реализации является внеэкономическое принуждение, которое проявляется также в личных отношениях — в той или иной степени зависимости крестьянина от феодала. Однако внеэкономическое принуждение и порождаемые им личные связи являлись не источником, а лишь средством получения ренты от крестьян, определялись отношениями собственности, господствовавшими в обществе. Феодальная рента выступала в трех формах: отработочная рента (барщина), продуктовая (натуральный оброк), денежная (денежный оброк). На различных этапах развития феодализма преобладал один из видов ренты.

В раннее средневековье, когда феодалы в своих вотчинах вели домениальное хозяйство, преобладали отработочная рента и связанная с ней барщинная система хозяйства, или рента продуктами. Во второй период феодализма в большинстве стран Западной и Центральной Европы наряду с отработочной и продуктовой рентой приобретает большое значение и денежная, что было связано со значительным распространением в этот период товарно-денежных отношений и ростом городов как центров ремесла и торговли. Использование в широких масштабах ренты продуктами и особенно денежной ренты исподволь подрывало систему барщинного хозяйства. На смену ей шла другая система, при которой феодал почти полностью свертывал свое собственное хозяйство, передавал барскую

землю в держание крестьянам и жил за счет натурального или денежного оброка крестьян-держателей. Это вело к росту экономической независимости крестьянского хозяйства, укреплению владельческих прав крестьянина на землю и как следствие этого — к дальнейшему развитию производительных сил в деревне.

В позднее средневековье, когда в феодальном обществе зарождаются капиталистические отношения, денежная рента еще господствует в большинстве стран Западной Европы. Вместе с тем в этот период начинается ее разложение; наряду с феодальной денежной рентой постепенно распространяется капиталистическая земельная рента. Одни народы перешли к феодализму от рабовладельческого строя, другие — непосредственно от первобытнообщинного. И в том и в другом случае переход к новой формации был важным прогрессивным фактом в развитии всемирной истории. Прогрессивность феодального строя по сравнению с рабовладельческим заключалась прежде всего в том, что при феодализме утвердилось мелкое крестьянское производство, которое при достигнутом к тому времени уровне производительных сил и сложившихся феодальных производственных отношениях было «единственно выгодной формой земледелия».

В отличие от античного раба, лишенного каких-либо средств производства и не заинтересованного в результатах труда, крестьянин феодального общества как самостоятельный хозяин ищет пути для повышения производительности своего труда. При переходе к феодализму смягчились и формы внеэкономического принуждения: даже самые тяжелые формы личной зависимости крестьян, широко распространившиеся в странах Европы еще в раннее средневековье, были значительно легче, чем рабство. В еще большей степени это относится к зависимости поземельной и судебной, которые стали преобладающими в большинстве стран Западной Европы уже в конце второго периода средних веков, когда основная масса крестьян оказалась лично свободной. Такие смягченные формы зависимости при феодализме по сравнению с рабовладельческим строем, как подчеркнул Ф. Энгельс, давали крестьянам средство к постепенному освобождению их как класса, что было абсолютно недоступно для рабов.

Исторически прогрессивен был переход к феодализму и от первобытнообщинного строя. Этот переход, обусловленный дальнейшим развитием производительных сил, требовал роста индивидуального производства, снятия или смягчения ограничений, налагавшихся на него общинным строем. Хотя в условиях крайне низкой производительности труда этой переходной эпохи развитие parcelлярного хозяйства с неизбежностью вело к частной земельной собственности, а общественное разделение труда — к возникновению классов и эксплуатации, все же феодальный строй открывал большие возможности для дальнейшего укрепления индивидуального производства и повышения производительности мелкого крестьянского хозяйства, чем первобытнообщинный. Вот почему, несмотря на жестокую эксплуатацию крестьянства, низкое и рутинное состояние техники, обусловленное отчасти этой эксплуатацией, отчасти мелким характером производства, в феодальном обществе росли производительные силы.

Сферой прогрессивного развития в сельском хозяйстве являлось, в первую очередь, крестьянское хозяйство, в котором крестьянин работал более интенсивно и продуктивно, чем на барщине. Уже в раннее средневековье в рамках барщинной системы повышение производительности труда в сельском хозяйстве создало предпосылки для отделения ремесла от земледелия и развития товарного производства. Во второй период средневековья на этой основе выросли средневековые города — центры ремесла и торговли, значительно ускорившие рост производительных сил в феодальном обществе и во многом изменившие его облик. В позднее средневековье на базе медленного, но постоянного роста производительных сил в недрах феодального строя начали формироваться новые капиталистические отношения.

В феодальном, как и во всяком классовом, обществе на всех этапах его развития шла упорная, повседневная классовая борьба крестьянства с феодалами, которая во второй и

третий периоды средних веков принимала часто форму массовых крестьянских восстаний. И хотя эти восстания обычно терпели поражения, они немало способствовали некоторому ослаблению феодальной эксплуатации, а следовательно, и дальнейшему развитию производительных сил. Во второй период средних веков горожане вели упорную борьбу с феодальными сеньорами. Сами города становились часто ареной ожесточенной социальной борьбы массы цеховых ремесленников с городским патрициатом, а затем и борьбы городских низов (плебейства) против купеческой и цеховой олигархии. В позднее средневековье массовые антифеодальные крестьянские и плебейские восстания являлись уже составной частью ранних буржуазных революций и сыграли решающую роль в ниспровержении феодального строя.

Социально-экономический строй феодального общества и порождаемая им классовая борьба определили характер и функции политической, правовой и идеологической его надстройки. Государство, право, официальная религия и церковь в средние века стояли на страже интересов феодалов и были враждебны массам народа.

Феодальное государство в разные периоды выступало в разных формах: в раннефеодальный период — в форме крупных, но непрочных государственных объединений (подобных империи Карла Великого); затем в X—XII вв. — в виде мелких политических образований — княжеств, герцогств, графств и т. п., совершенно самостоятельных или лишь номинально объединенных под властью слабого короля (так называемый период феодальной раздробленности); в XIII—XV вв. во многих странах идет процесс централизации государства, которое постепенно принимает форму сословной монархии, где уже относительно сильная королевская власть сочетается с наличием сословно-представительных собраний; наконец, в позднее средневековье феодальное государство принимает свою последнюю, наиболее централизованную форму — абсолютной монархии. Но независимо от формы феодальное государство всегда сохраняло классовый характер. В этом государстве «господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно».

Феодальное право, зафиксированное либо обычаями, либо королевским законодательством, закрепляло и освящало монополию земельной собственности феодалов, часто их права на личность крестьян, на судебную и политическую власть над ними. Большую роль в укреплении господства феодалов в странах Западной и Центральной Европы играла католическая церковь, в Византии — православная. Церковь с помощью христианской религии освящала феодальный строй «божественным» авторитетом, внушала народным массам смирение и беспрекословное повиновение эксплуататорским классам, утешая их надеждой на «воздаяние» на том свете, вела жестокую борьбу с антифеодальными народными движениями и ересями, со всяким проявлением свободомыслия.

Средневековье отделено от нашего времени многими столетиями развития общества и рядом революций. Казалось бы, в современном мире история средних веков представляет лишь чисто академический интерес. Однако и в наши дни изучение эпохи феодализма имеет большое теоретическое и практическое значение. Без знания истории этого отдаленного многовекового периода, через который прошли почти все народы, нельзя понять общие закономерности возникновения, развития и гибели формаций, основанных на эксплуатации человека человеком, и неизбежность установления на земле самого справедливого общественного строя — коммунизма.

Не менее важно и то, что корни многих явлений и отношений современности уходят в далекое средневековое прошлое, когда начали складываться основные классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат — и образовалось большинство народностей и государств современной Европы. К этому периоду относится зарождение национальной культуры и национального характера этих народов, начало складывания наций, окончательно оформившихся уже в эпоху капитализма, первые шаги колониализма,

который рушится теперь на наших глазах. От массовых крестьянских и городских движений средневековья, от первых буржуазных революций ведут свое начало революционные традиции народов, опыт их борьбы против национального угнетения и духовной диктатуры церкви. Не зная того, как именно сложились исторически все эти социальные и политические отношения, невозможно глубоко понять настоящее и перспективы развития той или иной страны.

Не зная природы феодализма и общих закономерностей развития этой формации, невозможно с научных позиций рассмотреть современное положение и судьбы таких стран, как, например, Испания, Португалия, Италия, ряда стран Азии — Пакистана, Индии, Ирана, Турции, Сирии, Ирака, многих стран Африки и Латинской Америки, где еще сильны пережитки феодализма.

Одним из главных пережитков средневековья является католическая церковь. Выросшая на феодальной почве и приспособившаяся затем к капиталистическим отношениям, она до сих пор отравляет сознание народных масс идеей смирения и покорности, отвлекая их от революционной борьбы и прилагая все силы к сохранению капиталистического строя. Для того чтобы бороться с ее влиянием, необходимо знать ее прошлое. Знание средневековой истории важно и для борьбы со всякой религиозной идеологией.

Об актуальности изучения истории средних веков свидетельствует и то, что вокруг ее основных проблем до сих пор идет острая идеологическая борьба между историками-марксистами и буржуазными историками, многие из которых открыто выступают как идеологи империализма. Современная реакционная буржуазная историография, всячески извращая историю средних веков, пытается доказать извечность частной собственности на землю, отрицает существование в истории человечества общинных отношений, возводит эксплуатацию человека человеком в непреложный «закон природы», отрицает наличие классовой борьбы при феодализме. Многие буржуазные историки отстаивают тезис об исконности и вечности капитализма, о церкви как единственной и истинной носительнице культуры в средние века. Серьезное знание конкретной истории и основных закономерностей развития феодального общества дает в руки историков-марксистов убедительные научные аргументы против подобных концепций, извращающих историю средневековья.

Острая принципиальная борьба с реакционной буржуазной историографией является задачей первостепенной важности для советской медиевистики с момента ее возникновения после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Опираясь на материалистическое понимание всемирно-исторического процесса, раскрытое в трудах основоположников марксизма-ленинизма, непрерывно обогащая его научным анализом явлений общественной жизни, особенно освободительной борьбы трудящихся всех стран против капиталистического строя, опыта социалистического и коммунистического строительства в СССР и в зарубежных социалистических странах, советские историки смогли по-новому подойти ко многим узловым проблемам средневековой истории.

Оценивая историю средних веков как эпоху господства феодальной социально-экономической формации, они всегда проявляют особый интерес к экономической и социальной жизни средневековья, в частности к истории непосредственных производителей феодального общества — крестьян и ремесленников. В отличие от буржуазных ученых советские медиевисты видят в экономических и социальных отношениях не один из многих факторов исторического процесса, а его — определяющую основу. Пристальное внимание они проявляют к истории классовой борьбы этой эпохи, стремясь выяснить ее конкретные причины и проявления на каждом этапе, а также то воздействие, которое она оказывала на разные стороны жизни феодального общества. Занимаясь изучением средневекового государства и права, культуры и идеологии, советские историки-марксисты видят свою задачу не только в том, чтобы выяснить и

охарактеризовать специфические черты этих надстроечных явлений, но и установить часто очень сложную и опосредованную их связь с базисом феодального общества и его эволюцией.

В области методики исследования советские медиевисты отличаются иным, чем у буржуазных историков, подходом к историческим источникам. За юридической оболочкой законодательных памятников, актов, а также в повествовательных источниках они стремятся вскрыть глубокие социальные процессы, рассматривают каждый источник не в статике, а в определенной исторической перспективе. Это дает возможность при анализе источника выявлять не только господствующие на данном этапе феодализма отношения, но и пережитки старого и новые, только зарождающиеся тенденции. Широко пользуясь статистическим методом, советские медиевисты не считают его самоцелью и, применяя количественный анализ, исходят прежде всего из качественной оценки исследуемых явлений. Подходя исторично к терминологии источников, они видят отражение эволюции социальных и политических институтов феодального общества в изменении реального содержания одних и тех же терминов.

Марксистско-ленинская методология истории, на которую опираются советские историки-медиевисты, и новые методические приемы позволили им внести значительный и полезный вклад в разработку многих проблем истории средних веков. Был создан ряд ценных исследований: по истории генезиса феодализма, по вопросам аграрной эволюции разных стран Европы во второй период истории средних веков, по истории средневекового города и его взаимосвязей с деревней, по проблемам генезиса капитализма в Европе, по истории феодального государства на разных этапах его развития, по истории классовой и идейной борьбы в эту эпоху во всех ее проявлениях. Многочисленные исследования советских медиевистов послужили конкретно-историческим фундаментом для построения марксистско-ленинской концепции истории средних веков в Западной, Центральной Европе и Византии, положенной в основу данного учебника.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ (V-XV вв.)

История феодального общества Западной Европы отражена в многочисленных источниках, преимущественно письменных. Для изучения начальной стадии феодализма важны археологические памятники, а также памятники архитектуры, искусства, монеты и пр., дающие ценные сведения по истории средневекового сельского хозяйства, ремесла, строительства, денежного обращения и т. п.

Средневековые письменные источники распадаются на несколько видов: документальные материалы (публичные акты, частные акты, документы хозяйственного характера, административные, финансовые, военные и т. п. документы государственной власти), юридические памятники («правды», т. е. записи обычного права германских и других народов, кодексы гражданского, уголовного и церковного права, отдельные законы и указы, городские хартии, судебные протоколы, юридические трактаты), повествовательные источники (анналы, т. е. летописи, хроники, биографии, жития святых, переписка неофициального характера, публицистика), фольклор, литературные произведения и пр.

Документальные и юридические источники, как правило, дают обильный материал по истории хозяйства, социальных и правовых отношений. Повествовательные источники содержат преимущественно данные для политической истории.

Из всех типов источников документальный материал обладает наибольшей достоверностью. В повествовательных источниках в большей степени, нежели в документах и правовых памятниках, события отражены сквозь призму сознания их авторов. Поэтому источникам этого типа присуща субъективность восприятия, иногда сознательное умолчание о тех или иных фактах или даже намеренное их искажение.

Образование на территории Западной Римской империи варварских государств и складывание феодального строя потребовали письменного оформления обычаев, действовавших у германских народов, и принятия законов, регулировавших их отношения с покоренным населением. Поэтому уже в V в. у германских народов, поселившихся на территории бывшей империи, возникли писанные законы; для начальной стадии становления феодализма они являются единственными письменными источниками, отражающими социально-экономические отношения. Будучи по своему назначению судебниками, т. е. перечнем штрафов и других наказаний за различные преступления и проступки, эти записи обычного права дают богатый и чрезвычайно ценный материал для исследования уровня производительных сил, форм собственности, начинающейся социальной дифференциации, пережитков общинно-родового строя, форм судебного процесса и т. д. в период зарождения феодального строя.

Такие же писанные законы возникли затем у германских и кельтских народов Северной и Центральной Европы, не знавших рабовладельческого строя и римского владычества. Процесс разложения общинно-родового строя и складывания феодализма проходил у некоторых из этих народов медленнее, поэтому запись законов была осуществлена позже — в VIII—IX вв., а у скандинавских народов еще позднее — в XII—XIII вв.

На русском языке большинство этих правовых памятников называют «правдами» по аналогии с названием «Русской правды». Их обычное латинское наименование (большая часть написана на латыни) — *lex* (т. е. закон) в добавлении названия племени или народа (например, *lex saxsonum*, *lex frisiorum*). Собираательно их называют обычно «Варварские правды» («*Leges barbarorum*»). Они представляют собой запись уже существовавших правовых норм, постепенно выработавшихся в процессе развития общества (так называемое обычное право). Однако даже в самых ранних редакциях «правд» нормы обычного права при их фиксации подвергались некоторым изменениям под воздействием королевской власти. С течением времени «правды» изменялись и дополнялись в соответствии с развитием феодального строя; на этой стадии народ уже не принимал участия в

законодательстве. Крепнувшая государственная власть издавала законы, изменявшие отдельные положения «правд».

Текст «правд» обычно очень сложен по своему составу вследствие позднейших наслоений, вставок, многочисленных редакций (т. е. вариантов). До нас дошли Вестготская, Бургундская, Салическая, Рипуарская, Алеманнская, Баварская, Саксонская, Фризская, Тюрингская и англосаксонские «правды». Запись обычного права лангобардов называется «Эдикт Ротари». Особого внимания заслуживает «Салическая правда» (закон салических франков), в своей старейшей редакции начала VI в. наиболее близкая к древнегерманским обычаям. Важнейшим источником для изучения аграрного строя Византии VIII в. является «Земледельческий закон», представляющий собой свод византийско-славянского обычного права, по ряду своих черт напоминающий «правды» германских народов.

До нас дошла лишь малая часть реально существовавших документальных материалов раннего средневековья. Кроме того, сама общественная жизнь того времени ограничивалась сравнительно узкой областью отношений, требовавших официального закрепления в документах. Постановления королевского суда (местные суды еще не фиксировали свои решения), акты дарений, купли-продажи и обмена земли, завещания, акты, закреплявшие отношения зависимости, — основные типы раннефеодальных грамот. Наряду с ними существовали еще сборники формул, т. е. образцов типичных грамот, по которым писались реальные документы различного содержания, дающие представление о всех типах совершавшихся сделок, но в абстрактной форме, без упоминания имен, дат, конкретных описаний земель и т. п. VIII—IX вв. в монастырях возникают полиптики, т. е. описи поместий (например, составленный в начале IX в. подробный полиптик Ирминона, аббата Сен-Жерменского монастыря под Парижем), и картулярии, т. е. сборники грамот и других документов, обычно в копиях. В это же время появляются инструкции по управлению крупными поместьями. К последним относится, например, «Капитулярый о поместьях» («*Capitulare do villis*») Карла Великого, составленный около 800 г. Полиптики, картулярии, инструкции дают представление об организации крупного феодального землевладения, формах эксплуатации зависимого населения, основных типах зависимости крестьян.

В империи Карла Великого появляется обширное и разнообразное королевское законодательство — капитулярии (названные так потому, что текст разделяется на капитулы, т. е. главы). В Византии издание императорских указов не прерывалось со времени поздней Римской империи.

Источниками по политической и отчасти социальной истории раннего средневековья являются анналы и «истории» отдельных народов. Анналами (лат. — *annales* от *annus* — год) назывались в Западной Европе летописи. Унаследованные от Рима, они появились в монастырях с VI в. и имели форму кратких заметок на пасхальных таблицах, в которых на несколько лет вперед были указаны дни празднования подвижного церковного праздника пасхи. Первые записи появились вначале против отдельных лет, при этом далеко не каждый год отмечался каким-нибудь событием; затем записи стали более частыми, а с конца VII в. — ежегодными. К VIII—IX вв. относятся анналы более широкого территориального охвата, составлявшиеся при королевских дворах: «Королевские анналы» при дворе Карла Великого, «Англосаксонская хроника» при дворе короля Альфреда в Англии.

Наряду с анналами в странах Западной Европы с VI в. появились «истории» отдельных германских племен, расселившихся в провинциях бывшей Римской империи. В них содержатся предания о предках, о переселениях, о первых герцогах и королях, народные песни, саги, а также гораздо более подробные, чем в анналах, известия о первых веках истории отдельных германских народов: «О происхождении и деяниях готы» Иордана, «История готы» Исидора Севильского, «История франков» Григория Турского, «История лангобардов» Павла Дьякона, «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного и т. д. Ценные сведения по политической истории содержат также появившиеся с IX в.

биографии государей, епископов и других крупных феодалов, среди которых широкую известность получила «Жизнь Карла Великого» Эйнгарда.

Особую ценность имеют повествовательные источники этого периода в Византии. Авторы византийских исторических сочинений — высшие сановники или монахи — широко используют античные историографические традиции и, обладая более широким политическим кругозором, чем историки Запада, дают в своих трудах историю не только Византии, но и соседних с ней народов. Наибольшую известность получили труды историка VI в. Прокопия Кесарийского, посвященные событиям правления императора Юстиниана. Позднее в X в. развитие производительных сил нашло отражение в византийском трактате «Геопоника», где собрано много данных по сельскому хозяйству. К X в. относится и важный источник по истории византийского города — «Книга Эпарха» — собрание правительственных распоряжений, регулировавших организацию ремесла и торговли в Константино-поле. Книга дает ценные сведения о хозяйственной жизни и цеховом строе византийской столицы.

Важный исторический источник раннего средневековья представляют собой жития святых. В них, несмотря на обилие легендарного материала, сохранились многие черты народной жизни и ценные сведения по истории церкви, о росте ее землевладения, о быте, нравах, идеологии, чаяниях и верованиях народных масс.

Для изучения истории культуры раннего средневековья первостепенное значение имеют памятники народной поэзии: ирландские, исландские, скандинавские саги и англосаксонский эпос. Древний эпос других германских народов дошел до нас, как правило, в позднейших переработках, но и они содержат много интересных данных.

На территории бывшей Западной Римской империи правовые и повествовательные источники раннего средневековья писались по латыни. Но, как правило, это был не литературный латинский язык, а народные провинциальные диалекты, усвоенные германскими народами. В Англии, Ирландии и Исландии законы и некоторые исторические труды писались на народном языке, так как латинский язык был чужд кельтам и англосаксам и оставался в этот период в значительной степени языком церкви. В империи Карла Великого язык анналов и особенно исторических произведений был ближе к литературному латинскому языку, понятному лишь духовенству и отчасти знати, но для народа он становился все менее понятным, так как народные языки все более отходили от латыни. Византийские источники, документальные и повествовательные, были написаны на греческом языке, которым пользовалось большинство населения.

Период развитого феодализма характеризуется значительным прогрессом в жизни народов Европы. Появились города, начали складываться национальные государства, зарождалась национальная культура. Все это способствовало количественному росту источников, их многообразию и появлению новых видов.

Рост производительных сил в XI—XV вв. прослеживается уже не только по археологическим данным и по косвенным свидетельствам документов и анналов. В XIII в. в Западной Европе был составлен ряд сельскохозяйственных трактатов; от XIV—XV вв. до нас дошли трактаты по торговому делу, по сукноделию. Очень ценными источниками по истории городского ремесла являются цеховые статуты. На миниатюрах рукописей, на барельефах и витражах соборов и ратушей, на коврах сохранилось много изображений сцен ремесленного и сельскохозяйственного труда: косьбы, жатвы, молотьбы, приготовления вина и масла, ткачества, строительства.

Картина феодальных производственных отношений отражена в разнообразных документах. Грамоты, описи поместий, списки крестьянских повинностей являются основными документами для аграрной истории XI—XII вв. К сожалению, основная масса этих документов дошла до нас не в подлинниках, а в копиях или в виде резюме, вписанных в картулярии.

В связи с развитием товарно-денежных отношений в XIII—XV вв. появились новые виды документов: акты, оформлявшие различные земельные сделки (куплю-продажу, залог

и аренду земли, залог и продажу земельной ренты и т. п.), установление фиксированных крестьянских повинностей, выкуп крестьян из крепостного состояния и т. п. Большая часть этих документов также сохранилась в копиях — в форме нотариальных минут (т. е. кратких записей о содержании сделки) или же в составе городских и сеньориальных регистров. Важный материал по аграрной и социальной истории Англии XI—XIII вв. дают земельные переписи — результаты правительственных расследований. Наибольший интерес среди них представляют «Книга Страшного суда», составленная в Англии в 1086 г. и являющаяся переписью почти всех землевладений, населенных пунктов, включая города, и населения страны, а также . «Сотенные свитки» 1279 г. — сплошная опись земельных владений некоторых графств Центральной Англии. Для Германии характерно появление в XIII в. «Марковых уставов», т. е. записей обычного права, в которых фиксировались общинные распорядки, а иногда также повинности крестьян в пользу феодалов.

В странах, где и при развитии товарно-денежных отношений феодалы продолжали в значительных масштабах вести барское хозяйство, большое значение приобрели в XIII в. описи поместий (экстенты в Англии, урбарии в Германии и других странах), отчеты управляющих, счета, инструкции и т. д. Эти источники дают порой возможность даже производить более или менее точные статистические подсчеты.

Развитие городов вызвало к жизни городские хартии и статуты, регулировавшие внутригородскую организацию и отношения городов с сеньорами. В XIII в. впервые стали записываться уставы, определявшие внутреннее устройство цехов. Среди источников такого рода выделяется составленная в Париже около 1268 г. «Книга ремесел» — свод 100 цеховых статутов. Начиная с XIV в. в городах появляется большое число актов, оформлявших дарения, куплю-продажу, завещания, брачные контракты, закладные и долговые обязательства, кредитные документы и т. п. В тех странах, где еще в XIV—XV вв. появились зачатки капиталистических отношений, например в Италии, в крупных компаниях уже ведутся торговые книги.

Для периода XIII—XV вв. характерны записи феодального обычного права («Зеркала» в Германии, «Кутюмы» во Франции, «Фуэрос» в Испании, «Иерусалимские ассизы» в государстве крестоносцев и т. д.), что отразило перемены, происходившие в социально-экономическом развитии тех или иных стран. В этих документах, составленных, как правило, судьями, оформлялось право, действовавшее в пределах более или менее крупных областей и регулировавшее отношения феодальной собственности на землю, судопроизводство, взаимоотношения отдельных сословий, вассальные связи и имущественные отношения внутри класса феодалов, а также оброчные денежные отношения между крестьянами и земельными собственниками. В Византии вследствие сохранения централизованного государства и законодательства, а также в силу длительного господства римского права юри-дические сборники представляли собой руководства для юристов в форме изложения отдельных судебных случаев (сборник «Пира» XI в. и др.).

В XIII—XV вв. в городах оформилось свое собственное городское право, построенное в значительной степени на нормах римского права.

В государствах с крепнувшей центральной властью в это же время развивалось королевское законодательство (ордонансы — во Франции, статуты и ордонансы — в Англии), внесшее известное единообразие в сферу судопроизводства и обеспечившее нормальные условия для развития торговли и промышленности. Для Византии характерно непрерывное развитие императорского законодательства. Особо следует отметить появление в середине XIV в. в Англии, Франции, Испании, Италии, Нидерландах так называемого рабочего законодательства, устанавливавшего рабочий день и фиксировавшего заработную плату появившихся в то время наемных рабочих.

Все эти правовые памятники, а также протоколы (регистры) судебных учреждений начиная с XIII в. становятся вместе с документами хозяйственного, финансового и административного характера важнейшими источниками по истории имущественных и

социальных отношений. Они обрисовывают также управление, суд, полицию и финансы феодального государства.

Важнейшими источниками для политической истории X—XV вв. являются анналы и хроники. В феодально раздробленной Европе X—XII вв. анналы велись в отдельных, довольно многочисленных центрах летописания — монастырях и других церковных учреждениях. Одновременно появляются хроники, в которых в отличие от анналов дается связанное и порой очень подробное изложение событий в хронологической последовательности, но с отступлениями, вставками, сопоставлениями и т. п. Анналы носят безличный характер. В хрониках же отчетливо проявляются личность автора, его интересы, симпатии, литературный стиль; это уже авторские произведения. Хроники X — XII вв., особенно XIII в., по кругу своих интересов и по своим политическим тенденциям шире анналов. Крестовые походы, рост городов и их политической роли, расширение экономических, политических и культурных связей — все эти новые явления нашли отражение в хрониках.

В XIII в. (а во Франции и в Италии с XII в.) с ростом городов появляются городские анналы, которые с самого начала имели иной, светский характер и другие политические задачи. Для них характерны антифеодальные тенденции, выработавшиеся в длительной борьбе городов с сеньорами, ясное изложение, деловой подход ко всем вопросам. Очень быстро городские анналы превратились в связанные и подробные городские хроники, составлявшиеся преимущественно городскими должностными лицами. Эти хроники, особенно многочисленные в Италии и Германии, представляют собой важнейший источник для истории городов и один из главных источников для политической истории этого периода.

В Англии, Франции, Испании и в других странах появились своды «королевских хроник» (например, «Большие французские хроники», «Сент-Олбанские хроники» в Англии), в которых под пером сменявших друг друга хорошо осведомленных авторов создавалась история страны, последовательно освещенная с прогрессивной для того времени точки зрения интересов центральной власти. Эти хроники, отразившие начальный этап становления централизованных государств, получили в XIV—XV вв. дальнейшее развитие и широкое распространение, что привело к созданию в XV в. во многих странах исторических произведений национального масштаба.

В отличие от более раннего периода авторами хроник XIII в. были не только монахи, но и светские люди, главным образом рыцари и крупные феодалы, писавшие уже на национальных языках и предназначавшие свои произведения для более широких кругов читателей и слушателей, чем монахи — авторы латинских хроник.

В XIV—XV вв. хроники писались, как правило, королевскими советниками, рыцарями, горожанами или городскими духовными лицами, близкими к горожанам по своим политическим интересам. В центре их внимания стоят длительные войны уже не местного, а европейского масштаба, способствовавшие более отчетливому проявлению национальных интересов и симпатий. За немногими исключениями повествования хронистов о многочисленных народных восстаниях этого времени резко враждебны народу, а факты нередко искажены. На содержание и стиле хроник отразились изменившиеся запросы читателей, круг которых постоянно расширялся. Это способствовало росту количества хроник. Но значение их как исторических источников постепенно уменьшается отчасти потому, что с середины XIV в. увеличивается количество документального материала, который становится основным источником для воссоздания политической истории; отчасти в силу того, что хроники XIV—XV вв., за исключением городских или составлявшихся королевскими советниками, утратили важнейшее качество источника по политической истории — достоверность сообщаемых сведений. Усложнение социальной и политической жизни и начавшееся в это время засекречивание некоторых сторон деятельности государства затрудняло своевременное получение большинством хронистов необходимой информации. Хроники этого периода в массе своей сохраняют большое

значение главным образом как источники для истории общественного мнения, идеологии, культуры и быта, а также для истории языка и литературы той эпохи. Наиболее характерна в этом отношении французская хроника XIV в., принадлежавшая перу «певца рыцарства» Фруассара.

Иной характер имели хроники в Византии. Историографическая традиция там не прерывалась. По-прежнему авторами были близкие к правительству крупные сановники, подражавшие стилю античных историков, или монахи, писавшие на разговорном языке. Гибель почти всего византийского документального материала делает повествовательные памятники основными источниками по политической истории Византии XI—XV вв.

Начиная с XIV в. во всех странах быстро увеличивается число документов, связанных с государственным управлением, дипломатией и т. д., — регистры, счета, отчеты, инструкции, ранее немногочисленные. Теперь эти документы лучше хранятся и регистрируются; сама жизнь вызывает появление все новых и новых документов — протоколов заседаний центральных и местных органов управления, повседневной деловой переписки, многочисленных писем и инструкций руководящих лиц, крупных общественных деятелей и т. д. Ценность этих источников для истории Западной Европы очень велика; это самые надежные исторические источники. Они непосредственно и точно отражают действительность, фиксируют все перемены в политике правительства и вскрывают ее тайные пружины, детально освещают деятельность многих крупных политических и общественных деятелей, надежны в отношении дат, имен и вообще фактического материала. В документальных источниках (главным образом, в судебных протоколах, городских регистрах и т. д.) содержится много ценных сведений по истории классовой борьбы XIV—XV вв.

Особое место занимают источники по истории католической церкви и папства. Главные из них — папские грамоты («апостолические грамоты», с XIV в. обычно называвшиеся буллами (буллой называлась свинцовая печать, подвешенная на шнурке к папской грамоте; это название затем было перенесено и на саму грамоту), и малые грамоты — бреве, издававшиеся по поводу различных конкретных событий); они отражают политику папства в странах Западной Европы. Акты церковных соборов раскрывают католическое вероучение и освещают жизнь церковных учреждений. Церковь и духовенство жили по особому церковному (каноническому) праву, которое в начале XIII в. было сведено в единый кодекс. По истории ересей основными источниками являются богословские трактаты и протоколы инквизиционных судов.

Фонд источников по истории культуры XI—XV вв. чрезвычайно велик и многообразен. Тут и народные песни, баллады, сказки, и городской театр с его мистериями (представлениями на евангельские темы) и фарсами, и богатая рыцарская литература: рыцарские поэтические и прозаические романы, любовная лирика, обработка древних эпических сказаний. Источниками по истории научных знаний в средние века могут служить появившиеся в XII в. философские, медицинские, филологические и другие трактаты. Большой материал по истории средневековой культуры дают архитектурные памятники, а также памятники изобразительного искусства, представленные главным образом миниатюрами в многочисленных рукописях, витражами и скульптурой в соборах.

Глава 2

СУЩНОСТЬ ФЕОДАЛИЗМА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

§ I. ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ ФЕОДАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Центральной проблемой истории раннего и классического средневековья с точки зрения исторического материализма является раскрытие сущности феодализма как способа производства, составляющего фундамент феодальной социально-экономической формации. От того, как тот или иной историк или целая историческая школа трактуют понятие «феодализм», во многом зависит решение узловых проблем истории средних веков и характер общих концепций по истории этого периода.

Термин «феодализм» стал широко употребляться в исторической науке с начала XVIII в. Произошёл он от латинского слова *feodum* — фео́д, которым в средние века во многих странах Западной Европы обозначалось условное, наследственное земельное держание, получаемое вассалом от сеньора за выполнение какой-либо (обычно военной) службы.

Историки эпохи Просвещения, идеологи революционной в то время буржуазии впервые стали рассматривать феодализм как строй, господствовавший в средневековой Европе, и попытались дать его научное определение. Будучи идеалистами в понимании истории, эти ученые трактовали феодализм только как политическую или правовую систему. Главными чертами феодализма некоторые из них (Вольтер— во Франции, Робертсон и Юм—в Англии) считали политическую раздробленность и как следствие ее — господство в средние века папской теократии. Другие, в частности Монтескье и Мабли (во Франции), определяли феодализм как систему фео́дов и феодальной иерархии. Ограниченность такого определения объяснялась отчасти слабой разработкой в то время экономической и социальной истории средних веков, а также тем, что она изучалась преимущественно на материале одной лишь Франции, где вассально-ленная система выступала с особенной четкостью.

Историки-просветители относились к феодализму, как и к средневековому периоду в целом, отрицательно.

Представители разных по своей идейно-политической ориентации направлений романтической историографии первой половины XIX в. в большинстве своем также понимали феодализм как политическую или правовую систему. Идеологи дворянства и реакционного мелкого бюргерства видели главную черту феодализма в политической раздробленности и патримониальной системе управления (Л. Бональд, Ж. де Местр, Ф. Шлегель, К. Галлер). Более серьезные ученые среди них — представители исторической школы права в Германии, например К. Ф. Эйхгорн, а несколько позднее и Л. Ранке, отождествляли феодализм с военно-ленными отношениями и иерархической структурой общества. Близкое к этому определение феодализма было распространено и среди историков буржуазно-либерального толка. Один из них — французский историк Ф. Гизо дал на этой основе определение феодализма, имевшее затем длительное влияние в буржуазной медиевистике. Основными чертами феодализма он считал: 1) условный характер земельной собственности, 2) соединение земельной собственности с верховной властью, 3) иерархическую структуру класса феодальных землевладельцев.

Историки первой половины XIX в. в определении сущности феодализма недалеко ушли от историков эпохи Просвещения, хотя в отличие от них оценивали феодализм как положительное историческое явление: реакционные романтики — потому, что видели в нем свой политический идеал, либерально-буржуазные — потому, что в рамках феодального строя зародились, выросли в борьбе с дворянством предшественники современной им буржуазии в лице «третьего сословия».

Формула Гизо, как и политико-юридическое определение феодализма вообще, игнорировала специфику отношений собственности в феодальном обществе и вытекавших

из них отношений между феодалами и крестьянами. Поэтому, хотя формула Гизо правильно характеризовала социальные отношения, существовавшие внутри господствующего класса феодалов, она также страдала односторонностью и неполнотой, так как не затрагивала сути феодального строя. Акцентируя внимание на второстепенных, хотя и наиболее бросающихся в глаза его чертах, историки начала XIX в. видели в феодализме специфическое западноевропейское явление. Наиболее передовые из буржуазных ученых либеральной и радикальной ориентации (О. Тьерри, Ж. Мишле — во Франции, К. Ф. Шлоссер, В. Циммерман — в Германии) в конкретной характеристике феодального строя подчеркивали его эксплуататорский характер по отношению к крестьянству.

В еще большей степени это относится к зачинателю русской медиевистики, прогрессивному ученому Т. Н. Грановскому. Будучи решительным противником крепостного права, еще существовавшего в тогдашней России, Т. Н. Грановский в своих лекциях, читавшихся им в Московском университете в 40—50-х годах XIX в., хотя и определял феодализм в духе Гизо, но давал яркую, убедительную картину эксплуатации и бесправия крестьянства в средневековой Западной Европе.

Открытое в середине XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории создало основу для подлинно научного, глубокого понимания феодализма. Основоположники марксизма впервые выдвинули материалистическое понимание феодализма как особой социально-экономической формации, существовавшей на протяжении столетий у многих народов мира. Они противопоставили такое понимание феодализма его трактовке как политической и правовой системы и выяснили социальную природу этого строя, закономерности его возникновения, развития и гибели, дали развернутую характеристику его основных черт. В своих работах («Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Анти-Дюринг» и др.) К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокую характеристику феодального способа производства. Научная теория феодализма и ее важнейшая составная часть — учение о феодальной ренте — позднее были развиты и обогащены в трудах В. И. Ленина («К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «О государстве» и др.).

После того как было выдвинуто новое, марксистское понимание феодализма, буржуазная историография уже больше не могла полностью оставаться на старых позициях. Буржуазные ученые в поисках эффективных способов борьбы с растущим влиянием идей исторического материализма пытались дать более глубокие, со-ответствующие, по их мнению, новому уровню развития науки, определения феодализма, которые они могли бы противопоставить марксистскому. Эти поиски отражали также и общие сдвиги, происходившие в середине и второй половине XIX в. в буржуазной исторической науке, в частности ее возросший интерес к экономической и социальной проблематике в условиях быстро развивающегося капитализма. Все эти обстоятельства толкали буржуазных ученых к выявлению социально-экономических признаков феодализма. Такую тенденцию обнаружили уже немецкие буржуазно-либеральные историки 40—70-х годов Г. Л. Маурер, Г. Вайц, П. Рот, О. Гирке и др. Правда, все они в своих попытках определения феодализма были также близки к Гизо. Но именно они впервые на богатом конкретном материале показали, что политико-правовые признаки феодализма имеют своим основанием крупную земельную собственность, сложившуюся за счет постепенной утери ранее свободными общинниками собственности на их наделы и обрабатываемую трудом зависимых людей, в которых постепенно превратились эти первоначально свободные земледельцы. Поэтому Г. Маурер, например, связывал утверждение феодализма с вотчинным строем. Г. Вайц и П. Рот, хотя и понимали процесс феодализации как утверждение бенефициальной, позднее военно-ленной системы, также видели его материальную основу в утере свободными общинниками своей земли и свободы.

Еще дальше в этом направлении пошли многие историки позитивистского толка, полагавшие, что на развитие общества наряду с факторами духовными и политико-правовыми воздействуют и материальные: географическая среда, движение народонаселения, экономические отношения. Последним позитивистские ученые, особенно примыкавшие к так называемому историко-экономическому направлению, придавали нередко весьма значительное, а в некоторых конкретных исследованиях иногда даже первостепенное значение. Поэтому, не-смотря на буржуазную ограниченность и общую антимарксистскую направленность позитивистской методологии истории, ее плюрализм (многофакторный подход к истории, основанный на исходном идеализме), агностицизм, эволюционизм, ученые, примыкавшие к историко-экономическому направлению ближе, чем все их предшественники, подошли к социально-экономической трактовке феодализма.

Значительные заслуги в этом принадлежат так называемой «классической вотчинной теории», широко распространенной в европейской медиевистике последней трети XIX в. Ее создатели и последователи — К. Инама-Штернегг, К. Лампрехт, К. Бюхер и многие другие — в Германии; Н.-Д. Фюстель де Куланж, Е. Глассон, А. Сэ и др. — во Франции; Т. Роджерс, В. Кеннингем, Ф. Сибом и др. — в Англии; М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин и др. — в России — при всех различиях в их взглядах сходились в одном. Все они считали, что экономический фундамент феодального строя и его основную ячейку составляла крупная вотчина, основанная на барщинном труде крепостных крестьян, сидевших на чужой, помещичьей земле, в которой господствовало натуральное хозяйство. Тем самым они характеризовали феодализм не только политико-юридическими, но и социально-экономическими признаками: господством крупного землевладения, натурального хозяйства, барщинной системы, крепостничества.

Такое понимание феодализма, однако, оставалось весьма далеким от подлинно научного, материалистического. Будучи эклектиками и плюралистами, сторонники «классической вотчинной теории» пытались совместить свое понимание феодализма с традиционным, политико-юридическим, что достигалось разными способами. Чаще всего историки этого толка (например, Фюстель де Куланж, Е. Глассон, П. Виолле, А. Сэ — во Франции, Т. Роджерс, Ф. Сибом — в Англии и многие другие ученые) отличали феодализм «в собственном смысле слова» от его экономических предпосылок. Первый они определяли как вассально-ленную систему; вотчинный же, или сеньориальный (в Англии — «манориальный»), строй, крестьянско-сеньориальные отношения, а также натуральное хозяйство они выводили за рамки собственно феодализма, рассматривая его в качестве экономического фона последнего, развивавшегося параллельно этому политико-правовому строю.

Другие историки — позитивисты — включали социально-экономические признаки в характеристику феодализма, но трактовали этот строй как совокупность равноправных факторов: политического, социального, экономического, — не отводя определяющего места ни одному из них. Так смотрели на феодализм К. Лампрехт, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев и некоторые другие. Формулировку Гизо они относили только к политической стороне феодализма; социально-экономическую же сторону они видели в господстве натурального хозяйства и вотчинного строя. Дальнейшим развитием этой концепции феодализма стала в конце XIX — начале XX в. теория «двух феодализмов» — «политического» и «социального» (ее придерживались Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, американский медиевист Дж. Б. Адаме и некоторые другие).

Уязвимой стороной всех позитивистских решений проблемы феодализма было прежде всего то, что выдвигавшие их историки не могли и не хотели признать определяющей роли социально-экономической основы феодального строя — господствующих отношений собственности. Каждый раз, когда они пытались объяснить возникновение этого строя, они отступали даже от теории «равноправных факторов», отдавая предпочтение роли государства, или социально-психологическому фактору.

Наиболее распространенным и среди сторонников вотчинной теории был взгляд, согласно которому главным источником возникновения феодального строя явилась не эволюция отношений собственности и социальной структуры общества, а необходимость для стоящего над обществом, как они считали, государства организовать военные силы страны в условиях натурального хозяйства. Для этого государство вынуждено было создать военно-ленную систему, обеспечив ее функционирование с помощью вотчинного строя. В такой трактовке и сам вотчинный строй выступал в идеализированном виде: вотчина рисовалась как орган классовой гармонии между связанными якобы общими экономическими интересами феодалами и крестьянами. По мнению большинства буржуазных ученых, оба эти класса в равной мере обслуживали государство: феодалы — в качестве военной силы, крестьяне — своим земледельческим трудом.

Таким образом, сторонники классической вотчинной теории игнорировали главное социальное назначение вотчины — организацию эксплуатации крестьянства, выдвигая на первый план ее чисто хозяйственные функции. При этом вотчине необоснованно приписывалась роль единственного носителя и организатора технического и социального прогресса в феодальном обществе, особенно в раннее средневековье.

Но даже эти робкие и непоследовательные попытки расширить прежнее понимание феодализма вызывали протест со стороны значительной части буржуазных медиевистов. В 80-е годы XIX в. традиционная политико-юридическая его трактовка была модифицирована французским историком Ж. Флакком, предложившим понимать феодализм как систему личных связей. Флакк считал, что, хотя в период своего расцвета — в XII—XIII вв. — феодализм представлял собой правовую систему, основанную на «фьедном контракте», т. е. на условных пожалованиях земли, источником этой системы и подлинной ее основой были не поземельные, а личные отношения «верности» и «покровительства» между сеньорами и вассалами. Эти личные отношения, по мнению Флакка, возникали вне всякой связи с земельными пожалованиями, но в силу присущих людям потребности в защите и чувства любви к близким — семье, товарищам, сеньору и ненависти к чужакам. К одной и той же сфере «личных связей» Флакк относил и вассальные связи между феодалами и крестьянско-сеньориальные отношения. Лишь позднее эти личные связи стали дополняться поземельными, которые постепенно, в XII—XIII вв. стали определяющими в феодальном обществе. Такая идеалистическая и слабо аргументированная источниками социально-психологическая трактовка феодализма была направлена прежде всего против материалистического его истолкования, но отчасти и против буржуазной вотчинной теории.

Наступление на нее и на выдвинутое ею понимание феодализма резко усилилось на рубеже XIX и XX вв., что было связано с переходом европейской буржуазии в период империализма на открыто реакционные идейно-политические позиции и следствием этого — началом общего кризиса буржуазной историографии. Последний проявился в отрицании закономерностей исторического процесса и самой идеи исторического прогресса, в отказе считать результаты исторического познания отражением исторической действительности и т. д. Кризис буржуазной историографии неотделим от тщетных попыток реакционных историков опровергнуть материалистическое понимание истории, в особенности идею о решающей роли народных масс, классовой борьбы и революций в истории.

Выражением кризиса буржуазной исторической мысли было появление в медиевистике так называемого критического направления. Оно возникло в Германии, но затем распространилось в других европейских странах. Его представители, открыто выступая против исторического материализма, обвинили историков позитивистского толка в «пособничестве» материализму и марксизму и потребовали пересмотра всех выдвинутых позитивистами представлений и концепций. Сторонники «критического» направления стремились всемерно умалить значение экономического и социального факторов в истории, утверждали примат государства, политики и права в ее развитии. Они вновь стали трактовать феодализм как чисто политическую систему, отвергая даже его определение как

вассально-ленного строя. Основатель «критического» направления в Германии Г. фон Белов, а позднее один из виднейших его представителей — австрийский медиевист А. Допш считали феодализм «системой управления», главную, характерную черту которой видели в «отчуждении верховной власти» представителями «местных властей», т. е. в политической раздробленности. Эта феодальная система управления не связывалась ими ни с какими экономическими предпосылками: ни с вотчинным строем, ни с натуральным хозяйством. Господство последних в средние века они вообще отрицали. А. Допш, идя еще дальше, вообще считал вотчину предприятием «капиталистического типа». По его схеме выходило, что в средние века «феодализм» как политическая система сочетался с «вотчинным капитализмом» в качестве экономической основы общества.

В 20-е годы к этой точке зрения присоединился Д. М. Петрушевский, отказавшись даже от теории «двух феодализмов». Многие историки «критического» направления, например известный английский медиевист Ф. Мэтланд, вернулись к определению феодализма как правовой системы, основанной на условном землевладении и вассалитете.

В первые десятилетия XX в. лишь немногие буржуазные медиевисты сохраняли традиции более комплексного понимания сложного и многостороннего подхода к феодализму. Так, известный бельгийский медиевист Анри Пиренн (1862—1935) продолжал придерживаться концепции, близкой к теории «двух феодализмов», и критиковал с этих позиций Допша. Не принимал чисто политического понимания феодализма и выдающийся французский медиевист Марк Блок (1886—1944). Еще в 20-е годы он решительно выступил против концепции А. Допша. В 1929 г. Блок стал одним из основателей журнала «Анналы экономической и социальной истории», вокруг которого сложилась одна из наиболее плодотворных школ в современной буржуазной медиевистике.

В своих работах 30-х — начала 40-х годов М. Блок продолжал развивать традиции многопланового изображения и понимания феодального строя, наметившиеся еще у отдельных представителей позитивистской медиевистики. Он мыслил феодализм как единый общественный строй, определяемый условиями существования данного общества. Социальные признаки этого строя он видел не только в вассальных связях внутри класса феодалов или политической структуре, но и в крестьянско-сеньориальных отношениях, которые, как и вотчинный строй в целом, считал неотъемлемым, органическим элементом феодализма. Однако, оставаясь на плюралистических методологических позициях, М. Блок был непоследователен и противоречив в развитии этой точки зрения. Он утверждал, в частности, что вотчина, или «сеньория», во Франции и других западноевропейских странах возникла задолго до феодализма «в собственном смысле слова», имея в виду систему ленного права. Иными словами, М. Блок, критиковавший позитивистских историков за их факторный подход, сам, по сути

дела, возвращался к эклектической теории двух феодализмов. Другое противоречие его взглядов проявлялось в том, что, отводя в определении феодального строя столь большую роль крестьянско-сеньориальным отношениям, Блок отрицал их решающее для всей структуры общества значение. Решающим же фактором, определявшим, в конечном счете, все стороны феодального строя, он, подобно Ж. Флакку, считал систему личных связей всеобщей зависимости и покровительства, в которой видел выражение социально-психологических мотивов и представлений, порожденных примитивностью жизненного уклада, быта и мышления эпохи раннего средневековья. Поэтому, хотя М. Блок сделал очень много для изучения и понимания целостной картины развития феодального общества во Франции и вообще в Западной Европе, его концепция феодализма в целом оставалась противоречивой и эклектичной.

В современной буржуазной медиевистике нет единого понимания сущности феодализма. Подавляющее большинство ученых придерживаются традиционной политико-юридической трактовки этого термина. Часть из них смотрят на феодализм крайне узко, как на вассально-ленную систему или даже только специфическую военную организацию, возникновение и функционирование которой объясняется исключительно

потребностями военной защиты и не связано с развитием вотчины и даже государства. Наиболее типичны в этом плане взгляды Ф. Гансхофа (Бельгия), Ф. Стентона (Англия), К. Стефенсона, Р. С. Хойта, К. В. Холлистера (США). Феодализм они считают специфически западноевропейским явлением. Другая группа историков, видящих в феодализме политико-правовой институт, хотя также считает вассально-ленные связи главной характерной чертой феодального общества, трактует, однако, это понятие в духе «критического» направления, как форму государства. По мнению этих ученых, такая форма управления возникала в разное время у разных народов в результате военного завоевания или захвата власти узкой общественной группой в переходные периоды распада старых политических и экономических систем.

Феодализм, таким образом, рассматривается как временное средство оздоровления прогнившей системы, функционирующее, пока не сложится новая, более совершенная система. Феодализм для них — это не закономерный и прогрессивный этап в развитии общества, а лишь случайный результат политического развития. Наиболее отчетливо эта концепция выразилась в сборнике статей американских медиевистов «Феодализм в истории», изданном в 1956 г. под ред. Р. Кулборна. Близки к ней в своем большинстве и западногерманские историки, которые, однако, вносят в нее свои нюансы. Так, Г. Миттайс видит в феодализме «ленное государство», основанное на «ленном праве», социально никак не обусловленное и складывающееся там, где возникает потребность «политически организовать» обширное пространство при отсутствии развитых экономических связей. Разделяющий эту точку зрения О. Бруннер особенно настойчиво подчеркивает, что могущество господствующего класса в «ленном государстве» целиком вытекало из политических функций его представителей и никак не было связано с их богатством, в том числе земельным. Сторонники такой государственно-правовой концепции феодализма допускают существование последнего не только в Западной Европе, но и в других регионах мира и даже пытаются рассматривать его в сравнительно историческом или типологическом плане (например, в упоминавшемся сборнике «Феодализм в истории»). Однако все они не считают феодализм обязательной всемирно-исторической стадией в развитии человечества.

Наряду с разными вариантами политико-юридической трактовки феодализма в современной буржуазной историографии существует и более широкое его понимание. Его продолжают развивать последователи М. Блока, историки школы «Анналов», преимущественно во Франции и Бельгии. Все они (например, Р. Бутрюш, Ш. Перрен, Ж. Дюби и др.) придают большое значение крупному землевладению, сеньории и крестьянско-сеньориальным отношениям в функционировании феодализма как единой системы. Это дает им возможность вести плодотворные исследования, в том числе и сравнительно-исторического характера, в области аграрной и социальной истории средневековья. Некоторые из них считают феодализм «универсальным строем», фазой общественного развития если не всех, то многих народов. Но при всем том ученые этой школы, как и М. Блок, отрывают во времени процесс складывания феодализма как леной системы от формирования сеньориального строя, которое уводят в седую древность. Некоторые из них, например Р. Бутрюш, вообще разделяют понятие «феодализм» (под которым понимают вассально-ленную систему) и «сеньориальный режим», как это делали в свое время сторонники теории двух феодализмов. Ж. Дюби идет еще дальше. Под феодализмом как таковым он понимает политическую и идеологическую систему, основанную на господстве класса феодалов, которое вытекает не из их экономического богатства и могущества, не из их положения крупных землевладельцев, а из политических функций, переданных им государством в процессе отчуждения государственного суверенитета. Выросшие на этой политической почве идеи и представления о личной верности и покровительстве, считает Дюби, формируют социальную и экономическую структуру феодального общества — сеньориальный строй. Таким образом, Ж. Дюби, в конечном счете, также тяготеет к трактовке феодализма как политической системы.

Отрывая феодализм от «сеньориализма», он выдвигает на первый план значение личных связей в происхождении последнего.

При всем видимом разнообразии взглядов о природе и сущности феодализма, бытующих в современной буржуазной историографии, ей свойственны и некоторые общие черты. Это прежде всего нежелание признать определяющую роль экономической и социальной основы в понимании сущности феодального строя. Ей отводится роль или второстепенного, производного, или в лучшем случае равноправного элемента в этом строе. В противовес этому подчеркивается большое, а в конечном счете решающее значение политической и правовой структуры феодального общества. В современной буржуазной медиевистике все более усиливается тенденция (восходящая, впрочем, еще к концу XIX — началу XX в.), акцентирующая внимание на специфическом социально-психологическом настрое людей средневековья. Феодализм все чаще трактуется как система «личностных», договорных связей (внутри класса феодалов, а также между феодалами и крестьянами), которые и определяют якобы всю экономическую социальную и политическую жизнь общества при этом строе.

Советская медиевистика, стоящая на позициях исторического материализма, вкладывает в понятие феодализма иное содержание, отличное от всех трактовок буржуазной историографии. Как было уже показано во введении, советские историки понимают феодализм как социально-экономическую формацию и считают определяющими те его черты, которые характеризуют лежащий в основе этой формации феодальный способ производства: преобладание аграрной и натурально-хозяйственной экономики, господство крупной земельной собственности в сочетании с мелким хозяйством наделенных земель, но лишенных права собственности на эту землю крестьян, эксплуатируемых крупными землевладельцами и находящихся в более или менее тяжелой личной поземельной зависимости от них.

Советские медиевисты отмечают также такие важные признаки феодализма, как наличие вассально-ленной системы, значительную роль личных связей и частного права при этом строе, условный характер феодальной собственности и связь последней с политической властью, наконец, как следствие этого — политическую раздробленность на некоторых этапах истории феодализма.

Однако в отличие от концепций буржуазных историков советские медиевисты считают политико-юридические признаки не главными и определяющими, а второстепенными. Источник всех этих явлений они видят в господстве феодальной собственности и в антагонистических отношениях, лежащих в основе всей экономической и социально-политической структуры феодализма. В частности, большая роль личных связей в ту эпоху, как считают советские ученые, в своем большинстве, была одним из проявлений того экономического факта, что непосредственные производители — крестьяне — сидели на земле феодала, но вели самостоятельное хозяйство, и принудить их к уплате ренты можно было только с помощью личного внеэкономического подчинения феодалу. Личные отношения внутри господствующего класса определялись условным характером феодальной земельной собственности, который вытекал из монопольного права феодалов на эту собственность. На этой почве сложилась и иерархическая структура класса землевладельцев, также вызванная потребностью сплочения этого класса перед лицом эксплуатируемого и враждебного феодалам крестьянства.

В политико-юридических признаках феодализма с точки зрения советских ученых неправильно видеть основу феодализма еще и потому, что не во всех странах и не во все периоды средневековья эти признаки были выражены одинаково четко, а следовательно, носили не всеобщий характер. Это, в первую очередь, относится к вассально-ленному строю, который даже в Западной Европе играл сколько-нибудь значительную роль только в XI—XIII вв., тогда как феодализм как социально-политическая система просуществовал еще много столетий. Так же обстоит дело и с политической раздробленностью, которая была характерна лишь для сравнительно короткого этапа в истории феодального общества:

у большинства европейских народов уже в XIII—XV вв. феодальная раздробленность сменяется разными типами сословной, а позднее абсолютной монархии.

Находя подлинную основу феодализма в характерных для этого строя экономических и социальных отношениях, советская медиэвистика придает этому понятию всемирно-исторический характер, видит в феодализме закономерный прогрессивный этап в истории большинства народов мира на пути от рабовладельческого или первобытнообщинного строя к капиталистическому. Рассматривая феодализм как антагонистическую социально-экономическую формацию, советские историки иначе, чем буржуазные, трактуют и роль в ней феодальной вотчины.

Создатели и виднейшие представители советской медиэвистики — Е. А. Косминский, А. Д. Удальцов, Н. П. Грацианский, С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин своими исследованиями прочно утвердили марксистский взгляд на феодальную вотчину как по преимуществу социальную организацию, главной целью которой была наиболее эффективная эксплуатация крестьянства. В отличие от буржуазной вотчинной теории, изображающей феодальную вотчину как орган социальной гармонии, советские ученые раскрывают наличие в пей острых классовых конфликтов на всех этапах ее развития. При этом они подчеркивали, что прогресс в сельском хозяйстве при феодализме был связан, в первую очередь, не с вотчиной, а с крестьянским хозяйством, в котором раньше и быстрее развивались новые приемы земледелия, повышалась производительность труда. Признавая значительную роль вотчины как социальной организации в структуре феодального общества, советские медиэвисты не считают, что ею исчерпывалась вся его социальная и хозяйственная жизнь. Большое внимание они уделяют развитию производительных сил в крестьянском хозяйстве, а также судьбам крестьянства, формам его эксплуатации, его антифеодальной борьбе на всех этапах истории феодализма.

Признавая натурально-хозяйственные основы феодальной экономики, историки-марксисты не считают, однако, полное и повсеместное господство натурального хозяйства определяющим признаком феодального строя, как полагали некоторые буржуазные ученые. Советские медиэвисты (Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, А. В. Конокотин и др.) в своих конкретных исследованиях убедительно показывают, что на определенном этапе развития феодального общества (с XI—XII вв. в Западной Европе), когда быстро растут города, торговля и товарно-денежные отношения становятся неотъемлемым органическим элементом экономической жизни и постепенно широко охватывают феодальную деревню. Товарно-денежные отношения вносят определенные изменения в социальную и хозяйственную жизнь феодального общества, в структуру вотчины, в положение крестьян и в их отношения с феодалами. Однако в отличие от многих буржуазных медиэвистов советские ученые не отождествляют эти новые явления даже на том относительно высоком уровне, которого они достигают во второй период средневековья, с капитализмом, так как считают, что само по себе развитие товарно-денежных отношений не меняло природы феодального строя. Советские историки видят в развитии товарно-денежных отношений только одну из предпосылок разложения феодального способа производства и зарождения капи-галистического уклада на последнем этапе развития феодальной формации.

§ 2. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Проблема происхождения феодализма возникла одновременно с самим этим понятием. В идейно-политической борьбе, проходившей во Франции в XVIII в. между буржуазией и дворянством, по этому вопросу сложились две теории. Аристократ граф Буленвиль выдвинул «германистическую» теорию, согласно которой феодализм сложился в результате германских завоеваний, обеспечивших германцам и их потомкам —

французским дворянам — по праву силы господствующее положение. Они закономерно сохраняют его и в XVIII в. Идеолог «третьего сословия» — аббат Дюбо — в противовес этому взгляду выдвинул «романистическую теорию», отрицавшую существенное значение германского завоевания. Он полагал, что до X в. Во Франции (и в Западной Европе) продолжалось непрерывное развитие римских традиций, носителями которых являлось трудолюбивое галло-римское население. Только в X в. насильники-дворяне, частью германского происхождения, узурпировали власть над простым народом и установили феодальный строй.

К. Маркс и Ф. Энгельс о проблеме генезиса феодализма

Большинство буржуазных историков эпохи Просвещения, в частности Ш. Монтескье и Г. Мабли, склонялись к германистической теории, но придавали ей иное, антифеодальное звучание: они считали, что германцы принесли с собой из «лесов Германии» не феодальное угнетение, а, напротив, присущий им свободный «демократический строй». Обе теории, во-первых, рассматривали процесс феодализации только в плане преемственного развития правовых и политических институтов, и притом только на территории Галлии; во-вторых, односторонне выводили возникновение феодального строя из национальных и этнических традиций — германских или римских.

В начале XIX в. германистическая теория пользовалась преобладающим влиянием. Историки-романтики, как реакционные, так и либеральные, особенно в Германии и Англии, главный источник феодализма видели в германском «народном духе», который полностью разрушил в ходе завоеваний все римские порядки. Феодальный строй, по их мнению, вырос исключительно из развития древнегерманских институтов: отчасти из свободной общины (марка), отчасти из господства сильной родовой знати, как считал, например, К. Ф. Эйхгорн. «Романистическая» теория в первой половине XIX в. не пользовалась влиянием. Зато возникла и быстро приобрела популярность теория генезиса феодализма в процессе германо-романского синтеза. В немецкой медиэвистике ее пропагандировал К. Ф. Савиньи, утверждавший, что германское завоевание не уничтожило в Западной Европе полностью «римский народ» и соответствующий ему «народный дух», а следовательно, и римское право, которые нашли убежище в сохранившихся и после завоевания городах, тогда как сельские области стали средоточием германского «народного духа». Феодализм сложился, по мнению К. Ф. Савиньи, во взаимодействии этих разных правовых традиций. Сторонником теории германо-романского синтеза был и Л. Ранке.

Наиболее глубокое для того времени истолкование теории германо-романского синтеза дали французские буржуазно-либеральные историки О. Тьерри и Ф. Гизо. Признавая факт германского завоевания и его плодотворность, они указывали также на воздействие в процессе феодализации романских традиций — римского права, муниципального строя, христианской церкви, монархического принципа. С германским завоеванием они связывали и возникновение двух основных «классов» будущего феодального общества — дворян (потомков завоевателей-германцев) и «третьего сословия» — крестьян и горожан (потомков галло-римлян). Борьба между этими классами и представляет, по их мнению, главную движущую силу всей средневековой истории, а продолжением этой борьбы является первая французская буржуазная революция 1789 г.

Эта буржуазная теория классовой борьбы объясняла происхождение классов завоеванием, выдвигала на первый план в истории феодального общества борьбу не крестьян с феодалами, а дворянства и горожан. Однако при всех своих недостатках она придавала концепции германо-романского синтеза большую глубину, динамизм и прогрессивную окраску по сравнению с другими ее вариантами. На близких к этим историкам позициях стояли прогрессивные русские медиэвисты того времени Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский.

К. Маркс и Ф. Энгельс, подходя к решению проблемы генезиса феодализма с материалистических позиций, рассматривали этот процесс как переход от

рабовладельческой социально-экономической формации к феодальной. Поэтому в центре проблемы для них всегда оставались экономические и социальные изменения, происходившие в этот период, а не развитие римских или германских прав и учреждений.

Генезис феодальной формации К. Маркс и Ф. Энгельс, а позднее и В. И. Ленин понимали прежде всего как процесс складывания новых феодальных производственных отношений и соответствующих им антагонистических классов — феодальных земельных собственников и зависимых от них крестьян. Главной предпосылкой смены рабовладельческой формации феодальной они считали противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений, развившиеся как в позднеримском, так и в древнегерманском обществах. Согласно концепции Ф. Энгельса, смена эта произошла в результате глубокого, хотя и длительного социального переворота. Начало его Ф. Энгельс связывал с германскими вторжениями, которые, как он считал, разрушили основы рабовладельческого строя в Западной Европе и временно укрепили там строй свободной общины. Продолжение же этих глубоких социальных перемен он видел в последующем аграрном перевороте VII—IX вв. — в перемещении собственности на землю из рук свободных общинников в руки крупных землевладельцев, в результате которого окончательно сложились и победили феодальный способ производства, вотчинный строй и крестьянская зависимость. Не придавая решающего самостоятельного значения германо-романской проблеме как таковой, Ф. Энгельс прослеживал зарождение элементов будущего феодального уклада и в позднеримском, и в древнегерманском обществе и их последующее взаимовлияние во франкском государстве. Процесс генезиса феодализма в этом государстве он трактовал в плане синтеза, понимая этот синтез как взаимодействие не столько правовых и политических — романских и германских — институтов, сколько экономических и социальных отношений, развивающихся и в позднеримском, и в варварских обществах в направлении феодализма.

В связи с углублением понятия «феодализм» во второй половине XIX в. германистическая, романистическая и синтезная теории стали все более насыщаться экономическим и социальным содержанием. Германистическая теория, по-прежнему господствовавшая в Германии и Англии, получила более глубокое обоснование сначала в буржуазной общинной теории, созданной Г. Л. Маурером и широко распространившейся в Западной Европе в 50-е и 70-е годы, а позднее в классической вотчинной теории. Сторонники общинной (марковой) теории — сам Г. Маурер, Г. Вайц, П. Рот, О. Гирке, А. Мейцен, Е. Нас-се — в Германии, Дж. Кембл, У. Стеббс, Г. Мейн — в Англии выделив свободной общине исконную старогерманскую форму поземельной собственности, предшествовавшую частной, а также основу старогерманского самоуправления. Эти историки убедительно доказали своими исследованиями, что решающую роль в процессе генезиса феодализма у всех германских народов сыграл переход от аграрного строя свободной общины с преобладанием свободного крестьянства, не знавшего еще классового антагонизма, к господству крупной феодальной вотчины, преобладанию зависимого крестьянства и крепостной общины.

Хотя все эти историки в теории были эволюционистами, на практике они вынуждены были признать наличие глубокого аграрного и социального переворота при переходе к феодализму всех западноевропейских народов.

Эти взгляды в основном разделяли и сторонники классической вотчинной теории в Германии и Англии, также стоявшие на германистических позициях и признававшие исконность общинного строя древних германцев. От сторонников общинной теории эти ученые отличались главным образом тем, что основной акцент в процессе генезиса феодализма они делали не на разложении общины, а на возникновении вотчины.

Более глубокую социально-экономическую трактовку получила во второй половине XIX в. и концепция синтезного происхождения феодализма, преобладавшая во французской и русской медиевистике. Ее сторонники (Е. Глассон, П. Виолле — во Франции, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский, И. И. Кареев, В. К. Пискорский — в

России), основываясь на новых выводах общинной и классической вотчинной теории, признавали значительную роль германских завоеваний, указывая, что последние принесли с собой в Западную Европу свободную общину и возрождение свободного крестьянства. Последнее исчезло лишь в ходе аграрного переворота VII—IX вв. в результате феодализации и развития вотчинного строя. Подчеркивая также глубокий социальный переворот, которым сопровождался этот процесс, сторонники рассматриваемой концепции в то же время отмечали наличие зародышей будущего феодального строя в аграрных и социальных отношениях позднеримской империи III—V вв. (прежде всего в колонате), а также частичное сохранение последних на завоеванных германцами территориях и их взаимодействие в процессе феодализации с разлагающимися общинными отношениями.

При этом русские медиевисты уже в последней трети XIX в. развивали более дифференцированную концепцию генезиса феодализма применительно к разным народам и областям Западной Европы. М. М. Ковалевский и П. Г. Виноградов показали в своих работах, что синтезный путь развития феодализма был характерен лишь для стран континентальной Западной Европы, в частности для Франкского государства и Италии, тогда как в Англии процесс феодализации проходил без существенных влияний позднеримского аграрного строя, на основе спонтанного разложения свободной англосаксонской общины.

Позднее Д. М. Петрушевский отметил, что и синтетический путь развития феодализма имел существенные различия в Северной Галлии, в Вестготском королевстве и в Италии.

Среди буржуазных ученых, стоявших на позициях синтезной концепции генезиса феодализма во Франции, был Ж. Флакк, который, однако, не связывал этот процесс с аграрным переворотом, потерей крестьянами собственности на землю и развитием вотчинного строя. Эти явления, по его мнению, лишь сопутствовали процессу феодализации или были производными от «личностных связей» и не имели существенного значения.

В середине 70-х годов французский историк Фюстель де Куланж возродил почти забытую к этому времени «романистическую» концепцию генезиса феодализма во Франции. Он пытался противопоставить ее общинной теории, в которой видел аргумент в пользу ненавистных ему социалистических идей концепции социального переворота при переходе от античности к средневековью, так как был противником всяких революций, а также теориям германизма немецких историков, которых (во многом справедливо) обвинял в национализме и шовинизме.

Однако концепция, созданная Фюстелем де Куланжем, была не менее предвзята и в классовом, и в национальном отношении. Полностью отвергая общинную теорию, Фюстель де Куланж разошелся и с классической вотчинной теорией. Он утверждал, что вотчина, а не община была исконной формой земельной собственности у всех народов. Отрицая факт германского завоевания и разрушение основ римского аграрного строя при переходе от античности к средневековью, он считал единственным источником феодального аграрного и социального строя (не говоря уже о политике и праве) позднеримские институты и прежде всего римскую рабовладельческую виллу, из которой путем медленной эволюции выросла мало чем отличавшаяся от нее средневековая феодальная вотчина. Общественный строй германцев, по мнению Фюстеля де Куланжа, никак не повлиял на процесс феодализации не только потому, что не было завоевания, но и потому, что этот строй ничем не отличался от позднеримского, ибо базировался на частной земельной собственности, патронатных связях, отношениях зависимости разного рода. Следовательно, согласно названной концепции, складывание феодальных отношений не сопровождалось ни аграрным, ни социальным переворотом. Близкую к этой теории применительно к Англии выдвинул в начале 80-х годов английский буржуазный медиевист Ф. Сибом. Вопреки фактам он настаивал на существовании в Англии сильной романской традиции, в частности в аграрных отношениях; утверждал, что у англосаксов еще на континенте, а затем в Англии

искони господствовал вотчинный (манориальный) строй, сходный с позднеримским, и крепостная (а не свободная!) община. Как и Фюстель де Куланж, Сибом подчеркивал мирный, эволюционный характер феодализации Англии, проходивший путем постепенного и малозаметного превращения исконных римских вилл и англосаксонских майоров в средневековые вотчины.

В 90-е годы аналогичную концепцию генезиса феодализма, но на германской основе развивали немецкие медиевисты так называемой «strasбургской школы» — главным образом В. Виттих и Ф. Гутман, утверждавшие исконное господство у германцев вотчинной собственности на землю и эксплуатации зависимых людей. При этом они считали, что первоначально у них существовали мелкие вотчины, владельцы которых (а не свободные крестьяне, как считалось раньше) составляли древнегерманскую общину.

Соответственно эти ученые также отрицали какой-либо аграрный и социальный переворот при переходе от варварского к феодальному обществу. Процесс генезиса феодализма трактовался ими как перестройка вотчинной системы — переход от господства мелкой к господству крупной вотчины.

Все рассмотренные теории об «исконности» вотчинного строя у германцев и в «романистическом» и в «германистическом» варианте были направлены не только против общинной теории и классической вотчинной теории, но в первую очередь против марксистской трактовки проблемы.

Еще отчетливее антимарксистская тенденция проявилась у медиевистов «критического» направления (см. выше), которые вообще сняли вопрос об экономических и социальных сдвигах, лежавших в основе процесса феодализации. Определяющую роль в нем они отводили политике государства, которое отчуждало постепенно верховную власть в пользу своих военных слуг, должностных лиц, церковных учреждений. С помощью таких политических средств лица, располагавшие властью, получали возможность постепенно захватывать землю подвластных им людей или расширять за их счет уже находившиеся в их руках ранее земельные владения. Г. фон Белов, например, считал вотчинную эксплуатацию крестьянства следствием Лишь политических, в частности, судебных прав сеньора; Г. Зелигер этими же правами объяснял личную зависимость крестьян эпохи средневековья. Русский ученый Д. М. Петрушевский рассматривал феодализм как порождение государства, создавшего для своих потребностей эту систему «соподчиненных тяглых сословий».

Историки «критического» направления не только полностью отрывали процесс складывания феодализма как «системы управления» от экономической эволюции общества, но стремились свести на нет и самую эту эволюцию. В частности, они отвергали и марксовую теорию и классическую вотчинную теорию происхождения феодализма. Это особенно наглядно проявилось в работах А. Допша. Во многом повторяя Фюстеля де Куланжа, он отрицал существование общинного строя у древних германцев (и других народов) как нормальной формы отношений на определенной стадии развития общества; признавал исконность частной собственности на землю и вотчины как у кельтов и римлян, так и у германцев. А. Допш утверждал, что поглощение мелких свободных крестьян и их земельной собственности вотчинной происходило постоянно и не было связано с каким-либо определенным историческим периодом, в частности с периодом раннего средневековья, так же как и процесс освобождения крестьян из-под власти вотчины. Тем самым он решительно отрицал какой-либо глубокий социальный переворот в результате германских вторжений, а также аграрный переворот VII— IX вв. В противовес теориям «скачка» («цезуры») при переходе от античности к средневековью А. Допш пытался обосновать теорию непрерывного развития («континуитета») римских и германских традиций (почти одинаковых в его представлении) в этот период. При этом германо-романская проблема в его концепции утратила свое былое значение.

Теория «континуитета» с начала XX в. стала оказывать все возрастающее воздействие на буржуазную медиевистику. Не избежал некоторого ее влияния даже такой

противник «критического направления, как А. Пиренн. В 20-е годы он выдвинул новую концепцию генезиса феодализма в Западной Европе, согласно которой германские вторжения V—VI вв. не нарушили континуитета римских порядков и институтов, так как якобы не затронули оживленных торговых связей в Средиземноморье, а следовательно, и внутри континента. Однако Пиренн все же вынужден был признать разрыв этого континуитета в ходе арабских завоеваний VIII в., которые, как он считал, привели к господству натурального хозяйства, а следовательно, вотчинного строя и феодализма. В отличие от А. Допша А. Пиренн связывал генезис феодализма с экономическими изменениями в обществе, в частности с уровнем торговли, хотя первоисточником этих изменений также считал политический фактор — завоевание.

Более глубоко расходилась с допшианской трактовкой генезиса феодализма в Западной Европе концепция М. Блока, выдвинутая им в конце 30-х — начале 40-х годов. Он включал в проблему генезиса феодализма как его органический элемент экономические процессы, и в первую очередь эволюцию общины и вотчины. В противоположность А. Допшу М. Блок считал общину первичным социальным явлением по сравнению с вотчиной, присущим на определенной стадии развития всем народам Европы — кельтам, римлянам, позднее галло-римлянам и германцам. Вотчину же (сеньорию) он рассматривал как вторичное образование, возникавшее у всех этих народов позднее в результате выделения в общине более состоятельных и влиятельных людей. Эти люди — вожди, старейшины, жрецы — постепенно присваивали себе право распоряжаться общинной землей, подчиняли себе рядовых общинников, обязывали их нести в свою пользу те или иные повинности.

М. Блок считал, что в странах, входивших до германских завоеваний в состав Римской империи (в частности, во Франкском государстве), феодальные вотчины (сеньории) выросли на двойной основе: в значительной мере из галло-римских крупных землевладельческих комплексов (вилл, латифундий), но отчасти также за счет расслоения внутри свободных еще крестьянских общин или их подчинения власти крупных землевладельцев не только римского, но и германского происхождения.

В странах же, которые не знали римского господства или были слабо романизованы, определяющим был путь формирования вотчин в результате разложения общины или подчинения ее более крупным собственникам из числа ее членов. В силу более длительного сохранения свободной общины и ее сопротивления процессу феодализации большую роль в этом процессе в таких областях играло открытое и скрытое насилие со стороны складывавшегося класса крупных землевладельцев и государства. В романизованных же областях он протекал более стихийно и спонтанно.

Заслугой М. Блока является то, что он вновь поставил в центре процесса феодализации переход от общинного строя к вотчинному и подчеркнул заметную роль насилия в подчинении свободных крестьян и свободной общины сеньориальному гнету. Однако в целом он стоял на позициях теории «континуитета» (римского и германского в одних странах, чисто германского — в других) и не считал раннесредневековую вотчину качественно новым образованием. Он видел в ней прямое продолжение римских и даже кельтских аграрных отношений, подчеркивал ее сходство с организацией крупного землевладения Галлии в кельтский и позднеримский период.

Отмечая важную роль развития вотчинного строя в генезисе феодализма, М. Блок все же считал главной предпосылкой последнего фактор политический (упадок центральной власти, господство насилия, набеги норманнов, венгров, арабов). Главное же орудие подчинения свободного крестьянства вотчине он видел в установлении не поземельной, а личной зависимости, которая предопределила последующую утерю крестьянами их собственности на землю.

С конца 40-х годов XX в. в буржуазной медиевистике выделяются два наиболее крупных и влиятельных направления. Одно продолжает развивать идеи «критического»

направления, в частности А. Допша. Второе ведет свою родословную от М. Блока, уточняя и кое в чем видоизменяя его концепцию.

Среди последователей «критического» направления, особенно в Англии и США (Ф. Стентон, Р. Кульборн, К. В. Холлистер, Р. С. Хойт и др.) преобладают взгляды, согласно которым главным источником процесса феодализации в Западной Европе были потребности государства в новой организации военных сил и соответствующая этим потребностям политика. Некоторые авторы считают главным импульсом процесса феодализации изменения в военной технике VIII—IX вв., выдвинувшие на первый план тяжело вооруженного конного воина, содержание которого требовало больших средств. Это обусловило необходимость наделения его землей и рабочими руками, что и привело в конечном итоге к созданию вассально-ленной системы.

Одну из влиятельных групп последователей «критического» направления составляют современные продолжатели А. Допша. К их числу принадлежит ряд наиболее известных западногерманских медиевистов: Ф. Лютге, О. Бруннер, Г. Миттайс, К. Босл, Г. Данненбауэр, Т. Майер. Хотя они избегают ссылаться на Допша, но в той или иной мере разделяют его основные положения: отрыв генезиса феодализма от эволюции общины и складывания вотчины, отрицание первичности общинного строя по отношению к вотчинному, утверждение исконности вотчины у германцев, а следовательно, отрицание тезиса о том, что вотчинный строй как качественно новое явление складывался в раннее средневековье. Применительно к Зарейнской Германии, отчасти и для северо-восточных частей Франкского государства эти ученые (их можно назвать «неогерманистами») отстаивают концепцию германского континуитета; они утверждают, что в этих областях раннесредневековая вотчина была прямым продолжением вотчин, якобы существовавших с древнейших времен у германской знати, и мало чем от них отличалась.

Корректируя Допша, историки этой группы вынуждены признать существование в раннее средневековье свободной общины-марки. Однако в ней они видят не продукт долгой эволюции общинной, коллективной земельной собственности, а вторичное образование VIII—IX вв. — объединение свободных крестьян-собственников, единственной задачей которого было регулирование пользования альмендой. Т. Майер (и его школа) вообще считает не только свободную общину, но и свободное крестьянство раннего средневековья новообразованием, не имеющим никаких корней в древнегерманском и варварских обществах. Согласно его теории «королевской свободы», эти социальные явления были искусственным созданием королевской власти, которая пыталась использовать свободных крестьян как противовес знати. С усилением последней и упадком королевской власти в IX—X вв. свободное крестьянство исчезло, впало в зависимость. Эта теория утверждает надклассовый характер раннефеодального государства, неустранимость из жизни общества социального неравенства, относительность понятия «свободы» в средневековом обществе.

Ведущая свое происхождение от М. Блока школа «Анналов» во Франции (Ш. Перенн, Р. Бутрюш, Ж. Дюби и др.), а также близкие к ней ученые в других странах (М. Постан и его ученики — в Англии, Доллингер — в Австрии, ряд ученых — в Италии, Бельгии, Голландии) в отличие от современных допшианцев признают важную роль процесса сеньориализации в возникновении феодализма, а также существование и значительную роль общины с древнейших времен до ее подчинения вотчине. Подчеркивая вторичный характер последней по сравнению с общиной, они вместе с тем разделяют и нередко усугубляют слабые стороны концепции М. Блока. Ж. Дюби, например, отмечая политические истоки процесса феодализации вообще и сеньориализации в частности, не признает определяющей роли в нем перемещения земельной собственности из рук крестьян в руки сеньоров. Он видит в этих перемещениях вторичное явление — следствие установления «личностных связей», которые выдвигает на первый план в этом процессе.

Сторонники «классической вотчинной теории» представляют в современной буржуазной медиевистике исключение. К их числу относится западногерманский ученый А. Бергенгрюэн, который с немалыми основаниями отрицает наличие вотчинного строя у

франков до их переселения в Галлию и считает, что до конца VII в. у них преобладала общинная форма землевладения и землепользования. Менее основательно его попытки полностью игнорировать преемственность крупного землевладения в Галлии V—VI вв., где галло-римское население преобладало и после франкских завоеваний. В этой связи вызывает сомнение его вывод о том, что до конца VII в. в Галлии вовсе не было светских вотчин.

При всех различиях в трактовке проблемы генезиса феодализма в современной буржуазной медиевистике для нее характерны некоторые общие тенденции, в которых отчетливо проявляется ее антимарксистская направленность. В ней безусловно преобладают теории «континуитета», отрицающие решающую роль германских вторжений и их социальных последствий в переходе от античности к средневековью и в процессе генезиса феодализма и связывающие происхождение феодальных отношений с постепенным развитием древнегерманских или римских хозяйственных систем и правовых принципов или со столь же постепенным синтезом тех и других. Споры между «германистами» и «романистами» теперь утратили былое значение перед лицом общего стремления доказать, что при переходе от античности к средневековью не было никакого революционного скачка, «цезуры».

Столь же общей является тенденция подчеркивать политические первоосновы и решающую роль государства в процессе феодализации, в том числе в складывании вотчинного строя и крестьянской зависимости. Наконец, почти все школы и направления объединяет навязчивая тенденция к отрыву личных связей «защиты и покровительства», в том числе и крестьянско-сеньориальных, от лежащих в их основе отношений собственности. Большинство современных буржуазных медиевистов видят именно в этих личных связях, а не в утрате свободными общинниками своих прав на землю, главное средство их превращения в зависимых держателей, сидящих на чужой земле.

Проблема генезиса феодализма в Европе всегда привлекала внимание советских медиевистов. В итоге большой исследовательской работы ученых нескольких поколений в борьбе с буржуазной историографией сложилась та общая концепция по этому вопросу, которая изложена в данном учебнике. При выработке этой концепции советские историки опирались на общие методологические принципы, выдвинутые в постановке проблемы генезиса феодализма еще основоположниками марксизма. В частности, советские медиевисты исходили из концепции генезиса феодализма, данной Ф. Энгельсом, развивая и уточняя ее основные положения с помощью нового, неизвестного во времена Ф. Энгельса, конкретного материала.

Большой вклад в создание современной марксистско-ленинской концепции генезиса феодализма внесли советские медиевисты старшего поколения. А. Д. Удальцов (1883—1959) еще в 30-е годы в противовес А. Допшу убедительно доказал господство у древних германцев эпохи Цезаря и Тацита первобытнообщинного строя; в своей монографии «Из аграрной истории каролингской Фландрии» (1935) он подверг критике буржуазную теорию вотчинного происхождения общины на материале истории этой области, доказал, что даже в IX в. свободная община-марка сохраняла там еще большое значение. Н. П. Грацианский (1886—1945) еще в 1919 г., а затем в 20-е годы убедительно критиковал А. Допша за произвольное толкование им важнейших источников раннего средневековья, за его теорию «вотчинного капитализма» и апологию вотчины как социального института, благотворного для закрепощаемых ею крестьян. В своей монографии «Бургундская деревня в X—XII столетиях» (1935) Н. П. Грацианский показал особенности генезиса феодализма в Бургундии, хотя преуменьшил без достаточных оснований роль бургундской общины-марки в этом процессе. Позднее, однако, в статьях конца 30—40-х годов он установил факт сохранения общины, хотя и на разной стадии ее разложения, не только у франков, но и у вестготов и бургундов как до, так и непосредственно после их расселения в Галлии.

Большое значение для теоретического решения проблемы генезиса феодализма в Западной Европе имели работы А. И. Неусыхина (1898—1969). В книге «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» (1956) он проследил на обширном материале источников, в частности «варварских правд», процесс превращения свободных общинников в зависимых крестьян у разных германских народов в период раннего средневековья. Выявив общее и особенное в ходе этого процесса у разных народов, он вместе с тем убедительно показал, что исходным моментом у всех была свободная община. Экономическую основу феодализации общества А. И. Неусыхин справедливо видит в последующем разложении общины, большой семьи, в появлении индивидуальной земельной собственности отдельных общинников. Затем происходила утеря большинством их этой собственности в пользу растущего класса крупных землевладельцев. Следствием именно этих сдвигов в отношении собственности было превращение значительной части мелких свободных собственников — членов свободных общин — в держателей крупных землевладельцев. В другой своей работе «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII— XII вв.» (1969) А. И. Неусыхин главным образом на материале картуляриев выяснил особенности процесса феодализации в Германии: его замедленность, длительное сохранение там в период становления вотчины свободной общины-марки, а также подверг убедительной критике теорию «королевской свободы» Т. Майера.

Важное теоретическое значение имеет для рассматриваемой проблемы работа С. Д. Сказкина (1890—1973) «Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века» (1968). В острой полемике с буржуазной медиевистикой С. Д. Сказкин отстаивал тезис о господстве общинного строя у германских народов до их столкновения с Римской империей и о живучести общины-марки как последней формы общинной организации во многих странах Западной Европы в период генезиса феодализма и даже при развитом феодализме. Главным фактором феодализации С. Д. Сказкин также считает утрату свободными общинниками их собственности на землю, видя в политике государства, насилиях феодалов и установлении личных связей лишь вспомогательные средства, ускорявшие этот процесс. Заслугой С. Д. Сказкина является также и то, что он четко разграничил два пути генезиса феодализма в Европе: путь синтезный, при котором феодализм складывался в процессе взаимодействия разлагающихся рабовладельческих позднеимских отношений и первобытнообщинных германских, и путь непосредственного перехода от первобытнообщинной формации к феодальной, характерный для тех народов, которые развивались без существенного воздействия позднеимских традиций. Эта концепция послужила отправным моментом углубленного типологического рассмотрения процесса генезиса феодализма в Западной Европе, которое характерно для современного этапа развития советской медиевистики. Ею накоплен ныне обильный фактический материал по истории этого процесса у разных народов и стран Западной Европы, а также в Византии.

С начала 60-х годов советские ученые продолжали попытки выделить разные типы генезиса феодализма в Западной Европе и Византии, опираясь на сравнительно-исторический анализ этого материала, а отчасти и зарубежных исследований по истории отдельных стран и народов. Вопрос этот пока нельзя считать окончательно решенным. Однако уже сейчас несомненно, что процесс феодализации у разных народов и в разных странах имел значительное своеобразие. Поэтому однозначное его истолкование в духе «германистической» или «романистической» теорий ныне невозможно. Большинство советских медиевистов сходятся на том, что в Галлии, Испании, Италии, а также в Византии феодализм развивался синтезным путем. В частности, несомненно, что в процессе формирования вотчинного строя в этих областях наряду с разложением свободной общины и исчезновением свободного крестьянства определенную роль играла эволюция крупного землевладения (светского и церковного), сохранившегося с римских времен, а в формировании зависимого крестьянства — рабы и другие категории несвободного населения римского происхождения.

Однако вопрос о том, каково было соотношение этих различных тенденций и степень их воздействия на процесс в целом в отдельных странах этой зоны, нельзя еще считать полностью решенным.

Советские ученые сходятся и в том, что у германских народов к востоку от Рейна, в Британии и Скандинавских странах переход к феодализму совершался путем внутреннего разложения первобытнообщинного строя без какого-либо заметного влияния римских социально-политических традиций. Эти два пути развития не оставляют места для чисто «романистической» концепции генезиса феодализма, которая не находит научного подтверждения ни в одной из европейских стран, включая и Византию.

Вместе с тем исследования советских медиевистов убеждают в том, что при всех своеобразиях процесса генезиса феодализма у отдельных народов и в разных странах в основе его повсюду лежат сходные предпосылки и закономерности. В первую очередь, повсеместно главное содержание этого процесса составляет не эволюция права и учреждений, государства, как считают многие буржуазные ученые, а изменения в отношениях собственности и определяемое ими формирование новых общественных классов, прежде всего класса непосредственных производителей феодального общества. Суть этих изменений состоит в том, что в ходе генезиса феодализма строй свободной общины типа марки сменяется повсеместным господством феодальной вотчины. Это относится не только к народам, у которых феодализм складывался бессинтезным путем, но отчасти и к областям синтезного развития, где в результате германских вторжений пусть временно или частично также укрепилась свободная община и вырос слой свободного крестьянства. В каких бы конкретных формах ни совершались эти изменения — в виде установления личных связей или в форме иммунитетных пожалований,— основу их составляло перемещение собственности из рук свободных крестьян-общинников в руки складывающегося класса феодалов. Возможность такой трактовки проблемы определяется тем, что в противоположность основной части современных буржуазных историков советские медиевисты отвергают теорию исконности частной собственности и вотчины, а также социального неравенства у германцев и твердо стоят на позициях признания первичности у них (как и у других народов) коллективной общинной собственности на землю.

Отвергая теории как римского, так и германского «континуитета», советские ученые трактуют переход к феодализму в целом и при синтезном и при бессинтезном развитии как глубокую социальную революцию, в ходе которой сложились новые, отличные от всех ранее существовавших феодальные производственные отношения.

Таким образом, общая концепция генезиса феодализма в Западной Европе (и Византии), сложившаяся на протяжении последних 40 лет в советской медиевистике, резко расходится в решении наиболее важных узловых проблем с концепциями, преобладающими в современной буржуазной историографии.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ V-XI вв.

Глава 3 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

§ 1. КРИЗИС РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Римская империя к концу IV в. была обширным государством, в состав которого входили значительная часть Европы (почти вся Западная Европа, области по правобережью Дуная, Балканский полуостров, острова в Средиземном море), Северная Африка и Египет, а также ряд стран и областей Азии (Малая Азия, восточное побережье Черного моря, часть Месопотамии, Сирия, Палестина).

Упадок Римской империи. Кризис рабовладельческого строя

В IV—V вв. Римское государство находилось в состоянии глубокого упадка. Главная отрасль хозяйства — земледелие — переживала застой и во многих отношениях деградировала: уровень земледелия понизился, часть прежде обрабатываемой земли пустовала. Количество хозяйств, производивших продукты на рынок, уменьшилось. В то же время росла численность крупных имений, площадь которых использовалась под экстенсивное скотоводство, мало связанное с рынком. Крупные землевладельцы стремились удовлетворить потребности своего хозяйства собственными средствами. Колоны — мелкие держатели земли в крупных имениях — должны были выплачивать оброки натурой. Государство переходило не только к сбору налогов с населения в натуральной форме, но и натурой же выплачивало жалованье чиновникам и армии. Торговля свертывалась. Ремесло приходило в упадок, не находя достаточного сбыта для своих изделий. Города теряли прежнее значение. Центр тяжести общественной жизни перемещался из города в деревню. Экономические связи между провинциями, которые никогда не были достаточно прочными, все более ослабевали. Хотя торговля и товарно-денежные отношения не исчезли вовсе в Римской империи, но все более заметным становилось сокращение сферы товарно-денежного обращения.

Постепенный экономический упадок, особенно заметный в западных провинциях империи, был обусловлен кризисом рабовладельческого способа производства, начавшимся в Римской империи еще в конце II в. н. э. Кризис был вызван внутренними противоречиями рабовладельческого общества: возможности развития производства, основанного на рабском труде и рабовладельческих отношениях, все более исчерпывались. Рабство стало тормозом дальнейшего развития производительных сил.

Незаинтересованность рабов в результатах своего труда препятствовала сколько-нибудь серьезному техническому прогрессу. Рост крупного землевладения, характерный для всего периода империи, вел к падению производительности и без того малопродуктивного рабского труда, так как надзор за рабами в крупных имениях неизбежно ослабевал. Нарушалось также и воспроизводство рабочей силы. Условием нормального существования рабовладельческой системы хозяйства было непрерывное пополнение внутреннего рынка рабами извне, главным образом путем захвата и превращения в рабов населения покоряемых стран. Но это было возможно лишь до тех пор, пока сохранялось военное превосходство Рима над окружавшими его народами. Так как рост крупного землевладения, основанного на труде рабов, вел к разорению свободных крестьян — основного контингента римской армии, он подрывал военную мощь Римского государства, вместе с тем иссякал и источник дешевых рабов. В результате хозяйство, основанное на труде рабов, становилось нерентабельным, что потребовало изменения методов эксплуатации непосредственных производителей. Рабов начинают сажать на

землю, предоставляют земельные участки и необходимый инвентарь с тем, чтобы они отдавали господину часть урожая или работали на господском поле.

Положение рабов, посаженных на землю было двойственным. С одной стороны, они, как и будущие средневековые крепостные, самостоятельно вели хозяйство, имели в своем индивидуальном пользовании инвентарь, скот, определенное имущество (пекулий). Это создавало у раба некоторую заинтересованность в труде и несколько повышало производительность его хозяйства. С другой стороны, сами рабы и все их имущество принадлежали господину; это делало положение рабов непрочным.

Росло и число рабов, отпускаемых на волю, в чем также нашло выражение разложение рабовладельческой системы хозяйства. В период поздней империи практика освобождения рабов значительно расширилась, и государство стало способствовать их освобождению. Вольноотпущенники обычно становились теперь держателями земель в имениях императора, земельных магнатов, церкви. Отпущенные на волю рабы в большинстве случаев оставались под патронатом («покровительством»), т. е. в некоторой зависимости от своих прежних господ. Отпуск рабов на свободу был также одной из попыток добиться повышения производительности их труда.

Изменения в аграрном строе. Формы держания земли

Особенно большое значение в экономике поздней Римской империи приобрел колонат. Колоны (в первые века империи — мелкие держатели земель крупных и средних землевладельцев) выплачивали оброки и несли иногда некоторые другие натуральные повинности в пользу собственников земли, но оставались полноправными свободными людьми. В поздней империи численность колонов namного выросла; ими становились разорявшиеся крестьяне, мелкие и средние земельные собственники, а также пленные варвары, которых прежде обращали в рабство, а теперь стали раздавать землевладельцам в качестве колонов. Социальное положение колонов ухудшалось, так как они постепенно попадали в зависимость от крупных землевладельцев. Изменился и их юридический статус. В интересах крупных землевладельцев и государства, стремившегося гарантировать бесперебойное поступление налогов, колоны были прикреплены к земле, которую они обрабатывали. Они были лишены некоторых орав, присущих свободным людям, по закону не могли иметь собственности, так как все их имущество принадлежало господам, и свободно менять местожительство, были лишены права судиться со своим господином по гражданским делам (за исключением исков о неправильном взимании оброков); они не могли также занимать должности на государственной службе, вступать в духовное звание.

Но тем не менее колоны не слились с рабами. Они были более самостоятельны в хозяйственном отношении, чем рабы, могли продавать свой урожай, их оброки не должны были превышать норм, установленных обычаем; они сохранили ряд черт, присущих статусу свободных людей: платили государственные налоги, хотя и через посредство земельных собственников, привлекались к несению военной службы, могли в некоторых случаях жаловаться государственным судьям на своих господ и т. п. Их нельзя было продавать без земли.

В поздней Римской империи колоны представляли собой наиболее близкий к средневековым крепостным крестьянам слой земледельческого населения; они были, по выражению Ф. Энгельса, «предшественниками средневековых крепостных»¹. Подобно крепостным средневековья колоны, находясь в поземельной и личной зависимости, самостоятельно вели свое хозяйство. Подвергаясь внеэкономическому принуждению, они отдавали часть прибавочного продукта собственнику земли.

Однако колоны существенно отличались от средневековых крепостных. На их положение оказывали значительное влияние рабовладельческие отношения. Методы их эксплуатации на деле мало отличались от методов, применявшихся в отношении посаженных на землю рабов. Необеспеченность имущественных прав и неопределенность их юридического статуса (в некоторых случаях в правовом отношении они приравнивались

к рабам) мешали им приобрести заинтересованность в труде, которая характерна для зависимых крестьян феодального общества. Колоны были вдобавок прикреплены не к отдельным землевладельцам, как крестьяне в средние века, а к государственному тяглу и подвергались жестокой эксплуатации еще и со стороны рабовладельческого государства. На их социальное положение известное влияние оказывало и то обстоятельство, что они жили в обществе, где физический труд рассматривался как занятие, недостойное свободного человека. Колоны не имели общинной организации, характерной для крестьян феодального общества.

Наряду с рабами, вольноотпущенниками и колонами в состав эксплуатируемого земледельческого населения входили также мелкие прекаристы — свободные держатели земельных участков, получавшие их в пользование на различных условиях от крупных землевладельцев на сроки, устанавливаемые последними. В период поздней империи держания прекаристов становятся долгосрочными, и они постепенно приближаются по своему положению к колонам. Иногда разорявшиеся и нуждавшиеся в покровительстве мелкие собственники дарили свои земли магнатам и получали их обратно в пользование на определенных условиях, становясь прекаристами — держателями земель в имениях крупных землевладельцев.

Рост крупного землевладения вел к разорению не только мелких но зачастую и средних земельных собственников, которые становились держателями земель светских магнатов, императорских доменов (фиска) и церкви. И все же ко времени крушения Римской империи крупное землевладение не могло полностью поглотить среднюю и мелкую земельную собственность в сельском хозяйстве. Она сохранялась в заметных масштабах в Северо-Восточной Галлии, Британии, Придунайских провинциях, Северной Африке. Не исчезла она и в городах. Куриалы — наследственное сословие средних землевладельцев, ответственных за исправное внесение налогов и выполнение повинностей в городских общинах, — играли еще важную роль в экономике империи.

Но господствующее положение в западных провинциях империи в целом принадлежало крупному, преимущественно сенаторскому, землевладению; структура его изменилась в III—V вв. Место латифундий сенаторов и императорского фиска, основанных на применении труда рабов, заняли виллы, разбитые на мелкие участки — парцеллы. Этими парцеллами наделялись рабы, вольноотпущенники, колоны, прекаристы. Таким образом, крупное землевладение сочеталось с мелким хозяйством. Сохранялись в империи и виллы старого типа, в которых производство основано было, как и прежде, на труде рабов, но они все больше уступали место крупным имениям нового типа, что знаменовало собой появление зачатков форм хозяйства и экономических отношений, ставших господствующими впоследствии в феодальном обществе.

Для аграрного строя поздней Римской империи характерно также распространение такой формы земельного владения, как эмфитевзис. Съемщики земли (обычно крупных имений) по эмфитевтическому праву обязаны были вносить ежегодно фиксированные платежи собственникам земли и хорошо вести хозяйство. Эмфитевты могли сдавать эти земли в аренду, передавать по наследству и даже продавать. За собственником земли оставалось лишь преимущественное право покупки этих владений или право получения определенного процента с продажной цены. Земля возвращалась к собственнику лишь в случае неуплаты эмфитевтом соответствующих платежей в течение трех лет, смерти эмфитевта, не имевшего наследников, или по истечении срока владения (если он был заранее установлен). Эмфитевзис и некоторые другие сходные формы владения землей были в известной мере предшественниками условной земельной собственности, характерной для феодального общества.

Кризис рабовладельческого строя сказался на политических и юридических учреждениях и идеологии римского общества. Классовые противоречия внутри страны, рост сепаратистских тенденций в провинциях, усиление натиска внешних противников, сокращение материальных ресурсов рабовладения вынуждали Римское государство

приспособиться к новым условиям. В связи с этим управление государством все больше сосредоточивалось в руках императора и назначаемых им чиновников. Власть императора стала неограниченной. Значение сената окончательно упало. Выросший военно-бюрократический аппарат обладал всей полнотой власти в центре и на местах. Прежняя автономия городов исчезла. Значительно увеличилась численность армии, ядром которой теперь были уже не римские крестьяне, а варвары-наемники.

Одной из главных задач государственного аппарата стало извлечение из населения в виде налогов и различных повинностей как можно большего прибавочного продукта, необходимого для содержания громоздкого бюрократического аппарата, армии и обогащения правящего слоя государства — сенаторской знати. Для обеспечения регулярного поступления налогов государство прикрепило куриалов в городах к куриям, запретило им отчуждать свои земли и связало их круговой порукой за исправный взнос налогов. Городские ремесленники также были прикреплены к своим занятиям, им запрещено было выходить из своих коллегий (объединений ремесленников по профессиям). Они должны были нести натуральные повинности в пользу государства.

Все эти мероприятия не могли, однако, помешать постепенному разложению рабовладельческого государства и зарождению элементов феодального политического устройства. В условиях кризиса рабовладельческого строя Римская империя не смогла сохранить свою силу и единство. Процесс постепенного экономического, политического и культурного обособления римских провинций привел в 395 г. к разделению империи на две части — Западную и Восточную. В составе Западной Римской империи остались Италия, Галлия, Британия, Испания, придунайские провинции (Иллирия, Паннония), а также Северная Африка. Балканский полуостров, Малая Азия, Египет и другие восточные провинции вошли в состав Восточной Римской империи, получившей впоследствии название Византии. Западная и восточная части империи стали фактически самостоятельными государствами.

Изменения в политическом строе Западной Римской империи выражались в росте частной власти светских магнатов и церкви, в распространении отношений частного покровительства (патроциний), в росте сепаратистских тенденций в провинциях. Правительство в известной мере само содействовало росту частной власти магнатов, возлагая на крупных землевладельцев обязанность собирать налоги с колонов, представлять их в качестве рекрутов в армию. Отдельные магнаты содержали у себя собственные военные отряды, состоявшие из наемников, окружали свои владения стенами и башнями.

Власть в провинциях, находившаяся прежде в руках чиновников центрального правительства, постепенно переходила к местной знати. Высшие военные начальники приобретали самостоятельность по отношению к правительству. Опираясь на отряды так называемых букцелляриев, состоявшие обычно из варваров, они служили не государству, а своим полководцам; приносили им присягу и сражались возле них в бою как дружинники. Все эти явления знаменовали собой появление зародышей политического устройства, характерного для феодального общества. Правда, политическая власть магнатов находилась в зачаточном состоянии. На местах еще сохраняли свое значение органы центрального правительства и муниципальные органы власти в городах. Частные войска магнатов, как и укрепленные виллы, не стали еще повсеместным явлением. Патроцинии магнатов над деревнями, частные войска и тюрьмы не признавались законом. Сепаратистским тенденциям одной части провинциальной знати противостояло стремление другой ее части и церкви опереться на центральное правительство в борьбе против варваров и восставших народных масс. Аппарат централизованного государства продолжал существовать вплоть до крушения Западной Римской империи, хотя и становился все менее действенным.

Роль христианской церкви в Поздней империи. Монастыри.

С кризисом рабовладельческого общества связана также эволюция христианской церкви в Римской империи. Христианство возникло как религия эксплуатируемых и угнетенных масс, но никогда не выступало против существующих социальных порядков. Оно проповедовало покорность и смирение в земном мире. К IV в. христианство претерпело существенные изменения, превращаясь в религию господствующего класса. Руководящая роль в христианских общинах перешла постепенно к епископам, принадлежавшим большей частью к состоятельным людям. Клир (духовенство) приобрел иерархическую организацию и обособился от мирян. В проповедях, с которыми христианское духовенство обращалось к массам, на первый план выступали призывы к смирению перед властью имущими, идея божественного происхождения государственной власти.

Римские власти, убедившись, что христианская церковь с ее сильной единой организацией, представляет собой более мощный фактор идеологического воздействия, чем разрозненные языческие культы, стали поддерживать христианство. Уже в начале IV в. христианство как религия было признано равноправным с языческими культами (Миланский эдикт 313 г.). В 325 г. на первом вселенском церковном соборе (съезд представителей высшего духовенства) в Никее (Малая Азия) и в 381 г. на втором (Константинопольском) вселенском соборе был в главных чертах выработан «символ веры» — краткое изложение основных догматов христианской церкви. В этот «символ веры» вошел догмат о «троичности Бога», который по церковному учению един и вместе с тем состоит из трех лиц: «Бога-отца», «Бога-сына», «Бога-святого духа», догмат о воскресении Христа и пр. Церковь фактически признала императора своим главой.

Вскоре христианство стало господствующей религией в империи. Церковь превратилась также в крупную материальную силу. Дарения со стороны частных лиц и императоров способствовали росту ее имущества, особенно земельных владений, обрабатывавшихся рабами, колонами, прекаристами. Епископы стали играть важную роль в управлении городами, приобрели право суда над клириками, а в некоторых случаях и над мирянами.

Римский епископ стал добиваться признания за ним первенства среди всего высшего духовенства христианской церкви. В конце IV — начале V в. он присвоил себе исключительное право именоваться «папой» (от греческого *pappas* — «отец», т. е. глава церкви) и постепенно приобрел власть над всеми другими епископами Запада. Христианская церковь стала именоваться католической (что значит — вселенская, всемирная), а ее глава — папа — объявил себя преемником апостола Петра, а впоследствии «наместником Христа» на земле.

Важное значение в христианской церкви приобрели монастыри. Монашество возникло первоначально как форма отшельничества, ухода из общества людей, желавших избавиться от социального гнета, от «мирских» тягот. Первые монастыри возникли на Востоке еще в IV в. В V—VI вв. монашество распространилось и на Западе. Вначале монашеские поселения носили демократический характер. Монахи занимались физическим трудом, вели аскетический образ жизни и пользовались немалым влиянием в народе. Но постепенно монастыри начали расширять свои земельные владения и превращаться в крупных землевладельцев, использующих для обработки своих земель труд рабов и колонов. Будучи подчинены надзору епископов, монастыри оказались составной частью официальной христианской церкви и способствовали усилению ее влияния на массы. Но прочному церковному единству препятствовали острые социальные противоречия.

Борьба эксплуатируемых масс против господствующего класса и государства находила свое выражение в религиозных ересях. Еретиками именовались все те, кто не признавал установленных церковных догм, выработанных соборами или синодами (собраниями) епископов и других сановников церкви. В начале IV в. в Александрии, а затем и в других городах империи распространилось еретическое религиозное учение, получившее название арианства (по имени своего основателя — александрийского священника Ария). Арий выступил против официального догмата о троичности бога,

доказывая, что «бог-сын», т. е. легендарный основатель христианской церкви Иисус Христос, в котором якобы соединились воедино божественная и человеческая природа, не равен «богу-отцу», так как он сотворен «богом-отцом» и поэтому ниже его. В период своего возникновения арианство получило поддержку со стороны плебейских элементов некоторых городов, особенно в Александрии.

Арианство было осуждено Никейским собором как ересь. Официально признанное церковное учение было объявлено единственно правильным — ортодоксальным («православным»). Позднее арианство на время стало господствующей религией в Восточной Римской империи и получило распространение среди варваров. Но в 381 г. православие победило арианство в империи окончательно.

В V в. в восточных провинциях получило распространение «монофизитство» (по-гречески «монос» — один, «физис» — природа) - учение о «единой природе» бога, признававшее в Христе только божественное начало, в отличие от православного направления, считавшего, что Христу присуще постоянное единство божественной и человеческой природы. Монофизиты, которых особенно активно поддерживало египетское монашество, тесно связанные с низшими слоями населения, одержали победу на Эфесском соборе в 449 г. Но в 451 г. они были осуждены как еретики на Халкидонском соборе. Монофизиты сохранили, однако, влияние в Египте, Сирии, Армении.

Характер классовой борьбы и её значение для судеб империи

В Римской Африке в IV—V вв. борьбу против господствующей церкви вели донатисты (сторонники епископа Доната), настаивавшие на «чистоте церкви» и отстаивавшие необходимость «второго крещения», считая недействительным первое, совершенное в «неочищенной» церкви. В этом движении участвовали разнородные социальные элементы — от крупных землевладельцев, среди которых были распространены сепаратистские настроения, до эксплуатируемых масс — рабов, колонов, для которых оппозиция господствующей церкви являлась выражением их враждебности рабовладельческому государству. Наиболее решительные требования в этом движении выдвигала секта агонистиков (что значит по-гречески «борющиеся»), выступавшая против социального гнета. Правительство установило строгие наказания за участие в донатистской ереси.

Кризис и разложение рабовладельческой системы хозяйства в Риме находили свое выражение в социальных противоречиях и классовых конфликтах, которые проявлялись в различных формах. Большую роль играли такие формы сопротивления, как бегство рабов и колонов от своих господ, а городских ремесленников, прикрепленных к коллегиям, — из своих городов, уклонение от несения военной службы, от уплаты налогов. Во время вторжений варваров на территорию империи часть эксплуатируемых масс (особенно рабы, родственные по происхождению вторгавшимся варварским племенам) переходила иногда на сторону завоевателей. Происходили и вооруженные восстания, где главную роль в IV—V вв. играли уже не рабы, как это было во II—I вв. до н. э., а крестьяне римских провинций, к которым присоединялись колоны и рабы. В IV и особенно в начале V в. в Римской Африке развернулось народное движение, возглавленное сектой агонистиков. В этом движении принимали участие крестьяне, колоны, рабы. Они восставали против социального гнета под лозунгом борьбы с господствующей церковью. Восставшие сжигали имения крупных землевладельцев, нападали на духовенство ортодоксальной церкви, освобождали рабов, отнимали у кредиторов долговые расписки, не давали сборщикам налогов выполнять их функции. Эти выступления были, однако, неорганизованы, разрознены и не слились в единое крупное восстание. Движение агонистиков или циркумцеллионов (что на латинском языке означает «бродящие вокруг хижин», как их называли римские рабовладельцы) было жестоко подавлено местными властями.

Более широкий размах имели восстания багаудов в Галлии в начале и в 30—40-е годы V в. Участниками этого движения были главным образом крестьяне Арморика —

северо-западной части Галлии. Слово «багауды» происходило, по-видимому, от кельтского слова «бага» — борьба. В отдельных районах Галлии восставшим удавалось добиться успеха и образовать независимые общины, не признававшие власть Рима. В 40—50-х годах V в. движение багаудов распространилось и на Испанию, охватив ее северные области. Восстания вспыхивали и в Италии, и в самом Риме. Здесь это были главным образом выступления городского плебса, который протестовал против дороговизны, требовал увеличения раздач продовольствия населению.

Повседневная классовая борьба и восстания угнетенных народных масс, происходившие в поздней Римской империи, ослабляли мощь государства и углубляли кризис рабовладельческого строя, хотя и не заканчивались победой. Эксплуатируемые массы Римской империи не в состоянии были путем победоносного восстания уничтожить рабовладельческий строй. Как отметил Ф. Энгельс, «уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает...».

Рабы, связанные с отживающей системой хозяйства, не обладавшие никакой определенной программой общественного переустройства, не могли добиться победы. Для колонов и других мелких держателей, сидевших на чужих земельных участках, а также для разорявшихся свободных крестьян идеалом было состояние свободных мелких земельных собственников. Но развитие производительных сил в условиях того времени не могло привести к осуществлению этого идеала; возможно было лишь установление новой смягченной формы эксплуатации этих мелких производителей. Для борьбы колонов и крестьян характерны были стихийность, неорганизованность, разрозненность выступлений, которые мешали им достигнуть цели. Несмотря на сближение положения отдельных слоев непосредственных производителей (например, рабов, посаженных на землю, и колонов), между ними еще стояли сословные перегородки и имущественные различия, препятствовавшие их сплочению в борьбе с господствующим классом. Городской плебс, основой существования которого были бесплатные раздачи продовольствия из государственных запасов, жил в значительной мере за счет прибавочного продукта рабов и колонов; колоны и мелкие крестьяне в ряде случаев еще противостояли как свободные люди рабам и сами нередко эксплуатировали труд одного-двух рабов. «Для всех этих элементов, — писал Ф. Энгельс, — абсолютно не существовало какого-либо общего пути к освобождению».

Тем не менее враждебное отношение эксплуатируемого населения к рабовладельческому государству сыграло важнейшую роль в его исторической судьбе. Ослабленная классовый борьбой колонов, рабов, закабаляемых крестьянских масс и сепаратистскими тенденциями в провинциях, Западная Римская империя не в состоянии была долгое время противостоять натиску внешних противников.

Выходом из кризиса рабовладельческого строя, охватившего все сферы общественной жизни Римского государства, мог быть только переход к новому общественному строю.

Варварские племена, граничившие с Римской империей

Особенно большую опасность для Римского государства представляли варварские племена, граничившие с ним на периферии. Варварами римляне называли племена и народы, чуждые римской культуре. В марксистской исторической литературе варварами именуется племена, переживающие определенную ступень развития родового строя (начинающуюся с появления скотоводства и земледелия и заканчивающуюся разложением родового строя и началом формирования классового общества).

К наиболее крупным этническим группам из соприкасавшихся с Римом варваров относятся кельты, германцы, славяне. Основными областями поселения кельтов были Северная Италия, Галлия, Испания, Британия и Ирландия. После завоевания Римом Северной Италии, Галлии и Испании кельтское население этих областей вошло в состав Римского государства и слилось с римскими поселенцами в одну народность —

галло-римскую или соответственно испано-римскую. В Британии, также завоеванной римлянами, воздействие римских отношений сказалось слабее; у кельтов еще господствовал родовой строй на стадии его разложения. Первобытнообщинный строй, в меньшей степени подвергшийся разложению, сохранялся и у кельтов Ирландии, которая не была завоевана Римом.

Германцы в середине I в. до н

Германские племена к началу нашей эры населяли территорию, ограниченную Рейном на западе и Вислой на востоке, Альпами и Дунаем на юге, Северным и Балтийским морями на севере. Они жили также в южной части Скандинавского полуострова. В бассейне Вислы и далее к востоку, а также в ряде других областей рядом с германцами жили славянские племена, в верховьях Рейна и Дуная — кельты, родственные населению Галлии и Британии. В I в. до н. э. некоторые германские племена перешли Рейн и пытались осесть в Галлии, но были отброшены Юлием Цезарем обратно за Рейн. В конце I в. до н. э. территория от Рейна до Эльбы была завоевана Римом и стала римской провинцией. Но не надолго. После ряда столкновений с германцами римляне перешли к обороне. Рейн стал границей между Римом и территорией германских племен. Для укрепления этой границы римляне соорудили оборонительную линию, так называемый римский вал (Limes Romanus), протянувшийся от Среднего Рейна до Верхнего Дуная.

К востоку от древних германцев жили предки славян. Они расселились на обширной территории от Эльбы и Одера до Донца, Оки и Верхней Волги; от Балтийского поморья до Среднего и Нижнего Дуная и Черного моря. Античным авторам I—II в. н. э. они были известны под именем венедов (или венетов). Славянские племена к началу новой эры, по свидетельству Тацита, были оседлыми земледельцами. Основной отраслью хозяйства у них было подсечное земледелие, занимались они также скотоводством, охотой, рыболовством в бортничестве. Им известны были добыча и обработка железа, гончарное дело, прядение и ткачество из шерсти и льна. Деньги отсутствовали; торговля носила меновой характер. Славяне жили родовым строем.

В IV—VI вв. произошло значительное перемещение славянских племенных групп в западном направлении до Эльбы (Лабы), местами еще дальше, а на юге — до Балканского полуострова. В VI в. у византийских писателей появились новые наименования славянских племен: склавины и славены, к которым относились преимущественно южнославянские племена, жившие по Среднему и Нижнему Дунаю и между Дунаем и Днестром, и анты, обитавшие между Днестром и Днепром и составившие ядро восточной группы славян. Венетами византийские историки называли славянские племена, жившие главным образом по Висле и Балтийскому поморью и составившие впоследствии вместе со славянами, поселившимися в бассейне Лабы (Эльбы), западную ветвь славянства.

В IV—V вв. натиск варварских племен на Римскую империю усилился. Эти племена нанесли сильнейшие удары по рабовладельческому государству (приведшие на Западе к крушению империи) и сыграли большую роль в процессе перехода от античного рабовладельческого общества к феодальному. Общинный строй, принесенный ими на территорию Римской империи, явился предпосылкой развития феодальных отношений.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН

Данные, которые содержатся у Юлия Цезаря в «Записках о галльской войне» и в сочинениях других современных ему античных авторов, свидетельствуют о том, что германцы в середине I в. до н. э. жили родовым строем. Уровень общественного развития различных германских племен был неодинаков. Некоторые из них уже в это время жили оседлой жизнью, в частности в Северной Германии и Ютландии. Главное место в их хозяйстве занимало земледелие. Земля обрабатывалась большей частью сохой, в которую

впрягали быков; еще до начала новой эры у германцев вошел в употребление легкий колесный плуг. Другие германские племена в I в. до н. э. еще не осели окончательно на занятой ими территории, например те германцы, с которыми воевал Цезарь. У них, по наблюдениям римского полководца, весьма важное значение имело скотоводство; земледелие также играло заметную роль. Переселение таких племен представляло собой уже не обычное кочевничество номадов, а вызывалось нуждой в новых землях, что было обусловлено экстенсивным характером земледелия. У германцев в это время преобладала переложная система земледелия, при которой участки земли, занятые под пашню, периодически менялись, оставляя значительную часть земли на длительное время под залежь, для восстановления плодородия почвы.

В некоторых местностях Германии из руды добывалось железо, хотя и в незначительном количестве; имелись также медные и серебряные рудники, соляные копи.

Германцы селились деревнями, в которых обычно жили родовые общины. Для защиты от нападений неприятелей у них имелись укрепления — бурги с земляными валами и изгородями. Основной хозяйственной ячейкой у германцев была община. Обычно различают три последовательно сменявшие друг друга формы общины: 1) кровнородственную, 2) земледельческую и 3) соседскую (или марку). Во времена Цезаря у германцев была распространена кровнородственная община, для которой характерны коллективное производство и коллективная собственность на всю землю. Члены общины совместно обрабатывали землю, которая ежегодно (или раз в несколько лет) подвергалась переделу между родами. «И никто из них, — сообщает Цезарь о германцах, — не имеет точно отмеренного земельного участка или владений в частной собственности: но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников, где и сколько найдут нужным земли, а через год принуждают их перейти на другое место».

Такой хозяйственной системе соответствовали социальная структура и организация управления. Деление на классы отсутствовало, государства не было. Высшим органом власти являлось народное собрание, в котором могли участвовать все взрослые мужчины, обладавшие правом носить оружие. Родовые старейшины выполняли главным образом судебные функции. Во время войны избирался военный вождь. Война занимала уже очень видное место в жизни германского общества. Некоторые германские племена в это время подчиняли себе другие племена и заставляли их платить дань.

Для организации военных набегов на соседние племена вожди набирали отряды из числа воинов, добровольно изъявлявших готовность следовать за ними в поход. Эти временно действовавшие отряды представляли собой зародыши будущих военных дружин.

Общественный строй германцев времени Тацита

Об уровне общественного развития германцев к концу I в. н. э. можно судить на основании произведений римского историка Тацита — «Германия», «Анналы» и др., а также по археологическим памятникам. За полтора века, прошедших со времени Цезаря, общественное устройство германцев претерпело значительные изменения: германцы окончательно перешли к оседлости, повысился и уровень земледелия.

В I—II вв. н. э. распространился плуг с железным лемехом. Германцы выращивали такие сельскохозяйственные культуры, как ячмень, пшеница, рожь, овес, а также овощи (репа, лук), бобовые (чечевица, горох) и технические культуры (лен, конопля, вайда). В некоторых местностях применялись уже минеральные удобрения (известкование почвы). Но важную роль в хозяйстве продолжало играть скотоводство. Крупный рогатый скот (быки) использовался для сельскохозяйственных работ, лошадь — главным образом для военных нужд и для перевозок. Скот давал молочные продукты, мясо, сало, кожу, а овцы и козы — еще и шерсть. Скотом уплачивали вергельд — возмещение за убийство, получаемое родственниками убитого от сородичей убийцы. Скот входил также в состав подарков рядовых общинников старейшинам, в брачный дар жениха невесте и т. д.

Помимо выплавки металлов и кузнечного дела, германцам теперь известны были ткачество — изготовление льняного полотна и шерстяных тканей, гончарное дело и др.

С развитием производства возникает обмен между отдельными племенами. Германцы вели торговлю, хотя и незначительную по объему и с соседними народами. Торговые пути проходили тогда по Рейну Эльбе и Висле, а также по побережью Северного и Балтийского морей. Предметом внутреннего обмена были соль, меха и металлы. Ввозились в Германию, преимущественно римскими купцами, металлические изделия, украшения, вино. Вывозились рабы, кожи, скот, меха, янтарь. Но существенного значения для хозяйства германцев торговля не имела.

В социальных отношениях по сравнению с тем, что описал Цезарь, тоже произошли серьезные изменения. Кровнородственную общину сменила «земледельческая община», которая, как отметил Маркс, «была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами». Собственность на землю, включая и пахотные поля, оставалась общей, но процесс производства уже не являлся коллективным. Пользование пахотной землей и обработка ее перешли к отдельным домохозяйствам, к «большим семьям», состоявшим обычно из трех или большего числа поколений, совместно живущих и ведущих общее хозяйство близких родственников — родителей, их взрослых сыновей и внуков.

Хозяйственные распорядки германцев в земледелии охарактеризованы Тацитом следующим образом: «Земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников и вскоре они делят ее между собой по достоинству; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню и еще остается (свободное) поле». Это описание свидетельствует о том, что у германцев в I в. н. э. сохранилась еще (и надо полагать — у многих племен) переложная система земледелия. Периодически происходили переделы всей пахотной земли между отдельными домохозяйствами. Совместно пользовались все члены общины неподделанными угодьями — лесами, пастбищами, пустошами. Приусадебная же земля вместе с домом уже перешла в собственность отдельных больших семей.

В некоторых местностях (в Ютландии, в отдельных районах Северной Германии) по данным археологии в начале новой эры в индивидуальное наследственное владение больших семей выделялись и превращались в собственность отдельных домашних общин не только приусадебные участки, но и пахотные поля. Это подтверждается археологическими данными в отношении Ютландии и некоторых районов Северной Германии. Такой порядок землепользования сложился, по мнению Энгельса, там, где характер местности затруднял переделы земли, — в тесных долинах, на узких плоских возвышенностях, между болотами. Господствующими же у германских племен оставались хозяйственные распорядки, при которых общине принадлежала собственность на все ее земли, кроме приусадебных.

Общественные классы у германцев и во времена Тацита отсутствовали. Основным типом непосредственных производителей были по-прежнему свободные общинники. Они не подвергались эксплуатации, пользовались равными правами (в отношении владения землей, ношения оружия, участия в народном собрании и др.). Но зарождалась уже социальная дифференциация. У германцев имелись рабы, положение которых Тацит описывает довольно подробно. Главным источником рабства была война. Рабы были бесправны. Господин мог безнаказанно убить своего раба. Но все же рабы у германцев находились в лучшем положении, чем в классическом рабовладельческом обществе. Они имели свой дом, свое хозяйство и лишь вносили своим господам оброк натурой (хлебом, мелким скотом, тканями). По своему положению они напоминали, как считал Тацит, скорее римских колонов, чем римских рабов. Свободных и рабов у германцев не разделяла такая социальная пропасть, как у римлян. Рабство в целом не имело в древнегерманском обществе такого значения, как в римском, поскольку рабы не играли главной роли в производстве. Это было рабство в его начальной стадии — «патриархальное рабство». На волю рабов

отпускали редко, при этом вольноотпущенники мало отличались по своему положению от рабов.

Социальное расслоение наметилось и среди свободных германцев. Из общей массы свободных общинников выделилась родовая знать. Представители знатных семей отличались от других общинников имуществом и политическим влиянием: в руках знатных сосредоточилось большое количество скота, рабов. Об имущественной дифференциации свидетельствуют и данные археологии. В одном и том же селении наряду с дворами, где были помещения для 2—4 голов скота, иногда имелись такие дворы, где содержалось более 30 голов. В некоторых погребениях имеется разнообразное оружие — мечи, щиты, по нескольку наконечников копий и богато украшенные предметы домашнего обихода. Это, очевидно, могилы родовой знати. В других же могилах, предназначенных, по-видимому, для рядовых свободных людей, обнаружены лишь отдельные виды оружия — копье или копье и щит, иногда меч и щит.

У знатных семей постепенно оказывалось в пользовании также и большее количество земли, чем у рядовых общинников, поскольку раздел земли производился не поровну между семьями, а «по достоинству» (*secundum dignationem*), т. е. очевидно, в соответствии с социальным положением этих семей.

Особенно быстро развивалось имущественное неравенство среди германских племен, населявших пограничные с римскими провинциями территории. На этот процесс оказывали свое воздействие оживленные торговые связи германцев с римлянами и хозяйственные распоряжки местного романизированного населения.

Германцы при Таците жили еще догосударственным строем. Высшая власть оставалась и теперь за народным собранием, которое решало вопросы войны, мира и другие важнейшие дела, избирало старейшин и военных вождей племени, творило суд в соответствии с обычаями племени. Но помимо народного собрания большое значение приобрел совет старейшин. Этот орган власти решал менее значительные дела самостоятельно, не обращаясь к народному собранию, а более важные подготавливал к обсуждению в нем. Таким образом, знать из которой состоял совет старейшин, играла немалую роль в общественном управлении.

Военный вождь командовал ополчением во время войны. Он избирался по принципу пригодности («по доблести», пишет Тацит), но практически в большинстве случаев — из круга знатных семей. «Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам», — отмечает Тацит. Знатность передавалась таким образом по наследству.

У некоторых германских племен в эпоху Тацита складывался новый орган власти, значение которого постепенно возрастало, — королевская власть. Король, стоявший во главе племени, выполнял те же функции и имел те же права, что и старейшина племени. Но часто он выполнял одновременно и функции военного вождя. Власть короля была ограничена народным собранием и советом старейшин. «У королей, — пишет Тацит, — нет неограниченной или произвольной власти, и вожди главенствуют скорее примером, чем на основании права приказывать». Короли избирались всеми свободными людьми племени, но из узкого круга знатных родов. И хотя королевская власть еще представляла собой один из органов системы управления родового строя, в ряде случаев уже заметно стремление королей присвоить себе права верховной власти, стоящей над народом. У некоторых племен возникали зачатки наследственной королевской власти.

Известную роль в общественной жизни германских племен играли служители языческих религиозных культов — жрецы и прорицательницы. Жрецы поддерживали порядок на собраниях, в отдельных случаях подвергали наказаниям тех, кто совершал преступления. Однако особого, привилегированного слоя, имевшего самостоятельное значение в общественной жизни, жрецы и прорицательницы не составляли.

Видное место в общественной жизни германцев в конце I в. н. э. занимали военные дружины. В отличие от времени, описанного Цезарем, дружины превратились теперь в

постоянные военные отряды вождей и других знатных людей. Дружинники жили во владениях своих предводителей, получали от них оружие, коней, часть военной добычи и содержание в виде угощений. Связанные со своими вождями узами послушания и личной преданности, дружины способствовали усилению власти военных вождей и королей.

Рост значения знати и королей в управлении не означает, однако, утверждения у древних германцев «аристократического строя», как считают некоторые зарубежные исследователи. Массы рядовых свободных продолжали играть определяющую роль в общественной жизни.

Организация управления, сложившаяся в это время у германских племен, характеризуется Энгельсом как «военная демократия». Органически связанная с войной, потому что «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни», эта система управления была вместе с тем демократией, потому что рядовые общинники участвовали в общественном управлении. Народное собрание выступало в качестве высшего органа власти, основой военной мощи племени оставалось ополчение, состоявшее из всех рядовых свободных воинов.

Родовые отношения были еще очень сильны и определяли все стороны жизни германцев в мирное и военное время; Родственники участвовали в наследовании имущества умершего родича, обязаны были мстить за пострадавшего и участвовать в уплате вергельда и штрафов за сородича, совершившего правонарушение. Боевой порядок на войне строился по родам и группам родственников.

Таким образом, в эпоху, описываемую Тацитом, германские племена находились на высшей ступени родового строя, когда этот строй уже начинал разлагаться. Об этом свидетельствует зарождение имущественного неравенства, появление, хотя еще и ограниченное, частной собственности на землю, замена кровнородственной общины земледельческой, начало формирования наследственной знати и наследственной королевской власти.

§ 3. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ

Передвижения германцев во II—III вв.

Во II—III вв. н. э. происходили перегруппировки и перемещения германских племен в Восточной и Центральной Европе, приведшие к усилению натиска германцев на границы Римской империи. Их главной причиной был рост производительных сил в германском обществе. Соседние племена и народы, оказывая давление на германцев, также побуждали их к передвижениям.

Особенно длинный путь во время своих передвижений проделали восточногерманские племена — готы. Еще во II в. н. э. они передвинулись из областей, примыкающих к Прибалтике, в Причерноморье. Готские племена, поселившиеся по Днестру и нижнему Дунаю, именовались вестготами; готы, занявшие области на восток от Днестра до берегов Черного и Азовского морей, — остготами. Отсюда готы постоянно совершали набеги на территорию Римской империи.

У германцев в это время возникли новые крупные племенные союзы, носившие более устойчивый характер: алеманьский союз (в него входили семноны, квады и некоторые другие племена в верховьях Рейна); союз саксов (состоявший из ряда племен, обитавших к западу в восток от нижней Эльбы, — херусков, хавков и др.); союз франков (из племен среднего и нижнего Рейна — хамавов, батавов, сигамбров хаттов, салиев и др.); союзы вестготов и остготов в Причерноморье; союзы лангобардов, вандалов, бургундов и др.

В III – начале IV в. алеманны захватили так называемые Десятинные поля (земли в треугольнике между Рейном, Дунаем и Неккаром). У германцев появился плацдарм для дальнейших вторжений на территорию империи.

Изменения в общественной жизни германцев во II—V вв.

Рост производительных сил у германцев нашел свое выражение в усовершенствовании орудий производства и агрикультуры, в развитии и более широком распространении различных ремесел, промыслов, в росте торговли. Расширилось применение тяжелого плуга с железным лемехом; получила распространение борона; увеличилась площадь обрабатываемых земель путем расчистки лесов; улучшились породы скота.

Был достигнут прогресс в ремесле и промыслах; повысилось качество изготовлявшегося германцами оружия (мечей, шлемов, боевых топоров), домашней утвари, металлических украшений, изделий из кожи, тканей, гончарных изделий (уже с применением гончарного круга). Усовершенствовалось судостроение, строились большие весельные суда. Расширилась торговля: римские купцы стали постоянными посетителями германских областей; велась также торговля со Скандинавией и Причерноморьем. Но при всем этом в целом хозяйство у германцев оставалось натуральным.

Более тесный контакт с империей ускорял процесс разложения родового строя у германцев, обусловленный ростом производительных сил. Он выражался прежде всего в дальнейшем имущественном расслоении среди свободных общинников, возникновении неравенства между отдельными родами. У некоторых германских племен прекратились уравнительные переделы земли между членами общины.

О возникновении неравенства между родами и внутри рода свидетельствует и тот факт, что у ряда германских племен появился слой полусвободных людей (литы у франков и саксов, лэты у ютов, альдии у лангобардов), которые обычно являлись держателями земель свободных земледельцев. В этот слой полусвободных входили главным образом обедневшие сородичи. Находясь в личной и частично материальной зависимости от своих господ, они в то же время обладали в отличие от рабов известной правоспособностью: их жизнь была защищена вергельдом, они могли заключать имущественные сделки.

Система управления германцев по-прежнему представляла собой военную демократию. Но для этого времени характерно дальнейшее усиление роли знати, умаление значения рядовых свободных в общественной жизни и возникновение зачатков государства в виде наследственной королевской власти, опирающейся на военные дружины.

Новые условия социально-экономической жизни сделали неизбежными изменения и в области культуры и идеологии. У германцев появилась руническая письменность — система письма, в которой наряду с особыми знаками германского происхождения использовались буквы греческого и римского алфавитов. Но письмо это применялось лишь для целей религиозного культа и для кратких надписей на оружии, утвари.

В IV в. среди ряда германских племен (готов, вандалов, бургундов и др.) распространилось христианство в форме арианства. Первым проповедником христианства у готов был Ульфилла, который перевел Библию на готский язык.

Но все эти новые явления в жизни германских племен не означали еще коренного изменения общественного строя. Принцип частной собственности на землю еще не утвердился, и классовое общество у германцев еще не сложилось.

Начало так называемого «Великого переселения народов»

В конце IV в. н. э. начались особенно крупные, массовые передвижения варварских племен и вторжения их на территорию Римской империи, называемые обычно «Великим переселением народов». Наступление варварских племен на империю было вызвано, во-первых, углублением имущественного и социального неравенства в их среде и, во-вторых, стремлением к умножению богатств, к захвату земель и военной добычи. Война для германских племен к этому времени стала обычным и постоянным занятием. Территория Римской империи с ее обширными, хорошо возделанными землями и богатыми городами имела особую притягательную силу для варваров. Рост населения как следствие

повышения жизненного уровня в результате перехода к оседлости также оказался одним из факторов «Великого переселения».

В то же время германские племена подвергались и давлению извне. Они испытывали натиск со стороны соседей, нуждавшихся в новых землях для поселения. Особенно острую потребность в территории испытывали кочевые племена Азии, которые в связи с их способом производства (кочевое скотоводство) стремились овладеть обширными пространствами. Земледельческие племена, не будучи способными оказать успешное сопротивление многочисленной коннице кочевников, оставляли обжитую территорию и в свою очередь вступали в борьбу с другими варварскими племенами или Римом из-за областей, пригодных для поселения.

Передвижения варварских племен, происходившие с конца IV до VI в. н. э., отличались от предшествующих переселений как по своим масштабам, так и по характеру. В них участвовали особенно значительные массы варваров, которые передвигались на тысячи километров по территории Европы. Варвары не ограничивались нападением на пограничные области Римского государства, а вторгались и во внутренние районы империи. В условиях все углубляющегося кризиса рабовладельческого способа производства, ослабленная социальными противоречиями Римская империя не в состоянии была оказать завоевателям эффективного сопротивления.

Исходным толчком к «Великому переселению народов» явились передвижения гуннов. Во второй половине IV в. на территории между Волгой и Доном образовался племенной союз, ядро которого составляли выходцы из Азии — гунны, жившие родо-племенным строем. Одни исследователи относят их к племенам тюркского происхождения другие — монгольского). Гунны были скотоводами-кочевниками, не знали земледелия, промыслы находились в зачаточном состоянии. Земля, занимаемая племенем, являлась владением всего племени; все главные дела решались на народных собраниях (не слезая с коней) на время военных действий избирались военные вожди. Постоянной королевской власти в IV в. у гуннов не было.

Во второй половине IV в., продвигаясь на запад, гунны разгромили в бассейне Дона племя аланов, включив его в свой племенной союз. Затем в 375 г. гунны нанесли поражение готскому племенному союзу в Причерноморье, в результате чего этот союз, в подчинении у которого находились многие соседние племена, распался. Часть остготов вошла в состав гуннского объединения, другая же передвинулась на запад.

Образование Вестготского королевства

Вестготы, соседи остготов, опасаясь гуннского нападения, снялись вместе с семьями со своих мест, перешли через Дунай на территорию Римской империи и в 376 г. были поселены римским правительством в Мезии (часть нынешней Болгарии) в качестве федератов — союзников империи. Вестготы сохраняли свое управление и обычаи и должны были нести военную службу по охране границ. Но римские власти, вопреки обещаниям, не обеспечивали их продовольствием. Голод, вымогательства и насилия со стороны римских чиновников побудили вестготов к восстанию. К ним присоединились отряды из других германских племен. К вестготам примкнули также рудокопы, работавшие в рудниках Фракии, и многие варвары-германцы, находившиеся в рабстве у римлян в данной местности. В 378 г. в битве при Адрианополе римская армия была разгромлена готской конницей, а император Валент погиб.

К 382 г. римскому императору Феodosию удалось подавить восстание. Вестготы снова были поселены в качестве федератов (в Мезии, Фракии и Македонии), но после 395 г. они опять восстали во главе с предприимчивым военным вождем Аларихом из знатного рода Балтов, которого избрали королем. Восстание было подавлено с трудом, и Рим был вынужден предоставить вестготам для поселения богатую провинцию Иллирию на западе Балканского полуострова.

Дальнейшая борьба вестготов с Римом переместилась в Западную империю. Вестготов привлекала Италия, и в начале V в. они вторглись в нее. В течение ряда лет военные действия вестготов против Рима периодически сменялись соглашениями о союзе. Но с 408 г., после смещения римским правительством полководца Стилихона, одержавшего ряд побед над вестготами, и его казни, натиск вестготов усилился. На сторону Алариха перешло много варваров-германцев из войск Стилихона, а также большое число римских рабов. Аларих несколько раз подступал к Риму и осаждал его. В 410 г. Рим был взят вестготами и разграблен.

Падение столицы мировой империи произвело огромное впечатление на современников. Многим представителям античной культуры казалось, что с падением Рима погибнет весь мир. Но борьба между Римом и варварами продолжалась. Из опустошенной Италии, где вестготы не могли удержаться из-за недостатка продовольствия, они под предводительством преемника Алариха — Атаульфа — после неудачной попытки переправиться в Сицилию перешли в Южную Галлию.

Римское господство в Галлии было уже подорвано народными восстаниями багаудов, мятежами претендентов на императорский престол и вторжениями различных варварских племен.

После нескольких лет борьбы вестготы по соглашению с правительством империи поселились в качестве федератов в Юго-Западной Галлии (Аквитании). Здесь в 418 г. возникло первое варварское государство на территории Римской империи — Вестготское королевство со столицей в Толозе (современная Тулуза). Вскоре после своего поселения в Аквитании вестготы разделили земли с местным населением, получив две трети пахотных земель и половину других угодий, принадлежавших римским землевладельцам, в первую очередь земли императорского фиска и крупных римских магнатов.

Во второй половине V в. вестготы завоевали всю Галлию южнее Луары и Дюранса, а также большую часть территории Испании. В начале VI в. франки разгромили Тулузское королевство вестготов и Аквитания в 507 г. вошла в состав Франкского королевства. Центр Вестготского государства переместился в Испанию. В состав государства вестготов, кроме испанских земель, входила область на юге Галлии — Септимания. Оно просуществовало до начала VIII в., когда было завоевано арабами.

Вандальское королевство в Африке

Вслед за вестготами создало свое королевство на римской территории германское племя вандалов; в III в. н. э. оно переместилось из внутренних областей Германии на Дунай, в Дакию, в начале IV в. — в Паннонию, а затем под давлением гуннов передвинулось на запад. Вместе с другими варварскими племенами вандалы в начале V в. прорвали римскую оборону на Рейне, вторглись в Галлию и подвергли ее страшным опустошениям. Из Галлии вандалы вместе с аланами и свевами перешли в Испанию, где через некоторое время столкнулись с вестготами.

В 429 г. вандалы вместе с аланами переправились через пролив (современный Гибралтар) в Северную Африку. Их возглавлял король Гейзерих, сумевший использовать мятеж римского наместника в Северной Африке, восстания против Рима местных племен (берберов) и не сломленное до конца народное движение агонистиков. Он завоевал большую часть Северной Африки, где возникло самостоятельное Вандальское королевство со столицей в Карфагене. Вандалы, которые были арианами, захватили земли и имущество римской знати и католической церкви в той части Северной Африки, где поселились (современные Тунис и Ливия). Завладев затем Ба-леарскими островами, Корсикой, Сардинией, Сицилией, Гейзерих в 455 г., напав с моря на Италию, захватил Рим. Вандалы подвергли город страшному разгрому и опустошению, уничтожили много памятников культуры и произведений искусства. Отсюда происходит возникший позднее термин «вандализм», которым обычно обозначается дикое уничтожение культурных ценностей.

Вандальское королевство просуществовало до 534 г., когда войска императора Юстиниана разгромили вандалов и присоединили Северную Африку к Византии.

Образование Бургундского королевства

В Юго-Восточной Галлии в V в. образовалось Бургундское королевство. Вместе с вандалами, аланами и свевами бургунды в начале V в. перешли через Рейн и основали на среднем Рейне свое королевство с центром в Борисе. В 437 г. Бургундское королевство было разгромлено гуннами, и остатки бургундов были поселены Римом в качестве федератов в Сабаудии (современная Савойя), к югу и юго-западу от Женевского озера. Позднее бургунды распространились на долину верхней и средней Роны и Соны с их притоками, и в 457 г. оформилось новое Бургундское королевство со столицей в Лионе.

Бургунды осуществили раздел земель с местным населением. Очевидно, дележу подверглись земли не только знати, но и других землевладельцев. Бургунды получили половину лесов, лугов, и пастбищ, одну треть рабов и сначала половину, а позднее две трети пахотных земель галло-римлян. Селились бургунды кровнородственными группами (большими семьями), которые именовались фарами (а их члены — фараманнами). Бургунды, как и вестготы, не встретили сопротивления со стороны населения Галлии, стремившегося избавиться от римского господства, от непосильных налогов. По словам галло-римского клирика V в. Сальвиана, римский плебс «единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить с варварами...». Некоторые представители местной знати стали служить варварским королям. В 534 г. Бургундское королевство было завоевано франками.

Гуннский племенной союз в V в.

Гунны, разгромив остготов, стали вторгаться на римскую территорию. В начале V в. они заняли Паннонию (западную часть современной Венгрии) и создали здесь обширное объединение, в которое входил ряд покоренных ими германских и негерманских племен (остготов, ква-дов, маркоманнов, герулов, гепидов и др.). Уровень общественного развития у гуннов к этому времени несколько повысился, усилилась социальная дифференциация, появились рабы, использовавшиеся главным образом в домашнем хозяйстве, начала складываться наследственная королевская власть. Однако, оставаясь в основной своей массе кочевниками, гунны нуждались главным образом в пастбищах для скота и военной добыче и поэтому продолжали свои завоевания. При этом они беспощадно уничтожали целые деревни и города, взимали дань с покоренного населения. В середине 40-х годов V в. во главе гуннов стал энергичный предводитель Атиллы, прозванный современниками «бичом божьим», под водительством которого они опустошили значительную часть Европы.

Более низкий уровень общественного развития кочевников-гуннов исключал возможность такого взаимодействия римских и варварских социальных отношений, которое было характерно для королевств, «скованных земледельческими германскими племенами в Галлии, Ис-иании и Италии».

В начале 50-х годов Атиллы перешел Рейн и вторгся в Галлию. В 451 г. в Шампани при Мауриаке произошло одно из крупнейших сражений того времени. На стороне римлян, которых возглавлял полководец Аэций, выступали вестготы, франки, бургунды; на стороне гуннов — остготы, гепиды. Гунны понесли в этом сражении огромный урон и вынуждены были отступить за Рейн. После смерти Атиллы гуннское объединение племен распалось (454 г.).

Образование Остготского королевства

После распада гуннского племенного союза остготы жили в дунайских областях, в Паннонии, а также во Фракии и являлись федератами (союзниками) Восточной Римской империи. Вождь остготов Теодорих из знатного рода Амалов имел римские звания патриция и консула.

Объединив в 488 г. под своей властью большую часть остготов, Теодорих организовал с согласия восточноримского императора Зенона поход в Италию, где правил Одоакр.

После ряда нанесенных ему остготами поражений Одоакр заключил с Теодорихом мир и договор о разделе Италии. Но вскоре Одоакр был убит Теодорихом, и в 493 г. в Италии образовалось Остготское королевство со столицей в Равенне, включавшее также и области к северу от Италии вплоть до Дуная — нынешние Тироль, Швейцарию, части Баварии, Австрии, Венгрии, а также Иллирию на восточном побережье Адриатического моря.

Основная масса остготов расселилась в Северной и Средней Италии. В Южной Италии находились лишь готские гарнизоны. Раздел земель с местным населением был осуществлен путем предоставления готам одной трети владений римских землевладельцев за счет земель, ранее захваченных приверженцами Одоакра. Позднее разделу подверглись дополнительно и другие земли части римских землевладельцев. Остготское королевство просуществовало лишь до 555 г., когда в результате долгой войны Византийская империя окончательно подчинила своей власти Италию.

Завоевание Италии лангобардами

Византии, однако, не удалось сохранить надолго свое господство над всей Италией. В 568 г. лангобарды (германское племя, жившее ранее на левом берегу Эльбы, а затем переселившееся на Дунай в Паннонию) под предводительством короля Альбоина вторглись в Италию. К началу VII в. лангобардам удалось захватить большую часть Италии. Они расселились в северной и средней части страны (будущие Ломбардия и Тоскана) и в горных областях Южной Италии, где образовались лангобардские герцогства Беневент и Сполето. Большая ее часть морских портов осталась в руках византийцев. Не вошла в состав Лангобардекого королевства и область вокруг Равенны (так называемый Равеннский экзархат — наместничество Византии), а также область вокруг Рима (впоследствии Папская область). Лангобарды селились в Италии кровнородственными группами (большими семьями), которые, как и у бургундов, именовались фарами. Лангобарды не производили какого-либо регулярного раздела земель с римским населением, как это делали бургунды или вестготы, но их расселение сопровождалось изгнанием и частичным истреблением римских крупных и средних землевладельцев, конфискацией их земель. Пострадала также часть местных крестьян, колонов и рабов, сидевших на земле. Основная же масса римских рабов и колонов слилась с лангобардскими рабами и полусвободными (альдиями).

Лангобардское королевство просуществовало до 70-х годов VIII в., когда было завоевано франками.

Образование англосаксонских королевств в Британии

В начале V в. римское правительство, напрягавшее все силы для обороны Италии от варваров, вынуждено было отозвать свои легионы из Британии. После этого кельтские племена пиктов и скоттов усилили свои набеги с севера на юго-восточные районы страны, где находились города и виллы римского типа.

С середины V в. начались массовые, хотя и разрозненные, вторжения в Британию германских племен с северного побережья Германии и Ютландского полуострова — англов, саксов, ютов, а также фризов, живших на побережье Северного моря. Англи и саксы составляли среди этих племен большинство, и поэтому все вторгшиеся в Британию и поселившиеся здесь племена называют общим именем англосаксов. Бритты — кельтское население Британии — оказали завоевателям упорное сопротивление. В результате борьбы, продолжавшейся до начала VII в., значительная часть кельтского населения была истреблена или порабощена; часть бриттов сохранила свободу и землю и постепенно смешалась с германскими завоевателями, другая переселилась в Галлию, в Арморик (будущая Бретань).

Самостоятельность кельты удержали лишь на западной окраине острова (в Уэльсе и Корнуолле), на севере (в Шотландии), а также в Ирландии.

Завоеватели образовали на территории Британии несколько варварских англосаксонских королевств (см. гл. 6).

Образование Франкского королевства

Франки впервые упоминаются в римских источниках в III в. н. э. Это был большой племенной союз, сложившийся из нескольких более древних германских племен. Франки жили по нижнему и среднему течению Рейна и морскому побережью по Шельде. В III—IV вв. франки часто нападают на Римскую Галлию в поисках новых мест для поселения. Во второй половине IV в. они заняли Ток-сандрию (область между Маасом и Шельдой), поселившись здесь в качестве федератов империи. К середине V в. салические франки распространили свои владения на юг и запад до Соммы.

Вождь одного из франкских племен «салиев» — Хлодвиг (481—511) после падения Западной Римской империи начал завоевание Северо-Восточной Галлии, которой правил римский магнат Сиагрий, бывший здесь ранее наместником императора. Разгромив в 486 г. близ Суассона войска Сиагрия, Хлодвиг захватил земли до Сены, а затем расширил владения франков до Луары. Захватив значительную часть Галлии, Хлодвиг устранил вождей — королей салических франков а также других франкских племен и объединил под своей властью всех франков.

Чтобы укрепить свою власть, Хлодвиг в 496 г. вместе со своей пружинной принял христианство по обряду ортодоксальной церкви в отличие от вестготов, остготов, вандалов, бургундов, лангобардов, которые были арианами. Это был ловкий политический шаг, который обеспечил Хлодвигу в ходе дальнейшего завоевания Галлии поддержку галло-римского духовенства, видевшего в арианской ереси угрозу своим богатствам, церковной собственности.

Завоевая Галлию, франки в отличие от вестготов, остготов и других германских племен, вторгшихся в империю, никогда не порывали связи со своей родиной в Германии, что обеспечивало им в V — начале VI в. постоянный приток свежих сил из-за Рейна.

Полное отсутствие упоминаний в источниках о каком-либо регулярном разделе земель между франками и местным галло-римским населением дает основание думать, что франки располагались главным образом на пустующих землях, частично, возможно, и на землях, отобранных у местного населения. Дружинники получали земли и в доменах императорского фиска, которыми завладели франкские короли. На завоеванных землях франки селились кравнородственными объединениями — большими семьями. Массовое поселение франков ограничивалось, однако, территорией к северу от Луары. В Южной Галлии осел лишь узкий слой франкской служилой знати.

Падение Западной Римской империи. Общие результаты варварских завоеваний

После ударов, нанесенных варварами Римской империи, переживавшей глубокий кризис, и завоевания варварами ее провинций под властью Рима осталась в сущности лишь одна Италия. Но и здесь власть фактически находилась в руках предводителей варварских дружин, свергавших одних императоров и ставивших на их место других. В 476 г. последний император Западной Римской империи Ромул Августул был свергнут предводителем варварских наемников — Одоакром, который раздал своим воинам треть земельных владений италийских землевладельцев. Этот год условно принято считать датой падения Западной Римской империи, хотя распад ее начался задолго до этой даты. После захвата власти Одоакром императорская власть на Западе прекратила свое существование, и основанные на ее территории варварские королевства не только по существу, но и формально приобрели самостоятельность.

Варварские вторжения имели важнейшее значение для истории Европы. Результатом их было падение рабовладельческой Римской империи на Западе, подорванной глубокими

внутренними противоречиями. Политическая карта Европы изменилась: на территории, прежде занятой Западной Римской империей, к концу V — началу VI в. появились варварские королевства, в которых создавались условия, необходимые для развития новых общественных отношений, для перехода к феодализму.

Глубокие изменения произошли в социально-экономическом и политическом строе Западной Европы. Частичная или полная экспроприация варварами римских землевладельцев явилась мощным ударом по рабовладельческой системе хозяйства, ускорившим давно уже начавшееся ее разложение. Изменилась структура общества. В результате поселения германцев на территории Западной Римской империи среди масс непосредственных производителей важную роль стал играть слой свободных мелких земледельцев — общинников. Римское рабовладельческое государство, являвшееся сильнейшим препятствием для перехода от рабовладельческого строя к более прогрессивному — феодальному, было уничтожено.

Падение Западной Римской империи, образование варварских королевств на ее территории и упомянутые изменения в социальных отношениях представляли собой начало социальной революции, которая привела в конечном счете к смене рабовладельческого строя Рима и родового строя германцев феодальным строем.

§ 4. ПУТИ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Формирование феодальных отношений, образование крупного феодального землевладения, превращение свободных мелких производителей материальных благ в феодально зависимых крестьян, возникновение политических учреждений и идеологии феодального общества — таково основное содержание процесса становления феодальной общественно-экономической формации в Западной Европе. Однако в различных странах этот процесс имел свои особенности.

В ряде случаев феодальные отношения складывались в Западной Европе в результате всестороннего взаимодействия и синтеза разлагавшихся германских родо-племенных отношений и отношений позднеримского разлагавшегося рабовладельческого общества. Зачатки феодализма, которые возникали у германцев в период разложения родового строя, развились в настоящий феодализм «...лишь после завоевания, — благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах».

Таким образом, в варварских германских королевствах происходило не простое механическое соединение позднеримских и германских общественных отношений, а имели место их взаимодействие и синтез, складывались качественно новые отношения. Как уже отмечалось, элементы таких отношений появились и в позднеримском обществе, и в разлагавшемся родо-племенном германском обществе. В результате упомянутого взаимодействия возникновение и развитие феодализма было облегчено и ускорено как для германских племен, так и для зашедшего в тупик римского общества. Такой путь развития феодальных отношений характерен для Вестготского, Бургундского, Франкского, а отчасти Вандальского, Остготского и Лангобардского королевств.

Несколько отличался процесс феодализации в тех странах, где это взаимодействие было либо менее значительным, либо вовсе отсутствовало, — англосаксонские королевства, области внутренней Германии. Это относится и к тем германским племенам, которые обитали в прежних римских провинциях, но в таких, где влияние римских порядков было слабым и непрочным (например, бавары, але-манны). Без всякого взаимодействия с

позднеримскими отношениями происходило разложение родового строя в Скандинавских странах.

Процесс феодализации в форме взаимодействия и синтеза германских и позднеримских отношений

Римское рабовладельческое общество даже на стадии разложения стояло по уровню производительных сил значительно выше, чем германские племена. Так, например, для позднеримской агротехники характерны были широкое распространение двухполья и трехполья, интенсивное удобрение почвы, посевы кормовых трав, стойловое содержание скота. Римляне применяли в соответствии с особенностями почвы в Италии легкий плуг; в ряде римских провинций, где почва была иной и требовалась глубокая вспашка, пользовались тяжелым колесным плугом. Относительно высоко развита была техника в целом ряде отраслей ремесленного производства.

Вступая в контакты с римлянами еще до падения империи, германцы заимствовали некоторые достижения римской техники и культуры. После же их поселения на римской территории возможности такого заимствования резко возросли. Этому способствовал в ряде случаев сам характер расселения завоевателей, который предполагал тесное взаимодействие германцев и местного населения в сфере производства. В Южной и Юго-Восточной Галлии, в Италии (при остготах) и в Испании возникали деревни со смешанным германо-римским населением. Домены фиска перешли в руки германских королей и служилой знати вместе со всем инвентарем и населением этих имений, т. е. рабами, колонами и другими земледельцами. В таких условиях германцы могли быстро перенять ряд достижений римского производства.

Даже в тех местностях, где римские землевладельцы были почти сплошь экспроприированы, использование в качестве непосредственных производителей бывших римских рабов и колонов давало возможность германцам усваивать элементы римской агротехники и ремесленного производства. Рабы, обученные ремеслу, судя по варварским правдам, особенно ценились германцами. Сами германцы также оказывали влияние на развитие производительных сил в завоеванных ими странах. В Галлии, Италии, Испании и Северной Африке германцев было значительно меньше, чем местного населения, но за счет германских общинников здесь вырос слой свободного крестьянства и получило широкое развитие мелкое производство, которое представляло собой в то время более прогрессивную форму хозяйства, чем рабовладельческое хозяйство латифундий.

Таким образом, возникла возможность преодолеть тот застой и регресс в развитии производительных сил, к которому привело римское общество господство рабовладельческой системы хозяйства.

Поселение германцев среди римского или романизированного населения завоеванных стран ускорило у них процесс разложения общины и переход от архаических ранних ее форм к более развитым, соответствующим последним стадиям в развитии родового строя. В законах, изданных в варварских королевствах, или вовсе не отражены уже общинные отношения, или сохранились данные, свидетельствующие только об отношениях, переходных от земледельческой общины к марке, и о самой марке. Марка, или соседская община, - это наиболее поздняя форма общины, характеризующаяся прежде всего тем, что земельные наделы находятся в собственности общинников и что отсутствуют уже переделы пахотных полей и лугов, но сохраняется еще общее владение неподеленными угодьями (альмендой) — лесами, пастбищами, пустошами.

Римское представление о собственности к началу VI в. уже было усвоено писаным правом Вестготского, Остготского и Бургундского королевств. Из варварских правд и законов, изданных в этих королевствах во второй половине V в. и в VI в., видно, что германцы, как и местные жители, продавали, покупали, дарили и завещали и движимое, и

недвижимое имущество. Медленнее принцип частной собственности на землю утверждался у лангобардов и франков.

Разложение общинной организации и развитие частной собственности на землю вели к росту социальной дифференциации у германцев. Из среды общинников выделялись более зажиточные и служилая знать, с одной стороны, и разоряющиеся свободные люди, которые оказывались в поземельной и личной зависимости от крупных землевладельцев, — с другой.

Классы крупных землевладельцев и зависимых крестьян, складывавшиеся в раннефеодальных государствах, представляли собой уже не те общественные силы, чем были магнаты и мелкие держатели в поздней Римской империи. На формирование этих классов наложило свой отпечаток социальное устройство варваров-германцев.

Свободным германцам присуща была локальная сплоченность, связанная с порядками родового строя; они имели свою организацию в форме общин. Рядовые свободные германцы играли в варварских королевствах важную роль в общественной жизни (участвовали в суде, служили в войске), их труд считался занятием вполне почетным и достойным свободного человека. Новое, еще только формировавшееся государство не обладало такой принудительной силой, которой располагало позднеримское государство. Зависимость от крупных землевладельцев, в которую вступали германские общинники, имела более мягкую форму, соответствовавшую потребности общественного развития нового общества в создании у эксплуатируемых непосредственных производителей заинтересованности в своем труде.

Значительную роль в формировании новых классов играли остатки антагонистических классов римского общества — крупных землевладельцев, с одной стороны, рабов и колонов — с другой. Часть римских землевладельцев, несмотря на все изменения в их положении, связанные с варварскими завоеваниями, продолжали владеть обширными имениями, которые обрабатывались сотнями рабов и колонов. Не только сохранилось, но и росло землевладение церкви.

Но характер крупного поместья постепенно менялся. Германское завоевание ускорило тот процесс превращения рабовладельческого хозяйства в феодальное, зачатки которого можно было обнаружить еще в Римской империи. Крупное имение основывалось теперь на эксплуатации не рабов античного типа, а различных категорий несвободных и зависимых держателей. Немало римских крупных землевладельцев вместе с германской служилой знатью входило в состав формировавшегося класса феодалов. Точно так же и в формировании зависимого крестьянства участвовали различные слои непосредственных производителей как римского, так и германского происхождения.

Варварские правды, составленные в V—VII вв. в Вестготском, Бургундском, Лангобардском и Франкском королевствах, делили свободных людей в соответствии с их имущественным положением и знатностью (принадлежностью к служилой знати, к королевской дружине) на высший и низший слои. Знать варварских королевств — это обычно слившаяся с новой служилой знатью старая родовая знать. В ее состав частично вошли и сохранившиеся римские магнаты. Лица, принадлежавшие к высшему слою, именовавшиеся «нобиями», «большими» и «почтенными людьми» (*nobiles, maiores, honestiores*), пользовались рядом преимуществ по сравнению с остальными свободными людьми (в отношении суда, размеров вергельда и пр.). Лица, относившиеся к низшему социальному слою, которых называли «малыми», или «низшими» (*minores, inferiores*), утрачивали некоторые привилегии свободных людей (подвергались, например, телесным наказаниям за различные правонарушения, подобно рабам и др.); жизнь их охранялась более низким вергельдом, чем жизнь представителей высшего общественного слоя. Большинство рядовых общинников постепенно включались в состав низшего слоя свободных людей. Дольше, чем в других варварских королевствах рассматриваемого типа развития, сохраняла свое полноправие основная масса свободных во Франкском королевстве.

Изменения произошли также в положении несвободных и полусвободных людей. В ранних варварских правдах и других юридических памятниках рабы рассматривались, согласно римским правовым нормам, как полная собственность своих хозяев наряду со скотом и мертвым инвентарем. В VI—VII вв. рабы в некоторых случаях самостоятельно выплачивали штрафы за свои проступки, что свидетельствует о появлении у них собственного имущества и о возникновении зачатков правовой ответственности рабов. Согласно поздним вестготским законам, рабы имели право продавать принадлежащее им движимое имущество, в частности скот. Вольноотпущенники в большинстве случаев становились теперь зависимыми людьми, держателями земель своих бывших господ.

В варварских королевствах сохранились и бывшие римские колонны в качестве держателей в имениях местной и германской знати и церкви. Однако и в их положении произошло существенное изменение: колонны не были теперь прикреплены к государственному тяглу, их повинности не регулировались государством, как это было в римские времена. Некоторые категории колоннов обладали довольно значительными правами на обрабатываемую ими землю.

Колонны так же, как и рабы и вольноотпущенники, играли важную роль в становлении класса зависимого крестьянства. В него вошли в конечном счете также мелкие прекаристы и другие свободные мелкие держатели земель в имениях, магнатов, а также германские рабы, вольноотпущенники и полусвободные (литы, альдни). Те слои нового класса зависимых крестьян, которые происходили от прежних римских или германских рабов, оставались в дальнейшем в особенно тяжелых формах зависимости.

В варварских королевствах рассматриваемого типа частично сохранился слой прежнего городского населения. Но начавшийся еще в Римской империи упадок городов ускоренным темпом продолжался после крушения Западной Римской империи. Часть городов была разрушена и запустела еще во время варварских вторжений; упадок и деградация городского ремесла, резкое сокращение торговых сношений и переход к натуральным формам хозяйства лишали городское население его социально-экономической базы. Остатки прежнего населения городов уже мало чем отличались от населения деревни; в большинстве городов, особенно мелких, население занималось земледелием, как и окружающие город сельские жители.

Процесс классового образования, происходивший в условиях социальной борьбы, которая в ряде случаев выливалась в восстания народных масс, сделал необходимым образование государства. Кроме того, взаимодействие германских родо-племенных отношений с отношениями римского общества, происходившее в процессе завоевания, ускорило потребность знати варваров в государстве, поскольку органы родо-племенного строя были непригодны для осуществления господства над покоренным населением.

В формировании государства значительную роль сыграли остатки римских политических и юридических учреждений, сохранившиеся в той или иной мере после крушения Западной Римской империи. В королевствах, основанных германцами, быстро произошел переход от племенной системы подразделения населения к территориальной, что составляет один из начальных моментов в процессе возникновения государства. При этом широко использовалась варварами римская территориальная система.

Государственный аппарат в варварских королевствах создавался при большем или меньшем влиянии римской административной системы. В наибольшей мере римские политические учреждения сохранились в Остготском королевстве. Здесь, а также в Вестготском и Бургундском королевствах уже к началу VI в. отсутствовали какие-либо существенные черты организации управления родо-племенного строя. Король обладал высшей военной, законодательной, административной и судебной властью. На местах административная, финансовая и судебная власть осуществлялась королевскими должностными лицами. Во Франкском королевстве, особенно к северу от Луары, дольше сохранились пережитки родо-племенной организации. В Лангобардском королевстве черты управления родо-племенного строя исчезли только к середине VII в. Короли некоторых

варварских королевств восприняли, хотя и с теми или иными изменениями, римскую налоговую систему. Усвоена была на первых порах и римская монетная система.

И все же варварские королевства коренным образом отличались от Римской империи. Эти государства выражали интересы уже не класса рабовладельцев, а формирующегося класса феодалов. Военное их устройство основывалось не на наемной армии, а на народном ополчении. Административная система была значительно примитивнее чем римская. В ней широко использовались королевские дружины, выполнявшие различные поручения короля. Королевская власть была ограничена светской и духовной знатью. Наиболее важные дела, например вопросы войны и мира, раздачи земель, издания законов, решались королями совместно с высшей служилой знатью и представителями высшего духовенства (архиепископами, епископами, аббатами).

Странам, в которых происходило взаимодействие римских и германских общественных отношений, несмотря на наличие ряда общих черт, присущи и различия. Это связано, с одной стороны, с особенностями предшествующего развития этих стран; с другой стороны, со степенью влияния поселившихся там варваров-германцев на их общественную жизнь. Так, например, в Италии рабовладельческие порядки были в V в. еще очень сильны, а остготы, занявшие не всю страну, а лишь, часть ее и поселившиеся вперемежку с местным населением, не оказали такого глубокого воздействия на общественное развитие, как германцы в ряде других варварских королевств. Определенную роль в этом играла кратковременность существования Остготского королевства, которая обусловила недостаточную глубину взаимодействия позднеримских и германских родо-племенных отношений в процессе феодализации. В Вестготском королевстве рабовладельческий уклад также сохранял значительный удельный вес. Но за почти 300 лет существования этого королевства процесс формирования феодальных отношений зашел намного дальше, чем в Остготском государстве. В Лангобардской Италии удельный вес германцев среди населения был более значителен, чем в Остготском и Вестготском королевствах. Лангобарды в большинстве случаев селились изолированно от италийцев. Разложение родового строя у завоевателей происходило здесь замедленно. Еще в середине VII в. у лангобардов сохранялась большая семья (хотя появилась уже и малая семья); еще происходил переход от земледельческой общины к марке. Но римское влияние проявлялось и здесь как в сфере производства (усвоение техники сельскохозяйственного производства и ремесла), так и в области права, языка, религии (лангобарды, подобно вестготам, оставив арианство, перешли в католичество).

В области первоначального поселения франков, в Северной Галлии, рабовладельческая система была относительно слаба, а общинные порядки германских завоевателей получили широкое распространение и были в первое время после франкского вторжения еще довольно прочны. Германцы составляли здесь более значительную часть населения, чем в Вестготском или Бургундском королевствах (хотя и тут оставались меньшинством). Но и роль римских общественных отношений в новом государстве, особенно после завоевания франками Южной Галлии оказалась весьма важной. Во Франкском королевстве взаимодействие римских и германских общественных отношений осуществилось в наиболее законченной форме и привело к их синтезу.

Процесс феодализации варварских племен

В тех странах Западной Европы, в которых взаимодействие германских и позднеримских отношений было менее полным, чем в охарактеризованных выше, или вовсе отсутствовало, процесс феодализации происходил более медленно. Это объяснялось в значительной мере также и характером, и уровнем общественного развития завоевавших эти страны германских племен. У англов, саксов, готов и фризов в V—VI вв. родовой строй был значительно прочнее, чем у вестготов или остготов, и они находились на более низкой ступени общественного развития. Поэтому, когда такие племена завоевывали римскую территорию, взаимодействие позднеримских и германских общественных отношений было

здесь более слабым и замедленным, особенно если германские племена занимали такие имперские провинции, в которых ранее не установилось господство рабовладельческих отношений. Многие германские племена вообще оставались на своей исконной территории (большая часть саксов, тюринги, алеманны, бавары и др.) и не испытали заметного влияния римского общественного строя.

Длительное сохранение общинных отношений и своеобразие процесса феодализации были характерны для англосаксов и на континенте Европы для саксов. Завоевавшие Британию англосаксы по уровню своего общественного развития, подобно лангобардам, стояли ниже ряда других германских племен в период завоевания ими Западной Римской империи. Англосаксы поселились на территории прежней римской провинции, которая не подвергалась в свое время глубокой романизации.

Кельтское население Британии, мало отличавшееся по уровню развития от германских завоевателей и продолжавшее жить в условиях родового строя на поздней стадии его развития, также не могло ускорить процесс складывания и развития феодальных отношений в этой стране. В силу слабой романизации Британии участие местного населения, связанного с римской системой хозяйства (в частности, рабов, колонов и т. п.), в процессе формирования новых общественных классов в англосаксонском обществе не могло быть сколько-нибудь существенным. Все эти обстоятельства обусловили медленное развитие процесса феодализации у англосаксов.

Переход от земледельческой общины к сельской общине типа марки не был завершён в англосаксонских королевствах ещё в VII в. Общинные отношения, хозяйственные распорядки большой семьи сохранялись особенно долго. Аллод сложился здесь позднее, чем в тех варварских королевствах, для которых характерен синтез римских и германских отношений. В V—VII вв. ещё сохранились значительные остатки организации управления, присущей системе военной демократии. Государственный аппарат находился лишь в зачаточном состоянии.

Ещё медленнее общинный строй разлагался у саксов на континенте. Область поселения саксов между Эльбой и Рейном находилась вне сферы непосредственного влияния римского рабовладельческого государства. Поэтому их общественное развитие вплоть до VIII в. происходило без какого-либо существенного воздействия внешних факторов.

Во второй половине VIII в. у саксов только начиналось превращение земельного надела общинника в аллод, а земледельческой общины в общину-марку. Сильны были пережитки родовых связей (кровная месть, участие родственников первого мужа вдовы во вторичной выдаче ее замуж и др.).

Организация управления в VIII в. у саксов носила черты военной демократии на довольно ранней ещё стадии ее развития. Государство до франкского завоевания у саксов не сложилось.

Медленнее, чем в Вестготском, Бургундском или Франкском королевствах, происходило у англосаксов и саксов и социальное расслоение. Дифференциация среди свободных людей первоначально выражалась в выделении родовой знати — эрлов у англосаксов, эделипгов у саксов. Но хотя эта знать и рядовые свободные (фрилинги у саксов, керлы у англосаксов) и различались вергельдами (более высокими у знатных), они представляли собой лишь два слоя общей массы полноправных свободных, которые в целом противопоставлялись рабам и полусвободным.

Свободные общинники, не подвергавшиеся эксплуатации, составляли у саксов в VIII в., а у англосаксов вплоть до IX в. основную массу непосредственных производителей.

Общее же направление процесса социальной дифференциации было здесь таким же, как и в тех странах, в которых взаимодействие римских и германских отношений осуществлялось наиболее полно. Место родовой знати в VII—VIII вв. заняла военно-служилая знать; увеличилась имущественная дифференциация среди свободных людей. Свободные общинники впадали в зависимость от светских и церковных крупных

землевладельцев. Класс феодально зависимого крестьянства рос также за счет полусвободных и рабов, но удельный вес бывших свободных общинников в формировании этого класса был значительно выше, чем в вестготской Испании или в остготской Италии.

Таким образом, синтез позднеримских и разлагавшихся первобытнообщинных отношений варваров значительно ускорил развитие феодальных отношений в экономической, социальной и политической жизни общества в Западной Европе. Там, где синтез отсутствовал или осуществлялся в относительно узких пределах, довольно длительное время сохранялись свободное крестьянство и значительные остатки общинных отношений, распространены были в период раннего средневековья менее тяжелые формы феодальной зависимости крестьян, чем в странах, где взаимодействие римских и германских отношений было осуществлено наиболее полно; в политическом устройстве здесь долго удерживались остатки организации управления, характерные для родо-племенного строя, — пережитки военной демократии.

Глава 4

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА ВО ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Некоторые германские племена, у которых разложение родового строя происходило без существенного воздействия римских общественных отношений, были покорены Франкским раннефеодальным государством (например, алеманны и бавары уже в VI—VII вв.). Это завоевание ускорило у данных племен возникновение феодализма.

§ 1. ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО МЕРОВИНГОВ

В 486 г. в результате франкского завоевания в Северной Галлии возникло Франкское государство, во главе которого стоял вождь салических франков Хлодвиг (486—511) из рода Меровея (отсюда династия Меровингов). Так начался первый период истории Франкского государства — с конца V до конца VII в., — обычно называемый меровингским периодом.

При Хлодвиге была завоевана Аквитания (507), при его преемниках — Бургундия (534); остготы уступили франкам Прованс (536). К середине VI в. Франкское государство включало почти всю территорию бывшей римской провинции Галлии. Франки подчинили себе также ряд германских племен, живших за Рейном: верховную власть франков признали тюринги, алеманны и бавары; саксы принуждены были платить им ежегодную дань. Франкское государство просуществовало значительно дольше, чем все другие варварские королевства континентальной Европы, многие из которых (сначала часть Вестготского и Бургундское, затем Лангобардское) оно включило в свой состав. История Франкского государства позволяет проследить путь развития феодальных отношений от самой ранней стадии до его завершения. Процесс феодализации происходил здесь в форме синтеза разлагающихся позднеримских и германских родо-племенных отношений. Соотношение тех и других было не одинаково на севере и на юге страны. К северу от Луары, где франки с их довольно примитивным еще общественным строем занимали сплошные территории и

составляли значительную часть населения, позднеантичные и варварские элементы взаимодействовали примерно в одинаковой пропорции. Поскольку франки селились здесь изолированно от галло-римского населения, они дольше, чем на юге, сохраняли принесенные с собой общественные порядки, в частности свободную общину. В областях к югу от Луары франки были малочисленны, да и осевшие здесь раньше вестготы и бургунды оставались в меньшинстве. Эти последние задолго до франкского завоевания жили в постоянном и тесном контакте с галло-римским населением. Поэтому влияние позднеантичных отношений играло здесь в процессе синтеза гораздо более значительную роль, чем на севере страны, а разложение варварских общественных порядков происходило быстрее.

«Салическая правда» — источник для изучения общественного строя франков

Важнейшим источником для изучения общественного строя франков (преимущественно Северной Галлии) в меровингский период является одна из наиболее известных варварских правд—«Салическая правда» («Lex Salica»).

Она представляет собой запись судебных обычаев салических франков, произведенную, как полагают, в начале VI в., т. е. еще при жизни (а возможно, и по приказанию) Хлодвига. Римское влияние сказалось здесь гораздо меньше, чем в других варварских правдах, и обнаруживается главным образом во внешних чертах: латинский язык, штрафы в римских денежных единицах.

«Салическая правда» в более или менее чистом виде отражает архаические порядки первобытнообщинного строя, существовавшие у франков еще до завоевания. Но в ней мы находим и новые данные — сведения о зарождении имущественного и социального неравенства, частной собственности на движимость, права наследования на землю и, наконец, государства. На протяжении VI—IX вв. франкские короли делали все новые и новые дополнения к «Салической правде», поэтому в сочетании с другими источниками более позднего периода она позволяет проследить также и дальнейшую эволюцию франкского общества от первобытнообщинного строя к феодализму.

Хозяйство и общинная организация франков по данным «Салической правды»

Уровень развития хозяйства у франков был значительно более высоким, чем у древних германцев, описанных Тацитом. В земледелии, которое в VI в. являлось основным занятием франков, по-видимому, уже господствовало двухполье, прекратились периодические переделы пахотной земли, затруднявшие развитие более интенсивных форм земледелия. Помимо зерновых культур — ржи, пшеницы, овса, ячменя, — у франков получили широкое распространение бобовые культуры и лен. Стали активно возделываться огороды, сады, виноградники. Повсеместное распространение получает плуг с железным лемехом, хорошо взрыхлявший почву. В сельском хозяйстве используются различные виды рабочего скота: быки, мулы, ослы. Улучшились методы обработки почвы. Обычными стали двух- или трехкратная вспашка, бороньба, прополка посевов, молотьба с помощью цепов, вместо ручных начали применяться водяные мельницы. Значительно развилось и скотоводство. Франки разводили в большом количестве крупный рогатый и мелкий скот — овец, коз, а также свиней и разные виды домашней птицы. Среди обычных занятий следует назвать охоту, рыболовство, пчеловодство.

Прогресс в хозяйстве был следствием не только внутреннего развития франкского общества, но и результатом заимствования франками, а еще раньше вестготами и бургундами на юге Галлии более совершенных методов ведения сельского хозяйства, с которыми они столкнулись на завоеванной римской территории.

В этот период у франков существует вполне развитая частная собственность на движимое имущество. Об этом говорят, например, высокие штрафы, устанавливаемые

«Салической правдой» за кражу хлеба, скота, птицы, лодок, сетей. Но частной собственности на землю за исключением приусадебных участков, «Салическая правда» ещё не знает. Собственником основного земельного фонда, каждой деревни являлся коллектив ее жителей — свободных мелких земледельцев, составлявших общину. В первый период после завоевания Галлии, по данным древнейшего текста «Салической правды», франкские общины представляли собой очень разные по размеру поселения, состоявшие из родственников между собой семей. В большинстве случаев это были большие (патриархальные) семьи, включавшие близких родственников обычно трех поколений — отца и взрослых сыновей с их семьями, ведущих хозяйство совместно. Но появлялись уже и малые индивидуальные семьи. Дома и приусадебные участки находились в частной собственности отдельных больших или малых семей, а пахотные и иногда луговые наделы — в их наследственном частном пользовании. Эти наделы обносились обычно изгородью, плетнем и были защищены от вторжений и посягательств высокими штрафами. Однако право свободно распоряжаться наследственными наделами принадлежало только всему коллективу общины. Индивидуально-семейная собственность на землю у франков в конце V и в VI в. только зарождалась. Об этом свидетельствует IX глава «Салической правды» — «Об аллодах согласно которой земельное наследство, земля (terra) в отличие от движимого имущества (оно могло свободно переходить по наследству или передаваться в дар) наследовалась только по мужской линии — сыновьями умершего главы большой семьи; женское потомство исключалось из наследования земли. В случае отсутствия сыновей земля переходила в распоряжение общины. Это ясно видно из эдикта короля Хильперика (561—584), который во изменение вышеназванной главы «Салической правды» устанавливал, что в случае отсутствия сыновей землю должны наследовать дочь или брат и сестра умершего, но «не соседи» (как это было, очевидно, раньше).

Община имела также ряд других прав на земли, находившиеся в индивидуальном пользовании ее членов. По-видимому, у франков существовала «система открытых полей»: все пахотные наделы после снятия урожая и луговые наделы после сенокоса превращались в общее пастбище, и на это время с них снимались все изгороди. Земли под паром также служили общественным пастбищем. Такой порядок связан с чересполосицей и принудительным севооборотом для всех членов общины. Земли, не входившие в приусадебное хозяйство и в пахотные и луговые наделы (леса, пустоши, болота, дороги, неподеленные луга), оставались в общем владении, и каждый член общины имел равную долю в пользовании этими угодьями.

Вопреки утверждениям ряда буржуазных историков конца XIX и XX в. (Н.-Д. Фюстель де Куланж, В. Виттих, Л. Допш, Т. Майер, К. Босл, О. Бруннер и др.) о том, что у франков в V—VI вв. господствовала полная частная собственность на землю, ряд глав «Салической правды» определенно свидетельствует о наличии у франков общины. Так глава XLV «О переселенцах» гласит: «Если кто захочет переселиться в виллу (в данном контексте «вилла» означает деревню.— Ред.) к другому и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться». Если пришелец все же поселится в деревне, то протестующий может возбудить против него судебное преследование и изгнать его через суд. «Соседи» здесь выступают таким образом как члены общины, регулирующие все поземельные отношения в своей деревне.

Община, являвшаяся по «Салической правде» основной хозяйственной и социальной организации франкского общества, представляла собой в V—VI вв. переходный этап от земледельческой общины (где сохранялась коллективная собственность на всю землю, включая и пахотные наделы больших семей) к соседской общине-марке, в которой уже господствует собственность индивидуальных малых семей на наделную пахотную землю при сохранении общинной собственности на основной фонд лесов, лугов, пустошей, пастбищ и пр. До завоевания Галлии собственником земли у франков являлся род, распадавшийся на отдельные большие семьи (это и была земледельческая община).

Продолжительные походы периода завоевания и расселение на новой территории ускорили начавшийся еще во II—IV вв. процесс ослабления и распада родовых и складывания новых, территориальных связей, на которых основывалась сложившаяся позднее соседская община-марка. По словам Ф. Энгельса, «род растворялся в общине-марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины».

В «Салической правде» отчетливо прослеживаются родовые отношения: и после завоевания многие общины состояли в значительной части из родственников; сородичи продолжали играть большую роль в жизни свободного франка. Из них состоял тесный союз, включавший всех родичей «до шестого колена» (третьего поколения по нашему счету), все члены которого в определенном порядке обязаны были выступать в суде в качестве соприсяжников (принося присягу в пользу сородича). В случае убийства франка в получении и уплате вергельда участвовала не только семья убитого или убийцы, но и их ближайшие родственники как со стороны отца, так и со стороны матери.

Но в то же время «Салическая правда» показывает уже процесс разложения и упадка родовых отношений. Среди членов родовой организации намечается имущественная дифференциация. Глава «О горсти земли» предусматривает случай, когда обедневший сородич не может помочь своему родственнику в уплате вергельда: в этом случае он должен «бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы тот уплатил все по закону». Наблюдается стремление со стороны более зажиточных членов выйти из союза родичей. Глава IX «Салической правды» подробно описывает процедуру отказа от родства, во время которой человек должен публично, в судебном заседании отказаться от соприсяжничества, от участия в уплате и получении вергельда, от наследства и от других отношений с родичами.

В случае смерти такого человека его наследство поступает не родичам, а в королевскую казну.

Развитие имущественной дифференциации в среде сородичей приводит к ослаблению родовых связей, к распаду больших семей на малые индивидуальные семьи.

В конце VI в. наследственный надел свободных франков превращается в полную, свободно отчуждаемую земельную собственность малых индивидуальных семей – аллод. анее, в «Салической правде», этим термином обозначалось всякое наследство: применительно к движимости аллод в ту пору понимался как собственность, но применительно к земле — только как наследственный надел, которым нельзя свободно распоряжаться. Уже упоминавшийся выше эдикт короля Хильперика, значительно расширив право индивидуального наследования общинников, по существу, отнял у общины право распоряжаться надельной землей ее членов. Она становится объектом завещаний, дарений, а затем и купли-продажи, т. е. превращается в собственность общинника. Это изменение носило принципиальный характер и вело к дальнейшему углублению имущественной и социальной дифференциации в общине, к ее разложению. По словам Ф. Энгельса, «аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность».

С возникновением аллода завершается превращение земледельческой общины в соседскую или территориальную, обычно называемую общиной-маркой, которая состоит уже не из родичей, а из соседей. Каждый из них — глава малой индивидуальной семьи и выступает как собственник своего надела — аллода. Права общины распространяются лишь на неподеленные уголья—марки (леса, пустоши, болота, общественные выпасы, дороги и т. п.), которые продолжают оставаться в коллективном пользовании всех ее членов. К концу VI в. луговые и лесные участки нередко также переходят в аллодиальную собственность отдельных общинников.

Община-марка, сложившаяся у франков к концу VI в., представляет собой последнюю форму общинного землевладения, в рамках которой завершается разложение первобытнообщинного строя и зарождаются классовые феодальные отношения.

Социальное расслоение во франкском обществе меровингского периода

Зародыши социального расслоения в среде франков-завоевателей проявляются в «Салической правде» в различных размерах вергельда разных категорий свободного населения. Для простых свободных франков он составляет 200 солидов, для королевских дружинников (антрустионов) или должностных лиц, состоявших на службе у короля, — 600. По-видимому, в группу королевских дружинников и должностных лиц влилась в ходе завоевания и франкская родовая знать. Жизнь полусвободных — литов — защищалась сравнительно низким вергельдом — в 100 солидов.

У франков имелись и рабы, совершенно не защищаемые вергельдом: убийца лишь возмещал ущерб, причиненный господину раба.

Развитию рабства у франков способствовали завоевание Галлии и последующие войны, дававшие обильный приток рабов. Впоследствии источником рабства стала также кабала, в которую попадали разорившиеся свободные люди, а также преступник, не заплативший судебного штрафа или вергельда: они превращались в рабов тех, кто уплачивал за них эти взносы. Однако рабский труд у франков не был основой производства, как в Римском государстве. Рабы использовались чаще всего как дворовые слуги или ремесленники — кузнецы, золотых дел мастера, иногда как пастухи и конюхи, но не как основная рабочая сила в сельском хозяйстве.

Хотя «Салическая правда» не знает никаких юридических разграничений внутри простых свободных общинников, в ней и в других источниках VI в. имеются данные о наличии в их среде имущественного расслоения. Это не только приведенные выше сведения о расслоении среди сородичей, но и указания на распространение во франкском обществе займов и долговых обязательств. Источники постоянно упоминают, с одной стороны, о богатых и влиятельных «лучших людях» (*meliores*), с другой — о бедных (*minoflidi*) и вовсе разорившихся, не способных уплатить штрафы бродягах.

Возникновение аллода стимулировало рост крупного землевладения у франков. Еще в ходе завоевания Хлодвиг присвоил себе земли бывшего императорского фиска. Его преемники постепенно захватили все свободные, не поделенные между общинами земли, которые сначала считались достоянием всего народа. Из этого фонда ставшие крупными землевладельцами франкские короли щедро раздавали земельные пожалования в полную, свободно отчуждаемую (аллодиальную) собственность своим приближенным и церкви. Так, к концу VI в. во франкском обществе уже зарождается слой крупных землевладельцев — будущих феодалов. В их владениях наряду с франкскими рабами эксплуатировались также полусвободные — литы — а зависимые люди из числа галло-римского населения — вольноотпущенники по римскому праву, рабы, галло-римляне, обязанные нести повинности («римляне-трибутарии»), возможно, из числа бывших римских колонов.

Рост крупного землевладения особенно усилился в связи с развитием аллода внутри общины. Концентрация земельных владений происходит теперь не только в результате королевских пожалований, но и путем обогащения одной части общинников за счет другой. Начинается процесс разорения части свободных общинников, причиной которого является вынужденное отчуждение их наследственных аллодов.

Рост крупного землевладения неизбежно приводит к возникновению частной власти крупных землевладельцев, которая как орудие внеэкономического принуждения была характерна для складывающегося феодального строя.

Притеснения крупных светских землевладельцев, церковных учреждений и королевских должностных лиц, вынуждали свободных людей отказываться от личной независимости и отдаваться под «покровительство» (*mundium*) светских и духовных крупных землевладельцев, которые таким образом становились их сеньорами (господами). Акт вступления под личное покровительство назывался «коммендацией». На практике он нередко сопровождался вступлением в поземельную зависимость, что для безземельных

людей часто означало постепенное втягивание их и в личную зависимость. Коммендация усиливала в то же время политическое влияние крупных землевладельцев и способствовала окончательному разложению родовых союзов и общинной организации.

Галло-римское население и его роль в феодализации франкского общества

Процесс феодализации происходил не только в среде самих франков, но еще быстрее в среде галло-римлян, составлявших большинство населения Франкского государства. Варварские завоевания разрушили основы рабовладельческого строя и подорвали отчасти крупное землевладение, особенно в Южной Галлии, где бургунды и вестготы произвели разделы земли, захватив значительную ее часть у местного населения. Однако они не уничтожили частную собственность на землю. Повсюду в среде галло-римского населения сохранилась не только мелкая крестьянская земельная собственность, но даже и крупное церковное и светское землевладение, основанное на эксплуатации рабов и сидевших на чужой земле людей, близких по положению к римским колонам.

«Салическая правда» делит галло-римское население на три категории: «королевских сотрапезников», в которых можно видеть привилегированную группу галло-римлян, приближенных к королю, по-видимому, крупных землевладельцев; «поссесоров» — землевладельцев мелкопоместного и крестьянского типа; тяглых людей («трибутариев»), обязанных нести повинности. По-видимому, это были люди, пользующиеся чужой землей на определенных условиях.

Соседство галло-римлян, в среде которых издавна существовала частная собственность на землю, естественно, ускоряло разложение общинных отношений и феодализацию франкского общества. Положение галло-римских рабов и колонов оказывало влияние на формы зависимости, в которые втягивались обедневшие франкские общинники. Влияние разлагающихся позднеантичных отношений в процессе феодализации было особенно велико в Южной Галлии, где завоеватели жили в тесном соседстве с галло-римлянами в общих деревнях. Здесь раньше, чем на севере среди германцев, утвердилась частная собственность на землю в ее римской форме, раньше совершился переход к общине-марке, быстрее шло ее разложение и рост крупной земельной собственности варварской знати. Объектом эксплуатации германских крупных землевладельцев в VI—VII вв. являлись еще не зависимые крестьяне, но посаженные на землю рабы, колоны, вольно-отпущенники, статус которых во многом определялся римскими правовыми традициями. Вместе с тем франкское завоевание Южной Галлии способствовало дроблению крупных доменов и варварской и галло-римской знати и укрепило слой мелких крестьян-собственников, смешанный по своему этническому составу. В процессе синтеза галло-римских и германских отношений правовые и этнические различия между завоевателями и местным населением во всех областях королевства постепенно стирались. При сыновьях Хлодвига обязанность участвовать в военном ополчении распространяется на всех жителей королевства, в том числе и на галло-римлян. С другой стороны, франкские короли пытаются распространять поземельный и подушный налоги, сохранившиеся от Римской империи и сначала взимавшиеся только с галло-римского населения, и на завоевателей-германцев.

В связи с этой политикой королевской власти в Галлии неоднократно вспыхивали восстания. Самое крупное из них произошло в 579 г. в Лиможе. Народные массы, возмущенные тем, что король Хильперик повысил поземельный налог, захватили и сожгли податные списки и хотели убить королевского сборщика налогов. Хильперик жестоко расправился с восставшими и подверг население Лиможа еще более тяжелому обложению. На первый план в жизни франкского общества все более выдвигаются социальные различия: происходит все большее сближение галло-римской, бургундской и франкской землевладельческой знати, с одной стороны, и германских и галло-римских мелких

земледельцев разного правового статуса — с другой. Начинают складываться основные классы будущего феодального общества — феодалы и зависимые крестьяне.

Франкское королевство меровингского периода с конца VI — начала VII в. представляло собой уже раннефеодальное общество, хотя процесс феодализации в нем развивался довольно медленно. Вплоть до конца VII в. основным слоем этого общества оставались свободные мелкие землевладельцы, на севере еще объединенные в свободные общины-марки.

Возникновение государства у франков

Начало феодализации франкского общества сопровождалось зарождением раннефеодального государства.

Органы управления, присущие первобытнообщинному строю на стадии военной демократии, постепенно уступают место усилившейся власти военного вождя, который превращается теперь в короля. Это превращение было ускорено самим фактом завоевания, поставившим франков лицом к лицу с завоеванным галло-римским населением, которое необходимо было держать в повиновении. Кроме того, на завоеванной территории франки столкнулись с развитым классовым обществом, дальнейшее существование которого требовало создания новой государственной власти взамен уничтоженного франками государственного аппарата рабовладельческой империи.

Король сосредоточил в своих руках все функции государственного управления, центром которого стал королевский двор. Власть короля основывалась прежде всего на том, что он являлся крупнейшим земельным собственником в государстве и стоял во главе многочисленной, лично преданной ему дружины. Государством он управлял как личным хозяйством, дарил своим приближенным в частную собственность земли, ранее составлявшие всенародную, племенную собственность, произвольно распоряжался государственными доходами, поступавшими к нему в виде налогов, штрафов и торговых пошлин. Королевская власть опиралась на поддержку складывающегося класса крупных землевладельцев. С момента своего возникновения государство всемерно защищало интересы этого класса феодалов и способствовало своей политикой разорению и закабалению свободных общинников, росту крупной земельной собственности, организовывало новые завоевания.

В центральном управлении Франкского государства сохранились лишь слабые следы былой первобытнообщинной организации в виде ежегодных военных смотров — «мартовских полей». Поскольку в меровингский период основную массу населения франкского общества составляли еще свободные общинники, из которых состояло и всеобщее военное ополчение, на «мартовские поля» сходились все взрослые свободные франки. Однако эти собрания в отличие от общенародных собраний периода военной демократии не имели теперь серьезного политического значения.

Вынужденные считаться с крупными землевладельцами, франкские короли периодически созывали собрания виднейших магнатов, на которых обсуждались общегосударственные вопросы.

Следы древних первобытнообщинных порядков больше сохранились в местном управлении Франкского государства.

«Сотни» из подразделений племени у древних франков после завоевания Галлии превратились в территориальные административные единицы. Управление графством — более крупной территориальной единицей — всецело находилось в руках королевского должностного лица — графа, который был главным судьей в графстве и взимал в пользу короля треть всех судебных штрафов. В «сотнях» собирались народные собрания всех свободных людей (mallus), выполнявшие главным образом судебные функции и проходившие под председательством выборного лица — «тунгина». Но и здесь присутствовал представитель королевской администрации — сотник («центенарий»),

контролировавший деятельность собрания и собиравший долю штрафов в пользу короля. По мере развития социальной дифференциации в среде франков руководящая роль в этих собраниях переходит к более зажиточным и влиятельным лицам — «рахинбургам» (rachin-burgii), или «добрым людям».

Полнее всего сохранилось самоуправление в деревенской общине, которая на сельских сходах избирала своих должностных лиц, творила суд по мелким правонарушениям и следила за тем, чтобы соблюдались обычаи марки.

Дробление государства при преемниках Хлодвига

Рост крупного землевладения и частной власти крупных земельных собственников уже при сыновьях Хлодвига привел к ослаблению королевской власти. Лишившись вследствие щедрых земельных раздач значительной части своих домениальных владений и доходов, франкские короли оказались бессильными в борьбе с сепаратистскими устремлениями крупных землевладельцев. После смерти Хлодвига началось дробление Франкского государства.

С конца VI в. намечается обособление трех самостоятельных областей в составе Франкского государства: Нейстрии — Северо-Западной Галлии с центром в Париже; Австразии — северо-восточной части Франкского государства, включавшей исконные франкские области по обоим берегам Рейна и Мааса; Бургундии — территория бывшего королевства бургундов. В конце VII в. на юго-западе выделилась Аквитания. Эти четыре области различались между собой и этническим составом населения и особенностями социального строя, и степенью феодализации.

В Нейстрии, которая к моменту франкского завоевания была сильно романизована, галло-римляне, составлявшие и после завоевания значительную часть населения, раньше, чем в других областях королевства, слились с франками-завоевателями. Здесь уже к концу VI— началу VII в. большое значение приобрело крупное церковное и светское землевладение и быстро шел процесс исчезновения свободного крестьянства.

Австразия, где основную массу населения составляли франки и подвластные им другие германские племена, а влияние галло-римских порядков было слабым, вплоть до начала VIII в. сохраняла более примитивный строй; здесь медленнее разлагалась община-марка, большую роль продолжали играть землевладельцы-аллодисты, входящие в общины-марки и составляющие основу военного ополчения. Складывающийся класс феодалов был в основном представлен мелкими и средними феодалами. Церковное землевладение было представлено здесь слабее, чем в Нейстрии.

В Бургундии и Аквитании, где галло-римское население также было смешано с германским (сначала с бургундами и вестготами а затем с франками), также долго сохранялось мелкое свободное крестьянское и среднепоместное землевладение. Но вместе с тем там имелись и крупные земельные владения, особенно церковные, а свободная община уже в VI в. исчезла почти повсеместно.

Эти области были слабо связаны между собой экономически (в то время господствовали натурально-хозяйственные отношения), что препятствовало их объединению в одном государстве. Короли из дома Меровингов, возглавлявшие эти области после раздробления Франкского государства, вели между собой борьбу за верховенство, которая осложнялась непрерывными столкновениями между королями и крупными землевладельцами внутри каждой из областей.

Объединение страны майордомами Австразии

В конце VII в. фактическая власть во всех областях королевства оказалась в руках майордомов. Первоначально это были должностные лица, возглавлявшие королевское дворцовое управление (majordomus — старший по дому, управляющий хозяйством двора).

Затем майордомы превратились в крупнейших землевладельцев. Все управление каждой из названных областей королевства сосредоточивалось в их руках, и майордом выступал как вождь и военный предводитель местной земельной аристократии. Короли из дома Меровингов, потерявшие всякую реальную власть, назначались и смещались по воле майордомов и получили от современников пренебрежительное прозвище «ленивых королей».

После продолжительной борьбы в среде франкской знати в 687 г. майордом Австразии Пипин Геристальский стал майордомом всего Франкского государства. Это удалось ему потому, что в Австразии, где процесс феодализации шел медленнее, чем в других частях королевства, майордомы могли опираться на довольно еще значительный слой мелких и средних феодалов, а также свободных аллодистов крестьянского типа, заинтересованных в усилении центральной власти для борьбы с притеснениями крупных землевладельцев, подавления закрепощаемого крестьянства и для завоевания новых земель. При поддержке этих социальных слоев майордомы Австразии смогли вновь объединить под своей властью все Франкское государство.

§ 2. ФРАНКСКАЯ МОНАРХИЯ КАРОЛИНГОВ

Переворот в поземельных отношениях. Бенефициальная реформа

Майордомы Австразии из дома Пипинидов (потомки Пипина Геристальского), став правителями объединенного Франкского государства, положили начало новой династии франкских королей, которая позднее по имени самого крупного из своих представителей—Карла Великого—получила название династии Каролингов. Представители дома Каролингов (Пипинидов) правили Франкским государством с конца VII до середины IX в. сначала в качестве майордомов при «ленивых королях», затем с 751 г. — в качестве королей. Этот период в истории Франкского королевства обычно называют каролингским.

В правление Каролингов во франкском обществе происходил переворот в аграрных отношениях, приведший к завершению складывания феодального строя - Сущность этого переворота заключалась в быстром росте крупной земельной собственности за счет социального расслоения внутри общины, разорении массы свободных крестьян-Общинников, которые, теряя свои аллоды, постепенно превращались в зависимых людей, а затем и в крепостных. Процесс этот, начавшийся еще при Меровингах, в VIII—IX вв. принял бурный характер: он ускорился прямым захватом крестьянских наделов крупными светскими и церковными землевладельцами. И те и другие силой, хитростью и угрозами присваивали себе земли общинников. Разорению крестьян способствовали бесконечные внутренние и внешние войны, отрывавшие их от хозяйства для выполнения военной повинности, а также частые неурожаи и голодовки. Крестьянская земля превращалась в господскую и в лучшем случае передавалась прежним владельцам — крестьянам — в пользование за оброк или барщину. Сам же крестьянин из свободного землевладельца превращался в зависимого в той или иной степени человека.

К началу VIII в. во Франкском государстве уже сложились два враждебных друг другу социальных слоя: первый — крупные землевладельцы галло-римского и германского происхождения, которые владели своими землями по большей части на правах безусловной частной собственности (аллод), были поэтому относительно независимы от центральной власти и нередко выступали против нее с оружием в руках; второй — уже в той или иной степени зависимые крестьяне, не имевшие земельной собственности и подвергавшиеся эксплуатации со стороны собственников земли, на которой они жили.

Значительную часть этих зависимых людей составляли потомки галло-римских рабов, колонов, вольноотпущенников, германских рабов и литов. Различия между этими

категориями постепенно все более сглаживались. Но наряду с этими социальными слоями во франкском обществе еще существовали довольно многочисленные промежуточные группы населения; мелкие и средние аллодисты крестьянского типа, частично также пользовавшиеся трудом несвободных. Иногда наряду с аллодом они держали землю в вотчинах как мелкие держатели феодального типа (мелкие вотчинники), начинавшие только переходить к феодальной системе хозяйства.

Именно за счет размывания этих промежуточных слоев в значительной степени и складывались в процессе аграрного переворота VIII — начала IX в. основные классы феодального общества, в частности класс зависимого крестьянства. Сдвиги в социальной структуре франкского общества определили политику преемника Пипина Геристальского — майордома Карла Мартелла.

Карл Мартелл («Молот»), правивший с 715 по 741 г., начал свое правление с умирения внутренних смут в королевстве. Разбив восставших против него нейстрийских феодалов, а затем герцогов Аквитании и Прованса, Карл выступил против вышедших из повиновения германских зарейнских племен — саксов, фризов, алеманнов, бава-ров — и вновь обложил их данью. В 732 г., в решающем сражении при Пуатье, Карл Мартелл нанес поражение арабам, которые, завоевав в начале VIII в. Испанию, вторглись в 720 г. в Южную Галлию, угрожая Франкскому государству. Большую роль в борьбе с арабами сыграло франкское конное войско. Победа франков при Пуатье положила предел дальнейшему продвижению арабов в Европе. В руках арабов теперь осталась лишь небольшая часть Южной Галлии — Септимания с Нарбонном.

Развитие феодальных отношений, происходившее во Франкском государстве, требовало изменения форм феодальной собственности. Аллодиальная собственность должна была уступить место более зрелой форме феодальной собственности. Деление общества на два антагонистических класса должно было получить юридическое закрепление в сословном неполноправии эксплуатируемых крестьянских масс. Поскольку значительная часть разорившихся свободных крестьян уже не имела материальных средств для службы в ополчении, встал вопрос о коренной реорганизации военных сил. Таковы были социальные предпосылки так называемой бенефициальной реформы Карла Мартелла. Сущность ее состояла в том, что вместо преобладавших при Меровингах дарений земли в полную, безусловную собственность (аллод) после этой реформы получила широкое распространение и законченную форму система пожалований земли в условную феодальную собственность в виде «бенефиция» (*beneficium* — дословно «благоденствие»). Бенефиций жаловался в пожизненное пользование на условиях выполнения определенных служб, чаще всего копной военной службы. В случае смерти жалователя или получателя бенефиция — бенефициария — бенефиций возвращался собственнику или его наследникам. Если наследник бенефициария хотел получить бенефиций своего предшественника или сам бенефициарий хотел пользоваться таким владением после смерти жалователя, требовалось возобновление пожалования. Бенефиций мог быть отнят, если не выполнялась требуемая за него служба или разорялось хозяйство бенефиция. С течением времени бенефиций стал превращаться из пожизненного в наследственное владение и в течение IX—X вв. приобрел черты феода (лена), т. е. наследственного держания, связанного с обязанностью военной службы.

Карл Мартелл провел широкую раздачу бенефициев. Фондом для этих пожалований служили сначала земли, конфискуемые у мятежных магнатов, а когда эти земли иссякли, он провел частичную секуляризацию церковных земель, за счет которых наделил большое количество бенефициариев. Используя часть церковных земель для укрепления бенефициальной системы, Карл Мартелл вместе с тем деятельно содействовал распространению христианства и обогащению церковников в покоренных им землях, видел в церкви средство укрепления своей власти.

Проводя эту реформу, Карл Мартелл преследовал, конечно, и политические цели. Заменяв аллодиальные пожалования, истощавшие фонд королевских земель, бенефициями,

он надеялся привязать бунтующих крупных феодалов к трону; с помощью бенефициальной системы он рассчитывал создать взамен пришедшего в упадок пешего крестьянского ополчения боеспособное конное войско. К этому времени конница стала играть в войнах решающую роль.

Бенефициальная реформа имела ряд важных социальных последствий. Во-первых, она значительно укрепила складывавшийся слой мелких и средних феодалов, которые в качестве профессиональных воинов стали основой конного ополчения и всей военной организации; они были предшественниками будущего рыцарства. Вместе с тем крестьянство, составлявшее раньше основу пешего франкского ополчения утратило значение главной военной силы, что подчеркивало его неполноправное положение в государстве. Во-вторых, распространение пожалований вело к укреплению феодальной земельной собственности и к дальнейшему закрепощению крестьян. Бенефициарий обычно получал землю вместе с сидящими на ней людьми, иногда уже зависимыми, которые несли в его пользу барщину или платили оброк. Таким образом, широкий слой бенефициариев жил целиком эксплуатацией зависимого крестьянства. В-третьих, бенефициальные пожалования создавали поземельные связи между жалователем и бенефициарием и способствовали установлению вассальных отношений между ними. Таким образом, бенефициальная реформа способствовала дальнейшему укреплению и оформлению феодальных отношений во Франкском государстве.

Другие крупные землевладельцы тоже стали переходить к этой форме пожалований. Поэтому массовое распространение бенефиция содействовало оформлению иерархической структуры земельной собственности и складывавшегося класса феодалов. Усиливая военное значение магнатов и создавая иерархические отношения внутри класса феодалов, бенефициальная реформа немало способствовала в дальнейшем политическому распаду Франкского королевства.

На первых порах, однако, реформа Карла Мартелла усилила центральную власть, что было одной из ее целей. Укрепившийся благодаря ей слой средних феодальных землевладельцев-бенефициариев составил на некоторое время опору каролингской династии. Этот слой был заинтересован в сильной центральной власти, так как она могла оказать ему помощь в деле закрепощения крестьян и подавления их сопротивления, защитить от своеволия крупных феодалов и обеспечить захват новых территорий. Опираясь на этот слой, Карл Мартелл и его преемники значительно расширили границы Франкского государства и добились временного усиления центральной власти.

Переход королевского титула в Папину Короткому

Сын и преемник Карла Мартелла майордом Пипин Короткий (741—168) урегулировал взаимоотношения с церковью, обостренные проведением секуляризации церковных земель при Карле Мартелле. Все розданные в бенефиции церковные земли признавались собственностью церкви, которой бенефициарии должны были вносить определенные платежи. Такие земельные держания назывались «прекариями по королевскому повелению» (*precaria verbo regis*). Однако бенефициарии обязаны были нести военную службу только в пользу государства, и без разрешения короля церковь не имела права отнять у них землю.

Со времени этого компромисса Каролинги находились всегда в тесном союзе с католической церковью и с ее главой – римским папой.

Тесным же лангобардами, папа все свои надежды возлагал на помощь франков, поэтому он санкционировал захват Пипином королевского титула. В 751 г. с согласия папы на собрании франкской знати а своих вассалов в Суассоне Пипин был официально провозглашен королем франков. Последний меровингский король Хильдерик III был заключен в монастырь, где и умер.

Образование Папского государства

Пипин ответил папе услугой за услугу. По призыву папы Стефана II Пипин дважды предпринимал походы в Италию (в 754 и 757 гг.) против лангобардского короля Айстульфа, которого принудил отдать папе захваченные им ранее города Римской области и земли Равеннского экзархата (бывшего византийского владения). На этих землях в Средней Италии в 756 г. возникло светское государство пап, впоследствии неизменно служившее основой для папских притязаний на светскую власть над всей Италией и даже над всей Европой. В своих территориальных притязаниях папы уже тогда ссылались на составленную около этого времени фальшивку, так называемый Константинов дар. В этом документе, сфабрикованном, очевидно, папской канцелярией в VIII в., утверждалось, что еще в IV в. император Константин якобы даровал папе знаки императорской власти — «город Рим, страны и города Италии и всего Запада». Подложность «Константинова дара» доказал в XV в. итальянский гуманист Лоренцо Валла. Остатком светского государства пап является современный Ватикан, расположенный внутри города Рима.

Расширение территории Франкского государства при Карле Великом

Время наибольшего могущества Франкского государства приходится на правление сына Пипина Короткого — Карла Великого (768-814), ставшего героем многих легенд, сказаний и песен. Современников поражала его кипучая, неутомимая энергия, способность вникать во все детали управления государством, в дела администрации, хозяйства, военные, дипломатические, в дела образования и др. По описаниям современников, Карл Великий был огромного роста, крепкого телосложения. Для своего времени он был довольно образованным человеком — интересовался литературой и поэзией, в частности античной, знал латинский и греческий языки, хотя писать так и не научился.

Образ Карла был сильно идеализирован средневековой традицией. Опираясь на нее, буржуазная историография постоянно преувеличивала могущество и степень централизации империи Карла Великого и даже приписывала ему роль защитника разорявшегося и закрепощаемого крестьянства от насилий феодалов. В действительности же Карл Великий, хотя и был выдающимся государственным деятелем своего времени, проводил политику защиты интересов крупных землевладельцев-феодалов и был жесток и беспощаден по отношению к закрепощаемым народным массам и к населению завоеванных им земель и стран.

В результате ряда войн он значительно расширил границы Франкского государства, подчинив своей власти различные племена и народности. Его поход в Италию (774) привел к тому, что лангобардский король Дезидерий был лишен престола, а его владения присоединены к франкскому государству.

Карл перешел также в наступление на Арабскую Испанию. Правда его первый поход в Испанию (в 778 г.) не был успешным: дойдя до Сарагоссы, франки вынуждены были повернуть обратно и вернуться на свою территорию ни с чем. Этот неудачный поход послужил позднее сюжетной основой знаменитого средневекового французского рыцарского эпоса «Песнь о Роланде». Один из военачальников Карла Роланд, погибший вместе с арьергардом франкского войска в Пиренеях (в Ронсевальском ущелье) в результате неожиданного нападения басков¹, стал центральной фигурой произведения, в котором история этого похода разукрашена рядом фантастических подробностей.

В дальнейшем франки методически продвигались к югу от Пиренеев. В 803 г. у арабов была отобрана Барселона и на территории Северо-Восточной Испании основана Испанская марка, население которой составляли главным образом баски и наварцы.

При Карле Великом в итоге длительных войн (с 772 по 804 г.) была завоевана и присоединена к Франкскому государству Саксония.

Племена саксов населяли территорию между Эмсом и отчасти нижним Рейном на западе, Эльбой на востоке и Эйдером на севере. В это время они находились на последней стадии первобытнообщинного строя, т. е. по уровню своего социально-экономического и политического развития стояли значительно ниже франков. Правда, у них уже выделялись три основных социальных слоя: родо-племенная знать — эделинги; простые свободные, составлявшие основу племени, — фрилинги; полусвободные — лацци. Однако классы еще не сложились, большую роль играли родовые пережитки, не было королевской власти. Саксы были язычниками.

Упорный характер войны между франками и саксами объясняется тем, что для основной массы фрилингов франкское завоевание означало утерю земли и свободы. Вначале саксонская знать поддерживала сопротивление народных масс франкам и проводимой ими христианизации. Но уже с 777 г. саксорские эделинги начали признавать власть Карла Великого. С этого времени сопротивление саксов франкскому завоеванию постепенно стало перерастать в борьбу народных масс не только против франкских завоевателей, но и против феодализирующейся саксонской знати. В ходе борьбы саксы обычно восстанавливали язычество как символ независимости Саксонии.

В этой войне Карл прибегал к крайне жестоким мерам. Разбив саксов на Везере в 782 г., он демонстративно предал казни 4500 саксонских заложников. Одновременно был издан «Капитулярий по делам Саксонии», который устанавливал смертную казнь за малейшее преступление против церкви и короля и обязывал население платить десятину в пользу церкви. Вскоре на сторону Карла перешел и принял крещение видный представитель саксонской знати Видукинд, до этого возглавлявший борьбу саксов. В награду за измену саксонские эделинги получили от Карла богатые дары и земельные пожалования. После этого центром борьбы стали крайние северо-восточные области Саксонии. Чтобы добиться окончательной победы, Карл заключил союз с полабскими славянами-ободритами, восточными соседями и давнишними врагами саксов. Военные победы Карла и его союзников сопровождались массовым переселением саксов во внутренние области Франкского государства. Области саксов были заселены франками и ободритами, и, разделенные на графства, они были включены в состав Франкского государства.

Стремясь расширить свои владения на юго-востоке, Карл в 788 г. упразднил герцогскую власть в Баварии и разделил эту область на графства, управляемые графами. Вместе с Баварией в орбиту франкского влияния попала и зависевшая ранее от нее Каринтия (Хорутания) - область, населенная славянскими племенами хорутан (словинцев).

Захват Баварии поставил Карла лицом к лицу с аварским ханством, сложившимся в VI в Паннонии. Кочевники-авары эксплуатировали земледельческие славянские племена и предпринимали грабительские набеги на соседей. В 788 г. авары вторглись в пределы франкского государства. Начались затяжные аварские войны, длившиеся с перерывами с 788 до 803 г.; эти войны не приносили прочного успеха франкам до тех пор, пока они не объединились в своих действиях с южными славянами. Поход 796 г., организованный князем хорутан Войномиром в союзе с франками, завершился полным разгромом центральной крепости аваров. Силы аваров были сломлены, их держава, долго наводившая ужас на соседей, распалась; опустошенная Паннония временно попала в руки славян.

В дальнейшем все внимание Карла на Дунае было направлено на укрепление дунайско-паннонской границы.

Империя Карла Великого

В результате всех этих войн границы Франкского государства значительно расширились: на юго-западе они доходили теперь до Барселоны и среднего течения Эбро, на востоке — до Эльбы (Лабы), Салы, Богемских гор и Венского леса, на юге они включали в себя значительную часть Италии. По своим размерам государство франков приближалось к старой Западной Римской империи и подобно ей включало в свой состав различные

племена и народности, стоявшие на разных уровнях социально-экономического и культурного развития.

Королевский титул более не удовлетворял франкского короля. Карл ждал лишь удобного случая для того, чтобы провозгласить себя императором. Такой случай представился, когда слабый и безвольный папа Лев III, вызвавший против себя оппозицию римской знати бежал к Карлу у которого искал защиты. Карл дал папе надежную охрану и сам предпринял поход на Рим. В благодарность за эту помощь папа в конце 800 г. в соборе св. Петра в Риме венчал франкского короля императорской короной. Так была установлена новая империя на Западе. Это событие вызвало резкий конфликт между Карлом и Византией, императоры которой считали себя единственными наследниками старого Рима.

В последние годы жизни Карл избрал постоянным местопребыванием свою новую столицу Ахен. Его главное внимание было направлено на укрепление новых рубежей для обороны и для дальнейших захватов. На северо-западе была создана Бретонская, а на юго-западе — Испанская марки. В Италии южные границы франков прикрывало против византийских владений полузависимое Беневентское герцогство.

На всем протяжении восточной границы империи, от Балтийского до Адриатического моря, франки граничили со славянскими племенами. С севера до Рудных гор в Центральной Европе тянулись земли полабских славян: ободритов, лютичей, лужицких сербов; далее до Дуная шли владения чехов и моравов; от Паннонии до Адриатики жили южнославянские племена: хорутане (словинцы) и хорваты.

С некоторыми из этих народов, например с ободритами, хорутанами и хорватами, заключались союзы против общего врага; с другими — лютичами, лужицкими сербами, чехами — велись периодически пограничные войны.

Карл Великий уделял большое внимание укреплению восточных границ. На севере, у Шлезвига, была основана Датская марка, которая должна была отделить датчан от славян и прикрывать Саксонию с севера; далее на юг протянулся Саксонский укрепленный рубеж, угрожавший прибалтийским славянам. От Эльбы до Дуная на сотни километров тянулся Сорбский рубеж. Это была укрепленная линия, опорные пункты которой служили вместе с тем и местами торговли франков со славянами. На среднем Дунае была основана восточная, или Паннонская, марка, доходившая до Венского леса, — ядро будущей Австрии. Она должна была угрожать чехам и паннонским славянам. На крайнем юге линия укреплений замыкалась Фриульской маркой, прикрывавшей Северную Италию.

В начале IX в. Карл пользовался большим влиянием не только внутри империи, но и за ее пределами. С ним считались короли англосаксонских государств в Англии. Его покровительства искали короли Шотландии и соседней с Испанской маркой Астурии, вожди племенных ирландских княжеств. Император Византии в 812 г. вынужден был признать франкского короля императором.

Однако за внешним благополучием империи скрывалась ее внутренняя слабость и непрочность. Созданная путем завоевания, она была чрезвычайно пестра по своему этническому составу. Помимо франков и подвластных им племен и народностей на территории бывшей Галлии (бургундов, аквитанцев и др.) в империю Карла Великого входили саксы, фризы, бавары, алеманны, тюринги, лангобарды и остатки старого римского населения Галлии и Италии, баски и жители Наварры, частично хорутане и авары, наконец, кельты (потомки бриттов) в Бретонской марке.

Все эти племена и народности экономически не были связаны друг с другом, говорили на разных языках и находились на разных ступенях развития феодализма. Если у франков, лангобардов и других племен и народностей, населявших Галлию и Италию к началу IX в., феодальный строй в основных чертах уже сложился, то у баваров, алеманнов и тюрингов процесс феодализации к этому времени далеко не был завершен. Что касается саксов и фризов, то они находились еще в самом начале процесса феодализации. Непрочность империи усугублялась и тем, что завоеватели-франки угнетали большинство входивших в ее состав народов и вызывали враждебное к себе отношение.

Каждая из территорий империи, населенных разными племенными группами и народностями, экономически не была связана с другими и без постоянного военного и административного принуждения не хотела подчиняться власти завоевателей. Поэтому Карл Великий проводил всю свою жизнь в походах, отправляясь каждый раз туда, где возникала реальная угроза отпадения той или иной территории. С течением времени удерживать завоеванные племена и народности становилось все труднее. Непрочные, чисто внешние связи между «удельными частями империи разорвались три десятилетия спустя после смерти основателя империи Карла Великого.

§ 3. РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В КАРОЛИНГСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Завершение переворота в поземельных отношениях

К концу VIII и началу IX в. переворот в поземельных отношениях во Франкском государстве приводит к полному господству феодальной земельной собственности — основы феодального строя. Захват крестьянских земель светскими и церковными крупными землевладельцами сопровождался усилением различных форм внеэкономического принуждения, что было неизбежным следствием утверждения феодальной земельной собственности, так как при условии наделения непосредственных производителей (крестьян) землей и средствами производства прибавочный труд в пользу собственника земли «можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее».

Захваты крупными феодалами крестьянских наделов принимают особенно массовый характер к началу IX в. Это вынуждены были констатировать даже королевские капитулярии (указы) того времени. Так, в капитулярии Карла Великого 811 г. говорится, что «бедняки жалуются на лишение их собственности; одинаково жалуются на епископов, и на аббатов, и на попечителей, на графов и на их сотников». Сплошь и рядом крупные землевладельцы, в частности те из них, которые в качестве графов или других должностных лиц располагали всеми средствами принуждения по отношению к местному крестьянскому населению, силой превращали его в зависимых людей.

Разорению крестьянства способствовала, как уже отмечалось, широкая завоевательная политика Каролингов, особенно Карла Великого, требовавшая от еще уцелевших свободных крестьян продолжительной военной службы, надолго отрывавшей их от хозяйства, а также церковная десятина, тяжелые государственные налоги, необычайно высокие судебные штрафы.

Большую роль в обезземелении и закрепощении крестьянства играла церковь. Для расширения своих земельных владений наряду с прямым насилием она использовала религиозные чувства и суеверия крестьянских масс, внушая верующим, что дарения в пользу церкви обеспечат им отпущение грехов и вечное блаженство в загробном мире. Чтобы умножить богатства церкви, духовенство не гнушалось самым грубым обманом, подлогами и насилием. Церковные учреждения отдельные прелаты и прежде всего сами папы широко практиковали подделку документов, якобы утверждавших их права на те или иные земельные владения.

Установление феодальной поземельной и личной зависимости крестьянства. Иммунитет. Зарождение феодальной иерархии

В таких условиях разорившиеся или стоявшие на грани разорения свободные крестьяне легко попадали в зависимость от крупных землевладельцев. При этом, однако,

они, как правило, не сгонялись с земли, на которой жили. Феодалы не были заинтересованы в сгоне крестьян с земли, ибо при феодальном строе «не освобождение народа от земли, а напротив, прикрепление его к земле было источником феодальной эксплуатации». Земля была в условиях господства натурального хозяйства единственным средством существования. Поэтому, даже теряя аллоды, свободные общинники вынуждены были брать у феодалов землю в пользование на условии выполнения определенных повинностей.

Одним из самых распространенных способов втягивания свободного крестьянства в зависимость еще при Меровингах являлась практика передачи земли в «прекарий» (*precaria*). В VIII—IX вв. эта практика получила особенно широкое распространение как одно из важнейших средств феодализации. Прекарий, что дословно означает «переданное по просьбе», — это условное земельное держание, которое крупный собственник передавал во временное пользование (иногда на несколько лет, иногда пожизненно) безземельному или малоземельному человеку. За пользование этим наделом его получатель обычно должен был платить оброк или в отдельных случаях выполнять барщину в пользу собственника земли.

Существовали прекарий нескольких видов; иногда такое условное держание передавалось человеку, у которого было недостаточно или вовсе не было земли (*precaria data*), но иногда мелкий собственник, еще не потерявший своей земли, передавал под давлением нужды и насилий соседних крупных землевладельцев право собственности на свою землю одному из них, чаще всего церкви, и получал эту же землю обратно в качестве прекария пожизненно или наследственно — в пределах одного-двух поколений (*precaria oblata*) — на условиях несения определенных повинностей. В результате такого рода сделки прекарист, по существу, отказывался от своего права собственности на землю. Иногда прекарист получал обратно в пользование не только отданную землю, но еще и дополнительный участок. Такой прекарий назывался «прекарий с вознаграждением» (*precaria remuneratoria*). Прекарий последнего типа были особенно распространены на землях церкви: церковные учреждения стремились таким способом привлечь побольше крестьян-держателей, чтобы округлить свои владения и увеличить площадь культивируемой церковной земли. Прибавки к дарениям давались обычно из необработанных земель, которые требовали большого приложения крестьянского труда.

Прекарист, отказываясь от права собственности на землю, превращался из собственника ее в держателя. Хотя первоначально он и сохранял свою личную свободу, но оказывался в поземельной зависимости от собственника земли, которая в дальнейшем приводила и к потере им личной свободы. Если более крупные прекаристы брали у церкви землю на условии уплаты незначительного оброка, то мелкие прекаристы, особенно из числа бывших безземельных, несли более тяжелые платежи, а иногда даже и барщину, приближаясь по своему положению к лично зависимым крестьянам.

Таким образом, хотя прекарные отношения имели форму «добровольного договора», в действительности они являлись результатом тяжелого экономического положения крестьян, вынуждавшего их отдавать землю крупным землевладельцам, а иногда и следствием прямого насилия. В лице прекаристов создавался промежуточный социальный слой, переходный от свободного общинника-аллодиста к зависимому крестьянину.

Наряду с крестьянами в VIII—IX вв. в качестве прекаристов часто выступали мелкие вотчинники, сами эксплуатировавшие труд зависимых людей, обычно вышедшие из среды более зажиточных аллодистов-общинников. В этих случаях прекарий служил для оформления поземельных отношений внутри складывающегося класса феодалов, так как такой мелкий вотчинник был уже, по существу, феодальным землевладельцем, вступившим в определенные отношения с более крупным феодальным земельным собственником, предоставившим ему землю в прекарий.

Одновременно с развитием прекарных отношений и потерей крестьянами собственности на землю происходило и личное закрепощение крестьянства. Теряя землю, крестьянин часто вслед за этим терял и свою личную свободу. Так, бедняк, будучи не в

состоянии уплатить долг, попадал в кабалу к кредитору, а затем и в положение лично зависимого человека, мало чем отличающегося от раба. Такая же участь часто ожидала бедняка, которого нужда толкнула на кражу или другие преступления и который, не имея возможности возместить ущерб потерпевшему, становился его кабальным рабом. К личной зависимости часто вел акт коммендации мелкого свободного крестьянина светскому магнату или церкви (см. выше). На практике установление такой личной зависимости крестьянина от феодала могло иногда предшествовать утере им аллода. Однако широкое распространение таких личных отношений между ними имело своей общей предпосылкой быстрый рост крупного землевладения за счет мелкой крестьянской и общинной собственности, выразивший главную тенденцию социального развития Франкского государства той эпохи.

Разорению и втягиванию крестьянства в зависимость способствовала в немалой степени и дальнейшая концентрация в руках отдельных крупных землевладельцев политической власти, служившей им орудием внеэкономического принуждения. По мере того как росло количество подвластных магнату людей — прекаристов, кабальных людей, лиц, коммендированных ему, он приобретал над ними все большую власть.

Королевская же власть, будучи не в силах препятствовать сосредоточению политической власти в руках крупных землевладельцев, вынуждена была санкционировать его путем специальных пожалований. Такие пожалования появились ещё при Меровингах, но широкое их распространение относится к каролингскому периоду. Сущность их заключалась в том, что особыми королевскими грамотами правительственным должностным лицам — графам, сотникам и их помощникам — запрещалось вступать на территорию, принадлежавшую тому или иному крупному землевладельцу, для выполнения на ней каких-либо судебных, административных, полицейских или фискальных функций. Все эти функции передавались магнатам и их должностным лицам. Такое пожалование называлось «иммунитетом» (от латинского *immunitas* — неприкосновенность, освобождение от чего-либо). Иммунитетом называлась не только совокупность определенных политических прав, передаваемых крупному землевладельцу, но и территория, на которую распространялось это пожалование.

Обычно иммунитетные права крупного землевладельца сводились к следующему: он пользовался на своей земле судебной властью; имел право взимать на территории иммунитета все поступления, которые до этого шли в пользу короля (налоги, судебные штрафы и иные поборы); наконец, он являлся предводителем военного ополчения, созываемого на территории иммунитетного округа. Юрисдикции иммуниста обычно подлежали гражданские иски и дела о мелких правонарушениях — не только лично зависимых, но и лично свободных жителей его владений. Высший уголовный суд обычно оставался в руках графов, хотя некоторые иммунисты присваивают себе также и права высшей юрисдикции.

В буржуазной историографии распространено чисто юридическое представление об иммунитете, который рассматривается исключительно как результат королевского пожалования, а иммунист — как один из агентов центральной власти на местах. Тем самым иммунитет изображается в виде стоящего над классами органа мира и порядка, который якобы ничего общего не имеет с хозяйственными интересами феодала и эксплуатацией крестьян.

В действительности иммунитетное пожалование чаще всего лишь оформляло ту политическую власть, тот аппарат внеэкономического принуждения, которыми феодал в качестве крупного землевладельца пользовался обычно задолго до получения этого пожалования и которые неизбежно порождались базисом феодального строя и характером феодальной земельной собственности. «... в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде, — говорит Маркс, — была атрибутом земельной собственности». Иммунист представлял собой важное средство принуждения крестьян и укрепления их зависимости. Располагая судебно-административными и фискальными полномочиями, иммунист

использовал их для усиления эксплуатации и окончательного закрепощения своих подданных — крестьян, как уже зависимых от него, так и еще лично свободных. В каролингский период иммунитетное пожалование часто распространяло власть имунниста на земли и людей, до этого не зависевших от чьей-либо частной власти, еще лично свободных.

Вместе с тем иммунитет способствовал усилению политической независимости феодалов от центральной власти, подготавливая тем самым последующий политический распад Каролингской империи. Росту политической самостоятельности феодалов немало способствовало и развитие вассальных отношений. Вассалами первоначально назывались свободные люди, вступившие в личные договорные отношения с крупным землевладельцем, большей частью в качестве его военных слуг — дружинников. В каролингский период вступление в вассальную зависимость часто сопровождалось пожалованием вассалу бенефиция, что придавало ей характер не только личной, но и поземельной связи. Вассал обязывался верно служить своему господину (сеньору), становясь его «человеком» (homo), а сеньор обязывался защищать вассала. Располагая большим количеством вассалов, крупный землевладелец приобретал политическое влияние и военную силу, которые обеспечивали ему независимое от центрального правительства положение.

В 847 г. внук Карла Великого Карл Лысый в своем Мерсенском капитулярии предписывал, чтобы «каждый свободный человек выбрал себе сеньора». Таким образом, вассалитет признавался главной законной формой общественной связи. Развитие вассалитета вело к зарождению иерархической структуры господствующего класса феодалов, ослабляло центральную власть и способствовало усилению частной власти феодалов.

Организация крупного землевладения. Феодалная вотчина

С утверждением и оформлением к началу IX в. феодальной собственности на землю происходят существенные изменения в хозяйственной организации франкского общества. Если до начала переворота в поземельных отношениях основой его хозяйственной организации оставалась свободная сельская община-марка, то к концу VIII - началу IX в. ее место занимает феодальная вотчина и подчиненная ей крепостная община.

Структура крупного феодального землевладения, окончательно сложившегося в каролингский период, не была однородной. Крупные землевладельцы, как светские, так и духовные, располагали землями самого различного размера и качества. Среди их владений имелись крупные вотчины, которые занимали сплошные территории, совпадавшие с целой деревней или состоявшие из ряда деревень. Вотчины такого типа были наиболее широко распространены в северных областях Франкского государства — между Рейном и Луарой. Но иногда владения даже крупных землевладельцев складывались на небольших вотчин, включавших часть большой деревни или лежавших в разных деревнях, либо даже из отдельных дворов, расположенных вперемежку с владениями других собственников, часто еще свободных крестьян. Такой тип существовал повсюду, но более характерен был для южных областей государства.

Разнообразие в структуре крупного землевладения объяснялось тем, что далеко не всегда крупный землевладелец становился сразу собственником всей деревни. Иногда он приобретал сначала несколько мелких крестьянских участков, а затем постепенно округлял свои владения путем обмена, покупки или прямого захвата, пока вся деревня не превращалась в его вотчину или ее часть.

Источники по истории феодальной вотчины каролингского периода [полиптики, картулярии, «Капитулярий о поместьях» (Capitulare de villis) Карла Великого] показывают, что уже в эту эпоху она являлась организацией для эксплуатации зависимого крестьянства, для присвоения крупными землевладельцами феодальной ренты — прибавочного труда

крестьян в форме оброков и барщины. Земля в феодальной вотчине обычно делилась на две части: на господскую землю или домен (от латинского *dominus* — господин), на которой велось хозяйство феодала, и на землю, находившуюся в пользовании зависимых крестьян и состоявшую из тяглых наделов.

В состав господской или домениальной, земли (*terra dominica, mansus indominicatus*) входили барская усадьба — дом и двор с хозяйственными постройками, где иногда находились мастерские вотчинных ремесленников, сад, огород, иногда виноградник, скотный двор и птичник сеньора. С барской усадьбой обычно были связаны мельницы и церковь, которая считалась собственностью феодала. Пахотные земли, луга и виноградники вотчинника, разделенные на мелкие участки, лежали чересполосно с участками зависимых крестьян. Часть лесных массивов и тех пастбищ, лугов и пустошей, которые прежде принадлежали свободной общине-марке, теперь также превратилась в собственность феодала. Вследствие чересполосицы в вотчине господствовали принудительный севооборот с выпасом скота по пару и по жнивью после снятия урожая, чему вынужден был подчиняться и сам феодал. Обработка господской земли велась в основном трудом зависимых крестьян, работавших на барщине со своим скотом и инвентарем. Использовался также, хотя и в гораздо меньшей степени, труд дворовых рабов, работавших с инвентарем и скотом вотчинника-сеньора.

Земли, находившиеся в пользовании крестьян, делились на наделы, называвшиеся в западной части Франкского государства «мансами», а в восточной — «гуфами». В каждый надел входили: крестьянский двор с домом и надворными постройками, иногда огород, сад и виноградник, примыкавшие к двору, и полевой пахотный надел, состоявший из отдельных полос пашни, разбросанных чересполосно с земельными участками других крестьян и самого вотчинника. Кроме того, крестьяне пользовались оставшимися в распоряжении общины выпасами. Таким образом, общинная организация с принудительным севооборотом и коллективным использованием неподделенными угодьями не исчезла с возникновением вотчины. Однако некогда свободная община-марка превратилась теперь в зависимую, крепостную общину, а сельский сход свободных общинников — в сход зависимых крестьян, происходивший под председательством назначенного сеньором старосты, проводившего в жизнь требования сеньора.

Наделы, на которых сидели зависимые крестьяне, были тяглыми наделами, так как на них лежали определенные повинности (оброк, барщина). На землях вотчины обычно имелись и свободные держания — сохранившиеся еще кое-где крестьянские аллоды, прекарии и бенефиции должностных лиц вотчинной администрации, которыми они пользовались как платой за свою службу, а также бенефиции мелких вассалов феодала-вотчинника.

Натуральный Характер хозяйства

В феодальной вотчине и в феодальной деревнекарolingского периода господствовало натуральное хозяйство. Преобладание натурально-хозяйственных отношений объясняется общим низким уровнем развития производительных сил, в частности отсутствием общественного разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством. К. Маркс, ссылаясь, в частности, и на пример имений Карла Великого, указывает что «домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так — еще до настоящего времени — и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена».

В феодальной вотчине карolingского периода ремесленный труд был соединен с сельским хозяйством, и она обеспечивала феодала также основными изделиями ремесла. Производством одежды, обуви и необходимого инвентаря занимались сами зависимые

крестьяне или дворовые ремесленники, обслуживающие также население деревни. Все, что производилось в вотчине, шло главным образом на снабжение всем необходимым барского двора и за редким исключением потреблялось внутри вотчины.

Это, конечно, не значит, что в каролингский период вовсе не было торговли. Существовали рынки и даже ярмарки, денежное обращение. Но торговые связи не играли существенной роли в хозяйственной жизни вотчины и вообще деревни. Продавались случайно образовавшиеся излишки, в том числе иногда зерна или шерсти, а покупалось лишь то, что нельзя было произвести в вотчине: соль, вино, иногда оружие, а также предметы роскоши, привозимые иностранными купцами из заморских стран. Постоянных торговых связей между отдельными частями Каролингской империи не было. Внешняя торговля была развита слабо, удовлетворяла только потребность верхушки общества в предметах роскоши и не оказывала серьезного влияния на общий уровень экономической жизни.

Положение зависимого крестьянства. Крестьянские движения.

Данные источников VIII—IX вв. убедительно доказывают полную несостоятельность утверждений реакционного австрийского историка А. Допша и его последователей, что во времена Каролингов господствовало якобы «капиталистическое хозяйство» в форме «вотчинного капитализма», всецело руководствовавшееся торговыми интересами. Крестьянское население вотчины не было единым по своему происхождению и правовому положению. Оно делилось на три основные группы — колонов (*coloni, ingenui*), литов (*lidi, liti*) и рабов, сервов (*servi, mancipii*). Подавляющее большинство зависимого крестьянства в каролингской феодальной вотчине составляли колоны. Они не утратили полностью своей личной свободы, но уже находились в поземельной зависимости от вотчинника, на земле которого сидели; не могли уйти со своего надела, находившегося у них в наследственном пользовании, и были ограничены в распоряжении этим наделом. Основную массу колонов этой эпохи составляли потомки ранее свободных крестьян-общинников. С течением времени они все больше теряли и личную свободу и сливались с литами и посаженными на землю рабами в одну массу крепостных.

Рабы (сервы), жившие в вотчине, разделялись на две категории: дворовые рабы, не имевшие надела (*mancipia non casata*), и рабы, сидевшие на земле (*servi casati*). Первые жили и работали на барском дворе; их можно было продать и купить, и все то, что они имели или приобретали, рассматривалось как собственность господина. Рабы (сервы), наделенные землей и прикрепленные к ней, обычно не отчуждались без земли и по своему фактическому положению были уже не рабами, а крепостными крестьянами. В отличие от колонов они находились не только в поземельной, но и в полной личной зависимости от феодала. В большинстве своем сервы были потомками зависимых людей позднеримского и мерovingского времени — рабов, колонов и др.

Промежуточное положение между колонами и сервами занимали литы, обычно находившиеся под патронатом какого-либо светского или духовного крупного землевладельца и державшие свой земельный надел в наследственном пользовании.

В зависимости от того, кому первоначально принадлежали крестьянские наделы (мансы) — колону (в прошлом свободному общиннику), литу или серву, — они назывались «свободными», «литскими» или «рабскими» (*mansi ingenuiles, mansi lidiles, mansi servilis*). Однако в IX в. рабские или литские мансы часто попадали в руки колонов, и наоборот. При этом повинности, которые крестьяне должны были выполнять в пользу феодала, определялись не правовым положением самого держателя, а характером манса (свободного, литско-го или рабского). Это говорит о том, что грани в правовом положении отдельных категорий крестьян постепенно стирались и они все больше и больше сливались в единую массу зависимых. Зависимые крестьяне всех категорий обязаны были нести в пользу сеньора тяжелые повинности — выполнять барщину и платить оброк.

Тяжелее всех была барщина сервов, которые работали на господской земле обычно не менее трех дней в неделю, выполняя при этом особенно тяжелые работы. Колоны также работали на барщине, но основной формой барщины у них была не недельная, а поурочная барщина, при которой они обязывались обработать в пользу помещика определенный участок земли и собрать с него урожай, выполнять извозную повинность, рубить лес и т. п.

С начала IX в. наблюдается тенденция к росту размеров барщины и у колонов. Все зависимые крестьяне обязаны были платить помещику, кроме того, и оброк большей частью в натуральной форме — зерном, мукой, вином, пивом, домашней птицей, яйцами, иногда ремесленными изделиями. Иногда оброк взимался в денежной форме, например поголовный оброк (*saraticum*) с лично зависимых крестьян. Однако денежная рента не имела большого распространения.

Массовое лишение крестьян собственности на землю и втягивание в зависимость вызывали ожесточенное сопротивление как еще свободного, так и уже зависимого крестьянства. Оно принимало различные формы. Одной из них были массовые побеги крестьян. Нередко происходили и открытые крестьянские выступления.

Об упорном сопротивлении закрепощаемого крестьянства свидетельствует капитулярий 821 г. короля Людовика Благочестивого, в котором говорится о существовании во Фландрии «незаконных» заговоров и союзов крепостных. Крестьянские восстания происходили в 848 и 866 гг. во владениях Майнцкого епископа. Наиболее крупное вввстание закрепощаемых крестьян имело место в Саксонии в 841— 842 гг. Лозунгом этих крестьян, поднявшихся против угнетателей — саксонских и франкских феодалов и поддерживавшей их королевской администрации, — был возврат к старым, дофеодальным порядкам: крестьяне изгнали господ и «стали жить по старине». Отсюда и название восстания — «Стеллинга», что значит дословно: «Дети древнего закона». Восстание это лишь с большим трудом было подавлено феодалами.

Крестьянские восстания обычно терпели поражения вследствие своей стихийности, неорганизованности и раздробленности. Однако сопротивление крестьян вынуждало представителей господствующего класса фиксировать повинности зависимых крестьян из опасения восстаний. Фиксация феодальных повинностей, хотя бы на некоторое, время ограждавшая крестьянина от повышения нормы эксплуатации, в значительной мере была следствием непрерывной, каждодневно возобновляемой классовой борьбы крестьянства против феодалов.

Следствием переворота в поземельных отношениях в VIII—IX вв. явилось окончательное утверждение феодализма в Каролингском государстве. Уже к началу IX в. здесь сложились крупная феодальная вотчина и основные классы феодального общества — феодалы и зависимые крестьяне. По словам Энгельса, за эти четыреста лет, прошедшие со времени крушения Западной Римской империи, был сделан шаг вперед, «исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин». Развившиеся на развалинах античного общества феодальные отношения обеспечивали дальнейший подъем общественных производительных сил и «были теперь для нового поколения исходным моментом нового развития».

§ 4. ЭВОЛЮЦИЯ КАРОЛИНГСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО РАСПАД

Политическая организация Каролингского государства. Классовое содержание его политики

Раннефеодальное государство, возникшее еще в меровингский период, в VIII—IX вв. при Каролингах все более отчетливо выступает как орган политического господства уже сложившегося в основном к этому времени класса феодалов.

Для того чтобы держать в повиновении закрепощаемое крестьянство, для завоевания и освоения новых территорий феодалам необходима была относительно сильная центральная власть. Этим объясняется временное усиление королевской власти при первых Каролингах, особенно заметное в правлении Карла Великого. При нем королевский двор снова стал центром государственной жизни. Дважды в год здесь собирались совещания наиболее влиятельных крупных землевладельцев. По их совету король издавал указы — капитулярии — по самым различным вопросам государственного управления, действовавшие по всей обширной империи.

Контроль за органами местного управления осуществлялся через «государевых посланцев» (*missi dominici*), которые разъезжали по графствам и наблюдали за действиями местных должностных лиц. Военные смотры теперь происходили не в марте, а в мае и назывались «майскими полями». В отличие от «мартовских полей», они были не собраниями народного ополчения, а преимущественно съездами королевских бенефициариев. Карл Великий провел новую военную реформу. Теперь служить в армии обязаны были только относительно зажиточные свободные землевладельцы, держащие не менее 3—4 мансов. Все менее состоятельные люди (в первую очередь свободные крестьяне, наделы которых обычно не превышали одного манса) должны были объединяться в группы и за общий счет выставлять одного вооруженного воина. Таким образом, крестьянство, не только зависимое, но и свободное, окончательно устранялось от военной службы, которая все больше становилась привилегией класса феодалов.

Под покровом временной централизации империи происходил процесс феодализации местного управления: граф из государственного должностного лица стал постепенно превращаться в сеньора своего графского округа, захватывая в собственность земли, вверенные его управлению, а свободное население графства превращалось в его вассалов. Керсийский капитулярий 877 г. официально признал наследственность графской должности, закрепив ее за крупнейшими землевладельцами каждого графства. В этом же направлении действовала раздача иммунитетов каролингскими королями и признание ими вассалитета в качестве главной законной общественной связи. Империя Каролингов как раннефеодальное государство всеми средствами защищала интересы класса феодалов. Представители Каролингской династии вели завоевательные войны, выгодные господствующему классу, и способствовали развитию феодализма во вновь завоеванных областях. Своими земельными пожалованиями, раздачей бенефициев и иммунитетов, утверждением прекарных и кабальных сделок они помогали росту крупного землевладения и закрепощению крестьян, подавляя при этом крестьянские движения.

Распад империи Карла Великого

Завершение в основном процесса феодализации привело к политическому распаду империи Карла Великого вскоре после его смерти. Временное объединение под властью Каролингов различных племен и народностей при отсутствии экономического и этнического единства между ними было возможно лишь до тех пор, пока франкские феодалы, особенно слой мелких и средних феодалов — бенефициариев, поддерживали

королевскую власть. Когда же к середине IX в. процесс феодализации империи в основных чертах завершился, позиция феодалов по отношению к центральной власти изменилась.

Крупные феодалы стали почти независимыми от нее; мелкие и средние феодалы, становясь их вассалами, были гораздо больше связаны с магнатами, чем с главой государства — королем. Крестьянство в основном было уже закрепощено. Подавление крестьянских движений, носивших лишь местный характер, производилось силами самих феодалов, связанных узами вассалитета. В условиях господства натурального хозяйства государство Каролингов неизбежно должно было распасться на ряд более мелких политических единиц.

Сын и преемник Карла Великого Людовик Длагрчестивый (814— 840), прозванный так за свою особенно ревностную приверженность к церкви и щедрые дары в ее пользу, уже в 817 г. разделил империю между своими сыновьями, сохранив за собой лишь верховную власть. За этим разделом последовал ряд новых разделов, которые и привели к длительным междоусобиям и смутам. Наконец, в 843 г. после смерти Людовика, его сыновья, собравшись в Вердене, заключили договор о новом разделе империи. В силу того что новый раздел соответствовал границам расселения французской, германской и итальянской народностей. Верденский договор фактически положил начало существованию трех современных государств Западной и Центральной Европы — Франции, Германии, Италии.

По Верденскому договору младший сын Людовика Благочестивого Карл по прозвищу Лысый получил земли к западу от рек Шельды, Мааса и Роны — Западно-Франкское королевство, включавшее основные территории будущей Франции, в которых господствовал романский язык, легший впоследствии в основу французского языка. Средний из братьев — Людовик Немецкий — завладел областями к востоку от Рейна и к северу от Дуая, население которых было чисто германским и говорило на германских диалектах. Это королевство стало называться Восточно-Франкским, а позднее — Германией.

Старший сын Людовика Лотарь, согласно Верденскому договору, сохранил за собой императорский титул. Его государство состояло из земель, расположенных, вдоль Рейна. Империя Лотаря представляла собой искусственное соединение осколков различных политических и этнических образований. Более или менее единым целым в нем была лишь Италия, которая стала в дальнейшем родиной итальянской народности.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ IV-XI вв.

§ 1. ВИЗАНТИЯ IV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX в.

Образование Византийской империи

Византия (Восточная Римская империя), оформившаяся как самостоятельное государство в IV в. в результате разделения Римской империи на Восточную и Западную (395 г.), превосходила Западную по уровню развития ремесла и торговли, богатству своих городов, уровню духовной культуры. С упадком Рима, с перемещением центра экономической и культурной жизни империи на Восток сюда переместился и политический центр Римского государства. В 330 г. император Константин сделал столицей империи древнюю мегарскую колонию на берегах Босфора — Византию. Новая столица была названа по имени ее основателя Константинополем. Превращение Константинополя в столицу объяснялось благоприятным положением города: здесь пересекались важнейшие торговые пути из Европы в Азию и из Черного моря в Эгейское. Город был и военно-стратегическим центром, превосходно укрепленным как с суши, так и с моря.

В ранний период в состав Византийской империи входили Балканский полуостров, Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет, Киренаика, часть Месопотамии и Армении, острова Крит и Кипр, ряд опорных пунктов в Крыму (Херсонес) и на Кавказе (в Грузии), некоторые районы Аравии, а с V в. — Иллирик и Далмация. На землях империи жили различные племена и народности: греки, фракийцы, иллирийцы, дакийцы, эллинизированные малоазийские племена (исавры и др.), сирийцы, армяне, грузины, евреи, копты. Эллинизация и романизация коснулись преимущественно городского населения, многочисленные племена и народы Византии сохраняли местные языки, обычаи, культуру. Однако господствующее положение среди пестрого населения империи занимали греки, и греческий язык имел широкое распространение.

Аграрный строй Византии в IV—VI вв.

Византийская империя включила области с разнообразными природно-климатическими условиями. Мягкий, местами субтропический климат прибрежных районов постепенно переходил в континентальный климат внутренних областей. Горный рельеф Греции и Малой Азии, части Македонии сменялся равнинными пространствами Фракии и Фессалии на Балканах и в Северной Африке.

Территория империи охватывала страны древней земледельческой культуры. Широкое распространение во многих областях имело хлебопашество. В сельском хозяйстве восточных провинций, особенно Египта и Сирии, значительную роль играла ирригация. Широко было развито виноградарство и культура оливок, садоводство (на юге и юго-востоке — финиковых пальм); выращивали и технические культуры (лен и др.), было распространено скотоводство.

В социально-экономическом развитии Восточной Римской империи можно отметить ряд существенных особенностей. В первую очередь, черты упадка сельского хозяйства стали ощутимы здесь позднее, чем на Западе, лишь в конце VI в. Второй особенностью было сравнительно меньшее и более медленное, чем на Западе, развитие крупного землевладения латифундиального типа. Крупные земельные владения принадлежали главным образом императорскому фиску. Домены Шифратора были разбросаны по всей империи. В ранней Византии наблюдался также значительный рост церковно-монастырского землевладения.

Еще одной особенностью аграрного строя Византии было большое распространение и возрастание в IV—VI вв. роли свободного крестьянского землевладения и общины,

которые преобладали в Придунайских провинциях, во Фракии, Македонии, центральных областях Малой Азии. Наиболее распространенным типом крестьянской общины в Византии была соседская община «митрокомия», объединявшая крестьян, владевших небольшими участками земли с довольно широкими правами собственности на эти участки. В деревне имела место долгосрочная аренда — эмфитевзис, — особенно часто встречающаяся на императорских домениальных, а также церковных землях. Эмфитевзисами обычно были свободные крестьяне, но иногда и крупные землевладельцы.

Хотя рабский труд и не играл в сельском хозяйстве Византии столь большой роли, как на Западе, он применялся в хозяйстве почти всех категорий земельных собственников. Областями наибольшего распространения рабства были Греция, западная часть Малой Азии, Сирия, Египет, Киренаика. Основной формой использования труда рабов в сельском хозяйстве в IV—VI вв. в Византии стало предоставление рабам участка земли в виде пекулия. Широкое применение этой формы эксплуатации рабов несколько замедляло действие кризиса рабовладельческого строя в Византии.

В Византии в больших масштабах, чем на Западе, был распространен и колонат (см. гл. 3). Законодательство VI в. разделяет колонов Византийской империи на две основные категории: на свободных — георгов и «приписных» — энапографов (или адскриптицев). Георги юридически считались свободными людьми, могли иметь в собственности дом, двор, инвентарь, скот и даже, наряду с арендованной у крупного землевладельца землей, свой собственный, обычно небольшой участок земли. Энапографы не имели никаких владельческих прав, жили на земле господина, которую обрабатывали, как правило, его инвентарем, и были приписаны к налоговому цензу имения. В VI в. положение колонов ухудшается. Например, идет процесс лишения имущественных прав не только энапографов, но и георгов. Еще раньше колонны были прикреплены к земле. Колонны уплачивали господину за пользование землей определенные платежи натурой, а иногда и деньгами и выполняли в его пользу полевые работы.

Своеобразие аграрного строя Византии — сохранение значительных масс свободного крестьянства и крестьянской общины, широкое распространение колоната и рабства с предоставлением пекулия — обусловило большую экономическую устойчивость восточных провинций и несколько замедлило кризис рабовладельческого строя на Востоке, его падение, а затем и процесс феодализации.

Города, ремесло и торговля

Византия IV—VI вв. по праву считалась страной городов и обгоняла Запад по уровню развития ремесла и торговли. Богатые запасы железа, золота, меди, мрамора стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий для ремесла и сельского хозяйства. Совершенствовались также строительная техника, стекольное и текстильное производство, особенно выработка тончайших полотняных и шерстяных, а с VI в. — шелковых тканей.

В то время как на Западе города пришли в упадок, на Востоке они продолжали развиваться как центры ремесла и торговли. Первое место среди них принадлежало Константинополю. В его мастерских искусные ремесленники изготовляли предметы самой утонченной роскоши. Столица империи была знаменита изысканными произведениями ювелиров — эмальеров, мозаичистов, украшавших великолепными мозаиками стены дворцов и храмов. Широкой известностью пользовались константинопольские скриптории, в которых изготовлялись рукописные книги, богато иллюстрированные художественными миниатюрами. Изделия византийских мастеров оставались недостижимым эталоном для ремесленников многих стран.

Обилие удобных гаваней и господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали развитию в Византии мореплавания и морской, в том числе транзитной, торговли. Все раннее средневековье империя оставалась великой морской

державой. Византийские купцы проникали на востоке в Индию, Тапробан (Цейлон) и Китай, на юге — в Аксумское царство (Эфиопия), а также в Аравию. Оживленная торговля велась с Ираном и Согдианой (Средняя Азия). С Востока византийские купцы привозили шелк-сырец (метаксу) для изготовления шелковых тканей, слоновую кость, золото и драгоценные камни, жемчуг, перец и другие пряности, а вывозили туда ткани, одежды, вышивки, стеклянные изделия. На севере корабли византийских мореходов достигали Британских островов и берегов Скандинавии. На Средиземном море весь этот период византийцы сохраняли неоспоримую гегемонию. Фактории византийских купцов появляются в Неаполе, Равенне, Массилии (Марселе), Карфагене. Возрастает торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа. Византийские монеты — золотые солиды — играли роль международной валюты. В столицу Византийской империи съезжались купцы из самых отдаленных стран мира. Недаром К. Маркс называл Константинополь «золотым мостом» между Востоком и Западом. Крупными экономическими центрами империи помимо Константинополя были Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса в Северо-восточной Месопотамии, Тир и Бейрут в Финикии, города Малой Азии — Эфес, Смирна, Никея, Никомидия, а в европейской части империи — Фессалоника и Коринф.

В ремесленном производстве в городах Византии широко применялся рабский труд. Помимо рабов-ремесленников, работавших в мастерских — эргастериях, принадлежавших частным лицам, существовала довольно многочисленная категория государственных рабов и рабов, находившихся в распоряжении муниципальных властей отдельных городов. Большинство государственных рабов работали в императорских мастерских, монополизировавших изготовление оружия и одежды для армии, а также предметов роскоши для императорского двора.

В ремесленном производстве также все больше начинает практиковаться предоставление рабу пекулия в виде ремесленной мастерской или лавки, что приводило к некоторой интенсификации рабского труда в ремесле. Благодаря широкому применению рабского труда в городском ремесле города в Византии в течение долгого времени оставались оплотом рабовладельческих отношений. Однако здесь наряду с эргастериями известное значение приобретали мелкие мастерские свободных самостоятельных ремесленников, объединявшихся в некоторых городах в корпорации.

Расцвет ремесла и доходы от богатых городов и широкой заморской торговли доставляли правительству значительные ресурсы для содержания сильной армии и могущественного военного флота, оплаты наемников. Это помогло Византии в отличие от Западной империи, где города в это время деградировали, избежать варварского завоевания и сохраниться в виде целостного независимого государства с сильной центральной властью.

Государство

После падения Западной Римской империи Византия выступала как единственная законная наследница Рима и претендовала на господство во всем цивилизованном мире. Идея всемирной монархии с центром в Константинополе жила и в варварских королевствах Запада, которые вплоть до создания империи Карла Великого пусть номинально, но все же признавали верховную власть константинопольского императора. В самой Византийской империи получила оформление доктрина божественного происхождения императорской власти. Император (по-гречески — «василевс»), в руках которого сосредоточивалась широкая законодательная и исполнительная власть, был окружен поклонением и восточной роскошью. Правда, реальная власть императора была несколько ограничена такими учреждениями, как сенат, государственный совет (консистерий) и организации свободных граждан городов (димы). Димы (от греческого «демос» — народ) были политическими организациями свободных граждан византийских городов, они выполняли хозяйственные,

политические и военные функции. В своей политике император должен был считаться и с церковью.

В области государственного устройства в Византии были особенно устойчивы традиции поздней Римской империи. Центральное управление сосредоточивалось в императорском дворце и делилось на ряд ведомств, во главе которых стояли высшие чиновники, назначаемые императором. Провинциальное управление было также строго централизовано и подчинено центральной власти, которая постоянно и упорно боролась со всякими проявлениями сепаратизма провинциальных правителей. Вся сложная иерархия бюрократического аппарата определялась табелью о рангах.

В ранней Византии продолжала существовать римская система налогового обложения, сложившаяся при Диоклетиане и Константине.

Организация армии также была унаследована от Римской империи. Однако в IV—VI вв. в ней произошли существенные изменения. Все чаще начинает практиковаться замена поставки рекрутов землевладельцами уплатой денежных взносов. Все большую роль в армии играют наемники из различных варварских племен. Но в отличие от Западной Римской империи, где армия была сильно варваризована, в Византии значительную часть армии и особенно флота составляли еще контингенты, набранные из местного свободного населения.

Христианская церковь и еретические движения

В идеологической и социально-политической жизни византийского общества большую роль играла христианская церковь, в IV в. ставшая союзницей и опорой государства.

И в сфере церковной организации, и в области церковной догматики уже в этот период намечаются различия между западной и восточной церквями. Восточная церковь постоянно соперничает с западной в борьбе за главенство во всем христианском мире. Константинопольский патриарх старается ни в чем не уступать римскому папе. Однако отличительной чертой организации восточной церкви была исторически сложившаяся большая зависимость церкви в Византии от императорской власти.

Уже в ранней Византии в основном складывается сложная и разветвленная церковная иерархия. Церкви принадлежали многочисленные земельные владения, обрабатываемые рабами, колонами, мелкими арендаторами, а в городах — эргастерии и лавки. Церковь получала ряд привилегий: духовенство освобождалось от уплаты налогов и повинностей (за исключением поземельного налога); епископы и другие высшие духовные сановники имели право суда над всеми клириками.

Основные догматические положения господствующей христианской церкви создавались в ожесточенной богословской и социально-политической борьбе. Много споров и возражений вызвал главнейший догмат христианского «символа веры» о «троичности бога». Противоречивые толкования этого догмата породили еретические учения. За этими богословскими разногласиями в ересь всегда скрывались общественные силы, выступавшие против господствующей церкви и государства. В этот период широкое распространение в Восточной империи получило арианство, отрицавшее божественную природу Христа.

Арианское духовенство первоначально вело простой образ жизни, чуждалось стяжательства и накопления богатств, резко критиковало господствующую церковь, чем привлекло симпатии широких народных масс и вызвало жестокие гонения со стороны церкви. Позднее арианство аристократизировалось и утратило свою связь с народом. В 30—40-х годах V в. в Сирии возникло новое еретическое учение — несторианство, названное по имени главы движения Нестория. Несториане также критиковали догмат о троичности бога и видели в Христе только человека, на которого временно снизошел божественный разум. Основное ядро несториан составляло духовенство и купечество

восточных провинций Месопотамии, Сирии, отчасти Египта, настроенных сепаратистски по отношению к центральному правительству и ортодоксальной церкви. Но оппозиционность несторианства породила к нему симпатии народных масс. В 431 г. на вселенском соборе в Эфесе (Малая Азия) несторианство также было объявлено ересью и подвергнуто суровым гонениям.

Большое распространение в ранней Византии получило монофизитство. В отличие от ариан и несториан монофизиты считали, что Христос обладает лишь одной и притом божественной природой. Они также требовали от духовенства отказа от роскоши и земных благ, что привлекло к ним сочувствие народных масс. Для купцов, крупных землевладельцев, высшего духовенства Египта, Палестины и Сирии оно также было знаменем сепаратизма. В 451 г. на Халкидонском церковном соборе монофизиты были осуждены как еретики.

Правление императора Юстиниана

Наивысшего расцвета Византийская империя достигла в середине VI в. в правление императора Юстиниана (527—565). В это время происходит внутренняя стабилизация Византийского государства и осуществляются широкие внешние завоевания.

Юстиниан родился в Македонии в семье бедного иллирийского крестьянина. Его дядя император Юстин (518—527), возведенный на престол солдатами, сделал Юстиниана своим соправителем. После смерти дяди Юстиниан стал властелином огромной империи. Юстиниан получил очень противоречивую оценку современников и потомков. Историограф Юстиниана Прокопий Кесарийский в своих официальных трудах и в «Тайной истории» создал двойственный образ императора: жестокий тиран и властный честолюбец уживался в нем с мудрым политиком и неутомимым реформатором. Обладая недюжинным умом, силой воли и получив блестящее образование, Юстиниан с необычайной энергией занимался государственными делами.

Он был доступен людям различного звания, обворожителен в обращении. Но эта кажущаяся и внешняя доступность были только маской, скрывавшей натуру беспощадную, двуличную и коварную. По словам Прокопия, он мог «тихим и ровным голосом приказать перебить десятки тысяч ни в чем не повинных людей». Юстиниан был фанатически одержим идеей величия своей императорской особы, которой, как он считал, выпала миссия возрождения былого могущества Римской империи. Сильное влияние на него оказывала его жена Феодора, одна из самых ярких и своеобразных фигур на византийском престоле. Танцовщица и куртизанка, Феодора благодаря своей редкой красоте, уму и твердой воле покорила Юстиниана, стала его законной женой и императрицей. Она обладала недюжинным государственным умом, вникала в дела правления, принимала иностранных послов, вела дипломатическую переписку, в трудные минуты проявляла редкое мужество и неукротимую энергию. Феодора безумно любила власть и требовала рабского поклонения.

Внутренняя политика Юстиниана была направлена к усилению централизации государства и укреплению экономики империи, на активизацию торговли и поиски новых торговых путей. Большим успехом византийцев было раскрытие секрета производства шелка, тайны которого веками оберегались в Китае. По преданию, два несторианских монаха в своих полых посохах вывезли из Китая в Византию грену шелковичного червя; в империи (в Сирии и Финикии) возникло в VI в. собственное производство шелковых тканей. Константинополь в это время стал средоточием мировой торговли. В богатых городах империи наблюдался подъем ремесленного производства, совершенствовалась строительная техника. Это дало возможность Юстиниану воздвигать в городах дворцы и храмы и оборонительные сооружения в пограничных районах.

Прогресс строительной техники был важным стимулом и для расцвета архитектуры. В VI в. заметно улучшилась и обработка металлов. Широкие военные предприятия Юстиниана стимулировали производство оружия и расцвет военного искусства.

В своей аграрной политике Юстиниан покровительствовал росту крупного церковного землевладения и в то же время поддерживал средние слои землевладельцев. Он проводил, хотя и не последовательно, политику ограничения власти крупных землевладельцев и, в первую очередь, старой сенаторской аристократии.

В правление Юстиниана была проведена реформа римского права. Коренные изменения социально-экономических отношений требовали переработки старых правовых норм, препятствовавших дальнейшему прогрессу византийского общества. В короткий срок (с 528 по 534 г.) комиссией из выдающихся юристов во главе с Трибонианом была проведена огромная работа по пересмотру всего богатейшего наследия римской юриспруденции и создан «Свод гражданского права» («Corpus juris civilis»). Он состоял первоначально из трех частей: «Кодекс» Юстиниана — собрание важнейших законов римских императоров (от Адриана до Юстиниана) по различным гражданским делам (в 12 томах); «Дигесты», или «Пандекты», — сборник авторитетных мнений знаменитых римских юристов (в 50 книгах); «Институции» — краткое элементарное руководство по римскому гражданскому праву. Законы, изданные самим Юстинианом с 534 по 565 г., составили впоследствии четвертую часть «Свода» и получили название «Новеллы» (т. е. «Новые законы»).

В законодательстве, как и во всей общественной жизни Византии этого времени, определяющей была борьба старого рабовладельческого мира с нарождающимся новым — феодальным. При сохранении в Византии в VI в. основ рабовладельческого строя фундаментом *Corpus juris civilis* могло быть лишь старое римское право. Отсюда и консерватизм законодательства Юстиниана. Но вместе с тем в нем (особенно в «Новеллах») отразились и коренные, в том числе прогрессивные, изменения в общественной жизни. Центральными среди социально-политических идей законодательства Юстиниана становится идея неограниченной власти государя-самодержца — «представителя бога на земле» — и идея союза государства с христианской церковью, защиты ее привилегий, отказа от веротерпимости и преследование еретиков и язычников.

В законодательстве Юстиниана (особенно в «Кодексе» и «Новеллах») поощрялось предоставление рабам пекулия, облегчался отпуск рабов на волю, получил четкое юридическое оформление институт колоната.

Сохранение в Византии в IV—VI вв. ряда крупных городских центров, развитых ремесла и торговли требовали строгой регламентации и охраны права частной собственности. И здесь римское право, эта «совершеннейшая, какую мы только знаем, форма права, имеющего своей основой частную собственность», явилось источником, из которого юристы VI в. могли черпать необходимые законодательные нормы. Поэтому в законодательстве Юстиниана видное место отводится регулированию торговых, ростовщических и ссудных операций, аренды и т. п.

Однако и в сферу частноправовых отношений были внесены важные изменения: отменялись все старые, уже изжившие себя формы собственности и вводилось юридическое понятие единой полной частной собственности — основы всего гражданского права.

Законы Юстиниана закрепили начавшиеся еще в Римскую эпоху империи тенденции к фактической ликвидации правовых различий между римскими гражданами и покоренными народами. Все свободные граждане империи отныне подчинялись единой правовой системе. Единое государство, единый закон и единая система заключения браков для всех свободных жителей империи — такова основная идея семейного права в законодательстве Юстиниана.

Обоснование и защита права частной собственности обусловили живучесть основных положений «Свода гражданского права» Юстиниана, которые сохранили свое значение в течение всего средневековья, а впоследствии были использованы в буржуазном обществе. Широкая строительная деятельность Юстиниана, завоевательная политика, содержание государственного аппарата, роскошь императорского двора требовали

огромных расходов, и правительство Юстиниана принуждено было резко повысить налоговое обложение подданных.

Недовольство населения налоговым гнетом и преследованиями еретиков привели к восстаниям народных масс. В 532 г. вспыхнуло одно из самых грозных народных движений в Византии, известное в истории как восстание «Ника». Оно было связано с обострившейся борьбой так называемых цирковых партий Константинополя.

Любимым зрелищем жителей Византии были конные ристания и различные спортивные игры в цирке (ипподроме). Вместе с тем цирк в Константинополе, как и в Риме, был центром социально-политической борьбы, местом многолюдных собраний, где народ мог видеть императоров и предъявлять им свои требования. Цирковые партии, которые были не только спортивными, но и политическими организациями, носили названия по цвету одежд возниц, участвовавших в конных состязаниях: венеты («голубые»), прасины («зеленые»), левки («белые») и русии («красные»). Наибольшее значение имели партии венетов и прасинов.

Социальный состав цирковых партий был очень пестрым. Во главе партии венетов стояла сенаторская аристократия и крупные землевладельцы, партия прасинов отражала прежде всего интересы купцов и владельцев крупных ремесленных эргастерий, торговавших с восточными провинциями империи. Партии цирка были связаны с ди-мами городов Византии, в них входили и рядовые члены димов, принадлежавшие к средним и низшим слоям свободного населения городов. Различались прасины и венеты и по своим религиозным убеждениям; венеты были сторонниками ортодоксального церковного вероучения — православными, а прасины выступали в защиту моно-физитства. Юстиниан покровительствовал партии венетов и всячески преследовал прасинов, что вызвало их ненависть к правительству.

Восстание началось 11 января 532 г. с выступления в константинопольском ипподроме оппозиционной партии прасинов. Но вскоре к «зеленым» присоединилась и часть венетов; низы обеих партий объединились и потребовали сокращения налогов и отставки наиболее ненавистных чиновников. Восставшие стали громить и поджигать дома знати и правительственные здания.

Вскоре их возмущение обратилось и против самого Юстиниана. Повсюду раздавался клич «Побеждай!» (по гречески «Ника!»). Император и его приближенные были осаждены во дворце. Юстиниан решил бежать из столицы, но императрица Феодора потребовала немедленно напасть на восставших. В это время среди участников движения начались разногласия, часть аристократии из партии «голубых», испугавшись выступления народных масс, отшатнулась от восстания. Правительственные войска, возглавляемые полководцами Юстиниана — Велисарием и Мундом, внезапно напали на собравшийся в цирке народ и учинили страшную резню, во время которой погибло около 30 тыс. человек.

Разгром восстания «Ника» знаменует резкий поворот в политике Юстиниана в сторону реакции. Однако народные движения в империи не прекращались.

Внешняя политика и войны Юстиниана

В своей внешней политике на Западе Юстиниан руководствовался прежде всего идеей восстановления Римской империи. Для осуществления этого грандиозного замысла Юстиниану нужно было покорить варварские государства, возникшие на развалинах Западной Римской империи. Первым пало в 534 г. под ударами византийских войск государство вандалов в Северной Африке. Внутренние междоусобия вандальской знати, недовольство местных берберийских племен правлением вандалов, помощь византийцам со стороны римских рабовладельцев и ортодоксального духовенства, притесняемых вандалами-арианами, обеспечили победу полководцу Юстиниана Велисариию.

Однако восстановление рабовладельческих отношений и римской налоговой системы в завоеванной провинции вызвало протест населения. Его разделяли и солдаты

византийской армии, недовольные тем, что правительство не обеспечивало их в завоеванной стране земельными участками. В 536 г. солдаты восстали, к ним присоединились местные берберийские племена и беглые рабы и колонны. Во главе восстания встал византийский солдат Стотза. Только к концу 40-х годов VI в. Северная Африка была окончательно подчинена власти империи.

Еще больших жертв стоило империи завоевание королевства остготов в Италии. Высадившись летом 535 г. в Сицилии, Велисарий быстро захватил этот остров, переправился в Южную Италию и начал успешное продвижение в глубь страны. Опираясь на помощь италийской рабовладельческой знати и ортодоксального духовенства (готы, как и вандалы, были арианами), Велисарий в 536 г. овладел Римом.

Но и здесь реставраторская политика Юстиниана и произвол завоевателей вызвали широкое народное движение, которое возглавил остготский король Тотила (551—552), талантливый полководец и дальновидный политик. Как представитель остготской знати он, отнюдь не желая отмены института рабства, понимал, что без поддержки широких масс ему не разбить врага. Поэтому Тотила принимал в свою армию беглых рабов и колоннов и давал им свободу. Одновременно он поддерживал свободное землевладение остготского и италийского крестьянства и проводил конфискацию поместий части крупных римских собственников, особенно выступавших против остготов. Это обеспечило ему поддержку всех слоев населения Италии, страдавших от реставраторской политики правительства Юстиниана. Тотила одержал блестящие победы над византийскими войсками. В 546 г. он взял Рим, вскоре отвоевал у византийцев большую часть Италии, а также Сицилию, Сардинию и Корсику.

Победы Тотилы обеспокоили его соперников из числа остготской знати. Многие знатные остготы стали отходить от него. В то же время и сам Тотила не был последователен в своей политике. Часто он шел на уступки остготской и италийской знати, отталкивая тем самым от себя народные массы и теряя сторонников. В 552 г. в Италию с громадной армией прибыл преемник Велисария полководец Нарсес. В июне того же года в битве у местечка Тагина армия Тотилы, несмотря на проявленный остготами героизм, потерпела жестокое поражение, а сам Тотила пал в сражении. Однако остготы продолжали упорное сопротивление, и лишь к 555 г. Италия была полностью завоевана византийцами.

Как и в Северной Африке, Юстиниан пытался сохранить в Италии рабовладельческие отношения и реставрировать римскую систему государственного управления. В 554 г. он издал «Прагматическую санкцию», которая отменяла все реформы Тотилы. Земли, ранее конфискованные у рабовладельческой знати, возвращались ей. Колонны и рабы, получившие свободу, вновь передавались их господам.

Одновременно с завоеванием Италии Юстиниан начал войну с вестготами в Испании, где ему удалось захватить ряд опорных пунктов в юго-восточной части Пиренейского полуострова.

Таким образом, казалось, что мечты Юстиниана о реставрации Римской империи близки к осуществлению. К Византийскому государству были вновь присоединены многие из ранее входивших в нее областей. Однако господство византийцев вызывало недовольство покоренного населения, и завоевания Юстиниана оказались непрочными.

На Востоке Византия в VI в. вела изнурительные войны с Сасанидским Ираном. Важнейшей причиной векового спора между ними были богатые области Закавказья и в первую очередь Лазика (современная Западная Грузия). Кроме того, Византия и Иран издавна соперничали в торговле шелком и иными драгоценными товарами с Китаем, Цейлоном и Индией. Воспользовавшись тем, что Византия была втянута в войну с остготами, сасанидский царь Хосров I Ануширван в 540 г. напал на Сирию. Так началась тяжелая война с Ираном, длившаяся с перерывами до 562 г. По мирному договору Лазика осталась за Византией, Сванетия и другие области Грузии — за Ираном. Византия обязалась платить Ирану ежегодную дань, но все же не допустила персов к побережью Средиземного и Черного морей. Неудачными для Юстиниана были и войны на северных

границах империи. Почти ежегодно через Дунай переправлялись и нападали на территорию Византии славяне, авары, гунны, протоболгары, герулы, гепиды и другие варварские племена и народы. Особенно опасными для Византии были вторжения славян.

Вторжение славян

До середины VI в. варвары, проникая через Дунайскую границу, либо уходили дальше на запад, либо возвращались с добычей за Дунай. Положение изменилось с середины VI в., когда решающей силой в этих вторжениях стали славянские племена.

В VI в. славяне были ближайшими и наиболее опасными соседями Византии. Византийские историки того времени делили славян на две основные группы — склавинов и антов. Склавинами они называли племена, жившие между Днестром и Дунаем, к северу — до Вислы, жа западе — до среднего течения Савы. Анты заселяли земли в Северном Причерноморье — к востоку от Днестра и в Поднепровье, а также области к северо-востоку от Азовского моря, между Донцом и Доном.

Основной отраслью хозяйства славянских племен издавна было оседлое земледелие, как свидетельствует византийский автор Псевдо-Маврикий в своем произведении «Стратегикон» (VI — начало VII в.). Археологические раскопки славянских поселений обнаружили рядом с жилищами славян зерновые ямы — погреба, а также земледельческие орудия — железные сошники, серпы, косы, жернова для размола зерна и др. Широкое распространение у славян получило и скотоводство. Немалое значение в их хозяйственной жизни имели рыболовство, охота и бортничество.

По данным археологии, у славян были развиты обработка металлов, ювелирное дело и гончарное производство с гончарным кругом. Многочисленные находки в славянских могильниках и поселениях римских монет и предметов свидетельствуют о развитии торговых связей с империей.

В VI в. у славян происходит распад родовых связей. Основной хозяйственной и социальной единицей становится община, близкая, по-видимому, по своему характеру к германской земледельческой общине, переходящей затем к соседской общине-марке. Наряду с ней у славян еще долго сохраняются большие семьи, или домашние общины (у южных славян они называются задругами). В это время у них существовало и рабство патриархального типа.

Политический строй славян Прокопий Кесарийский характеризует чертами, присущими военной демократии. «Эти племена, склавины и анты, — пишет он, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии)...» Наиболее важные дела решались у славян на народных собраниях. Каждое племя имело своих вождей, называемых князьями. В VI—VII вв. у славян растет имущественная и социальная дифференциация. В процессе образования классов власть князей становится наследственной, усиливается влияние знати, а отдельные славянские племена объединяются в племенные союзы.

Славяне были храбрыми и искусными воинами. Псевдо-Маврикий особо отмечает любовь славянских племен к свободе. По его словам, их «никоим образом нельзя обратить в рабство или подчинить».

В конце V — начале VI в. начались массовые вторжения славян в пределы Византийской империи. Особенно опасными нападения славян становятся в правление Юстиниана, когда они повторялись почти ежегодно. Славяне доходили почти до предместий Константинополя. При Юстиниане империя, хотя и с трудом, отбивала их нашествия. Но со второй половины VI в. внутреннее ослабление Византии открыло славянам и другим варварским племенам путь для новых вторжений и для поселения в пределах империи.

Византия в конце VI—VII в.

При преемниках Юстиниана истощенная длительными войнами и разоренная непосильными налогами империя вступает в полосу упадка. В конце VI — начале VII в. кризис рабовладельческого способа производства достиг в Византийской империи наибольшей остроты. В стране растет количество заброшенных земель, ухудшается агрикультура, разрушаются ирригационные сооружения. Растет крупное землевладение, основанное уже на эксплуатации зависимых земледельцев разных категорий. Широкое распространение получает патронат. В личной зависимости от крупных землевладельцев — патронов — оказываются не только отпускаемые на волю рабы, но и многие свободные земледельцы, т. е. все большее развитие получают формы хозяйства и общественных отношений, характерные для феодального общества.

Втягивание в зависимость ранее свободных людей вызывало обострение классовой борьбы, особенно в восточных провинциях империи — в Сирии, Палестине, Египте. Широкий размах приобретает здесь движение «разбойников» (*latrones*), как рабовладельцы с ненавистью и пренебрежением называли беглых колонов, боровшихся в вооруженных отрядах со своими угнетателями.

В 602 г. вспыхнуло восстание в армии, стоявшей на Дунае. Императором был провозглашен простой центурион (сотник) Фока. При поддержке народных масс восставшие свергли и казнили императора Маврикия. В стране началась открытая гражданская война, охватившая восточные провинции, в результате которой в 610 г. Фока тоже был свергнут и казнен, а престол захватил представитель феодализирующейся провинциальной знати Ираклий (610—641).

Экономический упадок, социально-политический кризис и гражданская война начала VII в. обусловили территориальные потери империи и проникновение на ее земли славян. В начале VII в. славяне уже заселили Фракию, Македонию, Грецию, Далмацию и Истрию. К середине VII в. славянские поселения покрывают почти всю территорию Балканского полуострова. В 70-х годах VII в. на северо-восточных границах Византии возникло первое крупное славянское государство на Балканском полуострове — Болгария. Немало славян переселяется и в Малую Азию.

На Востоке ослабевшая империя подвергается частым нападениям персов, хотя императору Ираклию удалось временно предотвратить захват персами восточных провинций. Но в середине 30-х годов VII в. Византии пришлось столкнуться на Востоке с новым грозным врагом — арабами. С 636 по 642 г. арабы отвоевали у Византии ее наиболее богатые и плодородные восточные провинции (Сирию, Палестину, Верхнюю Месопотамию, Египет), что сильно подорвало экономику империи. В конце VII в. арабы захватили и владения Византии в Северной Африке.

В Италии за Византией сохранились лишь Равеннский экзархат, часть Южной Италии (Калабрия и Апулия) и остров Сицилия. К этому времени территория Византии составляла менее трети тех земель, которые входили в империю при Юстиниане. Армения и Лазика стали независимыми от Византии. Изменился и этнический состав населения: значительная часть Балканского полуострова и некоторые местности Малой Азии были заселены славянами, в восточной части Малой Азии появились многочисленные поселения армян, персов, сирийцев и арабов.

Социально-экономические и политические изменения в Византии в VII—VIII вв.

Вторжения славян и других варварских племен в сочетании с народными движениями способствовали дальнейшему сокращению крупного землевладения рабовладельческого типа. Большое значение приобрели теперь свободные местные и славянские сельские общины. Сохранившееся крупное землевладение все более перестраивалось на новой феодальной основе; сокращалось применение труда рабов и увеличивалось значение эксплуатации различных категорий зависимых земледельцев.

Коренным образом меняется административное устройство Византийского государства. Старые диоцезы и провинции заменяются новыми военно-административными округами — фемами. Ядро их населения составили расселенные в Византии массы колонистов из славян, армян, сирийцев и представителей других племен. Из них, а также из еще свободных византийских крестьян создавалось в VIII в. особое военное сословие стратиотов. За несение военной службы стратиоты получали от правительства в наследственное владение земельные наделы. Стратиотское землевладение стало привилегированным, освобожденным от всех налогов, кроме поземельного. Стратиоты составили главную силу фемного войска и основу фемного строя. Во главе фем стояли командиры фемного войска — стратиги, которые сосредоточивали в своих руках всю полноту военной и гражданской власти в фемах.

Создание фемного строя означало известную децентрализацию государственного управления, которая была связана с феодализацией страны. Однако особенностью византийского государственного устройства, по сравнению с большинством других раннефеодальных государств было сохранение и в этот период сравнительно сильной центральной власти.

Византийские города в VIII — первой половине IX в. переживали упадок. Потеря Византией ее восточных провинций неблагоприятно сказалась и на состоянии городской экономики империи. Правда, в IX в. Византии удалось частично восстановить торговые связи с Востоком и укрепить торговлю с Франкским государством, особенно же со славянскими странами — Болгарией, сербскими и хорватскими землями, с Велико-Моравской державой и Русью (через Херсонес), с народами Закавказья, с Северной Африкой. Константинополь, Фес-салоника, Трапезунд оставались крупными центрами ремесла и торговли. Однако большинство городов империи пришло в упадок, происходила общая натурализация хозяйства, центр тяжести экономики все более переносился из города в деревню.

В византийской деревне в VIII — первой половине IX в. преобладала свободная сельская община. Ее разложение дало основу для формирования феодальных отношений. Это засвидетельствовано составленным, как полагают, в VIII в. «Земледельческим законом».

«Земледельческий закон» подобно варварским правдам представляет собой запись обычного права. По его данным, в византийской деревне преобладала свободная соседская община, которая являлась верховным собственником земли. Пахотные земли, сады, виноградники находились в частном владении общинников. Луга, выгоны, леса и другие угодья оставались в общем пользовании. Община в целом платила налоги государству.

В византино-славянской общине, по данным «Земледельческого закона», происходил уже процесс имущественной дифференциации: наряду с основной категорией свободных общинников — георгов — появляются неимущие бедняки — апоры, которые сдают свои участки в аренду более зажиточным общинникам либо бегут в чужие края. В деревне уже встречаются и наемные работники — мистии (главным образом пастухи) и рабы, которых используют как всей общиной, так и в отдельных хозяйствах зажиточных общинников. Но общинные отношения были еще настолько сильны, что «Земледельческий закон» не разрешал продавать землю нечленам общины: ее можно было обменивать и сдавать в аренду, но только своим односельчанам.

Община не только разлагалась изнутри, но и испытывала нажим извне — со стороны светских и духовных крупных землевладельцев, стремившихся захватить ее земли и подчинить общинников своей власти. Этот длительный и тяжелый процесс размывания общины, роста за ее счет крупного феодального землевладения и закрепощения крестьян — процесс феодализации — начинается в VII—VIII вв. и завершается в основном в XI в.

Особенностью генезиса феодализма в Византии было сохранение в больших масштабах, чем в большинстве стран Западной Европы, пережитков рабовладения. Рабский

труд, хотя уже и не был основным, все же еще сохранялся в VII—IX вв. как в сельском хозяйстве, так и в ремесле.

В VIII — первой половине IX в. в империи обостряется борьба за землю между военно-служилой фемной знатью, с одной стороны, и городской сановной аристократией и растущим церковно-монастырским землевладением — с другой. Малоазийской фемной знати удается посадить на престол своего ставленника Льва III Исавра (717—741), основателя Исаврийской династии (717—867). Опираясь на фемное войско, Лев III добивается коренного перелома в борьбе с арабами. Он успешно отражает в 718 г. натиск огромной армии арабского халифа, в течение года державшей в осаде Константинополь, а в 740 г. наносит сокрушительное поражение арабам. При сыне Льва III Константине V (741—775) в 746 г. византийцы сами вторгаются во владения Халифата в Сирии, доходят до берегов Евфрата и границ Армении. Успешные наступательные действия вели византийские войска и против своего северного соседа — Первого Болгарского царства.

Иконоборческое движение

Военные успехи укрепили положение фемной знати, которая стала требовать передачи управления государством военно-служилому сословию, проведения частичной секуляризации монастырских земель и раздачи этих земель военным людям. Внутри господствующего класса начинается борьба за землю и право взимания ренты с крестьян, которая приняла форму идеологической борьбы — иконоборчества с иконопочитанием.

Желая подорвать идеологическое влияние высшего духовенства и тесно связанной с ним городской сановной знати, иконоборцы выступили против почитания икон, называя его идолопоклонством. Иконоборческое движение возглавили сами императоры Исаврийской династии, выражавшие интересы военно-служилой фемной знати. Император Лев III, например, открыто выступил в 726 г. против почитания икон. Иконоборческие идеи нашли отклик и среди части народных масс, недовольных ростом монастырского землевладения и усилением эксплуатации со стороны высшего духовенства. В народной среде иконоборческие идеи принимали более радикальный характер и поддерживались еретическими сектами, например сектой павликиан. Иконоборчество встретило самый ожесточенный отпор со стороны высшего духовенства и монашества. Фанатическому монашеству в европейских областях империи удалось поднять против иконоборцев и часть народных масс. Поддержку иконопочитателям оказала городская сановная знать и верхушка константинопольских торгово-ремесленных кругов, обеспокоенная усилением военного сословия.

С особой силой борьба иконоборцев и иконопочитателей развернулась при императоре Константине V, который начал проводить конфискацию церковных сокровищ и секуляризацию монастырских земель. Эти земли передавались в виде пожалований военно-служилой знати. В 754 г. Константин V созвал церковный собор, осудивший иконопочитание и отстранивший от церковных должностей всех его сторонников. Однако иконоборческое движение продолжалось до середины IX в.

Народные движения в VIII — первой половине IX в.

Рост крупного феодального землевладения и наступление феодалов на свободное крестьянство привели к обострению классовой борьбы. Одним из наиболее значительных по своему размаху и по своим последствиям было народно-еретическое движение павликиан. Оно возникло в конце VII в. в Армении, но особенно значительное распространение получило в VIII—IX вв. в Малой Азии. Павликиане требовали восстановления порядков и обычаев раннехристианской церкви, имея в виду прежде всего равенство раннехристианских общин, которое они понимали не только как равенство перед богом, но и как социальное равенство. Их религиозное учение носило дуалистический

характер: мир представлялся им разделенным на два враждебных мира — царство бога и царство сатаны, на мир духовный и мир материальный. Господствующую церковь с ее богатством они относили к царству сатаны. Павликиане требовали также упрощения богослужения, уничтожения церковной иерархии и почитания икон, ликвидации монашества. Требования павликиан нашли самый широкий отклик среди народных масс империи.

На почве борьбы против закрепощения крестьянства в 820 г. вспыхнуло и восстание Фомы Славянина. Фома, военный командир в одной из малоазийских фем, провозгласил себя императором и поднял восстание против центральной власти. Ядро восставших состояло из закрепощаемого крестьянства, стратиотов, притесняемых военной знатью, и части городской бедноты. В восстании участвовали и рабы.

Поддержку восстанию оказали павликиане и последователи других еретических течений. Восстание охватило большую часть Малой Азии. Когда затем Фома с большой и хорошо вооруженной армией переправился во Фракию и Македонию, его поддержало также славянское население империи. В течение года восставшие держали в осаде Константинополь. Однако правительству путем подкупа удалось отколоть колеблющиеся элементы и значительно ослабить восставших. Для подавления восстания император использовал также военную помощь болгарского царя. Несмотря на героическое сопротивление, повстанцы были в 823 г. разбиты, Фома был захвачен в плен и после страшных пыток казнен.

Восстание Фомы Славянина напугало господствующий класс и заставило его преодолеть раскол в своих рядах, вызванный иконоборчеством. Императрица Феодора, правившая в малолетство своего сына Михаила III (842—867), восстановила в 843 г. иконопочитание. Однако большая часть земель, конфискованных у монастырей, осталась в руках военно-служилой знати. Примирение правительства и светской аристократии с монашеством сопровождалось жестокими преследованиями павликиан. Павликиане ответили на это восстанием (в середине IX в.). Центром его стала крепость Тефрика в Малой Азии, где они создали свою республику. Под знамена павликиан стекались толпы вооруженных крестьян, ремесленников, городской бедноты. В войсках восставших царила суровая дисциплина. Они не раз наносили поражение императорским армиям. Лишь ценою напряжения всех сил правительство смогло их разбить. В 872 г. крепость Тефрика пала. Однако павликианское движение в Малой Азии не прекратилось и после этого, а в X в. распространилось и на Балканы, где, слившись с еретическим движением крестьянских масс Болгарии, стало одной из составных частей богомилства.

Итак, с IV по VII в. в Византии шел процесс разложения рабовладельческих отношений и зарождались первые элементы будущего феодального строя. С VII в. в Византии начинается период генезиса феодализма. Своеобразие этого процесса в империи по сравнению со странами Западной Европы состояло в более длительном сохранении рабовладельческого уклада (в Византии в формировании класса зависимого крестьянства значительно большую роль сыграли унаследованные от рабовладельческого периода категории зависимых людей, в первую очередь рабы), в устойчивости и жизнеспособности свободной сельской общины, крупных городов как центров ремесла и торговли. Деурбанизация ощущалась в Византии VII — середины IX в. много слабее, чем на Западе.

Наконец, важной особенностью генезиса феодализма в Византии было наличие там в эпоху раннего средневековья сильного централизованного государства.

§ 2. ВИЗАНТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—XI В.

Византийская деревня во второй половине IX-X в.

Разгром восстания Фомы Славянина и движения павликиан ослабил сопротивление общины натиску крупных землевладельцев. Часть разоренных общинников уходила в города, а большинство оказывалось в кабале у разбогатевших членов общины, теряло земли, искало помощи у магнатов, уступая им право собственности на свои участки и селясь на их земле на положении зависимых людей (париков). Под власть «динатов» (могущественных лиц) — попадали порой целые общины. Нередко динаты насильственным путем превращали бывших собственников общинных земель в своих париков.

Разорение свободного крестьянства подрывало основы финансового и военного могущества империи. Разорившиеся крестьяне не могли платить налоги, обедневших стратиотов приходилось исключать из воинских списков. Императоры Македонской династии (867—1056), отражавшие интересы жившей за счет выплат из казны чиновной аристократии, издали ряд законов с целью помешать сокращению крестьянских земель. В 20-х годах X в. было восстановлено право членов общины на предпочтительную покупку земли своих односельчан, вскоре такое право было передано общинам и на покупку земли динатов. Проданный менее 30 лет назад крестьянский участок подлежал безвозмездному возвращению продавцу или его наследнику. Но законы эти соблюдались плохо.

В Новелле 934 г. говорится, что динаты, «презирая императорские законы», «сгоняют убогих (т. е. крестьян) с их собственных полей». Новеллы повторяли друг друга, но в них делались все большие уступки динатам. В 60-х годах X в. у общин было отнято право на предпочтительную покупку динатской земли. Само государство конфисковывало у общин запустевшие земли, с которых 30 лет не поступали налоги, продавало эти земли или превращало в государственные поместья, в которых положение крестьян мало отличалось от положения частновладельческих париков. Выросшая внутри общины прослойка богачей сливалась с динатами. Оставаясь юридически общинниками, они использовали «право предпочтения» и порой превращали целые села в свои поместья. В 996 г. Василий II приказал считать их динатами, захватившими крестьянские земли, и возвращать эти земли в прежнее состояние; срок давности возвращения их общинам был отменен. Но и эта последняя попытка остановить процесс разорения налогоплательщиков была мало успешной.

Чтобы помешать сокращению численности армии, в середине X в. участки стратиотов были объявлены неотчуждаемыми. Способных к несению воинской службы крестьян внесли в особые списки. С более зажиточного хозяйства должен был выставляться воин-всадник, с хозяйства меньшей ценности — моряк. Если воинский участок подвергался дроблению, совладельцы сообща выставляли конного воина или моряка.

Но законы были бессильны остановить процесс феодализации. Большинство стратиотов постепенно сливались с основной массой крестьян. Лишь малая часть стратиотов превращалась в динатов. Изменялся и облик армии. Ее ядром становилась тяжеловооруженная конница. Стоимость вооружения всадника возрастала, а вместе с тем росли размеры и стоимость участка, с которого выставлялся конный воин.

Владелец такого хозяйства уже резко выделялся из крестьянской среды, становился мелким вотчинником, подобным западноевропейскому рыцарю. Но в X в. таких стратиотов было еще немного. Императоры, опасаясь усиления постепенно крепнувшей военной провинциальной знати, не отменяли крестьянской воинской повинности и все чаще прибегали к услугам наемников — русских, норманнов, армян, грузин, арабов и др.

Формировавшееся в VII—X вв. крупное землевладение было землевладением нового, феодального типа. На смену рабу, колону, полусвободному арендатору пришел парик — зависимый наследственный держатель земли, собственником которой был феодальный землевладелец. На положение париков переводились и рабы. В X в. их труд еще использовался в крупных поместьях, но в XI в. они сохранялись здесь лишь как челядь феодала. Париками нередко становились и наемные работники. Центральная власть рассматривала в качестве государственных париков также крестьян, трудившихся в

поместьях императорской семьи и в различных правительственных учреждениях. Парики всех категорий не были прикреплены к земле.

В IX—XII вв. широко была распространена отработочная рента, но неуклонно росла рента деньгами и продуктами. Когда государство передавало феодалу в качестве привилегии право на сбор в его пользу государственных налогов, эти налоги становились фактически денежной рентой.

На свободных крестьян всей тяжестью обрушивался гнет громоздкой византийской налоговой системы. Крестьяне платили канон — основной поземельный налог деньгами, синону — натуральную подать, переводившуюся в конце X в. на деньги, капникон — подворный денежный сбор, вносившийся даже крестьянами, не имевшими тягловых животных. Существовало также множество иных регулярных и нерегулярных пошлин и поборов в пользу казны.

В противоречии со своими новеллами уже императоры X в. начали дарить церкви и монастырям обширные территории с правом селить на них зависимых крестьян, а также свои поместья с селами государственных париков. С середины XI в. все чаще стали жаловать в управление (вначале на срок жизни) представителям светской знати и земли со свободными крестьянами с правом сбора налогов в свою пользу. Такие пожалования давались на условии несения какой-либо государственной службы и назывались прениями. Рост крупного землевладения и политика центральной власти вели к быстрому сокращению численности свободного крестьянства.

В конце XI — начале XII в. в Византии несколько позже, чем в Западной Европе, завершился процесс вызревания основных институтов феодального строя и формирования двух главных классов феодального общества.

Феодальный город. «Книга эпарха»

Со второй половины IX в. начался подъем византийских городов: возрождались старые, переживавшие ранее упадок, и возникали новые городские центры. Значительно возросло производство ремесленных изделий, улучшилось их качество, расширилась внутренняя и внешняя торговля. Увеличилось количество денег в обращении. Крупнейшую роль в торговле с южнославянскими странами, с Востоком и с Западной Европой играла Фессалоника. Возросло также значение Коринфа, Фив, Адрианополя, Амастриды, Эфеса, Nikeи, Трапезунда. Самым крупным и многолюдным городом Европы по-прежнему оставался Константинополь.

О формах организации труда ремесленников и торговцев, составлявших основное население Константинополя, дает сведения важный памятник начала X в. «Книга эпарха» — сборник постановлений столичного эпарха — сановника, возглавлявшего городское управление. Основные виды ремесла и торговли были объединены в производственные корпорации. Ремесленники и торговцы, не зачисленные в корпорации, не пользовались привилегиями. Если их конкуренция противоречила интересам членов корпорации, представители власти препятствовали их деятельности.

Наиболее привилегированными были торговые, а не ремесленные корпорации. Состоятельные члены корпораций использовали труд рабов и наемных работников — мистиев. Корпорации находились в полной зависимости от центральной власти, обеспечивавшей их заказами на вооружение и снаряжение армии и флота, на роскошные одежды и убранство дворцов и церквей. Государство придирчиво контролировало деятельность корпораций. Масштабы производства, качество и форма изделий, запасы сырья, объем, время и место торговли отпределяли не корпорации, а чиновники эпарха, исходившие из интересов казны. В этом заключалось главное отличие константинопольских корпораций от западноевропейских цехов.

Государственный аппарат

В X—XI вв. система государственного управления существенно усложнилась. Сложилась громоздкая иерархия должностей. Количество ведомств возросло до шестидесяти. Финансовое управление было сосредоточено в трех из них, главным из которых было налоговое ведомство. Крупную роль играли ведомства государственной почты и внешних сношений и ведомство, обеспечивавшее набор стратиотского ополчения. Каждому должностному лицу присваивался титул и руга — денежное и натуральное довольствие. Титулы составляли сложную иерархическую систему, узаконенную специальной табелью о рангах.

Помимо высших сановников, возглавлявших ведомства, имелись крупные должностные лица императорского дворца, руководившие многочисленным штатом. Придворные вельможи бывали иногда всецельными, играя роль некоронованных монархов при слабом императоре. Императорский совет (синклит) порой также оказывал большое влияние на политику центральной власти. Со второй половины IX и почти до конца XI в. в синклите преобладала чиновная аристократия.

Церковь во второй половине IX—XI в.

Во второй половине IX—XI в. снова возросло влияние церкви на общественную жизнь империи. Ее союз с государством, в котором церковь была всецело подчинена императорской власти, был в Византии особенно прочен. Патриарх не был, подобно папе, главой светского государства; выборы патриарха целиком зависели от императора, как и доходы церкви. У епископов не было личных владений и строго определенных бенефициев. Размеры имевших силу обычая приношений населения в пользу церкви лишь в конце X в. были узаконены как церковный денежный и натуральный налог (каноникон), уплачивавшийся подворно.

Официально христианская церковь считалась единой. Фактически это единство стало фикцией уже в эпоху падения Западной Римской империи. Разобщенность превратилась в соперничество, когда римский первосвященник (папа) получил от франкского короля (VIII в.) светское государство — Папскую область.

Соперничество особенно обострилось во второй половине IX в.: византийские миссионеры Кирилл и Мефодий достигли успеха в Моравии; приняла христианство по восточному образцу и Болгария; влияние византийской церкви усиливалось в Сербии, а через столетие эмиссары папы потерпели неудачу и на Руси — киевского князя Владимира крестили византийские священники.

В середине XI в. укрепившееся папство, воспользовавшись ослаблением власти империи в Южной Италии, стало подчинять ее своему церковному главенству. Патриарх энергично протестовал. Летом 1054 г. папские легаты (послы), прибывшие в Константинополь, потребовали восстановить «законные права» папы на Иллирик и Болгарию. Получив отказ, легаты провозгласили анафему патриарху Константинополя, а патриарх в ответ — анафему легатам. Произошел официальный разрыв церквей — «схизма». С тех пор восточную церковь, т. е. церковь Византии и стран, принявших христианство по византийскому образцу, стали называть греко-католической (она присвоила себе также название православной, т. е. ортодоксальной, правоверной), а западную — римско-католической.

В ходе этой борьбы, неоднократно обострявшейся и впоследствии, ее подлинные политические и материальные причины неизменно прикрывались полемикой по догматическим, обрядовым и организационным вопросам. Исторически сложившимся оттенкам и различиям в догматике, богослужении и устройстве церкви придавалось принципиальное значение. Обе стороны были неуступчивы; запальчивые споры находили живой отклик у горожан, так как взаимная антипатия подогревалась торгово-ремесленной конкуренцией купечества империи с городами Италии.

Несравненно более многочисленными, чем на Западе, были в Византии монашество и монастыри. Мистические настроения широко распространенные среди угнетенных, способствовали тому, что немало крестьян уходило в монастыри как в убежища от безотрадной действительности. Но и там они попадали в разряд низшей братии, целыми днями, подобно парикам, трудившейся на монастырских владениях. Особенно быстро росли монастыри в XI—XII вв.: каждый император, сановник, полководец, церковный иерарх воздвигал и наделял владениями свой монастырь. Крупнейшие из них (Студийский в столице и монастыри Афона) активно вмешивались в светские дела. Спорившие за власть группировки господствующего класса добивались поддержки влиятельного монашества.

Внешняя политика империи во второй половине IX—конце XI в.

При основателе Македонской династии Василии I (867—886) внешнеполитическое положение империи временно упрочилось. Был отражен натиск арабов. Однако в конце IX — начале X в. арабы и болгары снова наносят Византии удар за ударом. Арабы овладели Кипром и почти всей Сицилией, угрожая владениям империи в Южной Италии. Крит стал гнездом арабских пиратов, опустошавших острова и побережье. В 904 г. арабы разграбили Фессалонику.

Не менее жестокие поражения терпела Византия и в борьбе с усилившейся Болгарией. Война с ней длилась почти 30 лет.

Военные неудачи империи были результатом глубоких социальных сдвигов. Стратотское ополчение было подорвано процессом феодализации. Феодальная конница еще не стала основой армии, а наемное войско было слишком немногочисленно. Международное положение Византии стало вновь улучшаться с середины X в., чему немало способствовали ослабление Болгарии и распадение Багдадского халифата на ряд феодальных княжеств. Империя отвоевала у арабов Верхнюю Месопотамию, часть Малой Азии и значительные области Сирии, вернула Крит и Кипр. Влияние Византии снова распространилось на Грузию и Армению.

Во второй половине X в. империя начала наступление против Болгарского царства. Энергичный и жестокий Василий II «Болгаробойца» (976—1025), пользуясь стабилизацией положения на восточных границах, стянул на Балканы огромные силы. Искусно сея раздоры и предательство среди болгарских феодалов, Василий II предпринял систематическое наступление на болгарские земли, и в 1018 г. Болгария была завоевана. Весь Балканский полуостров до Дуная вошел в состав Византийской империи.

Однако после смерти Василия II раздираемая внутренними смутами империя перешла к обороне. Границы ее стали сокращаться. На восточные владения обрушился новый враг — турки-сельджуки, а в европейские хлынули из степей Причерноморья полчища печенегов, натиск которых становился все более опасным.

О столкновении русских с византийцами известно с VIII — начала IX в. Русские нападали уже в начале IX в. на владения империи в Крыму (Херсон) и на южное побережье Черного моря. В 860 г. их войска внезапно появились перед Константинополем, осадив его и с суши, и с моря. Столкновение закончилось заключением договора. Начались регулярные русско-византийские связи. Однако в конце IX — начале X в. произошел разрыв. Летом 907 г. на судах-однодеревках, выдолбленных из цельного ствола дерева, русские снова подошли к Константинополю и разорили его окрестности и берега Босфора. Византия была вынуждена заключить весьма выгодный для русских договор, подписанный в 911 г. Начались оживленные торговые сношения. «Великий путь из варяг в греки» был хорошо известен византийцам уже в первой половине X в.

В 941 г. князь Игорь вновь опустошил побережье Босфора, Никоидии и Пафлагонии, но под Константинополем его флот был разбит с помощью «греческого огня» (горючая смесь). Через три года, когда русское войско уже дошло до Дуная, византийцы предпочли возобновить торговый договор с Русью.

Князь Святослав вмешался в византийско-болгарские войны и совершил два похода на Балканы. В 969 и 970 гг. он вместе с болгарями разорил Северную Фракию, но в 971 г. Иоанну I Цимисхию (969—976) удалось вытеснить Святослава и захватить Северную Болгарию. Во время мятежа малоазийской крупной знати против Василия II князь Владимир прислал русский отряд. Условием этой помощи было согласие на брак Владимира с сестрой императора Анной. Русские подавили мятеж, но Василий II не выполнял условия. Тогда Владимир взял осадой Херсон в Крыму и вернул город только после женитьбы на Анне (989). В это же время на Руси было принято христианство из Византии, вместе с которым активно воспринимались элементы более высокой византийской культуры. Из Византии и Болгарии ввозились сначала церковные, а затем и светские книги, приезжали византийские живописцы и зодчие.

Последний поход русских на Константинополь в 1043 г. был также связан с ущемлением торговых и политических интересов Руси. Хотя флот русских, понесший урон от бури и «греческого огня», должен был повернуть вспять, конфликт завершился новым договором. В 1047 г. русские помогли Константину IX Мономаху (1042—1055) подавить мятеж феодалов, а вскоре дочь Мономаха стала женой Всеволода — сына киевского князя Ярослава Мудрого.

Классовая борьба и борьба внутри господствующего класса

В X—XI вв. классовая борьба в отличие от предшествующего периода носила в основном узкий местный характер. Разновременные выступления разобщенного закрепощаемого крестьянства не сливались в единое широкое движение. Относительно крупным было лишь вспыхнувшее в 932 г. в феме Опсикий в Малой Азии восстание под руководством Василия по прозвищу «Медная Рука». Овладев здесь крепостью, восставшие громили поместья феодалов. Правительственные войска подавили восстание. Василий был сожжен на площади в Константинополе.

Гораздо чаще вспыхивали городские восстания, главной причиной которых были налоговый гнет и произвол чиновничества. Наиболее крупным было восстание в столице в апреле 1042 г., завершившееся свержением Михаила V. Восставшие овладели частью дворца и уничтожили налоговые описи.

Значительно большими масштабами, длительностью и упорством отличались восстания на окраинах империи, населенных иноплеменными народами, в Южной Италии, Болгарии, Армении. Народно-освободительные в своей основе, эти движения носили также антифеодальный характер. Таким было, например, крупнейшее в XI в. восстание славянских западных фем в 1040—1041 гг. во главе с Петром Деляном.

Усилившаяся в X в. военно-служилая знать Малой Азии попыталась в начале правления Василия II вырвать власть у чиновной аристократии. Мятежники овладели почти всеми восточными фемами империи. С огромным трудом Василий II разбил их лишь на берегах Геллеспонта (Дарданелл). Однако борьба за власть вскоре возобновилась. Процесс феодализации подорвал позиции чиновной аристократии, на которую в основном продолжала опираться императорская власть.

Ожесточенные феодальные усобицы в середине XI в. ослабили военные силы империи. В 1071 г. турки-сельджуки разгромили ее армию при Манцикерте (Армения). Роман IV Диоген (1067—1071) попал в плен. Турки заняли Армению и почти всю Малую Азию. В том же году норманны взяли последний принадлежавший Византии в Италии город — Бари (в Апулии).

Наступил новый этап феодальной междоусобицы, завершившийся в 1081 г. торжеством провинциальной служилой землевладельческой знати, посадившей на трон империи Алексея I Комнина (1081—1118).

Глава 6. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В IX-XI вв.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЫ В IX—XI вв.

Изменение политической карты Европы

В течение IX—XI вв. феодализм утвердился в большинстве стран Западной Европы. К концу раннего средневековья вместо многочисленных варварских королевств там появились более или менее устойчивые феодальные государства, в рамках которых продолжался процесс формирования новых народностей.

Из трех государств, образовавшихся после распада Каролингской империи, закрепленного Верденским договором в 843 г., Франция и Германия продолжали свое существование в последующие века. Иначе сложилась судьба государства Лотаря, искусственного образования, в котором не было ни политического, ни этнического единства. После смерти Лотаря (855) оно распалось на три королевства: Италия (включавшая Северную и Среднюю Италию), Прованс (в бассейне Роны и по Средиземноморскому побережью) и Лотарингия (земли по Рейну до Северного моря). В 870 г. по Мерсенскому договору короли Франции (тогда еще Западно-Франкского королевства) и Германии (Восточно-Франкского королевства) поделили Лотарингию между собой, но в 925 г. вся она вошла в состав Германии и в 959 г. была разделена на два герцогства — Верхнюю Лотарингию (область по течению реки Мозель, за которой и сохранилось впоследствии название Лотарингия) и Нижнюю Лотарингию (область между Шельдой, Маасом и Рейном, из которой возникли позже Брабант, Геннегау, Люксембург).

Из Прованса и прилегающих к нему областей в конце IX в. образовались два бургундских королевства: Нижняя Бургундия (включавшая земли по Соне и Роне до Средиземного моря) и Верхняя Бургундия (в нее вошли земли в верховьях Соны и Роны до Альп), объединившиеся в 933 г. в одно королевство Бургундию. В 1033 г. королевство Бургундия вошло в состав Германской империи. Кроме того, между Луарой и Соной в 884 г. образовалось герцогство Бургундия, входившее в состав Французского королевства.

Италия в действительности не была единым государством. На протяжении IX—XI вв. в ней шел сложный процесс формирования ряда феодальных государств в условиях острой внутренней борьбы различных феодальных сил и постоянных вторжений извне.

В IX—XI вв. образуются государства и в других частях Европы, где идет процесс складывания новых этнических групп и народностей. В северных горных районах Пиренейского полуострова с VIII в., после завоевания вестготской Испании арабами (маврами), сохранила независимость Астурия, ставшая в 718 г. королевством. В IX в. образовалось королевство Наварра, выделившееся из основанной Карлом Великим Испанской марки. Из нее же выделилось тогда и графство Барселонское, вошедшее временно в состав Франции. Астурия была предшественницей будущего единого Испанского государства, территорию которого еще предстояло отвоевывать в течение столетий у арабов. На большей части остальной территории Испании продолжало существовать Арабское государство — Кордовский эмират, возникший в середине VIII в. и превратившийся в 929 г. в Кордовский халифат, который в первой половине XI в. распался на ряд мелких самостоятельных эмиратов.

Англосаксонские королевства в Британии объединились в 829 г. в одно королевство — Англию. На севере Британии существовало независимое королевство Шотландия, а на западе — кельтские княжества Уэльса. У независимых кельтских племен, населявших

Ирландию, шел процесс объединения кланов и формирования верховной королевской власти.

На севере Европы в IX—XI вв. на путь феодального развития вступили Скандинавские страны — Дания, Норвегия, Швеция. Здесь процесс феодализации и складывания раннефеодальных государств начался значительно позже, чем во многих других странах Западной Европы. В VIII в. образовалось Датское королевство, в конце IX в. начало складываться объединенное Норвежское королевство, а с XI в. — королевство Швеция.

В Восточной и Центральной Европе возникает ряд славянских государств. В конце IX—X в. древнерусское государство объединило восточных славян, живших на обширной территории от Ладоги до Среднего Приднепровья и от верховьев Немана и Припяти до междуречья Оки и Волги; Польское государство образовалось в X в. в бассейнах Одры (Одера), Варты, Вислы и по побережью Балтийского моря; в IX в. сложилась Великоморавская держава, включившая в свой состав ряд западнославянских (чехов, моравов, словаков) и некоторые южнославянские племена, а также земли между Дунаем и Дравой; в конце IX в. из нее выделилось Чешское княжество. После распада под ударами венгров Великоморавской державы в начале X в. Чехия окончательно оформилась как самостоятельное государство; словаки же попали тогда под власть венгров.

Восточную часть Балканского полуострова занимала в рассматриваемое время Византийская империя, а на остальной территории Балкан шел процесс складывания южнославянских государств. Еще в 70-х годах VII в. возникла Болгария. Основу ее составили южнославянские племена, жившие в Нижней Мезии, слившиеся затем с пришедшим сюда позже и ославянившимся тюркским племенем болгар (протоболгар), от которого и получил свое название болгарский народ. Здесь сложилось раннефеодальное государство — Первое Болгарское царство, расцвет которого приходится на IX — первую половину X в. В XI в. (1018) Болгария, ослабленная внутренними усобицами и борьбой с внешними врагами, была завоевана Византией.

Процесс формирования раннефеодального государства у южнославянских племен, поселившихся к югу от нижнего и среднего течения Савы, начался в VIII—IX вв. и привел в середине X в. к образованию Сербского княжества, объединившего ряд более мелких племенных княжеств. В начале XI в. Сербия вслед за Болгарией попала под власть Византии.

Племенные княжества — у хорватов и словенцев (хорутанские племена), поселившихся на территории прежних римских провинций Паннонии, Норика и Далмации, развивались в длительной борьбе с многочисленными внешними врагами (аварами, франками, германскими королями, Византией, венграми). Объединение хорватских племен завершилось в конце IX — начале X в. В 925 г. Хорватия стала королевством.

Становление всех государств Западной, Центральной и Восточной Европы проходило под постоянной угрозой внешних вторжений, особенно усилившихся со второй половины IX в.

Набеги арабов и венгров. Норманны

Государства, расположенные по берегам Средиземного моря, находились в вечном страхе перед вторжением арабов (сарацин) из захваченной ими Испании и Северной Африки. Основав опорные базы в районе современного Туниса, арабы с начала IX в. стали осуществлять пиратские набеги на острова и северное побережье Средиземного моря. В 20-х годах они утвердились на Крите и в Сицилии, в 40-х — захватили юг Италии (Апулию), нападали на Неаполь, Амальфи, Салерно, доходили даже до Рима. В конце IX в. в руках арабов оказались Сардиния и Корсика. Тогда же они осели в южной части Прованса и стали совершать набеги вверх по Роне, захватывая в Альпах горные проходы,

через которые шли торговые пути, и разоряя цветущие долины. Арабы грабили города и села, продавали в рабство жителей, особенно женщин и детей.

С востока надвигалась другая опасность — вторжение венгров. Венгры (мадьяры) — пастушеские племена, принадлежавшие в основном к угорской группе племен, кочевали до начала IX в., как полагают, между Уралом и реками Камой и Волгой, а затем в Северном Причерноморье, между Днестром и Дунаем. В конце IX в. теснимые печенегами венгры перешли через Карпаты и вторглись в Среднедунайскую низменность, в район старых гуннских и аварских поселений. Продвигаясь далее на запад, они разгромили в 906 г. Великоморавскую державу и заняли Паннонию и равнину между Тиссой и Дунаем, где подчинили себе местное славянское население.

Отсюда венгры в течение всей первой половины X в. совершали набеги в страны Центральной, Южной и Западной Европы. Их конница, не знавшая преград, вторгалась в Болгарию и Византию, прорывалась за Рейн и Рону, доходила до Парижа и Северной Италии. Но больше всего от набегов венгров страдала Германия, которую они разоряли почти ежегодно, увозя множество пленных, обращаемых ими в рабство. Лишь после того как в середине X в. немецкие и чешские войска нанесли венграм решающее поражение в битве при Лехе (955), интенсивность венгерских вторжений начала ослабевать. С середины X в. кочевники-венгры стали переходить к земледелию и оседлому образу жизни, а в конце века у них складывается раннефеодальное государство. С начала XI в. набеги венгров на соседние страны полностью прекратились.

Самую страшную угрозу для Европы представляли пиратские экспедиции норманнов, начавшиеся в конце VIII в. и продолжавшиеся до середины XI в.

Норманнами («северными людьми») называли северо-германские племена, населявшие Скандинавию и Ютландский полуостров с прилегающими к нему островами. Они делились на три главные ветви: датчан, норвежцев и шведов. В своем общественном развитии норманны отставали от многих других народов Европы. Они занимались в основном скотоводством, а также рыболовством и охотой, особенно на морского зверя. Земледелие было развито у них слабо.

К VIII—IX вв. долго сохранявшиеся у них родо-племенные отношения уже находились на стадии разложения, выделяется родовая и военная знать, идет процесс классообразования, возникают союзы племен во главе с военными предводителями — королями (конунгами). Скудная почва Скандинавии при низком уровне развития производительных сил не могла прокормить растущее население, и норманны в поисках военной добычи все чаще уходят в море. Морские военные походы знати и ее дружин стали приобретать постоянный характер. Отдельные вожди — викинги со своими дружинами отправлялись в поход на больших беспалубных ладьях, нос которых украшало изображение дракона; ладьи вмещали до 100 воинов. Викинги занимались пиратством и торговлей, продавали захваченную добычу, некоторые продукты своего хозяйства и взятых в плен рабов.

Норвежцы уходили далеко на север и запад. Они опустошали берега Шотландии, Ирландии, основывали свои колонии в Исландии и Гренландии, а около 1000 г. достигли даже берегов Северной Америки. Но там им не удалось закрепиться и создать постоянные поселения, и путь в Америку надолго был забыт. Датчане нападали на берега Англии, Франции, Германии, Астурии и Арабской Испании, Италии. Основывая стоянки в устьях больших рек, они поднимались на своих ладьях вверх по течению, подвергая все на своем пути разграблению и предавая пожарам. В 848 г. норманны сожгли Бордо. Четыре раза они осаждали Париж (в 845, 856, 861 и 885 гг.).

Со временем от разбойничьих набегов норманны стали переходить к захвату земель для поселения. В Северо-Восточной Англии они начали оседать в первой половине IX в., постепенно сливаясь с местным населением. В 911 г. король Франции Карл Простоватый вынужден был уступить одному из предводителей норманнов, Роллону, территорию в устье

реки Сены на условиях вассальной зависимости. Так в начале X в. образовалось герцогство Нормандия.

Выходцы из Нормандии в начале XI в. проникли через Гибралтарский пролив в Средиземное море, в течение нескольких десятилетий (1030—1080) захватили большую часть Южной Италии и отняли у арабов Сицилию. В этих областях они основали несколько графств и герцогств, объединившихся позднее, в 1130 г. в единое Сицилийское королевство.

Шведы, известные в древнерусских и византийских источниках под именем варягов, совершали свои полуразбойничьи-полуторговые экспедиции через Финский залив и устье Западной Двины по русским рекам. Они доходили до Волги и спускались к Каспийскому морю, где торговали с арабскими купцами; по Днепру проходили в Черное море и добирались до Константинополя в Византии (это был «Великий путь из варяг в греки»).

Славянским князьям не раз приходилось отражать набеги варяжских пиратов и прогонять их за море. Варяги нередко входили в состав дружины киевских князей, нанимались иногда к ним на службу целыми отрядами. Однако число варягов на Руси было ничтожно, и лишь немногие из них прочно оседали здесь, сливаясь с местным славянским населением.

Набеги арабов, венгров и норманнов в IX—XI вв. приняли столь широкий размах потому, что политически слабые в то время феодально-раздробленные государства Западной Европы не могли сразу же оказать им решительного сопротивления. Эти вторжения тяжело отражались на экономике, так как сопровождалась грабежами и опустошениями, гибелью и уводом в рабство большого числа людей. Они препятствовали развитию сельского хозяйства и ремесла, мешали установлению постоянных торговых связей.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ К КОНЦУ XI в.

Утверждение феодального строя в странах Западной Европы в IX—XI вв.

В IX—XI вв. в большинстве государств Западной Европы завершается процесс формирования: феодальных отношений. В одних странах, например в Италии и Франции, феодальный строй в основных чертах сложился уже в X в.; в других, таких, как Германия и Англия, этот процесс завершился в основном только к концу XI в. Еще медленнее шла феодализация в Скандинавских странах. Но к концу XI в. феодальные производственные отношения господствовали в большинстве стран Западной Европы и в Византии. При всем своеобразии развития отдельных стран в них отчетливо выступают общие черты, характерные для сложившегося феодального способа производства. Господствует феодальная земельная собственность в виде вотчины (поместья) в сочетании с мелким индивидуальным крестьянским хозяйством. Основная масса крестьян находится уже в той или иной форме зависимости от феодального землевладельца и подвергается тяжелой эксплуатации с его стороны. Эта эксплуатация выражается в феодальной ренте и осуществляется с помощью различных средств внеэкономического принуждения. Ранее свободная сельская община превращается к этому времени в зависимую или крепостную общину, а традиционные формы общинного землепользования применяются феодалами для угнетения крестьянства.

Для сельского хозяйства этого времени характерна низкая рутинная техника и медленное ее развитие, обусловленное тем, что производство базируется на мелком, карликовом крестьянском хозяйстве. На раннем этапе развития феодализма господствует натуральное хозяйство; обмен был незначителен, торговые связи не развиты; ремесло еще только начинало отделяться от сельского хозяйства; преобладает отработочная рента и

связанная с ней барщинная система хозяйства, сходная с той, условия преобладания которой охарактеризовал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» применительно к России XVIII—XIX вв.

Мелкое крестьянское хозяйство, хотя и подвергалось эксплуатации со стороны феодала, было, однако, более производительным, чем крупное рабовладельческое хозяйство или труд земледельца при первобытнообщинном строе. Установление феодальных отношений в Европе в IX—XI вв. в целом привело к подъему экономики: расчищались леса; включались в обработку новые земли, особенно земли, запустевшие в последние столетия Римской империи; производились ирригационные работы; расширялись площади, занятые виноградниками и оливковыми рощами; улучшались породы домашних животных. Лошадь стали применять в качестве рабочего скота. Начал употребляться усовершенствованный легкий плуг. Развивались ремесло, постепенно отделяясь от сельскохозяйственных занятий, и обмен.

Характерной чертой социально-политических отношений, сложившихся в Европе к середине XI в., была неразрывная связь между феодальной собственностью на землю и политической властью феодала. Крупная вотчина представляла собой не только хозяйственную единицу, но и как бы маленькое независимое государство — сеньорию. По отношению к населению своих владений феодал был не только землевладельцем, но и государем — сеньором, в руках которого находился суд, администрация, военные и политические силы. Такая организация общества обусловила господство в Европе в X—XI вв. (в некоторых странах и позже) политической раздробленности.

Основные классы феодального общества

В большинстве стран Западной Европы и в Византии в XI в. общество уже распадалось на два антагонистических класса: класс землевладельцев-феодалов и класс феодально зависимых крестьян. В наиболее тяжелом положении повсеместно находились крепостные крестьяне, в некоторых странах (например, во Франции) уже в X—XI вв. составлявшие большинство крестьянства. Они зависели от своего сеньора и в личном, и в поземельном, и в судебном отношении и подвергались особенно тяжелой эксплуатации. Таких крестьян можно было отчуждать (обычно только вместе с землей); они были стеснены в распоряжении своим наследственным наделом и даже своей движимостью, так как последние считались собственностью феодала. Кроме того, они выполняли ряд униженных повинностей и облагались платежами, подчеркивавшими их личную зависимость. В категорию крепостных крестьян постепенно вливались и бывшие рабы. В ряде стран этот наиболее зависимый слой крестьянства именовался «сервами», хотя они уже не были рабами в античном значении этого слова. Крепостная зависимость была определяющей формой зависимости в период, когда завершалось складывание феодальных отношений, и позднее, по крайней мере вплоть до конца XII в., когда она начала уступать место другим, более легким формам зависимости.

Несколько легче было положение лично свободных крестьян, число которых в некоторых странах (в Англии, Германии, Южной Франции, Италии) к середине XI в. было еще довольно велико. Они могли более свободно распоряжаться движимостью, а во многих случаях и своим земельным наделом. Однако находясь в судебной, а иногда уже и в поземельной зависимости от феодального землевладельца, они также подвергались эксплуатации, постепенно теряя и личную свободу.

Своим трудом зависимые крестьяне содержали господствующий класс.

Отношения между отдельными представителями класса феодалов в государствах Западной Европы строились по принципу так называемой феодальной иерархии («феодальной лестницы»). На ее вершине находился король, считавшийся верховным сеньором всех феодалов, их «сюзереном» — главой феодальной иерархии. Ниже его стояли крупнейшие светские и духовные феодалы, державшие свои земли — нередко целые

большие области — непосредственно от короля. Это была титулованная знать: герцоги, графы, архиепископы, епископы и аббаты крупнейших монастырей. Формально все они подчинялись королю как его вассалы, но фактически были почти независимы от него: имели право вести войны, чеканить монету, иногда осуществлять высшую юрисдикцию в своих владениях. Их вассалы — обычно тоже весьма крупные землевладельцы, — носившие часто название «баронов», были рангом ниже, но и они пользовались в своих владениях фактической независимостью. Ниже баронов стояли более мелкие феодалы — рыцари, низшие представители господствующего класса, обычно уже не имевшие вассалов. В подчинении у них были только крестьяне-держатели, не входившие в феодальную иерархию. Каждый феодал был сеньором по отношению к нижестоящему феодалу, если тот держал от него землю, и вассалом вышестоящего феодала, держателем которого он сам являлся.

Феодалы, стоявшие на низших ступенях феодальной лестницы, не подчинялись феодалам, вассалами которых являлись их непосредственные сеньоры. Во всех странах Западной Европы (кроме Англии) отношения внутри феодальной иерархии регулировались правилом «вассал моего вассала не мой вассал».

Феодальная иерархия и крестьянство

Основой и обеспечением вассальных отношений являлось феодальное земельное владение — феодал, или по-немецки «лен», которое вассал держал от своего сеньора. Феодал представлял собой дальнейшее развитие бенефиция. Феодал также давался за выполнение военной повинности (был условным держанием), но в отличие от бенефиция являлся наследственным земельным владением. В качестве специфического военного держания феодал считался привилегированным, «благородным» владением, которое могло находиться только в руках представителей господствующего класса. Собственником феодала считался не только его непосредственный держатель — вассал, но и сеньор, от которого вассал держал землю, и ряд других вышестоящих по иерархической лестнице сеньоров. Иерархия внутри класса феодалов определялась, таким образом, условной и иерархической структурой феодальной земельной собственности. Но оформлялась она в виде личных договорных отношений покровительства и верности между сеньором и вассалом.

Передача феодала вассалу — ввод во владение — носила название инвеституры. Акту инвеституры сопутствовала торжественная церемония вступления в вассальную зависимость — принесение «оммажа» (homage — от французского слова homme, латинского homo — человек), во время которой феодал, вступающий в вассальную зависимость от другого феодала, публично признавал себя его «человеком». При этом он приносил клятву верности сеньору. У французов она называлась «фуа» (по-французски foi — верность).

Помимо основной обязанности нести в пользу сеньора и по его призыву военную службу (обычно 40 дней в течение года) вассал должен был никогда ничего не предпринимать во вред сеньору и по требованию последнего защищать своими силами его владения, участвовать в его судебной курии и в известных случаях, определенных феодальным обычаем, оказывать ему денежную помощь. Сеньор в свою очередь обязан был защищать вассала в случае нападения врагов и оказывать ему помощь в других затруднительных случаях.

Вследствие запутанности вассальных отношений и частого несоблюдения вассальных обязательств конфликты на этой почве были в IX—XI вв. обычным явлением. Война считалась законным способом решения всех споров между феодалами. От междоусобных войн больше всего страдали крестьяне, поля которых вытаптывались, деревни сжигались и опустошались при каждом очередном столкновении их сеньора с его многочисленными врагами.

Крестьянство находилось вне феодально-иерархической лестницы, которая давила на него всей тяжестью своих многочисленных ступеней.

Иерархическая организация, несмотря на частые конфликты внутри господствующего класса, связывала и объединяла всех его членов в привилегированный слой, укрепляла его классовое господство, сплачивала его против эксплуатируемого крестьянства.

В условиях политической раздробленности IX—XI вв. и отсутствия сильного центрального государственного аппарата только феодальная иерархия могла обеспечить отдельным феодалам возможность усиленной эксплуатации крестьянства и подавления крестьянских выступлений. Перед лицом последних феодалы неизменно действовали единодушно, забывая свои распри. Таким образом, «иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными».

Быт и нравы феодалов

Главным занятием феодалов, особенно в этот ранний период, была война и сопутствующий ей грабеж. Поэтому весь быт и нравы феодалов подчинены были в основном потребностям войны.

В IX—XI вв. Европа покрылась феодальными замками. Замок — обычное жилище феодала — одновременно являлся крепостью, его убежищем и от внешних врагов, и от соседей-феодалов, и от восставших крестьян. Замок позволял феодалу господствовать над всей близлежащей округой и держать в подчинении все ее население. Особенно много замков было построено в связи с набегами норманнов, арабов и венгров. Замки строились обычно на лесистом холме или высоком берегу реки, откуда можно было бы хорошо обозревать окрестность и где легче было обороняться от врага.

Вплоть до конца X в. замки строились преимущественно из дерева и представляли собой чаще всего двухэтажную деревянную башню, в верхнем этаже которой жил феодал, а в нижнем — дружина и слуги. Здесь же или в пристройках находились склады оружия, провианта, помещения для скота и т. п. Замок окружался валом и рвом, наполненным водой. Через ров перебрасывался подъемный мост. Приблизительно с начала XI в. феодалы стали строить каменные замки, окруженные обычно двумя или даже тремя высокими каменными стенами с бойницами и дозорными башнями по углам. В центре по-прежнему возвышалась главная многоэтажная башня—«донжон». Подземелья таких башен часто служили тюрьмой, где в цепях томились враги феодала — его пленники, непокорные вассалы и провинившиеся в чем-либо крестьяне. При тогдашнем состоянии военной техники такой каменный замок трудно было взять штурмом. Обычно он сдавался лишь в результате многомесячной осады.

Основным видом войск в Европе X—XI вв. становится тяжело вооруженная конница. Каждый феодал обязан был сеньору конной военной службой. Отсюда происходит собирательное название всякого феодала-воина — «рыцарь» (немецкое Ritter от Reiter — всадник, конный воин). Основным оружием рыцаря в то время был меч с крестообразной рукояткой и длинное тяжелое копье. Он пользовался также палицей и боевым топором (секирой); для обороны служили кольчуга и щит. На голову надевался шлем, а лицо защищалось особой металлической решетчатой пластинкой — забралом. Позже, в XII—XIII вв., появились рыцарские латы.

Проводившие всю свою жизнь в войнах, насилиях и грабежах, презиравшие труд феодалы, особенно светские, отличались обычно дикими нравами, крайним невежеством, грубостью и жестокостью. Выше всего они ценили физическую силу. Идеализированный кодекс «рыцарского» поведения, рисующий рыцаря как благородного защитника слабых и обиженных, сложился в феодальной Европе значительно позднее — в XII—XIII вв. Но и тогда он не соответствовал действительному облику феодала-рыцаря, оставаясь в лучшем

случае лишь недостижимым идеалом. С грубым рыцарем-варваром раннего средневековья он тем более не имел ничего общего.

§ 3. ФРАНЦИЯ В IX-XI вв.

Начальный этап формирования Французского королевства

После распада Каролингской империи в 843 г. восточная граница Франции, отделявшая ее от Германии и Италии, по Мерсенскому договору 870 г. прошла главным образом по большим рекам: по нижнему течению Мааса, по Мозелю и Роне. Под властью последних Каролингов во Франции остались Нейстрия и северо-западная часть бывшей Бургундии — герцогство Бургундия. Королевство Бургундия (Арелат) и Аквитания, объединенные в 933 г., вновь стали фактически независимыми.

В X в. междоусобные войны между немецкими и французскими Каролингами велись почти непрерывно. Много бедствий принесли постоянные набеги норманнов. В ожесточенной борьбе с ними на первый план — в противовес ослабевшим и потерявшим почти все свои поместья Каролингам — выдвинулись богатые и влиятельные графы Парижские. Они успешно защитили от страшного врага свои города — Париж и Орлеан — и отстояли Центральную и Южную Нейстрию, но область на северо-западе, примыкавшую к устью Сены, пришлось в начале X в. уступить норманнам, основавшим здесь герцогство Нормандию. В течение X в. шла борьба за корону между графами Парижскими (Робертинами) и последними Каролингами. Наконец в 987 г. крупнейшие светские и духовные феодалы избрали королем Робертина Гуго Капета, и с тех пор до конца XVIII в. французская корона оставалась за потомками Капетингов.

В X в. во Французском королевстве завершились социально-экономические процессы, приведшие к установлению феодальных отношений, и закончился длительный процесс слияния разнородных этнических элементов. На основе смешавшейся с германцами галло-римской народности сложились новые, родственные друг другу феодальные народности со своими языками и территориями: северофранцузская и провансальская. Граница между ними проходила несколько южнее течения реки Луары. Эти народности явились ядром будущей французской нации.

В X в. страна обрела свое теперешнее имя. Она стала называться не Галлией или Западно-Франкским королевством, а Францией (по наименованию области вокруг Парижа — Иль-де-Франс).

На территории, занятой северофранцузской народностью, образовалось несколько крупных феодальных владений. Почти все побережье Ла-Манша занимало герцогство Нормандское. Основавшие его норманны быстро восприняли язык северофранцузской народности и французские феодальные учреждения. В течение X и начала XI в. нормандские герцоги расширили свои владения по побережью Ла-Манша до Бретани на западе и почти до Соммы на востоке, подчинив себе также графство Мэн.

По среднему и нижнему течению Луары были расположены графства Блуа, Турень и Анжу; несколько южнее Луары — Пуату. Земли Капетингов (королевский домен) сосредоточивались вокруг Парижа и Орлеана. На восток от них лежало графство Шампань, на юго-восток — герцогство Бургундское.

На крайнем северо-западе находилась Бретань с кельтским населением, на крайнем северо-востоке — графство Фландрское, в северной части которого жили фламандцы. Язык северофранцузской народности был распространен лишь в южной части графства; в северной же говорили на германском наречии.

На территории провансальской народности — между графством Пуату и Гаронной — находилось герцогство Аквитания, между Гаронной и Пиренеями — герцогство Гасконское, на восток от него — графство Тулузское. Центральный горный массив между

графством Тулузским и герцогством Бургундским был занят графством Овернь. В состав Французского королевства входило также графство Барселонское, выделившееся в IX в. из так называемой Испанской марки.

Крупнейшие феодалы — герцоги и графы — были почти независимы, хотя и считались вассалами короля, стоявшего во главе феодальной иерархии.

Наличие во Франции двух хотя и родственных по языку народностей усугубляло феодальную раздробленность. Южные области вплоть до XIII в. лишь номинально числились в составе государства. Король был верховным сюзереном (главой феодальной иерархии) главным образом на территории северофранцузской народности.

Важное значение для истории Франции имело расположение королевского домена в очень плодородных областях вокруг важных в стратегическом отношении пунктов — Парижа и Орлеана, господствовавших как над средними течениями двух крупнейших рек — Сены и Луары, так и над сухопутными дорогами (сохранившимися от римских времен) с юга на север.

Первые короли из дома Капетингов мало чем отличались от крупных феодалов. Они не имели постоянного местопребывания, переезжали со своей свитой из одного поместья в другое. Даже в своем домене королям приходилось бороться с вассалами, которые, опираясь на свои замки, разбойничали на дорогах. В XI в. Капетинги медленно накапливали земельные владения, извлекая доходы главным образом из собственных поместий, т. е. от непосредственной эксплуатации зависимых и крепостных крестьян.

Положение крестьянства и крестьянские восстания

Большая часть французского крестьянства в X—XI вв. подвергалась тяжелой феодальной эксплуатации. Крепостной (серв) находился в личной, поземельной и судебной зависимости от сеньора, т. е. собственника сеньории (так обычно называлось во Франции феодальное поместье), в которой он жил. Как лично зависимый человек серв платил поголовное обложение (*capaticum*), так называемый брачный побор (*forismaritagium*), если он вступал в брак со свободным лицом или с сервом других сеньоров, посмертный побор, т. е. побор с наследства (*manus mortuus, mortuarium*), чаще всего в виде лучшей головы скота. Наконец, с серва сеньор мог требовать неограниченных повинностей и платежей (произвольная талья).

Как наследственный держатель земельного участка крестьянин обязан был работать на сеньора: отбывать (как правило, не менее трех дней в неделю) полевую барщину, выполнять строительные, транспортные и другие повинности, уплачивать натуральный и денежный оброки, в ту пору сравнительно небольшие. Как зависимый в судебном отношении крестьянин должен был вести свои тяжбы и судиться в курии (поместном суде) сеньора, за что с него взимались судебные поборы и штрафы. Затем он уплачивал сеньору рыночные, мостовые, паромные, дорожные и другие пошлины и поборы. Так как сеньор имел монопольное право на мельницу, печь и виноградный пресс (так называемые баналитеты), то крестьяне обязаны были молоть зерно на его мельнице, печь хлеб в его печи и давить виноград на его прессе, уплачивая за пользование натурой или деньгами. Часть крестьян сохраняла личную свободу (вилланы), но при этом находилась в поземельной, а иногда и в судебной зависимости от феодала.

Окончательное оформление феодальных отношений сопровождалось ростом эксплуатации. К старым повинностям в пользу сеньора прибавлялись все новые и новые. Дополнительную плату крестьяне вносили помещику за пользование лесами, водами и лугами, раньше принадлежавшими крестьянской общине, а в X—XI вв. захваченными феодалами. Побыры феодалов и разорявшие хозяйство постоянные феодальные войны делали жизнь крестьян крайне необеспеченной. Голодовки представляли собой обычное явление, и смертность от голода была очень велика. В случае неурожая или других

стихийных бедствий, неизбежных при низкой сельскохозяйственной технике того времени, населению неоткуда было ждать помощи.

Крестьяне всячески сопротивлялись феодальной эксплуатации. В 997 г. восстание охватило Нормандию. Крестьяне требовали восстановления своих прежних прав на свободное и безвозмездное пользование общинными угодьями. В 1024 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Бретани. Как говорит хроника, крестьяне восстали «без вождей и оружия», но сумели оказать героическое сопротивление рыцарским отрядам. Отстаивая свои права, крестьяне действовали обычно целыми общинами. Община давала им, «даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления...».

Крестьянские восстания жестоко подавлялись, но упорное сопротивление крестьян заставляло феодалов несколько умерять свои аппетиты. В результате классовой борьбы возникли «обычаи», которые до известной степени регулировали отношения в сеньории и устанавливали более или менее определенный уровень феодальной ренты. Они предоставляли крестьянину больше времени и возможностей для работы в своем личном хозяйстве, укрепляли его права на наследственный участок и в какой-то мере ограничивали эксплуатацию. Таким образом, борьба крестьянских масс против их угнетателей содействовала расширению и закреплению права крестьянина на его личное хозяйство и тем самым создавала условия для более быстрого развития производительных сил в феодальном обществе.

§ 4. ИТАЛИЯ ДО КОНЦА XI в.

Феодальная раздробленность

В средние века Италия не была единым государством, здесь исторически сложились три основные области — Северная, Средняя и Южная Италия, распадавшиеся, в свою очередь, на отдельные феодальные государства. Каждая из областей сохраняла свои отличительные черты в течение всего средневековья. Эти отличия вытекали из особенностей экономических, политических и географических условий отдельных частей Апеннинского полуострова.

Большую часть Северной Италии занимает Ломбардия — плодородная долина реки По, которая в VI—VIII вв. находилась под властью лангобардов (отсюда ее название — Ломбардия), а с VIII в. вошла в состав Каролингской империи. Значительную часть Средней Италии занимала Папская область, светское государство пап («Вотчина св. Петра») с центром в Риме, и остатки лангобардских владений — герцогства Беневент и Сполето, находившиеся в вассальной зависимости то от папы, то от Каролингов. К северу от владений римского папы лежало герцогство Тоскана. Северная и Средняя Италия после Верденского договора 843 г. формально стали самостоятельным единым королевством во главе с верховным сюзереном — королем. Свой титул король получал после венчания его в Павии железной короной лангобардских королей. В действительности же и в Северной, и в Средней Италии власть принадлежала отдельным феодалам.

Южная Италия и остров Сицилия до конца XI в. также была раздроблены на отдельные феодальные владения и часто переходили от одних чужеземных захватчиков к другим. В течение длительного времени, начиная с VI в., значительная часть юга страны — Апулия, Калабрия, Неаполь и Сицилия были византийскими провинциями. В IX в. сюда вторгаются новые завоеватели — арабы, завладевшие всей Сицилией и образовавшие там эмират с центром в Палермо; арабы захватили временно также Апулию. Бесперывные феодальные усобицы и острая вражда между византийскими и арабскими завоевателями способствовали вторжению в Южную Италию норманнов (из Нормандии), которые

завоевали всю Южную Италию и Сицилию и основали здесь в начале XII в. Сицилийское королевство, включившее все южноитальянские земли.

Развитие феодальных отношений в Северной и Средней Италии

Пестрота политической карты Италии усложняла развитие феодальных отношений. В Северной и Средней Италии при лангобардах на протяжении VI—VIII вв. шел процесс становления феодальных отношений. Лангобарды, вторгшиеся большими массами в Италию, селились на захваченных землях отдельно от местных жителей родовыми общинами, кровнородственными группами, которые назывались «фара». С покоренного римского населения, главным образом с колонов и других земледельцев, они взымали треть урожая.

В связи с постоянными войнами и захватами земель лангобардской знатью, а также под влиянием римской частной собственности уже в конце VII в. пахотные участки у лангобардов стали превращаться в аллод, фара начала разлагаться. Это способствовало возникновению крупного землевладения королевских дружинников — гезиндов, военных предводителей — герцогов, графов и самих королей, а также церкви и монастырей. К IX в. из крупных землевладельцев, светских и духовных, постепенно складывается класс феодалов. Свободные сельские жители теряют право собственности на свой земельный участок и вынуждены искать покровительства у земельных магнатов (патронат и коммендация), превращаясь в зависимых земледельцев. Постепенно происходит слияние всей массы зависимого населения — бывших римских рабов, колонов, рабов и полусвободных у лангобардов — с разоряющимися свободными общинниками и превращение их в единый класс феодально зависимого крестьянства.

Но в целом процесс феодализации в VII—VIII вв. развивался у лангобардов медленно в силу изолированности их поселений в Италии и длительного сохранения общинной организации и родовых отношений. Франкское завоевание (конец VIII в.) значительно ускорило процесс разорения свободных земледельцев и превращения их в зависимых держателей. В IX—XI вв. обычно держание крестьянина предоставляло собой аренду земли по договору, как правило, на 29 лет. Эта аренда называлась либеллой и фактически была одной из форм феодального держания: крестьянин-либеллярий отдавал третью или четвертую часть урожая феодалу и работал у него на барщине. В IX—XI вв. либеллярная форма держания была преобладающей. Нередко крестьяне держали землю и на условиях прекария, уплачивая оброк и выполняя барщину. Распространена была также такая форма держания, как эмфитевзис — вечна наследственная аренда за натуральный или денежный оброк при наличии у арендатора права отчуждать свое держание в пределах данного поместья.

В IX—X вв. значительная часть либелляриев и прекаристов попала и в личную зависимость от феодалов — превратилась в крепостных.

Среди повинностей крепостных крестьян большой удельный вес имела барщина, составлявшая от 2 до 12 недель в году, в монастырских же хозяйствах в периоды посева и сбора урожая — до 3—5 дней в неделю. Наряду с барщиной значительное место занимала продуктовая рента. Здесь в VIII в. крестьян начинают облагать и денежными платежами.

Наряду с крепостными сохранялся слой лично свободных держателей, находившихся в поземельной зависимости от феодала и выполнявших в его пользу определенные повинности. Очень большую роль в Италии играло церковное землевладение; в VIII—IX вв. здесь создаются крупные монастырские хозяйства, в которых работало большое число зависимых и крепостных крестьян.

Южная Италия была мало затронута остготским и лангобардским завоеваниями и по своему социально-экономическому развитию сильно отличалась от Северной и Средней. Юг Италии и Сицилия длительное время оставались под господством Византии, стремившейся сохранить здесь рабовладельческие порядки, что обусловило значительное

отставание в феодализации этих областей. В IX—XI вв. здесь еще не вполне сложилось феодальное поместье, основную рабочую силу составляли не крепостные крестьяне, а колонны, рабы и мелкие свободные арендаторы. Единый класс феодально зависимого и крепостного крестьянства еще не сложился.

Развитие ремесла и торговли. Раннее появление городов

Складывание феодальных отношений и распространение либеллярной формы крестьянских держаний привели к значительному повышению уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве, к появлению в Северной и Средней Италии в сравнительно раннее время элементов товарно-денежных отношений и к отделению ремесла от сельского хозяйства. Результатом этого было появление таких новых экономических центров, как города. Они возникли в Италии в IX—XI вв., раньше, чем в других европейских странах. Древние стены и здания многих итальянских городов, сохранившиеся по большей части еще от римских времен, послужили костяком, который обрастал плотью благодаря развитию ремесла и торговли.

В Лукке уже в IX—X вв. ремесленники производили тонкие сукна и чеканили монету. В Павии в X в. существовали корпорации купцов и ремесленников (кожевников, чеканщиков монеты и др.). Развитие ремесла вело к расширению торговых операций. Выгодное расположение на торговых путях в бассейне реки По содействовало возвышению таких городов Ломбардии, как Милан — крупный ремесленный центр, издавна известный производством оружия и ткачеством, Пьяченца, в которой развито было ткацкое производство и уже в IX в. четыре раза в год происходили ярмарки, Верона. Одним из важнейших торговых центров стала Павия, через которую шли пути с альпийских перевалов и Апеннинских гор, пересекавшиеся здесь с речными путями. В Павии, как и в Пьяченце, была ярмарка.

В IX—XI вв. в Италии особенно значителен был рост городов, ведущих посредническую торговлю между западными и восточными странами (внутренняя торговля была развита сравнительно меньше). Венеция на побережье Адриатического моря уже в VIII—IX вв. вела торговлю с греческими городами, с Египтом и Сирией. В X в. возрастает значение Генуи и Пизы, которые торговали с Западным Средиземноморьем. Широко развита была посредническая торговля южноитальянских городов Амальфи и Бари: их корабли везли в Византию хлеб, оливковое масло, оружие, а оттуда — восточные товары.

Политическая раздробленность

Наряду с многочисленными феодальными княжествами картину полной феодальной раздробленности Италии в X—XI вв. дополняли многочисленные города. Раннее развитие городов в Италии обусловило их раннее освобождение от власти феодальных сеньоров. До X—XI вв. политическая власть в городах Северной и Средней Италии находилась в руках феодалов — герцогов, графов, епископов. Начиная с X в. в результате борьбы городов с сеньорами (начало этой борьбы относится к IX в.) в некоторых городах возникают самоуправляющиеся городские общины (коммуны), многие из которых к концу XI в. становятся самостоятельными городскими республиками (Милан, Пьяченца, Верона, Парма, Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Лукка, Сиена и др.).

Пользуясь политической раздробленностью Италии и обострением междоусобной борьбы итальянских феодалов, германский король Оттон I в 962 г. предпринял поход на Рим, захватил его, короновался императорской короной и провозгласил создание новой Римской империи, включающей в себя Германию и значительную часть Италии. Это искусственное политическое образование, не имевшее под собой ни общей экономической базы, ни этнического единства, послужило причиной неисчислимых бедствий для Италии на протяжении многих столетий ее истории. Германские короли и императоры, считая себя

хозяевами итальянских земель, постоянно организовывали походы для грабежа Италии и подчинения ее своей власти.

В IX в. папство находилось в состоянии крайнего упадка. Различные феодальные клерки в Риме постоянно вели борьбу за то, чтобы посадить на папский престол угодных им лиц. После похода Оттона I папы попали под контроль германских императоров, которые стали сажать на папский престол своих ставленников, полностью от них зависевших. Поддержка папством беспочвенной идеи создания сильной Римской империи во главе с германскими королями сыграла предательскую реакционную роль по отношению к итальянскому народу.

Кроме того, само существование в центре Италии самостоятельного светского государства пап являлось одним из важнейших препятствий к объединению страны.

Беспорывная междоусобная борьба итальянских феодалов, в которую вмешивались папы и германские короли, способствовала вторжениям в страну все новых и новых завоевателей — византийцев, венгров, германских феодалов, арабов, норманнов, грабивших и ослаблявших Италию и усиливавших хаос в ее политической жизни.

Однако, несмотря на эти сложные условия, в IX—XI вв. в Италии начался процесс формирования итальянской народности. Она рождалась в тяжелой и длительной борьбе с иноземными захватчиками, но не была уничтожена многочисленными завоеваниями. Напротив, завоеватели ассимилировались местным населением, усваивали язык итальянского народа, в основе которого лежала латынь, и его высокую, веками создававшуюся культуру.

§ 5. ГЕРМАНИЯ В X-XI вв.

Особенности процесса феодализации в Германии

К началу X в. процесс феодализации в Германии сделал заметные успехи. Основными общественными классами в это время стали крупные земельные собственники-феодалы и феодально зависимое и крепостное крестьянство. Повсеместно распространялась феодальная вотчина.

Вместе с тем процесс феодализации в Германии протекал более замедленными темпами, чем во Франции, так как разложение первобытнообщинного строя проходило здесь без существенного воздействия на него римских социально-экономических порядков. Продолжал сохраняться значительный слой свободных общинников, не втянутых в феодальные отношения. В сельской общине выделились средние и крупные аллодисты, обладавшие значительными земельными участками, которые частично обрабатывались с помощью несвободных людей. Но эти аллодисты не стали в полной мере феодальными собственниками; эксплуатация труда зависимых крестьян еще не была основой их хозяйства.

Незавершенность процесса феодализации в Германии нашла свое выражение и в ее политической организации: крупные магнаты, особенно церковные, не располагали еще аппаратом внеэкономического принуждения. Должность графа и вся система местного управления еще не феодализировались; во многих областях сохранялась старая, в основе своей племенная судебная и военная организация. Не сложилась еще окончательно и феодальная иерархия.

Относительно медленное формирование раннефеодального государства в Германии проявилось и в сохранении к началу X в. на ее территории племенных герцогств: Саксонии и Тюрингии (в Северной Германии, между Рейном и Эльбой и ее притоком Заале), Франконии по среднему течению Рейна и по Майну), Швабии (по верхнему течению Дуная и Рейна и его притока Неккара) и Баварии (по среднему течению Дуная). Герцоги, превращаясь в крупных феодальных земельных собственников, использовали для

укрепления своей власти свое положение племенных вождей. Это вело к сохранению племенной разобщенности, тормозившей историческое развитие Германии. В 911 г., после того как в Германии прекратилась династия Каролингов, королем был избран один из племенных герцогов — Конрад I Франконский, при котором вспыхнул открытый конфликт между королевской властью и племенными герцогами, закончившийся поражением короля. После смерти Конрада I между племенными герцогами развернулась борьба за власть; в результате в 919 г. были избраны сразу два короля — Генрих Саксонский и Арнульф Баварский.

Возникновение единого немецкого раннефеодального государства

Однако, несмотря на сепаратизм герцогов, в Германии в это время существовали уже объективные предпосылки для усиления королевской власти. В первую очередь, они коренились в незавершенности процесса феодализации. В укреплении королевской власти были заинтересованы многочисленные средние и крупные аллодисты, нуждавшиеся в помощи сильной королевской власти для захвата общинных земель и подчинения свободных общинников. В поддержке со стороны королевской власти нуждались также монастыри и епископства, заинтересованные в расширении церковного землевладения. С другой стороны, политическое объединение Германии в это время было необходимо перед лицом внешней опасности; с конца IX в. Германия стала ареной набегов норманнов, а с начала X в. — и венгров, обосновавшихся в Паннонии. Их конные отряды неожиданно вторгались в Германию, опустошая все на своем пути, и так же внезапно исчезали. Попытки организовать действенный отпор венграм силами пешего ополчения отдельных герцогств оказывались неэффективными.

Оттоновская церковная политика

Объективные предпосылки для усиления королевской власти в Германии были использованы королями Саксонской династии (919—1024), при первых представителях которой — Генрихе I и Оттоне I — фактически сложилось Германское раннефеодальное государство. Генрих I (919—936) искусной политикой добился признания своей власти всеми племенными герцогами, в том числе и Арнульфом Баварским. Используя феодальные распри во Франции и опираясь на поддержку части лотарингских феодалов, он присоединил Лотарингию. Успешно велась борьба против набегов венгров. Большое значение имело строительство замков и создание тяжеловооруженной рыцарской конницы, способной успешно бороться с подвижными венгерскими отрядами. Первая крупная победа над венграми была одержана в 933 г. на саксоно-тюрингской границе, а в 955 г. в решающей битве на реке Лех, близ Аугсбурга, венграм было нанесено сокрушительное поражение, после чего их набеги на Германию прекратились. Несмотря на успехи в борьбе с внешними врагами, положение королевской власти в стране по-прежнему оставалось неустойчивым. Централи-зоторской политике королевской власти оказывали упорное противодействие племенные герцоги. Они признали за Генрихом I королевский титул только после того, как он отказался от всякого вмешательства во внутренние дела герцогств. Но когда сын и преемник Генриха I, Оттон I (936—973), сделал попытку подавить самостоятельность герцогов, это вызвало восстание.

Чтобы обуздать эти сепаратистские устремления и укрепить авторитет центральной власти, необходимо было создать действенные органы управления, способные проводить на местах политику королевской власти, быть ее надежной опорой. Эту задачу Оттон I пытался решить при помощи союза с церковью, которую он стремился поставить на службу государству. Материальной базой этого союза явились обильные земельные пожалования короля церковным учреждениям. Подавляющее большинство подобных раздач падает на правление Оттона I и его сына Оттона II.

Земельные пожалования церкви сопровождались предоставлением ей широких политических прав в отношении всех, кто сидел на этих землях. Церковь превращалась в крупнейшего феодала-иммунитета. На территории церковного иммунитета округа запрещался всякий суд, кроме церковного. Церковные учреждения получили права высшей (уголовной) юрисдикции над зависимым населением.

Оттоновские иммунитетные привилегии, предоставляя церковным учреждениям широкие государственные полномочия, превращали их фактически в важнейшие исполнительные органы государства. Епископам и имперским или королевским аббатствам, непосредственно подчиненным императору или королю, предоставлялся так называемый королевский банн над территорией, далеко выходящей за пределы их земельной собственности. Под королевским банном понимались совокупность государственных функций и полномочий (судебных, военных, административных и др.), принадлежавших королю и его должностным лицам.

Щедро одаряя церковь земельными владениями и политическими правами, Оттон I вместе с тем стремился прочными узами привязать ее к престолу, превратить в послушное орудие своей власти. Все епископские и аббатские должности находились в фактическом распоряжении короля. Духовенство лишь выдвигало кандидатов на эти должности, но утверждал их и вводил в должность король. Когда должность епископа или имперского (королевского) аббата оставалась вакантной, все доходы с их земли шли королю, который поэтому не спешил замещать их.

Высшие церковные сановники привлекались королем для несения административной, дипломатической, военной, государственной службы. Вассалы епископов и имперских аббатов составляли большую часть оттоновского войска; нередко во главе его подразделений стоял воинственный епископ или аббат. Это церковная организация, поставленная на службу королевской власти и являвшаяся ее главной опорой, получила в литературе название имперской церкви (Reichs-kirche).

Итальянская политика германских королей и создание Священной Римской Империи.

Церковная политика Оттона I нашла свое логическое завершение в стремлении королевской власти установить контроль над папством, стоявшим во главе римской церкви. Подчинение папства было тесно связано с планами завоевания Италии и возрождения некоего подобия империи Карла Великого. В этом стремлении Оттона I поддерживало большинство немецких феодалов, видевших в итальянской политике королевской власти удобное средство для своего обогащения за счет грабежа богатых итальянских земель.

Политически раздробленная Италия, не способная объединиться для отпора захватчикам, переживавшее период упадка папство, борьба различных феодальных кланов, — все это облегчало Оттону выполнение его планов. Опираясь на поддержку многочисленных немецких духовных и светских феодалов, он совершил в 951 г. первый поход в Италию, в результате которого была захвачена Северная Италия (Ломбардия), а Оттон I принял титул короля лангобардов. Спустя 10 лет, воспользовавшись очередным обострением борьбы, между папой и итальянскими феодалами, он совершает новый поход в Италию, который приносит наконец Оттону осуществление его честолюбивых замыслов. В начале 962 г. папа короновал Оттона I в Риме императорской короной. Перед этим Оттон I по специальному договору признал притязания папы на светские владения в Италии, но верховным сеньором этих владений провозглашался германский император. Вводилась обязательная присяга папы императору, что и являлось выражением подчинения папства империи.

Так в 962 г. возникла священная римская империя во главе с германским императором, включавшая в свой состав помимо Германии Северную и значительную часть Средней Италии, некоторые славянские земли, а также часть Южной в

Юго-Восточной Франции. В первой половине XI в. к империи было присоединено Бургундское королевство (Арелат).

Созданная германскими императорами Римская империя была, безусловно, реакционным государственным образованием: она являлась одним из препятствий на пути складывания национальных государств в Западной Европе. Ф. Энгельс указывал, что «тенденция к созданию национальных государств... является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века». Империя мешала осуществлению этой тенденции и во Франции, и в славянских землях, и особенно в Италии. Но реакционный характер священной римской империи особенно сильно сказался по отношению к самой Германии, самому германскому народу. Императорский титул и связанные с ним претензии на мировое господство служили помехой складыванию немецкого национального государства, вели к растрате сил в итальянских завоевательных походах, ничего общего не имевших с подлинными национальными интересами Германии.

Начиная с Оттона I германские императоры X в. большую часть своего царствования проводили в Италии, улаживая там отношения с папами, участвуя в бесконечных распрях с итальянскими феодалами и тщетно пытаясь полностью подчинить своей власти эту богатую страну. Почти постоянное отсутствие короля в Германии, естественно, было на руку крупным немецким феодалам, способствовало росту их самостоятельности, усилению центробежных сил в стране.

Начало агрессии немецких феодалов против полабских славян

С середины X в. началась активная захватническая политика немецких феодалов на Востоке, направленная против славян. Эта политика была обусловлена стремлением немецких феодалов к расширению своих земельных владений и увеличению количества подчиненных им зависимых людей. Католическая церковь поддерживала эту политику, рассчитывая обратить в свою веру население славянских областей. Первой жертвой немецкой агрессии стали соседи саксов — полабские славяне. Генрих I обложил данью всю сербо-лужицкую группу славян, а также некоторые другие славянские племена (лютичей, ободритов). Но в остальном эти племена сохраняли самостоятельность: подчинялись своим князьям и жили по своим обычаям; немецкие феодалы не вмешивались в их внутреннюю жизнь. Новый этап немецкой феодальной агрессии против славян начинается в правление Оттона I, когда немецким феодалам после длительной борьбы удалось подчинить славянские племена, жившие между Эльбой (Лабой) и Одером (Одрой), и включить их в состав Германской империи. Для укрепления господства над покоренными славянами проводилась их насильственная христианизация. Завоевания славянских земель, осуществлявшиеся с большой жестокостью, в X в. не всегда были связаны с попытками феодального освоения захваченных территорий; часто они приводили к установлению особо тяжелой формы даннических отношений.

Славяне неоднократно восставали, уничтожали немецкие гарнизоны и немецких колонистов, отказывались от христианства. В конце X в. в результате восстаний полабских славян немецкие феодалы утратили занятые ими славянские земли за исключением Сербо-Лужицкой области.

Завершение складывания феодального строя

В течение десятого столетия в Германии в основных чертах завершается процесс феодализации общества, втягивания в феодальную зависимость подавляющего большинства ранее свободных общинников. Важная роль в этом процессе принадлежала раннефеодальному государству, вся внутренняя и внешняя политика которого энергично содействовала торжеству феодализма. Уже политика Генриха I — строительство замков и создание тяжеловооруженной рыцарской конницы — существенно ускорила ход

феодализации. Королевские замки являлись не только опорными пунктами для отражения венгерских набегов, но и центрами феодальной эксплуатации окрестного населения. Переход от пешего народного ополчения к рыцарской коннице ускорял расслоение свободных общинников; верхушка их поднималась в ряды рыцарства и таким путем входила в состав господствующего класса, в то время как широкая масса разоряющихся свободных, будучи не в состоянии нести конную службу, сближалась в своем социальном положении с лично зависимым крестьянством. Еще большее значение для ускорения процесса феодализации имела оттоновская церковная политика. Развитие иммунитета на церковных землях расширение прав церковных иммунитетных округов вели к втягиванию в сферу феодальной эксплуатации свободных общинников и к их закреплению.

Торжество феодализма в Германии, как и в других странах, было результатом глубоких внутренних социально-экономических сдвигов, обусловленных в конечном счете развитием производительных сил общества. О нем свидетельствуют распространение трехполья, увеличение площади пахотных земель, особенно путем внутренней колонизации — освоения пустошей и расчистки лесов, расширение виноградарства в южных областях страны, развитие деревенского ремесла, обнаруживающего в X в. у части сельского населения тенденцию к его отделению от земледельческого труда.

Окончательное торжество феодализма в Германии вело к исчезновению в структуре общества элементов предшествующего общинного строя. Только в немногих окраинных местностях (Фрисландия, Дитмаршен, Тироль, в меньшей степени — Саксония) сохранялся еще более или менее значительный слой свободных общинников.

Феодальная эксплуатация зависимого и крепостного крестьянства осуществлялась в этот период прежде всего в форме барщины, к которой присоединялись различные оброчные платежи. Широкое распространение барщины как господствующей формы феодальной ренты порождало особенно тяжелые формы зависимости крестьян — личную, крепостную зависимость.

Важных успехов в X в. достиг процесс внутренней консолидации класса феодалов: распространялись вассальные отношения, складывалась иерархическая структура господствующего класса. Средоточием экономической и политической жизни страны все более становится феодальная вотчина. Отсюда исходила административная и судебная власть над окрестным населением, дающая возможность вотчиннику осуществлять внеэкономическое принуждение.

Немецкое раннефеодальное государство X в. сыграло большую роль. В его рамках произошло политическое объединение германских племен, началось преодоление племенной обособленности, были заложены основы немецкой народности. Именно в X в. термин «немцы» (*tiusch, tiutsche, deutsch*) становится обычным для обозначения всего населения Германии без различия племенного происхождения; с 920 г. в документах встречается выражение «королевство немцев» (по-латыни *Regnum Teutonicorum*).

Но по мере развития феодализации все более суживалась та социальная база, на которой стало возможно возникновение и временное усиление единого немецкого раннефеодального государства. Сломив политический сепаратизм племенных герцогов, королевская власть не могла успешно противостоять росту политических притязаний крупных феодальных землевладельцев. Церковная политика Оттона I и его преемников была действенным средством сплочения церковных феодалов вокруг королевской власти, но лишь до той поры, пока церковные учреждения нуждались в содействии центральной власти для укрепления церковной вотчины за счет общинных и аллодиальных земель и втягивания в зависимость их прежних собственников. По мере успешного завершения складывания церковных вотчин, располагавших уже собственным устойчивым аппаратом внеэкономического принуждения, крупные церковные феодалы, оказавшиеся властителями обширных и компактных территорий, подобно светским магнатам, уже в первой половине XI в. все более становятся в оппозицию к центральной власти.

Политический кризис второй половины XI в. Начало борьбы за инвеституру

Первые короли новой Франконской династии (1024—1125) — Конрад II и Генрих III — пытались сохранить позиции центральной власти, приспособив ее к новым социальным условиям. Так, Конрад II в противовес чрезвычайно усилившимся светским и духовным магнатам стремился опереться на многочисленный слой мелких феодалов, вмешиваясь в отношения между сеньорами и вассалами. Он запретил сеньорам произвольно конфисковывать лены вассалов. Генрих III, уже не имея достаточной опоры в имперских монастырях, старался сблизиться с монашеством новых монастырей — «частных», находившихся в подчинении у отдельных феодалов, выступая в роли их покровителя. Однако эти меры не могли предотвратить политического кризиса как в германских областях, так и в империи в целом. Кризис быстро нарастал в первые 15 лет царствования Генриха IV (1056—1106), когда король был несовершеннолетним. Именно в это время окончательно сложился союз между папством и поддерживавшей его сильной группировкой итальянских феодалов и рядом итальянских городов, с одной стороны, и могущественными немецкими светскими феодалами — с другой. Политический кризис вылился в 70-х годах XI в. в открытую и ожесточенную борьбу императора с папой из-за вопроса об инвеституре. Инвеститурой вообще, как указывалось выше, назывался акт ввода во владение землей — передача сеньором феода своему вассалу. В применении к епископам и аббатам инвеститура включала не только ввод нового епископа или аббата в управление землями и зависимыми людьми соответствующего церковного учреждения (епископства или аббатства), но и утверждение в духовном сане, в знак чего вручались кольцо и посох. Право инвеституры означало, в сущности, право назначать и утверждать в должности выбранных духовенством епископов и аббатов.

Императоры, начиная с Оттона I, осуществляли инвеституру епископов и аббатов и видели в этом одну из важнейших опор своей власти. Папы, мирившиеся ранее с таким порядком, во второй половине XI в. стали оспаривать право императора на инвеституру высших духовных лиц — епископов и аббатов. В этой борьбе, охватившей все части империи, решался целый комплекс социально-политических вопросов, имевших важное значение для различных классов и социальных групп феодального общества: о верховенстве в церковных делах императора или папы, о судьбах раннефеодальной монархии в Германии, об основах дальнейшего политического развития немецкого феодального общества, о взаимоотношении Германии и итальянских областей империи, о дальнейшем развитии городов Северной и Средней Италии. В борьбу были вовлечены как верхи, так и низы феодального общества.

Саксонское восстание 1070—1075 гг.

Готовясь к схватке с папством и своими противниками — крупными феодалами в Германии, Генрих IV стремился превратить Саксонию в королевский домен, чтобы усилить материальную базу королевской власти. Здесь строились королевские крепости (бурги) и за счет сохранившегося фонда общинных земель и земель, принадлежавших аллодистам крестьянского типа, насаждались новые королевские вотчины. Создавались также в большом числе ленные держания королевских рыцарей-министериалов — низшей прослойки класса феодалов. Все эти меры способствовали закреплению еще сохранившегося в Саксонии слоя свободных крестьян-аллодистов. Вместе с тем Генрих IV настойчиво стремился вернуть расхищенные крупными феодалами ранее принадлежавшие королю земли в Саксонии. Королевская политика вызвала в 1070 г. восстание в Саксонии. Сначала против Генриха IV выступила верхушка саксонской феодальной знати. Одновременно в восстании приняли участие свободные и зависимые крестьяне, выступавшие не столько в поддержку феодальных верхов Саксонии, сколько за сохранение остатков свободной общины, против превращения их в крепостных.

Второй этап борьбы (1073—1075) характеризуется массовыми выступлениями крестьян, разрушавших королевские крепости и хозяйственно-административные центры королевских вотчин. Стремясь использовать в своих интересах успехи крестьян, к восстанию примкнула враждебная королю группа саксонской знати во главе с Оттоном Нортгеймским. Однако размах антифеодального движения крестьян, перекинувшегося в Тюрингию, вызвал страх у местных феодалов. В переговорах с королем (в 1074 г.) вожаки их пошли на уступки за счет крестьян.

В решающей битве при Лангензальце (1075) феодальная саксонская конница бежала с поля боя, оставив на гибель пешее крестьянское ополчение. Генрих IV беспощадно расправился с восставшими крестьянами. Со знатью он заключил мир, назначив Оттона Нортгеймского своим наместником в Саксонии. Поражение восстания 1073—1075 гг. низвело свободное саксонское крестьянство до положения феодально зависимых и крепостных крестьян.

Крушение церковной политики германских императоров

В борьбе за инвеституру папство нашло опору в Ключийском движении. Возникшее внутри церкви еще в X в. и получившее имя от названия монастыря Ключи во Французской Бургундии, где оно началось, это движение ставило своей целью усилить церковь, поднять ее моральный авторитет. Оно стремилось сплотить церковную организацию, чтобы, с одной стороны, противостоять стремлениям светских феодалов к захватам церковных земель и установлению своей опеки над церковью, а с другой стороны, сделать церковь достаточно сильной, чтобы подавлять сопротивление закрепощенных крестьян.

Силу, способную поднять моральный авторитет церкви (подорванный все возрастающим «обмирщением» духовенства), укрепить церковную дисциплину, объединить разрозненные церковные организации, ключийцы видели в монашестве. Они требовали строгого соблюдения церковного правила о безбрачии духовенства («целибата»), так как женатое духовенство, будучи поглощено заботами о семье и накоплении имущества для своих наследников, не заботилось об интересах церкви. Ключийцы выступали также против продажи церковных должностей («симонии») и особенно против подчинения церкви светским государям. Отсюда стремление пап в борьбе с императорской властью опереться на Ключийское движение.

Ключийское движение широко распространялось среди немецкого духовенства, что укрепляло центробежные силы внутри страны.

Ревностным сторонником ключийских требований был монах Гильдебранд, фактически руководивший в течение многих лет делами папского престола. В 1059 г. на Латеранском церковном соборе (в Риме) был установлен новый порядок выбора пап. По решению собора папу должны были избирать без всякого вмешательства извне кардиналы — высшие сановники церкви, получавшие свой титул от папы. Это решение было направлено против стремления императора вмешиваться в выборы пап. Латеранский собор высказался также против светской инвеституры епископов и аббатов. В 1073 г. Гильдебранд был избран папой под именем Григория VII и начал осуществлять на практике свою программу укрепления церкви, сместив нескольких немецких епископов, назначенных, по его мнению, неправильно.

Поддав саксонское восстание, Генрих IV решительно выступил против стремления Григория VII подчинить себе немецкое духовенство и ослабить его связь с королевской властью. В 1076 г. на собрании высшего немецкого духовенства в Борисе он объявил о низложении Григория VII. В ответ на это папа отлучил Генриха от церкви и лишил его королевского сана, а подданных короля освободил от присяги своему государю. На эти действия Григория VII тотчас же откликнулись в Германии крупные немецкие феодалы, не только светские, но и многие епископы и аббаты, найдя в них удобный повод для

сепаратистских выступлений. Южнонемецкая феодальная знать начала против короля настоящую войну, вновь восстали саксонские феодалы.

Генрих IV вынужден был капитулировать перед Григорием VII. В январе 1077 г. с небольшой свитой он отправился на свидание с папой в Италию. После трудного перехода через Альпы Генрих IV стал добиваться встречи с Григорием VII, находившимся в замке Ка-носса (в Северной Италии). По сообщениям хронистов, Генрих, сняв все знаки королевского достоинства, босой и голодный стоял три дня с утра до вечера перед замком. Наконец он был допущен к папе и на коленях вымолил у него прощение.

Однако покорность Генриха была только маневром. Несколько укрепив после снятия с него папой отлучения свое положение в Германии, он снова выступил против Григория VII. Шедшая еще долгое время после этого с переменным успехом борьба империи и папства завершилась подписанием так называемого Вормского конкордата (1122) — соглашения, заключенного сыном и преемником Генриха IV Генрихом V и папой Каликстом II и регулировавшего порядок выборов епископов.

Вормский конкордат устанавливал разную систему выборов епископов в различных областях империи. В Германии епископы должны были впредь избираться духовенством в присутствии императора, которому принадлежало решающее слово при наличии нескольких кандидатур. Император совершал светскую инвеституру — передачу скипетра, символизовавшего власть над землями епископства. После светской инвеституры следовала духовная, осуществлявшаяся папой или его легатом, — передача кольца и посоха, символизовавших духовную власть епископа. В Италии же и в Бургундии выборы епископов должны были происходить без участия императора или его представителей. Только через шесть месяцев после выборов и утверждения нового епископа папой император производил инвеституру скипетром, которая таким образом превращалась в чисто формальный акт. Вормский конкордат разрушал систему имперской церкви в Италии и Бургундии. В Германии же устанавливался компромиссный порядок, являвшийся нарушением коренных принципов оттоновской церковной политики.

В XII в. центральная государственная власть в Германии ослабевает, начинается длительный период феодальной раздробленности.

§ 6. АНГЛИЯ ДО СЕРЕДИНЫ XI в.

Англосаксонские королевства в Британии и особенности процесса феодализации

На территории Британии, завоеванной англосаксами (эта территория и стала впоследствии собственно Англией), в период со второй половины V до начала VII в. образовалось несколько варварских англосаксонских королевств: Кент — на крайнем юго-востоке, основанный ютами; Уэссекс, Сассекс — в южной и юго-восточной части острова, основанные саксами; Восточная Англия — на востоке, Нортумбрия — на севере и Мерсия — в центре страны, основанные главным образом англами.

Некоторая часть кельтского населения Британии, избежавшая истребления, слилась с завоевателями — германцами. Так кельтский элемент вошел в этнический состав английского народа.

Складывание феодального строя в англосаксонских королевствах имело некоторые особенности. Важнейшие из них — относительная устойчивость общинных порядков, более позднее, чем у франков, возникновение аллода и сравнительно медленный ход процесса исчезновения свободного крестьянства и образования крупного феодального землевладения. Эти черты были обусловлены относительно слабой романизацией Британии, разрушительным характером англосаксонского завоевания, уничтожившего в значительной степени остатки римского влияния, и тем, что переселившиеся в Британию племена англо-саксов, ютов и фризов находились на более низком уровне социально-экономического

развития, чем франки, вестготы или бургунды, заселившие Римскую Галлию. В отличие от них в завоеванных областях Британии англосаксы и юты составляли основную массу населения и развитие феодальных отношений шло здесь путем внутренней эволюции разлагающегося первобытнообщинного строя.

Из англосаксонских «правд» VI—VII вв. известно, что преобладающим занятием англосаксов в Британии было земледелие, но и животноводство играло большую роль в хозяйстве. Немалое значение имели также рыболовство, охота и лесные промыслы, а в некоторых местностях — добыча соли, железа, свинца.

Землю англосаксы пахали обычно тяжелым плугом с упряжкой в 4 и 8 волов. Иногда применялся и более легкий плуг — с одной парой волов. Значительное распространение получило двухполье. Возделывались озимая пшеница, рожь, ячмень, овес, бобы и горох. Участки пахотного поля, принадлежавшие отдельным хозяевам, располагались чересполосно и были обычно огорожены; после уборки урожая изгороди снимались и поля поступали в общее пользование всей деревни, превращаясь в общинные выгоны для скота.

Первоначально основу англосаксонского общества составляли свободные крестьяне-общинники — керлы, владевшие в пределах общины значительными участками пахотной земли, так называемой гайдой (участок земли, который можно было возделывать в течение года одним плугом с упряжкой в 4 пары волов). Это был надел большой семьи, ведшей хозяйство совместно. Каждое хозяйство имело также право на оставшиеся в пользовании всей общины луга, выпасы, пустоши, леса и т. п. До середины VII в. малая, индивидуальная семья у англосаксов еще не стала господствующей, переход от земледельческой общины к соседской не был завершен.

Земля, которой владели общинники, долгое время не превращалась в свободно отчуждаемую собственность (типа аллода). Распоряжение ею ограничивалось общинными порядками и правами всех членов родственной группы (скорее всего большой семьи). В более поздних документах такое земельное владение, основанное на обычном, общинном праве, называется «фолклендом». Фолкленд нельзя было передавать по женской линии или посторонним лицам, завещать. Ограничения в распоряжении фолклендом задерживали возникновение частной собственности на землю и рост крупного феодального землевладения в Англии. Сохранение относительно прочной общины укрепляло силы свободных крестьян в борьбе против феодального закрепощения, что также замедляло здесь процесс феодализации.

Социальное расслоение в среде англосаксов

В первые столетия после поселения в Британии наряду с керлами у англосаксов появилась и родовая знать — эрлы, люди более богатые и влиятельные, защищенные более высоким вергельдом, чем керлы.

Низший слой общества составляли рабы и полусвободные люди, в основном представители покоренного кельтского населения. Рабы использовались как дворцовая челядь или же получали небольшой надел и обрабатывали земли знати. Полусвободные крестьяне уили (так назывались завоеванные англосаксами кельты-уэльсы), как правило, сидели на чужой земле и доставляли своим господам натуральный оброк, а иногда и работали на господском поле. Небольшая часть кельтов сохранила свои земли и свободу.

Начало процесса феодализации у англосаксов относится к VII в. К этому времени стало заметным имущественное неравенство среди керлов и началось разложение общины. С VII в. распространяется и практика королевских земельных пожалований за счет как пустовавших, так и заселенных керлами земель. Эти пожалования оформлялись специальными грамотами. Пожалованная по грамоте земля называлась «боклендом» (от англосаксонского «bos» — грамота и «land» — земля). Такую землю можно было передавать по наследству, завещать, закладывать, продавать. Это была уже частная земельная собственность, которая обычно освобождалась от многих повинностей в пользу

короля и нередко давала своим владельцам иммунитетные права. С появлением бокленда в Англии началось развитие крупного феодального землевладения. Постепенно в зависимость от крупных землевладельцев стали втягиваться свободные общинники-англосаксы в результате как растущего в их среде имущественного расслоения, так и насилий и притеснений со стороны родовой и военно-служилой знати. Крупные землевладельцы, в зависимость от которых попадали разорявшиеся общинники, назывались у англосаксов «глафордами» (более поздняя форма этого слова — лорд, что соответствовало понятию «сеньор» или «господин»). Однако основная масса свободных крестьян в течение продолжительного времени, по крайней мере до IX в., оставалась мало втянутой в процесс феодализации, а свободная община продолжала сохранять свое значение. Поэтому в поместьях знати, церкви и королевских дружинников работали в основном рабы и полусвободные из потомков кельтского населения. Устойчивость общины и свободного крестьянства в Англии обусловила особенно большую роль (по сравнению с континентальной Европой) королевской власти и ее земельных пожалований в складывании крупной земельной собственности и вообще в процессе феодализации. С ростом англосаксонских государств и укреплением в них королевской власти возрастало значение королевских дружинников — «гезитов». Старая родовая знать (эрлы) отчасти сливалась с ними, а отчасти вытеснялась новой военно-служилой знатью.

Всемерно содействовала феодализации Англии и церковь. Христианизация англосаксов, начавшаяся еще в конце VI в. (в 597 г.), закончилась в основном лишь во второй половине VII в. Новая религия отвечала интересам господствующего слоя англосаксонского общества, так как усиливала королевскую власть и группировавшуюся вокруг нее землевладельческую знать. Земельные пожалования короля и знати епископам и возникавшим многочисленным монастырям содействовали росту крупного церковного землевладения. Церковь, заинтересованная в земельных пожалованиях, получаемых путем завещаний, дарений и других форм отчуждения земли, поощряла развитие частной собственности на землю и всячески оправдывала рост зависимости крестьян. Поэтому распространение христианства встретило со стороны свободного англосаксонского крестьянства, видевшего в своих прежних дохристианских культах опору общинных порядков, упорное и длительное сопротивление.

Раннефеодальное государство у англосаксов

Во главе англосаксонских королевств с момента их образования стоял король. Но в основе организации местного управления англосаксов в первый период после завоевания Британии лежал строй свободной сельской общины. Свободные жители села собирались на сельский сход, где решали свои хозяйственные и другие общинные дела. Представители сельских общин, входящих в определенный округ, называвшийся у англосаксов сотней, собирались на сотенные собрания, где избирали старшину, ведавшего делами сотни. Здесь преимущественно разбирались судебные дела, возникавшие между жителями различных сел, входивших в сотню.

С развитием феодальных отношений сельская община и сельский сход все более подчинялись глафорду или его приказчику, а в сотенном собрании выборных представителей свободных керлов заменили наиболее крупные и влиятельные землевладельцы сотни, а также официальные представители села в лице старосты, священника и четырех самых зажиточных крестьян. Старшина сотни превратился со временем в королевского чиновника.

Народные собрания англосаксов были, вероятно, первоначально собраниями воинов — в то время свободных общинников каждого из англосаксонских королевств. С IX в. они собирались только в масштабах крупных административных округов — скиров (или шайров) каждого королевства. Позднее эти округа стали называться графствами. Сначала решающую роль на этих собраниях играли представители родо-племенной знати, во главе

которой стоял элдормен. Впоследствии, с ростом королевской власти, элдормен был заменен королевским чиновником—скир-герефой (шайр-ривом, отсюда более позднее— «шериф»). В решении дел с этих пор – принимали участие лишь самые знатные и могущественные люди скира — крупные светские землевладельцы, а также епископы и аббаты. Но в целом особенностью политического строя англосаксонских раннефеодальных государств является длительное сохранение общинных форм управления и медленное перерастание их в органы феодального государства.

Образование единого англосаксонского государства — Англии

Между отдельными англосаксонскими королевствами шла постоянная борьба. То одно, то другое из них захватывало господство над другими. В конце VI — начале VII в. наиболее важное значение среди них имел Кент. Приблизительно с середины VII в. господствующее положение заняла Нортумбрия, в VIII в. — Мерсия и, наконец, с начала IX в. господство перешло к Уэссексу. При короле, Уэссекса Эгберте в 829 г. все англосаксонские королевства объединились в одно раннефеодальное государство.

Это объединение было обусловлено как внутренними, так и внешнеполитическими причинами. Феодализирующейся верхушке англосаксонского общества необходимо было преодолеть сопротивление крестьян закрепошению, что требовало сплочения всех сил господствующего класса и объединения отдельных королевств в одно государство. С другой стороны, с конца VIII в. начались опустошительные набеги норманнов, преимущественно датчан, на Англию. Потребности обороны в тяжелой борьбе с датчанами обусловили неотложность политического объединения страны. Уэссекс на юго-западе Англии, менее, чем другие области, доступный набегам датчан, стал центром сопротивления завоевателям. Датчане захватили весь северо-восток страны и ввели там датские обычаи и порядки.

В объединенном англосаксонском королевстве общее народное собрание уже не созывалось. Вместо него при короле собирался уитенагемот (что значит «Совет мудрых»), состоявший из наиболее влиятельных магнатов королевства. Все дела решались теперь королем лишь с согласия уитенагемота.

Важным этапом в развитии англосаксонского феодального государства было время правления короля Альфреда (871—899 или 900). После ряда поражений и неудач, откупившись от датчан данью, Альфред начал собирать военные силы, среди которых важную роль играло старинное народное ополчение из свободных крестьян («фирд»), составлявшее первоначальную основу всей военной организации англосаксов. Наряду с ним было создано конное тяжеловооруженное феодальное войско, основанное на военной службе, по преимуществу, мелкопоместных землевладельцев. Был построен также боеспособный флот. Остановив натиск датчан, Альфред заключил с ними договор, по которому страна была поделена на две части: юго-западную, где сохранялась власть английских королей, и северо-восточную (область «датского права» — «Денло»), остававшуюся еще некоторое время в руках датчан.

При Альфреде был составлен сборник законов «Правда короля Альфреда». Хотя в него и были включены многие законодательные Положения из старых англосаксонских «правд», в целом он отражал тот этап развития англосаксонского общества, когда в нем уже в значительной степени развились феодальные порядки. Теперь они были закреплены в законодательстве в интересах господствующего класса.

Во второй половине X в., при короле Эдгаре (959—975), англосаксы подчинили себе датчан, населявших «Денло», и все английские земли вновь объединились в одно государство. В результате датчане и другие скандинавы, поселившиеся в Англии, слились с близкими им по языку и общественному строю англосаксами.

У датчан в IX—X вв. еще в большей степени, чем у англосаксов, сохранились общинные порядки, преобладало свободное крестьянство. Поэтому поселение датчан в

Англии еще больше замедлило становление там феодализма, особенно на северо-востоке страны.

Процесс феодализации англосаксонского общества продолжался в период борьбы с датчанами. Разорение значительных масс крестьянства, усиленное датскими набегами, насилия со стороны знати, поддерживаемой государством, — все это вело к переходу значительной части крестьянской земли в руки крупных землевладельцев, к дальнейшему росту крупного землевладения. Церковь и светские землевладельцы все чаще получали в качестве бокленда земли крестьянских общин. Жившие на них свободные крестьяне теперь превращались из собственников земли в держателей наделов, обязанных выполнять различные повинности в пользу своих господ. В конце X — начале XI в. в Англии, особенно на юге страны, появляются уже крупные вотчины, обрабатываемые в значительной мере барщинным трудом феодально зависимых крестьян. Войны с датчанами содействовали формированию нового господствующего слоя военно-служилой знати, так называемых тэнов, пришедших на смену прежним королевским дружинникам — гезитам. Из этого слоя мелких и средних землевладельцев впоследствии сформировалось англосаксонское рыцарство. Крупные же землевладельцы сохранили название прежней родовой знати — эрлов.

Возобновление датских нашествий

Важную роль в подчинении свободных англосаксонских крестьян крупным землевладельцам в X—XI вв. играл, как и во Франкском государстве, иммунитет, называвшийся в Англии «сокой». Крестьянин, находившийся под властью лорда-иммунитета, назывался «сок-меном». Он считался еще лично свободным и продолжал владеть землей, но находился в судебной зависимости от крупного землевладельца, что облегчало его постепенное превращение в человека, обязанного землевладельцу теми или иными платежами или повинностями. Несмотря на успехи процесса феодализации, к середине XI в. в Англии сохранялось еще много пережитков строя свободной общины. В конце X в. датские короли, объединившие к этому времени под своей властью не только Данию, но и южную часть Скандинавского полуострова, возобновили набеги на Англию и в 1016 г. установили там власть датских королей. Король Кнут (1016—1035) был одновременно королем Англии, Дании и Норвегии. Стремясь найти опору в лице крупных англосаксонских землевладельцев, он подтверждал многие из присвоенных ими привилегий и прав.

Датское владычество в Англии оказалось непрочным. Используя внутренние раздоры в Датском государстве, англосаксы продолжали борьбу с чужеземным гнетом. Вскоре после смерти Кнута большая Датская держава распалась, и на английский престол вступил представитель старой англосаксонской династии Эдуард Исповедник (1042-1066).

Развитие средневековье XI-XV вв.

Глава 7

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ, ИХ МЕСТО И РОЛЬ В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Переход от раннефеодального периода к периоду развитого феодализма был обусловлен возникновением и ростом городов, быстро ставших центрами ремесла и обмена, а также широким развитием товарного производства. Это были качественно новые явления в феодальном обществе, оказавшие значительное воздействие на его экономику, политический строй и духовную жизнь. Поэтому XI столетие — время, когда в большинстве стран Западной Европы в основном уже сложились города, является хронологическим рубежом между ранним средневековьем (V—XI вв.) и периодом наиболее полного развития феодализма (XI—XV вв.).

Господство натурального хозяйства в период раннего средневековья

Первые столетия средних веков в Западной Европе характеризовались почти безраздельным господством натурального хозяйства. Крестьянская семья сама производила

все сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия, орудия труда и одежду не только для собственных нужд, но и для уплаты оброка феодалу. Соединение сельского труда с ремеслом — характерная черта натурального хозяйства. Лишь небольшое число специалистов-ремесленников, обычно в качестве дворовых людей, жили в поместьях крупных феодалов. Немногочисленные сельские ремесленники — кузнецы, гончары, кожевники — наряду с ремеслом занимались и сельским хозяйством.

Обмен продуктов был весьма незначителен. Торговали преимущественно добываемыми в немногих пунктах, но важными в хозяйстве товарами: железом, оловом, медью, солью и т. п., — а также предметами роскоши, не производившимися тогда в Европе и привозимыми с Востока: шелковыми тканями, дорогими ювелирными изделиями, хорошо выделанным оружием, пряностями и т. д. Главную роль в этой торговле играли странствующие, чаще всего иноземные купцы (византийцы, арабы, сирийцы, евреи и др.). Производство сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий, специально рассчитанное на продажу, т. е. товарное производство, в большей части Западной Европы почти не было развито. Старые римские города пришли в упадок, происходила аграризация экономики.

В период раннего средневековья сохранялись поселения городского типа преимущественно на месте запустевших и полуразрушенных римских городов (Милан, Флоренция, Болонья, Неаполь, Амальфи, Париж, Лион, Арль, Кёльн, Майнц, Страсбург, Трир, Аугсбург, Вена, Лондон, Йорк, Честер, Глостер и др.) Но они по большей части являлись либо административными центрами, либо укрепленными пунктами (крепостями— «бургами»), либо церковными центрами (резиденциями архиепископов, епископов и т. д.). Но средоточием ремесла и торговли в этот период города еще не стали. Их небольшое население обычно мало чем отличалось от жителей деревень. Во многих городах площади и пустыри использовались под пашни и пастбища. Немногочисленные ремесленники и торговцы, жившие в раннесредневековом городе, обслуживали в основном только его жителей, не оказывая заметного влияния на окружающие деревни. Больше всего поселений городского типа сохранилось в наиболее романизованных областях Европы: в Италии, Южной Галлии, вестготской, а затем арабской Испании, а также в Византии. Хотя и в этих областях города в V—VI вв. пришли в упадок, некоторые из них все же были относительно многолюдны, в них продолжало существовать специализированное ремесло, постоянные рынки. Отдельные города, особенно в Италии и Византии, являлись крупными центрами посреднической торговли с Востоком. Но даже и в этих областях города не оказывали определяющего воздействия на генезис феодализма. На большей же части Европейского континента поселения городского типа были редки, малолюдны и не имели сколько-нибудь заметного экономического значения.

В целом Западная Европа отставала в своем развитии от Востока и даже Византии, где процветали многочисленные города с высокоразвитым ремесленным производством и оживленной торговлей.

Рост производительных сил. Отделение ремесла от сельского хозяйства

К X—XI вв. в хозяйственной жизни Западной Европы произошли важные изменения. Рост производительных сил, происходивший в связи с утверждением феодального способа производства, в период раннего средневековья быстрее всего шел в ремесле и выражался в постепенном изменении и развитии техники и навыков ремесленного труда, расширении и дифференциации общественного производства. Значительно усовершенствовались отдельные виды ремесла: плавка и обработка металлов — прежде всего кузнечное и оружейное дело; выделка тканей — льняных и суконных; обработка кожи; производство более совершенных глиняных изделий с применением гончарного круга; мельничное и строительное дело. Развивались и промыслы: добыча металлов, соли, заготовка леса, рыбы, пушнины, морского зверя. Производство

ремесленных изделий все больше превращалось в особую сферу трудовой деятельности, отличную от сельскохозяйственной, которая требовала дальнейшей специализации ремесленника, уже не совместимой с трудом крестьянина.

Наступил момент, когда неизбежным стало превращение ремесла в самостоятельную отрасль производства.

Другой предпосылкой отделения ремесла от сельского хозяйства явился прогресс в развитии последнего. По мере усовершенствования орудий и способов обработки почвы, особенно с повсеместным распространением железного плуга с упряжкой в несколько пар быков, а также двухполья и трехполья, росла производительность труда в сельском хозяйстве, увеличились площади культивируемой земли, в большей мере путем внутренней колонизации и хозяйственного освоения новых земель. Расширялись посевы зерна и технических культур: льна, конопли, вайды (растение, из которого добывалось вещество для окраски тканей), масличных и др.; развивались и усовершенствовались огородничество, садоводство, виноградарство и такие тесно связанные с сельским хозяйством промыслы, как виноделие и маслоделие. Увеличилось количество и улучшилась породность скота, в частности лошадей, которые все шире стали применяться не только в военном деле, но и как транспортное средство; в некоторых районах лошадей стали использовать вместо волов и в земледелии, что значительно ускорило процесс обработки почвы.

В результате всех этих изменений в сельском хозяйстве повысилась урожайность, сократилось время для производства сельскохозяйственных продуктов, а следовательно, увеличилось количество последних. Несмотря на рост феодальной ренты, в руках крестьянина начал оставаться известный избыток продуктов над тем, что производилось для нужд потребления. Это давало возможность обмена части продуктов сельского хозяйства на изделия ремесленников-специалистов, что освобождало крестьянина от необходимости производить все ремесленные изделия в своем хозяйстве.

Помимо названных экономических предпосылок на рубеже I и II тысячелетий создались важнейшие социальные предпосылки складывания средневековых городов; завершился процесс феодализации, сразу же обнаруживший глубокие классовые противоречия нового-строга. С одной стороны, выделился господствующий класс, потребность которого в роскоши способствовала увеличению слоя профессиональных ремесленников. С другой стороны, крестьянство, подвергавшееся все большему гнету, все чаще стало убегать в города. Беглые крестьяне составили основу населения первых городов.

Отделение города от деревни

Таким образом, к X—XI вв. в Европе появились все необходимые условия для отделения ремесла от сельского хозяйства. В процессе отделения от сельского хозяйства ремесло — мелкое промышленное производство, основанное на ручном труде, — прошло в своем развитии ряд стадий. Сначала ремесло выступало преимущественно в форме производства изделий по заказу потребителя, иногда из его материала, и раньше всего — в деревне как неотъемлемая принадлежность натурального хозяйства, а затем и в городах. При этом товарное производство носило еще зачаточный характер, ибо продукт труда на рынке не появлялся.

Следующая стадия в развитии ремесла характеризуется в основном работой ремесленника не на определенного заказчика, а на рынок, без обращения к которому ремесленник уже не мог в этом случае существовать. Ремесленник становится товаропроизводителем. Так, появление ремесла, обособленного от сельского хозяйства, означало зарождение товарного производства и товарных отношений, появление обмена между городом и деревней. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, — писал Ф. Энгельс, — возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля...»,

Обмен между отдельными производителями становится жизненной необходимостью для общества.

Но в деревне, где рынок сбыта ремесленных изделий был узок, а власть феодала лишала производителя необходимой ему самостоятельности, возможности для развития товарного ремесла были весьма ограниченными. Поэтому ремесленники бежали из деревни и селились там, где находили наиболее благоприятные условия для ведения самостоятельного хозяйства, сбыта своей продукции, получения необходимого сырья. Переселение ремесленников в рыночные центры и города было частью общего движения туда сельских жителей.

Бегство крестьян, в том числе и знавших какое-либо ремесло, из деревни являлось в то время одним из выражений их сопротивления феодальному гнету.

В X—XIII вв. (в Италии с IX в.) повсюду в Западной Европе бурно росли города нового, феодального типа, выделявшиеся из сельской округи по составу населения, его основным занятиям и социальной структуре.

Таким образом, в результате отделения ремесла от сельского хозяйства возникли средневековые города. Их появление определило новый этап в истории феодализма.

Буржуазные теории происхождения средневековых городов и их критика

Вопрос о причинах возникновения средневековых городов представляет большой интерес. Буржуазные ученые, пытаясь дать ответ на него, выдвигали в XIX и XX вв. различные теории. Для большей части этих теорий характерен формально-юридический подход к проблеме. Наибольшее внимание уделяется происхождению и развитию специфических городских учреждений, городского права, а не социально-экономическим условиям, приведшим к возникновению средневековых городов. Поэтому буржуазная историческая наука не может объяснить коренных причин их происхождения.

Буржуазных ученых занимал главным образом вопрос о том, из какой формы поселения произошел средневековый город и как учреждения этой предшествующей формы трансформировались в учреждения средневекового города? «Романистическая» теория (Савиньи, Тьерри, Гизо, Ренуар), которая строилась преимущественно на материале романизованных областей Европы, считала средневековые города и их учреждения прямым продолжением городов поздней Римской империи. Историки, опиравшиеся в основном на материал Северо-Западной и Центральной Европы (в первую очередь, немецкие и английские), видели истоки средневековых городов в правовых явлениях нового, феодального общества. Согласно «вотчинной» теории (Эйхгорн, Нич), город развился из феодальной вотчины, а городские учреждения — из вотчинного управления и вотчинного права. «Мар-ковская» теория (Маурер, Гирке, позднее Г. фон Белов) выводила городские учреждения и право из строя свободной сельской общины-марки. Представители «бурговой» теории (Кейтген, Мэтланд) считали, что крепость («бург») и бурговое право были тем зерном, из которого создавался город. «Рыночная» теория (Р. Зом, Шредер, Шульте) выводила городское право из «рыночного права», действовавшего в местах, где велась торговля.

Помимо своей формально-юридической направленности все эти теории страдали крайней односторонностью, выдвигая каждая один, якобы единственный путь возникновения городов. К тому же они не объясняли, почему большинство вотчин, общин, замков и даже рыночных местечек так и не превратились в города.

Немецкий историк Ритшель в конце XIX в. пытался объединить «бурговую» и «рыночную» теории, видя в городах поселения купцов вокруг укрепленного пункта («бурга»), игнорируя ремесленную основу происхождения средневековых городов. Близкую к этой теории концепцию развивал бельгийский историк А. Пиренн, который, однако, в отличие от большинства своих предшественников определяющую роль в возникновении городов отводил экономическому фактору — межконтинентальной и межрегиональной

транзитной торговле и ее носителю — купечеству. Однако эта «торговая» теория, согласно которой города в Западной Европе возникали первоначально вокруг «купеческих факторий», игнорировала роль в возникновении городов отделения ремесла от сельского хозяйства. Поэтому А. Пиренн также не смог научно объяснить истоки и специфику феодального города. Эта теория ныне критикуется многими зарубежными медиевистами (Р. Бутрюш, Э. Дюпон, Ф. Веркотерен, Д. Луццатто, К. Чиполла и др.), которые опровергают тезис А. Пиренна о чисто торговом происхождении городов.

В современной буржуазной историографии большое значение придается археологическим данным, топографии и планам средневековых городов (Ф. Гансгоф, Планиц, Э. Эннен, Ф. Веркотерен и др.). Но эти данные без рассмотрения социально-экономических условий, породивших город, не дают ответа на вопрос о причинах возникновения средневекового города и его характере. В некоторых же случаях эти данные неправомерно используются для возрождения теории римского континуитета средневековых городов, которая отвергает связь их возникновения с закономерностями эволюции феодального общества. Буржуазная наука, хотя и накопила большой фактический материал по истории городов, в силу своей идеалистической методологии оказалась не в состоянии выработать научное понимание города той эпохи как центра ремесла и торговли, а процесса его возникновения — как результата развития общественного разделения труда — отделения ремесла от сельского хозяйства.

Возникновение городов — центров ремесла и торговли

Конкретно-исторические пути возникновения городов весьма разнообразны. Уходившие и бежавшие из деревень крестьяне-ремесленники селились в различных местах в зависимости от наличия благоприятных условий для занятия ремеслом. Иногда, особенно в Италии и Южной Франции, это были административные, военные и церковные центры раннего средневековья, нередко располагавшиеся в старых римских городах. Теперь эти старые города возрождались к новой жизни, но уже в качестве городов иного, феодального типа. Многие из этих пунктов были укреплены, что обеспечивало ремесленникам необходимую безопасность.

Сосредоточение же в этих центрах значительного населения — феодалов с их слугами и многочисленной свитой, духовных лиц, представителей королевской и местной администрации и др. — создавало здесь благоприятные условия для сбыта ремесленникам своих изделий. Но чаще, особенно в Северо-Западной и Центральной Европе, ремесленники селились вблизи больших феодальных владений, вотчин, усадеб, замков, у стен монастырей, обитатели которых, а также богомольцы и паломники, посещавшие монастыри, могли явиться потребителями их товаров. Селились ремесленники и в населенных пунктах, лежащих на пересечении важных дорог, у речных переправ и мостов, в устьях рек, на берегах удобных для стоянки кораблей бухт, заливов и т. п., которые издавна являлись местами традиционных торжищ. Такие «рыночные местечки» (в некоторых странах они назывались «портами») при значительной концентрации там населения и ремесленного производства также превращались в города.

Рост городов в разных областях Западной Европы происходил разными темпами. Раньше всего — в IX в. — города как центры ремесла и торговли появились в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Бари, Неаполь, Амальфи); в X в. — на юге Франции (Марсель, Арль, Нарбонн, Монпелье, Тулуза и др.). В этих областях, уже знавших развитое классовое общество (Римская империя), раньше, чем в других, рост производительных сил на основе развития феодальных отношений привел к отделению ремесла от сельского хозяйства, а также к обострению классовой борьбы в деревне и массовым побегам крепостных.

Одним из факторов, содействовавших раннему возникновению и росту итальянских и южнофранцузских городов, были торговые связи Италии и Южной Франции с Византией

и более развитыми в то время странами Востока. Наконец, известную роль сыграло здесь и сохранение остатков многочисленных римских городов и крепостей, где беглые крестьяне легче, чем в необжитых местах, могли найти приют, защиту, традиционные рынки, рудименты римского муниципального права.

В X—XI вв. стали возникать города в Северной Франции, в Нидерландах, в Англии и в Германии — по Рейну и по верхнему Дунаю. Фландрские города — Брюгге, Ипр, Гент, Лилль, Дуэ, Аррас и др. — славились производством тонких сукон, которыми они снабжали многие страны Европы. В этих областях лишь немногие города возникали на местах старых (римских), большинство основывалось заново. Позднее — в XII—XIII вв. — стали расти феодальные города на северных окраинах и во внутренних областях Зарейнской Германии, в Скандинавских странах, а также в Ирландии, Венгрии и Дунайских княжествах, т. е. там, где развитие феодальных отношений происходило более медленно. Здесь все города являлись новообразованиями, вырвавшимися, как правило, из «рыночных местечек» и «портов».

Сеть городов в Западной и Центральной Европе была неравномерной. Особенной густоты она достигала в Северной и Средней Италии, а также во Фландрии и Брабанте. Но и в других странах и регионах количество городов, включая мелкие городки, было таково, что крестьянин мог добраться до какого-либо из них в течение одного дня.

При всем различии места, времени и конкретных условий возникновения того или иного города оно всегда являлось результатом общего для всей средневековой Европы экономического процесса — общественного разделения труда между ремеслом и земледелием и развития на этой основе товарного производства и обмена.

Процесс этот имел длительный характер и не был завершен в рамках феодальной общественной формации. Однако в X—XIII вв. он протекал особенно интенсивно и привел к важному качественному сдвигу в развитии феодального общества.

Простое товарное хозяйство при феодализме

Товарное производство и связанный с ним обмен, концентрировавшийся в городах, стали играть огромную роль в развитии производительных сил не только в самих городах, но и в деревне. Натуральное хозяйство непосредственных производителей — крестьян — постепенно втягивалось в товарные отношения, создавались условия для развития внутреннего рынка на основе дальнейшего общественного разделения труда и специализации отдельных районов и отраслей хозяйства (земледелие, скотоводство, горное дело, разные виды ремесла).

Товарное производство средних веков не следует отождествлять с капиталистическим или видеть в нем прямые истоки последнего, как это делают многие буржуазные историки (А. Пиренн, А. Допш и многие другие). Это было простое (некапиталистическое) товарное производство и хозяйство, основанное на собственном труде мелких обособленных товаропроизводителей — ремесленников и крестьян, все более втягивавшихся в товарный обмен, но не эксплуатировавших в широких масштабах чужого труда. Такое производство в отличие от капиталистического имело мелкий характер, вовлекало в рыночные отношения лишь небольшую часть общественного продукта, обслуживало сравнительно узкий рынок и не знало расширенного воспроизводства.

Простое товарное производство возникло и существовало задолго до капитализма и до феодализма, приспособляясь к условиям разных общественных формаций и подчиняясь им. В той форме, в какой оно было присуще феодальному обществу, товарное производство выросло на его почве и зависело от господствующих в нем условий, развивалось вместе с ним, подчиняясь общим закономерностям его эволюции. Лишь на определенном этапе существования феодального общества, в условиях отделения мелких самостоятельных производителей от средств производства и превращения рабочей силы в товар в массовом масштабе — простое товарное производство стало перерастать в капиталистическое. До

этого времени оно оставалось органическим и неотъемлемым элементом экономики и социального строя феодального общества, так же как средневековый город — главным центром товарного производства и обмена в феодальном обществе.

Население и внешний вид средневековых городов

Основное население городов составляли люди, занятые в сфере производства и обращения товаров: ремесленники разных специальностей сначала одновременно являвшиеся и мелкими торговцами. Значительные группы людей были заняты в сфере обслуживания: матросы торговых судов, возчики и носильщики, трактирщики, цирюльники, содержатели постоялых дворов.

Горожане, предки которых обычно были выходцами из деревни, еще долго сохраняли свои поля, пастбища и огороды как вне, так и внутри города, держали скот. Отчасти это объяснялось недостаточной товарностью сельского хозяйства в XI—XIII вв.

Постепенно в городах появились профессиональные торговцы — купцы из местных жителей. Это был новый общественный слой, сферой деятельности которого стал только обмен товаров. В отличие от странствующих купцов раннего средневековья они занимались преимущественно внутренней торговлей, осуществляли обмен товаров между городом и деревней. Отделение купеческой деятельности от ремесленной было новым шагом в общественном разделении труда. В крупных городах, особенно в политико-административных центрах, часто жили феодалы со своим окружением (слугами, военными отрядами), представители королевской и сеньориальной администрации, а также духовенство. Уже в XII—XIII вв. в больших городах значительную часть населения составляли бедняки, жившие случайными заработками (поденщики, временные работники по найму), а также нищенством и воровством.

Размеры западноевропейских средневековых городов были весьма невелики. Обычно их население исчислялось 1 или 3—5 тыс. жителей. Даже в XIV—XV вв. большими считались города с 20—30 тыс. жителей. Только немногие города имели население, превышающее 80—100 тыс. человек (Париж, Милан, Венеция, Флоренция, Кордова, Севилья).

Средневековые города отличались от окружавших их деревень по своему внешнему виду и по степени концентрации населения. Они были обычно окружены высокими каменными, иногда деревянными стенами с башнями и массивными воротами, а также глубокими рвами для защиты от нападения феодалов и нашествия неприятеля. Ремесленники и купцы несли сторожевую службу и составляли городское военное ополчение. Городские ворота на ночь закрывались. Стены, окружавшие средневековый город, со временем становились тесными и не вмещали всех городских построек. Вокруг стен, образывавших первоначальный центр города (бург, сите), постепенно возникали городские предместья — посады, слободы, населенные главным образом ремесленниками. Ремесленники одной профессии жили обычно на одной улице. Предместья позднее, в свою очередь, обносились новым кольцом стен и укреплений. Центральным местом в городе была рыночная площадь, неподалеку от которой располагался городской собор, а в городах, где было самоуправление горожан, — еще и городская ратуша (городской совет).

За городскими стенами, а иногда и в их границах, лежали поля, пастбища, огороды, принадлежавшие горожанам. Мелкий скот (козы, овцы и свиньи) нередко пасся прямо в городе. Стены мешали городу расти вширь, поэтому улицы делались крайне узкими, дома (часто деревянные) тесно примыкали друг к другу, верхние их этажи нередко выдавались в виде выступов над нижними и крыши домов, расположенных на противоположных сторонах улицы, чуть ли не соприкасались друг с другом. В узкие и кривые городские улицы часто не проникали лучи солнца. Уличного освещения не существовало. Мусор, остатки пищи и нечистоты обычно выбрасывались прямо на улицу. Вследствие

антисанитарного состояния в городах вспыхивали эпидемии, случались опустошительные пожары.

Борьба городов с феодальными сеньорами и складывание городского самоуправления

Средневековые города возникали на земле феодала и поэтому неизбежно должны были ему подчиняться. Большинство горожан сначала составляли крестьяне, издавна жившие на этом месте, бежавшие от своих прежних господ или отпущенные ими на оброк. Нередко сначала они оказывались в личной зависимости от нового господина — сеньора города. В руках сеньора первоначально сосредоточивалась вся власть в городе. Феодал был заинтересован в возникновении городов на своей земле, так как городские промыслы и торговля приносили ему дополнительный доход.

Бывшие крестьяне, селившиеся в возникавших городах, приносили с собой из деревни обычаи и навыки существовавшего там общинного устройства, которые оказали заметное влияние на организацию городского самоуправления в средние века. Со временем она, однако, все больше принимала формы, соответствующие особенностям и потребностям самого городского общества.

Стремление феодалов извлечь из города как можно больше доходов неизбежно приводило к борьбе между городами и сеньорами, происходившей повсюду в Западной Европе в X—XIII вв. Горожане вели борьбу сначала за освобождение от наиболее тяжелых форм феодального гнета, за сокращение поборов сеньора, за торговые привилегии. Позднее она перерастала в политическую борьбу за городское самоуправление, которую в литературе принято называть «коммунальным движением». Исход этой борьбы определял степень независимости города по отношению к феодальному сеньору, его экономическое процветание и политический строй. Однако борьба городов с сеньорами велась не против феодального строя в целом, а за то, чтобы обеспечить существование и развитие городов в рамках этого строя.

Иногда городам удавалось за деньги получить от феодала отдельные вольности и привилегии, зафиксированные в городских хартиях; в других случаях эти привилегии, особенно права самоуправления, достигались в результате длительной, иногда вооруженной борьбы.

Коммунальные движения протекали в различных странах Европы по-разному, в зависимости от условий их исторического развития, и приводили к различным результатам. В Северной и Средней Италии, а также в Южной Франции, где в IX—XII вв. не было сильной центральной власти, горожане добились независимости уже в эти столетия. Многие города Северной и Средней Италии — Венеция, Генуя, Флоренция, Сиена, Лукка, Равенна, Болонья, Милан и др. — уже в это время стали городами-государствами. Фактически самостоятельной городской республикой являлся славянский город Дубровник на Далматинском побережье Адриатики, хотя номинально он признавал верховную власть сначала Византии, затем Венеции, а с конца XIV в. — Венгрии.

Сходное положение в Германии занимали в XII—XIII вв. наиболее значительные из так называемых имперских городов — «вольные города». Формально они подчинялись императору, но на деле были независимыми городскими республиками (Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Франкфурт-на-Майне и др.). Они управлялись городским советом во главе с бургомистром, имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир, чеканить монету и т. д.

Многие города Северной Франции — Амьен, Сен-Кантен, Нуай-он, Бовэ, Суассон, Лан и др., а также Фландрии — Гент, Брюгге, Ипр, Лилль, Дуэ, Сент-Омер, Аррас — в результате упорной, часто вооруженной борьбы со своими феодальными сеньорами стали самоуправляющимися городами-коммунами. Они могли выбирать из своей среды городской совет, его главу — мэра — и других городских должностных лиц, имели

собственный городской суд и городское военное ополчение, свои финансы и право самообложения. Города-коммуны освобождались от выполнения барщины и оброка в пользу сеньора и от других сеньориальных платежей. Взамен всех этих повинностей и платежей горожане ежегодно уплачивали сеньору определенную, сравнительно невысокую денежную ренту и в случае войны выставляли в помощь ему небольшой военный отряд. Города-коммуны нередко сами выступали как коллективный сеньор по отношению к крестьянам, жившим на окружающей город территории. С другой стороны, по отношению к своему сеньору города, сохранившие определенную зависимость от него, формально находились на положении его коллективного вассала.

Но некоторые даже весьма значительные и богатые города, особенно стоявшие на королевской земле, в странах с относительно сильной центральной властью не могли добиться полного самоуправления. Они пользовались рядом привилегий и вольностей, в том числе и правом иметь свои выборные органы городского самоуправления. Но эти органы действовали совместно с чиновником, назначаемым королем или иным сеньором (например, Париж, Орлеан, Бурж, Лоррис, Нант, Шартр и многие другие — во Франции; Лондон, Линкольн, Ипсвич, Оксфорд, Кембридж, Глостер, Норидж, Йорк — в Англии). Эта форма городского самоуправления была характерна также для Ирландии, Скандинавских стран, многих городов Германии и Венгрии. Привилегии и вольности, получаемые средневековыми городами, во многом были схожи с иммунитетными привилегиями, носили феодальный характер. Сами эти города составляли замкнутые «корпорации» долгое время превыше всего ставившие местные городские интересы.

Многие, особенно мелкие, города, не обладавшие необходимыми силами и денежными средствами для борьбы со своими сеньорами, оставались целиком под управлением сеньориальной администрации. Это, в частности, характерно для городов, принадлежавших духовным сеньорам, которые особенно тяжело угнетали своих горожан.

При всем различии результатов борьбы городов с их сеньорами в одном они совпадали. Все горожане добились личного освобождения от крепостной зависимости. В средневековой Европе установилось правило, согласно которому бежавший в город крепостной крестьянин, прожив там определенный срок (в Германии и Англии обычно один год и один день), также становился свободным. «Городской воздух делает свободным» — гласила средневековая пословица.

Городское ремесло. Цехи

Производственную основу средневекового города составляло ремесло. Ремесленник, подобно крестьянину, был мелким производителем, который владел орудиями производства, вел самостоятельно свое частное хозяйство, основанное на личном труде. «Приличное его положению существование, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое...» являлось целью труда ремесленника. Но в отличие от крестьянина специалист-ремесленник, во-первых, с самого начала был товаропроизводителем, вел товарное хозяйство; во-вторых, он не нуждался в земле как средстве производства, поэтому в городском ремесле внеэкономическое принуждение в виде личной зависимости непосредственного производителя от феодала не было необходимостью и быстро исчезало в процессе роста города. Здесь имели место, однако, другие виды внеэкономического принуждения, связанные с цеховой организацией ремесла и корпоративно-сословным, феодальным в своей основе, характером городского строя (цеховое принуждение, цеховая и торговая регламентация и т. п.). Но это принуждение исходило не от феодала, а от самих горожан.

Характерной особенностью средневекового ремесла в Западной Европе была его цеховая организация — объединение ремесленников определенной профессии в пределах данного города в особые союзы — цехи, ремесленные гильдии. Цехи появились почти одновременно с самими городами: в Италии — уже с X в., во Франции, Англии и Германии

— с XI — начала XII в.,—хотя окончательное оформление цехов (получение специальных хартий от королей и других сеньоров, составление и запись цеховых уставов) происходило, как правило, позже.

Цехи возникли как организации самостоятельных мелких товаропроизводителей — городских ремесленников, нуждавшихся в объединении для борьбы против феодалов и в защите своего производства и доходов от конкуренции постоянно прибывавших в город выходцев из деревни. В числе причин, обусловивших необходимость образования цехов, Маркс и Энгельс отмечали также потребность ремесленников в общих рыночных помещениях для продажи товаров и необходимость охраны общей собственности ремесленников; Главная функция цехов — установление контроля над производством и продажей ремесленных изделий. Объединение ремесленников в цехи было обусловлено достигнутым в то время уровнем развития производительных сил и всей феодально-сословной структурой общества. Образцом для цеховой организации служил отчасти также строй сельской общины-марки.

Объединенные в цехи ремесленники являлись непосредственными производителями и собственниками средств производства. Каждый из них работал в своей собственной отдельной мастерской, со своими инструментами и сырьем. Он «срастался со своими средствами производства», по выражению Маркса, «настолько же тесно, как улитка с раковиной»¹. Ремесло, как правило, передавалось по наследству. Многие поколения ремесленников работали при помощи таких же орудий и такими же способами, как и их деды и прадеды. Внутри ремесленной мастерской почти не существовало разделения труда. Оно осуществлялось путем выделения новых ремесленных специальностей, оформлявшихся в виде отдельных цехов, число которых увеличивалось с ростом разделения труда. Во многих городах цехи насчитывались десятками, а в наиболее крупных — даже сотнями.

Ремесленнику обычно помогала в работе его семья. Вместе с ним часто работали один или два подмастерья и один или несколько учеников. Но членом цеха являлся только мастер, владелец ремесленной мастерской. Одной из важных функций цеха было регулирование отношений мастеров с подмастерьями и учениками. Мастер, подмастерье и ученик стояли на разных ступенях цеховой иерархии. Предварительное прохождение двух низших ступеней было обязательным для всякого, желавшего вступить в цех и стать его членом. В первый период развития цехов каждый ученик мог сделаться через несколько лет подмастерьем, а подмастерье — мастером. В большинстве городов принадлежность к цеху являлась обязательным условием для занятия ремеслом, т. е. устанавливалась цеховая монополия на данный вид ремесла. В Германии она называлась *Zunftzwang* — цеховое принуждение. Этим устранялась возможность конкуренции со стороны не входивших в цех ремесленников, которая в условиях весьма узкого в то время рынка и относительно незначительного спроса была опасна для многих производителей.

Члены каждого цеха были заинтересованы в том, чтобы их изделиям был обеспечен беспрепятственный сбыт. Поэтому цех строго регламентировал производство и через специально избранных цеховых должностных лиц следил за тем, чтобы каждый мастер — член цеха выпускал продукцию определенного вида и качества. Цех предписывал, например, какой ширины и цвета должна быть изготавливаемая ткань, сколько нитей должно быть в основе, каким следует пользоваться инструментом и материалом и т. д. Регламентация производства служила и другим целям: будучи объединением самостоятельных мелких товаропроизводителей, цех ревностно следил за тем, чтобы производство всех его членов сохраняло мелкий характер, чтобы никто из них не вытеснял бы других мастеров с рынка, выпуская больше продукции. С этой целью цеховые уставы строго ограничивали число подмастерьев и учеников, которых мог иметь у себя один мастер, запрещали работу в ночное время и в праздничные дни, ограничивали количество станков, на которых мог работать ремесленник, регулировали запасы сырья, цены на ремесленные изделия и т. п.

Цеховая организация ремесла в городах была одним из проявлений их феодальной природы: «... феодальной структуре землевладения соответствовала в городах корпоративная собственность, феодальная организация ремесла». Такая организация создавала в средневековом обществе наиболее благоприятные условия для развития производительных сил, товарного производства в городах до определенного времени. В рамках цехового производства было возможно дальнейшее развитие и углубление общественного разделения труда в форме выделения все новых и новых ремесленных цехов. Цеховой строй содействовал расширению ассортимента и повышению качества производимых товаров. В этот первый период своего существования цехи способствовали постепенному, хотя и медленному совершенствованию орудий ремесленного производства и навыков ремесленного труда.

Поэтому примерно до конца XIV — начала XV в. цехи в Западной Европе играли прогрессивную роль. Они охраняли ремесленников от чрезмерной эксплуатации со стороны феодалов, при чрезвычайной узости тогдашнего рынка обеспечивали существование городских мелких производителей, смягчая конкуренцию между ними и защищая их от конкуренции прибывавших в города сельских ремесленников.

Таким образом, в период расцвета феодального способа производства, как заметил К. Маркс, «привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему общественному строю, из которого эти учреждения вышли».

Цеховая организация не ограничивалась осуществлением ее наиболее важных социально-экономических функций, но охватывала все стороны жизни городского ремесленника. Цехи играли важную роль в деле объединения горожан для борьбы с феодальными сеньорами, а затем с господством патрициата. Цех являлся военной организацией, участвовавшей в охране города и выступавшей как отдельная боевая единица в случае войны. Цех имел своего «святого», день которого он праздновал, свои церкви или часовни, являясь своеобразной религиозной организацией. Цех был также и организацией взаимопомощи ремесленников, обеспечивавшей помощь своим нуждающимся членам и их семьям в случае болезни или смерти члена цеха.

Цеховая система в средневековой Европе все же не была универсальной. В ряде стран она была сравнительно мало распространена и не везде достигла завершенной формы. Наряду с ней в некоторых странах существовало так называемое «свободное ремесло» (например, на юге Франции и в некоторых других областях). Но и в тех городах, где господствовало «свободное ремесло», имела место регламентация производства и защита монополии городских ремесленников, осуществлявшаяся органами местного самоуправления.

Борьба цехов с городским патрициатом

Борьба городов с феодальными сеньорами привела в подавляющем большинстве случаев к переходу в той или иной степени городского управления в руки горожан. Но в городах к этому времени существовала уже заметное социальное расслоение. Поэтому, хотя борьба с феодальными сеньорами велась силами всех горожан, пользовалась ее результатами обычно верхушка городского населения — домовладельцы, землевладельцы, в том числе и феодального типа, ростовщики, богатые купцы-оптовики, занятые транзитной торговлей.

Этот верхний, привилегированный слой представлял собой узкую, замкнутую группу — наследственную городскую аристократию (патрициат), которая с трудом допускала в свою среду новых членов. Городской совет, глава города, а также городская судебная коллегия (шеффены, эшевены, скабины) выбирались только из числа лиц принадлежавших к патрициату. Вся городская администрация, суд и финансы, в том числе

налогообложение, находились в руках городской верхушки, использовались в ее интересах и в ущерб интересам широких масс торгово-ремесленного населения города.

Но по мере того, как развивалось ремесло и крепло значение цехов, ремесленники, мелкие торговцы, городские бедняки вступали в борьбу с городским патрициатом за власть в городе. В XIII—XV вв. эта борьба развернулась почти во всех странах средневековой Европы и часто принимала очень острый характер, вплоть до вооруженных восстаний. В одних городах, где большое развитие получило ремесленное производство, победили цехи (например, в Кёльне, Аугсбурге, во Флоренции). В других, где ведущую роль играли торговля широкого масштаба и купечество, победителем из борьбы вышла городская верхушка (так было, например, в Гамбурге, Любеке, Росточе и других городах Ганзейского союза). Но и там, где побеждали цехи, управление городом не становилось подлинно демократическим, так как зажиточная верхушка наиболее влиятельных цехов объединялась после своей победы с частью патрициата и устанавливала новое олигархическое управление, действовавшее в интересах наиболее богатых горожан.

Начало разложения цехового строя

В XIV—XV вв. роль цехов во многом изменилась. Их консерватизм и рутинность, стремление сохранить и увековечить мелкое производство, традиционные приемы и орудия труда, помешать техническим усовершенствованиям из боязни конкуренции превратили цехи в тормоз технического прогресса и дальнейшего роста производства.

Однако по мере роста производительных сил и расширения внутреннего и внешнего рынка конкуренция между отдельными ремесленниками внутри цеха все больше и больше росла. Отдельные ремесленники вопреки цеховым уставам расширяли свое производство, в цехах развивалось имущественное и социальное неравенство. Владельцы более крупных мастерских начинали практиковать сдачу работы более бедным мастерам, снабжали их сырьем или полуфабрикатами и получали готовые изделия. Из среды прежде единой массы мелких ремесленников и торговцев постепенно выделилась зажиточная цеховая верхушка, эксплуатировавшая мелких мастеров — непосредственных производителей.

Расслоение внутри цехового ремесла находило выражение в разделении цехов на более зажиточные и богатые («старшие», или «большие», цехи) и более бедные («младшие», или «малые», цехи). Такое разделение имело место, в первую очередь, в наиболее крупных городах: во Флоренции, Перудже, Лондоне, Бристоле, Париже, Базеле и др. «Старшие», экономически более сильные цехи устанавливали свое господство над «младшими», подвергая их эксплуатации. Это вело иногда к утрате членами младших цехов своей экономической самостоятельности и превращению их по своему фактическому положению в наемных рабочих.

Положение учеников и подмастерьев; их борьба с мастерами

В положение эксплуатируемых со временем попали также ученики и подмастерья. Это было связано с тем, что средневековое ремесло, основанное на ручном труде, требовало очень продолжительного времени для обучения. В разных ремеслах и цехах этот срок колебался от 2 до 7 лет, а в отдельных цехах достигал 10—12 лет. При таких условиях мастер мог с большой выгодой очень долго пользоваться бесплатным трудом своего уже достаточно квалифицированного ученика.

Цеховые мастера эксплуатировали и подмастерьев. Продолжительность их рабочего дня была обычно очень велика — 14—16, а иногда и 18 часов. Судил подмастерьев цеховой суд, в котором заседали опять-таки мастера. Цехи контролировали быт подмастерьев и учеников их времяпровождение, траты, знакомства. В XIV—XV вв., когда начался упадок и разложение цехового ремесла, эксплуатация учеников и подмастерьев заметно усилилась и главное — приобрела фактически постоянный характер. В начальный период

существования цеховой системы ученик, пройдя стаж ученичества и став подмастерьем, а затем проработав некоторое время у мастера и накопив небольшую сумму денег, мог рассчитывать стать мастером. Теперь же доступ ученикам и подмастерьям к положению мастера был фактически закрыт. Стремясь отстоять свои привилегии в условиях растущей конкуренции, мастера стали ставить им всякие преграды на этом пути.

Началось так называемое замыкание цехов, звание мастера стало практически доступным для подмастерьев и учеников только в том случае, если они являлись близкими родственниками мастеров. Другие же, чтобы получить звание мастера, должны были уплатить очень крупный вступительный взнос в кассу цеха, выполнить образцовую работу—«шедевр» — из дорогого материала, устроить дорогое угощение для членов цеха и т. д. Подмастерья таким образом превращались в «вечных подмастерьев», т.е. по сути дела в наемных рабочих.

Для защиты своих интересов они создают особые организации — «братства», «компаньонажи», являющиеся союзами взаимопомощи и организациями для борьбы с цеховыми мастерами. В борьбе с ними подмастерья выдвигают экономические требования, добиваются повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Для достижения своей цели они прибегают к таким острым формам классовой борьбы, как забастовка и бойкот в отношении наиболее ненавистных мастеров.

Ученики и подмастерья составляли самую организованную и передовую часть довольно широкого в городах XIV—XV вв. слоя наемных работников. В его состав входили также внецеховые поденщики, разного рода неорганизованные рабочие, ряды которых постоянно пополнялись приходившими в города крестьянами, потерявшими землю, а также обедневшими членами цехов — мелкими ремесленниками. Последние, попадая в зависимость от разбогатевших крупных мастеров, отличались от подмастерьев только тем, что работали у себя на дому. Не являясь рабочим классом в современном смысле слова, этот слой составлял уже элемент предпролетариата, полностью сформировавшегося позднее, в период широкого и повсеместного развития мануфактуры.

По мере развития и обострения социальных противоречий внутри средневекового города эксплуатируемые слои городского населения начали открыто выступать в против стоявшей у власти городской верхушки, в состав которой теперь во многих городах входила наряду с патрициатом и цеховая аристократия. В эту борьбу включался и самый низший в бесправный слой городского населения: люди, лишенные определенных занятий и постоянного местожительства, деклассированные элементы, находившиеся вне феодально-сословной структуры, — они составляли городское плебейство.

В XIV—XV вв. низшие слои городского населения поднимают восстания против городской олигархии и цеховой верхушки в ряде городов Западной Европы — во Флоренции, Перудже, Сиене, Кельне и др. В этих восстаниях, бывших наиболее острыми проявлениями социальных противоречий внутри средневекового города, особенно значительную и прогрессивную роль играли наемные рабочие.

Таким образом, в социальной борьбе, развернувшейся в средневековых городах Западной Европы, можно различить три основных этапа. Сначала вся масса горожан боролась против феодальных сеньоров за освобождение городов от их власти. Затем цехи повели борьбу с городским патрициатом. Позднее же развернулась борьба городского плебейства против эксплуатирующих и угнетающих его богатых мастеров и купцов, а также против городской олигархии.

Складывание и рост городского сословия

В процессе развития городов, роста ремесленных и купеческих корпораций, борьбы горожан с феодалами и внутренних социальных конфликтов в их среде в феодальной Европе складывалось особое средневековое сословие горожан.

В экономическом отношении новое сословие было связано в той или иной мере с ремесленно-торговой деятельностью, с собственностью, в отличие от других видов собственности при феодализме, «основанной только на труде и обмене». В политико-правовом отношении все члены этого сословия пользовались рядом специфических привилегий и вольностей (личная свобода, подсудность городскому суду, участие в городском ополчении), составлявших статус полноправного горожанина. Первоначально городское сословие отождествлялось с понятием «бюргерство», когда словом «бюргер» в ряде стран Европы обозначали всех городских жителей (от германского «burg» — город, откуда произошло средневековое латинское «burg-gensis», и от французского термина «bourgeoisie», идущего от средних веков и сначала означавшего «горожанин»). По своему имущественному и социальному положению городское сословие средних веков не было единым. Внутри него существовали, с одной стороны, городская патрициат, с другой — слой состоятельных купцов и ремесленников и, наконец, городское плебейство. По мере развития этого расслоения в городах термин «бюргер» постепенно менял свое значение. Уже в XII—XIII вв. он стал применяться только для обозначения «полноправных», наиболее зажиточных горожан, в число которых не могли попасть представители плебейства, устраненные от городского самоуправления. В XIV — XV вв. этим термином обычно обозначались лишь богатые и зажиточные торгово-ремесленные слои города, из которых позднее вырастали первые элементы буржуазии.

Население городов занимало особое место в социально-политической жизни феодального общества. Нередко оно выступало как единая сила в борьбе с феодалами (иногда в союзе с королем). Позднее городское сословие стало играть заметную роль в сословно-представительных собраниях.

Таким образом, жители средневековых городов не составляли единого класса или социально монолитного слоя, но конституировались как сословие. Их разобщенность усиливалась господством корпоративного строя внутри городов. Преобладание в каждом городе локальных интересов, которые порой усиливались торговым соперничеством между городами, также препятствовало их совместным действиям как сословия в масштабе целой страны.

Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе

Рост городов в Западной Европе способствовал в XI—XV вв. значительному развитию внутренней и внешней торговли. Города, в том числе и небольшие, прежде всего формировали местный рынок, где осуществлялся обмен с сельской округой, закладывались основы для складывания единого внутреннего рынка.

Но в период развитого феодализма более крупную роль по объему и стоимости продаваемой продукции продолжала играть дальняя, транзитная торговля, осуществляемая в основном купцами, не связанными с производством.

В XIII—XV вв. такая межрегиональная торговля в Европе была сосредоточена в основном в двух районах. Одним из них являлось Средиземноморье, служившее связующим звеном в торговле западноевропейских стран — Испании, Южной и Центральной Франции, Италии — между собой, а также с Византией и странами Востока. С XII—XIII вв., особенно в связи с крестовыми походами, первенство в этой торговле от византийцев и арабов перешло к купцам Генуи и Венеции, Марселя и Барселоны. Главными объектами торговли здесь были вывозимые с Востока предметы роскоши, пряности, отчасти верно и вино; на Восток вывозились помимо прочих товаров и рабы.

Другой район европейской торговли охватывал Балтийское и Северное моря. В ней принимали участие северо-западные области Руси (особенно Новгород, Псков и Полоцк), Прибалтика (Рига), Северная Германия, Скандинавские страны, Фландрия, Брабант и Северные Нидерланды, Северная Франция и Англия. В этом районе торговали товарами

более широкого потребления: главным образом рыбой, солью, мехами, шерстью, сукнами, льном, пенькой, воском, смолой, лесом (особенно корабельным), а с XV в. — хлебом.

Связи между этими двумя районами международной торговли осуществлялись по торговому пути, который шел через альпийские перевалы, а затем по Рейну, где было много крупных городов, втянутых в эту транзитную торговлю. Большую роль в торговле, в том числе международной, играли ярмарки, получившие широкое распространение во Франции, Италии, Германии, Англии уже в XI—XII вв. Здесь велась оптовая торговля товарами повышенного спроса: шерстью, кожами, сукнами, льняными тканями, металлами и изделиями из них, зерном. На ярмарках во французском графстве Шампань в XII—XIII вв., длившихся почти круглый год, встречались купцы из многих стран Европы. Венецианцы и генуэзцы доставляли туда дорогие восточные товары. Фламандские купцы и купцы из Флоренции привозили хорошо выделанные сукна, купцы из Германии — льняные ткани, чешские купцы — сукна, кожи и изделия из металла, из Англии доставлялись шерсть, олово, свинец и железо. В XIV—XV вв. главным центром европейской ярмарочной торговли стал Брюгге (Фландрия).

Масштабы тогдашней торговли не следует преувеличивать: она тормозилась господством в деревне натурального хозяйства, а также беззакониями феодалов и феодальной раздробленностью. Пошлины и всякого рода поборы взимались с купцов при переезде из владений одного сеньора в земли другого, при переправе через мосты и даже речные броды, при проезде по реке, протекавшей во владениях того или иного сеньора.

Знатнейшие рыцари и даже короли не останавливались и перед разбойничьими нападениями на купеческие караваны. Тем не менее постепенный рост товарно-денежных отношений и обмена создавал возможность накопления денежных капиталов в руках у отдельных лиц - прежде всего купцов и ростовщиков. Накоплению денежных средств содействовали также операции по обмену денег, необходимые в средние века вследствие бесконечного разнообразия монетных систем и монетных единиц, поскольку деньги чеканили не только императоры и короли, но и все сколько-нибудь видные сеньоры и епископы, а также крупные города.

Для обмена одних денег на другие и установления ценности той или иной монеты выделилась особая профессия менял. Менялы занимались не только разменными операциями, но и переводами денежных сумм, из чего возникали кредитные операции. С этим было обычно связано и ростовщичество. Разменные операции и операции по кредиту вели к созданию специальных банковских контор. Первые такие банковские конторы возникли в городах Северной Италии — в Ломбардии. Поэтому слово «ломбардец» в средние века стало синонимом банкира и ростовщика и сохранилось позднее в наименовании ломбардов.

Крупнейшим ростовщиком в средние века была католическая церковь. Самые крупные кредитные и ростовщические операции осуществляла римская курия, в которую стекались громадные денежные средства из всех европейских стран.

Зачатки капиталистической эксплуатации в городском ремесленном производстве

Успехи развития внутренней и внешней торговли к концу XIV—XV вв. способствовали накоплению в руках купеческой верхушки городов значительных средств и образованию торгового капитала. Торговый, или купеческий (как и ростовщический), капитал старше капиталистического способа производства и представляет собой древнейшую свободную форму капитала. Он действует в сфере обращения, обслуживая обмен товаров и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществах. Но на определенном уровне развития товарного производства при феодализме, в условиях начавшегося разложения цехового ремесла торговый капитал стал постепенно проникать в сферу производства. Обычно это выражалось в том, что купец закупал оптом сырье и перепродавал его ремесленникам, а затем скупал у них готовые изделия для дальнейшей

продажи. В результате малообеспеченный ремесленник попадал в зависимое от купца положение, и ему ничего другого не оставалось, как продолжать работу на купца-скупщика, но уже не в качестве самостоятельного товаропроизводителя, а в качестве фактически наемного рабочего (хотя иногда он продолжал работать по-прежнему в своей мастерской). Это проникновение в производство торгово-ростовщического капитала и послужило одним из источников зарождавшейся в период разложения средневекового ремесленного производства капиталистической мануфактуры.

Другим зародышем капиталистического производства в городах было отмеченное выше превращение массы учеников и подмастерьев в постоянных наемных рабочих, не имеющих перспективы выбиться в мастера. Однако зарождение элементов капиталистических отношений в городах в XIV—XV вв. не следует преувеличивать: оно происходило лишь sporadически, в немногих наиболее крупных центрах (преимущественно в Италии) и в наиболее развитых отраслях производства, в основном в сукноделии. Развитие этих новых явлений раньше и быстрее происходило в тех странах и тех отраслях ремесла, где имелся широкий внешний рынок сбыта, побуждавший к расширению производства, его совершенствованию, вложению в него новых, значительных капиталов. Оно не означало еще наличия сложившегося капиталистического уклада. Характерно, что даже в крупных городах Западной Европы, в том числе в итальянских, значительная часть капиталов, накопленных в торговле и ростовщичестве, вкладывалась не в расширение промышленного производства, а в приобретение земли; владельцы этих капиталов стремились таким способом войти в состав господствующего класса феодалов.

Развитие товарно-денежных отношений и перемены в социально-экономической жизни феодального общества

Города как основные центры товарного производства и обмена оказывали все более возрастающее и многостороннее влияние на феодальную деревню. В ней все большее стали находить предметы массового потребления, изготовленные городскими ремесленниками: обувь, одежда, металлические изделия и т. д. Возрастало, хотя и медленно, вовлечение в торговый оборот сельскохозяйственной продукции — хлеба, вина, шерсти, скота и др. В обмен втягивались также изделия сельских ремесел и промыслов (особенно домотканые грубые сукна, лен, деревянные изделия и др.). Их производство все более превращалось в подсобные товарные отрасли деревенского хозяйства. Все это вело к возникновению и развитию большого числа местных рынков, что составляло в дальнейшем основу процесса образования более широкого внутреннего рынка, связывающего различные области страны более или менее прочными экономическими отношениями. Все расширявшееся втягивание крестьянского хозяйства в рыночные связи усилило рост имущественного неравенства и социальное расслоение в среде крестьянства. Из массы крестьян выделяется, с одной стороны, зажиточная крестьянская верхушка, а с другой — многочисленные деревенские бедняки, иногда вовсе безземельные живущие каким-либо ремеслом или работой по найму в качестве батраков у феодала или богатых крестьян. Часть этой бедноты подвергавшейся эксплуатации со стороны не только феодалов, но и своих более зажиточных односельчан, постоянно уходила в города в надежде найти более сносные условия. Там они вливались в массы городского плебейства. Иногда в города переселялись и зажиточные крестьяне, стремившиеся использовать накопленные в деревне средства в торгово-промышленной сфере.

В товарно-денежные отношения втягивалось не только крестьянское но и господское доменальное хозяйство, что вело к значительным изменениям во взаимоотношениях между ними. Наиболее типичным и характерным для большинства стран Западной Европы — Италии, Франции, Западной Германии и отчасти Англии — был путь, при котором в XII—XV вв. развивался процесс коммутации ренты — замены отработочной и продуктовой ренты денежными платежами. Феодалы, таким образом, перелагали на крестьян все заботы

по производству и сбыту сельскохозяйственных продуктов на рынке, обычно ближнем, местном. Такой путь развития постепенно приводил в XIII—XV вв. к ликвидации домена и раздаче всей земли феодала крестьянам в держания или в аренду полуфеодалного типа. С ликвидацией домена и коммутацией ренты было связано и освобождение основной массы крестьян от личной зависимости, которое завершилось в большинстве стран Западной Европы в XV в. Однако, несмотря на некоторые выгоды такого развития для крестьянства в целом, его экономическая эксплуатация при этом нередко возрастала; коммутация ренты и личное освобождение крестьян часто оплачивались значительным повышением их платежей в пользу феодалов.

В некоторых областях, где складывался широкий внешний рынок для сельскохозяйственных продуктов, связь с которым была по силам только феодалам (Юго-Восточная Англия, Центральная и Восточная Германия), развитие шло другим путем: здесь феодалы, напротив, расширяли домениальное хозяйство, что вело к увеличению барщины крестьян и к попыткам укрепить их личную зависимость.

Следствием общего усиления эксплуатации крестьян при этих разных путях развития был рост сопротивления крестьян феодальному гнету и обострение классовой борьбы во всех сферах жизни феодального общества. В XIV—XV вв. в ряде стран происходят крупнейшие в истории западноевропейского средневековья крестьянские восстания, отразившиеся на всем социально-экономическом и политическом развитии этих стран. К началу XV в., не без воздействия этих крупных крестьянских движений, в странах Западной Европы восторжествовал первый, более прогрессивный путь аграрной эволюции. Следствием этого явился упадок, кризис классической вотчинной системы и полное перемещение центра сельскохозяйственного производства и его связей с рынком из хозяйства феодала в мелкое крестьянское хозяйство, которое становилось все более товарным.

Кризис вотчинного хозяйства, однако, не означал общего кризиса феодальной системы. Он выражал, напротив, ее в целом удачное приспособление к изменившимся экономическим условиям, когда относительно высокий уровень товарно-денежных отношений стал подрывать натурально-хозяйственную экономику. Такая перестройка аграрной экономики феодального общества была сопряжена с рядом временных трудностей, особенно для хозяйства феодалов, — нехватка рабочих рук (в том числе держателей), запустение части пашенных земель, падение доходности многих феодальных владений.

Однако нельзя согласиться с теми зарубежными историками, которые видели в этих явлениях общий «аграрный кризис» (В. Абель), «хозяйственную депрессию» (М. Постан) или даже «кризис феодализма» (Р. Хилтон), считая главной причиной этих «кризисов» демографический фактор — убыль населения после эпидемии чумы, прокатившейся по Европе в середине XIV в. Во-первых, перечисленные явления «упадка» были не повсеместны: их не было в Нидерландах, в странах Пиренейского полуострова; в ряде других областей Европы они были выражены слабо. Во-вторых, эти явления сосуществовали с заметными успехами во многих странах крестьянского хозяйства и городского производства, особенно в XV в. Что касается «убыли» сельского населения, то она началась за несколько десятилетий до эпидемии середины XIV в. и в течение XV в. в основном восполнилась. Теория «кризисов», выдвинутая буржуазными учеными, не может быть признана состоятельной, так как она дает весьма поверхностное объяснение экономического развития Западной Европы в XIV—XV вв., игнорирует социальные основы феодального строя и общие закономерности его развития.

Действительный кризис феодализма как социальное явление даже в наиболее передовых странах Европы наступил много позже (в XVI или даже XVII вв.). Изменения же, происходившие в феодальной деревне Западной Европы в XIV—XV вв., представляли собой дальнейшую ступень эволюции феодальной формации в условиях возросшей роли товарного хозяйства.

Города и их торгово-ремесленное население оказывали повсеместно большое, хотя очень различное в разных странах, влияние и на аграрный строй и положение крестьян и феодалов, — и на развитие феодального государства (см. главы по истории отдельных стран в XI—XV вв.). Велика была роль городов и городского сословия также в развитии средневековой культуры, прогрессу которой в XII—XV вв. они немало способствовали.

Глава 8

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Предпосылки крестовых походов и их характер

Крестовые походы представляли собой захватнические войны западноевропейских феодалов в странах Восточного Средиземноморья, продолжавшиеся почти два столетия — с 1096 по 1270 г. Их организатором являлась католическая церковь, которая придавала им характер религиозных войн — борьбы христианства (символизируемого знаком креста) против мусульманства. Крестовые походы были порождены, в первую очередь, ростом агрессивности западноевропейских феодалов, их стремлением к захвату богатых земель на Востоке, к увеличению собственных доходов и богатств. Это стремление стало "особенно сильно проявляться с конца XI в. в связи с увеличением материальных потребностей класса феодалов, которое обуславливалось общим экономическим подъемом, появлением городов, установлением регулярных торговых сношений. Удовлетворить возросшие потребности при сравнительно низком уровне производства феодалам было легче всего силой оружия. В крестовых походах была заинтересована также католическая церковь, добивавшаяся расширения сферы своего влияния посредством подчинения восточных земель.

Положение, сложившееся к концу XI в. на Востоке, благоприятствовало осуществлению захватнических планов западноевропейских феодалов и церкви. В середине XI в. турки-сельджуки заняли Багдад. В 1071 г. византийские войска потерпели страшное поражение в битве при Манцикерте (Армения). После чего турки-сельджуки стали хозяевами почти всей Малой Азии. Они также захватили принадлежавший фатимидскому Египту Иерусалим, считавшийся у христиан священным городом. Это дало повод папству развернуть на Западе широкую проповедь в пользу войны с мусульманским Востоком. Были выдвинуты лозунги «помощи восточным единоверцам» и «освобождения гроба господня» (т. е. гробницы Иисуса Христа, находившейся, согласно церковной легенде, в Иерусалиме). В ход были пущены рассказы о гонениях, которым «неверные» подвергают христиан в Палестине, об оскорблениях, которые они наносят христианским святыням, и особенно о преследовании западных паломников в Иерусалиме. Призывы папства нашли сочувственный отклик в феодальном мире.

Этому способствовало и положение в Византии. Печенеги, вторгнувшиеся с севера на Балканы, нанесли византийскому императору Алексею I Комнину тяжелое поражение и подступили к стенам Константинополя. Одновременно турки-сельджуки снарядили против

него флот и вступили в переговоры с печенегами. Алексей I вынужден был обратиться к некоторым государям Западной Европы с просьбой о помощи. С этой же целью он направил послов и к папе Урбану II (1088—1099). Просьбы Алексея Комнина дали западноевропейским феодалам и церкви удобный предлог для осуществления их захватнических замыслов. Папство, преследуя свои политические цели, открыто выступило с призывом к вооруженному нападению на мусульманский Восток.

Общий характер, непосредственные военно-стратегические задачи и состав участников крестовых походов на разных этапах были различны. Первые крестовые походы являлись широким военно-колониационным движением европейцев на Ближний Восток. В нем участвовали наряду с крупными и мелкими феодалами массы крестьянства. Цели феодалов и крестьян в крестовых походах были различны. Мелкое рыцарство, испытывавшее в конце XI в. острый недостаток в земле и стеснение в денежных средствах, стремилось к захватам поместий и грабежам в восточных странах. Крупные феодалы, ограниченные в возможностях существенно повысить доходы за счет крепостных крестьян (опасаясь крестьянских побегов и восстаний), рассчитывали добиться увеличения своих владений и вместе с тем усиления своего политического влияния путем создания на Востоке новых, подвластных им государств. Напротив, крестьяне, доведенные до отчаяния непомерным феодальным гнетом, отправляясь «за море», надеялись обрести в дальних странах свободу от крепостных уз и материальный достаток, избавиться от мучительных голодовок и произвола сеньоров. В крестовых походах активно участвовало купечество североитальянских городских республик: Венеции, Генуи, Пизы, — имевшее намерение расширить и упрочить свои позиции в левантской (восточносредиземноморской) торговле.

Благодаря участию крестьянства ранние походы на Восток (до середины XII в.) были массовыми и в большой степени стихийными предприятиями. Значительную роль в них играла беднота, одурманенная церковной пропагандой. С середины XII в. крестьянство мало-помалу отходит от движения. Крестовые походы превращаются преимущественно в феодальные предприятия. С конца XII в. на первый план в них выдвинулось стремление к территориальной и торговой экспансии феодальных государств Западной Европы, их борьба с мусульманскими государствами Передней Азии и с Византией за преобладание в Восточном Средиземноморье. Религиозные мотивы постепенно утратили реальное значение, хотя формально и продолжали оставаться знаменем крестовых походов.

Вдохновителем, организатором и активным участником крестовых походов неизменно являлась католическая церковь во главе с папами. Она помогла светским феодалам объединить усилия и дала крестовым походам идеологическое обоснование, провозгласив их благочестивым делом. Папство хотело, с одной стороны, удалить из Европы рыцарскую вольницу, представлявшую постоянную угрозу для церковного землевладения, а с другой — использовать военную силу рыцарства для установления своего господства над всем христианским миром и для создания на Востоке новых владений, подконтрольных «апостольскому престолу».

Начало крестового движения

В ноябре 1095 г. папа Урбан II созвал церковный собор во французском городе Клермоне. По окончании собора он выступил с речью перед огромными толпами простого народа, рыцарей и духовенства, призывая взяться за оружие, чтобы вырвать из рук «неверных» «гроб господень». Всем участникам похода было обещано полное прощение грехов, а тем, кто погибнет, — рай. Папа указал и на земные выгоды, ожидающие крестовоцев на Востоке. «Те, кто здесь горестны и бедны, там будут радостны и богаты», — заявил он. Призыв Урбана II нашел живой отклик среди собравшихся. Его речь прерывалась криками: «Бог так хочет!» Многие тут же давали обет идти в поход, в знак чего нашивали на свою одежду кресты.

Идея похода на Восток была поддержана феодалами: война сулила им новые земли и богатую добычу. Церковь предоставила крестоносцам важные льготы. Они освобождались от уплаты долгов, а их имущество и семьи переходили под охрану церкви. Значительная часть рыцарства не была безразличной и к религиозным целям предприятия. В то время религия владела умами, и освобождение христианских святынь в Палестине символизировало в представлении феодалов подвиг, в котором их религиозные побуждения сливались с захватническими устремлениями. Речь Урбана II, упомянувшего о сказочном плодородии земель восточных стран, взбудоражила и крепостных крестьян, надеявшихся на лучшую жизнь и свободу.

После Клермонского собора проповедь войны с «неверными» развернули епископы, священники и монахи. Наибольшую популярность среди простого народа приобрел монах Петр Амьенский (Пустынник), призывавший к участию в походе простой народ в Северной и Средней Франции, а также в прирейнской Германии. Под влиянием его проповедей ранней весной 1096 г. десятки тысяч бедняков поднялись на «святое паломничество». Ими предводительствовали Петр Пустынник, разорившийся рыцарь Вальтер Голяк из Северной Франции и священник Готшалк из Рейнской области. Нестройными толпами, вооруженные лишь дубинками, косами, топорами, без запасов продовольствия участники похода шли вдоль Рейна и Дуная и далее на юг к Константинополю. Темные, изголодавшиеся крестьянские массы, к которым присоединилось немало различных авантюристов из обедневшего рыцарства, проходя через владения венгров, болгар, греков, отнимали у жителей продукты, грабили, убивали, насильничали; в прирейнских городах рыцари-грабители устраивали еврейские погромы. Местное население давало энергичный отпор неожиданным пришельцам. Крестоносцы понесли большие потери. Сильно поредевшее крестьянское войско летом 1096 г. прибыло в Константинополь, здесь оно повело себя столь же разнузданно. Алексей Комнин поспешил переправить крестьян на другой берег Босфора, в Малую Азию. Не ожидая подхода основных сил рыцарей-крестоносцев, бедняки устремились вперед. В октябре 1096 г. сельджукское войско заманило крестьянские отряды в засаду и почти полностью перебило их. Так наивные иллюзии крестьян, мечтавших совершить религиозный подвиг и добиться освобождения, разбились при первом столкновении с действительностью.

Первый крестовый поход феодалов

Летом того же года двинулись на Восток армии западноевропейских феодалов. Рыцари хорошо вооружились и запаслись припасами и деньгами, распродав или заложив часть своих владений, которые охотно скупали епископы и аббаты, расширявшие таким образом церковные поместья.

Раньше других отправились в поход феодалы из Лотарингии. Во главе их стоял герцог Годфруа Бульонский. Норманнских рыцарей Южной Италии возглавил князь Боэмунд Тарентский, который давно враждовал с Византией и мечтал основать независимое княжество на Востоке. Большая армия сформировалась в Южной Франции. Ею предводительствовал граф Раймунд Тулузский, также рассчитывавший на создание своего княжества. Рыцарей Северной и Средней Франции возглавляли герцог Роберт Нормандский, граф Этьен из Блуа и граф Роберт II Фландрский.

Феодалные войска не представляли единого целого. Отдельные отряды почти не были связаны между собой. Каждый сеньор отправлялся в поход со своей дружиной. За рыцарскими ополчениями следовали огромные толпы крестьян. Отряды шли разными путями: одни — по рейнско-дунайской дороге, другие — берегом Адриатики, третьи — через Италию, откуда морем переправлялись на Балканский полуостров. Путь крестоносцев через византийские владения сопровождался повальным грабежом местного населения.

В конце 1096 — начале 1097 г. крестоносные ополчения начали прибывать в Константинополь. Пришельцы держали себя вызывающе: грабили окрестных жителей,

глумились над византийскими обычаями. Император Алексей I, опасаясь нашествия крестоносцев, которых утонченная верхушка византийского общества не без основания считала «варварами», старался воспрепятствовать объединению их ополчений в Константинополе. В то же время он стремился использовать силы крестоносцев к выгоде Византии. Лестью, подкупом и угрозами Алексей I добился от большинства сеньоров и рыцарей вассальной присяги: они обязались вернуть империи ее земли, которые будут отвоены у турок. После этого Алексей I переправил рыцарские ополчения в Малую Азию.

В XI в. в Малой Азии сложилось несколько сельджукских государств, враждовавших друг с другом. Отсутствие политической сплоченности среди мусульман облегчило продвижение крестоносцев.

В начале 1098 г. предводитель одного из рыцарских отрядов Балдуин Фландрский завладел богатым городом Эдессой (в Северной Месопотамии) и основал первое государство крестоносцев — графство Эдесское. Тем временем главное войско крестоносцев вступило в Сирию и осадило Антиохию — один из самых крупных и хорошо укрепленных городов Восточного Средиземноморья. Крестоносцам удалось взять Антиохию только в результате измены начальника одной из крепостных башен. После долгих распрей из-за того, кому владеть разграбленным городом, феодалы согласились передать власть в нем Боэмунду Тарентскому. Так было основано второе государство крестоносцев — княжество Антиохийское.

Из Сирии войско двинулось в Палестину. Летом 1099 г. крестоносцы штурмом взяли Иерусалим, учинив в городе дикую резню и разгром. Почти десять тысяч мусульман были убиты только в одной главной мечети, где они искали убежища. Молитвы и религиозные церемонии рыцари перемежали с убийствами и грабежами. Была захвачена огромная добыча. «После великого кровопролития, — рассказывает хронист — участник похода, — крестоносцы разбрелись по домам горожан, захватывая все, что в них находили. Всякий, кто входил в дом первым ... присваивал и самый дом или дворец, и все, что в нем находилось, и владел всем этим как собственным».

Государства крестоносцев на Востоке

Вскоре после взятия Иерусалима крестоносцы овладели значительной частью восточного побережья Средиземного моря. При помощи флота венецианцев, генуэзцев и пизанцев, которые присоединились к крестоносному движению в надежде извлечь из него выгоду, они захватили многие портовые города. К началу XII в. на Востоке образовалось четыре государства крестоносцев: на территории Южной Сирии и в Палестине — королевство Иерусалимское во главе с Годом Бульонским, к северу от него — графство Триполи, княжество Антиохийское и графство Эдесское.

Поделив между собой новые владения, крестоносцы установили в них феодальные порядки, во многом схожие с теми, которые существовали на их родине. Местные крестьяне превратились в крепостных, обязанных отдавать господам в виде оброка от трети до половины урожая зерновых и определенную часть фруктов, олив, винограда. Они подвергались жестокой эксплуатации и были совершенно бесправны. Поэтому вся история государств крестоносцев заполнена непрерывной борьбой местного крестьянства против пришлых господ.

В основе политического строя крестоносных государств лежала феодальная иерархия. Первым среди сеньоров считался король Иерусалимский. В вассальной зависимости от него находились три остальных государя, но фактически они были самостоятельны. Вся территория разделялась на рыцарские феоды разной величины, владельцы которых были связаны отношениями вассалитета. Вассалы должны были нести военную службу сюзерену. При этом в отличие от западноевропейских обычаев король имел право требовать ее в течение всего года, так как государства крестоносцев постоянно находились в состоянии войны с соседями. Бароны и другие вассалы обязаны были

участвовать в заседаниях феодального совета — ассизах или куриях. Королевская курия — «высокая палата», состоявшая из крупных феодалов, одновременно являлась и феодальным судом, и военно-политическим советом. Она ограничивала королевскую власть; без ее согласия король не мог принять ни одного сколько-нибудь важного решения. Все эти положения были зафиксированы в «Иерусалимских ассизах» — судебнике, представлявшем собой запись феодальных обычаев Иерусалимского королевства. В этих ассизах, детально перечислявших права сеньоров и обязанности вассалов, порядки феодального общества, по словам Ф. Энгельса, получили классическое выражение.

Развитию политической централизации в Иерусалимском королевстве мешало отсутствие прочных экономических связей. Торговля играла большую роль в его хозяйственной жизни, но ее вели в основном Венеция, Генуя, Пиза, ориентировавшиеся на развитие внешнего рынка, но не стремившиеся создавать экономические связи внутри государств крестоносцев. Итальянские купцы получили в портовых городах Сирии и Палестины важные привилегии. Они были независимы от местных властей и управлялись консулами, назначавшимися из Италии.

Церковь приобрела в государствах крестоносцев огромные земельные владения. Католические иерархи составили влиятельную часть феодалов на Востоке. Они собирали большие средства в виде десятины и не платили налогов.

Государства крестоносцев были очень непрочными. Это были небольшие разрозненные владения, занимавшие узкую прибрежную полосу в Сирии и Палестине. Их восточная граница, растянувшаяся почти на 1200 километров, была весьма уязвима. При этом крестоносцы жили главным образом в прибрежных юрдах и укрепленных замках, которые им пришлось построить, чтобы обеспечить себе безопасность. С юга Иерусалимскому королевству угрожал Египет. С Востока, со стороны Сирийской пустыни, государства крестоносцев то и дело подвергались нападениям сельджукских эмиров. К тому же сами завоеватели непрерывно враждовали друг с другом. Организации обороны мешало и непостоянство состава крестоносцев, и то, что их численность была сравнительно небольшой. Под началом иерусалимских королей, например, никогда не было более 600 конных рыцарей. Эта привилегированная верхушка жила среди озлобленного, враждебно настроенного населения, составляя своего рода военный лагерь. С целью упрочения положения крестоносных владений вскоре после Первого крестового похода были созданы особые организации — духовно-рыцарские ордены: тамплиеров (или храмовников) и иоаннитов (или госпитальеров). В конце XII в. возник еще Тевтонский орден, объединявший немецких рыцарей. Орден был полувоенными-полумонашескими объединениями. Под монашеским плащом «орденских братьев» (у тамплиеров — белого цвета с красным крестом, у госпитальеров — красного с белым крестом, у тевтонских рыцарей — белого с черным крестом) скрывались рыцарские латы. Задачей орденов являлась оборона и расширение владений крестоносцев, а также подавление выступлений местного населения. Орден имел строго централизованное устройство. Они возглавлялись «великими магистрами» и подчинялись непосредственно папе, не завися от местных властей; они пользовались множеством привилегий и со временем стали богатейшими землевладельцами не только на Востоке, но и в Западной Европе.

XII в. ордены являлись наиболее мощной и сплоченной силой Иерусалимского королевства. Однако их независимое положение, распри с другими феодалами и между собой в конечном итоге привели к еще большему ослаблению государств крестоносцев. После утраты владений на Востоке ордены перенесли свою деятельность в Европу. Иоанниты и в особенности тамплиеры использовали накопленные богатства для ростовщических и банковских операций. Тевтонский орден направил свою агрессию на берега Балтийского моря, где вместе с Орденом меченосцев основал свое государство.

Второй крестовый поход

В XII в. началось сплочение мусульманских княжеств, в результате чего крестоносцы стали терять свои владения. В 1144 г. правитель Мосула завладел Эдессой. В ответ на это был предпринят Второй крестовый поход (1147—1149). Его главным вдохновителем выступил один из самых реакционных деятелей католицизма того времени аббат Бернар Клервоский. Поход, возглавляемый французским королем Людовиком VII и германским королем Конрадом III, потерпел полнейшую неудачу. Немецкие крестоносцы были наголову разбиты сельджуками в Малой Азии; французские крестоносцы безуспешно пытались взять Дамаск, но, ничего не добившись, бесславно вернулись в Европу.

В середине XII в. между западноевропейскими государствами, стремившимися к утверждению своего господства на Средиземном море, а также между ними и Византией стали нарастать серьезные противоречия. Это обрекало на провал крестоносные предприятия.

Третий крестовый поход

Во второй половине XII в. произошло объединение Египта, части Сирии и Месопотамии. Во главе нового государства (с центром в Египте) стал султан Салах-ад-Дин (Саладин). В 1187 г. он завладел Иерусалимом.

Это послужило поводом к Третьему крестовому походу (1189—1192), в котором участвовали феодалы Германии, Франции и Англии. Во главе крестоносцев стояли германский император Фридрих I Барбаросса и короли Филипп II Август (Франция) и Ричард I Львиное Сердце (Англия). Фридрих I, имевший агрессивные намерения в отношении Византии, заручился поддержкой ее ближайшего противника на Востоке — иконийского султана, враждовавшего с Салах-ад-Дином, в ответ на что Византийская империя вступила в союз с последним. Поход начался рядом неудач. Немецкие крестоносцы даже не достигли Палестины; они повернули назад после того, как Фридрих I утонул, переправляясь через небольшую горную речку в Киликии (Малая Азия). Французские и английские крестоносцы на протяжении всего похода враждовали между собой. Ричард I, стремившийся обеспечить влияние Англии на Средиземном море, по пути в Палестину попытался захватить Сицилию. Это вызвало противодействие Филиппа II и недовольство нового германского императора Генриха VI, претендовавшего на сицилийскую корону. Английскому королю пришлось довольствоваться захватом острова Кипр.

По прибытии в Палестину крестоносцы осадили Акру, которой овладели только в 1191 г. В самый разгар военных действий Филипп II уехал в Европу, где заключил союз с Генрихом VI против Ричарда I. Английский король, безуспешно пытавшийся вернуть Иерусалим, в конце концов добился у Салах-ад-Дина лишь некоторых уступок: за крестоносцами сохранялась прибрежная полоса от Тира до Яффы. Паломникам и купцам разрешалось в течение трех лет посещать Иерусалим, оставшийся под властью Египта. Столицей Иерусалимского королевства стала Акра.

Четвертый крестовый поход

Четвертый крестовый поход (1202—1204) особенно ярко обнаружил истинные цели крестоносцев и выявил резкое обострение противоречий между западноевропейскими странами и Византией. Он был начат по призыву папы Иннокентия III (1198—1216). Первоначально намечалось направиться в Египет, однако закончился поход захватом Константинополя и разгромом Византийской империи.

Решающую роль в изменении направления похода сыграла Венеция, к которой, не имея собственного флота, обратились крестоносцы. Купеческая олигархия, стоявшая во главе Венецианской республики, решила воспользоваться этим, чтобы с помощью крестоносцев нанести удар своему торговому сопернику — Византии. Венецианский дож Энрико Дандоло (1192—1205) потребовал за услуги огромную сумму — 85 тыс. марок

серебром. Крестоносцы согласились на эти условия. Однако вскоре оказалось, что они не в состоянии внести всю сумму. Тогда Дандоло, желая помешать походу на Египет, с которым венецианцы вели регулярную торговлю, предложил крестоносцам в качестве компенсации за недоплаченные деньги помочь Венеции завоевать далматинский город Задар — крупный торговый центр на восточном побережье Адриатического моря, конкурировавший с венецианскими купцами. В 1202 г. город был захвачен. Затем Дандоло по сговору с предводителем крестоносцев — итальянским князем Бонифацием Монферратским — направил войска и флот к Константинополю. Предлогом послужило обращение за помощью к папе и германскому королю царевича Алексея, сына свергнутого еще в 1195 г. византийского императора Исаака II Ангела.

Бонифация Монферратского втайне поддерживали Филипп II Август и некоторые магнаты Франции и Германской империи, рассчитывавшие извлечь выгоды от войны в Византии. Папа Иннокентий III, получив обещание от царевича Алексея, что в случае успеха предприятия греческая церковь будет подчинена «апостольскому престолу», фактически оказал содействие вождям крестоносцев в осуществлении их планов, хотя официально и запретил им причинять ущерб христианским землям. Таким образом, все наиболее влиятельные политические силы тогдашней Европы толкали крестоносцев к захвату Византии.

Осадив Константинополь летом 1203 г., крестоносцы добились восстановления на престоле императора Исаака II. Однако, когда он не смог уплатить им целиком сумму, обещанную за помощь, крестоносцы в апреле 1204 г. штурмом взяли город и подвергли его жестокому разгрому. Огню предавались целые кварталы, был беспощадно разграблен храм святой Софии.

За падением Константинополя последовал захват половины Византийской империи, главным образом территорий на Балканском полуострове, где крестоносцы основали свое государство — Латинскую империю (1204—1261). Независимые государства сохранились только на западе Балканского полуострова (Эпирский деспотат), в северо-западной части Малой Азии (Никейская империя) и на южном побережье Черного моря (Трапезундская империя).

Больше других получили в результате завоевания и различных сделок венецианцы. К ним перешли часть Константинополя, Адрианополь, большое число гаваней на берегу Мраморного моря, ряд островов в Эгейском море, юго-западный Пелопоннес, остров Крит.

Латинская империя просуществовала сравнительно недолго. В 1261 г. никейский император Михаил Палеолог при помощи денег и флота генуэзцев — главных торговых соперников Венеции — овладел Константинополем и восстановил Византийскую империю. Но былое богатство и могущество Византии в результате Четвертого крестового похода были навсегда подорваны.

Последние крестовые походы

В XIII в. было предпринято еще несколько крестовых походов, однако они фактически ничего не изменили в положении дел на Востоке. Во время Пятого крестового похода (1217—1221) немецким, английским, голландским и венгерским крестоносцам удалось после продолжительной осады взять важную крепость, являвшуюся ключом к Египту — Дамьетту. Внутренние раздоры и неумелое командование привели затем к военным неудачам, заставившим рыцарей покинуть страну.

Шестой крестовый поход (1228—1229) возглавил император Фридрих II, в войске которого находились немецкие, французские, английские и итальянские рыцари. Направившись в Сирию, Фридрих II воспользовался войной Египта с Дамаском и заключил с султаном договор, по которому получил Иерусалим и некоторые другие города в Палестине. За это он обязался поддерживать султана против его врагов на Востоке. Однако в 1244 г. мусульмане снова захватили Иерусалим.

Вскоре после этого папа Иннокентий IV организовал Седьмой крестовый поход (1248—1254), направленный против Египта. Его участниками были главным образом французские рыцари под предводительством короля Людовика IX, стремившегося обеспечить Франции более твердые позиции в Северной Африке, с которой были связаны торговыми отношениями города Южной Франции. Поход закончился полной неудачей. Таков же был результат Восьмого крестового похода (1270) под предводительством того же Людовика IX. Флот крестоносцев двинулся на этот раз в Тунис. Вскоре после высадки на берег среди крестоносцев вспыхнула эпидемия, от которой погиб и сам король.

После этой неудачи призывы папства к новым крестовым походам не имели успеха. Одно за другим владения крестоносцев на Востоке переходили к мусульманам: в 1268 г. Египет захватил Антиохию, в 1289 г. — Триполи, в 1291 г. пала последняя опора крестоносцев на Востоке — Акра. Иерусалимское королевство перестало существовать. Крестоносцы удержались лишь на острове Родос, где в начале XIV в. утвердились госпитальеры, и на Кипре, к государю которого перешел титул короля Иерусалимского. Кипрское королевство существовало до конца XV в., когда остров был присоединен к владениям Венеции.

Причины упадка и последствия крестоносного движения

К концу XIII в. крестоносное движение угасло. Главной причиной этого послужили социально-экономические и политические перемены в Западной Европе. В связи с общим подъемом производительных сил губительные последствия стихийных бедствий несколько уменьшились. Крепостные не видели больше необходимости искать спасения от феодального гнета за море». Часть крестьянства уходила в растущие города. Да и неудачи, постигшие крестьян в их попытках обрести на Востоке землю и свободу, сильно подорвали прежние иллюзии. Теперь крестьяне все чаще становятся на путь активной борьбы за свободу и землю у себя на родине.

В то же время претерпело изменения и положение рыцарства. С укреплением королевской власти реже происходили феодальные усобицы. Мелкие рыцари стали предпочитать рискованным походам на Восток службу в королевской армии. К тому же отыскивались более близкие объекты для рыцарских захватов и грабежей в самой Европе. Немецкое рыцарство устремилось на завоевание славянских земель по рекам Лаббе и Одре, а также в Восточной Прибалтике. Французские рыцари в начале XIII в. занялись захватом и ограблением богатого: Лангедока, периодически отправлялись в соседнюю Испанию для борьбы с маврами. Английские феодалы были заняты внутрисполитической борьбой и захватническими войнами в Уэльсе и Ирландии.

Наконец, стимулы к участию в крестовых походах исчезли и у купечества: венецианцы, генуэзцы, провансальцы, каталонцы, наученные опытом, предпочитали заключать торговые соглашения с мусульманскими государями «без помощи» крестоносцев.

Таким образом, в XIII—XIV вв. у всех общественных классов и слоев Запада, принимавших ранее активное участие в крестовых походах, интерес к ним исчез. В связи с этим, а также объединением мусульманских княжеств под властью Египта, усилившим трудности борьбы на Востоке, крестоносное движение прекратилось.

Крестовые походы не только не достигли своей прямой цели, но принесли гибель сотням тысяч их участников и сопровождалась тратой колоссальных средств европейских государств. Еще более пагубные результаты имели крестовые походы для стран Востока: они принесли им страшные бедствия, истребление множества людей, разгром и разорение.

Тем не менее крестовые походы оказали известное влияние на дальнейшее общественно-политическое развитие Западной Европы, поскольку они ускорили те процессы в жизни феодального общества, которые начались еще до них. В частности, уход

на Восток самых беспокойных элементов рыцарства — рыцарской вольницы, а также наиболее воинственных сеньоров, претендовавших на политическую самостоятельность у себя на родине, содействовал усилению государственной централизации в тех странах Европы, где эта тенденция наметилась.

Глава 9

ФРАНЦИЯ В XI-XV вв.

§ 1. ФРАНЦИЯ В XI-XIII вв.

Известное воздействие оказали крестовые походы и на позиции католической церкви в Европе. Сначала она извлекла из этого движения значительные выгоды, так как папство благодаря походам на Восток в XII в. подняло свой авторитет. Однако к концу XIII в. становившееся все более очевидным корыстолюбие римских пап способствовало начавшемуся в этот период упадку общего престижа католической церкви.

Пребывание на Востоке, знакомство с более высокой культурой и бытом заморских стран во многом изменили образ жизни западноевропейских феодалов и привели к росту их потребностей, а следовательно, и стремлению иметь больше денег. Это стимулировало начавшийся во многих странах Европы процесс перехода к денежной форме ренты. Массовый уход крестьян в первые крестовые походы вызвал недостаток рабочих рук, и сеньорам на первых полах приходилось смягчать участь оставшихся крестьян, переводя их на денежный оброк. К тому же, отправляясь в крестовые походы, феодалы нуждались в деньгах и поэтому нередко соглашались на освобождение крестьян от личной зависимости за выкуп. Таким образом, крестовые походы отчасти оказали влияние и на положение крестьянства.

Одним из наиболее важных последствий крестовых походов было ослабление позиций Византии и арабов в торговле Восточного Средиземноморья и усиление в ней роли европейских купцов (особенно Венеции и Генуи). Наконец, на европейских странах сказалось также влияние более высокой в то время восточной техники и культуры.

Сельское хозяйство в XI—XIII вв. и положение крестьянства

В XI—XIII вв. во Франции получило значительное развитие сельское хозяйство, широко распространилось трехполье, усовершенствованный плуг, из зерновых культур первое место заняла пшеница. Благодаря новой системе упряжи оказалось возможным использовать вместо волов лошадей, что сократило сроки пахоты и других сельскохозяйственных работ. В южных областях в силу особенностей климата и почв долго сохранялись двухполье и легкий плуг. Там наряду с зерновыми большие площади занимали виноградники, технические культуры, плодовые деревья.

В XII в. началась массовая расчистка под пашню залежных земель и лесов. Шире распространилась практика удобрения полей. В огородах стали выращивать новые сорта овощей. В конце XII в. в Нормандии появились ветряные мельницы, распространившиеся затем и в других областях Франции. Рост посевных площадей в XII—XIII вв. несколько смягчил частые до того голодовки, вызванные неурожаями, засухами, наводнениями и т. п., особенно губельными при натуральном хозяйстве.

Производительность труда росла преимущественно в крестьянском хозяйстве. На своем наделе крестьянин работал гораздо усерднее и лучше, чем на барщине. Сеньорам стало выгоднее взимать феодальную ренту не в форме принудительного барщинного труда, а из урожая, снятого крестьянами с их участков. Постепенно феодалы стали ликвидировать

свою запашку и раздавать крестьянам в наследственное держание землю, входившую до того в состав домена. На этой основе в XII—XIII вв. совершался переход от барщины к продуктовой ренте, выразившийся во Франции в постепенном сокращении полевой барщины и возрастании натуральных платежей.

Непрерывные внешние и внутренние войны уже в ту пору выработали у французского феодала больше черт воина, чем хозяина. В его жизни не оставалось места для хозяйственных забот. Рыцарь возлагал их на своего управляющего, обычно бравшего взимание ренты на откуп. В церковных поместьях дело обстояло несколько иначе. Здесь дольше сохранялись массивы домениальных земель. Управление ими было организовано лучше, так как за всем надзирали сами монахи или члены капитула, связанные общими интересами и определенной дисциплиной. Но и в церковном землевладении, хотя и медленнее, происходили те же перемены.

Победе продуктовой ренты над отработочной способствовали и другие обстоятельства, в частности расчистка лесов. Главная роль в этих работах принадлежала крестьянам. Поселенцы на новых землях (госпиты), в числе которых было много беглых крепостных, не несли барщины, а уплачивали сеньорам натуральный оброк и небольшие суммы денег. Они были лично свободными людьми (вилланами), но зависели от феодала в поземельном и судебном отношении. Часть крестьян (сервы) оставались в XI—XII вв. в крепостном состоянии.

Переход от барщины к натуральному obroку способствовал дальнейшему укреплению крестьянского хозяйства, владелец которого уже не отвлекался на господские работы в самое горячее для себя время.

Переводя крестьян на оброк, сеньоры пытались увеличить поборы. Это вызывало сопротивление крестьян, которое выражалось в отказе уплачивать новые повинности, в бегстве в города, в уходе на новые места, в участии в крестовых походах. Но оно имело, как правило, местный характер; крестьянство боролось разрозненно, в пределах отдельных сеньорий. Восстания и другие формы сопротивления крестьян в XI—XII вв., хотя обычно и не достигали цели — полной отмены новых взносов, — имели важное значение. Борьба против увеличения повинностей, крестьяне добивались их фиксации в таких размерах, которые давали возможность дальнейшего развития крестьянского хозяйства, предотвращали его разорение.

Феодальная раздробленность в XI в.

С окончательным утверждением феодализма раздробленность, царившая во Франции, приобрела в различных частях страны некоторые особенности. На севере, где феодальные производственные отношения были развиты наиболее полно, раздробленность достигла своего завершения, а феодальная иерархия отличалась наибольшей сложностью. Король был сеньором лишь для своих непосредственных вассалов: герцогов, графов, а также баронов и рыцарей своего домена. Действовала норма феодального права: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Феодальной раздробленности Севера весьма способствовало наличие крупных феодальных владений, в том числе Бретани и Нормандии с их особыми судьбами. Населенная кельтами Бретань фактически была совершенно самостоятельна (вплоть до конца XV в.). Расположенная в низовьях Сены и отрезавшая выход к морю Парижу, Нормандия с 1066 г. стала частью владений английского короля. На северо-востоке располагалось фактически независимое графство Фландрское, на юго-востоке — герцогство Бургундское. Земли Капетингов были как бы сдавлены почти со всех сторон феодальными княжествами, фактически самостоятельными по отношению к королевской власти.

На юге феодальные отношения не отличались той законченностью, которая была характерна для севера. Там осталось немало аллодов, как крупных, так и мелких, т.е. крестьянских. В гористых областях Центрального Массива и особенно Севенских гор

долго сохранялись свободные общины. Раннее развитие городов также способствовало ослаблению феодальных отношений. В результате феодальная иерархия не приобрела на юге законченного характера. Там существовали свои местные династии, и о Капетингах зачастую даже мало что знали. Герцоги Аквитанские титуловались «герцогами всей Аквитанской монархии» и считали себя во всем равными королям. Крупные феодальные владения юга были больше связаны в XI—XII вв. с другими странами (Англией, Испанией, государствами крестоносцев на Востоке), чем с Северной Францией и королями династии Капетингов.

Города в XI—XIII вв.,

Феодальная раздробленность Франции еще более усугублялась Существенными различиями в социально-экономическом и политическом развитии северной и южной частей страны, а также наличием на ее территории двух народностей — северофранцузской и южнофранцузской (провансальской). Как и в более ранний период, эти народности говорили на местных диалектах различных языков: на юге Франций — провансальского, на севере — северофранцузского. По различному произношению слова «да» в этих языках («ос» — на провансальском, «oil» — на северофранцузском языке) позднее, в XIII — XIV вв. северные области Франции получили название «Лангедойль» (langue — по-французски «язык»), а южные — «Лангедок». В X в. на основе отделения ремесла от сельского хозяйства начали свою жизнь феодальные города — экономические центры ремесла и торговли. Расцвели старые, еще основанные римлянами, но пришедшие в упадок в V—IX вв., города, возникли многочисленные новые, развившиеся из сел и местечек. На расчищенных из-под леса землях были основаны поселения, некоторые из них также превратились в города. В XIII в. вся страна уже была покрыта множеством городов — крупных, средних и мелких. Ремесло и торговля в них вначале уживались с сельским хозяйством, но вскоре оттеснили его на задний план.

Между городами Южной и Северной Франции с самого начала имелись некоторые различия. Расцвет южных городов — Бордо, Тулузы, Альби, Монпелье, Нарбонна, Нима, Каркассона, Марсея и других — начался в XI в. и особенно усилился в XII в. В их развитии сыграли большую роль крестовые походы, которые позволили городам использовать свое благоприятное географическое положение для установления прямых торговых связей с Левантом. Кроме того, эти города торговали друг с другом и играли роль посредников в торговле со странами континентальной Европы. Через средиземноморские порты Франции в страну шли все восточные, итальянские и испанские товары. Торговля способствовала быстрому росту ремесла во многих южных городах. Например, в Ниме и Монпелье развивалось производство идущих на экспорт тонких ярко окрашенных сукон. Особенностью социально-экономического развития южнофранцузских городов било почти полное отсутствие цехов: там господствовало «свободное ремесло», т. е. ремесленники не были объединены по профессиям, и контроль над ними осуществлялся не выборными лицами из их среды, а городским муниципалитетом.

В политическом отношении эти города также находились в благоприятном положении. В подавляющем большинстве еще с римских времен они имели свою особую юрисдикцию, а частично сохранили и формы старого муниципального управления. Освобождение большинства городов из-под власти крупных феодалов путем вооруженной борьбы или финансовых сделок прошло на юге сравнительно рано и притом без участия далекой от них королевской власти. На протяжении XII в. почти во всех южных городах установился так называемый консулат, т. е. правление консулов — выборных лиц от дворян, купцов и ремесленников, наряду с которыми существовали Большие советы, состоявшие из всех полноправных горожан. Южные города стали фактически самостоятельными республиками, во многом подобными итальянским городам. В них жили и занимались торговлей также и дворяне. Самостоятельные богатые южные города, больше

всего заинтересованные в торговле с Левантом и конкурировавшие друг с другом в посреднической торговле, были мало связаны между собой. Поэтому даже в пору наивысшего их расцвета в XII в. на юге не создалось единого экономического и политического центра. Власть же крупных феодалов была ослаблена самостоятельностью больших городов.

На долю городов Севера выпала более трудная судьба. Наиболее значительные из них — Аррас, Бовэ, Санлис, Амьен, Нуайон, Лан, Реймс — расцвели на северо-востоке Франции, в областях развитого овцеводства, в них главной отраслью ремесленного производства стало сукноделие. В северо-восточных городах появились богатые мастера и купцы, но их экономическая деятельность встречала на своем пути множество препятствий, поскольку города находились во власти сеньоров, преимущественно епископов, которые немилосердно обирали горожан под разными предлогами, зачастую прибегая к насилию. Горожане не имели никаких прав, их имущество постоянно находилось под угрозой присвоения феодалами. Поэтому борьба с сеньорами стала для городов Севера вопросом первостепенной важности.

Борьба городов с феодальными сеньорами

В XI в. города неоднократно откупались от притязаний феодалов. Но беззащитные нарушения сеньорами своих обязательств толкали горожан на восстания. Обычно горожане организовывали тайный заговор (*communio*) и с оружием в руках нападали на сеньора и его рыцарей, убивая их или изгоняя из города. В случае успеха восстания феодалы были вынуждены предоставить городу большую или меньшую степень самоуправления. Однако окончательная победа приходила далеко не сразу, часто в результате повторных восстаний.

Первой «коммуной», т. е. свободным самоуправляющимся городом, стал в 1077 г. Камбре, получивший коммунальную хартию. Затем уже в первой половине XII в. его примеру последовали Сен-Кантен, Бовэ, Нуайон, Лан, Амьен, Суассон, Сен-Рикье, Корби, Реймс и др. В результате установления коммуны город получал права самоуправления (выборный городской совет во главе с мэром), суда и налогового обложения. С сеньором он вступал в договорные отношения, определявшие привилегии города и степень его независимости. Характерным примером борьбы за установление коммуны является история города Лана, расположенного недалеко от Парижа. В конце XI в. это был один из самых богатых городов Северной Франции. К XII в. борьба между сеньорами города — епископами — и горожанами обострилась. Притеснения особенно усилились, когда епископом стал нормандец Годри (1106). Город откупился от сеньора, уплатив ему значительную сумму денег, и в Лапе была организована коммуна. По просьбе горожан коммуны утвердил король Людовик VI, получивший за это богатые подарки. Но скоро Годри растратил полученные деньги. Пригласив короля в Лан, он просил его уничтожить коммуны, обещая за это уплатить значительную сумму. Горожане со своей стороны тоже предложили деньги королю, но так как Годри давал больше, то коммунальная хартия была отменена. В 1112 г. вспыхнуло восстание; многие из рыцарей и должностных лиц епископа были убиты, погиб и сам епископ. Людовик VI, санкционировавший отмену коммуны, и феодалы Северной Франции жестоко наказали Лан. Город был взят и разграблен, многие горожане убиты и замучены. В город вступил новый епископ, восстановивший в более осторожной форме старые порядки. Горожане восставали еще несколько раз, пока наконец в 1128 г. епископ снова дал им коммуны, которую утвердил и король.

Короли нередко поддерживали коммуны в их борьбе с сеньорами, так как, освобождаясь от власти сеньора, города признавали власть короля. Но на территории своего домена короли избегали давать городам права коммуны. Большие города королевского домена получали обычно лишь частичное самоуправление при сохранении в городе власти назначаемого королем чиновника (Париж, Орлеан, Бурж и др.); более мелкие же города — только некоторые налоговые преимущества.

Завоевание политической самостоятельности создавало условия для быстрого роста городов. Накопления мастеров и купцов оставались в их распоряжении, развивалось ремесло, работавшее на достаточно широкий рынок, росло разделение труда между цехами. В середине XIII в. в Париже были записаны уставы ста цехов («Книга ремесел» Этьена Буало), но на деле в столице в это время ремесел было гораздо больше. К началу XIV в. их число достигло 350. Доступ в цехи был открыт для всех, знавших ремесло и уплативших невысокий вступительный взнос.

Рост городов ускорил социально-экономическую дифференциацию городского населения. Очень усилились и разбогатели купцы и мастера некоторых цехов (мясники, сукноделы, ювелиры и др.); в коммунах они полностью захватили власть, пренебрегая интересами массы ремесленников и мелких торговцев. В городах началась ожесточенная внутренняя борьба. Пользуясь этим, короли вмешивались во внутренние дела коммун и с начала XIV в. стали постепенно лишать их прежних прав и привилегий.

Город экономически подчинял себе довольно обширную сельскую округу. В него стекались беглые крепостные, обретавшие там свободу. Крепкие стены и вооруженная охрана защищали теперь города от посягательств феодалов. В XIII в. выросли и разбогатели города на Сене, Уазе, Марне, Сомме, Верхней Соне и Средней Луаре. К концу XIII в. они были уже экономически связаны между собой. Еще в XII в. в Париже оформилась «Ганза речных купцов», игравшая главную роль в городском управлении. В 1210 г., после отвоевания у англичан Нормандии, руанские и парижские «речные купцы» создали объединение купцов, торгующих по Сене. К нему присоединились бургундские купцы с Верхней Соны и с Йонны. Затем появилось товарищество купцов, торгующих по Луаре.

Знаменитые шампанские ярмарки, расцвет которых относится к XIII в., происходили в городах, расположенных по Марне и Сене с их притоками. На этих ярмарках встречались купцы итальянские, фландрские, из Северной и Южной Франции и др.; торговля шла не только восточными товарами, но и изделиями и продуктами местного производства — сукнами, полотном, кожами, скотом, вином, зерном. Присоединение в 1284 г. Шампани к королевскому домену закрепило ее связь с Парижем, и в конце XIII в. столица стала крупнейшим экономическим центром всей Северной Франции. В Париже насчитывалось около 70 тыс. жителей, что по тем временам составляло громадную цифру, в Руане — около 50 тыс.; было много и средних городов — с 5—6 тыс. жителей.

Таким образом, в северной части Франции, в отличие от Юга, рано начали складываться экономические связи между областями. Основу их составлял постоянный обмен необходимым для ремесла сырьем и сельскохозяйственными продуктами, потреблявшимися городами и особенно Парижем в значительном количестве. Большую роль в росте экономической общности играла рано развившаяся хозяйственная специализация отдельных областей Северной Франции. Торговля железной рудой, солью, скотом и сукнами из Нормандии, полотнами, сукнами и высококачественными винами из Шампани и Бургундии, разнообразными ремесленными изделиями из Парижа делала эти области экономически зависимыми друг от друга и следовательно, связывала их. Активная роль северофранцузских городов в формировании внутреннего рынка обусловила и их заинтересованность в политическом объединении страны. В XII—XIII вв. города Северной Франции неизменно поддерживали королевскую власть в ее борьбе с крупными феодалами за централизацию государства.

Влияние городов и товарно-денежных отношений на французскую деревню

В результате развития в городах ремесла и торговли в деревне заметно возрастает удельный вес денежной ренты, распространение которой означало, что прибавочный продукт не только создавался в крестьянском хозяйстве, но и превращался в товар, причем продавал этот товар сам крестьянин. Благодаря этому крестьянское хозяйство втягивалось в активную торговлю с городом, развивались товарно-денежные отношения между городом и

деревней. И в этом товарном обороте феодалу почти не оставалось места. Преимущественная связь деревни с городским рынком через крестьянское хозяйство составляет одну из важнейших особенностей французской экономики в XIII—XV вв.

Следствием развития товарно-денежных отношений является начавшийся в XIII в. процесс выкупа крепостных крестьян на волю, освобождение их от личной зависимости, превращение лично зависимых сервов в вилланов. Во Франции крепостное состояние крестьянина юридически определялось следующими признаками: 1) при наследовании серв должен был, согласно праву «мертвой руки», отдавать феодалу часть наследуемого имущества, 2) за брак, заключенный с человеком не из данной сеньории, он уплачивал специальный побор — «формарьяж», 3) платил произвольную талью и 4) «шеваж» — небольшой, но считавшийся унижительным поголовный побор. Выкуп этих четырех повинностей и означал личное освобождение серва, превращение его в виллана. Земля крестьянина-виллана продолжала оставаться собственностью феодала, и за нее уплачивалась феодальная рента.

Процесс личного освобождения крестьян проходил главным образом в XIII—XIV вв. (отчасти еще и в XV—XVI вв.). Он принимал различные формы. Выкупались отдельные лица, семьи, порой целые деревни. Сумма выкупа была различной и, как правило, определялась в результате долгого спора между сеньором и крестьянами. В целом крестьяне стремились выкупиться, ибо крепостные повинности, особенно произвольная талья, были для них крайне обременительны. Но иногда выкуп был настолько велик, что крестьянин предпочитал оставить все по-старому, поэтому «освобождение» нередко принимало даже принудительный характер. Выкуп оформлялся особыми грамотами, в которых перечислялись его условия и поборы, следуемые с крестьян в будущем. Эти платежи все чаще и чаще назывались цензом, поэтому крестьянская земля, с которой они уплачивались, вскоре приобрела название «цензивы», а владевший ею лично свободный крестьянин стал называться не вилланом, а цензитарием.

Приобретение крестьянством личной свободы, переход к денежной ренте, экономическая самостоятельность крестьянского хозяйства и его связь с городским рынком — все это были очень важные и прогрессивные явления в жизни французской деревни. Но они не означали ни ликвидации феодальной собственности на землю, ни уменьшения феодальной эксплуатации. Деньги на выкуп по большей части брались у городских ростовщиков, и крестьяне попадали к ним в долговую кабалу. Церковные сеньоры обычно предоставляли выкуп лишь на очень тяжелых условиях.

Наряду с поборами в пользу феодалов появились и налоги в пользу государства. Тяжелым бременем на крестьянстве лежала церковная десятина (крестьяне уплачивали «большую десятину») — десятую долю урожая зерна и «малую десятину» — скотом, шерстью, продуктами животноводства).

Крестьянам приходилось вести с сеньорами упорную борьбу против всяких новых повинностей. В 1251 г. во Фландрии и Северной Франции разразилось крупное крестьянское восстание «пастушков» (как себя называли восставшие). Громя по дороге монастыри и церкви, крестьяне массами двинулись к Парижу, затем к Туру и Орлеану, но вскоре были разбиты. Это было первое крупное крестьянское движение на севере Франции, послужившее свидетельством растущего недовольства в среде крестьянства и потребовавшее дальнейшего сплочения господствующего класса вокруг королевской власти.

Усиление королевской власти в XII в.

В XII в. во Франции начинается процесс государственной централизации. Вначале он разворачивается в Северной Франции, где для него существовали экономические и социальные предпосылки. Политика королевской власти, направленная на подчинение ей феодальных сеньоров, диктовалась прежде всего интересами класса феодалов в целом.

Главной ее целью было усиление центральной власти для подавления сопротивления крестьян. В этом особенно нуждались мелкие и средние феодалы, не располагавшие достаточными средствами внеэкономического принуждения. Они были заинтересованы в усилении королевской власти еще и потому, что видели в ней защиту от насилий и притеснений более сильных крупных феодалов.

Централизаторская политика королей была прогрессивным явлением. Королевская власть боролась с феодальной анархией, подрывавшей производительные силы страны, содействовала росту городов, ремесла и торговли. По словам Ф. Энгельса, она была «представительницей порядка в беспорядке». Поэтому города поддерживали королевскую власть, часто выступали ее союзниками в борьбе с крупными феодалами, и их помощь сыграла важную роль в образовании централизованного государства.

Противниками этой политики были крупные феодалы, больше всего дорожившие своей политической самостоятельностью и связанными с ней властью над населением и доходами с него; их поддерживала часть высшего духовенства. Укреплению королевской власти благоприятствовала непрерывная вражда крупных феодалов между собой. Каждый из них стремился усилиться за счет других. Короли использовали и разжигали эту борьбу.

Начало XII в. является переломным моментом в процессе роста королевской власти. Людовик VI (1108—1137) и его канцлер Сугерий положили конец сопротивлению феодалов в королевском домене. Их замки были разрушены или заняты королевскими гарнизонами. Пользуясь поддержкой городов, Капетинги начали присоединять к своим владениям близлежащие области. При Людовике VII (1137—1180) королевский домен увеличился за счет присоединения городов Буржа и Санса.

Но в середине XII в. у французских королей появились во Франции очень сильные соперники. В 1154 г. один из французских феодалов — граф Анжуйский Генрих Плантагенет — стал королем Англии. Его владения во Франции — Анжу, Мэн, Турень, Нормандия, Пуату, а затем Аквитания (после женитьбы Генриха на Алиеноре Аквитанской) — в несколько раз превосходили домен французского короля.

Соперничество между Капетингами и Плантагенетами особенно разгорелось при Филиппе II Августе (1180—1223). Филипп II — искусный политик и дипломат — все внимание направил на борьбу с Плантагенетами. Наибольших успехов он добился в борьбе с английским королем Иоанном Безземельным, объявив его владения во Франции конфискованными и завоевав Нормандию (1202—1204). Возмущенные вымогательствами Иоанна нормандские бароны и города не оказали большого сопротивления французскому королю. Затем Филипп II отвоевал и другие владения английских королей во Франции. У Плантагенетов остались только часть Пуату и герцогство Аквитанское.

Стремясь вернуть утраченные области, Иоанн привлек на свою сторону германского императора Оттона IV, графа Фландрского и некоторых крупных французских феодалов. Но в 1214 г. французы разгромили англичан и их союзников в битвах при Ларош-о-Муане (близ Анжера) и Бувине (во Фландрии). Таким образом Филипп II закрепил за собой свои завоевания. Лучше, чем все его предшественники, он понял, какую огромную пользу могут оказать королевской власти города, и стремился закрепить свой союз с ними. Об этом свидетельствуют многочисленные коммунальные хартии, которые он дал ряду городов.

Управление государством

Благодаря военным успехам Филиппа II домен французского короля увеличился примерно в четыре раза. Значение королевской власти сильно возросло и в тех частях Франции, которые еще не вошли в состав домена. Король не упускал случая вмешаться в дела крупных феодалов. Он требовал от них выполнения вассальных обязанностей, в частности несения военной службы. В каждом из вассальных герцогств у короля имелись союзники — города, значительная часть духовенства и мелкого рыцарства. Королевская власть использовала в своих интересах столкновения между мелкими рыцарями и знатью. С

расширением домена перед королевской властью встала новая важная задача — организация управления значительной территорией. Реформы, проведенные королями начиная с Филиппа II, сводились к созданию центрального аппарата — Королевского совета — и к организации местного управления. Французским королям пришлось при этом преодолевать сопротивление крупных феодалов, считавших себя неограниченными господами в собственных владениях.

Наряду с советом крупнейших вассалов короля, который издавна время от времени созывался королями, теперь возник особый Королевский совет. Это было постоянное учреждение при короле, составленное из угодных ему феодалов и из знатоков законов, финансов и администрации, так называемых легистов (законников), выходцев отчасти из горожан, отчасти из мелких и средних рыцарей и духовенства. Во главе отдельных округов, на которые был теперь разбит королевский домен, стили так называемые прево, бывшие раньше управляющими королевскими поместьями. Округа соединились в более крупные единицы, так называемые баяжьи, возглавляемые королевскими чиновниками — бальи. Присоединенными при Филиппе II владениями управляли особые королевские чиновники — сеншалы. Как правило, король назначал их из крупных местных феодалов с целью привлечения на свою сторону. Королевские чиновники не только управляли доверенными им округами. Они вмешивались в дела сохранивших независимость феодалов, следили за тем, чтобы все вассалы несли в пользу короля военную службу, охраняли права городов, взятых королем под защиту. Таким образом они старались использовать свои права для укрепления королевской власти.

Альбигойские войны

До начала XIII в. южные области жили почти обособленно от северной части страны. Затем началось присоединение их к королевскому домену.

Цветущее экономическое состояние южнофранцузских городов и их политическая самостоятельность привели к усилению в них социальных противоречий и острой идеологической борьбе. Это проявилось в распространении в южных областях еретических учений вальденсов и катаров, имевших антифеодалную направленность. В середине XII в. их стали называть общим именем «альбигойцы» (по главному центру ереси — городу Альби). Альбигойцы считали земной мир и самую католическую церковь созданием дьявола, отрицали основные догматы церкви, требовали ликвидации церковной иерархии, церковного землевладения и десятины. Под религиозной оболочкой развернулась борьба с феодалами и в первую очередь с католической церковью, мешавшими дальнейшему развитию городов. Основную массу альбигойцев составляли горожане, но к ним примыкали, особенно в начале движения, также рыцари и знать, покушавшиеся на земельные богатства церкви. Граф Тулузский Раймонд тоже склонялся к альбигойству.

Церковь еще в 70-х годах XII в. пыталась пресечь ересь, но безуспешно. Ее влияние начало сказываться в Северной Франции, а также в других странах Западной Европы, В 1209 г. папе Иннокентию III удалось организовать против альбигойцев «крестовый поход» северофранцузских епископов и их вассалов под руководством папского легата. Северофранцузские рыцари охотно приняли участие в походе, рассчитывая поживиться за счет богатых южных городов. Один из них, барон Симон де Монфор, стал военным вождем похода. Несмотря на мужественное сопротивление, многие южные города (Безье, Каркассон и др.) были взяты и разграблены, а население их вырезано. В битве при Мгорэ (1213) крестоносцы одержали решающую победу. Раймонду Тулузскому удалось удержать за собой лишь Тулузу, Ним, Бокер и Ажан; в остальных городах властвовал Монфор. После его гибели (1218) в войну за подчинение Юга вметался французский король Людовик VIII. В итоге успешных походов 1224 и 1226 гг. он присоединил к королевскому домену графство Тулузское и часть земель по Средиземноморскому побережью (1229).

Юго-западные графства сохранили самостоятельность, а Аквитания осталась в руках Плантагенетов.

После альбигойских войн южные города оправились сравнительно быстро но им было уже трудно выдерживать конкуренцию с усилившимися соперниками по морской торговле — итальянскими городами-республиками и каталонскими городами.

Французское государство в XIII в.

В течение XIII в., особенно в царствование Людовика IX (1226—1270), усиление королевской власти было закреплено рядом важных реформ. В результате реформы на территории королевского домена были запрещены судебные поединки (т. е. решение тяжб с помощью поединка; тяжущимся сторонам предоставлялась возможность перенести дело в королевский суд. На решение любого феодального суда могла быть подана апелляция в королевский суд, который таким образом становился верховной инстанцией по судебным делам всего королевства. Целый ряд важнейших уголовных дел был изъят из ведения феодальных судов и рассматривался исключительно королевским судом.

Шло дальнейшее развитие центрального управления. Из Королевского совета выделилась особая судебная палата, получившая название; «парламент». Для связи центральных органов с местными властями назначались королевские ревизоры, контролировавшие деятельность местной администрации и доносившие королю обо всех злоупотреблениях. Людовик IX запретил в королевском домене войны между феодалами, а в неприсоединенных еще к домену владениях узаконил обычай «40 дней короля», т. е. срок, в течение которого получившей вызов мог апеллировать к королю. Это ослабило феодальные усобицы. В королевском домене была введена единая монетная система, и королевская монета должна была приниматься по всей стране наряду с местной. Это содействовало экономическому сплочению Франции. Постепенно королевская монета стала вытеснять из обращения местную; купцы предпочитали и даже требовали именно королевские деньги.

Во внешней политике Людовик IX стремился упрочить позиции Франции на Средиземноморье. Он помог своему брату Карлу Анжуйскому овладеть Южной Италией и Сицилией и сделал попытку укрепиться в Египте и в Тунисе (Седьмой и Восьмой крестовые походы), которая, однако, не имела успеха.

Таким образом, развитие феодального государства во Франции в XI—XIII вв. прошло ряд этапов. Феодальная раздробленность была сперва преодолена в северной части страны на базе развития городов и усиления экономических связей между областями. Париж, превратившийся в крупный торгово-ремесленный и политический центр, стал столицей Франции. Однако процесс централизации государства осложнялся и задерживался борьбой с Плантагенетами. Часть южных областей была присоединена к владениям Капетингов позднее, когда северная часть страны уже была достаточно прочно объединена вокруг Парижа и королевской власти.

§ 2. ФРАНЦИЯ В XIV—XV вв.

Город и деревня в XIV в.

В первой трети XIV в. экономика Франции продолжала интенсивно развиваться.

Дальнейшее развитие в городах ремесла и торговли и тесно связанное с этим широкое распространение в деревне денежной ренты внесли много нового в жизнь французского общества.

Наиболее важные перемены произошли в городах. Изменилась структура цеха, и особо богатые цехи (суконщиков, меховщиков, ювелиров, мясников и др.) подчинили себе

цехи смежных профессий. Внутри цехов мастера оплачивали труд подмастерьев столь скудно, что те не имели теперь возможности открыть свои мастерские и стать мастерами. Мастера увеличивали число подмастерьев и учеников, удлиняли рабочий день. Формально сохраняя звание членов цеха, подмастерья фактически приближались по положению к наемным рабочим и для борьбы с мастерами начали организовывать свои собственные союзы (компаньонажи). В городах было много мелких цеховых ремесленников и внецеховой бедноты, местной и пришедшей из деревень (грузчики, возчики, подсобные рабочие, слуги и др.), жившей на скудный и зачастую случайный заработок. Права всех этих численно преобладавших слоев городского населения были сведены к минимуму. Они не имели отношения к управлению городом. Все резче проявлялись острые социальные противоречия между богатой городской верхушкой и беднотой и средними ремесленниками. Чрезвычайно возросший в XIV в. налоговый гнет еще более углубил эти противоречия. Резко увеличилось число городских восстаний; многие из них приобрели небывало ожесточенный характер.

Широкое распространение денежной ренты и личная свобода крестьянства укрепили его наследственные владельческие права на цензиву, ставшую в XIV в. господствующей формой держания. При условии регулярной уплаты определенного обычая ценза крестьянин мог не только передать по наследству свою цензиву, но и заложить и даже продать ее, уплатив сеньору особый побор за такую сделку. Это способствовало социальному расслоению крестьянства и появлению в деревне, с одной стороны — богатых, с другой — малоимущих и малоземельных хозяев, которые вынуждены были за деньги наниматься к соседям или к сеньорам на сезонные работы, так как собственные участки не могли прокормить их. Так возникала первая форма наемного труда в деревне, носившая еще феодальный характер, поскольку крестьянин по-прежнему оставался феодальным держателем.

Денежная рента окончательно отвратила французских феодалов от ведения собственного хозяйства. Развившиеся товарно-денежные отношения давали возможность купить за деньги все, что было по карману. Однако по мере дальнейшего развития экономики страны потребности сеньоров возрастали, средние и мелкие рыцари испытывали все более острую нужду в деньгах. Роскошь вельмож, высшего духовенства и богатого купечества была для них сильным соблазном, рыцарское вооружение становилось все более сложным и дорогим, одежда и быт — все более изысканными. Деньги же поступали с крестьян в неизменном объеме, в соответствии с установленным в свое время (зачастую еще в XIII в.) «вечным», т.е. неизменным, цензом. Французское рыцарство искало выхода из затруднений в войне и разбое, а порой поддерживало сепаратистские тенденции крупных феодалов.

Французское государство в начале XIV в.

В начале XIV в. королевский домен охватывал уже большую часть страны. Присоединение в XIII в. Лангедока (так стало называться бывшее графство Тулузское) дало Капетингам возможность проникать в юго-западные области не только с северо-востока, но и с юго-востока. Это значительно укрепило позиции французского государства в борьбе против Англии. В 1308—1309 гг. к домену Капетингов отошла часть Аквитании — графства Ангума и Марш, а затем и почти все течение рек Дордони и Гаронны. В руках англичан осталась лишь узкая полоса вдоль Бискайского побережья от Сента до Пиренеев (причем с 1285 г. Наварра, маленькое королевство в Пиренеях, считалось французским владением). На восточной границе были присоединены богатое графство Шампанское (1284) и крупный город Лион (1307).

Филипп IV Красивый (1285—1314) попытался подчинить себе также графство Фландрское, тесно связанное с Францией торговыми отношениями, но политически лишь номинально входившее в состав королевства. Главную роль во Фландрии играли богатые

города, особенно Гент, Ипр и Брюгге — центры процветавшего сукноделия и крупной торговли. Филипп IV вмешался во внутреннюю борьбу в этих городах, став на сторону патрициата. Сначала ему удалось фактически установить там свою власть, но введение им тяжелых налогов вскоре вызвало широкое народное движение. Борьба против французов соединилась для фландрских цехов с борьбой против местного патрициата. В 1301 г. восстали ремесленники важнейшего торгово-промышленного центра — города Брюгге; им удалось захватить власть. Французы подавили это восстание, но скоро оно вспыхнуло с новой силой. В 1302 г. в Брюгге произошла резня французского гарнизона и местных патрициев, так называемая Брюггская заутреня. Она послужила сигналом, по которому вся страна поднялась и сбросила владычество французского короля. В этом движении принимали участие не только городские ремесленники, но и крестьяне, так как французское господство сопровождалось общим усилением феодального гнета.

Филипп IV двинул против Фландрии свою армию. При Куртре(1602) произошла битва, в которой пешее ополчение фландрских ремесленников и крестьян нанесло страшное поражение французским рыцарям. Французы принуждены были очистить Фландрию. В результате дальнейших военных действий и дипломатических переговоров Филиппу IV удалось удержать только несколько фландрских городов.

Многочисленные войны требовали значительных денежных средств. Были увеличены налоги (так называемая королевская талья).

Особенно большие субсидии король требовал от городов. Сломив в основном самостоятельность крупных феодалов, король теперь мог не считаться с городами. Со времени Филиппа IV короли стали постепенно лишать города их прав в области самоуправления и налогового обложения, все более подчиняя их себе политически.

Борьба с папством

Филипп IV начал облагать налогами и церковные земли. Это вызвало протест со стороны папы Бонифация VIII. Между королем и папой в 1296 г. разыгрался открытый конфликт. Специальной буллой папа запретил светским государям под страхом отлучения облагать по своему произволу церковь, а духовенству — платить им без разрешения Рима. Филипп ответил на это запрещением вывоза из Франции золота и серебра, что ударило по папским финансам, ибо папа не мог теперь получать денег от французского духовенства. Вскоре конфликт приобрел более широкое значение, так как Бонифаций VIII выступил с притязаниями на верховенство духовной власти над светской. Подобно Григорию VII, он утверждал, что папы поставлены над королями и императорами. Но королевская власть во Франции к тому времени уже достаточно укрепилась, чтобы выдержать борьбу с папскими притязаниями и отстоять суверенитет светского государства. С целью воздействовать на общественное мнение королевские легисты организовали искусную кампанию против папы, возникла обширная антипапская публицистика. Чтобы заручиться широкой поддержкой, Филипп IV созвал в 1302 г. Генеральные штаты, где были представлены три сословия (штаты) — духовенство, дворяне и горожане. Дворянство и горожане во всем поддерживали короля; духовенство в вопросе о притязаниях папы заняло неопределенную позицию. Бонифаций VIII послал во Францию своего легата, имевшего задание провозгласить отлучение Филиппа IV, если последний не подчинится требованиям папы, но легат был арестован. В свою очередь, Филипп IV решил добиться низложения папы и с этой целью отправил в Италию агентов, которые не жалели денег и привлекли на свою сторону многих влиятельных врагов папы. Заговорщики ворвались в папский дворец (в небольшом городке Ананьи) и стали всячески оскорблять папу. Надломленный этим потрясением, Бонифаций VIII вскоре умер.

В 1305 г. под давлением Филиппа IV папой был избран французский прелат под именем Климента V. В 1309 г. он перенес свой двор в город Авиньон на Роне, где папы пробыли до 1378 г. (так называемое Авиньонское пленение пап). Хотя Авиньон не входил в

королевский домен, папы фактически оказались в зависимости от французских королей. Пользуясь этим, Филипп IV сумел уничтожить находившийся ранее под особым покровительством папства богатейший духовно-рыцарский орден тамплиеров, занимавшихся ростовщичеством, и конфисковать его казну.

Королевская власть одержала решительную победу над папством; его политическое и международное значение в Европе было сильно подорвано.

Возникновение сословной монархии

При Филиппе IV во Франции оформилось сословное представительство. Уже в XIII в. короли неоднократно созывали для решения главным образом финансовых вопросов представителей от городов или рыцарей. В отдельных областях существовали свои местные сословные собрания — «штаты», рассматривавшие областные дела и местное налоговое обложение. Начиная с 1302 г. штаты стали созываться все чаще. Генеральными штатами они назывались в тех случаях, когда на них присутствовали представители сословий из всех областей королевского домена. Но в XIV—XV вв. Генеральные штаты созывались все-таки сравнительно редко. По большей части на юге отдельно созывались штаты Лангедока, а в северных областях — штаты Лангедойля. Наряду с ними собирались и многие областные штаты.

Французское сословное представительство имело ряд особенностей, коренившихся в социальной структуре страны. Все три сословия заседали отдельно, и каждое из них составляло особую палату. Палата первого сословия — духовенство — состояла обычно из архиепископов, епископов, аббатов больших монастырей. Второе сословие — дворянство — включало представителей лишь средних и мелких рыцарей, являвшихся естественной поддержкой королевской власти. Светская знать вообще не входила в число членов ни одной из палат; герцоги и графы составляли на заседаниях штатов окружение короля и не смешивались с депутатами. В третьей палате (с конца XV в. она стала называться палатой «третьего сословия») заседали представители «добрых городов» — мэры и члены городских советов, т. е. богатейшие и влиятельнейшие в городах люди. Каждая палата имела лишь один голос, и решение штатов в целом зависело от соотношения голосов палат.

Генеральные штаты не превратились в регулярно действующий политический орган. Они созывались лишь по инициативе короля и обсуждали предложенную им программу. По большей части штаты решали вопрос о субсидиях или поддержке короля в том или ином важном политическом деле. Роль духовенства и дворянства сводилась к тому, что они разрешали королю взysкивать с живших на их земле крестьян королевскую талью. Сами же феодалы государственных налогов не платили. Главную роль на штатах играли города, поддерживавшие политику централизации и дававшие королю основную часть субсидий. Поэтому в первой половине XIV в. между королевской властью и штатами, как правило, не было разногласий, и они были важным фактором в процессе укрепления феодальной монархии. Результатом борьбы городов против своих сеньоров и их рыцарей была непримиримая вражда между городами и рыцарями северной части страны, усугублявшаяся тем, что города пытались добиться распространения налогов и па рыцарей. Короли использовали в своих интересах рознь сословий, очень редко выступавших совместно. Поэтому генеральные штаты так и не добились тех больших прав, которые завоевал английский парламент.

С окончательным оформлением сословно-представительных собраний во Франции завершился процесс складывания новой формы феодального государства — сословной монархии (или феодальной монархии с сословным представительством), более централизованной, чем французское государство в XII—XIII вв.

Наиболее крупные и сепаратистски настроенные феодалы по-прежнему противодействовали процессу централизации. Пытаясь вернуть утраченные права, они с помощью оружия добились от Людовика X (преемника Филиппа IV) некоторых уступок.

Однако эти уступки, носившие формальный характер, не могли подорвать уже достаточно сильную французскую сословную монархию.

Столетняя война (начальный период)

В 30-х годах XIV в. нормальное развитие Франции было прервано Столетней войной с Англией (1337—1453), приведшей к массовому уничтожению производительных сил, убыли населения и сокращению производства и торговли. На французский народ обрушились тяжелые несчастья — длительная оккупация Франции англичанами, разорение и опустошение многих территорий, страшный налоговый гнет, разбой и междоусобицы французских феодалов.

Столетняя война была в основном борьбой из-за юго-западных французских земель, находившихся под властью английских королей. В первые годы войны немалое значение имело также и соперничество из-за Фландрии, где сталкивались интересы обеих стран. Французские короли не оставили намерений подчинить себе богатые фландрские города. Последние же стремились сохранить независимость при помощи Англии, с которой они были тесно связаны экономически, так как получали оттуда шерсть — сырье для сукноделия. В дальнейшем главной ареной военных действий стал (наряду с Нормандией) Юго-запад, т. е. территория бывшей Аквитании, где Англия, стремившаяся вновь овладеть этими землями, нашла себе союзников в лице еще независимых феодалов и городов. Экономически Гиень (западная часть бывшей Аквитании) была тесно связана с Англией, куда шли вина, сталь, соль, фрукты, орехи, красящие вещества. Богатства крупных городов (Бордо, Ла-Рошели и др.) в значительной степени зависели от этой очень выгодной для них торговли.

Непосредственным поводом к войне послужили династические притязания английского короля Эдуарда III, внука Филиппа IV Красивого (по женской линии). В 1328 г. умер последний из сыновей Филиппа IV; Эдуард III заявил о своих правах на французскую корону, но во Франции королем был избран старший представитель боковой ветви Капетингов Филипп VI Валуа (1328—1350). Эдуард III решил добиваться своих прав оружием. Война началась в 1337 г. Вторгшаяся английская армия имела ряд преимуществ перед французской: она была невелика, но хорошо организована, отряды наемных рыцарей находились под командованием капитанов, которые непосредственно подчинялись главнокомандующему; английские стрелки из лука, набиравшиеся главным образом из свободных крестьян, были мастерами своего дела и сыграли в сражениях важную роль, поддерживая действия рыцарской конницы. Во французской армии, состоявшей преимущественно из рыцарского ополчения, стрелков было мало, и рыцари не желали с ними считаться и согласовывать свои действия. Армия распадалась на отдельные отряды крупных феодалов; по-настоящему король командовал лишь собственным, хотя и самым крупным, отрядом, то есть только частью войска. Французские рыцари сохранили старую тактику и начинали сражение, обрушиваясь на противника всей своей массой. Но если противник выдерживал первый натиск, то в дальнейшем конницу обычно разъединяли на отдельные группы, рыцарей стаскивали с коней и брали в плен. Получение выкупов за пленников и грабеж населения скоро стали главной целью английских рыцарей и лучников.

Англичане победили на море (в 1340 г. при Слейсе, у берегов Фландрии) и на суше (в 1346 г. при Креси, на севере Пикардии), что позволило им взять в 1347 г. Кале — важный военный и перевалочный пункт вывозившейся из Англии шерсти. Таким образом, они не только сохранили, но и укрепили свои позиции во Фландрии. В остальном же военные действия англичан на севере были безуспешными. Тогда они перенесли их на юго-запад и снова захватили с моря области Гиень и Гасконь. Наместником английского короля Эдуарда III в Бордо стал его сын Эдуард, прозванный по цвету лат Черным Принцем. Его отряды вместе с гасконскими рыцарями совершали грабительские набеги на центральные французские области, жгли города и села, захватывали богатую добычу. В

один из таких набегов в 1356 г. они были достигнуты около Пуатье французами. Численно французская армия намного превосходила английскую, но в ней не было единого командования. Англичане победили благодаря искусному маневру своих лучников, поддержанных рыцарями. Французы понесли тяжелейшее поражение. Цвет рыцарства погиб или сдался в плен, был захвачен и король — Иоанн Добрый (1350—1364). Для Франции настало тяжелое время, казна была совершенно пуста, армии фактически не было. Дальнейшее ведение войны, выкуп пленников, в том числе короля, требовали огромных денег.

Парижское восстание 1356-1358 гг.

Поражение при Пуатье вызвало озлобление народа против дворян и короля, не сумевших организовать защиту страны от врага. Поэтому, когда сын пленного короля, дофин (так назывался во Франции наследник престола) Карл, для изыскания средств созвал в октябре 1356 г. Генеральные штаты, представители городов, получившие значительное влияние ввиду ослабления дворянства после поражения при Пуатье, потребовали, важных реформ: отставки членов Королевского совета и других крупных должностных лиц, передачи ведения всех дел особой комиссии из 28 депутатов штатов, без согласия которой дофин не имел права отдавать приказы по армии, смещать и назначать чиновников. Штаты потребовали также введения нового подоходного налога, который взимался бы и с дворян, причем в большем размере, чем с горожан.

Дофин отказался выполнить эти требования. Тогда в Париже начались волнения. Во главе парижан стал глава парижского муниципалитета купеческий старшина Этьен Марсель. Дофин был вынужден вновь обратиться к штатам. Они собрались в марте 1357 г. и составили обширный план реформ, получивший название «Великий мартовский ордонанс». По ордонансу дофин обладал лишь ограниченной исполнительной властью, штаты самостоятельно собирались дважды в год без его разрешения и решали все важнейшие дела, вплоть до заключения перемирия или мира. Они назначали королевских советников, вотировали налоги и сами собирали их. Королевский аппарат сводился к минимуму. Все действия дофина контролировались назначенной штатами комиссией, куда вошли сторонники Этьена Марселя.

Однако это продолжалось недолго. Этьен Марсель и его ближайшие приверженцы принадлежали к числу богатейших купцов и владели крупными по тем временам состояниями. Они разделяли охватившее всю страну негодование дворянами и правительством, но не собирались поступаться своими доходами ради облегчения налогового бремени городского населения и крестьянства и не имели поэтому настоящей опоры в народных массах Парижа. Вотированная штатами субсидия падала на мелкие доходы в большем проценте, чем на крупные. Правда, она распространялась и на дворян, но дворяне отказались уплачивать ее и фактически перестали принимать участие в работе штатов.

Этьен Марсель и парижская верхушка не получили поддержки и в других городах. Крупное купечество везде было самой влиятельной силой, но сами города еще не были достаточно связаны друг с другом, а порой даже соперничали между собой. Несмотря на всеми признанную главенствующую роль столицы, прочие города были недовольны тем, что власть оказалась в руках парижан. Дофин использовал эту обстановку. Он стал объезжать города и стягивать к себе рыцарей; его целью был созыв штатов вне Парижа для получения от них субсидий.

Когда в феврале 1358 г. в Париже снова собрались Генеральные штаты, представлявшие в основном лишь парижскую верхушку, стало очевидно, что они потеряли свой авторитет в стране. Тогда Этьен Марсель решил подчинить себе дофина силой. 22 февраля 1358 г. он собрал на площади вооруженных ремесленников, а сам с несколькими сторонниками явился во дворец, где в присутствии дофина были убиты два его ближайших

советника — маршалы Шампанский и Нормандский. На перепуганного дофина Этьен Марсель надел свою сине-красную шапку (цвета города Парижа), обещая ему безопасность и беря его под свое покровительство. На следующий день дофин согласился принять в свой Совет представителей парижской верхушки и подтвердил ордонансы, изданные по инициативе штатов. Но через месяц он бежал из столицы и стал готовить осаду Парижа.

Жакерия

В конце мая 1358 г. вспыхнуло крупнейшее в истории Франции и одно из крупнейших в истории Европы крестьянское восстание — Жакерия. Оно было подготовлено всем ходом социально-экономического развития Северной Франции. Рост городов и господство денежной ренты привели к усилению эксплуатации крестьянства. Увеличивались государственные налоги. В 1348 г. на Францию обрушилась эпидемия чумы («черная смерть»), унесшая тысячи жителей. Убыль населения привела к повышению заработной платы, что, в свою очередь, вызвало издание законов, направленных против ее роста. Эти законы особенно тяжело отразились на беднейших слоях сельского и городского населения. Все эти обстоятельства сами по себе были достаточно тяжелы для народа. Война их усугубила.

Готовясь к блокаде столицы, дофин обязал окрестных крестьян укреплять замки и снабжать их продовольствием. Это было последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. 28 мая в области Бовези (на север от Парижа) крестьяне в стычке с дворянским отрядом убили нескольких рыцарей, что послужило сигналом к восстанию. С необыкновенной быстротой восстание охватило многие области Северной Франции: Бовези, Пикардию, Иль-де-Франс, Шампань. Восстали преимущественно крестьяне; к ним примкнули деревенские ремесленники, мелкие торговцы, сельские священники. Восставших называли «Жаками» (от обычной в то время клички крестьянина «Жак-простак»). Отсюда произошло появившееся позднее название «Жакерия». Современники же называли восстание «войной недворян против дворян», и это название хорошо вскрывает суть движения. С самого начала восстание приняло радикальный характер: жаки разрушали дворянские замки, уничтожали списки феодальных повинностей, убивали феодалов, стремясь «искоренить дворян всего мира и самим стать господами». Общее число восставших во всех областях, по сведениям современников, достигало примерно 100 тыс.

Некоторые города открыто перешли на сторону крестьян; в других восставшие пользовались сочувствием городских низов. Парижане, стремясь помешать блокаде столицы дофином, помогли жакам в разрушении многих замков вокруг Парижа, послав на помощь несколько отрядов. Но настоящий союз горожан и крестьян не сложился.

Наибольший размах восстание приняло в Бовези. Во главе объединившихся отрядов крестьян стал Гильём Каль, человек бывалый и знакомый с военным делом. Он назначал капитанов в отдельные отряды и рассылал по другим областям приказы, запечатанные печатью с королевским гербом; у восставших были и знамена с королевским гербом. Крестьяне выступали против феодалов, но за «доброего короля». 8 июня около селения Мелло крестьяне встретились с войском Карла Злого, короля Наваррского, который спешил со своими на-варрскими и английскими рыцарями в Париж, рассчитывая захватить французский престол. Крестьяне и рыцарские отряды простояли два дня друг против друга в полной боевой готовности. Но так как численный перевес был на стороне Жаков, то Карл Злой предложил перемирие и выразил готовность сотрудничать с крестьянами, называя себя союзником Этьена Марселя. Поверив рыцарскому слову короля, Каль явился к нему для переговоров, но был вероломно схвачен. После этого рыцари бросились на лишенных военачальника крестьян и жестоко их разгромили. Гильём Каль и его товарищи были преданы мучительной казни. На этом восстание в Бовези прекратилось. В других областях, где действовали по большей части разрозненные крестьянские отряды, волнения продолжались до августа 1358 г. Характерно, что сил местного дворянства оказалось

недостаточно, и для победы над крестьянами повсюду потребовались королевские отряды. После подавления восстания дворянство жестоко расправилось с крестьянами: казни, штрафы и контрибуции обрушились на деревни и села. Однако, несмотря на победу, феодалы долго не могли забыть панического ужаса, охватившего их во время восстания, и боялись повышать феодальные платежи.

Жакерия разделила обычную судьбу крестьянских восстаний эпохи феодализма, которые неизбежно кончались поражениями. Свою цель — уничтожение феодалов — жаки понимали отчетливо и активно ее осуществляли. Но их смутные социально-политические чаяния, сводившиеся к свободной жизни «без господ» под главенством «доброего короля», были неосуществимой мечтой. В этом проявились монархические иллюзии, характерные для крестьянских восстаний средневековья.

Жакерия способствовала дальнейшему ходу начавшегося разложения феодальных отношений. Рост товарного производства, укрепление самостоятельности крестьянского хозяйства и его связей с рынком, развитие денежной ренты — эти процессы во французской деревне еще более ускорились и углубились после Жакерии. Крестьяне не смогли сокрушить феодальный строй и были разбиты, но их самоотверженная борьба до известной степени пресекла попытки сеньоров увеличить феодальную эксплуатацию и отстояла возможность дальнейшего развития личной свободы крестьянина и его хозяйства.

Разгром крестьян означал также конец парижского восстания. В конце июня дофин с большой армией подошел к стенам Парижа. Потеряв надежду на помощь от других городов, Этьен Марсель согласился впустить в столицу английский отряд, приведенный Карлом Злым. Это вызвало возмущение парижан. От Этьена Марселя отшатнулось большинство его приверженцев, и в конце июня он был убит сторонниками дофина. Дофин вступил в Париж и расправился с главными участниками восстания. Мероприятия штатов были отменены, и в дальнейшем они опять стали созываться только по воле короля для вотирования субсидий на войну.

Из бурных событий 1356—1358 гг. королевская власть извлекла некоторые уроки. При Карле V (1364—1380) была проведена налоговая реформа, упорядочен сбор субсидий и установлен контроль над сборщиками. Еще больший урок извлекла для себя городская верхушка. Она воочию убедилась в опасности, которая крылась для нее в народных движениях, и уже не пыталась больше бороться с королевской властью.

Франция во второй половине XIV в.

Мир с Англией, заключенный в 1360 г. в Бретины, был для Франции очень тяжелым. Английские владения простирались теперь на юг от Луары вплоть до Пиренеев, что составляло не менее трети страны. Франция должна была готовиться к новым сражениям. При Карле V были проведены реформы: усилена появившаяся в это время артиллерия, увеличены наемные отряды, укреплена власть коннетабля (главнокомандующего королевской армией). На эту должность, вопреки феодальному местничеству, был назначен мелкий бретонский рыцарь Дюгеклен — осторожный и ловкий полководец. Избегая крупных сражений и действуя одновременно почти по всей обширной границе английских владений, французская армия постепенно оттеснила англичан к морю, так что к середине 70-х годов XIV в. у них остались только Бордо, Байонна и побережье между ними. Но эти крупные успехи были достигнуты в результате чрезвычайного напряжения сил. Огромные расходы на войну легли тяжелым бременем на плечи народа — крестьянства и основной массы городского населения, так как привилегированные сословия и городская верхушка по-прежнему перекладывали на них главную долю платежей.

Народные восстания

В 1379—1384 гг. по всей стране прокатилась волна восстаний, начавшихся в городах Лангедока. Как только в конце 1379 г. был объявлен новый чрезвычайный налог, вспыхнуло восстание в Монпелье. Ремесленники и беднота ворвались в ратушу и убили королевских финансовых чиновников, а затем обратили свой гнев против купцов и дворян, грабя и убивая их. Такие же восстания разразились в Алэ, Ниме и Клермоне. Правительству пришлось уступить и уменьшить размеры налога.

В начале 1382 г., когда правительство попыталось вновь вернуться к прежней налоговой политике, начались восстания в северных городах. В феврале в Руане восстали мелкие ремесленники, подмастерья и внецеховая беднота. Часть членов городского совета бежала. Восставшие провозгласили отмену всех налогов и несколько дней были хозяевами города. Такие же восстания произошли в Амьене, Сен-Кантене, Лане, Суассоне, Реймсе, Орлеане.

Одновременно с руанскими событиями и по той же причине вспыхнуло восстание в Париже. Мелкие ремесленники и торговцы вместе с городской беднотой взялись за оружие, образовали отряды, перегородили улицы цепями, поставили стражу у ворот. Восставшие убили главного сборщика налогов и, захватив в ратуше боевые молоты (*maillets* — отсюда название повстанцев *maillotins*, майотены, что значит «люди с молотами») и другое военное снаряжение, стали грабить и убивать налоговых сборщиков, членов городского совета, богатых купцов и мастеров, а также дворян. Правительство вынуждено было отменить новые налоги и дать восставшим амнистию, но затем расправилось с их вождями.

Характерно, что все эти восстания начинались с выступлений против правительственных налогов, но затем сразу же следовали насильственные действия против представителей городских властей, богатой городской верхушки и дворян. Городские восстания 80-х годов были жестоко подавлены. Города тяжело пострадали от репрессий и огромных штрафов, потеряли многие свои права и привилегии.

Вслед за горожанами вновь пришло в движение крестьянство. Отдельные и разрозненные выступления имели место на севере — в районах, где ранее происходила Жакерия. Но главные события развернулись в Лангедоке, Оверни, Пуату, Дофинэ. Там разразилась настоящая крестьянская война, охватившая большую, чем Жакерия, территорию и длившаяся свыше двух лет (с весны 1382 г. по лето 1384 г.). Восставшие крестьяне, к которым присоединились и многие городские ремесленники, именовались тюшенами (*tauche* — лесок, т. е. «скрывающиеся в лесу»). Но возможно, что здесь существует аналогия с именем восставших тогда же крестьян Савойи — тукинов). Война началась с протеста против введения нового тяжелого налога, но вскоре тюшены объявили себя врагами дворянства, духовенства, купцов, «всех, кто не имел шершавых и мозолистых рук». В открытом бою близ Нима они, как и жаки, были разбиты, но, действуя мелкими отрядами и нападая из засады, оставались неуловимыми. Им удалось захватить немало замков и мелких городков. Даже в крупных городах (Бокере, Ниме, Нарбонне, Каркассоне) они находили приют и поддержку, так как и там народ восставал против налогов, а городская верхушка была порой бессильна подавить движение низов. В первой половине 1383 г. на юге тюшены фактически были господами положения, но летом 1383 г. дворянские отряды заставили их отступить в Севеннские и Овернские горы. В 1384 г. главные силы крестьян были разбиты, но отдельные их отряды действовали еще в 1390 г. На южные города и на сельское население обрушились жестокие репрессии и штрафы. Однако правительству все же пришлось снизить налоги, и в конце XIV — начала XV в. оно не рисковало больше их повышать.

Феодальная междоусобица. Восстание кабошьенов.

В правление психически больного Карла VI (1380—1422) началась ожесточенная усобица двух феодальных партий, во главе которых стояли дядья и опекуны короля — герцоги Бургундский и Орлеанский. Последний действовал совместно со своими

родственниками, крупными феодалами юга — графами Арманьяками, поэтому усобица называлась «войной бургундцев и арманьяков». Пользуясь временным ослаблением центральной власти, принцы королевского дома стремились к полной самостоятельности в своих апа-нажах (владениях, выделявшихся им из состава королевского домена), а южные феодалы жаждали сохранить свою независимость. Обе партии истребляли друг друга и нещадно грабили казну и народ, нанося огромный ущерб экономике и населению страны.

Париж, ставший в начале XV в. крупнейшим торгово-ремесленным центром не только Франции, но и всей Западной Европы, представлял особо желанную цель для бургундцев и арманьяков. Но парижское население воспротивилось им. На созванных в 1413 г. Генеральных штатах были высказаны протест против междоусобицы и жалобы на невыносимые злоупотребления назначенных герцогами чиновников. Однако штаты были бессильны чего-либо добиться.

Тогда в апреле 1413 г. в Париже вспыхнуло восстание. Главную роль в нем играли мелкие ремесленники (особенно мясники, дубильщики, скорняки), подмастерья и городская беднота. По имени одного из вождей — Симона Кабоша они стали называться «кабошьенами». Восставшие требовали умиротворения страны, снижения налогов и упорядочения их взимания. Выступление кабошьенов было использовано зажиточными слоями города, которые добились от правительства осуществления умеренных реформ в финансовой и судебной областях. Однако по мере развертывания восстания все более обнаруживалась враждебность кабошьенов по отношению к городской верхушке. Напуганные этим зажиточные слои горожан отошли от движения. В результате к началу сентября Париж заняли арманьяки, которые при поддержке городской верхушки жестоко расправились с восставшими. Объявленные реформы были отменены.

Возобновление Столетней войны

В 1415 г. началось новое вторжение англичан во Францию. Английский король Генрих V высадился с войском в устье Сены и направился через Пикардию к Кале. В битве при Азенкуре в октябре 1415 г. рыцарская армия арманьяков была разбита. Многие французские феодалы оказались в плену или были убиты; в плен попал герцог Орлеанский. Затем англичане захватили Нормандию и Мэн. Опять, как и в 1356 г., Франция осталась без армии и без денег. По сравнению с XIV в. положение было даже худшим, так как междоусобица не только страшно разорила страну, но и привела к расколу ее территории. Герцог Бургундский стал независимым государем не только в своем герцогстве, но и почти во всех восточных и некоторых северных землях Франции (Пикардия). Он также владел богатейшими в ту пору областями Западной Европы — Нидерландами (так стали называться Фландрия, Брабант и другие земли на территории теперешних Бельгии и Голландии) и Люксембургом. Стремясь сохранить свое независимое от короля положение, он вступил в союз с англичанами. Для населения Франции, сперва на севере, а потом и повсюду, бургундцы скоро стали такими же врагами, как и англичане.

В результате военных успехов англичане навязали Франции тяжелейшие условия мира (договор в Труа в 1420 г.), по которому она утратила независимость и стала частью объединенного англо-французского королевства. При жизни Карла VI правителем Франции становился английский король Генрих V, а затем престол должен был перейти к сыну английского короля и французской принцессы (дочери Карла VI) — будущему Генриху VI. Дофин Карл (сын Карла VI) был отстранен от наследования. Но смерть настигла Генриха V в 1422 г. в полном расцвете сил; спустя несколько месяцев умер и Карл VI. Невзирая на условия договора, дофин Карл провозгласил себя королем Франции Карлом VII (1422—1461). Англичане и герцог Бургундский признали королем Англии и Франции десятимесячного Генриха VI, за которого стал править его дядя — герцог Бедфорд.

Север Франции был занят англичанами; на востоке их владения плотно смыкались с владениями герцога Бургундского. Герцог Бретонский тоже был союзником англичан.

Владения Карла VII были сведены к провинциям, расположенным в центре страны, на юге (Лангедок) и на юго-востоке (Дофинэ). Королю принадлежала также область Пуату на Бискайском побережье, зажатая между Бретанью и английскими владениями на юго-западе. По размеру королевские земли не уступали территории, занятой англичанами. У короля было много крупных городов, оказавших ему в войне неоценимую помощь деньгами и людьми. Однако в целом территория короля была менее компактна, менее населена, менее плодородна, чем владения его врагов. Но в такой длительной войне, когда на карту было поставлено существование Франции как независимого национального государства, значение имели не только территория, но и другие факторы, сыгравшие немалую роль в дальнейших событиях.

Одним из них была политика англичан на завоеванных землях. Генрих V рассматривал захваченную территорию как свою собственность и сразу же принялся раздавать ее английским рыцарям и баронам, а некоторые порты в Нормандии заселил только англичанами. Для французов было только одно средство вернуться в родные края — борьба до победы.

В чрезвычайно тяжелом положении оказалось крестьянство оккупированной территории. Новые сеньоры неукоснительно взымали все феодальные поборы, новые власти взыскивали контрибуции и налоги, военные действия до крайности разорили сельское хозяйство. Малейшее неповиновение каралось самым свирепым образом. Все это вызывало у крестьян страстную ненависть к англичанам.

Английская стратегия заключалась в методичном продвижении с опорой на линию частых пограничных крепостей, которая постепенно отодвигалась к югу. Однако из-за действий партизан (см. ниже) гарнизоны приходилось держать и в тех крепостях, которые оказывались удаленными от линии сражений. В итоге все владения англичан были усеяны крепостями, что потребовало значительного рассредоточения их военных сил и ослабляло их. Гарнизоны этих крепостей грабили окрестное население, ибо добытые таким путем военные трофеи рассматривались как законное дополнение к жалованию солдат и капитанов.

Партизанская война

Самым важным фактором, обеспечившим конечную победу Франции, стало народное сопротивление захватчикам. Партизанская война населения оккупированной территории началась чуть ли не с начала вторжения англичан (1415) и разгоралась все больше и больше. Неуловимые партизанские отряды, находившие у жителей (хотя это грозило жестокими казнями) помощь и поддержку, подрывали владычество англичан. Последние уже не рисковали передвигаться иначе, как многочисленными и хорошо вооруженными отрядами. Порой они даже не осмеливались покидать свои крепости. Многие из занятых англичанами городов находились в тайных сношениях с королем. В Париже и Руане были раскрыты заговоры. Англичане пытались найти выход в дальнейшем продвижении на юг. С этой целью была предпринята осада Орлеана, который непосредственно примыкал к английской территории. В 1428 г. небольшая армия, состоявшая из прибывших из Англии и собранных по нормандским гарнизонам отрядов, прибыла под Орлеан и начала возводить вокруг него осадные укрепления.

Весть об этом ужаснула французов. Взяв эту первоклассную по тем временам крепость и перейдя Луару, англичане не встретили бы дальше, по дороге на юг, хорошо укрепленных городов. В случае же, если бы с юго-запада к ним навстречу двинулись войска из Бордо, то королевская армия, зажатая с двух сторон, оказалась бы в безнадежном положении. В это крайне тяжелое и опасное для Франции время борьбу с иноземными захватчиками возглавила Жанна д'Арк, сумевшая добиться решающего перелома в войне.

Жанна д'Арк

Жанна д'Арк родилась в 1412 г. в местечке Домреми на самой границе Франции с Лотарингией. К 1428 г. война докатилась и до этой окраины. Как и все французские патриоты, Жанна тяжело страдала, видя бедствия, обрушившиеся на горячо любимую родину. Постепенно в ней зрело убеждение, что она должна отправиться к Карлу VII и стать во главе армии, чтобы изгнать англичан из Франции. Ей казалось, что она слышит голоса святых, которые обещали ей свою помощь. Весть о начавшейся осаде Орлеана заставила Жанну решиться на крайний шаг. Она явилась в ближайший городок Вокулёр и сумела убедить его жителей и коменданта замка в том, что ей предстоит спасти Францию. Ей дали коня, оружие, мужскую одежду и провожатых. Через занятые англичанами и бургундцами области она добралась в Шинон к Карлу VII. В окрестностях и в самом Орлеане народ уже знал о Жанне и верил в нее. Находясь в безвыходном положении, король поставил Жанну во главе армии, окружив ее своими военачальниками. Под их руководством Жанна быстро усвоила военную тактику того времени, а ее природный ум и наблюдательность помогли ей ориентироваться в обстановке и принимать верные решения. У нее было необычное отношение к рядовым воинам. Военачальники видели в них только солдат. Для Жанны каждый из них был прежде всего соотечественником, которому были дороги судьбы отчизны. Воодушевленная идеей, она проявляла удивительную отвагу и энтузиазм, зажигая им окружающих. Она была впереди всех в самых опасных местах и увлекала других.

В конце апреля Жанна прибыла с армией в Орлеан. Английские укрепления под городом отстояли довольно далеко друг от друга, так как армия была недостаточно велика, чтобы окружить город плотным кольцом. За четыре дня эти форты были поодиночке взяты французами, и 8 мая — день этот и теперь празднуется в Орлеане — англичане сняли осаду крепости. Победа под Орлеаном имела столь же огромное значение, сколь велика была опасность потерять этот город. Кроме того, это была первая большая победа после многих поражений и долгих лет национального унижения. По всей стране прокатилась волна восторга, и слава о Жанне дошла до самых отдаленных уголков.

После освобождения Орлеана Жанна отправилась с Карлом VII в Реймс, где состоялась торжественная коронация. Положение Карла VII как короля независимого от англичан французского государства было узаконено не только в глазах народа, но и во мнении правителей и населения других стран Европы.

Слава и популярность Жанны возросли необычайно. Народ, города, армия видели в ней не только спасительницу родины, но и своего вождя. Ее мнения спрашивали по самым различным поводам. Необыкновенная популярность Жанны отодвинула в тень не только советников короля, но и его самого. В этом была причина охлаждения к Жанне со стороны Карла и его ближайшего окружения.

Поход в Реймс, коронация и занятие Шампани резко улучшили позиции короля. Однако предпринятая Жанной попытка штурма Парижа кончилась неудачей. В Париже стоял большой английский гарнизон, и взять силой огромный город было трудно.

В мае 1430 г. в стычке под Компьеном, куда Жанна явилась, чтобы выручить осажденный бургундцами город, она была захвачена в плен. Герцог Бургундский продал свою пленницу англичанам за 10 тыс. золотых. В конце 1430 г. Жанну перевезли в Руан — центр английских владений — и предали инквизиционному суду. Чтобы умалить значение военных успехов французов, англичанам нужно было осудить Жанну. Церковники во главе с епископом Кошоном прибегли к излюбленному приему, обвинив ее в колдовстве. Жанна мужественно защищалась, но инквизиторы пустили в ход все средства, чтобы ее погубить. Жанна была приговорена к смерти и в мае 1431 г. погибла на костре. Карл VII, которому Жанна оказала такую помощь, ничего не предпринял, чтобы спасти ее. Уход Жанны д'Арк с политической арены был на руку королю и придворной клике. Лишь спустя четверть века Карл VII приказал пересмотреть судебный процесс, и героиня Франции была признана невиновной в предъявленных ей обвинениях.

Вопреки расчетам англичан и их пособников казнь Жанны д'Арк не спасла их. В 1435 г. герцог Бургундский заключил союз с Карлом VII. Затем англичане потеряли Париж, Руан, Нормандию, Бордо, и на этот раз навсегда; в их руках оставался только Кале.

В 1453 г. кончилась война, стоившая французскому народу неисчислимых жертв, ценой которых он спас независимость своей родины. Полностью был восстановлен государственный суверенитет Франции и ликвидированы притязания английских королей на французскую корону и французские земли. Возобновился прерванный войной процесс складывания централизованного государства.

Деревня во второй половине XV в.

Война нанесла тяжелый урон экономике Франции. Особенно пострадали северо-восточные провинции, лишь через 20—30 лет снова достигшие уровня, на котором находились до начала войны, в 30-х годах XIV в. Запустение многих жизненно важных районов на севере было настолько значительно, что правительство было вынуждено принять срочные меры. В 1451 г. король освободил на восемь лет от налога тех крестьян, которые вернутся на прежние места. Сеньоры, чьи земли были заброшены и почти не приносили дохода, звали к себе крестьян, предоставляя им землю в наследственное держание за низкий и неизменный ценз или за ренту в 1/8—1/12 часть урожая, причем держателям предоставлялось право распоряжения землей. Возможность получить землю на таких льготных условиях вызвала переселение сервов из центральных и восточных районов, где в отдельных местах еще существовало крепостное право. Их сеньоры, стремясь удержать крестьян и привлечь новых поселенцев, соглашались на выкуп из крепостной зависимости. Но как только жизнь более или менее наладилась, феодалы и королевская власть перешли в наступление на крестьян. За сеньорами было признано право собственности на запустевшие земли. Они воспользовались этим, чтобы полностью присвоить себе многие общинные угодья, возобновить отмершие баналитеты, повысить ценз и другие поборы. Крестьяне вели с сеньорами упорную борьбу. Сельские общины после освобождения крестьян от личной зависимости в XIII—XIV вв. расширили свою компетенцию и были признаны официально. Они окрепли во время войны, когда деревни были зачастую брошены на произвол судьбы и крестьянам приходилось прибегать к вооруженной самозащите. В XV в. сельские коммуны завоевали себе многие права. У них были выборные должностные лица, которые ведали раскладкой и сбором налогов, представляли коммуну в королевских судах при тяжбах с сеньорами, управляли всеми внутренними делами деревни. Сплоченность крестьян в пределах сельской общины помогала им противостоять попыткам сеньоров увеличить феодальный гнет, которые в общем потерпели неудачу: ценз остался неизменным, а прочие поборы повысились лишь в незначительной мере.

Однако начавшееся в 40-х годах XV в. укрепление центральной власти принесло крестьянам новые тяготы. За 22 года правления короля Людовика XI (1461—1483) одна лишь королевская талья, уплачивавшаяся преимущественно крестьянами, повысилась более чем в три раза. Налоги разоряли малоимущие слои деревни и тяжело ложились на крестьянство в целом. В конце XV в. трудолюбие крестьянства вернуло Франции известное изобилие в производстве пшеницы, вина, мяса и других продуктов, так что в урожайные годы зерно вывозилось в Англию, Нидерланды, Испанию и непрерывно рос экспорт высококачественных вин. Все это означало рост продуктивности именно крестьянского хозяйства.

Города и торговля

Даже в самые тяжелые годы войны ремесло находилось в несколько лучшем состоянии, чем сельское хозяйство. Защищенные крепкими стенами города не знали такого безудержного грабежа и разорения, которое выпало на долю деревни. Поэтому ремесло

возродилось быстрее; к тому же Людовик XI, стремясь к развитию экономики страны, покровительствовал городам и особенно поощрял такие отрасли производства, как шелкоткачество, металлургия и металлообработка, книгопечатание, изготовление стекла, легких шерстяных тканей (более дешевых, чем сукно) и др. Он предоставлял различные льготы и привилегии ремесленникам и купцам, выписывал специалистов из Германии и Италии. В его экономической политике, особенно в отношении таможенных тарифов, уже проступали черты будущего меркантилизма (государственного покровительства отечественной промышленности и торговле с целью привлечения в страну денег), но в основном она была направлена лишь на то, чтобы страна не тратила денег на ввоз изделий, а производила их сама. Людовик XI приложил много усилий для того, чтобы укрепить цеховую систему, главным образом из фискальных соображений, ибо звание мастера покупалось у короля. Он распространил эту систему на многие южные города, где до того господствовало свободное ремесло. Мастера имели в цехах полную власть, а подмастерья были поставлены в подчиненное и бесправное положение. Их объединения — компаньонажи — запрещались.

Вторая половина XV в. была для Франции периодом расцвета ярмарок — общенациональных, провинциальных, местных, игравших большую роль в развитии общенационального рынка. Обеспечивая постоянные торговые связи между отдельными частями страны, ярмарки способствовали развитию хозяйственной специализации провинций. Крупная оптовая торговля велась на лионских и нормандских (в Руане и Кане) ярмарках, затем товары перепродавались на ярмарках местного значения. Очень выросло значение Лиона как крупнейшего торгового центра, связывавшего северные области с южными, средоточия итальянских и немецких банкиров. Наряду с иностранными банкирами начали действовать и французы. Еще при Карле VII крупные займы предоставлял правительству богатейший купец Жак Кёр, наживший огромное состояние на торговле с Левантом, на эксплуатации рудников и откупе налогов. Расцвела морская торговля, способствовавшая образованию крупных купеческих капиталов.

Политическое объединение Франции

В 30-х годах XV в. в связи с победами французской армии возобновился прерванный войной и длительной феодальной усобицей процесс укрепления центральной королевской власти, которая в ту пору явилась выразителем национального единства и государственного суверенитета. Принцы королевского дома, крупные сеньоры южных областей и особенно герцоги Бретонский и Бургундский, которые были полновластными государями в своих владениях, пытались протестовать против мероприятий Карла VII, направленных к умалению их прав. При Людовике XI дело дошло до вооруженной борьбы с королем. Принцы образовали так называемую Лигу общественного блага и провозгласили демагогическое требование уничтожения налогов с целью использовать недовольство городов и крестьянства усилением налогового гнета. Главой Лиги был герцог Бургундский Карл Смелый (1467—1477), чьи владения выросли за счет северных нидерландских провинций и областей по Рейну. Бургундские земли простирались с северо-востока Франции почти до Лиона и включали чисто французские области — Бургундию, Нивернэ, Пикардию.

Лигу поддерживала часть среднего и мелкого дворянства, а также верхушка некоторых городов, находившихся на территории принцев. Большую роль во время войны Лиги сыграл Париж. Основная масса парижан была на стороне короля и не допустила вступления принцев в столицу, но большая часть духовенства, чиновничества и купечества прислушивалась к обещаниям Лиги вернуть им права, незадолго до того отобранные королем. Эта позиция верхов столицы заставила Людовика XI подписать в конце 1465 г. тяжелые условия мира и предоставить членам Лиги значительную свободу в их владениях. Король получил передышку и воспользовался ею для укрепления союза с городами и

разъединения своих врагов. Он натравливал их друг на друга и затем расправлялся с каждым в отдельности. Но главная политическая задача заключалась в подчинении Карла Смелого. Она оказалась трудной и потребовала больших расходов и тонкой дипломатии, в которой Людовик XI был очень искусен.

Потерпев неудачу в военных действиях против Карла Смелого, Людовик XI перешел к политике поддержки его врагов — лотарингцев и швейцарцев, страдавших от агрессии герцога Бургундского. Король поддерживал также города Фландрии, восставшие против Карла Смелого. Гибель герцога в 1477 г. в битве при Нанси (в Лотарингии) позволила Людовику XI воссоединить с Францией Пикардию, Нивернэ и герцогство Бургундское (т. е. западную половину Бургундии). Графство Бургундское (Франш-Конте) и Нидерланды остались у дочери Карла Смелого Марии, вышедшей замуж за Максимилиана Габсбурга, сына германского императора. Эти владения послужили впоследствии основой для формирования фамильных владений Габсбургов.

В 1481 г. к Франции был присоединен Прованс с крупнейшим средиземноморским портом Марселем, игравшим большую роль в торговле французских купцов с Левантом, Италией, Испанией и северным побережьем Африки. В итоге к концу правления Людовика XI объединение страны в единое государство с крепкой центральной властью было в основном завершено. Уже после смерти Людовика XI (в 1491 г.) в результате брака Карла VIII и Анны Бретонской к Франции была присоединена Бретань (но окончательно она вошла в состав Франции в следующем столетии). Вне французских границ в конце XV в. оставались Лотарингия, Франш-Конте, Руссильон и Савойя, присоединение которых растянулось до середины XIX в. Значительно продвинулся, хотя еще далеко не завершился, процесс слияния двух народностей. В XIV—XV вв. в Северной Франции сложился на основе парижского диалекта единый язык, развившийся затем в современный общепольский язык; однако на юге продолжали существовать местные диалекты провансальского языка. Все же в XVI век Франция вступила как крупнейшее из централизованных государств Западной Европы с развивающимися экономическими связями, богатыми городами и растущей культурной общностью.

Глава 10

АНГЛИЯ В XI-XV вв.

1. АНГЛИЯ В XI-XII вв.

Нормандское завоевание

К середине XI в. в Англии в основном уже господствовали феодальные порядки, но процесс феодализации еще не завершился. Значительная часть крестьян, особенно на северо-востоке страны, в области «датского права» («Денло»), оставалась свободной, а феодально зависимые держатели земли еще не слились в единый слой крепостных. Феодальное поместье и феодальная иерархия еще не приняли законченной формы и не получили повсеместного распространения.

Завершение процесса феодализации в Англии было связано с нормандским завоеванием второй половины XI в. Во главе завоевателей стоял герцог Нормандии Вильгельм. Стремление к захвату добычи, к приобретению новых поместий и крепостных сплотило вокруг него не только феодалов Нормандии, но и множество рыцарей из других

областей Франции и даже из Италии. Поводом для похода на Англию явились претензии герцога на английский престол, основанные на родстве Вильгельма с умершим в 1066 г. английским королем Эдуардом Исповедником. Притязания Вильгельма поддержал папа.

В сентябре 1066 г., переплыв Ла-Манш, Вильгельм высадился со своим войском на юге Англии. Рыцарская конница и пехота нормандского герцога были более многочисленны и лучше вооружены, чем войско нового, избранного уитенагемотом после смерти Эдуарда, англосаксонского короля Гарольда, состоявшее из его личной дружины и наспех собранного крестьянского ополчения. Крупные феодалы — эрлы Средней и Северо-Восточной Англии — не оказали Гарольду необходимой помощи. В решающей битве близ Гастингса в октябре 1066 г., несмотря на упорное и мужественное сопротивление, англосаксы потерпели полное поражение. Гарольд пал в бою, а Вильгельм, захватив Лондон, стал королем Англии — Вильгельмом I Завоевателем (1066-1087).

Но ему и нормандским баронам понадобилось несколько лет, чтобы подчинить себе всю страну. В ответ на массовые конфискации земли у англосаксов, сопровождавшиеся закрепощением сохранивших еще свободу крестьян, вспыхнул ряд восстаний. Наиболее крупные крестьянские восстания произошли в 1069 и 1071 гг. на севере и северо-востоке страны — в «Денло». Завоеватели свирепо расправлялись с восставшими крестьянами, сжигали целые деревни, убивали жителей. Цветущая Йоркская долина и большая часть графства Дарем — основные районы восстания — были превращены в пустыню и в течение нескольких десятилетий оставались почти необитаемыми. После окончательного покорения страны почти все земельные владения англосаксонской знати были отняты и отданы завоевателям. Лишь Низший слой англосаксонских феодалов — мелкопоместные землевладельцы — сохранили в большинстве свои держания, но должны были подчиниться нормандским «баронам», как стали теперь называть в Англии крупных феодалов. Средние и мелкие феодалы и тогда, и позднее назывались в Англии рыцарями. На высших церковных должностях, как и в светской администрации, англосаксы были заменены нормандцами — выходцами из Франции.

Таким образом, в результате завоевания почти целиком обновилась верхушка господствующего класса.

Раздача земли производилась постепенно, по мере ее конфискации, и в руки нормандских баронов попадали земли, находившиеся в различных графствах Англии. В результате владения многих баронов, хотя и были обширными, но оказались разбросанными, что препятствовало образованию в Англии крупных территориальных княжеств, независимых от королевской власти. Около одной седьмой части всех возделываемых земель Вильгельм оставил себе в качестве «домена короны». В состав его вошла и значительная часть лесов, превращенных в охотничьи заповедники. Крестьянам, осмелившимся охотиться в королевском лесу, грозило страшное наказание — им выкалывали глаза.

В домене короля находилось и большинство городов. Обладание громадными материальными ресурсами являлось одним из существенных условий сильной королевской власти в Англии.

«Книга Страшного суда»

Важное значение в укреплении феодальных порядков в Англии имела земельная перепись, произведенная Вильгельмом в 1086 г. Ее результаты, записанные на пергаменте, получили в народе название «Книга Страшного суда» («Domesday book»). Она была названа так, видимо, потому, что лица, дававшие сведения для ее составления, обязывались под страхом наказания говорить, ничего не утаивая, как на «страшном суде», которым, по церковному учению, должно было завершиться существование мира.

В «Книге Страшного суда» было подробно записано, какие земельные владения в каждом графстве принадлежат королю, какие — духовным и светским сеньорам, каким

количеством вассалов (рыцарей-ленников) располагает каждый из баронов, сколько в каждом маноре (т. е. вотчине) числится гайд (в это время — уже фискальных единиц), сколько плугов земли (земельных наделов), сколько плуговых упряжек (т. е. рабочего скота, волов) на господской земле и у крестьян, сколько крестьян разных категорий. Указывалась также приблизительная доходность поместья в деньгах. Перепись преследовала в основном две цели: во-первых, король хотел точно знать размеры землевладения и доходы каждого из своих вассалов для того, чтобы требовать от них определенной службы; во-вторых, король стремился получить точные сведения для обложения населения денежным налогом.

Перепись ускорила закрепощение крестьян, так как многие из свободных крестьян были занесены в «Книге Страшного суда» в разряд вилланов. В XI в. в Англии термин «виллан» (буквальный смысл его — поселянин, сельский житель) имел еще довольно широкое и неопределенное значение. Как правило им обозначались крестьяне, находившиеся уже в поземельной зависимости и платившие феодальную ренту, а чаще всего выполнявшие барщину. Со второй половины XII в. виллан в Англии, в отличие от Франции, где вилланами называли лично свободных крестьян, — это крепостной. Нормандское завоевание привело, таким образом, к ухудшению положения крестьян и содействовало окончательному оформлению в Англии феодальных порядков.

Аграрный строй и положение крестьянства

В XI — начале XII в. население Англии, по данным «Книги Страшного суда», составляло около 1,5 млн. человек; из них громадное большинство (не менее 95%) жило в деревне. Преобладающим занятием населения было земледелие с характерной для Англии, где долго сохранялась сельская община, системой открытых полей, выпасом по жнивью, чересполосицей и принудительным севооборотом. На северо-востоке, главным образом в Йоркшире и Линкольншире, а также на западе, в Глостершире (возвышенность Котсуолд), на восточных склонах Пеннинских гор и в южной части Оксфордшира (Чилтернские холмы) значительное распространение получило овцеводство. Шерсть уже в это время была важным предметом торговли. Вывозили ее преимущественно во Фландрию, где фламандские ремесленники вырабатывали из нее сукна, пользовавшиеся спросом в различных странах Европы.

После нормандского завоевания английская феодальная вотчина (манор), начавшая складываться еще в англосаксонский период, принимает законченную форму, подчинив себе ранее свободную сельскую общину, превратив ее в крепостную. Хозяйство манора основывалось главным образом на барщинном труде зависимых крестьян. В хозяйственный распорядок общины включились не только наделы зависимых крестьян-держателей (вилланов и др.), но и господские земли (домен) и земли еще сохранившегося слоя свободных крестьян. Преобладающим типом вотчины в Англии XI—XII вв. был манор с доменом, вилланами и свободными держателями, но было и немало маноров, значительно отличавшихся от этого типа. Манор XI—XII вв. оставался в основном натурально-хозяйственной организацией.

Основную часть крестьянства, по данным «Книги Страшного суда», составляли вилланы, имевшие полный надел земли — вирхаху. (30 акров), или часть надела, а также долю участия в общинных выпасах и лугах; они выполняли барщину, платили натуральные и денежные платежи в пользу лорда. В «Книге Страшного суда» указаны также бордари — зависимые крестьяне с наделом, значительно меньшим, чем у виллана (обычно от 7 до 15 акров). Помимо вилланов и бордариив в английской деревне XI—XII вв. имелись коттари (позднее коттеры) — зависимые крестьяне, держатели мелких земельных клочков — обычно в 2—3 ацт усадебной земли. Они работали на лорда и добывали средства к существованию дополнительными занятиями (коттари были пастухами, сельскими кузнецами, колесниками, плотниками и т.п.). Самую низшую категорию зависимых крестьян составляли сервы. В основном это были дворовые люди, не имевшие, как правило, наделов

и своего хозяйства и выполнявшие самые различные тяжелые работы в господской усадьбе и на господских полях.

Свободное крестьянство не исчезло в Англии и после нормандского завоевания, хотя численность его значительно сократилась и правовое положение ухудшилось. Наличие в деревне, наряду с зависимыми, слоя лично свободных крестьян (фригольдеров), составляло одну из характерных особенностей аграрного развития Англии в средние века. Особенно много свободных крестьян сохранилось на северо-востоке страны — в «Денло». Хотя свободный крестьянин был обязан уплачивать лорду обычно небольшую денежную ренту, выполнять некоторые относительно легкие повинности и подчиняться его юрисдикции, он не был прикреплен к земле и считался юридически свободной личностью.

На протяжении XII в. различные категории зависимого крестьянства все больше превращаются в единую массу крепостных крестьян — вилланов, главной повинностью которых являлась барщина, обычно в размере трех, а иногда и более дней в неделю. Кроме того, виллан платил оброк отчасти продуктами, отчасти деньгами. Он часто подвергался произвольному обложению со стороны господина, уплачивая особый взнос при выдаче замуж дочерей (меркет), отдавал помещику лучшую голову скота при вступлении в наследство (гериот); он обязан был также соблюдать мельничный, пивоваренный и другие баналитеты. Росли и многочисленные церковные поборы, самым тяжелым из которых была десятина.

Развитие городов

Города начали возникать в Англии как центры ремесла и торговли в X—XI вв., еще до нормандского завоевания. «Книга Страшного суда» насчитывает до сотни городов, в которых жило около 5% всего населения. Основой городского развития, как и в других странах, были ремесло и торговля.

В результате усиления политических связей Англии с Нормандией и другими французскими землями окрепли и расширились ее торговые связи. Значительную торговлю с континентом вел Лондон, игравший роль главного центра в этой торговле, а также Саутгемптон, Дувр, Сендвич, Ипсвич, Бостон и другие города. Предметами вывоза наряду с шерстью были свинец, олово, скот. Несколько позже (с конца XII — начала XIII в.) стали вывозить хлеб и кожи. Уже в XI и особенно в XII в. получили значительное распространение ярмарки (Винчестерская, Бостонская, Стамфордская, в Сент-Айвзе, в Йорке и др.), которые посещались купцами не только из Фландрии, но и из Италии, Германии и других стран. Большое место на этих ярмарках занимала торговля шерстью. Шерсть продавали и светские феодалы и особенно монастыри, а также некоторые крестьяне.

С ростом городов как экономических центров постепенно формировалось сословие горожан. Как уже говорилось, большинство наиболее значительных городов было расположено на королевской земле, и их сеньором являлся сам король. Это обстоятельство крайне осложняло борьбу горожан за освобождение от сеньориальной власти, так как бороться с таким могущественным сеньором отдельным, даже крупным городам было не под силу. Поэтому ни один из английских городов не смог добиться права полного самоуправления типа французской коммуны; английские города вынуждены были довольствоваться лишь отдельными экономическими и финансовыми привилегиями и частичным самоуправлением.

Освобождения от обременительных феодальных платежей они обычно добивались путем уплаты сеньору ежегодной фиксированной денежной суммы (так называемой фирмы) с правом горожан самим производить раскладку и сбор этих средств среди жителей. За деньги же они часто приобретали право самоуправления и суда, ограничивавшее вмешательство королевских или сеньориальных должностных лиц в дела городской общины. Города покупали также право иметь привилегированную корпорацию горожан (так называемую торговую гильдию), в которую обычно входили не только купцы, но и

некоторые ремесленники. Хартии, оформлявшие добытые горожанами права и привилегии, имели в XII в. уже многие города. Однако пользоваться ими и участвовать в управлении городом могли лишь те, кто принимал участие в уплате «фирмы», т. е. наиболее состоятельные горожане.

В Лондоне, Линкольне, Йорке, Гантингдоне, Винчестере и других городах еще в конце XI — начале XII в. появляются собственно ремесленные гильдии (цехи), которые вступают в борьбу со стоявшей у власти городской верхушкой. Острые социальные противоречия между массой ремесленников и мелких торговцев, с одной стороны, и богатыми горожанами — с другой, в полную силу проявились в лондонском восстании 1196 г., возникшем на почве несправедливого распределения налогов представителями городской верхушки. Во главе недовольных стоял Уильям Фиц-Осберт, прозванный Длиннобородым. Он открыто обличал лондонских богачей, обвинял их в стремлении «сохранить собственные карманы за счет бедных налогоплательщиков». Движение было жестоко подавлено, Фиц-Осберт в девять его единомышленников были повешены.

Особенности ленной системы и политического развития страны. Значение нормандского завоевания.

Новые крупные феодальные землевладельцы — нормандские бароны являлись непосредственными вассалами короля. Они обязаны были ему военной службой и значительными денежными платежами. Но Вильгельм требовал вассальной службы не только от баронов, но и от более мелких феодалов — рыцарей, являвшихся вассалами баронов. Все рыцари, чьими бы вассалами они ни были, обязаны были принести присягу в верности королю и по его требованию нести службу в королевской армии. С введением прямой вассальной зависимости всех феодальных землевладельцев от короля система вассалитета получила в Англии более законченный и более централизованный характер, чем на континенте, где обычно действовало правило: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Это своеобразие ленной системы в Англии наряду с наличием крупного королевского домена, включавшего богатые города, а также с отсутствием крупных территориальных княжеств сыграло существенную роль в том, что королевская власть в Англии уже в XI— начале XII в. была более сильной, чем в странах континента. Важную роль в усилении королевской власти в стране, особенно непосредственно после завоевания, сыграла также враждебность местного населения — крестьянства, а отчасти и мелкого англосаксонского рыцарства — к нормандским завоевателям, которая заставляла последних спланиваться вокруг короля. После завоевания Вильгельм провел ряд мер, обеспечивших контроль за управлением. Во главе графств, на которые делилась Англия, были поставлены шерифы — назначаемые королем должностные лица, представители центральной власти на местах. Они ведали делами администрации и суда, сбором налогов и королевских доходов. Вместе с тем в организации местного управления королевская власть стремилась опереться на прежние учреждения англосаксов. Так, собрания свободных жителей сотен и графств использовались для распределения и взыскания налогов, для суда и правительственных расследований. Были сохранены и увеличены все налоги, введенные в англосаксонский период. В результате этого в руках короля оказался мощный административный аппарат, крупные военные и финансовые ресурсы.

Таким образом, нормандское завоевание имело ряд важных последствий для истории Англии. Оно содействовало окончательному завершению процесса феодализации, начавшегося еще в англосаксонский период, привело к общему ухудшению положения английского крестьянства и к усилению его эксплуатации. Результатом нормандского завоевания было усиление связей Англии с континентом, расширение внешней и внутренней торговли, быстрый рост городов. Завоевание усилило королевскую власть,

закрепило политическое единство страны и содействовало образованию в Англии относительно централизованного феодального государства.

Развитие английского феодального государства в XII в.

Усиление центральной власти продолжалось в Англии и в XII в. Теперь, когда факт завоевания уже не являлся определяющим, продолжение этого процесса обуславливалось сложившимся в стране соотношением сил.

Укрепление феодального государства отвечало коренным интересам класса феодалов в целом, так как обеспечивало подавление сопротивления народных масс феодальному гнету. Нормандские бароны, для того чтобы удержать господство над враждебным англосаксонским населением, над закрепощаемым крестьянством, вынуждены были, по крайней мере на первых порах, поддерживать сильную королевскую власть. Правда, эта поддержка имела относительный и непостоянный характер. В дальнейшем, по мере укрепления их положения в стране, бароны нередко вступали в открытые конфликты с королевской властью. Однако у английских королей была и более постоянная поддержка. В борьбе с непокорными баронами они неизменно опирались на средних и мелких феодальных землевладельцев (рыцарство) как нормандского, так и англосаксонского происхождения. Сильная королевская власть ограждала рыцарей от крестьянских восстаний, обеспечивала возможность закрепощения и беспощадной эксплуатации крепостных и в то же время оберегала от земельных захватов и других посягательств на их права со стороны крупных феодалов.

Постоянную поддержку королю оказывала также церковь, крупнейший в Англии феодальный землевладелец. Вильгельм не скупился на богатые пожалования церкви, во главе которой были поставлены его сподвижники — нормандцы. Он дал церкви ряд важных привилегий (особенно право иметь самостоятельные церковные суды, независимые от обычной судебной организации). Королевская власть охраняла права и имущество церкви от захватов светских феодалов.

Поддерживали Вильгельма и горожане. Города, заинтересованные в укреплении внутренних экономических связей, нуждались в политической централизации страны. Поддержка таких значительных городов, как Лондон, Дувр, Норич, Ноттингем, имела важное значение для укрепления королевской власти. Наконец, в централизации государства было заинтересовано также свободное крестьянство, искавшее у короля защиты от феодалов, стремившихся к его закрепощению.

Опираясь на эти слои населения, преемники Вильгельма Завоевателя еще более укрепили систему государственного управления, центром которой был королевский дворец. При Генрихе I (1100— 1135), младшем сыне Вильгельма, значительную роль в управлении государством стал играть постоянный королевский совет — королевская курия (*curia regis*), являвшаяся одновременно судебным, административным и финансовым органом. В нее входили некоторые крупные феодалы, королевские судьи и лица, ведавшие королевской канцелярией, казной и сбором налогов (юстициарий, канцлер, казначей и др.). Кроме того, важное значение приобрели разъездные королевские судьи, периодически посылаемые в графства для судебных расследований, податного обложения и сбора налогов, контроля над деятельностью королевских должностных лиц в графствах. При Генрихе I наряду с королевским казначейством возникла и «Палата шахматной доски» (название это было связано с системой подсчета денежных сумм. Столы в палате были разделены продольными линиями на несколько полос, по которым в определенном порядке раскладывались и передвигались стопки монет, что напоминало игру в шахматы), ведавшая сбором королевских доходов и проверкой отчетности шерифов. Как и судебное ведомство, она составляла часть королевской курии.

После смерти Гешэиха-1 (1135), не оставившего после себя сыновей, началась длительная борьба за престол между его дочерью Матильдой, бывшей замужем за

французским графом, владельцем области Анжу, Жоффрау Плантагенетом, и племянником Генриха I Стефаном Блуаским. Пользуясь усобицей и ослаблением центральной власти, феодалы разоряли и грабили страну, особенно крестьянство и города. Феодалная анархия прекратилась лишь после заключения в 1153 г. соглашения между обеими враждующими сторонами, в силу которого после смерти Стефана престол должен был перейти к сыну Матильды — Генриху Плантагенету.

В правление Генриха II Плантагенета (1154—1189) во владения английского короля входили кроме Англии обширные земли анжуйского дома во Франции — Анжу, Мэн, Турень, Пуату, а затем и Аквитания. Английским королям со времени Вильгельма Завоевателя принадлежала и Нормандия. Англия стала таким образом частью большой державы Плантагенетов.

Опираясь на мелкое рыцарство и горожан, Генрих II беспощадно подавил пытавшихся продолжать смуты феодалов, распустив их отряды и срыв замки. Он сместил большую часть шерифов, принадлежавших к крупным землевладельцам, и стал назначать на эту должность менее знатных людей, всецело подчиненных королевской курии.

Важную роль в укреплении централизации государства сыграли реформы Генриха II. Стремясь расширить компетенцию королевского суда за счет сеньориальных судов, он провел судебную реформу. Сущность ее заключалась в том, что каждый свободный человек мог за определенную плату получить разрешение перенести свое дело из любого вотчинного суда в королевский, где дело расследовалось через присяжных, тогда как в вотчинных судах судебный процесс осуществлялся по-прежнему с помощью «божьего суда». («Божий суд» — древняя форма судебного процесса, распространенная у германских народов еще до варварских вторжений. При этой системе виновность обвиняемого в уголовных делах определялась с помощью «ордалии» — испытания водой, каленым железом, кипятком и т. п. В имущественных, а частности земельных, тяжбах решение зависело от результатов «судебного поединка» между тяжущимися).

Введение присяжных привлекло в королевский суд огромный приток судебных дел из сеньориальных курий. Падению влияния последних содействовало и то, что Генрих II изъял из их компетенции все тяжкие уголовные преступления и значительно ограничил их юрисдикцию по земельным искам. Королевская курия была признана высшим апелляционным судом для всех сеньориальных судов. От этой реформы выиграло прежде всего рыцарство, а также зажиточные свободные крестьяне и горожане. Подавляющего большинства населения страны — крепостного крестьянства — эта реформа не коснулась. Королевские суды не принимали иски вилланов против их господ; крепостные остались подсудны суду своего господина. Судебная реформа Генриха II отвечала классовым интересам феодалов. Усилив королевскую власть, оказав поддержку рыцарям и верхушке свободного крестьянства, она углубила пропасть между свободными и крепостными, оставила последних вне защиты королевских судов и тем содействовала ухудшению их юридического положения и усилению феодального гнета.

Расширение судебных функций королевской курии увеличило доходы короля. Но широкие массы населения страдали от тяжелых штрафов, налагавшихся королевскими судами.

В процессе судебной практики королевских судов стало постепенно вырабатываться так называемое общее право (common law) — единое для всей страны королевское право, которое постепенно вытесняло местное право, применявшееся в сеньориальных судах и судах сотен и графств.

Генрих II провел также военную реформу. Она заключалась в том, что военная служба феодалов в пользу короля ограничивалась определенным, сравнительно небольшим сроком. Взамен остальной, а иногда и всей службы феодалы должны были уплачивать особую денежную сумму — «щитовые деньги». На эти деньги король нанимал рыцарей, что уменьшало его зависимость от ополчения баронов. Кроме того, король предписывал, чтобы каждый свободный человек в соответствии с его имущественным положением имел

определенное вооружение и по призыву короля должен был являться для участия в походе. Тем самым как бы восстанавливалось пришедшее в упадок старинное ополчение свободного крестьянства (англосаксонский «фирд»).

Все эти реформы усиливали королевскую власть и содействовали централизации феодального государства.

Неудачной оказалась попытка Генриха II поставить под контроль государства церковные суды. На этой почве он столкнулся с главой английской церкви, архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом. В ходе борьбы по негласному приказу короля Бекет был убит (1170). В дело вмешался папа, вынудивший Генриха II под угрозой отлучения принести публичное покаяние и отказаться от реформы церковных судов.

Во второй половине XII в. началось завоевание Ирландии. К этому времени там только зарождался феодализм, еще силен был клановый строй и пережитки первобытнообщинных отношений. Английские бароны, используя междоусобную борьбу вождей ирландских кланов, предприняли в 1169—1170 гг. завоевательные походы в Ирландию. В 1171 г. сюда прибыл со своим войском и Генрих II. Одержав победу над ирландскими клановыми вождями, Генрих II вынудил их признать его «верховным правителем». Английские бароны захватили часть ирландских земель в прибрежной юго-восточной части острова и образовали здесь укрепленный район, названный позже «Пэйл» (буквально — ограда, огороженная территория). Отсюда английские феодалы делали постоянные набеги на другие области Ирландии. Отнятые у ирландских кланов земли стали собственностью английских феодалов, а многие свободные члены этих кланов постепенно превращались в зависимых людей.

Слияние нормандцев с англичанами

Нормандцы и другие выходцы из Франции не сразу слились с коренным населением Англии. На протяжении XII в. короли нередко обращались в официальных актах к своим подданным как к «французам и англичанам». Но к концу XII в. этнические и языковые различия между массой местного населения и нормандскими завоевателями фактически стерлись. Французский элемент влился в этнический состав складывавшейся английской народности. Разговорным языком основной массы населения крестьян, горожан и подавляющего большинства феодалов, особенно рыцарства, был английский язык. Лишь феодальная знать, представители королевской администрации, юристы пользовались не только английским языком, но и французским, который употреблялся наряду с латинским как официальный язык в государственных учреждениях.

§ 2. АНГЛИЯ В XIII в.

Экономическое развитие

В XIII в. в Англии совершенствуется земледелие, повсеместно утверждается трехполье. Расчистка леса и осушение болот привели к увеличению площади культивируемой земли и пастбищ; повысилась урожайность зерновых и других культур. С увеличением спроса на английскую шерсть, особенно во Фландрии, а также в Италии, связано дальнейшее развитие овцеводства.

Продолжается процесс отделения города от деревни. К концу

XIII в. в Англии насчитывается уже около 280 городских поселений. Соответственно возросло и городское население. Общий рост населения в стране к середине XIII в., особенно же рост городского населения, создавал постоянный спрос на продукты сельского

хозяйства, благодаря чему цены на них, особенно на хлеб, стояли относительно высокие. Это стимулировало вовлечение в рыночные связи как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Уже в конце XII— начале XIII в. развиваются довольно прочные внутренние экономические связи. В качестве важнейшего центра общеанглийской торговли выдвигается столица Англи Лондон.

Одна из важнейших особенностей экономического развития Англии в средние века — большая роль деревни в развитии внутренних связей. Быстрому развитию торговли внутри страны способствовала ранняя специализация сельскохозяйственных районов — одних на производстве хлеба (Южная, Центральная и Восточная Англия), других — на производстве мясо-молочных продуктов и шерсти (Западная, Северо-Западная и Северо-Восточная Англия). Расширение внутренних экономических связей стимулировалось также развитием внешней торговли, поскольку основу последней вплоть до конца XIV в. составлял вывоз продуктов сельского хозяйства: шерсти, хлеба, кожи.

В XIII в. основной хозяйственной и социальной ячейкой английского общества оставалась феодальная вотчина — манор. Манориальная структура отличалась пестротой, сложностью и своеобразием местных вариантов. С конца XII в. манор теряет свою натурально-хозяйственную изолированность, активно втягивается в рыночные связи. В наиболее крупных, особенно церковных, вотчинах, располагавших большим количеством вилланов, под влиянием рыночных связей барщинно-крепостническая система не только не ослабевала, но еще более укреплялась. Стремясь выбросить на рынок побольше сельскохозяйственных продуктов, владельцы таких маноров усиленно расширяли домениальное хозяйство за счет общинных угодий и расчистки пустошей, стремились увеличить барщину, чтобы иметь рабочую силу для обработки домена. С этим была связана тенденция крупных феодалов воспрепятствовать личному освобождению вилланов и даже закрепить еще сохранивших личную свободу и полусвободных крестьян.

В то же время товарно-денежные отношения уже в XIII в. порождали в английской деревне новые явления, исподволь подрывавшие барщинно-крепостническую систему хозяйства. В более мелких манорах, где было меньше вилланов и где связь с рынком осуществлялась не только через домениальное, но и через крестьянское хозяйство, она приводила к коммутации ренты, т. е. к постепенной замене натуральных форм феодальной ренты денежной рентой. К концу XIII в. денежная рента уже преобладала в стране. Это в значительной степени освобождало крестьян от повседневного контроля феодала. Однако английские феодалы в отличие от французских, как правило, еще не отказывались от ведения домениального хозяйства. Те из феодалов, кто стал на путь коммутации вилланских барщин, наряду с трудом вилланов или вместо него начали применять труд наемных работников из числа многочисленных в Англии этого времени малоземельных крепостных и свободных крестьян (коттеров). Однако на всем протяжении этого столетия барщинно-крепостническая вотчина в Англии все же играла решающую роль в сельскохозяйственном производстве и в снабжении внутреннего и внешнего рынка продукцией.

Так в английской деревне XIII в. наметились две противоположные тенденции — консервативная и прогрессивная.

Обострение классовой борьбы в деревне

Развитие товарно-денежных отношений в деревне в целом тяжело отразилось на широких массах крестьянства. С развитием рынка росли потребности феодалов. Часть феодалов удовлетворяла свое стремление к увеличению доходов путем повышения размеров барщины; другие — повышая под разными предлогами денежную ренту. Наступление на крестьян шло также по линии захвата феодалами части земель, находившихся в общинном пользовании.

Коммутация ренты ускорила и углубила начавшееся задолго до XIII в. расслоение крестьянства. Среди вилланов выделилась небольшая зажиточная верхушка, богатевшая на торговле. Отдельные представители этой группы получали возможность выкупиться на волю. Напротив, многие средние и мелкие крестьяне беднели, будучи не в состоянии уплачивать в срок повышавшуюся денежную ренту. Среди вилланов росло количество малоземельных крестьян — коттеров, вынужденных работать по найму у своих же или чужих лордов. Еще быстрее шло расслоение свободного крестьянства: в их среде резко обозначились зажиточная крестьянская верхушка, которая по своему социальному положению примыкала к низшим слоям класса феодалов и являлась одним из резервов его пополнения, и основная масса мелких фригольдеров, часто настолько бедных, что они не могли пользоваться привилегиями своего свободного статуса. Тяжелый гнет, лежавший на основной массе английского крестьянства, углублялся по мере роста государственных налогов, которыми облагались и свободные крестьяне, и вилланы.

На усиление эксплуатации крестьянство отвечало сопротивлением. В XIII в. оно носило в основном локальный характер. Вилланы и свободные крестьяне сообща, нередко с оружием в руках разрушали изгороди, поставленные лордами на общинных землях. Целые деревни отказывались от уплаты повышенных рент и выполнения ненавистных дополнительных барщин, пытались искать правосудия в королевских судах, а иногда оказывали вооруженное сопротивление не только своему лорду или его управляющему, но и королевским чиновникам, пытавшимся принудить их к покорности. Во всех выступлениях крестьян большую роль играла община, сохранявшаяся почти повсеместно в виде крепостной общины.

Протест вилланов против феодального гнета в XIII в., как и в XII в., выражался также в побегах в города и в леса, куда от преследований феодалов часто уходили и свободные крестьяне.

Особенности социального развития класса феодалов

Под воздействием товарно-денежных отношений различия, существовавшие со времен нормандского завоевания между крупными феодалами — баронами и мелкими — рыцарями, в XIII в. еще более углубились. Они определялись теперь не только размерами их владений и доходов, но и характером их хозяйственной деятельности и их политической позицией.

В XIII в. особенно интенсивно втягивались в товарно-денежные отношения рыцари. В их поместьях преобладала денежная рента, кое-где применялся уже наемный труд. Английское рыцарство все более теряло характер военного сословия и превращалось в сельских хозяев. Общая заинтересованность в развитии внутреннего рынка, в ограничении произвола крупных феодалов и уменьшении королевских поборов, в дальнейшей централизации государства сближала этот слой феодалов с горожанами и с верхушкой свободного крестьянства.

Благодаря этому класс феодалов в целом не превратился в Англии в замкнутое сословие, подобно дворянству во Франции и в Германии. Каждый свободный собственник земли, каково бы ни было его происхождение, при наличии определенного годового дохода (в 20, а позднее в 40 фунтов) обязан был принять звание рыцаря и войти в состав дворянства.

Напротив, бароны, а также прелаты, составлявшие вместе замкнутую группу феодальной аристократии, даже если они втягивались в рыночные связи, держались за барщинные методы эксплуатации, упорно отстаивали свои сословные привилегии.

Развитие городов

В XIII в. заметно возросла экономическая и социально-политическая роль английских городов. Большую роль в их экономической и политической жизни начинает играть купечество.

Города становятся крупными центрами накопления богатств: их доля в общегосударственных налогах все более повышается. Это заставляет королевскую власть в какой-то мере считаться с их интересами, поэтому увеличивается число городов, имеющих хартии. Если к началу XIII в. хартии имели 80 наиболее крупных городов, то на протяжении XIII в. различные привилегии получили еще 113 городов. Горожане окончательно оформляются в единое сословие, которое обычно выступает как политический союзник королевской власти. Но рост государственного обложения вызывал сильное недовольство горожан. Это, как и их экономические и политические интересы в целом, сближало позиции горожан с позицией рыцарства и верхушки свободного крестьянства.

С начала XIII в. в городах заметно обостряются социальные противоречия. Городская верхушка крупных городов, состоящая из городских землевладельцев, наиболее богатых купцов и ростовщиков, захвативших городское управление и финансы, разными способами притесняет и эксплуатирует основную массу городских ремесленников и мелких торговцев, а также городскую бедноту — плебейские массы. Жизнь английских городов во второй половине XIII в. наполнена борьбой между ремесленной массой и городской олигархией за право участия в управлении городом.

Основные направления политического развития Англии в XIII в.

Политическое развитие Англии в XIII в., по мере укрепления внутренних экономических связей, шло в направлении дальнейшей централизации феодального государства. В ней в той или иной степени был заинтересован класс феодалов в целом — чтобы держать в повиновении эксплуатируемые массы, а также рыцарство, городское сословие и верхушка свободного крестьянства — для обуздания баронской вольницы. Процесс централизации государства, происходивший в атмосфере обострения классовой борьбы в деревне, социальных конфликтов в городах и противоречий в среде самих феодалов, сопровождался длительной политической борьбой, которая иногда приводила к вооруженным конфликтам.

Первый этап политической борьбы XIII в. падает на время правления короля Иоанна, прозванного Безземельным (1199—1216), — младшего сына Генриха II. Иоанн использовал унаследованный им от отца сильный государственный аппарат для нажима на все слои населения. Произвольными конфискациями земель, арестами и казнями неугодных ему магнатов, постоянными нарушениями феодальных обычаев он возбудил против себя оппозицию баронов. Раздражали их также слишком частые и чрезмерные требования субсидий и «щитовых денег» в связи с неудачными войнами Иоанна во Франции, в которых они совершенно не были заинтересованы. Баронов поддерживала церковь, недовольная вмешательством короля в церковные выборы и его бесконечными поборами. Лишь небольшая часть крупных феодалов, близких к королевскому двору и находившихся в особо привилегированном положении, была на его стороне.

В отличие от всех предшествующих столкновений короля с баронами в лагере последних оказались на этот раз и те слои населения, которые раньше всегда поддерживали короля против баронов, — рыцарство и горожане. К поддержке баронов их побудили произвол королевской администрации и бесконечные поборы, особенно с городов. Неудачная внешняя политика Иоанна еще более усилила всеобщее недовольство. В войне 1202—1204 гг. французский король Филипп II Август захватил ряд владений Иоанна во Франции: Нормандию, Анжу, Мэн, Турень, часть Пуату. Поражение Иоанна и его союзников в битвах при Ларош-о-Муане и Бувине положило конец его попыткам вернуть эти земли. Еще до этого (в 1207 г.) Иоанн вступил в длительный конфликт с папой

Иннокентием III из-за того, что тот без согласия короля назначил архиепископом Кентерберийским Стефана Ленгтона.

В 1212 г. папа издал буллу о лишении Иоанна престола и передал права на английскую корону французскому королю Филиппу II. Опасаясь восстаний своих подданных, Иоанн в 1213 г. капитулировал перед папой, признал себя его вассалом и обязался ежегодно выплачивать папе 1000 марок серебром. Этот позорный акт еще больше усилил оппозицию. Весной 1215 г. бароны при поддержке рыцарства и горожан начали войну против короля. Лондонцы открыли им ворота столицы. Король был вынужден подчиниться требованиям восставших баронов и 15 июня 1215 г. подписал так называемую Великую хартию вольностей.

Великая хартия вольностей

Большинство статей Великой хартии вольностей (*Magna Carta Libertatum*) отражало интересы баронов и церковных феодалов. Король обязался соблюдать свободу церковных выборов; обещал не брать со своих непосредственных вассалов больших поборов, чем установлено обычаем. Он обязался не собирать со своих непосредственных держателей феодального вспомоществования и «щитовых денег» без согласия «общего совета королевства». В состав этого совета должны были входить непосредственные держатели короля, т. е. в основном те же бароны. Баронов в отличие от представителей всех других сословий могли судить только люди равного с ними звания — пэры. Король обязался не арестовывать баронов, не лишать их имущества, не объявлять их вне закона без законного приговора пэров. Отменялось утвердившееся после реформы Генриха II право короля вмешиваться в юрисдикцию сеньориальных судов. Наконец, для наблюдения над выполнением хартии избирался комитет в составе 25 баронов, который в случае нарушения хартии королем мог начать против него войну.

Значительно меньше хартия дала рыцарству и верхушке свободного крестьянства. Баронам и королю запрещалось требовать с держателей рыцарских феодалов больше служб и феодальных платежей, чем полагалось. Всем свободным людям была обещана защита от злоупотреблений королевских чиновников и чрезмерных штрафов; для них Великая хартия сохраняла судебные порядки, введенные Генрихом II. Еще меньше, чем рыцари, получили города. Хартия только подтвердила неприкосновенность уже существующих вольностей Лондона и других городов, но не ограничила права короны собирать с них особенно ненавистный для горожан побор — таллю (*tallagium*). Было установлено единство мер и весов. Хартия разрешила свободный въезд и пребывание в Англии иностранных купцов. Эта мера, хотя и способствовала развитию внешней торговли, была невыгодна горожанам, так как нарушала их монополию. Основной массе английского народа — вилланам — Великая хартия не дала никаких прав. Хартия лишь еще раз подчеркнула их полное бесправие в феодальном государстве.

Некоторые постановления хартии были прямым проявлением феодальной реакции; вместе с тем Великая хартия имела для своего времени и известное прогрессивное значение. Она ограничивала королевский произвол не только в отношении баронов, но также рыцарства и горожан — социальных слоев, которые в ту эпоху являлись носителями прогрессивных тенденций в экономическом развитии страны, и ограждала эти слои от притеснений крупных феодалов.

Великая хартия не была осуществлена на практике. Иоанн, заручившись поддержкой папы, объявившего баронов бунтовщиками, отказался ее соблюдать. Началась война, в разгар которой Иоанн умер, и бароны признали королем его малолетнего сына Генриха III (1216-1272).

Установление баронское олигархии

В правление этого короля разыгрался новый, еще более крупный политический конфликт, начавшийся в 1258 г. Бесконечными поборами, щедрыми пожалованиями земель и доходов родственникам — французам и провансальцам, дружбой с папой, которому он позволял обирать Англию, Генрих III вызвал всеобщее недовольство. Как и в 1215 г., бароны, стремившиеся контролировать короля, нашли себе временных союзников в лице рыцарства, а также городов.

Когда весной 1258 г. Генрих III потребовал у баронов на военную авантюру в Италии, в которую его втянул папа Иннокентий IV, треть всех доходов страны, произошел взрыв всеобщего недовольства. Бароны, явившись вооруженными к королю, потребовали проведения политических реформ. Король вынужден был уступить. В июне 1258 г. в Оксфорде собрался совет магнатов, названный впоследствии «бешеным», который утвердил «Оксфордские провизии», установившие в стране режим баронской олигархии. Всю власть они передавали совету 15 баронов, без согласия которых король не мог принимать никаких решений. Кроме того, бароны избрали 12 человек, которые собирались трижды в год и вместе с советом 15-ти обсуждали государственные дела.

Бесконтрольное хозяйничание баронов не удовлетворяло их союзников — рыцарей и города. В рядах оппозиции произошел раскол. В 1259 г. рыцари выдвинули ряд самостоятельных политических требований. При поддержке наиболее дальновидной части баронов во главе с Симоном де Монфором, графом Лестерским, были приняты «Вестминстерские провизии», защищавшие рыцарство и верхушку свободного крестьянства от произвола крупных феодалов. Однако большая часть баронов держалась олигархической программы.

Гражданская война 1263-1267 гг.

Рассчитывая на противоречия в лагере оппозиции, Генрих III отказался соблюдать «Оксфордские провизии», и в 1263 г. началась гражданская война. Во главе оппозиции стал Симон де Монфор, который опирался не только на баронов, но и на широкие слои рыцарей, свободных крестьян и городского населения. Во многих городах в результате ожесточенной внутренней борьбы было свергнуто господство купеческой олигархии. Средние и низшие слои горожан активно поддерживали Монфора. Лондонцы прислали на помощь Монфору 15-тысячное ополчение. В битве при Льюс (1264) королевская армия была разбита, Генрих III и его старший сын Эдуард попали в плен. Монфор стал фактическим правителем Англии. Не доверяя баронам, он управлял страной, опираясь на рыцарство и верные ему города.

В январе 1265 г. Монфор впервые созвал собрание, на которое кроме крупнейших прелатов и баронов пригласил по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от наиболее значительных городов. Это было началом английского парламента.

Победа над королем привела к расширению и углублению гражданской войны. В движение включились массы фригольдеров, а кое-где и вилланы. Крестьяне громили поместья сторонников короля, отнимали у них огороженные ими общинные угодья, отказывались от выполнения повинностей. Страх перед народным движением заставил баронов искать соглашения с королем. Когда принц Эдуард бежал из плена, большая часть баронов присоединилась к нему. В битве при Ившеме (1265) войска Монфора были разбиты, а сам он убит.

Массовые конфискации земель у сторонников Симона де Монфора, проведенные Генрихом III, вызвали их вооруженное сопротивление, активную роль в котором играло свободное крестьянство. Испуганные широким размахом народных движений борющиеся группировки господствующего класса пошли на взаимные уступки и помогли королю в 1267 г. подавить это движение. Власть Генриха III была окончательно восстановлена. Однако и король и бароны убедились в невозможности держать в повиновении народные массы без поддержки рыцарства и состоятельных горожан. Поэтому результатом

гражданской войны явилось возникновение сословного представительства — парламента, в котором наряду с баронами заседали депутаты рыцарства и городов.

Английский парламент в XIII—XIV вв. Возникновение сословной монархии

Парламент окончательно сложился в правление Эдуарда I (1272—1307). С этого времени английское феодальное государство приобретает форму сословной монархии. Создание парламента еще более укрепило феодальное государство, сплотило все эксплуататорские группы. Опираясь на парламент, король энергично проводил антикрестьянскую политику. В то же время он, стремясь подорвать опасное для королевской власти политическое влияние светской и духовной аристократии, провел проверку и частично отменил судебные привилегии крупных феодалов, запретил церковным учреждениям приобретать земли без разрешения короля. Эдуард I и его преемники нуждались в парламенте, так как видели в нем противовес крупным феодалам. Парламент давал возможность королю больше опираться на рыцарство и городскую верхушку. Даже субсидии королю, утвержденные парламентом, легче собирались и давали большие суммы, чем прежние произвольные поборы.

По своей структуре английский парламент отличался от французских Генеральных штатов. В него приглашались личными королевскими письмами архиепископы, епископы, аббаты крупнейших монастырей и бароны. Кроме того, туда вызывались по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от наиболее крупных городов. Рыцари и городские представители избирались на местных собраниях в графствах и в городах наиболее зажиточными людьми. Массы свободного крестьянства и городская беднота не были представлены в парламенте. Вилланам прямо запрещалось участвовать в выборах.

Король договаривался с парламентом относительно обложения населения налогами. Эдуард I пытался иногда собирать налоги и повышать пошлины и без согласия парламента. Своими вымогательствами он вызвал недовольство рыцарства и горожан, которых поддержали и бароны. В 1297 г. под угрозой нового конфликта Эдуард I издал «Подтверждение хартии», официально утвердившее право парламента участвовать в установлении налогов. Разумеется, основная масса налогоплательщиков — крестьянство и трудящиеся города, не имевшие представительства в парламенте, — никакого участия в этом не принимали.

В первой половине XIV в. парламент стал делиться на две палаты: верхнюю — палату лордов, где заседали прелаты и бароны, и нижнюю — палату общин, где заседали рыцари и представители городов: вместе они имели численный перевес над баронами. Прочный союз рыцарства и городской верхушки в парламенте обеспечил им большее политическое влияние по сравнению с сословно-представительными собраниями других стран, в частности с Генеральными штатами Франции. В XIV в. помимо права устанавливать налоги парламент приобрел право участвовать в издании статутов (законов), которые обычно принимались королем и палатой лордов по петиции палаты общин.

Многие буржуазные историки, особенно английские и американские, восхваляют английский парламент как якобы «надклассовый» орган народного представительства. В действительности же английский парламент, как и всякое средневековое сословно-представительное собрание, стоял всецело на службе класса феодалов и отчасти городской верхушки и ничего общего не имел с «народоправством». Несмотря на отдельные столкновения с королем, в целом парламент не столько органичивал его действия, сколько подкреплял их своим авторитетом. В частности, парламент активно поддерживал все антикрестьянские мероприятия феодального государства.

Возникновение парламента и сословной монархии отразило успехи политической централизации Англии и, в частности, факт складывания в стране общегосударственных сословных групп — баронов, рыцарства и горожан. В свою очередь, парламент своим возникновением способствовал дальнейшему укреплению феодального государства.

Являясь орудием господствующего класса, парламент все же играл в Англии XIII—XIV вв. прогрессивную роль, поскольку он ограничивал политические притязания наиболее реакционного слоя феодалов — баронства — и направлял политику короля в интересах более передовых слоев общества того времени — рыцарства и верхушки горожан. Допущение в парламент городских представителей означало официальное признание определенных прав и возросшего значения городского сословия.

Захватнические войны Англии в Уэльсе, Шотландии и Ирландии

В интересах феодалов Эдуард I и его преемники вели активные завоевательные войны. В 1282—1283 гг. Эдуарду I удалось завоевать и присоединить к Англии Уэльс. Земли уэльских феодалов он раздал своим баронам. Его попытки завоевать Шотландию после смерти ее короля Александра III (1286), который не оставил наследников, не увенчались успехом. Вначале при поддержке части крупных шотландских феодалов король добился присоединения Шотландии к Англии, но затем, в 1297 г., там вспыхнуло восстание крестьян и горожан под руководством Уильяма Уоллеса, а в 1306 г. началась всеобщая война за независимость, в которой приняло участие также шотландское рыцарство. Борьбу шотландцев возглавил Роберт Брюс. Война окончилась в 1314 г. победой шотландцев, которым удалось отстоять политическую самостоятельность своей страны.

В Ирландии англичане предпринимали дальнейшие попытки к расширению захваченной в XII в. территории. При этом король стремился подчинить своей власти пользовавшихся большой самостоятельностью английских баронов Пэйла, которые к этому времени в значительной степени смешались с местной клановой знатью и составили слой могущественной и сепаратистски настроенной англоирландской аристократии, отстаивавшей политическую автономию Пэйла.

§ 3. АНГЛИЯ В XIV—XV вв.

Экономические и социальные сдвиги в английской деревне

Во второй четверти XIV в. в английской деревне все большее распространение получает коммутация ренты и продолжается процесс дачного освобождения крестьян. Крестьянское хозяйство начинает успешно конкурировать с домениальным хозяйством крупных феодалов, основанным на малопродуктивном труде крепостных. Под давлением экономической необходимости и усиливающейся классовой борьбы крестьянства многие даже крупные феодалы к середине

XIV в. все чаще и чаще отказываются от барщины. В связи с этим значительно возрастает спрос на наемную рабочую силу, необходимую как в домениальном хозяйстве феодалов, так и в хозяйстве зажиточных крестьян. Предложение наемной рабочей силы начинает отставать от спроса отчасти вследствие общей убыли населения, вызванной тяжелой эксплуатацией и хроническим недоеданием крестьянства, отчасти вследствие отлива крестьянской бедноты в города и северные районы страны, где крепостнический гнет был слабее. Малая производительность барщинного труда там, где он сохранялся, слабая приспособляемость домениального хозяйства к условиям рынка, наконец, нехватка наемной рабочей силы в хозяйстве феодалов, коммутировавших барщину, уже к середине XIV в. создали предпосылки для упадка домениального хозяйства в конце XIV и

XV вв., проявившегося прежде всего в сокращении домена и передаче части его земель в держания или аренду крестьянам.

Противоречия в деревне еще более обострились в связи с эпидемией чумы в 1348 г. обрушившейся на Англию. Чума, оставшаяся в памяти людей как «черная смерть», унесла не менее четверти населения, преимущественно из трудящихся слоев. Спрос на рабочие

руки возрос еще больше, резко выросла и заработная плата. На помощь феодалам, а в городах — богатым купцам и мастерам, эксплуатировавшим наемный труд, пришло феодальное государство, которое во второй половине XIV в. издало ряд законов, известных под общим названием «рабочего законодательства».

Первый из этих законов — ордонанс 1349 г., изданный Эдуардом III (1327—1377), предписывал всем людям обоего пола в возрасте от 12 до 60 лет, не имеющим собственной земли и других средств к жизни, наниматься на работу за ту плату, которая существовала до чумы. За отказ от найма и за уход от нанимателя до истечения срока рабочему грозила тюрьма. Наниматели и рабочие, договорившиеся о более высокой оплате, наказывались штрафом. Затем последовал ряд статутов (1351 г., 1361 г., 1388 г.), подтверждавших эти постановления и усиливавших наказания за их нарушения.

Целью «рабочего законодательства» было обеспечение феодалов и городской верхушки дешевой рабочей силой с помощью внеэкономического принуждения. По словам К. Маркса, «дух рабочего статута 1349 г. и всех последующих законов ярко сказывается в том, что государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум». «Рабочее законодательство» отчетливо выявило антинародную феодальную сущность английского государства, и в частности парламента, по инициативе которого было принято большинство «рабочих законов» XIV в.

Мелкие и средние феодалы пытались восполнить нехватку рабочей силы с помощью «рабочего законодательства». Те же главным образом крупные феодалы, которые вели еще барщинное хозяйство, искали выхода из создавшегося положения средствами так называемой сеньориальной реакции, восстанавливая барщину даже там, где она уже много лет была коммутирована, возвращая в свои маноры вилланов, ушедших в города и другие места на заработки.

Обострение классовой борьбы в деревне и социальных противоречий в городах

Сеньориальная реакция и «рабочее законодательство» привели к значительному обострению классовой борьбы в английской деревне. От «рабочего законодательства» страдала главным образом крестьянская беднота — не только крепостные, но и свободные. Для полнонадельных вилланов, часто уже отвыкших от барщины, сеньориальная реакция представлялась особенно нетерпимой. Вилланы устраивали «заговоры», отказывались выполнять барщины и платить повышенную ренту. Вопреки запрещениям статутов создавались тайные союзы сельскохозяйственных рабочих для борьбы за повышение заработной платы. Сплошь и рядом коттеры и батраки по взаимному сговору отказываются наниматься за установленную статутами заработную плату.

От локальных стихийных выступлений английские крестьяне во второй половине XIV в. переходят к более массовым и организованным движениям в масштабе крупных районов. Происходит рост классового самосознания английского крестьянства, отразившийся также в народном творчестве и литературе той эпохи. В середине XIV в. возникают народные баллады о благородном разбойнике Робин Гуде. Робин Гуд и его сподвижники, люди, в силу разных обстоятельств бежавшие в леса и поставленные «вне закона», изображаются в этих балладах как защитники бедных и непримиримые враги обидчиков простого народа — светских и духовных лордов и королевских чиновников.

С ростом населения, разделения труда и богатства во всех наиболее крупных городах, в частности в Лондоне, в XIV в. наблюдается также заметное обострение и усложнение социальной борьбы. Это время решающих битв между цехами и олигархической верхушкой за допущение цеховых представителей в муниципальное управление. В XIV в. проявляются и новые социальные противоречия — внутри самой цеховой массы: между «старшими», в основном торговыми, и «младшими», преимущественно ремесленными цехами, между богатыми и бедными мастерами внутри отдельных цехов. Наконец, со второй половины XIV в. заметную роль в жизни наиболее

значительных городов начинают играть противоречия между мастерами и подмастерьями. В связи с замыканием цехов, которое происходит в этот период, для подмастерьев особую остроту приобретает вопрос о размерах заработной платы, о длине рабочего дня. На этой почве между ними и мастерами-нанимателями происходят частые столкновения, значительно обострившиеся в результате «рабочего законодательства».

Бедствия народных масс усиливались Столетней войной. Война требовала больших расходов, которые восполнялись за счет все возрастающих налогов и реквизиций, падавших в основном на трудящиеся слои населения.

Движение за реформу церкви

Во второй половине XIV в. в Англии разворачивается широкое движение за реформу католической церкви. Различные общественные группы, участвовавшие в нем, были заинтересованы в церковной реформе по разным причинам.

Королевская власть в Англии еще с конца XIII в. тяготилась зависимостью от папства, признанной Иоанном Безземельным. Враждебная по отношению к Англии политика пап, которые, находясь с 1309 г. в Авиньоне, поддерживали Францию в Столетней войне, активизировала действия английских королей в этом направлении. Король и парламент, недовольные тем, что несметно богатая церковь уклонялась от государственных налогов, стремились освободить ее из-под влияния пап и наложить руку на земельные владения церкви. Придворная знать и крупные феодалы рассчитывали расширить свои владения и увеличить доходы за счет конфискации церковных земель. Короля и феодалов энергично поддерживали рыцарство и горожане, враждебно смотревшие на богатства церкви. Эти слова всенародно порицали духовенство, особенно монахов, за тунеядство, расточительство. Они стремились не только освободить церковь от влияния Рима, но и реформировать ее — упростить обряды, лишить ее богатств и прежде всего земельных владений, рассчитывая со своей стороны также поживиться при конфискации церковных имуществ.

Особенно глубокое недовольство католической церковью нарастало в среде крестьянства и городской бедноты. Оно выражало их общие антифеодалные настроения. Церковные феодалы были самыми жестокими эксплуататорами крестьянства. Они упорно держались за барщину и крепостное право. Церковь донимала крестьян своими десятинами и другими поборами. Уже в 60—70-х годах XIV в. в народе началось широкое движение против католической церкви.

В этой атмосфере всеобщей антицерковной оппозиции в середине 70-х годов XIV в. выступил профессор Оксфордского университета Джон Виклиф (1320—1384). Виклиф доказывал, что папа не имеет права взимать поборы с Англии и вообще вмешиваться в дела светской власти, а, напротив, церковь и ее глава во всех гражданских делах должны подчиняться светским государям. Из этого он выводил право английского короля на конфискацию церковных имуществ. Английское правительство полностью поддержало Виклифа, взяв его под защиту, когда папа потребовал церковного суда над ним. На защиту Виклифа встали и лондонские горожане.

Почувствовав поддержку, Виклиф стал выступать более решительно, требуя коренной реформы церкви и отвергая ряд основных догматов католицизма: учение о «благодати» — особых сверхъестественных «дарах», которыми в отличие от мирян якобы обладает духовенство и которые дают ему силу отпускать грехи и «спасать» души верующих; материальный характер так называемого пресуществления. Он поставил под сомнение право папы и епископов давать грамоты на отпущение грехов (индульгенции), право на тайную исповедь и захватил на необходимость самого института папства. Единственным источником вероучения Виклиф провозгласил Священное писание и, чтобы сделать его доступным мирянам, содействовал переводу Библии с латинского языка на английский. Однако дальше требования церковной реформы Виклиф не шел. Он ни в чем

не посягал на существующий социальный строй, напротив, призывал верующих к покорности светской власти, вилланов — к повиновению феодалам.

Взгляды Виклифа отражали главным образом интересы и настроения рыцарства и горожан. Придворные круги, сначала поддерживавшие Виклифа, испугались его более поздних выступлений и отвернулись от него. В 1381 г. учение Виклифа было осуждено как еретическое.

Учение Виклифа нашло широкий отклик в простом народе, так как еще до него народные проповедники, так называемые лолларды, или бедные священники, выступали против официальной церкви. Они сами вели полунищенское существование и понимали народные нужды. Поэтому, используя учение Виклифа, они придавали ему социальное звучание, соответствовавшее заветным стремлениям угнетенных народных масс. Лолларды выступали не только против официальной церкви и духовенства, но и против феодалов, королевских чиновников, обличая несправедливость существующего строя. Их излюбленная поговорка: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?» — выражала стремление народных масс к уравниванию сословий и ликвидации дворянских привилегий.

Среди народных проповедников особенно выделялся талантом и силой убеждения Джон Болл. Он требовал отменить церковную десятину, отобрать у церкви ее имущества и призывал не только к ликвидации сословного неравенства, но даже к равенству и общности имущества. Он говорил: «...дела в Англии пойдут хорошо только тогда, когда все станет общим, когда не будет больше ни вассалов, ни лордов, когда лорды перестанут быть господами и будут такими же, как мы». Проповедь Джона Болла и других «бедных священников» выражала интересы крестьянства и городской бедноты. Ф. Энгельс называет Джона Болла представителем крестьянско-плебейской ереси средних веков.

Восстание крестьян под руководством Уота Тайлера

К концу XIV в. положение английского крестьянства значительно ухудшается. Особое возмущение его вызывали новые налоги, связанные с возобновлением Столетней войны при короле Ричарде II (1377—1399). В 1377 г. парламент ввел единовременный поголовный налог, взятый снова в 1379 г., а затем в утроенном размере в 1380 г. Этот налог и злоупотребления при его взимании послужили непосредственным поводом к восстанию.

Оно вспыхнуло весной 1381 г. на юго-востоке Англии, в графстве Эссекс. Крестьяне прогнали сборщиков податей и некоторых из них убили. Восстание сразу же приняло ярко выраженный антифеодальный характер. Оно быстро охватило большую часть графств Англии (25 графств из 40). Крестьянские отряды громили монастыри и феодальные поместья и жгли документы, фиксировавшие крестьянские повинности. Особенную их ненависть вызывали церковные феодалы — епископы и аббаты, а также королевские судьи и другие представители государственного аппарата; их крестьяне считали главными виновниками бедствий народа. Крестьян поддерживала городская беднота соседних городов.

Наибольшей организованностью восстание отличалось в соседних с Лондоном графствах — Эссексе и Кенте. Кентские крестьяне освободили из тюрьмы Джона Болла, незадолго до этого арестованного церковными властями, и сделали его одним из своих вождей. Главным вождем восстания стал деревенский кровельщик Уот Тайлер, по имени которого обычно называют восстание. Он был знаком с военным делом, обнаружил способности хорошего организатора и пользовался большим авторитетом среди восставших.

Двумя большими отрядами крестьяне Эссекса и Кента подступили к Лондону. Их целью было встретиться с Ричардом II и попросить его облегчить их положение. Крестьяне в массе верили в «доброего короля» и приписывали все свои беды его дурным советникам. Вопреки приказу мэра городская беднота не позволила запереть ворота перед восставшими.

Вступив в Лондон, крестьяне стали жечь и разрушать дома самых ненавистных народу королевских советников; разбив тюрьмы, они выпустили заключенных. Лондон оказался во власти крестьян. Король фактически стал их пленником. Они предали казни как «изменников» особенно ненавистных вельмож, в том числе и главу английской церкви архиепископа Кентерберийского Седбери, который был одновременно канцлером Англии.

Первое свидание крестьян с королем состоялось в лондонском пригороде Майл-Энде. Они предъявили королю требования, получившие название «Майл-Эндская программа». В ней они добивались отмены крепостного состояния и барщины, установления единообразной невысокой денежной ренты (4 пенса с акра), свободной торговли во всех городах и местечках Англии и амнистии для принявших участие в восстании. Программа отражала интересы более зажиточной и умеренно настроенной части крестьянства. Она не посягала на феодальный строй в целом, а имела в виду лишь ликвидацию барщины и крепостничества. Королю пришлось согласиться на эти требования. Часть крестьян поверила королевскому слову, покинула Лондон. Но многие из восставших, особенно бедняки Кента, не удовлетворенные этими уступками, вместе с Уотом Тайлером и Джоном Боллом остались в Лондоне. Они потребовали нового свидания с королем. Тем временем городская беднота Лондона начала расправу со своими обидчиками и притеснителями. Лондонские богачи перепугались и стали собирать силы против повстанцев.

Король был вынужден вторично явиться на свидание с крестьянами в Смитфильд. Требования, известные как «Смитфильдская программа», шли значительно дальше майл-эндских. Теперь крестьяне потребовали от короля отмены «всех законов», имея в виду в основном «рабочее законодательство», изъятия земель у церкви и дележа их между крестьянами, настаивали на возвращении захваченных сеньорами общинных угодий. Они выдвинули требование отмены всех привилегий сеньоров и уравнивания сословий, а также отмены крепостного права. Эта программа была направлена против феодальной эксплуатации, крепостничества и сословного строя.

Путем обмана и вероломства феодалам удалось справиться с восстанием. Во время переговоров лондонский мэр предательски убил Уота Тайлера.

Вооруженный отряд из рыцарей и богатых горожан прискакал на выручку короля. Крестьянам надавали обещаний и убедили их разойтись по домам. Лишенные своего вождя крестьяне вторично дали себя обмануть. Их последние отряды ушли из Лондона.

Подавление восстания и его значение

Рыцарские отряды направились вслед за крестьянами и разгромили их. Во всех районах восстания королевские судьи произвели жестокую расправу. Мучительной казни подверглись вожди восстания, в том числе и Джон Болл. Король, отказавшись от всех своих обещаний, разослал приказ, чтобы крестьяне беспрекословно выполняли все те повинности в пользу сеньоров, которые они несли до восстания.

Восстание 1381 г. потерпело поражение в силу тех же общих причин, что и Жакерия. Стихийность, недостаточная организованность восстания, преобладание у его участников локальных интересов привели к тому, что повстанцы большинства районов страны не приняли участия в походе на Лондон. Наивная вера в «доброе короля», присущая большинству крестьянства, погубила Уота Тайлера и облегчила феодалам разгром восстания. Способствовало его поражению и предательство лондонской городской верхушки. К этим общим причинам добавилось еще и то, что интересы зажиточного и среднего крестьянства, с одной стороны, и бедноты — с другой, не совпадали. Поэтому в Лондоне крестьяне не действовали заодно. В итоге они не сумели воспользоваться победой, одержанной в первые дни, и оказать организованное сопротивление феодалам, когда те оправившись после испуга.

Несмотря на свирепую расправу, крестьянские волнения продолжались в разных частях страны вплоть до середины 90-х годов XIV в. Непрекращающееся брожение

крестьянства выразилось и в росте влияния в его среде еретического учения лоллардов. Под давлением этих обстоятельств господствующий класс и феодальное государство вынуждены были пойти на уступки — несколько облегчить тяжелые налоги, смягчить свирепое «рабочее законодательство». Наиболее существенным результатом восстания было то, что оно устрашило феодалов и тем ускорило освобождение крестьянства от крепостничества, которое подготавливалось всем ходом экономического развития Англии в XIV в. В конце XIV в. и в XV в. большинство вилланов выкупились на волю.

Таким образом, восстание Уота Тайлера нанесло последний удар по барщинной системе хозяйства. Оно покончило с явлениями сеньориальной реакции и определило победу того более прогрессивного пути в развитии английской деревни, который вел к укреплению мелкотоварного крестьянского хозяйства и к разложению крепостнического манора.

Экономическое развитие английской деревни в XV в.

Перестройка экономики английской деревни после восстания Уота Тайлера не привела к ликвидации феодальных отношений. В Англии сохранялась монополия феодальной земельной собственности, основная масса крестьянства не имела собственной земли, платила феодальную ренту и оставалась сословно неполноправной. Но английский феодализм с начала XV в. вступил в новую фазу развития. Центр сельскохозяйственного производства окончательно переместился из домениального помещичьего в мелкотоварное крестьянское хозяйство. Домениальное хозяйство было почти полностью ликвидировано, а дрмениальные земли сдавались в держания или в аренду. Крестьянское землевладение, напротив, укреплялось, росла его товарность, оно становилось главным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на рынок. Там, где сохранилось домениальное хозяйство, оно велось наемным трудом батраков.

На первых порах крестьянские хозяйства не могли возместить сокращение домениального производства. В связи с этим в стране с конца XIV в. становятся заметными некоторые признаки экономического упадка: общее сокращение обрабатываемой земли, рост пастбищ за счет пашни, падение общей товарной продукции деревни, в частности сокращение экспорта шерсти. Вследствие роста крестьянского землевладения несколько сокращается избыточное сельское население, вынужденное покупать продукты на рынке. В силу этого цены на сельскохозяйственные продукты упали, а заработная плата наемных рабочих осталась относительно высокой.

Однако отмеченные явления конца XIV—XV вв. не могут рассматриваться как признак общего экономического кризиса или общего кризиса феодализма в Англии, как это считают многие современные зарубежные историки. Они были своего рода болезнью роста и отражали борьбу между отживающим и новым в развитии феодальных производственных отношений. Порожденные кризисом барщин-но-крепостнического манора, эти явления сосуществовали с усиливающимися, более прогрессивными формами производства — мелкотоварным крестьянским хозяйством, а также помещичьим хозяйством нового типа, сумевшим приспособиться к новым условиям и послужившим в дальнейшем базой для зарождения капиталистических отношений в деревне.

Положение английского крестьянства

Одним из важнейших прогрессивных сдвигов в жизни английской деревни XV в. было личное освобождение основной массы вилланов. Крестьяне делились теперь в юридическом отношении на две основные категории. Освободившиеся крестьяне, потомки прежних вилланов, назывались «копигольдерами» (держателями по копии), так как документом на владение наделом у них была выписка, или «копия», из протоколов манориального суда. Они были лично свободными людьми и за свои наделы платили лорду

невысокую фиксированную денежную ренту и несли некоторые повинности. Главным пережитком несвободного происхождения копигольдеров было то, что их права на надел не охранялись королевскими судами.

Более благоприятным было положение свободных держателей — фригольдеров. Они были фактически собственниками земли и уплачивали за нее лишь незначительную, часто номинальную денежную ренту. Фригольдерское владение пользовалось защитой королевских судов, а его держатель имел право участвовать в выборах в парламент, тогда как копигольдеры этого права были лишены.

И среди копигольдеров, и среди фригольдеров в XV в. наблюдалось расслоение. Разбогатевшие крестьяне обеих категорий широко эксплуатировали наемный труд, скупали земли обедневших крестьян, арендовали в дополнение к своим наделам помещичью землю. В то же время продолжала отслаиваться и группа малоземельных крестьян, пополнявших ряды сельскохозяйственных рабочих.

«Старое» и «новое» дворянство

Борьба нового со старым в XV в. происходила и внутри класса феодалов. В этот период еще более углубляются различия, существовавшие в его среде. Крупнейшие землевладельцы во главе с титулованной знатью, в XIII и XIV вв. наиболее упорно державшиеся за барщину и крепостничество, теперь оказались вынужденными свернуть свое домениальное хозяйство. Фиксированная невысокая рента, которую они получали со своих держателей, не могла обеспечить им привычный образ жизни. Эта часть феодалов, состоявшая из потомков прежней знати, получила название «старого дворянства». В его состав входила и значительная часть рыцарства — те мелкие и средние феодалы, которым кризис барщинной системы нес разорение и которые жили за счет службы в свитах и при дворах феодальных магнатов, всегда готовые к войне и грабежу. Обреченное на гибель «старое дворянство», однако, было еще достаточно сильным и не хотело сдавать своих позиций. Его представители с конца XIV в., особенно же в XV в., пытались пополнить свои доходы за счет получения доли государственных налогов. Борьба за власть и влияние при Дворе с целью расхищения государственной казны определяет политику различных феодальных клик в Англии XV в. Другим источником дохода для старой знати был военный грабеж Франции в Столетней войне и даже прямые грабежи на большой дороге.

Вместе с тем в среде английских феодалов росла и укреплялась другая группа, связанная с новыми прогрессивными явлениями в экономике страны. Это «новое дворянство». Оно формируется в XV в. отчасти из мелко- и среднепоместных землевладельцев — рыцарства XIII—XV вв., — которые и в новых условиях занимались активной хозяйственной деятельностью, отчасти из разбогатевших крестьян и горожан, вкладывавших деньги в землю и получавших дворянские звания. «Новое дворянство» умело приспособилось к новым условиям. Его представители округляли свои владения, скупая земли «старого дворянства» и разоряющихся крестьян, сдавали их в краткосрочную аренду за более высокую ренту. Они занимались осушением болот, расчисткой лесных участков, строили мельницы, сукновальни, пивоварни, стараясь всячески повысить доходность своих владений. «Новое дворянство» было тесно и повседневно связано с рынком. Социальный вес этого слоя особенно возрастает во второй половине XV в.

Развитие английской промышленности и торговли в XV в.

Борьба нового со старым характерна и для английской промышленности и торговли. С одной стороны, с середины XIV в. начинается упадок многих старых городов, который становится особенно заметным к концу XV в. Признаками этого упадка является отлив населения из городов и запустение многих из них, замедление роста городского производства и торговли. Характерно, что в XV в. богатые купцы и крупные ремесленные

мастера многих городов зачастую вкладывают накопленные ими деньги не в расширение производства и торговли, а в приобретение земли, стремясь получить дворянское звание. Все эти явления были связаны с начавшимися в XV в. упадком цехового строя и усилением цеховой монополии, препятствовавшими расширению и совершенствованию производства.

Но наряду с этим в XV в. в ремесле и торговле наблюдаются и прогрессивные явления. В некоторых отраслях зарождаются новые, более передовые формы промышленной организации. В обход цеховых ограничений в Англии еще с середины XIV в. в сельских местностях начинает развиваться производство на рынок сначала грубых, а затем и более тонких сукон. С конца XIV в., особенно в XV в., организаторами этого деревенского производства становятся городские купцы и богатые мастера. На них работают массы крестьян-кустарей городской округи, которых они снабжают сырьем и у которых скупают готовое сукно. Таким образом, вне городов зарождаются первоначальные формы капиталистического производства в виде рассеянной мануфактуры.

Внешняя торговля Англии после временного упадка во второй половине XIV в. с начала XV в. несколько оживляется. Главным предметом экспорта становится теперь уже не сырье — шерсть, а промышленная продукция — сукно. Одновременно возрастает доля английских купцов в экспортной торговле, которая раньше в значительной мере находилась в руках иностранцев. В начале XV в. создается первая отечественная компания «купцов-авантюристов», успешно конкурирующая с северогерманской Ганзой.

Особенности социально-политического развития Англии в XV в.

В социально-политическом развитии Англии XV в. также сталкиваются интересы слоев, связанных с развитием наиболее прогрессивных форм производства, с интересами наиболее реакционных общественных групп. «Новое дворянство», крестьянская верхушка, горожане были заинтересованы в дальнейшем укреплении центральной власти. Они нуждались в ней для обеспечения нормальной хозяйственной деятельности, для поддержания мира в стране, для защиты их торговых интересов за границей, наконец, для подавления сопротивления эксплуатируемых. Иной была позиция «старого дворянства». Чем больше оно теряло свое экономическое значение, тем больше оно отстаивало свою политическую самостоятельность, препятствуя дальнейшей централизации государства. Магнаты Англии обладали значительным политическим весом на местах и располагали большими средствами в военной силе в виде своих свит — «ливрей», состоявших из наемников, родственников и вассалов из числа более мелких феодалов. Феодалы нередко с помощью прямого насилия, оказывали давление на выборы в парламент, заполняя его своими ставленниками и устраивая побоища во время заседаний. На протяжении всего XV в. эта наиболее консервативная часть феодалов вершила судьбы страны, ввергая ее в феодальные смуты и династические войны, которые опустошали Англию, наносили тяжелый ущерб ее экономике и тормозили ее прогрессивное развитие. Так крушение барщинно-крепостнического манора отозвалось в политической жизни Англии временным возрождением феодальной анархии и политическим господством феодальной аристократии.

В 1399 г. по инициативе баронов северных графств был низложен Ричард II, последний король из династии Плантагенетов. На престол бароны посадили своего ставленника Генриха Ланкастерского под именем Генриха IV (1399 — 1413). Под давлением феодальной аристократии сын Генриха IV — Генрих V (1413 — 1422) возобновил Столетнюю войну, затихшую в конце XIV в.

После смерти Генриха V корона перешла к его сыну Генриху VI (1422 — 1461), которому в это время не было и года. Вокруг престола завязалась борьба крупнейших феодалов Англии за влияние и власть. Между тем война во Франции приняла для англичан плохой оборот: к 1453 г. из всех своих завоеваний Англия сохранила только Кале. Хозяйничание феодальных клик, непомерный рост налогов, расхищение казны и позорные

неудачи в войне вызывали недовольство «нового дворянства», горожан и особенно крестьян.

Восстание Джека Кэда

В 1450 г. на юге Англии вспыхнуло большое народное восстание, центром которого стало графство Кент. Возглавил восстание зажиточный фригольдер, опытный солдат Джек Кэд. Основную массу восставших составили крестьяне, к ним присоединилось много рыцарей и горожан. Во главе двадцатитысячной армии повстанцев Джек Кэд двинулся на Лондон и вступил в столицу. В манифесте, изданном Кэдом, повстанцы требовали облегчения налогового бремени, прекращения вымогательств королевских чиновников, особенно при сборах податей, а также прекращения незаконного давления баронов на парламентских выборах. Они требовали возвращения королю расхищенных феодалами королевских доменов, устранения дурных королевских советников и включения в состав Королевского совета герцога Йоркского, в котором рыцарская верхушка повстанцев видела своего вождя и защитника. Среди этих в основном политических требований было лишь одно требование социального характера — требование отмены «рабочего законодательства». Оно свидетельствует об участии в восстании крестьянской бедноты, батраков и городских подмастерьев.

Война Алой и Белой розы

Восстание сначала развивалось успешно. Джек Кэд предал суду и казни самых ненавистных королевских советников, которых удалось захватить в Лондоне. Но затем городская верхушка, напуганная действиями повстанцев и лондонской бедноты, взялась за оружие и с помощью гарнизона Тауэра вытеснила повстанцев из города. Король обещал повстанцам полную амнистию, если они разойдутся. Кэд поверил этому обещанию и, видя колебания своих сторонников, распустил отряды. После этого началась жестокая расправа с участниками восстания. Кэд был схвачен и казнен. Разрозненные попытки восстания в других графствах были быстро подавлены. Разгром восстания Кэда и возникшие во время этого восстания классовые столкновения заставили богатых горожан и «новое дворянство» оставить надежду на широкое народное движение как на средство борьбы с господством крупных феодалов. Теперь они, возлагая свои упования на смену династии, в противовес Ланкастерам стали поддерживать Йорков — родственников королевского дома, также крупнейших землевладельцев Англии. С другой стороны, окончание Столетней войны значительно сократило доходы феодальной аристократии. Теперь ее внимание больше, чем прежде, сосредоточилось на борьбе за власть и доходы при дворе.

Удобным поводом для феодальных междоусобиц явились династические споры Ланкастеров и Йорков. В 1455 г. между сторонниками враждебных династий произошло военное столкновение. Оно положило начало долгой междоусобной войне, получившей в истории название войны Алой и Белой розы (в гербе Ланкастеров была алая роза, а в гербе Йорков — белая). За Ланкастеров стояло большинство крупных феодалов, особенно феодалы Севера, привыкшие к политической самостоятельности и обладавшие большими вооруженными силами. Йорков поддерживали крупные феодалы экономически более развитого Юго-Востока, их родственники и вассалы, оттесненные от власти Ланкастерами. Вместе с тем их поддерживало большинство «нового дворянства» и горожан, стремившихся к установлению сильной королевской власти. Впрочем, для многих крупных феодалов эта война была лишь предлогом для разбоя и усиления своей политической самостоятельности. Они легко переходили из одного лагеря в другой после каждой перемены военного счастья.

После ряда кровавых столкновений Эдуард Йоркский занял Лондон и был провозглашен королем. Воцарение Эдуарда IV (1461 — 1483) не прекратило войну Алой и Белой розы, которая неоднократно возобновлялась во время его правления. Эдуард IV

жестоко расправился с баронами-ланкастерцами. Но он не доверял и баронам-йоркистам, приближал к себе людей из среднего слоя рыцарства, раздавал им титулы и владения. Недоверчиво относился Эдуард IV также и к парламенту, выборы в который по-прежнему находились под влиянием феодальной аристократии. Он старался по возможности обходиться без парламента, особенно в финансовых вопросах, Предпочитая прибегать к так называемым добровольным подаркам и Принудительным займам с городов. Он заставил парламент вотировать ему пожизненное право сбора таможенных пошлин. Все это давало королю значительные средства, делало лишним созыв парламента и развязывало ему руки в вопросах управления и законодательства. Эдуард IV проводил политику поощрения отечественной торговли и промышленности. Он запретил вывоз из Англии наиболее ценных сортов шерсти, стимулируя этим развитие сукноделия, принимал меры для обеспечения вывоза английских сукон в Нидерланды и Италию без посредничества ганзейских и венецианских купцов.

После смерти Эдуарда IV его брат Ричард, по приказу которого были убиты в Тауэре законные наследники престола — малолетние сыновья Эдуарда, захватил престол и стал править под именем Ричарда III (1483—1485). Против него объединились ланкастерцы и часть йоркистских баронов. Они подняли восстание и выдвинули нового претендента на престол — Генриха Тюдора, представителя младшей ветви Ланкастерского дома. В 1485 г. в битве при Босворте Ричард III потерпел поражение и был убит. Этой битвой закончилась война Алой и Белой розы. Генрих Тюдор под именем Генриха VII был провозглашен королем Англии.

Генрих VII — основатель новой династии Тюдоров (1485 — 1603) — продолжал последовательную борьбу с самостоятельностью баронов, за укрепление королевской власти. Ему тем легче было проводить эту политику, что война Алой и Белой розы привела к гибели значительной части феодальной аристократии и подняла социальное значение нового дворянства и зарождающихся буржуазных элементов, заинтересованных в усилении королевской власти.

Предпосылки складывания английской нации

В Англии XIII—XV вв. продолжается процесс развития английской народности, послужившей основой формирования будущей английской нации. В этот период определяется в основном языковая и территориальная общность англичан.

По мере складывания в Англии единого национального рынка с центром в Лондоне и централизации феодального государства языковые различия, имевшие место в XI—XII вв., постепенно стираются. На основе лондонского среднеанглийского диалекта, обогащенного влиянием французского и латинского языков, складывается общеанглийский язык. Английский язык в XIV в. становится общепринятым разговорным и литературным языком во всех слоях общества. С 1362 г. на нем ведутся прения в парламенте и официальные судебные разбирательства. На английский язык по инициативе Виклифа переводится Библия, на нем во второй половине XIV в. пишут свои поэмы крестьянский поэт Уильям Ленгленд и один из создателей литературного английского языка, автор знаменитых «Кентерберийских рассказов», поэт Джеффри Чосер.

Глава 11

ГЕРМАНИЯ В XII-XV вв.

§ 1. ГЕРМАНИЯ В XII-XIII вв.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве

На протяжении XII—XIII вв. производительные силы Германии шагнули значительно вперед. Одним из показателей этого являлась широкая внутренняя колонизация. В результате упорного труда десятков и сотен тысяч крестьян изменился сам облик страны. Место дремучих лесов и топких болот заняли деревни и пашни. Успешно шло освоение горных массивов на юге и наступление на море на севере. В XIII в. внутренняя колонизация в Германии была в основном завершена. Благодаря увеличению площади обрабатываемых земель выросла масса производимой в стране сельскохозяйственной продукции.

Наряду с этим шел процесс интенсификации сельского хозяйства. Внедрялись более ценные зерновые культуры (это, в частности, нашло свое выражение в преобладании ржи над ячменем), все дальше на восток и север продвигалось виноградарство и садоводство, повсеместно распространялись технические культуры (лен, конопля, вайда), развивалось овцеводство. Совершенствовались земледельческие орудия — на место серпа пришла коса, на смену молотильной палке — цеп. Землю стали лучше и чаще пахать, тщательнее удобрять мергелем и навозом. Важное значение имел переход к использованию в сельском хозяйстве тягловой силы лошади, что стало возможным с введением в практику ковки лошадей. Все это сказалось на повышении урожайности (до сам-4, сам-5).

Возникновение и рост городов

Важнейшим результатом подъема сельского хозяйства в Германии, как и в других странах Западной Европы, явилось отделение ремесла от сельского хозяйства и развитие средневекового города. Раньше всего города возникают в бассейне Рейна (Кёльн, Кобленц, Майнц, Вормс, Шпейер, Страсбург, Бонн), Дуная (Ульм, Регенсбург, Донауверт и др.). Процесс отделения города от деревни в Германии К. Маркс датирует IX—XII вв. В XII в. в стране насчитывалось около 50 городов, а в течение XIII в. их число возросло до 500. Правда, в подавляющем большинстве это были мелкие города, насчитывающие подчас несколько сот жителей и сохранившие тесную связь с сельским хозяйством.

Но наряду с ними уже в XII—XIII вв. выделялись города, не только являвшиеся ремесленно-торговыми центрами ближайшей округи, но и ведшие широкую внешнюю торговлю. К их числу принадлежал, например, Кёльн — самый большой город средневековой Германии. Кёльн был центром развитого металлообрабатывающего и шерстяного производства, изделия которого находили сбыт далеко за пределами Германии. Экономическое значение Кёльна было связано с его выгодным географическим положением. Он лежал на скрещении важнейшей водной артерии средневековой Европы — Рейна — с сухопутным торговым путем, шедшим из Брюгге через Вестфалию и Брауншвейг на Гамбург и Любек. Город являлся крупным перевалочным пунктом для товаров, поступающих из Северной Италии, Фландрии и Балтийского побережья. Важными ремесленно-торговыми центрами в этот период выступали также Аугсбург, Нюрнберг, Ульм, Любек и др.

К числу наиболее развитых отраслей ремесла в этот период относятся металлообработка, текстильное производство, а также строительное дело. В XII в. в Германии осуществляется переход к сооружению каменных зданий, что сопровождалось крупными техническими нововведениями. В XII—XIII вв. значительных успехов достигло горное дело. Возникают новые центры добычи железной руды (Фрейбург в Шварцвальде), олова (в Рудных горах), меди (Мансфельд), золота (Гольдбург в Силезии), серебра (в Саксонии). Усложняется и совершенствуется сам процесс добычи металлов.

В немецком городе рано появилась и достигла большого расцвета цеховая организация ремесла. Древнейшими цехами являются цехи майнцских ткачей (1099),

вормских торговцев рыбой (1106—1107) и вюрцбургских сапожников (1128). Существовали даже женские цехи — ткачих шелковых изделий, прядильщиц, шляпниц.

В XI—XIII вв. наиболее развитые города, прежде всего рейнские, вели борьбу против сеньориального гнета, особенно тяжелого в епископских городах. Однако лишь немногим городам удалось освободиться из-под власти территориальных князей; это так называемые свободные имперские города (Кёльн, Вормс, Шпейер, Регенсбург, Майнц и др.). Подавляющее большинство городов оставалось под княжеским суверенитетом. Однако многие ремесленно-торговые центры, как правило, пользовались довольно широкой автономией. Внутренними делами таких городов ведал выборный городской совет, которому принадлежало исключительное право налогообложения, организации обороны города, обеспечения его продовольствием.

Власть в городах принадлежала патрициату, главным образом богатым купцам. Цехи, игравшие большую роль в экономической жизни города, были бесправны в политическом отношении. С XIII в. начинается борьба цехов за участие в политической жизни города. В ряде городов (Фрейбург, Гослар, Ульм) цехи добились участия в городском совете, но в большинстве случаев цеховые движения в XIII в. заканчивались неудачей.

Эволюция аграрных отношений

Подъем городского ремесла оказал большое влияние на развитие аграрных отношений. С появлением городов в товарно-денежные связи стало втягиваться крестьянское хозяйство и хозяйство феодалов. Устанавливались более или менее регулярные рыночные связи между городом и деревней, город становился экономическим центром прилегающей сельской округи.

Втягивание деревни в товарно-денежные отношения вело к существенным изменениям в характере аграрного строя, в формах и методах феодальной эксплуатации крестьянства. Во многих районах Германии в XII—XIII столетиях происходит разложение старой вотчинной системы, основанной на использовании барщинного труда крепостных и зависимых крестьян. Повышение спроса на сельскохозяйственную продукцию, вызванное увеличением городского населения, побуждало феодалов отказываться от малопродуктивного барщинного труда, толкало к поискам более выгодных форм поместной организации. Чтобы увеличить доходность своих владений, феодал готов был отказаться от наиболее тяжелых форм крестьянской зависимости и барщины, если это давало более широкие возможности повысить другие крестьянские повинности (денежные платежи и т. п.). На смену основанной на барщинном труде вотчине в XIII в. пришла так называемая чистая сеньория, характерным признаком которой является полное или почти полное отсутствие самостоятельного господского хозяйства. Бывшая барская запашка делилась на сравнительно большие участки, которые сдавались в аренду мейерам (вотчинным управляющим из числа зажиточных крестьян). Но в отличие от Франции и Англии, где и при ликвидации домениального хозяйства крестьяне, как правило, сохраняли наследственные права на свой надел, в Германии значительная часть крестьян из наследственных держателей превратилась в краткосрочных арендаторов. Однако это были феодальные арендаторы, уплачивающие владельцу земли не арендную плату, а феодальную ренту.

Распространение арендных отношений подобного типа отнюдь не меняло феодальной природы эксплуатации крестьян (со временем их тоже стали называть мейерами). Господствующей формой феодальной ренты становится теперь натуральный оброк продуктами, обычно от четверти до половины урожая, дополняемый часто денежными платежами. «Чистая сеньория» получила широкое распространение в Нижней Саксонии, Вестфалии, Баварии, а также на Швабско-Баварском плоскогорье. В остальных районах Юго-Западной и Средней Германии (Алемания, Франкония, Прирейнская область) происходит процесс так называемого окаменения вотчины. Здесь сохраняется старая

вотчинная организация, но в рамках ее совершается частичный переход к денежной ренте, что влечет за собой появление значительного количества лично свободных крестьян, уплачивающих феодалу денежный оброк — чинш. В отличие от районов распространения «чистой сеньории» крестьяне здесь сохранили свои наследственные держания и даже в известной степени укрепили свои владельческие права на них.

Смена форм феодальной ренты обусловила существенные изменения в положении немецкого крестьянства. Исчезают наиболее тяжелые формы крепостной зависимости, многие крестьяне получают личную свободу. Можно говорить об определенном улучшении положения немецкого крестьянства в XII—XIII вв. Но это улучшение коснулось прежде всего правового, а не фактического положения крестьян. Освобождение от крепостной зависимости часто сопровождалось лишением их земель. Распространение краткосрочной аренды ухудшало владельческие права крестьян, вело к постоянному возрастанию крестьянских повинностей: при каждом очередном перезаключении арендного договора феодал имел возможность повышать арендную плату. В отдельных районах Германии (в частности, на северо-западе) светские и особенно духовные феодалы захватывали общинные земли и даже иногда сгоняли крестьян с их наделов. Источники XII—XIII вв. полны жалоб крестьян на притеснения и всевозможные злоупотребления со стороны должностных лиц вотчины. Бесконечные феодальные распри, не говоря уже о прямом грабеже со стороны феодалов, тяжелым бременем ложились на крестьянское хозяйство, часто приводили к его обнищанию и разорению.

Перемены в аграрном строе содействовали значительной дифференциации крестьянства. Выделялись зажиточные крестьяне, соединявшие в своих руках по несколько крестьянских наделов (гуф) или арендовавшие целые поместья, которые они обрабатывали руками своих обедневших односельчан. С другой стороны, множилось число малоземельных крестьян, владевших лишь частью нормального земельного чадела. Возникает слой безземельных крестьян. В деревне появляется новый социальный тип — поденщик, вынужденный помимо выполнения обычных сеньориальных обязанностей заниматься к феодалу или зажиточному крестьянину за особую плату.

Классовая борьба в немецкой деревне

Крестьяне вели повседневную борьбу против феодальной эксплуатации. В районах распространения краткосрочной аренды они боролись за сохранение наследственного характера держаний. Повсеместно они выступали против насилий сеньоров, добивались уменьшения феодальных повинностей и поборов. Формы крестьянского сопротивления были различны. Здесь и отказ от выполнения повинностей, и преднамеренное небрежное выполнение их и причинение ущерба хозяйству феодала, и, наконец, убийство наиболее ненавистных господ и их должностных лиц.

Особенно широкое распространение приобрело бегство крестьян, принявшее в этот период такой размах, что феодалы заключали между собой соглашения о выдаче беглых, добивались у городов обязательств не принимать в свои стены бежавших крестьян, требовали принятия законодательных мер.

Классовая борьба немецкого крестьянства в XII—XIII столетиях носила еще локальный характер. Крестьянские выступления обычно не выходили за рамки отдельной деревни или поместья. Лишь в конце XIII в. происходят более широкие крестьянские восстания. Одно из них под предводительством Фридриха Деревянного Башмака в 1285 г., поддержанное горожанами, охватило большую территорию на севере Германии и было подавлено только соединенными усилиями императора и князей.

Экономические предпосылки образования системы территориальных княжеств

Подъем производительных сил и связанные с ним перемены в социальной структуре общества оказали большое влияние на политическое развитие страны. Однако социально-экономические сдвиги в Германии в отличие от Франции и Англии в конечном итоге пошли на пользу центробежным силам, использовавшим их для закрепления раздробленности страны.

Экономический подъем в Германии в XII—XIII вв. не привел к образованию единого экономического центра, подобного Парижу или Лондону, к которому тяготели бы все области страны. Крупнейшие немецкие города экономически были более связаны с иностранными центрами, чем между собой. Города, расположенные по верхнему Рейну и Дунаю, вели оживленную торговлю с Венецией; Кёльн и другие города на среднем и нижнем течении Рейна тяготели по своим торговым связям к Шампани и Фландрии; города побережья Северного моря торговали с Англией, Скандинавскими странами, Прибалтикой. Для тесно связанного с транзитной внешней торговлей бюргерства этих городов объединение страны не являлось жизненной необходимостью.

Немецкие города были естественными экономическими центрами для прилегающей округи. Причем чем значительнее был город как экономический центр, тем обширнее была и примыкающая к нему округа, включавшая в себя не только сельские поселения, но и более мелкие города. В пределах такой округи происходила известная экономическая централизация, устанавливались более или менее постоянные хозяйственные связи. Областная централизация, однако, не сопровождалась установлением прочных связей между различными районами. Тем самым центробежные силы в Германии получали мощную поддержку в самом характере экономического развития страны.

Областная централизация в условиях углубляющейся хозяйственной раздробленности Германии явилась экономической основой развития системы так называемых территориальных княжеств, т. е. компактных территорий, в пределах которых их властители обладали относительно полной политической властью. Зачатки территориальных княжеств возникли в Германии, как мы видели, уже в конце XI — начале XII в., но их окончательное утверждение стало возможным на базе экономического подъема XII—XIII вв. Развитие городов явилось для князей орудием укрепления их самостоятельности, источником финансовых доходов, опорой политического влияния. Территориальные князья поощряли развитие городов в своих землях, основывали новые торгово-ремесленные центры. Показательно, что начиная с XIII в. почти все вновь основанные города возникают во владениях князей. Одновременно князья стали подчинять себе имперские города.

Оборотной стороной превращения города в орудие территориальной политики феодальной знати явилось прогрессирующее ослабление его связи с центральной властью. В средневековой Германии в отличие от Франции и Англии не сложился союз королевской власти и городов, являвшийся в средние века необходимым условием преодоления политической раздробленности страны. На заре своей истории немецкие города в борьбе с сеньорами также пытались опереться на помощь королевской власти. Они видели в короле (императоре) своего естественного союзника и покровителя, оказывали ему поддержку в его столкновениях с феодальной знатью. Так, во время Саксонского восстания XI в., когда против Генриха IV выступила вся феодальная верхушка Германии, активную помощь королю оказали горожане Кёльна и Вормса. И в дальнейшем горожане оставались союзниками Генриха IV. Однако тогда немногочисленные немецкие города были и в экономическом, и в политическом, и в военном отношении слишком слабы, чтобы служить действенной опорой короля, и эта ранняя попытка германских королей опереться в своей централизаторской политике на города окончилась неудачей. Что касается преемников Генриха IV, то они все дальше уходили от начинавшегося союза с городами, пока, наконец, в XIII в. их политика в отношении городов не стала откровенно враждебной.

Укрепление могущества немецких территориальных князей в немалой степени было связано с агрессией немецких феодалов на Востоке против полабских славян и народов Восточной Прибалтики (так называемый *Drang nach Osten*). Своеобразие нового этапа немецкой агрессии против славян, начавшегося в XII в., заключается в том, что руководящую роль в ней стали играть не императоры, а князья, опиравшиеся на союз с католической церковью. Князья стремились создать обширные владения, которые служили бы основой их независимого положения в империи. Главную военную силу походов составляли мелкие феодалы-рыцари. Порабощение раздробленных славянских земель после неудач в Италии и в крестовых походах казалось им предприятием сравнительно выгодным и легким. В этом движении принимали участие и немецкие города, стремившиеся получить значительные торговые выгоды на Востоке.

Наступление немецких феодалов против славянского племени ободритов, обитавших в нижнем течении Эльбы (Лабы), возглавил герцог Баварии и Саксонии Генрих Лев из рода Вельфов — крупнейший феодальный хищник XII в., соперничавший по своему могуществу с императором. Генрих Лев отличался необычайной даже для той поры жестокостью и коварством, он не останавливался перед самыми кровавыми средствами. После длительной и ожесточенной борьбы на захваченных немцами землях ободритов было создано зависимое от Генриха Льва герцогство Мекленбургское. Около того же времени было основано и маркграфство Бранденбургское (на землях племени лютичей) во главе с Альбрехтом Медведем. В XIII в. центром этого маркграфства стал Берлин (впервые упоминается в 1230 г.). Генрих Лев захватил славянское Поморье (между Одером и Вислой). Население захваченных славянских земель массами истреблялось, уцелевшие сгонялись в места, не пригодные для земледелия, а их земли переходили к немецким феодалам, приглашавшим для их обработки немецких колонистов.

В начале XIII в. немецкие феодалы приступили к завоеванию Восточной Прибалтики. С этой целью в 1202 г. при активном участии папы Иннокентия III был организован новый духовно-рыцарский Орден меченосцев, который к середине XIII в. захватил территорию современной Латвии, а затем южную часть современной Эстонии. В 1226 г. Тевтонский орден, переведенный по распоряжению папы из Палестины в Прибалтику, начал завоевание земель литовского племени пруссов, населявших Балтийское побережье между Вислой и Неманом. Пруссы оказали длительное и упорное сопротивление захватчикам, и в ходе завоевания, которое было завершено только к концу XIII в., они были подвергнуты беспощадному истреблению. В 1237 г. оба ордена слились в один — Тевтонский. Его владения охватывали почти все юго-восточное побережье Балтийского моря. Попытки немецких рыцарей продвинуться оттуда на Русь были пресечены разгромом их войска в битве на Чудском озере (1242) новгородским князем Александром Невским.

Для укрепления своего господства в заэльбских землях феодалы широко использовали крестьян из Германии — колонистов, которых они привлекали льготными условиями поселения. Обычно феодал находил подрядчика (локатора), который вербовал переселенцев, а затем становился старостой деревни. Переселявшимся крестьянам предоставлялись двойные туфы на правах наследственного чиншевого держания. Повинности были фиксированы и взимались только с земли: сами крестьяне считались лично свободными, в частности за ними сохранялась свобода передвижения.

Германская колонизация несколько способствовала экономическому подъему Заэльбья. Увеличилась площадь культивируемых земель, выросли новые города, усилились торговые связи по побережью Балтийского моря. Но этот подъем был достигнут ценой массового порабощения и насильственной германизации местного населения.

Одновременно немецкая колонизация устремилась на юго-восток, в придунайские земли, также заселенные славянами. Здесь на Среднем Дунае еще в конце X в. была образована Восточная, или Австрийская, марка, в XIII в. она превратилась в герцогство. Затем австрийские герцоги захватили соседние славянские области — Штирию, Каринтию,

Крайну. Немецкая колонизация, в которой принимали участие рыцарство, церковь (особенно монастыри) и торгово-ремесленные элементы, была направлена также и в Чехию.

Крах итальянской политики германских императоров

Одновременно с агрессивной политикой на Востоке немецкие феодалы не оставляли замыслов подчинения Италии и папства. Главными вдохновителями и организаторами захватнической политики на этом фронте явились германские императоры.

Одним из наиболее агрессивных проводников этой, политики был Фридрих I Барбаросса (1152—1190) из династии Гогенштауфенов (1138—1254). Итальянская политика Барбароссы — это политика разнузданного грабежа и разбоя, в основе которой лежало стремление использовать богатые ресурсы Италии в династических целях. Вначале Фридрих I добился некоторых успехов. В 1154 г. он отправился в свой первый итальянский поход, целью которого было коронование в Риме императорской короной. Германские войска вошли в Рим, охваченный антипапским восстанием горожан во главе с Арнольдом Брешианским. Фридрих, однако, не только не поддержал борьбу горожан, но выступил против них. Благодарный папа короновал его в Риме. Так на почве борьбы с народным движением время объединились, казалось бы, непримиримые противники — империя и папство. Однако насилия немецких рыцарей вызвали всеобщее восстание в Риме, в результате которого Фридрих вынужден был оставить город

В 1158 г. Фридрих I предпринял новый поход в Италию. В Ронкальской долине (близ Пьяченцы) он собрал представителей североитальянских городов. Используя их разобщенность и взаимную вражду, он провел на этом сейме решение о лишении городов прав самоуправления и назначении в них наместников — подеста, которые должны были заменить выборных консулов. Фридрих присвоил себе право высшей судебной власти в городах северной Италии и обложил их налогами. По существу, это означало полное подчинение североитальянских городов императору. Фридрих жестоко расправился с миланцами, которые отказались признать власть германского императора и не приняли назначенного им подеста. В 1162 г. после двухлетней осады Мичан был взят и разрушен, рыночная площадь была вспахана, а борозды посыпаны солью в знак того, что на месте города всегда будет пустошь. Жители непокорного города были расселены в деревнях, превращены в крепостных и обложены тяжелой барщиной в пользу императора.

Драконовскими мерами Фридрих I думал запугать североитальянские города и укрепить свое владычество в Италии. Но произошло обратное: потрясенные расправой с миланцами, города поднялись на борьбу с императором. В 1167 г. они создали Ломбардскую лигу, куда вошло 22 города Северной Италии во главе с Миланом, отстроившимся заново. Активную помощь Лиге оказал папа Александр III. Между тем Фридриху отказали в военной помощи многие немецкие князья, в том числе и самый могущественный из них — Генрих Лев. Решающая битва между войсками императора и Ломбардской лигой произошла в 1176 г. около Леньяно (северо-западнее Милана). Немецкие рыцари потерпели полное поражение, сам Фридрих едва спасся бегством.

Это была одна из первых битв, в которой рыцарское войско было побеждено ополчением городских ремесленников и купцов. В следующем году в Венеции Фридрих I капитулировал перед папой и заключил шестилетнее перемирие, условия которого были закреплены в 1183 г. миром в Констанце. Фактически этот мир означал восстановление самоуправления итальянских городов, укрепление их политической самостоятельности.

Последнюю попытку утвердиться в Италии предпринял внук Барбароссы император Фридрих II (1220—1250) — одна из колоритнейших фигур, когда-либо занимавших королевский престол. Выросший в Сицилии (он был одновременно королем Сицилийского королевства, перешедшего к нему по наследству от отца, императора Генриха VI, женатого на наследнице сицилийского престола), он причудливым образом сочетал в себе черты

воинственного рыцаря, искателя приключений и восточного деспота. Фридрих II окружил себя византийскими, арабскими и еврейскими учеными, основал университет в Неаполе; он читал в подлиннике греческих, римских и арабских авторов, занимался научными наблюдениями, писал трактаты, увлекался поэзией. Вместе с тем Фридрих II был крупным государственным деятелем своего времени, выдающимся дипломатом. В отличие от большинства современников, он был глубоко равнодушен к религиозным вопросам; однако, проявляя терпимость к иноверцам, жестоко преследовал народные еретические движения. Став императором, он сохранил в качестве своей базы Сицилийское королевство. Все силы этого относительно централизованного государства Фридрих II бросил на завоевание Северной и Центральной Италии, но здесь он, как и Фридрих I, натолкнулся на решительное сопротивление городов и папства. Тяжелая изнурительная борьба с итальянскими городами и папой продолжалась с перерывами 30 лет, истощила ресурсы Сицилии и Южной Италии и в конечном итоге завершилась крахом династии Гогенштауфенов. После смерти Фридриха II в Сицилии по призыву папы высадился брат французского короля Карл Анжуйский. Внук Фридриха II шестнадцатилетний Конрадин сделал отчаянную попытку изгнать французов, но был в 1268 г. разбит и сложил голову на плахе. Спустя несколько лет умер в заточении последний сын Фридриха. Так бесславно закончила свое существование династия Гогенштауфенов как в Германии, так и в Италии. Финал ее был закономерен, ибо цели, преследовавшиеся ими, были столь же утопичны, сколь и реакционны.

Укрепление самостоятельности территориальных князей

Объективным следствием великодержавной политики Гогенштауфенов были дальнейшее ослабление центральной власти в Германии и рост самостоятельности территориальных князей. Поглощенные итальянскими делами и связанными с ними честолюбивыми замыслами, германские императоры, чтобы развязать себе руки и обеспечить поддержку князей, были вынуждены делать им одну уступку за другой. В этом отношении показательна политика Фридриха II, для которого Германия всегда оставалась чужой страной. Он лишь трижды посетил Германию, прожив там в общей сложности менее 9 лет. О слабости центральной власти в Германии свидетельствует тот факт, что даже самые могущественные императоры так и не смогли добиться признания принципа наследственности королевской власти. Королевский титул нередко передавался от отца к сыну, но для этого требовалось согласие феодальной знати, и уже в XII в. избрание короля крупными светскими и духовными феодалами стало правилом.

Характерной чертой развития Германии этого периода является возобладание в ее политической организации территориального принципа над племенным. Окончательное завершение в стране процесса феодализации привело к тому, что на месте старых племенных герцогств появилось около сотни княжеств, из которых свыше 80 были духовные. Территориальные князья заняли место племенных герцогов и в феодальной иерархии, образуя сословие имперских князей — непосредственных ленников короны. Впрочем, имперские князья могли держать лены и от иностранных государей; многие из них уже в XII в. оказались в вассальной зависимости от нескольких государей, что, естественно, ослабляло империю. Зато они ревниво следили за тем, чтобы не устанавливалась прямая вассальная связь между их собственными вассалами и императором. Тем самым центральная власть изолировалась от тех слоев господствующего класса — мелких и средних феодалов, — которые являлись ее естественными союзниками и объективно были заинтересованы в ее усилении.

В конце XII в. центральная власть в Германии фактически теряет и другую свою опору — королевский министералитет. Королевские министералы нередко превращались в крупных феодалов, теряя непосредственную связь с короной, вступали в сложную систему вассально-ленных отношений. Примером может служить один из могущественнейших

министериалов империи Вернер фон Боллэнд: он являлся вассалом 43 различных сеньоров, от которых держал в общей сложности более 500 ленов, в том числе 15 графств, и сам, в свою очередь, имел более 100 ленников. В то же время возвышаются министриалы церкви и светских господ, которые также входят в ряды господствующего класса, окончательно завершая тем самым процесс его конституирования. В XIII в. императоры постепенно утрачивают и поддержку городов, все более убеждавшихся во враждебности имперской политики их интересам.

Не имея прочной социальной опоры, императоры вынуждены были лавировать между князьями и тем самым содействовать их дальнейшему усилению. В этом отношении показательна политика Фридриха I Барбароссы. Чтобы обеспечить себе поддержку Генриха Льва в итальянских походах, он передал ему вдобавок к Саксонскому герцогству еще Баварию и некоторые другие территории, а также право бесконтрольного хозяйничанья в захваченных славянских землях. Однако рост могущества Генриха Льва и его бесчинства вызвали недовольство других немецких князей, многие из которых сами стали жертвой его агрессии. К ним присоединился и сам Фридрих, которому, несмотря на униженные просьбы, Генрих Лев не помог в битве при Леньяно. В результате объединенных действий императора и князей Генрих Лев был вынужден предстать перед имперским судом, который конфисковал его владения, а самого изгнал из империи. Но разгром самого могущественного князя отнюдь не привел к усилению позиций императора в Германии. Конфискованные у Генриха Льва владения были разделены между другими князьями, что в конечном итоге привело к росту могущества князей и укреплению территориальной системы в целом.

Важным этапом в процессе окончательного оформления системы территориальных княжеств в Германии явилось правление Фридриха II. Если Фридрих I раздавал привилегии отдельным князьям, то Фридрих II сделал решающие уступки всем имперским князьям как особому сословию. Все права, присвоенные им раньше, получила теперь законодательное закрепление и дальнейшее развитие. Князья приобрели высшую юрисдикцию, право чеканить монету, взимать налоги и пошлины, основывать города и предоставлять им рыночные права. Под угрозой суровых наказаний городам запрещалось создавать союзы и выступать против феодальных сеньоров. Германия фактически распалась на множество мелких территориальных владений, которые лишь в очень ограниченной степени признавали верховную власть императора. Последовавший после краха Гогенштауфенов период междуцарствия (1254—1273) еще более укрепил политическую-раздробленность страны. Императоры, отказываясь от великодержавной политики своих предшественников, сами все более превращались, в территориальных князей. Свои усилия они направляют главным образом на расширение родовых владений. Начало этой политики положил Рудольф I (1273—1291) — представитель второстепенного дома Габсбургов, обладавшего сравнительно небольшими владениями в Эльзасе и Швейцарии. Рудольф I отнял у чешского короля Пшемисла II Австрию вместе со Штирией, Каринтией и Крайней, заложив таким образом основы могущества Габсбургов. Но именно поэтому после смерти Рудольфа князья не избрали на императорский престол: его сына — Габсбурги становились для них слишком опасными. С этого времени на германском престоле одна династия сменяет другую. Императоры из домов Нассау, Люксембургов, Виттельсбахов и Габсбургов непрерывно следуют друг за другом. Это было результатом целенаправленной политики князей, стремившихся не допустить усиления императорской власти. Всевластие территориальных князей стало характерной чертой политической жизни Германии.

§ 2. ГЕРМАНИЯ В XIV—XV вв.

Особенности экономического и социально-политического развития Германии в XIV

в.

Начавшийся еще в XIII в. распад Священной Римской империи продолжался и в XIV в. Границы империи, простиравшиеся от Северного и Балтийского морей до Средиземного моря и от Бургундии до славянских земель, были в значительной степени номинальными. В пределах их находились фактически самостоятельные государства Северной Италии, Чехия и образовавшийся в конце XIII в. Швейцарский союз.

Германская империя, основанная Оттоном I в X в. и называвшаяся тогда Римской империей, с конца XII в. стала именоваться Священной Римской империей.

Уже в середине XIII в. «лесные земли», расположенные в альпийских долинах у Сен-Готардского прохода — кантоны Швиц, Ури и Унтервальден, объединились для борьбы с Габсбургами, которые стремились овладеть Сен-Готардом — воротами на торговой дороге между Германией и Италией. В 1291 г. эти три кантона заключили между собой «вечный союз» для борьбы за свободу. Первую решающую победу швейцарцы одержали в 1315 г. в битве при Моргартене (южнее Цюрихского озера), где войска Габсбургов были разгромлены крестьянской пехотой. Так возник и утвердился Швейцарский союз, который в течение последующих двух веков продолжал отстаивать свою свободу и политическую независимость.

Для Германии XIV—XV вв. характерен был подъем городской жизни, дальнейший рост ремесла и торговли, особенно международной. Страны, расположенные по берегам Балтийского и Северного морей, и крупнейшие торговые центры на Средиземном море — Венеция и Генуя, ведшие оживленную транзитную торговлю между Западной Европой и странами Востока, — связывались между собой путем, который проходил через Альпийские проходы и по Рейну через Германию. Благодаря выгодному положению на путях мировой торговли северогерманские, южногерманские и рейнские города в XIV в. стали принимать все более активное участие в торговле Европы с Востоком, между севером и югом Европы, а также между этими городами и странами северной части континента. При этом расположенные по «Большой рейнской дороге» Кёльн, Майнц, Страсбург, Ульм, Шпейер, Вормс были не только центрами посреднической торговли, но и значительными центрами производства шерстяных и льняных тканей и обработки металлов. Однако, как и в предшествующий период, особенностью экономической жизни Германии оставалась слабая связь между ее городами. Рост ремесла и торговли и в XIV в. не привел к возникновению общегерманских рыночных связей и единого экономического центра.

В XIV—XV вв. в городах стали учащаться социальные конфликты, развернулась ожесточенная борьба между патрицианской аристократией и цехами. Во многих городах результатом этой борьбы был захват власти цехами, а это, в свою очередь, вело к новым конфликтам между привилегированной цеховой верхушкой и демократическими слоями городского населения. Города вынуждены были вести борьбу и с князьями, стремившимися наложить на них свою руку, и с рыцарством, особенно «имперским рыцарством» Юго-Западной Германии. Рыцари, непосредственные вассалы императора, с ослаблением императорской власти оказывались предоставленными самим себе. Значение их как военного сословия было потеряно после того, как войны стали вестись при помощи наемников. Они отчасти пытались повысить свои доходы путем усиления нажима на крестьян, однако основная масса рыцарей превращается в этот период в мелких хищников и разбойников, ищущих источник пропитания и обогащения в феодальных усобицах, нанимаясь то к одному, то к другому князю, либо просто занимаясь грабежами на больших дорогах.

Слабеющая императорская власть не могла оградить города от произвола князей и грабежей рыцарей и защитить интересы немецких купцов в их внешней торговле. В этих условиях города вынуждены были сами взять на себя защиту своих интересов как внутри, так и вне Германии. С этой целью они стали объединяться в союзы.

Крупнейшим из таких союзов была северогерманская Ганза. Ее история началась с соглашения между отдельными городами и группами городов. К середине XIV в. Ганза охватила уже почти все германские города, расположенные на берегах Северного и

Балтийского морей, и ряд других, связанных речными путями с побережьем. Ядром союза стали Штральзунд, Росток, Висмар, Любек, Гамбург и Бремен. Они стремились сосредоточить в своих руках всю посредническую торговлю в бассейне Балтийского и Северного морей, а также с Россией. С этой целью Ганзейский союз основал свои торговые конторы в Новгороде, Каунасе, Бергене, Стокгольме, Брюгге, Лондоне и других городах.

В условиях царившей в Германии политической раздробленности Ганзейский союз выступал как самостоятельная политическая сила. Со второй половины XIV в. происходили регулярные съезды представителей входивших в союз городов. Решения этих съездов были обязательными для всех членов Ганзы. Ганза в XIV в. вела самостоятельную внешнюю политику, объединяясь с одними государствами и воюя с другими. В 1367 г. Ганза в союзе со Швецией и герцогом Мекленбургским начала войну с Данией. В результате ее по Штральзунд-скому миру 1370 г. Ганзейский союз получил ряд крепостей на юге Скандинавского полуострова и приобрел большой политический вес. Однако при всем своем могуществе Ганзейский союз не мог стать ни экономическим, ни политическим ядром Германии. Каждый город, состоявший членом Ганзы, вел свои дела самостоятельно. У союза не было ни общего управления, ни общих финансов, ни общего флота. Цель его заключалась главным образом в том, чтобы совместными усилиями добиваться для своих членов привилегий в районах ганзейской торговли. Ганзейский союз также поддерживал в своих городах реакционный олигархический строй, не допуская захвата власти цехами.

Во второй половине XIV в. города Западной и Юго-Западной Германии также стали объединяться в союзы. В 70-е годы XIV в. возникли Швабский союз городов и Союз рейнских городов, затем объединившиеся в 1381 г. Не без поддержки князей стали возникать и рыцарские союзы. Борьба, начавшаяся между этими городскими и рыцарскими союзами, была на руку князьям, так как она ослабляла обе борющиеся стороны. Князьям, вмешавшимся на стороне рыцарей в борьбу, протекавшую с переменным успехом, в конечном счете в 1388 г. удалось разгромить объединенный союз городов.

Новые явления в промышленном развитии в XV в.

Выгодное положение Германии на путях мировой торговли имело большое значение для развития ремесла. К XV в. выделка шерстяных тканей стала в Германии, как и в других странах Европы, главной отраслью производства, работавшего на отдаленные рынки. Развитие овцеводства в северогерманских землях и наличие местных красящих веществ создавали благоприятные условия для его роста. Значительные успехи были достигнуты в производстве хлопчатобумажных тканей и полотна, которые вывозились в Италию, Испанию и другие страны. Совершенствовалась и обработка металлов; в этом специализировался крупнейший тогда в Германии город Нюрнберг.

Необходимость приобретения сырья, доставляемого из разных стран, и условия сбыта продукции на отдаленных рынках приводили в ряде случаев уже в конце XV в. к подчинению разрозненных и небогатых ремесленников купцу-предпринимателю, хорошо знакомому с усложнившимися условиями закупок сырья и сбыта товаров. Для производства некоторых видов товаров требовалось более сложное оборудование, приобрести которое тоже было не под силу отдельному ремесленнику. Поэтому обладавший капиталом купец часто становился организатором и руководителем всего процесса производства. При этом он нередко расчленял его на ряд отдельных стадий, каждая из которых составляла функцию особых ремесленников-специалистов, и объединял все эти стадии в общую систему. Такой купец-предприниматель, выделявшийся иногда и из среды разбогатевших ремесленных мастеров, превращал непосредственных производителей в фактически зависимых от него наемных рабочих, несмотря на то что они продолжали работать у себя на дому. Так стали зарождаться элементы раннекапиталистического производства в форме рассеянной мануфактуры.

Эта форма организации производства ранее всего появилась в некоторых отраслях текстильной промышленности, преимущественно в сельских районах, где не было цехов с их регламентацией. Элементы капиталистических отношений стали особенно интенсивно развиваться также в новой отрасли производства — книгопечатании. В горном деле, в котором Германия занимала первое место в Европе, с самого начала также сложились благоприятные условия для зарождения элементов капиталистических отношений.

Недра земли, являвшиеся вначале собственностью общины, постепенно превратились в княжеские и императорские регалии, сдававшиеся отдельным лицам или группам рудокопов. На шахтах в связи с характером производства применялся свободный труд. Поэтому беглые крестьяне, если они работали на горных промыслах, не могли быть затребованы феодалами. Рудокопы вначале составляли трудовые товарищества (*gewerkschaften*), участники которых сами работали в шахтах, добывали и плавил руду. В течение же XIV и XV вв. эти товарищества стали постепенно терять первоначальный трудовой характер. Рост добычи руды, особенно благородных металлов, требовал все большего углубления шахт, установки водоотводных и воздухоочистительных сооружений. Для этого были необходимы большие денежные затраты. Поэтому уже в последние десятилетия XV в. членами товариществ по обработке рудных участков могли быть только лица, обладающие необходимыми денежными средствами. Большие доходы пайщиков горных предприятий привлекали внимание многих состоятельных горожан. Вместе с тем князья и императоры, постоянно нуждаясь в деньгах, брали займы у крупных торгово-ростовщических фирм и закладывали им горные богатства своих территорий. В XV в. владельцы крупнейшей из таких фирм — Фуггеры — и другие фирмы Южной Германии сдавали Принадлежавшие им горные промыслы предпринимателям, а нередко и сами участвовали в эксплуатации рудников, в их снабжении новым оборудованием и организации производства с применением наемного труда.

В горных промыслах Германии в XV в. было занято значительное число наемных рабочих, подвергавшихся эксплуатации уже капиталистического типа. Во второй половине XV в. нередко были волнения горнорабочих, требовавших повышения оплаты и улучшения условий труда. Но эти движения направлялись не столько против предпринимателей, сколько против регальной администрации, которая во многих районах фактически управляла горными предприятиями.

Общий экономический подъем немецких городов и зарождение в отдельных отраслях ремесла новых форм производства наталкивались на существенные препятствия. Одним из них являлась неравномерность экономического развития страны: экономический подъем одних городов и земель сочетался в Германии с отставанием других. Не меньшее значение имела слабость экономических связей между отдельными областями, препятствовавшая образованию единого внутреннего рынка, а также политическая раздробленность. В этих условиях даже первые зачаточные элементы капиталистического производства встречали непреодолимое препятствие в феодальном строе, который оставался господствующим и в деревне, и в городе. Среди факторов, тормозивших экономическое развитие и обострявших социальные противоречия в стране, не последнее место занимал нараставший нажим на крестьянство, в частности усилившиеся явления сеньориальной реакции в деревне.

Состояние сельского хозяйства в положение крестьян

Со второй половины XIV в. после некоторого облегчения положения крестьян в XII—XIII вв. в Германии обнаружилось стремление феодалов к укреплению и распространению крепостничества и к увеличению лежавших на крестьянах повинностей. Этот процесс усиления эксплуатации крестьянства проходил по-разному в отдельных частях страны и имел разные результаты. В связи с начавшимся вывозом хлеба из Северо-Восточной Европы за границу, главным образом во Фландрию и Северные

Нидерланды, в восточных землях Германии уже в XV в. наметился подъем хозяйственной активности дворянства. Наряду с польским городом Гданьском центрами хлебного вывоза стали немецкие города Ганзейского союза - Любек, Росток, Висмар, Штральзупд. Цены на хлеб в самой северо-Восточной Германии повысились, что породило у дворянства стремление к расширению своих хозяйств за счет крестьянских наделов. Однако стремление к сгону крестьян с земли и к переводу их на барщину не могло в широких размерах осуществиться в XV в. главным образом из-за сопротивления свободных и достаточно обеспеченных земель немецких поселенцев — бывших колонистов. Основная тяжесть гнета немецких феодалов в захваченных областях в этот период легла на еще сохранившихся там славянских и литовских крестьян.

В районах Северо-Западной Германии первостепенную роль сыграло развитие местного рынка, т. е. спрос на продукты земледелия со стороны близлежащих и быстро развивавшихся городов. Рост производства шерстяных тканей в городах Вестфалии и Саксонии усилил спрос на шерсть, стимулировал развитие овцеводства и также вызвал стремление феодалов к расширению собственного хозяйства. Однако здесь уже к XV в. сложилась сильная прослойка зажиточных крестьян, владевших своими держаниями на наследственном праве и хорошо приспособившихся к условиям местного рынка. Крестьяне успешно сопротивлялись домогательствам феодалов, используя противоречия между князьями и рыцарством. Поэтому феодалы, продолжая тенденции, наметившиеся еще в XIII в., часто вынуждены были ликвидировать собственную запашку и сдавать землю в аренду зажиточным крестьянам.

В Южной и Юго-Западной Германии не сложилось условий для развития крупного барского сельского хозяйства, производящего хлеб на вывоз. Это обусловило особый характер нажима на крестьянские хозяйства. Усиление феодальной эксплуатации происходило здесь путем увеличения барщины на работах по выращиванию льна и других технических культур, расширения барского овцеводства за счет захватов общинных угодий, увеличения всякого рода поборов, усиления личной зависимости крестьян, превращения наследственных держаний в срочную и краткосрочную аренду.

Императоры и территориальные князья

Характерные особенности исторического развития Германии — слабые экономические связи между ее частями и то, что процесс централизации происходил здесь в масштабе отдельных провинций и территорий, — получили свое политическое выражение в дальнейшем усилении власти территориальных князей и ослаблении власти императора. Немецкие князья, являвшиеся настоящими государями своих территорий, признавали императорскую власть лишь постольку, поскольку ее можно было использовать для расширения своих владений и осуществления агрессивных планов против соседних народов. Этой же цели служили и созываемые время от времени императорами рейхстаги — общеимперские съезды представителей всех земель и территорий, входивших в империю. На них наряду с князьями в ряде случаев выступали и представители имперских городов. Но ни у императора, ни у рейхстага не было никакого исполнительного аппарата. Император обладал властью лишь постольку, поскольку он был одним из территориальных князей и опирался на силы своего княжества. В стране не было ни общего законодательства, ни общего суда, ни общих имперских финансов.

В некоторых княжествах существовали ландтаги — собрания, состоявшие из представителей дворянства, духовенства и городов, которые напоминали сословные представительства других стран. Не ограничивая произвола князей, ландтаги фактически служили им орудием подчинения своим интересам всех сословных групп и выжимания из населения, особенно из крестьянства, нужных им средств.

Императорский престол становился в известной мере средством для усиления влияния того княжеского дома, которому он принадлежал, и тех, кто его поддерживал.

Наиболее сильных князей, имевших право выбирать императора, стали называть курфюрстами, т. е. князьями-избирателями. Курфюрсты стремились к тому, чтобы выбранный ими император не ограничивал их самостоятельности. Когда Габсбурги расширили свои владения, курфюрсты увидели в этом угрозу для своего суверенитета и избрали другого императора — из дома Люксембургов. Когда же император Генрих VII Люксембургский (1308—1313) в результате династического брака стал чешским королем, курфюрсты избрали после его смерти императора из дома баварских герцогов Виттельсбахов — Людвига Баварского (1314-1347).

Заботясь об увеличении наследственных владений, Людвиг Баварский пытался вместе с тем в интересах других князей возобновить походы в Италию. Он вмешался в борьбу партий и стал на сторону римской городской аристократии против папы Иоанна XXII. Однако авантюристический характер итальянского похода Людвига Баварского разочаровал как его римских сторонников, так и те оппозиционные к папству бюргерские круги немецких городов, которые поддерживали императора. Поход Людвига окончился позорным провалом, а немецкие князья, не желавшие дальнейшего усиления рода Виттельсбахов, избрали еще при его жизни нового императора из рода Люксембургов — Карла IV, являвшегося одновременно королем Чехии под именем Карла I.

При Карле IV (1347—1378) политическая раздробленность Германии была юридически закреплена в изданной императором в 1356 г. «Золотой булле» (грамоте с золотой висячей печатью), которую К. Маркс охарактеризовал как «основной закон немецкого многовластия». За князьями был признан полный суверенитет в их княжествах: право суда, сбора таможенных пошлин, чеканки монеты, эксплуатации горных богатств. Были узаконены частные войны между феодалами (за исключением войны вассала против сеньора). Подтверждено было, что императоры должны избираться коллегией из семи курфюрстов (трех духовных князей — архиепископов Кельнского, Майнцкого и Трирского, и четырех светских — короля Чешского, герцога Саксонского, маркграфа Бранденбургского и пфальцграфа Рейнского). Запретив союзы между городами, «Золотая булла» провозгласила, что империя является политической организацией суверенных князей, что города не могут независимо от князей претендовать на политическую роль. Феодалный классовый характер «Буллы» был впоследствии подчеркнут юристами, которые ссылались на этот документ как на основание для упразднения крестьянских прав наследственного держания земли и для захвата феодалами общинных угодий.

Подъем оппозиционного движения в городах

Оппозиционные настроения в немецком бюргерстве появляются уже в XIV в. Горожане были недовольны политическим хаосом и господством кулачного права, явившимся результатом произвола князей. Среди бюргерства росло недовольство и тяжелыми налогами. Идеологическое выражение бюргерская оппозиция в XIV в. нашла в религиозном движении так называемых мистиков, возглавленном кельнским теологом Эккартом и его учениками Иоганном Таулером и Генрихом Сеузе. Мистики выступали против господствовавшей в католической церкви чисто внешней религиозности, согласно которой сам человек не играет никакой роли в деле «спасения своей души». Учение мистиков о решающем значении внутренней религиозной жизни человека, содержавшее в зародыше идеи будущей реформации, отражало пробудившийся в бюргерстве дух протеста против деспотизма духовных и светских князей, санкционированного католической церковью.

Движение мистиков XIV в. не приобрело, однако, широкого характера. Оно призывало не к активной деятельности, а к пассивной религиозности и оставалось чуждым народным массам. Это движение протеста исходило из среды консервативно настроенного средневекового бюргерства. Несколько позже, в XV в., все громче стали раздаваться голоса тех немногочисленных передовых представителей немецкого бюргерства, которые были

связаны с возникавшими в стране элементами капиталистических отношений. Из этих кругов исходили требования об усилении центральной власти и признании за Германией подобающего ей места среди других народов. Наиболее передовые представители этих кругов сочувствовали крестьянскому движению.

В политическом памфлете 1439 г. «Реформация императора Сигизмунда» содержались требования, отражавшие интересы этого прогрессивного слоя бюргерства: превратить Германию в централизованное государство, прекратить бесконечные феодальные войны, подчинить местные власти общегосударственным законам, заменить феодальные привилегии системой государственных прав и обязанностей и создать единое судопроизводство, систему единых пошлин и единой монеты. В интересах улучшения условий ремесла и торговли памфлет требовал упразднения цеховых ограничений и ликвидации крупных торгово-ростовщических компаний. Инициатива указанных преобразований, по мнению анонимного автора, должна принадлежать городам — «хранителям государственного права» в империи. Вместе с тем он считал, что добиться преобразований нельзя будет без активной роли «малых» и «простых» людей. Поэтому он требовал возвращения общинам узурпированных феодалами угодий, упразднения ряда повинностей и особенно отмены крепостного состояния крестьян.

Крестьянские движения в XV в.

Уже в первой половине XV в., особенно со времени гуситских войн в Чехии, немецкие крестьяне, на которых, по словам Ф. Энгельса, «ложила свою тяжесть вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры», стали переходить к активным революционным действиям.

После того как крестовые походы против гуситов (1420—1431), организованные германским императором и римским папой, закончились крахом и революционная чешская армия таборитов, основную силу которой составляли крестьянские массы, вышла за пределы Чехии и проникла в Баварию, Австрию, Силезию и Венгрию, начались революционные выступления крестьян в разных частях Германии. Так, в 1431 г. произошло крупное восстание крестьян в районе Борнхаузен, направленное против феодалов и ростовщиков и вызвавшее большую тревогу у князей и городской аристократии. Участники происшедшего тогда в Базеле церковного собора с большой тревогой указывали, что волнения немецких крестьян, готовых перейти на сторону чехов, составляют угрозу власти князей и самому существованию империи.

В конце 30-х и в 40-х годах XV в. юго-западные земли Германии подверглись нашествию наемных вооруженных банд «арманьяков», состоявших на службе французского короля. Желая присоединить к своим владениям юго-западные рейнские земли, король Карл VII направил их туда под предводительством дофина (будущего короля Людовика XI). Арманьяки разоряли немецкие земли, совершали грабежи, поджоги и убийства. Немецкие князья и феодалы, так же как и германский император, помогали им, надеясь таким путем подавить сопротивление крестьян и покончить с нарастанием оппозиции в городах.

Однако чужеземные захватчики встретили энергичный отпор со стороны народных масс и прежде всего крестьянства. Призывая к общей борьбе с иноземными захватчиками и грабителями, крестьянские отряды выступали под своим знаменем, на котором рядом с изображением богородицы был нарисован крестьянский башмак с длинными шнурами. Знамя «Башмака», поднятое впервые во время борьбы с арманьяками, стало затем символом, призывающим крестьян к борьбе против феодалов и князей.

В 1460 г. под знаменем «Башмака» восстали крестьяне земли Гегау в Юго-Западной Германии. В 1493 г. в Эльзасе был раскрыт заговор, подготовленный тайным союзом, в который входили крестьяне и горожане. План участников заговора заключался в том, чтобы, захватив город Шлеттштадт, поднять знамя «Башмака», которое, как они были уверены, привлечет в их ряды массы простого народа. После захвата власти члены союза

намеревались внести ряд изменений в судопроизводство, упразднить часть княжеских налогов и поборов и ликвидировать ростовщичество.

Германская империя во второй половине XV в.

События внутригерманской жизни в XV в. знаменовали собой вступление Германии в период революционного подъема, предшествовавшего Реформации и Великой крестьянской войне начала XVI в. Особую тревогу княжеской олигархии вызывала угроза сочетания крестьянского движения внутри страны с освободительным движением народов, страдавших от засилья немецких феодалов. Все более и более определялось самостоятельное развитие Швейцарского союза и Чехии. Потерпела крах агрессивная политика Тевтонского ордена против Польши и Литвы. Захватив в 40-х годах XIV в. в союзе с маркграфами Бранденбургскими Поморье, Тевтонский орден отрезал Польшу от моря. Завоевав затем территорию литовского племени жмудь и объединив таким образом свои ливонские и прусские владения, орден оттеснил от моря также Литву, а затем начал наступление на польские земли по правому берегу Вислы. Однако уже в 1410 г. в битве при Грюнвальде объединенные силы поляков, литовцев, русских и чехов нанесли рыцарям ордена сокрушительное поражение. В продолжавшейся в XV в. борьбе разгром ордена был завершен. Навсегда были пресечены попытки немецких рыцарей продвинуться дальше в глубь Восточной Европы.

Происшедшие в Германии важные экономические сдвиги еще больше подчеркивали политическую раздробленность страны. «К концу XV века, — писал Ф. Энгельс, — Германия становится все более раздробленной; центр ее — все более слабым, в то время как Франция и Англии уже более или менее централизованы и нации там уже складываются». Усложнившаяся международная обстановка и нарастание народного движения внутри страны заставили немецких князей искать путей к имперской реформе. В конце 80-х годов XV в. в Юго-Западной Германии возникло крупное политическое и военное объединение — Швабский союз. Формально это было объединение рыцарей и имперских городов Юго-Западной Германии, к которому присоединились отдельные крупные князья. В действительности же союз находился целиком в руках этих князей, признавших своим руководителем архиепископа Майнцкого.

На рейхстагах 1495 и 1500 гг. стоявшие во главе Швабского союза князья провели свой проект «имперской реформы». Было решено провозгласить в империи «земский мир», т. е. запрещение внутренних войн, и создать общеимперское управление и имперский суд для улаживания споров между князьями. Однако из опасения поколебать суверенитет своих территорий князья не хотели, чтобы имперские учреждения обладали реальной военной и финансовой силой и своими исполнительными органами. Таким образом, «имперская реформа» означала не ликвидацию мелкодержания и политической раздробленности, а, наоборот, их закрепление. Но даже и эту «реформу» невозможно было реализовать из-за раздоров между княжескими кликами. Попытка Швабского союза и императора Максимилиана I Габсбурга (1493—1519) вновь подчинить Швейцарию окончилась провалом. Затяжная ими война в 1499 г. закончилась поражением и привела к фактическому разрыву всех связей Швейцарии с империей.

ИТАЛИЯ В XI-XV вв.

В отличие от Франции и Англии период развитого феодализма не завершился в Италии объединением страны. Она оставалась экономически и политически раздробленной. Существенные отличия характеризовали Северную Италию и Тоскану, Папскую область и Южную Италию.

§ 1. ИТАЛИЯ В XI—XII вв.

Города Северной и Средней Италии

Главной особенностью Северной Италии и Тосканы было более раннее и гораздо более быстрое развитие городов, чем в других странах средневековой Европы. В XI—XII вв. в городах этого района развивалось ремесло: в Сиене, Пизе, Флоренции, Пьяченце, Милане производились сукна, в Кремоне — льняные, в Лукке — шелковые ткани; в Венеции, Генуе, Пизе строили корабли; венецианские изделия из стекла славились далеко за пределами города; в Тоскане и Ломбардии добывалось железо; Милан был известен выделкой различных видов оружия и металлических кард (гребней для чесания шерсти). Развитию ремесла, в частности строительного дела, способствовала необходимость создания городских укреплений. Ремесленники итальянских городов, как и повсюду в Западной Европе, были объединены в цехи. В XII—XIII вв. корпорации ремесленников создаются в большинстве городов Северной и во многих городах Средней Италии. Так, в Милане в конце XII в. возник союз ремесленных корпораций — «Креденца св. Амвросия»; во Флоренции оформляются несколько ремесленных цехов: цех «Лана», объединявший ремесленников, вырабатывавших шерстяные ткани из привозного сырья, цех «Калимала», в который входили суконщики, занимавшиеся переработкой и улучшением грубых французских и немецких сукон. На базе ремесленного производства в городах развивается торговля, перерастающая рамки местного значения. Например, в Милане кроме обычного ежедневного рынка четырежды в год собирались ярмарки, на которые приезжали купцы из других итальянских и европейских городов; здесь торговали оружием, сукнами, восточными товарами. Венеция в XII в. стала главным посредником в торговле между Адриатикой и Ломбардией; город видел у себя многочисленных купцов из городов Паданской равнины, Тосканы, Эмилии, а немецкие купцы имели в нем свое подворье (фондако). В Ферраре ярмарки проходили дважды в год; сюда съезжались купцы из Ломбардии, Тосканы, а также из Франции и Германии.

В XI—XII вв. расширились и выросли международные экономические связи итальянских городов: Генуя укрепилась в Каталонии и Провансе и имела свои колонии в Северной Африке; Пиза располагала целыми кварталами в городах Южной Франции, на Корсике и Сардинии; Венеция подчинила себе некоторые города и земли на Далматинском берегу Адриатического моря. Развитию торговли способствовало освобождение морей, омывающих Италию, от господства византийцев и арабов, а также крестовые походы. В результате крестовых походов Венеция, Генуя, Пиза, Анкона установили постоянные торговые связи с Ближним Востоком (Левантом), где они основали многочисленные фактории. Они привозили оттуда перец и другие пряности, хлопок, красители для шерсти и сукна и вывозили хлеб, скот, металлические изделия. Левантийская посредническая торговля приносила итальянским городам баснословные прибыли. В Северной и Средней Италии уже в начале XII в. города становятся ведущей экономической силой.

Борьба городов с сеньорами в Северной и Средней Италии

Однако у городов был враг — феодальные сеньоры. В Италии ими, как правило, были епископы. Их положение укрепилось еще больше в связи с походами в Италию Оттона I, который предоставил епископам широкие привилегии: право суда, административного управления, сбора таможенных и рыночных пошлин, чеканки монеты и т. п. Вся политическая и экономическая жизнь города находилась под контролем епископа — сеньора. Такое положение тормозило дальнейшее развитие городов, сковывало производительные силы. Торгово-ремесленное население городов — пополаны (от popolo — народ), — значительно усилившееся в XI—XII вв., вступает в борьбу со своими сеньорами. Первые вспышки этой борьбы относятся еще к IX—X вв., но наибольшего размаха она достигает в XI в. Как и в Германии, в этой борьбе у итальянских городов не было союзника в лице королевской власти, поскольку Северная Италия не являлась самостоятельным королевством, а власть германского императора оставалась здесь чисто номинальной. Но горожане часто вступали в союз с мелкими феодалами — вальвассорами, которые нередко имели отношение к торговле и были заинтересованы в ослаблении власти крупных феодалов; будучи профессиональными военными, вальвассоры способствовали успешной борьбе горожан против сеньоров. Они участвовали, например, в восстании горожан Милана в 1035 г., а в 1042 г. в союзе с ними миланским горожанам после ожесточенной борьбы удалось изгнать из города своего сеньора — архиепископа — вместе с поддерживающей его феодальной знатью (капитанами). В 1044 г. архиепископ потерпел окончательное поражение и Милан получил самостоятельность.

Борьба городов с сеньорами шла с переменным успехом. Однако в конечном итоге сеньоры вынуждены были постепенно уступать горожанам. Сначала горожане добивались введения своих представителей в епископский совет и в епископский суд, а затем нередко получали от сеньоров грамоты, подтверждающие политическую самостоятельность города. С начала XI в. до начала XII в. такие грамоты получили Мантуя, Феррара, Пиза, Кремона, Болонья и многие другие города. Так города Ломбардии и Тосканы постепенно превращаются в частично или полностью независимые коммуны, а затем становятся самостоятельными городами-государствами.

Формирование городских коммун в Северной и Средней Италии

В отличие от большинства западноевропейских стран, где центром политической и административной жизни почти в течение всего средневековья был замок феодала, в Италии с возникновением коммун таким центром становится город. Хотя независимые от феодалов коммуны возникали в результате ожесточенной борьбы простых горожан — ремесленников и мелких торговцев — с сеньорами, плодами их побед во всех городах воспользовались городские богачи и мелкие феодалы. С установлением коммуны власть от сеньора переходила в руки коллегии консулов, исполнительного органа, ведающего хозяйственными, военными и судебными делами города. Консулы избирались от знати (капитанов), мелких феодалов (вальвассоров) и купечества. Представители ремесленников и мелких торговцев в коллегию не допускались. Законодательную власть в коммунах осуществлял «совет доверенных лиц» — крэдэнца, избиравшийся от всех районов города.

После возникновения коммуны накопления от торговли и ремесла в городах шли уже не в казну феодала, а на развитие городской экономики; это было одной из причин значительного развития итальянских городов в XII—XIII вв. Коммуна не ограничивалась своей властью стенами города: обычно ей подчинялась окружающая ее сельская местность с деревнями и замками феодалов, называемая «контадо». В XII в. устанавливается экономическое и политическое влияние города на его сельскую округу. В последующие века многие итальянские городские коммуны расширили пределы своих владений, подчинив себе другие города с их округами; эта более обширная территория именовалась «дистретто» и нередко представляла собой целое государство.

Так в Северной и Средней Италии сложились многочисленные города-государства — Флоренция, Сиена, Милан, Равенна, Падуя, Венеция, Генуя, Пиза и др.

Распространение власти городов на сельскую округу значительно подорвало политическое могущество феодалов. Начиная с XI в. некоторые из них покидают замки и переселяются в города. Однако большинство феодалов продолжали сопротивляться городу. Они мешали хозяйственной деятельности ремесленников и купцов, контролировали торговые пути, горные переходы, нарушали постановления коммун. В XII в. пополаны начинают вооруженную борьбу с грандами (феодалами), разрушая и поджигая их замки, а их самих насильно переселяя в город. Феодалы, переселившись в город, и здесь строили замки с высокими стенами и башнями, но эти военные укрепления, хотя нередко еще угрожали коммуне, находились теперь под ее повседневным контролем и поэтому были менее опасны.

Так городам-коммунам Италии, в отличие от городов других стран Западной Европы, удалось сломить политическое и экономическое могущество феодалов. Благодаря этому им удалось также ликвидировать конкуренцию сельского ремесла и поставить хозяйство подчиненной им территории на службу городу. Победа городов над сеньорами способствовала процветанию экономики Северной и Средней Италии и дальнейшему росту экономического и политического значения городов в этих областях страны.

Влияние развития города на деревню в Северной и Средней Италии

Расцвет коммун не означал и не мог означать уничтожения феодальных отношений. Но в существующую систему феодальной иерархии было внесено важное изменение. Сами коммуны как бы стали на место феодалов, к ним перешла политическая власть в пределах подвластной территории. Но при этом город продолжал оставаться феодальным организмом и в хозяйственном и в политическом отношении. Одним из проявлений феодальной природы городов было их стремление к экономической и политической обособленности, которой они достигали с превращением в самостоятельные государства. Политический сепаратизм городов-республик Северной и Средней Италии явился одной из причин того, что ни в Италии в целом, ни в более экономически развитой северной ее части до конца средних веков не сложилось единого государства. В отличие от северофранцузских и английских городов, итальянские, как и немецкие, города не стали центрами политического объединения страны, а нередко даже ему препятствовали. Это объяснялось тем, что уже в XII в. они были больше связаны с внешним, чем с внутренним рынком. Более того, на внешних рынках, как восточных (Левант, Египет, Византия), так и западных (Франция, Германия, Англия, Фландрия), города соперничали в торговле, а позднее — и в банковских операциях. Торговыми соперниками были Венеция и Генуя, Генуя и Пиза; Флоренция соперничала с Сиеной, Пизой и Луккой. В самой Италии это соперничество выливалось в непрекращающиеся столкновения между городами-государствами. Причиной столкновений явилось также стремление одних городов расширить свою территорию за счет других, более слабых. На этой почве долгое время происходили войны между Миланом и Кремоной, Болоньей и Моденой и др. Итальянские города временно объединялись лишь тогда, когда им угрожал кто-нибудь извне, в частности германский император. Быстрое развитие городов и товарно-денежных отношений в Северной и Средней Италии подрывало основы натурального хозяйства и приводило к существенным изменениям в аграрном строе. Растущий спрос городов на продукты сельского хозяйства, который покрывался в основном за счет мелкокрестьянского производства, привел к расширению обрабатываемой площади путем расчистки пустошей, осушения болот и т. д. К концу XI в., особенно в XII в., крупные феодалы стали резко сокращать господское хозяйство и сдавать домен в аренду крестьянам, мелким рыцарям, а также горожанам на условиях либеллярного держания или эмфитевтической аренды. Значительная часть земель в деревне переходит в руки городской верхушки, которая скупает их или превращает аренду в фактическую собственность. Уже в

XI в. начинается коммутация ренты. Денежная рента в XI—XII вв. получает очень широкое распространение, сокращается барщина, полевая барщина в значительной части заменяется извозной повинностью. Следует отметить, что в Северной и Средней Италии было сравнительно немного крепостных и отработочная рента никогда не преобладала; натуральная и даже денежная ренты уже с VIII—IX вв. получили довольно широкое распространение, в том числе и среди крепостных крестьян. В некоторых областях Северной Италии рост товарно-денежных отношений вызвал увеличение удельного веса продуктовой ренты: собранные у крестьян продукты феодалы отправляли на рынок. В результате активной борьбы крестьян с сеньорами в XI—XII вв. в этой части Италии значительная часть крестьянских повинностей была фиксирована, выросла и ранее значительная прослойка лично свободных крестьян. В некоторых отсталых районах Северной и особенно Средней Италии сохранились прежние формы эксплуатации и даже крепостничество; такое положение было в некоторых горных местностях Альп и Апеннин.

Сельские коммуны

Ослабление власти феодалов в условиях быстрого роста политического и экономического влияния городов привело в XI—XII вв. к оживлению сельских общин. Община сохранялась в Италии с лангобардских времен, сначала в виде свободной, а затем крепостной общины. В XI—XII вв. североитальянские общины имели в своем пользовании пастбища, леса, луга, пустоши, реке — пахотные земли. Хотя общины уплачивали феодалу как собственнику земли чинш за пользование угодьями, однако они могли обменивать их, дарить, сдавать в аренду и даже продавать, не считаясь с феодалами. Общинные организации в XI—XII вв. часто ведут тяжбы со своими сеньорами. К концу XII в. многие из них в упорной борьбе добиваются самоуправления. Города в этот период нередко помогали крестьянским общинам в борьбе с феодалами, которые являлись их общим врагом. С их помощью были отняты у феодалов судебная власть над крестьянскими общинами и право на взимание некоторых поборов. Высвобождаясь из-под власти феодалов, сельские общины не получали, однако, полной не-зависимости или пользовались ею очень недолго. Как правило, их очень скоро подчиняли своему контролю соседние города. Город как бы заменил сельским общинам их прежнего феодального сеньора. При этом города признавали некоторую автономию сельских общин. Переход сельских общин из-под власти феодалов под власть города, хотя и не избавлял их от эксплуатации, в целом сыграл определенную положительную роль. Включение сельской округи в состав города-государства способствовало дальнейшему развитию товарно-Денежных отношений и ликвидации крепостничества.

В XIII—XIV вв. сельские общины превращаются в самоуправляющиеся общины — сельские коммуны. Подобно городским коммунаам, они избирают должностных лиц (консулов), формируют свой финансовый, судебный аппарат и даже издают законодательные постановления — статуты, регулирующие жизнь деревни.

Римская республика. Арнольд Брешианский

По-иному шло развитие Папской области, занимавшей значительную часть Средней Италии. Поскольку ее государь был одновременно главой католической церкви, а Рим — ее организационным и идеологическим центром, на историю этого государства оказывала значительное влияние европейская политика папства, в основе которой лежало стремление к верховенству над светскими государями Европы. В XI—XII вв., когда в результате успехов папства в борьбе с империей заметно усилилось его влияние в Европе, папам удалось расширить подвластную им территорию за счет части Тосканы, Сполето и Веневента; в конце XII в. они подчинили один из крупнейших итальянских городов — Перуджу. В экономическом отношении Папская область отставала от Северной Италии и

Тосканы. Города здесь развивались медленнее, в деревне сохранялись крепостнические отношения. Немало способствовала отсталости политика папства, направленная против предоставления прав самоуправления Риму и другим городам Папской области, на сохранение старых форм эксплуатации в деревне. Сам Рим был настоящим гнездом феодалов, кроме папской резиденции здесь насчитывалось около двухсот феодальных замков.

Рим в экономическом отношении отставал от таких развитых центров, как Милан или Флоренция. Значительные доходы его населению приносило обслуживание папского двора и многочисленных паломников.

Реакционный характер политики папства по отношению к городам ярко проявился в 40-х годах XII в., когда в Риме обострилась борьба за установление коммуны. В 1143 г. горожане и мелкие рыцари захватили Капитолий, провозгласили республику и избрали сенат; руководители республики считали себя наследниками традиций Древнего Рима. Особым влиянием во вновь созданной Римской республике пользовался Арнольд Брешианский. Ранее он уже возглавлял оппозиционное движение в Брешии (откуда был родом), направленное против епископа и богатого духовенства. За это его изгнали из Италии. Несколько лет он провел во Франции, где стал последователем прогрессивного философа XII в. Абеяра, впоследствии осужденного церковью. Арнольд Брешианский требовал отказа церкви от земельных владений и богатств, выступал против светской власти папы и протестовал против господства феодальной знати, мечтал о могуществе Рима и единстве Италии. Под влиянием его проповедей римские горожане разрушали дома кардиналов, феодальные замки; папе пришлось бежать из Рима.

В это время в Италию вторглись полчища германских феодалов во главе с Фридрихом I Барбароссой. Надеясь на помощь Фридриха в борьбе против папы, сенат Римской республики предложил ему императорскую корону. Однако Фридрих отверг это предложение, и, вступив в Рим, принял корону от папы Адриана IV. Насилия германских рыцарей привели к взрыву возмущения горожан, оказавших императору вооруженное сопротивление. Папа наложил интердикт на Рим; в связи с этим прекратился приток паломников, что лишило горожан доходов. В сенате Римской республики одержали верх умеренные элементы; Арнольд Брешианский был изгнан из города, а затем по приказу Фридриха схвачен и предан мучительной казни (1155). Римская республика была ликвидирована, а власть папы восстановлена.

Южная Италия

В Южной Италии и Сицилии феодальные отношения развивались в условиях чужеземного владычества, что наложило отпечаток на их историю. В XI в. эти области были захвачены норманами (выходцами из Нормандии); в 1130 г. Южная Италия и Сицилия при Рожере II объединились в единое государство — Сицилийское королевство. Норманское завоевание ускорило развитие феодальных отношений: короли-завоеватели захватили большую часть земель местной знати и крестьян и раздали их в качестве феодалов норманским феодалам и церкви. Большие земельные владения вошли в состав королевского домена. Крестьяне, превратившиеся в зависимых держателей, в значительной части утратили свою свободу. В XII в. в Сицилийском королевстве было много крепостных (сервов), которые не имели права перехода, а также полусвободных — вилланов, пользовавшихся ограниченным правом перехода на определенных условиях. И те и другие обязаны были выполнять барщину и платить натуральные и денежные оброки. В целом процесс развития феодальных отношений в Сицилийском королевстве проходил медленнее, чем в Северной и Средней Италии. Поэтому на юге сохранилась значительная прослойка свободных крестьян-аллодистов, живших общинами и упорно боровшихся против закрепощения; они неоднократно поднимали восстания против феодалов и королевской власти (в 1123, 1168 1178 1199 гг.).

Иначе, чем на севере, сложилась и судьба южноитальянских городов. В XI—XII вв. они также достигли значительного расцвета, однако он был связан преимущественно с транзитной торговлей, а собственное ремесленное производство и местная торговля здесь были развиты слабо. Поэтому и товарно-денежные отношения не оказывали здесь существенного воздействия на жизнь деревни. В силу этого, а также потому, что с начала XII в. в Южной Италии сложилось относительно сильное государство, южноитальянским городам не удалось добиться независимости и даже автономии и они навсегда остались в подчинении сильной центральной власти.

Борьба городов Северной и Средней Италии против германских феодалов

Во второй половине XII в. над Италией нависла угроза германского порабощения. Германские феодалы во главе с Фридрихом I Барбароссой считали основанием для своей агрессии формальную принадлежность части итальянских земель к так называемой Римской империи. Угроза иноземного порабощения прежде всего нависла над яфлоревыми североитальянскими городами. До итальянских походов Фридриха Барбароссы зависимость городов Ломбардии и Тосканы от империи была номинальной: в некоторых случаях они давали императору денежные субсидии и поставляли вспомогательные отряды, откупаясь таким образом от чужеземного сюзерена. Фридрих I уже в первом походе в Италию показал себя душителем городских вольностей. Ронкальский сейм 1158 г. под его давлением принял решение о полной ликвидации независимости североитальянских городов. Услужливые болонские юристы, приглашенные на сейм, обосновали это решение известной формулой римского права: «Что угодно государю, имеет силу закона» («*Quod principi placuit, legis habet vigorem*»). Мы уже знаем, что Фридриху не удалось добиться осуществления Ронкальских постановлений, несмотря на жестокую варварскую расправу с миланцами, которая, как и грабеж страны германскими захватчиками, подняла дух сопротивления городов, где уже хозяйничали подеста, назначенные императором.

В 1167 г. была основана Ломбардская лига, в которую вошли возродившийся Милан, Мантуя, Феррара, Кремона, Брешия и другие города, временно забывшие свои распри перед угрозой порабощения. К союзу против императора примкнули Сицилийское королевство и Венеция, опасавшиеся укрепления позиций империи в Северной Италии. Папство, боровшееся с империей за господство над феодальной Европой, также поддержало Лигу ломбардских городов. Таким образом, борьба с германскими феодальными захватчиками приобрела общепитальянский характер; исход ее решал судьбу всей страны.

Ломбардская лига воздвигла у переправы через реку По крепость Алессандро — заслон против германских вторжений. Когда Фридрих в очередной, пятый, раз перешел Альпы, он не смог взять эту крепость. Потерпев поражение от Ломбардской лиги в битве при Леньяно (1176), Фридрих вынужден был капитулировать перед папой. После мирного договора, заключенного между папой и императором в Констанце в 1183 г., Ронкальские постановления были, по существу, аннулированы и все коммунальные вольности североитальянских городов восстановлены. Поражение империи принесло также значительное политическое усиление папству. Победа городов-коммун в борьбе с германскими феодальными захватчиками спасла Италию от иноземного порабощения и содействовала экономическому, политическому и культурному процветанию страны в последующие века. Однако временное единство городов в годы грозной опасности ослабело, как только эта угроза миновала. Вновь возобновились соперничество и борьба между городами-республиками.

В ходе борьбы с германскими захватчиками в Италии в конце XII — начале XIII в. возникли враждебные друг другу политические течения гвельфов и гибеллинов. Название «гвельфы» возникло от фамилии враждебной династии Гогенштауфенов рода саксонских герцогов Вельфов; «гибеллины» — от латинизированного наименования одного из замков

Гогенштауфенов Гаубелинга (по-немецки — Вайблинген). Гвельфы были противниками императоров и союзниками папы как главы антиимператорского лагеря в Италии; они опирались главным образом на торгово-ремесленные слои городов. Гибеллины — сторонники императора — искали социальную опору среди феодального дворянства. Кровавая вражда этих двух политических группировок наложила отпечаток на всю жизнь Италии XIII в. Нередко города с одинаковым социально-экономическим профилем примыкали к враждебным политическим лагерям лишь вследствие их экономического соперничества: если Флоренция была гвельфским городом, то ее конкуренты в области торговли и ремесла — Пиза и Лукка — были гибеллинскими. Ожесточенная борьба между гвельфами и гибеллинами еще более усложняла обстановку в Италии, закрепляя политическую раздробленность страны.

§ 2. ИТАЛИЯ В XIII-XV вв.

Ликвидация крепостного права в Северной и Средней Италии

Значительная часть крестьянства Северной и Средней Италии вследствие раннего развития товарно-денежных отношений и широкого распространения денежной ренты уже к началу XIII в. пользовалась личной свободой. В XIII в. здесь завершается процесс личного освобождения крестьянства. Этому во многом содействовала политика городских коммун, которые специальными декретами объявляли отмену крепостного права на подчиненной им территории. Так, в 1256 г. крепостное право было торжественно отменено в Болонье, правители которой назвали свой декрет «Райским актом». По этому декрету было освобождено около 6 тыс. крепостных, принадлежавших 400 феодалам. В 1289 г. крепостное право было фактически отменено и во Флоренции. «Освободительная» политика городов определялась несколькими причинами. Этим они добивались, во-первых, экономического и политического ослабления феодалов, во-вторых, увеличения числа налогоплательщиков и военнообязанных, в-третьих, уничтожения монополии феодалов в снабжении города сельскохозяйственными продуктами, цены на которые также регулировались городскими властями. Наконец, освобождение крестьян было нужно городам для удовлетворения растущих потребностей ремесленного производства в рабочих руках.

Хотя все эти явления объективно были прогрессивны, но они отнюдь не вели к улучшению положения крестьянства. Дело в том, что при освобождении крестьяне теряли свое традиционное право пользования землей, что резко ухудшало условия их существования. Не случайно поэтому городским властям иногда приходилось под страхом строгих наказаний принуждать их к отказу от крепостного состояния. Освобождение, сопровождавшееся лишением прав на землю, создавало условия для еще более тяжелой эксплуатации крестьян. К. Маркс указывает на непосредственную связь процесса Разложения крепостнических отношений в Италии с ранним развитием здесь капиталистического производства. По его словам, «в Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, Раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах...».

К концу XIII в. большинство крестьян Северной и Средней Италии были уже лично свободны. Часть их уходила в города, вливаясь в ряды городских подмастерьев и наемных рабочих. Другая, более значительная часть, лишенная земли, превращалась в арендаторов, державших землю на разных условиях. В Тоскане, например, преобладала испольщина (меццадрия), при которой арендатор должен был отдавать собственнику половину урожая.

Меццадрия получила распространение и в других районах Северной и Средней Италии, но там также была развита краткосрочная издольная аренда (из 1/3 или 1/4 урожая) и по-прежнему широкое распространение имели старые формы феодального держания — эмфитевзис и либеллярное держание.

Меццадрия в XII—XIV вв., а отчасти и другие виды издольной аренды были формой мелкокрестьянской полуфеодальной аренды. Исполщики, снимая участок земли, часто получали от землевладельца также инвентарь, рабочий скот и семена. Крестьянин не мог покинуть арендуемый участок до истечения срока аренды. Если же он уходил, то в принудительном порядке возвращался обратно и подвергался разорительному штрафу. Формально признававшееся право свободного ухода исполщика при условии объявления об этом за полгода на практике было почти неосуществимо, так как арендатор должен был вернуть собственнику земли полученный от него инвентарь, ликвидировать свою задолженность, а летом отдать сверх того весь урожай текущего года. Таким образом арендатор оказывался в кабальной зависимости от собственника. Наряду с этими полуфеодальными чертами для исполщины были характерны некоторые элементы капиталистической аренды: арендатор кроме своего труда вкладывает в хозяйство часть своего капитала, а земельный собственник кроме земли — другую часть капитала в виде семян, инвентаря или рабочего скота. Поэтому К. Маркс считал издольную аренду переходной формой организации сельского хозяйства от феодальной к капиталистической. Эти новые переходные формы поземельных отношений подрывали основы феодального строя в деревне.

Ересь апостольских братьев и восстание Дольчино

Тяжелое положение крестьянства приводило к распространению в его среде движений протеста, часто принимавших форму религиозных ересей. Ереси охватывали разные слои населения, но более всего они были распространены в крестьянстве и среди городских низов — недавних выходцев из крестьян. В XII—XIII вв. в стране существовали десятки еретических сект как общеевропейских, привившихся на местной почве (катары, вальденсы), так и собственно итальянских (гумилиаты, фратичелли и др.). В целом все это многообразие сект можно определить как общенародную бюргерскую ересь с элементами не отделившейся от нее крестьянско-плебейской ереси.

Переход к крестьянско-плебейской ереси как «самостоятельному партийному течению» (Ф. Энгельс) произошел в Италии в ереси апостольских братьев, основанной около 1260 г. бывшим крестьянином Пармской округи Сегарелди. Несмотря на неоднократные запреты пап и преследования инквизиции, движение апостоликов охватило почти всю Италию. Поначалу секта мало чем отличалась от других современных ей ересей, но уже с последних десятилетий XIII в. в ней все более усиливаются крестьянско-плебейские настроения. Особенно заметными они становятся после 1300 г., когда после казни Сегарелли к руководству сектой приходит вождь радикально настроенных апостоликов горных районов Северной Италии Дольчино.

Теория Дольчино во многом основывалась на обычных идеях еретиков того времени, но в некоторых вопросах шла дальше их. Осуждая собственность и проповедуя бедность, он придерживался уравнилельных идей и даже идей общности имущества. Он предвещал гибель папы, кардиналов, священников и монахов и назначал конкретные сроки наступления «тысячелетнего царства божия на земле», которое, как о и считал, восторжествует путем насилия над церковью и богатыми. Правда, предстоящую гибель папства Дольчино связывал с вмешательством сицилийского короля Фридриха Арагонского; в этом проявились монархические иллюзии ересиарха. В целом теория апостоликов во времена Дольчино представляла собой движение низов со все более нарастающими элементами крестьянско-плебейской ереси. Окончательный переход ее на

позиции крестьянско-плебейской ереси произошел несколько позднее, уже в ходе вооруженного восстания.

В начале 1304 г. Дольчино со своими ближайшими соратниками появляется в предгорьях Пьемонта (Северо-Западная Италия), в долине реки Сезия. Крестьянство Пьемонта, как и других окраинных областей Италии (Савойя, Фриуль, Калабрия и др.), страдало не столько от высокого уровня развития товарно-денежных отношений, сколько от их неразвитости. Крестьяне испытывали тройной гнет — светских сеньоров, церкви и городов, что вызывало их постоянные выступления против угнетателей. Появление в этих местах Дольчино еще более накалило обстановку. Его пылкие проповеди собирали массы людей. Размах движения напугал местных феодалов, и они создали для борьбы с ним Лигу. В марте 1305 г. объединенное войско феодалов было разбито апостоликами. Однако вскоре им пришлось уйти в горы, где они были окружены. Потери от постоянных стычек с феодалами, голод и суровая зима поставили восставших апостоликов на край гибели. Однажды ночью около тысячи оставшихся в живых апостоликов, обманув осаждающих, заснеженными тропами про-брались к горе Цебелло, где спешно возвели укрепления. Началась новая осада. Возглавлявший Лигу верчелльский епископ, пытаясь изолировать восставших, выселил население соседних деревень и стал воздвигать вокруг их лагеря форты и осадные башни. Попытки штурма не принесли успеха: апостолики под предводительством Дольчино раз за разом разбивали рыцарей. Осенью 1306 г. папа, видя тщетность усилий Лиги, объявил крестовый поход против восставших. Наступила новая зима, вконец изнурившая осажденных, испытывавших ужасные лишения. В марте 1307 г. епископ, получив подкрепление, начал общий штурм. Три дня продолжалась последняя битва, сотни повстанцев пали, остальные были взяты в плен и преданы мучительной смерти. На глазах Дольчино была казнена его подруга и сподвижница Маргарита, сам он был подвергнут страшным пыткам и четвертован.

В ходе восстания еще более проявились революционные черты, присущие апостольской ереси и до этого. Условия обороны потребовали от восставших напряжения всех сил, и, как сообщают некоторые источники, в их лагере на практике была осуществлена общность имущества. Другой современник сообщает: восставшие объявили, что «им позволено вешать, казнить и убивать людей, повинующихся римской церкви... и в этом нет для них никакого греха». Так выступление против церкви переросло в борьбу против всего освящаемого ею общества. В ходе восстания движение апостоликов окончательно перешло на позиции крестьянско-плебейской ереси.

Крестьянские восстания второй половины XIV—XV вв.

Движение апостольских братьев XIII—XIV вв. было единственной ересью в Италии, сочетавшейся с вооруженным восстанием. После него еретическое движение в стране пошло на убыль, хотя размах крестьянской борьбы не уменьшался. Но теперь крестьянские выступления приобрели характер борьбы за непосредственные, реальные требования — отмены или снижения налогов, протеста против возвращения к тяжелым формам эксплуатации и т. п.

Одним из крупнейших выступлений крестьян во второй половине XIV в. было восстание тукинов (1382—1387). Оно охватило почти всю гористую часть северо-запада страны, но особо острый характер приобрело в Канавезе (северная часть Пьемонта): восставшие жгли и разрушали замки знати, убивали сеньоров. Однако отдельные вспышки крестьянских выступлений, возникавших в разное время и под разными лозунгами, не были связаны между собой; это облегчило их подавление войсками феодалов, горожан и герцога Савойского.

В XV столетии крупнейшим движением была крестьянская война в Калабрии (1459). Она возникла в обстановке баронской смуты, но вскоре крестьяне выставили собственные

требования, главным из которых была отмена налога на очаги (фоколлеро). Восстание охватило всю Калабрию и вышло за ее пределы, в нем участвовало не менее 20 тыс. крестьян. Перед лицом такой опасности баронские фракции вынуждены были объединиться, но только после подхода королевской армии с артиллерией им удалось разбить восставших.

Разложение цехового строя и зарождение капиталистических отношений в городах

В XIV в. в наиболее крупных и развитых городах-республиках Северной и Средней Италии начали зарождаться капиталистические отношения. Раннее по сравнению с другими странами появление капиталистических отношений является одной из важных особенностей истории Италии в средние века. Высокая степень мастерства, достигнутая цеховыми ремесленниками итальянских городов, и достаточно сложное разделение труда были важнейшими предпосылками возникновения здесь раннекапиталистического мануфактурного производства. К началу XIV в. цеховой строй стал тормозить дальнейшее развитие передовых отраслей ремесла, что привело к началу разложения цехов в наиболее развитых городах. Это проявилось в разделении цехов на «старшие» и «младшие», в углублении социального неравенства внутри цехов, в усилении эксплуатации учеников и подмастерьев, которые, все более лишаясь возможности попасть в самостоятельные мастера, превращались в «вечных подмастерьев», т. е. наемных рабочих. Разложение цехового строя создавало условия для эксплуатации обедневших ремесленников купцами или более богатыми мастерами, выступающими по отношению к ним в роли скупщиков готовой продукции.

Другой предпосылкой раннего развития капиталистических отношений в городах Северной и Средней Италии было личное освобождение крестьян, сопровождавшееся их обезземелением. Лишенные земли крестьяне по большей части уходили в города на заработки и явились основой складывающегося в XIV в. нового социального слоя — наемных рабочих.

Наиболее характерный пример развития раннекапиталистических отношений в итальянских городах дает Флоренция, хотя те же процессы происходили в Болонье, Лукке, Перудже, Сиене и других городах. Новые отношения проявлялись преимущественно в производстве шерстяных тканей, а позднее — в шелкоткачестве и судостроении.

Уже в 30-х годах XIV в. во Флоренции насчитывалось около 200 сравнительно крупных сукнодельческих мастерских. Используя наемную рабочую силу, эти мастерские производили до 80 тыс. кусков сукна в год, стоимость которых в три раза превышала весь бюджет города. Производством сукон было занято в самом городе и в его окрестностях около 30 тыс. человек. В этих мастерских существовало значительное разделение труда, составлявшее характерную черту мануфактуры. Наемных рабочих — в основном вчерашних крестьян — использовали на простых, не требующих особой сноровки, работах. Они промывали шерсть в речной воде и сушили ее, трепали, чесали и кипятили, работали шерстобитами, промывали сукна, занимались перевозкой и погрузкой тюков с шерстью и т. п. Общее число наемных рабочих, не имевших никаких средств производства, которых во Флоренции называли «чомпи», достигало там 10000 человек. Тысячи их насчитывались и в других городах. Беднеющие ремесленники и подмастерья составляли другой отряд трудящихся, постепенно переходящих на положение наемных рабочих. Сначала они попадали в зависимость от владельцев более крупных мастерских, а затем разорялись и фактически также становились наемными рабочими. Они использовались на более квалифицированных работах: занимались прядением и ткачеством, окраской шерсти и сукна и т. д. Так во Флоренции и других городах-республиках из части крестьян и ремесленников начал формироваться класс наемных рабочих — предпролетариат.

Наемные рабочие составляли основную рабочую силу в примитивном капиталистическом производстве, которое не знало еще применения машин и пользовалось

лишь простейшими механизмами: прялкой, ткацким станком, сукновальной водяной мельницей. Труд в основном был ручной, поэтому раннекапиталистическое производство называлось мануфактурой (от латинских слов *manus* — рука и *facere* — делать).

Итальянская мануфактура XIV—XV вв. была раннекапиталистическим предприятием. Предприниматели в ту эпоху не имели достаточно средств для новой организации капиталистического производства, поэтому богатые пополаны часто образовывали компании, объединяя свои силы и средства.

Расцвет мануфактурного производства в итальянских городах вел к обогащению городской верхушки. Богатые пополаны предпринимали широкое строительство дворцов, церквей, богато украшенных каменных домов. Они вели роскошную жизнь, в резком контрасте с которой была жизнь наемных рабочих, ютившихся в жалких хибарках. Их рабочий день продолжался 14—16 часов с коротким перерывом на обед. Они работали под наблюдением надсмотрщика, который приглашался из другого города («чужеземного чиновника») и следил, чтобы не создавались «незаконные» союзы рабочих. Если рабочий не отработал аванса, хозяин мог отправить его на несколько лет в тюрьму или подвергнуть телесным наказаниям. Рабочие получали нищенскую заработную плату. Тяжелое материальное положение наемных рабочих сочеталось с их полным политическим бесправием.

Сравнительно раннее зарождение капиталистических отношений в Италии во многом определило особенности развития этой страны в XIV—XV вв. Новые отношения привели к невиданному для того времени повышению производительности труда и развитию экономики и сделали Италию в XIV в. — в значительной мере за счет жестокой эксплуатации наемных рабочих — самой передовой страной Западной Европы; эти новые отношения были основным источником такого сложного и яркого явления культуры, как Возрождение с его новым, раннебуржуазным мировоззрением и реалистическим искусством.

Вместе с тем надо иметь в виду, что развитие раннекапиталистических отношений в Италии в XIV—XV вв. затрагивало лишь отдельные города Северной и Средней Италии и лишь отдельные отрасли производства. В Папской области и на юге страны еще безраздельно господствовал феодализм.

Политический строй городов Северной и Средней Италии в XIII—XIV вв.

В связи с успехами ремесла и торговли, а позднее — зарождением раннекапиталистических отношений в городах Северной и Средней Италии заметно усиливается политическое влияние торгово-ремесленного населения — пополанов — и падает роль феодальных элементов — грандов.

Наиболее ярким примером этого может служить Флоренция. Здесь уже в 1250 г. была установлена так называемая «первая народная конституция», закрепившая господство пополанов. Наряду с подеста, которого коммуна приглашала из другого города, появляется новое должностное лицо — «капитан народа», опирающийся на городское ополчение. В 1282 г. Флоренцией управляло выборное пополанское правительство. Оно называлось «приорат» (от «приор» — старейшина цеха), а впоследствии — «синьорией». В приорат входило 9 человек во главе с «гонфалоньером (знаменосцем) справедливости». Наиболее сильный удар был нанесен грандам в 1293 г., когда во Флоренции были приняты «Установления справедливости». Согласно «Установлениям», гранды полностью отстранялись от участия в политической жизни коммуны и за преступления, совершаемые против пополанов, подвергались смертной казни. Вскоре, однако, грандам было разрешено пользоваться политическими правами, но при условии вступления в один из цехов. К этому времени сами пополаны уже не представляли единого социального слоя; богатые купцы, владельцы мастерских и банковских контор составляли «жирный народ» (*popolo grasso*), мелкие торговцы и ремесленники — «тощий народ» (*popolo minuto*). Еще ниже стояли

неорганизованные массы наемных рабочих — чомпи. Ведущую роль в политической жизни Флоренции играла группировка «жирных» пополанов, нередко блокировавшихся с представителями старых феодальных родов в единую гвельфскую партию. Верховный орган управления Флоренции — синьория — состояла из представителей «старших» Цехов. «Гощий народ» был отстранен от участия в управлении городом, не говоря уже о наемных рабочих.

Еще более олигархический характер носил политический строй морских республик — Венеция и Генуя, ведших крупную посредническую торговлю. В них всеми делами заправляли богатейшие купцы, составлявшие наследственный патрициат. Во главе Венеции стоял избираемый пожизненно дож, власть которого была ограничена Большим советом. В конце XIII в. в этот совет входило 242 человека, принадлежавших к 27 наиболее знатным патрицианским семьям. С начала XIV в. олигархические тенденции в управлении Венецией еще более усиливаются. В то время был создан Совет десяти, которому поручался тайный надзор за всеми правительственными инстанциями, вплоть до дожа. Совет десяти насаждал систему шпионажа, доносов, тайных приговоров. Попавшие под его подозрение исчезали в печально знаменитой тюрьме со свинцовой крышей или падали под ударом кинжала наемного убийцы.

В Генуе, где в XIII в. также господствовала патрицианская олигархия, с 1339 г. устанавливается пожизненная должность дожа, который опирался в основном на пополанов. Лишенный значительной части политических прав генуэзский патрициат все же оказывал косвенное влияние на политическую жизнь республики.

Венеция и Генуя постоянно соперничали между собой. После Четвертого крестового похода Венеция вытеснила Геную с Балканского полуострова и из Сирии, однако восстановление в 1261 г. Византийской империи вернуло Генуе ее права в Константинополе. Генуэзское купечество захватило опорные пункты в восточных водах Средиземного и Черного морей и создало ряд торговых факторий в Крыму. Наиболее важными из них была Кафа (ныне Феодосия), Солдайя (Судак) и Балаклава. Через них генуэзцы вели оживленную торговлю с Русью, Китаем, Ираном. К концу XIII в. торговое соперничество между Генуей и Венецией вылилось в открытое столкновение: в 1296 г. генуэзский флот в битве при Курцолле нанес сокрушительное поражение Венеции. После этой победы перевес в торговом соперничестве оказался на стороне Генуи. Однако в 1380 г. венецианский флот разгромил генуэзцев при Кьодже и в восточной части Средиземноморья установилось господство Венеции. Наряду с генуэзскими факториями на Кавказе и в Крыму возникают венецианские. Одна из них — Тана (позднее Азов) приобрела большое значение и соперничала с генуэзской Кафой. В XV в. Венеция проводила активную внешнюю политику и, в частности, на востоке вела многолетние войны против турок. В самой Италии она расширила свои владения, подчинив Брешию, Верону, Падую, Равенну, и стала одним из сильнейших государств Северной Италии.

Острая борьба характеризует в XIII—XIV вв. и Милан. В этой борьбе пополанов города объединились с «могтой» — союзом мелких и средних дворян — вальвассоров — против феодалов и архиепископа, к которым примкнула купеческая патрицианская верхушка. Союз пополанов с дворянством наложил отпечаток на политический строй Милана. Хотя до этого ремесленники города, объединенные «Креденцией св. Амвросия», достигли значительных политических успехов, к концу XII в. власть в Милане оказалась в руках наследственных правителей из дворянского дома Делла Торре, опиравшихся на пополанов и мелкое дворянство. Позднее, в XIV в., когда Милан значительно расширил свои владения, подчинив большие территории в Центральной Ломбардии, в нем установилось единоличное наследственное правление феодального рода Висконти.

Таким образом, в городах Северной и Средней Италии сложились разные типы политического правления. Наиболее яркими из них были пополанская республика (по типу Флоренции), олигархия патрициата (Венеция) и тирания, близкая к монархии (Милан).

Восстания наемных рабочих и ремесленной бедноты

Развитие раннекапиталистических отношений дало в городах такие формы эксплуатации и угнетения трудящихся, каких не знал цеховой строй. Это и привело к новым по характеру народным движениям в городах Северной и Средней Италии — восстаниям предпролетариата. Первое выступление такого рода произошло во Флоренции в 1345 г. под руководством чесальщика шерсти Чучо Брандини. На сходках наемных рабочих он предлагал организовать братство чомпи, установить регулярный сбор средств между его членами и развернуть борьбу за повышение заработной платы. Когда Брандини был схвачен властями, чомпи прекратили работу, покинули мастерские и двинулись к дворцу синьории, требуя его освобождения. Это первая в истории стихийная забастовка наемных рабочих была подавлена, а Чучо Брандини казнен.

Волнения наемных рабочих и мелких ремесленников имели место в XIV в. и в других крупных центрах сукноделия, например в Перудже и в Сиене (1371).

В 1378 г. во Флоренции вспыхнуло самое значительное в этот период движение предпролетариата — восстание чомпи. Флоренция вела в это время тяжелую и продолжительную войну с папской курией. Война требовала огромных средств, что отразилось прежде всего на уровне жизни городских низов. Для отвлечения справедливого гнева народа против «жирных» пополанов один из их представителей — Сальвестро Медичи — решил направить это недовольство против городских феодалов, симпатизировавших папской курии, и призвал народ к расправе с ними. Его призыв был подхвачен, однако чомпи обратили свой гнев не только на феодальную знать города, но и, в первую очередь, на своих непосредственных эксплуататоров — «жирных» пополанов. В середине июля 1378 г., собравшись за городскими воротами, чесальщики шерсти, шерстобиты, трепальщики, промывальщики, красильщики и другие наемные рабочие, а также низшие ремесленники сукнодельческих цехов потребовали ликвидации должности «чужеземного чиновника» и повышения заработной платы на 50% — с 8 до 12 сольдов в день. Кроме того, они сговорились впредь не подчиняться «жирным» пополанам и добиваться участия в управлении государством. Путь к завоеванию политических прав они видели в организации нового цеха наемных рабочих, так как только члены цехов обладали во Флоренции полноправным гражданством.

Когда властями были схвачены вожаки движения (Симончино и др.) тысячные толпы чомпи направились к дворцу синьории и потребовали их освобождения, угрожая сжечь дворец. Руководители чомпи были освобождены. Одержав первую победу, восставшие двинулись по городу, поджигая дома богачей; они сожгли главное гнездо эксплуататоров — дворец цеха «Лана». Захватив знамя главы правительства — «гонфалоньера справедливости», чомпи сочли, что они получили верховную власть в республике. На собрании руководителей чомпи и младших цехов было решено потребовать создания нового правительства, в котором три места должны быть закреплены за представителями чомпи. Один из них должен был получить пост главы правительства — «гонфалоньера справедливости». Здесь же были намечены представители цеха чомпи, без согласия которых ни одно решение в республике не могло войти в силу.

Вооруженные чомпи штурмом взяли дворец подеста. На следующий день, окружив дворец синьории, они добились принятия своих требований приорами. Приоры стали один за другим покидать дворец. Сформировалась новая синьория. Ее главой был провозглашен Микеле ди Ландо, который во время бегства приоров предложил народу свои услуги и получил от него знамя «гонфалоньера справедливости». Чомпи считали его своим, однако во время восстания он давно уже не был чесальщиком шерсти и служил фактором (надсмотрщиком) в мастерских богатого суконщика. Ландо являлся подставной фигурой, был связан с «жирными» пополанами и сыграл предательскую роль в ходе восстания. Кроме Ландо в новое правительство вошли еще двое чомпи, три приора от мелких ремесленников и три «жирных» пополана. Было создано три новых цеха, в том числе цех чомпи. В него

входило около 9 тыс. человек. Второй цех объединял красильщиков, ткачей и др.; в третий входили портные и чулочники.

Однако победители оказались без средств к существованию, так как сукнодельчею мастерские с первых дней восстания были закрыты, а их владельцы бежали. К тому же земельные собственники, среди которых было немало «жирных», прекратили доставку хлеба в город. В конце августа 1378 г. чомпи, недовольные политикой синьории, куда входили и «жирные» пополаны, попытались создать в противовес ей свое правительство, которое получило название «Восьми святых божьего народа» и имело свои административные органы и собственный бюджет. Чомпи требовали, чтобы «Восемь святых» находились во дворце приоров и «чтобы ни одно дело, касающееся государства, не проводилось без их решения»; они должны были стоять выше приоров. Когда представители чомпи во главе с Доменико Туччо и Маттео Сальви с этим требованием явились во дворец, Микеле ди Ландо, продавшийся «жирным» пополанам, с криком «Предатели!» бросился на них с кинжалом и нанес им раны; двоих из них он приказал арестовать.

С помощью Микеле ди Ландо «жирные» пополаны подготовились к разгрому восставших: они стянули к городу войска и сумели отколоть от чомпи их союзников — цеховых ремесленников, которые, добившись осуществления своих требований — участия в правительстве и создания новых цехов, испугались широкого размаха восстания и революционных методов борьбы предпролетариата. По заранее намеченному плану Микеле ди Ландо собрал на площади Синьории ополчения всех цехов. На чомпи напали мастера богатого цеха хозяев таверн и мясников, хорошо вооруженные. Выходы с площади были закрыты. Чомпи упорно сражались, но в конце концов «жирные» одержали победу. В тот же день из состава приората были выведены представители чомпи; их новый цех был закрыт, и им было запрещено создавать какие-либо организации. Чомпи подверглись жестоким репрессиям. Однако до 1382 г. «жирные» пополаны не осмеливались полностью взять власть в свои руки, разделяя ее с ремесленниками младших цехов.

Поражение восстания чомпи, как и других восстаний наемных рабочих в городах Италии, было результатом незрелости и недостаточной организованности предпролетариата, его классовой несамостоятельности. Мелкие мастера-собственники, которые участвовали в восстании, изменили в решающий момент. Немалую роль в поражении чомпи сыграло и предательство Микеле ди Ландо. Одновременно восстание чомпи показало относительно высокий для XIV в. накал борьбы предпролетариата, стремившегося к захвату политической власти. Оно сыграло свою роль в формировании революционных традиций итальянского народа.

Папская область. Римская республика. Кола ди Риенцо

После крушения завоевательских планов Фридриха I авторитет папства еще более возрос. Вступивший в этот период на папский престол Иннокентий III (1198—1216) пошел дальше Григория VII в развитии идей папской теократии, утверждая, что папская власть является высшей в мире и что император, короли и князья — не более как вассалы папы и должны получать власть от него. Для осуществления своих теократических планов Иннокентий III и его преемники стремились, с одной стороны, подчинить своему влиянию ряд феодальных государств Европы, а с другой — усилить политические позиции в Италии, укрепив свое государство — Папскую область. Иннокентий III отобрал у итальянских и немецких феодалов Папской области земли, захваченные ими при его предшественниках, и фактически завладел властью в Сицилийском королевстве, управляя им как опекун в период малолетства Фридриха II. Правда, преемникам Иннокентия III после долгой борьбы с Фридрихом II пришлось отказаться от притязаний на Южную Италию, однако в XIII — начале XIV в. они продолжали увеличивать свои владения в Средней Италии (Романья, Кампанья, Умбрия,

Анкон-ская марка). В состав папского государства к началу XIV в. вошли такие крупные, прежде независимые города-государства, как Болонья, Феррара, Урбино, Римини, Перуджа. Владения папы, простиравшиеся от Тирренского до Адриатического морей, перерезали Италию на две части. Но в экономическом отношении Папская область продолжала отставать от Ломбардии и Тосканы. Здесь и в XIII—XV вв. безраздельно господствовали феодальные порядки и в деревне, и в городе.

С конца XIII в., с понтификата Бонифация VIII, международный престиж папства резко падает. Теократическая политика пап, которая отчасти имела успех в начале XIII в., была обречена на провал. Крупные централизованные государства, складывавшиеся в это время в Западной Европе, не желали подчиняться папе. Поражение Бонифация VIII в борьбе с французской монархией привело к ослаблению власти папы и в Папской области. Перенесение в 1309 г. папской резиденции в Авиньон означало фактическое подчинение папской курии французской политике и потерю папой контроля над феодалами и городами церковной области.

Это способствовало некоторому усилению городской коммуны Рима, в чем, кстати, отчасти был заинтересован и папа, видевший в ней противовес местным феодалам. В отсутствие папы коммуна сумела ограничить своеволие сильных баронов. В начале XIV в. римские пополаны провозгласили «народным капитаном» Арлотти, по приказу которого из города были высланы крупные феодалы, а их замки срыты. Когда знать восстановила свои права, в 1347 г. борьба между пополанами и феодальной знатью возобновилась. Движение пополанов возглавил Кола ди Риенцо. Сын трактирщика и прачки, Кола сумел получить хорошее образование. Он был страстным почитателем античности и мечтал о восстановлении былого величия Рима. Будучи блестящим оратором, Риенцо выступал перед народом с обличением феодалов, творивших беззакония. В мае 1347 г. Кола ди Риенцо, воспользовавшись отъездом из Рима крупных феодалов-баронов, с группой вооруженных сторонников при поддержке римских горожан захватил правительственные здания на Капитолии. Сенаторы бежали из Рима. Риенцо объявил себя «трибуном свободы, мира и справедливости, освободителем Священной Римской республики». Он торжественно провозгласил носителем власти римский народ, а Рим — республикой, тем самым лишив папу светской власти. В ответ папа объявил его еретиком и узурпатором.

Правление Кола ди Риенцо носило антифеодальный характер: он заставил всех баронов принести присягу республике и передать ей свои крепости; жителям Рима было воспрещено присягать феодалам и именовать их сюзеренами. Было сокращено количество налогов, а доходы обращены на улучшение состояния торговли и ремесла, находившихся в полном упадке; установлены единые меры, а также выпущена новая монета с надписью — «Родной трибунал. Рим — глава мира». Мечтая о единстве страны, Кола ди Риенцо призвал все итальянские города сплотиться вокруг Рима как столицы Италии.

Однако городские республики, соперничавшие между собой и боявшиеся потерять независимость, отказались подчиниться Риму. С другой стороны, и сам Риенцо не проявил должной последовательности и решительности. Он сохранил в римских землях крепостное право и легко прощал мятежных баронов. Провозгласив принцип народовластия, Кола ди Риенцо все вопросы стал решать единолично. В результате он потерял доверие народа, и власть феодалов в Риме была восстановлена. В конце 1347 г. Кола ди Риенцо вынужден был бежать из Рима.

Позднее, в 1354 г., он снова появился в Риме в качестве посланца папы, который пытался использовать его популярность для восстановления своей власти. Кола ди Риенцо удалось при поддержке народа вновь захватить власть. Однако, когда он повысил налог, чтобы обеспечить содержание наемной армии, население Рима подняло восстание, во время которого Риенцо был убит. Одной из основных причин поражения Римской республики была экономическая и политическая слабость римских пополанов, которые оказались неспособными на серьезную борьбу с феодалами.

Когда в 1378 г. папский престол снова был перенесен в Рим, власть папы продолжала оставаться слабой не только вне, но и в самой Италии ввиду «великого раскола» — сорокалетнего периода, когда на папский престол претендовали несколько пап. Только к концу XV — началу XVI в. папам удалось восстановить власть над обширной территорией своего государства, сколоченного ими в XIII в.

К этому времени папство в значительной мере отказалось от своих теократических притязаний в общеевропейском масштабе. Папское государство становится одним из феодальных итальянских княжеств, тиранией, глава которой был больше занят укреплением своей власти и обогащением своих родных, чем международной политикой католической церкви. Папское государство, всегда подчинявшее интересы Италии своим теократическим планам, а позднее династической политике, никак не могло стать центром объединения Италии. По замечанию Ф. Энгельса, папская власть всегда была препятствием на пути к национальному единству Италии и хотя часто выступала в качестве представителя этого единства, но делала это лишь в корыстных целях расширения своих светских владений. «...Уже с 1500 г., — писал Энгельс, — папа в качестве князя средней руки перерезал своими владениями Италию и сделал ее объединение практически неосуществимым».

Экономическое развитие Южной Италии и Сицилии

Сицилийское королевство в XIII—XV вв. в хозяйственном отношении продолжало заметно отставать от Северной Италии и Тосканы. Процесс феодализации полностью завершился здесь только к началу XIV в. Города (Амальфи, Неаполь, Бари, Палермо), как и в более ранний период, служили не столько центрами ремесленного производства и местного рынка, сколько центрами посреднической торговли с Византией и Левантом.

Слабое развитие рынка консервировало сложившиеся феодальные отношения, в частности господствовавшее в Южной Италии наследственное крепостное право. Крестьяне в Сицилийском королевстве были прикреплены к земле, их могли продавать или обменивать вместе с землей. Крепостные не пользовались защитой закона и королевских судов. В знак личной зависимости они платили феодалу подать за вступление в брак и за ввод в наследство земельным наделом. Основной формой феодальной ренты был оброк (сальтус), преимущественно в натуральной, но часто и в денежной форме. Несколько дней в году крестьянин должен был выполнять барщину (ангария). Кроме того, крепостные крестьяне платили государственные налоги и церковную десятину.

Особенностью аграрного строя Сицилийского королевства в XIII—XV вв. было сохранение значительного слоя полусвободных и свободных крестьян (рустики). Эти крестьяне издавна объединялись в сильные сельские общины, убежищем для которых часто служили настоящие крепости. В упорной борьбе они добились права на уход с земли сеньора, боролись за сохранение общинного самоуправления и за ограничение произвола феодала. Другая часть лично свободных крестьян селилась на пустошах, принадлежавших феодалам, на разнообразных, но обычно льготных условиях. Это были временные, или наследственные, держатели (эмфитевты).

Особенности политического развития Южной Италии

В отличие от остальных областей Италии на юге к концу XIII в. сложилось относительно сильное единое феодальное государство — Сицилийское королевство. Усиливавшаяся королевская власть опиралась здесь прежде всего на мелких и средних феодалов, рыцарей, которые составляли значительную часть господствующего класса. В большинстве своем они были связаны вассальными узами непосредственно с королем и были кровно заинтересованы в существовании сильной королевской власти, способной охранять их от произвола крупных феодалов-баронов, а главное — оказывать им помощь в закреплении крестьян. Другой опорой централизации была церковь, которая в

Сицилийском королевстве в большей степени зависела от государства, чем от папства. Города Южной Италии и Сицилии, слабые в экономическом отношении, оказались в полном подчинении у королевской власти. Короли беспрепятственно обирали города, что до поры до времени укрепляло финансовую базу государства. Материальные ресурсы центральной власти обеспечивал также обширный королевский домен, созданный в период норман-ского завоевания. Поэтому, хотя бароны в Сицилийском королевстве были достаточно сильны, они не смогли сломить королевскую власть. Централизация, достигнутая к концу XII в., еще более усиливается в XIII в. Норманская династия, правившая Сицилийским королевством в конце XII в., породнилась в Гогенштауфенами, и с 1212 по 1250 г. во главе королевства стал внук Фридриха Барбароссы — Фридрих II Гогенштауфен, который с 1220 г. был одновременно и императором Священной Римской империи. В период малолетства Фридриха II Сицилийское королевство оказалось фактически под властью папы Иннокентия III. Однако после его смерти Фридрих II взял власть в свои руки и попытался превратить Сицилийское королевство в свою главную опору в борьбе с папством за овладение Северной и Средней Италией. Опираясь на мелких рыцарей, Фридрих II сломил сопротивление баронов. В 1231 г. он издал «Мельфий-скую конституцию», которая, предписывала срыть до фундамента феодальные замки, выстроенные за последние 40 лет; это наносило существенный удар по феодальной баронской знати. Укреплялся королевский суд и увеличивались общегосударственные налоги.

Фридрих II начал создавать также наемное войско из сарацин, что обеспечивало ему независимость от крупных феодалов. В то же время он решительно пресекал все попытки городов добиться самостоятельности и держал их под постоянным контролем. При Фридрихе Сицилийское королевство стало наиболее крупным и централизованным государством Италии, однако его усиление было недолговечным. Подчинив свою политику бесперспективной борьбе с папством, Фридрих II разорял население Сицилийского королевства бесконечными поборами: он ввел тяжелый поземельный налог, соляную монополию, обирал города, усилил эксплуатацию крестьян королевского домена. К концу его правления страна была доведена до полного истощения.

«Сицилийская вечерня»

После смерти Фридриха II Сицилийское королевство с 1268 г. с согласия папы было захвачено братом французского короля Карлом Анжуйским. Карл вел широкую завоевательную политику: подчинил себе многие города Италии, участвовал в крестовом походе в Тунис, организовал поход на Константинополь. Для покрытия военных расходов он ввел новый поголовный налог. С целью привлечь феодальную знать на свою сторону Карл Анжуйский вынужден был дать ей большие привилегии, вновь усилившие политическое влияние баронов и способствовавшие ухудшению положения крестьян. В ответ на усиление гнета и наглое поведение чужеземных властителей в 1282 г. в Палермо вспыхнуло стихийное народное восстание, известное под названием «Сицилийская вечерня». Это название связано с тем, что, согласно легенде, восстание началось по условному сигналу — колоколя-даому звону к вечерне. Восставшие вырезали весь французский гарнизон города. Восстание распространилось на другие города Сицилии, которые отказались повиноваться французам. В результате этих событий Сицилийское королевство распалось. Южная Италия под названием Неаполитанского королевства осталась под властью Анжуйской династии, а Сицилия в 1302 г. отошла к Арагонскому королевству.

Неаполитанское королевство в XIV-XV вв.

В XIV—XV вв. Южная Италия переживает экономический упадок. Местное ремесло и торговля все более хиреют, падает значение городов. В них хозяйничают купцы и ростовщики из богатых городов Северной и Средней Италии, ссужавшие деньгами неаполитанских королей для ведения длительных и безуспешных войн с Арагонским домом за Сицилию. За ссуды они получали от короля земельные владения и дворянские титулы и становились феодальными сеньорами. Состояние королевских финансов было настолько плачевно, что неаполитанская королева Джованна в 1348 г. вынуждена была продать наследственное владение Анжуйской династии — Авиньон — папе.

Ранняя, не имевшая прочных экономических оснований централизация государства в Южной Италии оказалась недолговечной. Экономический упадок Неаполитанского королевства привел к политическому его ослаблению. Анжуйские короли вынуждены были пойти на уступки крупным феодалам. В стране начинается феодальная реакция, следствием которой было дальнейшее усиление эксплуатации и бесправия крепостного крестьянства. В 1442 г. Южная Италия также попала под власть Арагонской династии, которая вновь объединила Сицилию с Неаполитанским королевством и закрепила в этих областях на много столетий испанское владычество.

Если в Папской области, Южной Италии и Сицилии в XV в. продолжали безраздельно господствовать феодальные отношения, то в передовых городах-государствах Северной и Средней Италии до самого конца этого и в последующем столетии продолжали развиваться раннекапиталистические отношения. Наряду с сукноделием развивалось шелкоткацкое мануфактурное производство, которое к концу столетия постепенно вытеснило сукноделие.

К концу XV в. в экономике городов Северной и Средней Италии появляются первые признаки застоя. Это было связано, в первую очередь, с тем, что раннекапиталистические отношения в этих областях Италии развивались в условиях господства феодализма в других частях страны и остальной Европы. К тому же в Италии не сложилось единого национального рынка. На определенном этапе эти обстоятельства начали тормозить дальнейшее развитие раннекапиталистических отношений. Их успешному развитию мешала и политическая раздробленность страны, за которую упорно держались и итальянские города-государства. Даже в самих городах-государствах мануфактурное производство охватывало не все области промышленности, а лишь те, которые были связаны с экспортом, — в основном текстильную. В других отраслях сохранялась феодальная организация ремесла — цеховой строй, а формально цехи не были ликвидированы и там, где уже развивалась мануфактура. В сельских местностях мануфактура была развита незначительно. Такая узость базы раннекапиталистических отношений даже в наиболее передовых городах-государствах Италии неизбежно должна была привести и привела с конца XV в. к замедлению их развития, а позднее и к застою.

Это выразилось, в частности, в тенденции к установлению в каждом городе монополии нескольких наиболее богатых и влиятельных фамилий, с которыми не могли конкурировать прежде многочисленные торгово-промышленные и банковские компании. Усилению влияния монополистов способствовало и то, что, господствуя в сфере экономики, они, как правило, держали в своих руках и управление городом-государством.

Другим проявлением начавшегося застоя в экономике было усиление банковско-ростовщических элементов в ущерб промышленным, а также заметная утечка денежных капиталов из промышленности и торговли в сферу землевладения. Происходят существенные изменения и в сельском хозяйстве: итальянцы (мелланисты), внесшая в XIII—XIV вв. в аграрные отношения элементы полукапиталистического хозяйствования, к концу XV в. постепенно феодализируются, на первый план выступают ее феодальные стороны; повышается арендная плата, устанавливается личный контроль собственника земли над итальянцем, ему запрещается продавать зерно до уборки урожая и уплаты арендной платы; за побег арендатору угрожала тюрьма. Таким образом, и в деревне

наблюдаются явления феодальной реакции, которые в свою очередь способствуют общему застою в хозяйственной жизни.

Тирания в итальянских городах-государствах

Последние годы XIV в. и особенно первые десятилетия XV в. ознаменовались существенными изменениями и в политическом строе городов Северной и Средней Италии. Во многих из них республиканская форма правления заменяется монархической, выступающей иногда в скрытой форме. Такой политический строй получает в Италии название синьории, или тирании. К XV в. тирания прочно устанавливается во Флоренции, Милане, Болонье, Ферраре, Урбино и в других городах и областях Италии, хотя в некоторых из них ее задатки наблюдаются значительно раньше.

Одной из главных причин установления тирании в городах-государствах было стремление «жирных» пополанов преградить путь народным восстаниям. Из страха перед народными движениями пополаны готовы были отказаться от республикански-демократических порядков периода коммун и согласиться на установление твердой наследственной власти одной семьи. Установление тирании облегчалось тем, что в результате поражений народных восстаний XIV в. были ослаблены городские низы, т. е. тот слой городского населения, который ранее особенно активно и упорно боролся за установление демократических порядков.

Благоприятную почву для захвата власти в городах-государствах представителями отдельных фамилий создавала непрерывавшаяся там политическая борьба, в ходе которой выдвигалась то одна, то другая из наиболее влиятельных и богатых семей, фактически обладавших монополией в городском производстве и торговле. Тиранию поддерживали владельцы сукнодельческих, а в XV в. — главным образом шелковых мануфактур, которые были особенно заинтересованы в беспрепятственной эксплуатации наемных рабочих и в расширении внешних рынков для своей продукции. И то и другое им могла обеспечить только сильная власть типа монархии. Позднее тиранию активно поддерживали также банковско-ростовщические элементы «жирных» пополанов.

Тирания Медичи во Флоренции

Наиболее характерна история тирании во Флоренции. В 1434 г. после длительной борьбы нескольких соперничавших богатейших семей Флоренции фактическим правителем этого города-государства стал банкир Козимо Медичи (правил до 1468 г.). При нем еще сохранялась видимость республиканских форм правления, но все нити политического и налогового аппарата сосредоточились в его руках. Важнейшие должности в государственных учреждениях занимали верные ему люди. Козимо Медичи и его преемники Пьеро и Лоренцо, будучи ставленниками банкиров и владельцев мануфактур, демагогически выдавали себя за покровителей бедных: разоряя своих соперников налогами, они за их счет иногда снижали податное бремя более широких слоев населения. Известную популярность Медичи приобрели и тем, что вели в городе большое строительство, дававшее заработок простому народу.

Наибольшего могущества тирания Медичи достигла при Лоренцо Великолепном (1469 — 1492), прозванном так современниками за тонкий ум, поэтический талант и внешний блеск его правления. Лоренцо, глава богатейшего банкирского дома Флоренции, имел конторы во всех крупнейших городах Италии и Европы и, будучи кредитором многих монархов, влиял на политику ряда стран. Великолепие двора Лоренцо, его покровительство искусствам сочетались с умной, но утонченно-жестоким политикой. Старые демократические порядки были, по сути дела, уничтожены. Хотя формально Флоренция оставалась республикой, все дела решались не в республиканских учреждениях, а в Совете, который полностью подчинялся Лоренцо. По его приказанию были безжалостно подавлены

восстания в подчиненных Флоренции городах: в Вольтерре в 1472 г., где народные массы под руководством бедняка Микеле Мео захватили власть, и в Прато в 1470 г.

После неудачного покушения на жизнь Лоренцо в 1478 г. власть его еще более укрепилась. Был принят закон, согласно которому каждое покушение на жизнь и благополучие Лоренцо рассматривалось как «оскорбление величества» и каралось жесточайшим образом. Тем самым Лоренцо фактически был признан монархом.

За внешним могуществом правления Медичи, роскошью двора и щедрым меценатством скрывались глубокие внутренние противоречия, подтачивавшие экономику государства. Многие внешнеполитические успехи Флоренции были достигнуты в этот период небывалым напряжением всех сил и средств государства, которыми Лоренцо распоряжался как собственными.

Савонарола

Политика Медичи, несмотря на их демагогические заигрывания с народом, вела к массовому недовольству. Выразителем его стал настоятель доминиканского монастыря св. Марка во Флоренции, пламенный оратор Джироламо Савонарола. Его программа была направлена на политическое и религиозное обновление Италии: он выступал против светской власти церкви, критиковал папство, предвосхищая отчасти будущие требования европейской Реформации, осуждал богатство и ростовщичество.

Проповеди Савонаролы, хотя сам он был противником народного восстания, способствовали выступлению народных масс. В 1494 г., во время вторжения французских войск в Италию, когда они подошли к Флоренции, сын Лоренцо — Пьеро Медичи в результате восстания был изгнан из города и там установилась республика во главе с Савонаролой. Савонарола, выразивший интересы мелкособственнических, торгово-ремесленных слоев Флоренции, провел ряд реформ, которые носили двойственный характер.

Отмена принудительных займов, запрещение ростовщичества, организация ломбарда, введение прогрессивного налога на недвижимое имущество (децима), наносившего удар патрицианскому землевладению, выглядели как мероприятия, проводимые в интересах народа; в то же время во главе республики был поставлен Великий совет, состоящий из наиболее зажиточных граждан. Этот компромисс не мог удовлетворить богачей и не улучшил положение народа. Кроме того, фанатический аскетизм Савонаролы, который под лозунгом борьбы с «суетой» призывал жечь картины, музыкальные инструменты, книги, запрещал всякие развлечения, стал вызывать недовольство флорентийцев, привыкших ценить искусство и веселые зрелища. Авторитет Савонаролы в простом народе стал падать. Этим воспользовалась папская курия и поддерживавшая ее партия во Флоренции. В 1498 г. Савонарола был схвачен, осужден и сожжен как еретик.

Италия к концу XV в.

В XV в. еще больше укрепляется тиранический режим в другом крупнейшем центре Северной Италии — Милане, где он установился в конце XIII в. В начале XV в. в Милане властвовали тираны из дома Висконти, а затем с 1450 г. власть в городе была захвачена тиранами из дома Сфорца.

Возникновение и укрепление тиранических режимов во Флоренции, Милане и других городах-государствах Северной и Средней Италии хотя и способствовало некоторой их внутренней централизации, но не нарушало царившей там политической раздробленности. Если эти города-государства не смогли обеспечить политическое единство Италии в XIII—XIV вв., в период своего наивысшего расцвета, то они тем более были бессильны достичь этого в период начавшегося экономического упадка. Все еще

богатая, распадавшаяся на отдельные враждующие между собой политические образования, вступившая в период начавшегося экономического застоя, Италия в конце XV в. оказалась гораздо слабее соседних Франции и Испании, где к этому времени сложились относительно сильные централизованные государства.

Это с очевидностью обнаружилось в 1494 г., когда пятидесятитысячное французское войско во главе с королем Карлом VIII вторглось в Италию и дошло до границ Неаполитанского королевства. Поход Карла VIII явился лишь началом длительных «итальянских войн», приведших Италию в XVI в. к разорению, дальнейшему экономическому упадку и окончательному закреплению ее политической раздробленности. Открытие Америки и путей в Индию в конце XV в. нанесло другой сокрушительный удар по экономике Италии, уничтожив ее торговое преобладание и усилив аграризацию.

Ростки новых раннекапиталистических отношений, обусловившие в XIV—XV вв. значительный экономический и культурный подъем Италии, не смогли беспрепятственно развиваться в условиях хозяйственной и политической раздробленности, усугубляемой длительными иноземными нашествиями и экономическими потрясениями. К концу XV в. Италия стояла на пороге своего упадка, к которому она пришла в конце следующего, XVI столетия.

Глава 13

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ В XI-XV вв.

Арабы в Испании

Завоевание арабами Испании в начале VIII в. привело к созданию на Пиренейском полуострове могущественного Кордовского эмирата (с X в. — халифата). Арабы и североафриканские племена — берберы, получившие впоследствии общее название — мавры, овладели почти всей Испанией, за исключением горных районов на севере полуострова. В руки мусульман попали области, наиболее богатые естественными ресурсами и экономически развитые еще с римских времен.

Завоевание арабами готской Испании совершилось на том этапе ее развития, когда там шел усиленный процесс феодализации. Этот процесс ускорился сильной романизированностью Испании: рабы и колонны составляли здесь основную массу непосредственных производителей. Родовая знать варваров к VII в. либо стала на место класса рабовладельцев, либо слилась с ним. Вестготские свободные общины быстро подчинились знати, которая вскоре после завоевания Южной Галлии и Испании превратилась в крупных землевладельцев. Феодально зависимое крестьянство формировалось главным образом за счет сервов и либертинов (испано-римских и германских), а также колонов. Арабы захватили земли вестготской и испано-римской знати, церкви и королевского фиска. Многие вестготские феодалы бежали на север, в горные районы Астурии и Пиренеев. Крестьянство же в большинстве случаев осталось на прежних местах и даже испытало вначале некоторое облегчение. Но крестьяне остались в личной и поземельной зависимости и платили феодальную ренту. Кроме того, они платили налоги завоевателям. Гнет феодальных повинностей и государственных налогов с течением времени становился все тяжелее. Его тяжесть впоследствии усугублялась вспышками религиозного фанатизма мусульман по отношению к покоренному христианскому населению.

Арабы Испании, сохранившие связи с более высокоразвитыми странами Востока, обогатили ее сельское хозяйство. Они ввели ряд новых культур: рис, сахарный тростник, финиковые пальмы, гранатовое дерево, шелковицу. При арабах расширяется система

оросительных каналов, что во многом способствовало подъему земледелия, процветают виноградарство и виноделие. Развивалось и скотоводство (по преимуществу перегонное овцеводство). В экономике существенную роль играл горнорудный промысел и различные ремесла (производство шелка, выделка сукон, производство оружия, стекла, керамики, изделий из кожи, предметов роскоши, а также тряпичной бумаги).

Большой подъем в Арабской Испании переживали города. Уже в X в. их насчитывалось до 400. Столица Арабского государства — Кордова — стала в X в. одним из крупнейших ремесленных, торговых и культурных центров Европы. Арабская Испания обладала сильным флотом, что способствовало оживленной торговле городов с Африкой, Италией, Византией и Левантом; сухопутная торговля велась с Южной Францией и Ломбардией. Испанские товары достигали Индии и Средней Азии. Главными предметами вывоза были продукты сельского хозяйства, горнодобывающих промыслов и ремесленные изделия. Большое значение имела работоторговля. Развивалась и внутренняя торговля.

Экономические успехи арабской Испании сопровождалась ее культурным подъемом. В Кордове находились огромная библиотека и университет. Библиотеками славились многие другие города страны. Высшие школы в арабской Испании были одними из первых в Европе. Значительный подъем переживают науки: медицина, математика, география. Арабская Испания — родина виднейших прогрессивных философов своего времени: Ибн-Рошда (Аверроэса) и Маймонида. Расцвет искусства и литературы, особенно поэзии, в Испании приходится на то время, когда уровень культуры в остальной Западной Европе был еще очень низким; некоторые европейцы приезжали учиться в университетах Кордовы, Севильи, Малаги, Гранады.

Арабская культура в Испании оказала влияние не только на Европу; она занимает важное место в истории мировой культуры. Через Кордовский халифат европейские страны познакомились (в переводах) с трудами арабских ученых по математике, астрономии, географии, физике, алхимии, медицине, анатомии, зоологии, философии. Запад узнал (преимущественно в латинских переводах с арабского) многие произведения древнегреческих мыслителей и ученых. Высокого уровня в Испании достигло строительное дело. До нашего времени сохранились великолепные памятники арабско-испанской архитектуры: знаменитая мечеть в Кордове, построенная в VIII—X в., а в XIII в. превращенная в христианский храм, дворец властителей Гранады Альгамбра (XIII—XV вв.), дворец-крепость Алькасар в Севилье (XII в.) и др.

Реконкиста

На севере Пиренейского полуострова сохранялись независимые от арабов территории — Астурия, Галисия и Баскония. Из этих христианских государств началось отвоевание (по-испански — реконкиста) захваченных арабами земель. Началом реконкисты считается битва при Ковадонге в 718 г., когда войско вестготов под предводительством Пелайо разгромило отряд арабов. Астурия в начале X в., раздвинув в ходе реконкисты свои границы, превратилась в королевство Леон. В X в. из него выделилось новое государство — Кастилия, ставшая в 1037 г. королевством. Несколько позже эти два королевства объединились. В конце VIII — начале IX в. в результате походов франков на северо-востоке Пиренейского полуострова образовалась Испанская марка со столицей в Барселоне; в IX в. из Испанской марки выделилась Наварра, а несколько позднее — государства Каталония и Арагон. В 1137 г. Каталония и Арагон соединились в одно королевство — Арагонское. В конце XI в. на западе Пиренейского полуострова возникло графство Португальское, также ставшее в XII в. королевством.

К концу XII в. христианские государства отвоевали у арабов значительную часть полуострова. Их победа над Арабским халифатом, экономически более развитым, отчасти объясняется распадом Арабского государства, превратившегося в начале XI в. в ряд (свыше 20) враждовавших между собой эмиратов. Однако это не было главной причиной: единства

не было и в испанских государствах. В них, несмотря на наличие королевской власти, крупные феодалы вели яростную борьбу друг с другом и в этой борьбе прибегали даже к помощи мусульманских государств. И все же испанский Север оказался и более сплоченным политически, и более сильным в военном отношении, чем арабско-мавританский Юг.

Для победителей — арабов местное христианское население Испании было объектом эксплуатации. Побежденные, не исключая и усвоивших арабский язык и некоторые арабские обычаи, но сохранивших христианскую религию (мосарабы) и даже принявших ислам (ренегадос), оставались на положении подвластного и эксплуатируемого населения — низших слоев в городах, крепостных крестьян в деревне. Первоначальная относительная веротерпимость арабов постепенно сменилась ярим фанатизмом. Угнетенное христианское население городов и деревень не раз восставало и уходило на Север, что сильно ослабляло арабские государства.

Несмотря на непрекращавшуюся борьбу между христианскими государствами, особенно между Кастилией и Арагоном, несмотря на постоянную вражду феодалов друг с другом, в решающие моменты испанцы выступали сплоченно против общего врага. Реконкиста с самого начала приняла характер массового военно-колониационного движения, в котором активно участвовали все слои населения. Крестьянство, составлявшее основную массу войск христианских государств и потому имевшее в своих руках оружие, на вновь отвоеванных территориях получало не только землю, но и личную свободу, оформленную в «фуэрос» (зафиксированные в грамотах обычаи) и поселенных хартиях. Поэтому оно было заинтересовано в реконкисте и выступало в пей вместе с феодалами, с которыми их объединяла также общность народности и религии. Кроме испанцев, в реконкисте в разные периоды принимали участие также французские и итальянские рыцари. Папство не раз объявляло походы реконкисты «крестовыми» и приглашало буйных европейских рыцарей проявить свою удаль в «священной» войне против «полумесяца».

Реконкиста определила особенности социального и политического строя стран Пиренейского полуострова. По словам К. Маркса, «местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, отсутствие единообразия в развитии общества» были первоначально обусловлены «географическим обликом страны», а затем развились исторически «благодаря тому, что различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства...».

Реконкиста особенно активизировалась в XII—XIII вв. Важную победу испанцы одержали в 1085 г., когда они овладели Толедо — одним из крупнейших городов арабской Испании. Обессилевшие в войне и в междоусобной борьбе, мусульманские государи обратились за помощью к альморавидам — североафриканским берберам, которые нанесли поражение кастильским войскам и на время приостановили реконкисту. В середине XII в. на смену альморавидам появились новые завоеватели — альмохады (племена, жившие в горах Марокканского Атласа), которые были призваны эмирами для свержения господства альморавидов. Однако альмохады не смогли объединить мусульманские эмираты полуострова.

В 1212 г. общие силы Кастилии, Арагона, Португалии и Наварры нанесли маврам при Лас-Навас-де-Толоса страшное поражение, от которого они уже не смогли оправиться. В 1236 г. кастильцами была взята Кордова, в 1248 г. — Севилья, в 1229—1235 гг. Арагонское королевство захватило Балеарские острова, а в 1238 г. — Валенсию. В 1262 г. кастильцы, отвоевав Кадис, вышли на побережье Атлантического океана. К концу XIII в. у мавров остался лишь Гранадский эмират с центром в Гранаде — богатая область на юге Испании с высокой земледельческой и городской культурой. На этой территории мавры держались до 1492 г.

Реконкиста сопровождалась закреплением за победителями отвоеванных территорий, заселением опустошенных войной областей. Большую роль в реконкисте наряду с крестьянством играло население городов — ремесленники, тянувшиеся к развитым

городским центрам Южной Испании, мелкое рыцарство. Выгоды же от Реконквисты получили в основном крупные феодалы, создававшие на завоеванных землях огромные владения. Особенно велики были земельные приобретения возникших в период Реконквисты духовно-рыцарских орденов — Сант-Яго, Алькантара и Калатрава. Обширные земли получила также католическая церковь, игравшая в Испании в связи с длительными войнами против мусульман еще большую роль, чем в других странах Европы. Памятником героической борьбы за независимость складывавшейся испанской народности является поэма о Сиде, кастильском дворянине, организаторе победоносной войны против мавров.

История каждого из государств, образовавшихся на Пиренейском полуострове, имела свои особенности.

Кастилия

Центральная часть Испании — королевство Кастилия — занимала три пятых всего полуострова и сыграла главную роль в Реконквисте.

В Кастилии в процессе завоевания сложилось могущественное и независимое крупное землевладение церкви, духовно-рыцарских орденов и светских феодалов. Но наряду с этим значительное развитие получило мелкое дворянское землевладение. Рыцари — идальго, принимавшие деятельное участие в Реконквисте, были в Кастилии особенно многочисленны. Они отличались неукротимой воинственностью и презрением к мирному труду. Большинство их жили очень бедно.

Кастилия в переводе с испанского — страна городов или замков. Здесь действительно было множество городов своеобразного характера. Они представляли собой прежде всего крепости, предназначенные для обороны, и служили опорными пунктами для дальнейшего продвижения Реконквисты. Население этих городов должно было нести военную службу, образуя отряды пехоты и кавалерии, причем руководящая роль принадлежала рыцарской коннице. Их роль в Реконквисте давала городам значительную самостоятельность. Каждый город имел письменно зафиксированные права, обычаи и привилегии — так называемые фуэрос. Всякие попытки ликвидировать их встречали со стороны городов энергичный отпор. Города заключали между собой союзы — эрмандады (т.е. братства), имевшие целью совместные действия против мавров, а также отстаивание своих интересов против феодалов, а иногда и против короля. В борьбе за свои права города нередко выступали в союзе с крестьянскими общинами. Первоначально (до XII в.) кастильские города по своему характеру мало отличались от деревень. Лишь постепенно они превращались в развитые центры ремесла и торговли, в них возникали цеховые организации. В отвоеванных у арабов городах ремесло и торговля вплоть до конца XV в. находились в руках арабского и еврейского населения, которое в значительном количестве оставалось на завоеванной территории и до середины XIV в. не подвергалось сильным преследованиям.

В начальный период Реконквисты крестьянство в исконных северных областях Кастилии было закрепощено, и положение его было очень тяжелым. Иным было положение крестьян в отвоеванных у мавров провинциях. На обширные опустошенные территории привлекались поселенцы для освоения и защиты этих территорий, им давалась всякого рода льготы и вольности и прежде всего личная свобода. Поселенцы составили уже в XII—XIII вв. многочисленный слой свободных крестьян, живших общинами. Широкое распространение получили вольные общины — «бегетрии», члены которых имели право свободно избирать и менять сеньоров. Наличие значительной прослойки свободных крестьян не могло не оказать влияния и на положение крепостных на исконно христианских территориях. Широкие возможности для бегства крестьян, которые открывала Реконквиста, заставляли кастильских феодалов постепенно ослаблять эксплуатацию крестьян в старых областях королевства. Этому содействовал и своеобразный характер сельского хозяйства Кастилии. Обширные каменистые плоскогорья этой области хорошо подходят для

овцеводства, которое не требовало большого числа рабочих рук и барщинного труда. Испанская шерсть находила хороший сбыт в Италии, в частности во Флоренции. Поэтому развитие товарно-денежных отношений в Кастилии в основном было связано с ростом овцеводства. Крупные собственники, особенно духовно-рыцарские ордена, заводили огромные стада овец, которые перегонялись с одного пастбища на другое, нередко через всю Кастилию. Уже в конце XIII в. для регулировки пастбищного дела возник союз кастильских овцеводов — «Места». Эта организация крупных скотоводов получила от королей ряд важных привилегий, имела свою казну, администрацию и суд.

Арагон

Арагонское королевство сложилось в XII—XIII вв. из собственно Арагона, составившего его западную часть, и прибрежных областей — Каталонии и Валенсии, присоединившейся в XIII в. Собственно Арагон был одной из отсталых в экономическом отношении областей Испании, а Каталония отличалась значительным развитием городов, ремесла и торговли. Но политический перевес всегда оставался на стороне могущественных арагонских феодалов. И в Арагоне, и в Каталонии крестьянство находилось в полнейшей зависимости от феодалов, было лишено всякой защиты от произвола сеньоров. Крестьян угнетали не только обычные крепостные повинности, но и «дурные обычаи». Согласно этим обычаям, сеньор захватывал все имущество крестьянина, умершего бездетным, и большую часть наследства, если оставались дети. Бралась особые штрафы с крестьян за нарушение супружеской верности, в случае пожара во владениях сеньора и т. д.

К «дурным обычаям» относятся также право первой ночи, насильственный привод кормилиц и ряд других унижительных повинностей. В Каталонии тяжелое положение крестьянства усугублялось значительным развитием товарно-денежных отношений. Рост потребностей господ и широкие возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов в города вызывали здесь усиление нажима феодалов на зависимое крестьянство.

Крупные феодалы Арагонского королевства («рикос омбрес», т.е. богатые люди) отличались значительной политической самостоятельностью. Свободные от всяких иодатей, они заключали между собой союзы, сами выбирали и низлагали короля, могли объявить ему войну. Низшее дворянство находилось в зависимости от них. Экономически слабые города в самом Арагоне не пользовались политическим влиянием. В Каталонии и Валенсии, которые были связаны со средиземноморской торговлей и поддерживали оживленные сношения с Италией и Южной Францией, города имели большой политический вес. Города Каталонии, в первую очередь Барселона, являлись не только торговыми центрами; в них развивалось и процветало ремесло: добыча и обработка металлов, кожевенное производство, судостроение и пр.

В результате присоединения Балеарских островов (XIII в.), Сицилии (1302), Сардинии (1324) и Неаполитанского королевства (1442) Арагонское королевство превратилось в мощную морскую державу.

Португалия

Третьим самостоятельным королевством Пиренейского полуострова была Португалия. Ее политическое и социальное развитие имело много общего с Кастилией, составной частью которой она длительное время являлась. В середине XII в. португальские короли окончательно отделились от Леона-Кастильской монархии, признав себя вассалами папского престола с обязательством уплаты ему ежегодного ценса. Это во многом определило огромное значение церкви в политической жизни страны. Большое влияние приобрели здесь духовно-рыцарские ордена, в том числе Ависский, которые сыграли важную роль в Реконкисте и в ходе ее захватили большие земельные владения. В

отвоевании у мавров земель и их колонизации принимало также участие и свободное крестьянство. Поэтому в Португалии, как и в Кастилии, наряду с крупными земельными владениями феодалов, церкви и духовно-рыцарских орденов, имелось немало городских и вольных крестьянских общин, юридический статус которых был закреплен в «фораиш», аналогичных кастильским фуэрос.

В XIII в. расцветают города Португалии, чему способствовало ее положение на торговых путях из Англии, Франции, Фландрии в Средиземноморье. Из приморских городов Португалии наибольшее значение приобрел Лиссабон, ставший в середине XIII в. ее столицей (вместо Коимбры) и одним из крупных торговых центров Европы. Города являлись опорой королевской власти в ее единоборстве с сепаратистскими устремлениями, в первую очередь, духовных, а также светских феодалов.

В середине XIII в. с освобождением области Альгарви на юге Реконкиста в Португалии была в основном завершена. Но в XIV в. североафриканские племена неоднократно совершали набеги на южные области страны. Борьба с ними способствовала развитию кораблестроения, а также мореплавания. В связи с этим находят первые географические открытия португальцев, которые уже в XIV в. положили начало складыванию Португальской колониальной империи. Контур ее уже отчетливо вырисовываются в XV в.

Королевская власть и кортесы

Во всех королевствах Пиренейского полуострова в XII—XIII вв. складываются сословные монархии. Королевская власть была ограничена собраниями представителей сословий — кортесами. Сословия в них заседали по отдельности. В кастильских кортесах было три палаты: духовенства, дворянства и городов. До начала XV в. представители городов иногда заседали вместе с представителями крестьянских общин. Это было особенностью кастильских кортесов. Особенностью арагонских кортесов было то, что мелкое и среднее дворянство заседало отдельно от крупных феодалов. Там кортесы состояли из четырех палат: высшей знати, мелкого и среднего дворянства, духовенства и городов. Кортесы были также в Португалии, Каталонии и Валенсии. Они ограничивали действия монархической власти, вотируя налоги, решали спорные вопросы престолонаследия, оказывали влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

К. Маркс отмечал, что при формировании королевств Пиренейского полуострова существовали благоприятные условия для ограничения королевской власти: «С одной стороны, в течение длительной борьбы с арабами небольшие части территории были в разное время отвоеваны и превращены в особые королевства. В ходе этой борьбы возникали народные законы и обычаи. Постепенные завоевания, совершавшиеся главным образом дворянством, чрезвычайно усиливали его могущество, в то же время ослабляя власть короля. С другой стороны, населенные пункты и города внутри страны приобрели крупное значение, ибо жители вынуждены были селиться вместе в укрепленных местах и искать там защиты от непрерывных вторжений мавров; в то же время положение Испании как полуострова и постоянные сношения с Провансом и Италией способствовали образованию первоклассных торговых приморских городов на побережье. Уже в XIV столетии представители городов составляли самую могущественную часть кортесов, в состав которых входили также представители духовенства и дворянства».

Обострение классовой борьбы

Развитие товарно-денежных отношений в государствах Испании повлекло за собой усиление эксплуатации феодально зависимого крестьянства. Свободное крестьянство также в большой степени ощущало на себе власть сеньоров. Развитие овцеводства в Кастилии имело следствием в XIV—XV вв. массовое превращение крестьянских земель в пастбища.

Все это обостряло в кастильской деревне классовую борьбу, которая осложнялась конфликтами между феодалами и городами и борьбой самих феодалов за власть.

Особенную известность получило восстание «эрмандиносов» (братьев) в Кастилии, подавленное правительством в 1437 г. Крестьянские восстания происходили в XIV—XV вв. на Балеарских островах, где к крестьянам присоединялась угнетаемая купечеством городская беднота.

Ареной особенно упорных и массовых крестьянских движений в течение нескольких десятилетий XV в. была Каталония, где, как отмечалось, положение крестьянства было особенно тяжелым. Движение среди каталонских крепостных возникло в начале XV в. Крестьяне требовали отмены личной зависимости и «дурных обычаев». В 1462—1472 г. на севере Каталонии вспыхнула настоящая крестьянская война. К восставшим крепостным примкнули и свободные крестьяне, малоземельные и безземельные, требовавшие передела земли. Восстание приняло довольно организованный характер: его участники были разделены на военные отряды, среди них собирались взносы на военные надобности. Во главе восставших стал бедный идальго Вернтальят. Арагонский король Хуан II, враждовавший с каталонской знатью и городами, использовал восстание в своих целях. При помощи Вернтальята и его крестьянской армии Хуан II утвердил свою власть над Каталонией. Вернтальят получил за это богатые земельные владения и титул виконта, а крестьян успокоили некоторыми ничтожными уступками, которые, впрочем, были скоро отменены кортесами.

В 1484 г. в Каталонии началось новое мощное восстание под руководством крестьянина Педро Хуана Салы. Действия правительственных войск против восставших были неудачны, так как солдаты неохотно выступали против крестьян. Захват в плен и казнь Салы не остановили движения. В 1486 г. правительству пришлось пойти на соглашение с восставшими и отменить личную зависимость крестьян в Каталонии, что было зафиксировано в «Гвадалупской сентенции». «Дурные обычаи» отменялись, но почти все за большой выкуп. Крестьяне стали лично свободными и могли уходить с земли со своим движимым имуществом, но их наделы по-прежнему оставались в собственности сеньоров и за них взималась феодальная рента. Полностью были сохранены поборы в пользу церкви.

Таким образом, крестьянские войны в Испании XV в. в отличие от подавляющего большинства крестьянских восстаний средневековья достигли хотя бы частичного успеха. Обострение классовой борьбы ускорило процесс централизации государства.

Объединение Кастилии и Арагона

Опираясь на союз с церковью, городами и мелким дворянством, располагая большими доходами от морской торговли, королевская власть как Кастилии, так и Арагона в XIV—XV вв. повела решительное наступление на политические права крупных феодалов и лишила их значительной доли самостоятельности. К концу XV в. она отняла у крупных феодалов право чеканить монету, вести частные войны, конфисковала у них многие земли. Король завладел также землями духовно-рыцарских орденов.

В 1479 г. Арагон, и Кастилия объединились в единое государство под властью супружеской пары — Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Это событие явилось одним из важных этапов в усилении королевской власти в Испании. В деле сокрушения могущества крупных феодалов королевской власти оказывали поддержку города. В 1480 г. города Кастилии заключили между собой союз — «святую эрмандаду», которая организовала собственную милицию для борьбы с феодалами. Но, используя военные силы городов для обуздания феодалов, королевская власть исподволь урезывала самостоятельность самих городов. Огромную поддержку королевской власти оказывала также церковь, особенно инквизиция, введенная в Испании в 1480 г.

Борясь со всякого рода антицерковными ересями, инквизиция тем самым преследовала всякую социальную и политическую оппозицию существующему строю. В Испании, по словам Маркса, «благодаря инквизиции церковь превратилась в самое несокрушимое орудие абсолютизма». Первым возглавил испанскую инквизицию свирепый Торквемада, имя которого стало нарицательным.

Укрепив позиции внутри страны, испанские короли направили удар на Гранадский эмират — последнее владение арабов в Испании. После длительной осады в 1492 г. Гранада капитулировала. С ее падением весь Пиренейский полуостров, за исключением Португалии, оказался в руках испанских королей. Мавры сдали Гранаду при условии сохранения за ними и евреями собственности и свободы вероисповедания. Но эти обещания не соблюдались. Преследуемые мусульмане подняли ряд восстаний. Перед ними встала дилемма: либо креститься, либо покинуть Испанию. Значительная часть мусульман и евреев, живших на юге страны, переселилась в Африку. Таким образом из Испании ушла большая часть торгово-ремесленного населения, игравшая важную роль в экономическом развитии страны. Оставшиеся в Испании и перешедшие в христианство мавры (мориски) подвергались постоянной травле со стороны церкви.

При Фердинанде и Изабелле в Испании устанавливается абсолютная монархия. Крупные феодалы утратили политическую самостоятельность, превратились в придворную аристократию. Кортесы теряют свое прежнее значение и созываются все реже. Управление принимает бюрократический характер, сосредоточиваясь в центре в руках королевских советов, а на местах — в руках королевских чиновников (коррехидоров). Однако сложившаяся веками провинциальная и сословная разобщенность Испании нашла свое отражение в крайней громоздкости и неслаженности аппарата управления.

Глава 14

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XI-XV вв.

Своеобразие развития феодализма в Скандинавских странах

В Скандинавских странах — Дании, Швеции и Норвегии, — развивавшихся вне сферы античного мира и сравнительно поздно испытавших влияние развитых феодальных обществ, долго сохранялись пережитки родовых отношений и патриархального рабства. Раннефеодальный период длился в Скандинавии до XII—XIII вв. Сложившийся в этих условиях феодализм отличался значительным своеобразием: в Скандинавских странах не получили большого распространения личная зависимость крестьян и барщина (Норвегия их вообще не знала); права феодалов на лены были более ограничены, а вассальные отношения (феодальная иерархия) — менее развиты, чем в странах Западной Европы.

Замедленное развитие Скандинавских стран в немалой степени объясняется естественно-географическими условиями: относительно суровым климатом, преобладанием

моренного, горного ландшафта с малым количеством удобных для хлебопашества земель. В горных районах Норвегии и Швеции земледелие было возможно лишь на ограниченных пространствах и велось весьма примитивно. Большую роль играло скотоводство; в лесных областях и на севере — в тундре — были распространены охота на пушного зверя и оленеводство, на побережье занимались рыболовством. Скандинавы издавна были искусными кораблестроителями и мореходами. Только в южной части Скандинавского полуострова — области Сконе, а также на равнинном Ютландском полуострове (с прилегающими островами) существовали благоприятные условия для земледелия. Здесь раньше, чем в других областях Скандинавии, стали распространяться двух- и трехполье, обработка земли плугом с железным лемехом.

Общественно-политический строй скандинавов в раннее средневековье

Основную массу населения Скандинавии в раннее средневековье составляли свободные — бонды. Это были земледельцы, скотоводы, охотники и рыбаки, имевшие собственное хозяйство и жившие либо в обособленных хуторах (в Норвегии и в некоторых районах Швеции), либо небольшими деревнями (в Дании и в большей части Швеции). В датских общинах практиковались переделы земли. Большая семья являлась собственницей пахотной земли, которую нельзя было отчуждать; такое владение называлось одалем. Даже после того, как начались разделы больших семей, выделявшиеся из их состава индивидуальные семьи не получали права свободного распоряжения участками: сородичи сохраняли в течение длительного времени право преимущественного приобретения и выкуна одала. Леса, луга и прочие угодья оставались в общей собственности жителей всего округа — считались «общими владениями» (альмендами). Складывание классового общества в условиях Скандинавии шло медленно. Большую роль играли органы местного самоуправления — тинги, областные и окружные народные собрания бондов. На них вершился суд, решались споры, заключались различные сделки. Постепенно усиливалось общественное влияние знати. Источником ее могущества были прежде всего стада скота, торговля и особенно богатства, захваченные в морских походах и набегах викингов. Там же, где родовая знать имела земельные владения, она эксплуатировала рабов из пленных, отчасти — обедневших свободных, которых наделяли земельными участками. На Ютландском полуострове и в Сконе, где земледелие играло важную роль, возникали поместья с барской запашкой.

По мере роста могущества знати, с одной стороны, и подчинения ей части свободных — с другой, углублялся процесс классового образования и возникали предпосылки для складывания государства. Походы викингов ускорили этот процесс.

Первые скандинавские короли (конунги), выделившиеся из родовой знати, в течение длительного времени в значительной степени оставались предводителями племен и племенных союзов. Тем не менее одновременно закладывались основы политического объединения. В Дании этот процесс начался еще в VIII в., а во второй половине X в. Хйральд Синезубый (ок. 950—ок. 986) значительно упрочил королевскую власть. Конунгу Харальду Прекрасноволосому в конце IX в. удалось подчинить себе многие племенные округа Норвегии, и в начале XI в. объединение Норвегии было в основном завершено. Но королевская власть в Норвегии не стала достаточно прочной. Король Олаф Харальдссон (1016—1028) был изгнан из страны и погиб в борьбе против восставших крестьян и знати. Норвегия была включена в состав обширной, но непрочной державы датского короля Кнута (1018—1035), объединившей Данию и Англию. Вскоре после смерти Кнута Норвегия и Англия восстановили свою независимость. В Швеции долгое время существовало два королевства: к северу область свеев с центром в Упсале и южнее расположенная область племен гётов (ётов). Объединение их под властью королей Упсалы произошло к началу XI в. Однако еще и в XII в. власть шведского короля оставалась очень ограниченной. В отдельных областях фактически правила местная знать.

Добиваясь укрепления своего положения, королевская власть стремилась опереться на христианскую церковь. Но христианизация наталкивалась на упорное сопротивление крестьян и родовой знати, видевших в сохранении язычества защиту своей независимости. Поэтому борьба против усиления королевской власти принимала подчас форму борьбы за сохранение язычества. Христианская церковь укрепилась в Скандинавии в конце X — начале XI в., однако язычество не было окончательно сломлено еще и в XII в. Тем не менее с успехами феодализации влияние церкви росло. Около 1103 г. было учреждено общескандинавское архиепископство в Лунде. Церковь получала щедрые пожалования от королей, приобрела особую юрисдикцию и стала проводником влияния феодального права в Скандинавии. Духовенство добилось в своих интересах отмены некоторых ограничений в распоряжении земель.

Формирование феодального строя

С прекращением походов викингов иссякли прежние источники богатств родо-племенной знати, ослабело ее общественное влияние. Земля стала концентрироваться в руках новых социальных элементов, прежде всего служилой знати. В формирующийся класс феодалов входили и высшее духовенство, и часть старой родо-племенной знати. «Сильные люди» и «могучие бонды», выделявшиеся из среды свободного населения, также сосредоточили в своих руках большие земельные владения. В течение XII и XIII вв. значительная часть крестьян Норвегии и Дании из собственников земли превратилась в держателей наделов на землях крупных землевладельцев; в Швеции этот процесс шел медленнее.

Важную роль в развитии феодальных отношений играла королевская власть. Короли были крупнейшими землевладельцами, они присваивали земли знати и захватывали право верховной собственности на общинные пастбища и леса. В силу этого многие крестьяне, имевшие хозяйства на расчищенных от леса землях и пустошах, превращались в держателей короля. Король принуждал население содержать его и свиту во время постоянных разъездов по стране. Со временем эти поборы превратились в регулярный налог, уплачивавшийся обычно продуктами. Право сбора налога король передавал своим слугам, поставленным во главе областей и округов. Однако в Скандинавских странах лены формально не считались наследственным достоянием их владельцев, хотя фактически нередко были таковыми. Замки, возводившиеся в Дании и Швеции начиная с XIII в., не являлись собственностью феодалов: они занимали их в качестве наместников короля, должны были охранять их, следить за порядком в округе и собирать подати с населения.

Своеобразно проходил и процесс складывания класса феодально зависимого крестьянства. Бонд был обычно не только земледельцем, но и скотоводом, рыбаком, охотником и жил зачастую на обособленном хуторе, где вел самостоятельное хозяйство. Там, где земледелие было слабо развито или отсутствовало, бонд, по сути дела, мало был связан или совсем не был связан с определенным участком пахотной земли. Втянуть такого человека в зависимость было нелегко. Скандинавские крестьяне упорно сопротивлялись нажиму феодалов. Бонды обладали оружием, так как на них лежала обязанность по призыву короля являться в ополчение, они на собственные средства строили и снаряжали военные корабли. Поскольку значение крестьян в военном деле было велико, королевской власти приходилось с ними считаться.

По мере роста социального расслоения военная служба становилась все более тягостной для крестьян. Междоусобицы, войны и служба в ополчении во многом способствовали разорению крестьян. Стремясь избавиться от королевской военной службы и растущих налогов, многие крестьяне передавали себя и свою собственность под власть крупных землевладельцев. Однако в силу значительной хозяйственной самостоятельности и длительного сохранения общинных порядков крестьянство Скандинавии — за исключением Дании, где земледелие было ведущей отраслью хозяйства, — на протяжении

всего средневековья отчасти сохраняло личную правоспособность; феодальная зависимость выражалась здесь преимущественно в уплате ренты продуктами. При сохранении бондами значительных элементов личной свободы, гарантией собственнических прав феодалов на землю было лишение держателей юридической обеспеченности держания. Поэтому, хотя обычно держатель пользовался участком длительное время и даже пожизненно, за ним не закреплялось право прочного владения землей. Вместе с тем в тот период в Скандинавских странах (особенно в Швеции) еще существовал большой слой крестьян, сохранявших право собственности на землю и лишь обязанных платить налоги государству.

Норвегия в конце XII—XIII в.

С развитием феодальных отношений обострялась социальная борьба. Она нередко принимала форму выступлений против короля и поддерживавшей его служилой знати. Крупнейшим событием явились гражданские войны в Норвегии. На первом этапе это была борьба претендентов на престол. Но вскоре в нее все более активно стали вмешиваться, с одной стороны, феодализовавшиеся элементы общества и служилая знать, заинтересованные в укреплении государства, а с другой — обездоленные слои крестьян, страдавших от растущей эксплуатации. В 1174 г. самозванец Сверрир возглавил восстание биркебйнеров (т.е. «березовоногих» — лапотников) — бедняков, надеявшихся с его помощью поправить свое положение. Но придя к власти, Сверрир (1184—1202) стал проводить политику в интересах крупных землевладельцев — служилых людей, в числе которых были и выходцы из биркебйнеров, возвысившиеся в ходе борьбы. Конфликт между духовенством и Сверриром, который добивался установления верховенства королевской власти над церковью, достиг такого ожесточения, что папа отлучил короля от церкви и наложил на страну интердикт. Сверрир, в свою очередь, изгнал из Норвегии прелатов, поддерживавших папу. Восстания крестьян не превращались, так как процесс феодализации и разорения крестьянства в период войн пошел ускоренным темпом. Народное движение было подавлено лишь после того, как старая знать и церковники (которых поддерживали папа и датский король) примирились с потомками Сверрира и вместе с новыми феодальными землевладельцами сплотились вокруг королевской власти.

Укрепление королевской власти в Норвегии в XIII в. произошло при короле Магнусе Законодателе. В 1274 г. он издал первый общенорвежский свод права, заменивший областные судебники. Во главе Местного управления стали ленники короля. Крестьяне были отстранены от участия в политической жизни. Церковным и светским землевладельцам все же не удалось полностью лишить норвежских бондов остатков личной свободы. В Норвегии не сложились такие институты, как сеньория, система вассалитета и феодальной иерархии, иммунитет и вотчинный суд. При ограниченности пригодных для пахоты земель и преобладании поселений хуторами барщина не получила развития, домениальное хозяйство имело скромные размеры. Преобладала рента продуктами. Повинности крестьяне несли главным образом в пользу государства.

Феодализм в Норвегии был развит слабо — слабее, чем в других Скандинавских странах.

Развитие феодализма в Швеции

Хотя и в Швеции постепенно возрастал слой держателей, не имеющих собственной земли, число крестьян, сохранявших независимость от крупных землевладельцев, было велико. В ходе борьбы за укрепление королевской власти и начавшегося с XII в. завоевания Финляндии складывалось служилое сословие. Местная знать пыталась сохранить обособленность областей и выборную королевскую власть, но потерпела поражение. В период междоусобиц укрепилось положение правителя королевства и начальника ополчения — ярла. Ярл Биргер возглавил крестовый поход против Финляндии (1249—

1250) и подчинил ее западные области. При поддержке церкви он возвел на престол своего сына и основал новую династию (1250). Укрепление королевской власти и в Швеции сопровождалось введением постоянных налогов и ухудшением положения бондов. Во второй половине XIII в. шведские феодалы — фрельсы окончательно превратились в господствующее сословие. Они несли конную рыцарскую службу и освобождались от уплаты налогов. Попытка шведских феодалов вторгнуться на Русь и захватить устье Невы закончилась их разгромом (Невская битва, 1240 г.).

Развитие феодализма в Дании

В течение XII в. в Дании также развернулась междоусобная борьба, но уже король Вальдемар I (1157—1182), устранив соперников, усилил свою власть союзом с церковью. Влияние церкви на государственные дела в Дании было очень велико. Духовенство получило иммунитетные привилегии от короля и во многом способствовало торжеству феодальных отношений. Дания в большей мере, чем другие Скандинавские страны, испытывала влияние развитых феодальных государств Западной Европы.

Со второй половины XII в. в Дании создается рыцарское войско из средних и мелких феодальных землевладельцев, освобождаемых за военную службу от уплаты налогов. Служилое привилегированное сословие превращалось в главную опору королевской власти, а бонды — в класс, который должен был своим трудом содержать это сословие. Введение тяжелой поземельной подати, взимаемой с каждого плуга, вызвало в 1250 г. крестьянское восстание против короля Эрика IV, прозванного «плужный грош».

С крайней жестокостью проводились датскими феодалами крестовые походы против славянского Поморья. Балтийские славяне были покорены и насильственно крещены. Войны Дании против эстов сопровождались подчинением районов Нарвы и Галлина (в середине XIV в. эти владения были проданы Тевтонскому ордену). Ослабление императорской власти датские короли использовали для захватов в Северной Германии. Вальдемар II (1202—1241) подчинил себе Гольштинию, Гамбург и другие территории. Любек находился под его покровительством. Однако вскоре почти все эти владения были утрачены в результате поражения, нанесенного Вальдемару северогерманскими городами и крестьянами Дитмаршена (1227).

Процесс феодализации общества нашел отражение в первых записях датского права, относящихся к началу XIII в., и в поземельной описи Дании, составленной при Вальдемаре II.

Города и бюргерство

Замедленность экономического развития и большая устойчивость натурального хозяйства в Скандинавских странах проявились в относительной слабости городов. Торговые центры, игравшие большую роль в период походов викингов, пришли в упадок в X—XI вв. Лесное дело, солеварение, металлургия, ткачество и другие ремесла оставались преимущественно на стадии крестьянских промыслов. Городские ремесленники были малочисленны. Внутренняя торговля была слабо развита, в сельских местностях деньги представляли редкость, и в течение долгого времени сохранялся натуральный обмен. Средствами обмена служили скот, куски домотканого сукна и другие товары.

Во второй половине XII и в XIII вв. развитие ремесла и торговли сделало некоторые успехи. Особенно расширилась внешняя торговля: увеличился вывоз рыбы, мехов и кож. Берген в Норвегии, Висбю на острове Готланд, ежегодные ярмарки в Сконе играли значительную роль в торговле Северной Европы.

Ряд датских и шведских городов получили королевские хартии, жаловавшие им частичное самоуправление по образцу немецкого городского права. В это время возвышается Стокгольм. Однако экономически слабое бюргерство не играло значительной

роли в политической жизни. К тому же с середины XIII в. в торговле Скандинавии все более видное место начинают занимать богатые ганзейские купцы, главным образом из Любека и Ростока. Они захватили в свои руки вывоз рыбы, продуктов животноводства и промыслов. В Швеции, где с XIII в. началась в значительном масштабе разработка горных месторождений железных и медных руд, немецкие предприниматели стали играть доминирующую роль. Короли Дании, Норвегии и Швеции давали немецким купцам и ростовщикам, у которых они брали займы большие суммы денег, широкие привилегии. В шведских городах муниципальные советы состояли наполовину из немцев.

Роль немецкого купечества и ремесленников в экономической жизни Скандинавии была двойственной: они способствовали развитию как торговли этих стран, так и некоторых отраслей хозяйства, например рыболовства, животноводства, горного дела. Но засилье немцев тормозило рост местного бюргерства, особенно в Норвегии.

Политическая борьба в XIV в.

В этих условиях проводимая королевской властью политика централизации не могла иметь прочных успехов. Крупные феодалы выступали против короля и навязывали ему свою волю. Внутренняя борьба переплеталась с конфликтами между Скандинавскими странами, ибо и короли, и их вассалы искали поддержки за рубежом.

Чрезвычайно напряженной была борьба в Дании. В 1282 г. королю Эрику Клиппингу пришлось подписать хартию, по которой он обязывался ежегодно созывать данехоф — общий совет государства, состоявший из магнатов, — и соблюдать права и вольности феодалов. Попытка Эрика нарушить эту датскую «хартию вольностей» закончилась его убийством, после которого начался длительный конфликт крупных феодалов с королевской властью. В 1320 г. королевская власть в Дании окончательно капитулировала перед знатью, установившей контроль над государственным управлением. Король не имел права без ее согласия объявлять войну и взимать налоги. За феодалами была признана судебная власть над крестьянами.

В Швеции в 1284 г. также стал созываться совет из светских феодалов и епископов — хвдлаг. Это усилило феодальную знать. В 1319 г. мятежные феодалы изгнали из Швеции короля и возвели на престол малолетнего норвежского короля Магнуса Эрикссона. Ко времени правления Магнуса относится первый общешведский свод законов, заменивший записи обычного права. Уния Швеции и Норвегии (1319—1363) существовала лишь до тех пор, пока она была выгодна шведской знати. Попытки Магнуса ограничить финансовые привилегии знати и церкви вызвали оппозицию крупных феодалов. Низложив Магнуса, шведские феодалы избрали королем немецкого герцога Альбрехта Мекленбургского, который должен был дать обязательство править с согласия ховдага. Немецкое влияние еще более усилилось.

Реальная власть во всех трех скандинавских государствах в XIV в. находилась в руках крупных феодалов, причем многие из них имели владения не только в своей стране, но и в других Скандинавских странах. Их фискальные привилегии расширились, быстро увеличивалось число крестьян, попавших в зависимость.

В первой половине XIV в. ухудшилось положение крестьян, страдавших и от эксплуатации землевладельцами, и от государственных поборов и повинностей, и от войн и усобиц. В сельском хозяйстве наблюдался застой, кое-где забрасывались пахотные земли. Эпидемия чумы — «черная смерть» в середине XIV в. углубила хозяйственный упадок. Экономические последствия чумы в Скандинавских странах, особенно в Норвегии, были очень тяжелыми. Нехватка рабочих рук вела к резкому сокращению земледелия и к дальнейшему повышению удельного веса скотоводства.

Война Дании с Ганзой

В Дании Вальдемару IV Аттердагу (1340— 1375) при поддержке церкви и рыцарства удалось укрепить королевскую власть. Утраченные ранее земли, в том числе и богатейшая провинция Сконе, были возвращены. Но захват датским королем острова Готланд с городом Висбю — важнейшим торговым пунктом на Балтийском море — привел Данию к столкновению с северонемецкой Ганзой. В войне с ней (1367—1370) Дания потерпела тяжелое поражение. Штральзундский мир (1370) предоставил ганзейцам торговые привилегии, в частности снижение таможенных пошлин и переход под их контроль четырех крепостей в Сконе, что утверждало их господство на Балтийском море. По договору датский король не мог короноваться без согласия Ганзы. Норвегия также была вынуждена подтвердить привилегии немецких купцов, захвативших в свои руки почти всю ее торговлю.

Кальмарская уния

Датские и шведские владения находились под угрозой отторжения их северогерманскими князьями. Несмотря на конфликты, неоднократно вспыхивавшие между скандинавскими государствами, перед лицом опасности, грозившей со стороны немецких князей и Ганзы, феодалы Дании, Швеции и Норвегии стремились к объединению. Этническая общность, общность экономического и культурного развития облегчали политический союз этих стран, получивший форму династической унии. Маргарита, дочь датского короля Вальдемара IV Аттердага и жена норвежского короля, возвела на датский престол своего сына Олафа, от имени которого правила Данией и Норвегией, а после его смерти сама стала во главе обоих государств. В 1389 г. при поддержке шведских феодалов она получила власть и над Швецией. В июне 1389 г. на собрании представителей трех королевств в шведском городе Кальмаре внучатый племянник Маргариты Эрик Померанский был провозглашен королем Дании, Швеции и Норвегии. Одновременно был выработан акт о вечной унии трех государств. Во главе их впредь должен был стоять один король. Государства должны были оказывать друг другу помощь в случае войны, но в каждом из них сохранялись свои законы. Уния не была, однако, передана на утверждение государственных советов и носила личный характер.

Фактически уния не уравнивала все три государства. Наиболее экономически развитой страной была Дания с населением, по численности примерно равным населению Швеции и Норвегии. Она и извлекла наибольшие выгоды из унии. В наименее выгодном положении оказалась Норвегия, переживавшая глубокий упадок. Противоречия между вошедшими в унию государствами не были преодолены. Маргарита, в руках которой оставалось правление огромной Державой (вплоть до ее смерти в 1412 г.), назначала преданных ей Датских и немецких феодалов на церковные и крупные государственные должности и раздавала им большие ленные пожалования в Швеции и Норвегии. Слой крупных землевладельцев, освобожденных от уплаты налогов, расширился. Кальмарская уния способствовала, таким образом, усилению крупных феодалов. Но на первых порах она значительно укрепила королевскую власть.

Во владении короны были сконцентрированы значительные земли. Королю Эрику удалось ограничить привилегии немецких купцов. После войны были введены зундские пошлины, взимавшиеся с кораблей, проходивших проливы из Балтики в Северное море. Пошлины составили существенный источник государственных доходов. Но война с Ганзой нанесла большой ущерб Дании, Норвегии и особенно Швеции.

Ухудшение положения крестьян

Период унии был временем усиления феодальной зависимости крестьян. В XIV в. большая часть крестьян Дании и Норвегии сидела уже на землях феодалов и платила им ренту. Крупнейшим землевладельцем стала церковь. В Дании увеличивалась барщина,

росло крупное поместье, связанное с рынком. Подобные тенденции намечались и в Швеции. Расширялись права крупных землевладельцев, особенно церкви. Увеличивались налоги. Бедняков, не имевших имущества, с которого можно было бы собирать подати, принуждали работать в качестве поденщиков у богатых людей в деревне и в городе, а ухивших в город крестьян насильно возвращали в сельскую местность. На усиление гнета крестьяне отвечали восстаниями.

Восстание Энгельбректа Энгельбректссона (1434-1435)

Ущемление самостоятельности Швеции и Норвегии датскими правителями затрагивало интересы различных слоев населения в этих странах. Особенно сильной была оппозиция в Швеции. Купцы Стокгольма и в особенности рудокопы провинции Далекарлия, где находились богатейшие в Европе медные и железные рудники, выражали недовольство. В Далекарлии в 1434 г. и началось восстание: рудокопы и крестьяне потребовали уменьшения налогов и выступили против засилья в Швеции датчан и немцев. Во главе восставших стал владелец рудника, выходец из среды рыцарства Энгельбрект Энгельбректссон. К движению присоединились и некоторые феодалы. В 1435 г. было создано сословно-представительное собрание, на котором наряду с духовенством и светскими феодалами присутствовали выборные от бюргеров и бондов. Так возникло шведское сословное представительство — риксдаг, окончательно оформившийся во второй половине XV в. Но Энгельбрект, избранный «вождем государства», в 1436 г. был предательски убит. Восстание крестьян было подавлено, но оно значительно подорвало датское и немецкое засилье в Швеции.

Под влиянием событий в Швеции начались восстания в Норвегии, Финляндии и Дании. В 1436 г. в районе Осло вспыхнуло восстание. В 1441 г. возникло крестьянское движение в Северной Ютландии, которое быстро распространилось на другие области. Крестьяне жгли королевские замки и усадьбы феодалов. Вместе с тем феодалы использовали народное движение в своих интересах. Король Эрик вынужден был бежать из Дании; королевская власть была вновь ослаблена.

В Дании собрание сословий стало созываться в 1468 г. Но оно (как и в Швеции, в отличие от европейских стран) не пользовалось контролем над финансовой политикой короны и созывалось очень нерегулярно.

Скандинавские страны во второй половине XV в.

Исход борьбы за и против Кальмарской унии в Швеции и Норвегии был не одинаков. Норвежское бюргерство оставалось слабым и оттесненным от предпринимательской деятельности купцами Любека и Ростка. С упадком Ганзы в конце XV в. место немецких купцов заняли голландцы, вывозившие из страны лес, а также англичане, шотландцы и датчане. Слабое норвежское дворянство было неспособно возглавить освободительное движение против унии. Норвегия потеряла в этот период Оркнейские и Шетландские острова, перешедшие под власть королей Шотландии. В Исландии в конце XIV в. установилось господство датчан. Свертывание мореходства и торговли привело к прекращению связей между Норвегией и Гренландией; скандинавские поселения в Гренландии исчезли.

В Швеции борьба за разрыв унии была вместе с тем борьбой различных социальных сил между собой. Часть дворянства и высшего духовенства искала помощи в Дании. Обладание землями в обоих государствах делало многих дворян приверженцами унии. Против унии выступала другая часть дворянства, нашедшая поддержку у бюргерства и крестьян. Опираясь на освободительное движение, крупный шведский феодал Карл Кнутссон захватил престол (он правил с перерывами с 1448 по 1470 г.). В 1471 г. бюргеры и крестьяне под руководством представителя шведской знати Стена Стуре нанесли при

Брункеберге поражение войскам датского короля. Эта битва послужила толчком для дальнейшего патриотического подъема. Из городских советов были удалены немцы, был основан первый шведский университет в Упсале.

Деятельность регента Стена Стуре, расчетливого политика, использовавшего народное движение в интересах дворянства, была направлена на ограничение вывоза из Швеции драгоценных металлов, сосредоточение торговли и ремесла в руках шведских бюргеров. Вывоз железа и меди стал государственной монополией. В руках государства была сосредоточена чеканка монеты. В интересах светских феодалов Стуре ограничивал церковное землевладение. Стуре не ставил целью выход Швеции из унии с Данией, но тенденция к приобретению Швецией полной самостоятельности делалась все более неодолимой, хотя формально уния сохранялась до 1523 г.

В течение XV в. в Дании также выросло влиятельное бюргерство. Копенгаген стал резиденцией короля. В последней четверти столетия там возник университет. Привилегии ганзейцев были уничтожены. Торговля сельскохозяйственными продуктами, перешедшая в руки датских феодалов, связывала Данию в экономическом отношении со Шлезвигом, Гольштинией и Северной Германией, что облегчило и политическое сближение. Королю Кристиану I (1448 — 1481) удалось добиться своего избрания герцогом Шлезвига и Гольштинии (1460), тем самым он стал имперским князем. Поддержку в борьбе против Ганзы и Швеции датские короли нашли у московского князя Ивана III, с которым в 1493 г. они заключили соглашение. Во второй половине XV в. продолжалось закрепощение крестьян, которых крупные землевладельцы принуждали исполнять все увеличивающуюся барщину.

Глава 15

ВЕНГРИЯ В XI-XV вв.

Образование раннефеодального государства

Венгерские племена, кочевавшие в южнорусских степях, в конце IX в., перейдя Карпаты, начали заселять Среднее Подунавье. В течение всего X в. венгры осваивают эту территорию. Благоприятные условия обитания способствовали их хозяйственному и социальному прогрессу. В X в. они переходят к оседлости и земледелию. У них начинают складываться феодальные отношения и образуется раннефеодальное государство. Как свидетельствуют археологические материалы, на территории расселения венгров до XI—XII вв. сохраняли самостоятельное существование издавна оседлые славянские народы, появление которых в Среднем Подунавье датируется VI в. По мнению некоторых историков, в IX в. там жили и влахи (предки современных румын и молдаван). Другие ученые локализуют здесь владов с начала XIII в. Наличие столь давних традиций оседлого земледелия способствовало развитию его и в среде венгров. Процесс складывания и оформления феодальных отношений в Венгрии характеризует эпоху до середины XIII в. Он был ускорен, наряду с ростом имущественной дифференциации и выделением родо-племенной знати в среде самих венгров, походами венгерских отрядов на страны Центральной и Западной Европы и на Балканы в первой половине X в. Захваченная добыча (рабы и движимое имущество) обогащала родо-племенную верхушку, составившую несколько позже основу класса феодалов.

Складыванию феодализма у венгров по-видимому способствовало наличие значительной социальной дифференциации у населявших эту территорию паннонских славян, а также у соседних славянских народов.

В связи с усилившейся социальной дифференциацией в областях Среднего Подунавья появляются очаги государственности, которую возглавляют представители венгерской знати (вторая половина X в.). К этому же времени относится и христианизация венгров. Владетелю одной из этих областей Иштвану из рода Арпадов удалось объединить эти области сгоя своей властью и получить от папы Сильвестра II корону и королевский титул (1000 или 1001 г.). При нем (Иштване I — 1000—1038) было положено начало раннефеодальному государству, а завершилась христианизация. Внутренняя политика этого короля и его преемников (династия Арпадов правила до 1301 г.) способствовала развитию феодальных отношений в стране.

Завершение складывания феодальных отношений в XI—XIII вв.

Владения крупных землевладельцев (светских и церковных) и короля были населены первоначально свободными общинниками и различными категориями зависимых крестьян. В наиболее тяжелой зависимости от феодалов находились сервы и либертины — потомки рабов, посаженных на землю. Но уже в XI в. они превратились в лично зависимых крестьян. Основной повинностью сервов и либертинов были барщина, однако во владениях церкви уже в ранние времена она была оттеснена на второй план продуктовой рентой. Особую категорию крестьян обширных королевских имений составляли «замковые люди» — бывшие воины, посаженные на землю и обязанные наряду с военной службой натуральным оброком и отработочными повинностями в пользу короля, а также «удворни-ки» (от славянского слова «двор») — крестьяне, обслуживающие королевское дворцовое хозяйство. В течение XI в. завершилось превращение основной массы свободных общинников в феодально зависимых крестьян. «Свободные» крестьяне, упоминаемые в памятниках XII—XIII вв., являются на деле одной из категорий зависимого населения, хотя в отличие от других зависимых крестьян они сохранили право свободного перехода от одного господина к другому и право претендовать на замену барщины натуральным оброком и денежными платежами. Наиболее яркое выражение протест общинников против втягивания их в зависимость нашел в крестьянских восстаниях 1046 и 1061 гг., проходивших под лозунгом возвращения к дофеодальным порядкам и язычеству.

Таким образом, к концу XIII в. в Венгрии складывается единый в экономическом и правовом отношении класс феодально зависимого крестьянства. При этом происходит смягчение положения сервов и либертинов и, напротив, усиливается зависимость «свободных» крестьян. К середине XIII в. произошла унификация крестьянских повинностей, в общей массе которых преобладала рента продуктами. Наряду с ней существовала и денежная рента. К концу XIII в. все слои зависимого крестьянства обладали правом свободного перехода. Во второй половине XIII в. усиливается антифеодальная борьба крестьянства, проявлявшаяся главным образом в форме массового бегства и переселенческого движения. К середине XIII в. завершается также оформление прав и привилегий как отдельных групп феодалов, так и всего господствующего класса в целом. В его формировании наряду с венгерскими крупными землевладельцами участвовало также немецкое рыцарство, проникавшее в X в. на территорию Венгрии и быстро сливавшееся с венгерскими феодалами, а также и славянская родовая знать.

Борьба между отдельными группами класса феодалов

Результатом завершения феодализации явилось ослабление к середине XIII в. центральной власти. Усилилась экономическая мощь крупных светских и церковных феодалов. Еще во второй половине XII в. частное землевладение по размерам уступало

королевскому домену. Но с этого времени светские и церковные магнаты значительно расширяют свои владения за счет земельных пожалований из королевского домена. Особый размах пожалования приобрели в правление короля Эндре II (1205—1235), при котором весьма усилилось и политическое влияние феодальной знати.

В этой обстановке началось движение мелких феодалов — «иобагионов замков» и «королевских слуг», поддержанных массой королевских крестьян и одной из соперничавших друг с другом фракций крупных светских феодалов. Эндре II был вынужден издать в 1222 и 1231 гг. «Золотые буллы» (грамоты, скрепленные золотой печатью). Эти акты, во многом схожие с английской Великой хартией вольностей 1215 г., зафиксировали сложившиеся привилегии различных слоев господствующего класса, а также позицию королевской власти по отношению к этим слоям. Изложенные в этих документах нормы феодального права действовали несколько столетий. Политику королевской власти по отношению к мелким и средним феодалам выражали ее обязательства не жаловать магнатам целые округа замков, платить «королевским слугам» за их участие в заграничных походах, ограждать мелких феодалов от произвола магнатов. Всем магнатам король гарантировал сохранение их привилегированного положения — освобождение от налогов, личную неприкосновенность, решающую роль в провинциальном управлении, а также предоставил им так называемое «право сопротивления» королю, если он нарушит закрепленные в буллах привилегии. Король должен был ежегодно созывать собрание из представителей знати. Булла 1231 г. особо зафиксировала привилегии церковных феодалов.

Рост могущества светских и духовных феодалов привел к середине XIII в. к феодальной анархии в королевстве.

Внешняя политика Венгрии

С самого начала существования королевства Венгрии ему пришлось вести долгую и упорную борьбу с Германской империей. В 1030 г. Иштван I отразил нападение германского императора Конрада II. С этого времени короли Венгрии не без оснований видели в империи главного противника. Опасность со стороны империи обусловила стремление поддерживать дружеские, добрососедские отношения с Киевской Русью. Так продолжалось до конца XI в. Разбив в 1091 г. вторгшихся в страну половцев, Венгрия внесла свой вклад в защиту народов Европы от восточных кочевников. Начиная с середины XII в. Венгрии приходилось считаться с опасностью, исходившей от австрийских маркграфов и герцогов Бабенбергов. Внутриклассовые и династические распри осложняли также борьбу Венгрии и против другого могущественного противника — византийского императора Мануила I Комнина (50—60-е годы XII в.). Королевская власть стремилась расширить источники своих доходов путем приобретения соседних территорий. В 1089 г. Ласло I (1077—1095) захватил Славонию; в 1105 г. Кальман (1095—1116) завершил подчинение Хорватии, феодалы которой признали сюзеренитет короля Венгрии и согласились с личной унией королевств Венгрии и Хорватии; он также распространил свою власть на торговые города Далмации, за которыми взамен уплаты денежной дани в размере трети доходов была сохранена их автономия. Короли Венгрии предпринимали также, правда неудачные, попытки подчинить себе Галицко-Волынскую Русь.

Тяжелое испытание выпало на долю народов Венгрии в 1241 — 1242 гг., когда им пришлось пережить ужасы монголо-татарского нашествия. Монголы вторглись в королевство в марте 1241 г. тремя колоннами, главную из которых возглавлял хан Бату. В условиях магнатского засилья и сокращения королевского домена король Бела IV (1235—1270) не располагал достаточными для отпора врагу военными силами. Собранное им войско было разбито на реке Шайо. Сам Бела бежал сначала к австрийскому герцогу, а затем в Далматинское побережье. Ни папа, ни австрийский герцог не оказали Венгрии помощи. Однако, дойдя до Адриатики, монгольское войско неожиданно ушло в русские

земли (лето 1241 г.). Героическая борьба народов Руси, оттянувшая силы монголо-татар, спасла Венгрию от длительного порабощения.

Феодальная анархия

Завершение складывания феодальных отношений в XIII в. привело к ослаблению центральной власти и подъему отдельных магнатских родов. Начинают создаваться крупные территориальные владения нескольких семейств светских магнатов: в Задунайской области — рода графов Неметуйвари (Хенрикфи), в северо-западных землях (на территории совр. Словакии) — рода Чаков, в восточных и северо-восточных — родов Аба и Борша. Каждый из этих магнатских домов, ве считаясь с королем, проводил самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, содержал собственное войско, основу которого составляли мелкие дворяне — так называемые фамилиары. Фактической самостоятельностью пользовались в своих имениях и церковные феодалы. Попытки короля Ласло IV (1272—1290) опереться в борьбе против магнатов на поселившихся в Венгрии половцев не увенчались успехом. В 1279 г. Ласло IV был захвачен магнатами в плен, а в 1280 г. они разгромили половцев.

Наивысшего развития феодальная анархия достигла в правление последнего короля из династии Арпадов — Эндре III (1290—1301) и во время последующего междоусобицы (1301—1308), когда происходила борьба за венгерский престол между представителями иноземных династий. В обстановке феодальной анархии особенно сильный урон терпело крестьянское хозяйство.

Крестьянство и крестьянские движения в XII-XV вв.

В XIV в. в королевстве Венгрии заметен рост производительных сил. Ведущей отраслью сельского хозяйства к тому времени окончательно стало земледелие. Показателем его прогресса было появление трехполья. Продолжали развиваться животноводство, рыболовство, виноградарство. Продукты сельского хозяйства частично шли на продажу в развивавшиеся города и даже в соседние страны — Чехию, австрийские земли, Польшу. Это оказало влияние и на характер феодальной ренты в XIV—XV вв. В 1351 г. законом закреплялось взимание новой натуральной повинности — десятины. Владельцы отдельных имений все больше использовали барщину. Одновременно ухудшалось и правовое положение крестьян. Если с середины XIII в. до начала XIV в. крестьянство фактически осуществляло право свободного перехода от одного землевладельца к другому, то в первое десятилетие XIV в. был принят закон, по которому переход ставился в зависимость от разрешения прежнего владельца. Многие крупные феодалы в XV в. получали от королей право высшей юрисдикции в отношении населения их имений — «право меча».

Рост феодальной эксплуатации и несправедливости вызвал усиление классовой борьбы, которая проявлялась в форме вооруженных выступлений отдельных общин против феодалов, побегов, отказа от уплаты церковной десятины. В 30-е годы XV в. в Венгрии получил широкое распространение гусизм. Кульминационным пунктом обострения классовой борьбы явилось восстание влашских (восточнороманских) и венгерских крестьян восточных (Трансильвания) и северо-восточных областей королевства (1437—1438). Его идеологической основой было учение таборитов — представителей революционного, крестьянско-плебейского крыла гусизма. В горах северных областей королевства (совр. Словакия) действовали во второй половине XV в. отряды таборитов во главе с Петром Аксамитом.

Развитие городов и горного дела

В XIII в. в королевстве Венгрии появляются города — центры ремесла и торговли, поселения ремесленников и торговцев, оторвавшихся от земледельческого труда и освободившихся от феодальной зависимости. Короли даровали многим поселениям ремесленников и торговцев городские привилегии. Наиболее крупными городами были Буда, Пешт, Эстергом, Дьер, Шопроп, Секешфехервар, Пожонь (совр. Братислава), Коложвар (совр. Клуж). Наряду с городами в королевстве Венгрии было множество местечек, так называемых «сельских городов». Это большие села, среди жителей которых имелись ремесленники, сбывавшие свою продукцию на местном рынке. Такие поселения не пользовались городскими привилегиями и находились под властью отдельных феодалов. Большие сдвиги в развитии городского ремесла произошли в XIV в. В 70-е годы оформляются цехи, объединявшие ремесленников отдельных специальностей. В это время существовало около 25 видов ремесел, охваченных цеховой организацией.

Города в королевстве Венгрии были средоточием социальных и этнических противоречий. В целом горожане, как и во многих других странах Европы, противостояли феодалам, поддерживая королей в их борьбе против феодальной анархии. Власть в городах находилась в руках отдельных патрицианских семей и часто передавалась по наследству. В состав патрициата входили городские земельные собственники, наиболее богатые торговцы и ростовщики. Для городов королевства характерна в это время феодализация городской верхушки: многие представители торгового и ростовщического капитала превращались в феодалов-землевладельцев. Большинство патрициата в городах Венгрии составляли немцы, которые в значительном количестве переселялись сюда со времени возникновения городов. Им короли оказывали особое покровительство. Однако в течение XIV—XV вв. росла сила купцов и ростовщиков — венгров, претендовавших на власть в городе. Массу же ремесленников все более пополняли венгры.

Поэтому острая борьба между патрициатом и массой горожан осложнялась этническими противоречиями. Так, вспыхнувшее в 1439 г. восстание горожан Буды проходило под лозунгом уничтожения немецкого засилья.

Складывание сословно-представительной монархии

В XIV—XV вв. в Венгрии происходит бурное развитие горного дела, в частности, растет добыча драгоценных металлов и меди. Этому способствовали мероприятия королевской власти, заинтересованной в увеличении доходов от развития горных промыслов. Король Карл Роберт (1308—1342) в 1327 г. осуществил горную реформу, ограничившую права феодалов, на земле которых велись горные разработки. Усиление классовой борьбы, а также рост городов и экономических связей внутри страны создали к началу XIV в. предпосылки для некоторого усиления центральной власти. К этому времени в стране сложились основные феодальные сословия. В ликвидации феодальной анархии были заинтересованы мелкие и средние феодалы, городское сословие, а также церковь, владения которой страдали от усобиц. Утвердившийся у власти Карл Роберт (из неаполитанской ветви французского Анжуйского дома) повел решительную борьбу с политической независимостью магнатских фамилий, в которой его поддерживали все социальные слои, заинтересованные в прекращении усобиц. Начался процесс складывания сословно-представительной монархии. С 1351 г. наряду с магнатами в государственных собраниях начали принимать участие представители мелкого и среднего дворянства, а с 1405 г. — и городов. Однако успехи централизации до второй половины XV в. оставались непрочными. Особенностью политического развития королевства Венгрии в XIV — начале XV в. являлось сохранение значительного влияния магнатов и слабость королевской власти. Объясняется это относительно недостаточным развитием городов и экономической слабостью мелких и средних феодалов, а также наличием института фамилиаритета — зависимости в хозяйственном отношении массы дворян-фамилиаров (хотя они являлись вассалами короля) от отдельных магнатов. После временного укрепления позиций

королевской власти при Карле Роберте и Лайоше I (1342—1382) в начале XV в. снова наступает пора политического засилья магнатов. Первая половина правления короля Жигмонда (1387—1437) была временем наиболее острой междоусобной борьбы магнатских союзов — лиг, которая осложнялась вмешательством иноземных претендентов на венгерский престол — Карла Неаполитанского и его сына Владислава. Король оказался игрушкой в руках борющихся феодальных клик и вынужден был делать все новые и новые уступки той группе магнатов, которая в данный момент поддерживала его. Все это происходило в условиях возраставшей угрозы турецкого завоевания.

В 1396 г. турки разбили возглавлявшееся королем Жигмондом крестоносное ополчение, собранное из разных стран. Эта неудача, а также поражения под Варной (1444) и на Косовом поле (1448) были закономерны, так как даже перед лицом турецкой угрозы укрепление центральной власти оказалось объективно невозможным. Внешнеполитическая опасность сама по себе не могла привести к усилению центральной власти, пока для этого не было внутренних условий. Эти условия появились в королевстве Венгрии лишь к середине XV в. в связи с дальнейшим ростом экономического и политического значения мелкого и среднего дворянства и горожан. Опираясь на эти элементы, выдающийся полководец, магнат Янош Хуньяди, род которого происходил из Валахии, избранный государственным собранием в качестве правителя (1446—1458), добился ликвидации баронских лиг, сконцентрировал в своих руках королевские доходы и провел постановление об участии мелких и средних феодалов в выборах короля. С 1453 г. магнаты и дворяне в государственном собрании стали утверждать решения короля о взимании налога. Это были важные шаги в укреплении центральной власти и в развитии сословно-представительной монархии. Не замедлили сказаться их внешнеполитические последствия: 22 июля 1456 г. войско ополченцев, основную массу которых составляли крестьяне и низшие слои горожан, разбило турок у Белграда. Турецкое продвижение в Центральную Европу было приостановлено на семьдесят лет.

Сословно-представительная монархия еще более укрепилась в правление короля Матьяша Хуньяди (Корвина) (1458—1490). Этому королю, в частности, удалось создать сильную постоянную армию из наемников («черное войско»), что значительно упрочило его власть (до этого военные силы страны составлялись из отрядов отдельных магнатов — бандерий). При Матьяше Хуньяди завершилось оформление основных центральных правительственных учреждений и значительно укрепилось внешнеполитическое положение королевства Венгрии. Пользуясь спокойствием на границах с турецкими владениями, Матьяш захватил у своих западных соседей Моравию, Силезию, Верхнюю и Нижнюю Австрию и Штирию.

Глава 16

ВАЛАХИЯ, МОЛДАВИЯ И ТРАНСИЛЬВАНИЯ ДО КОНЦА XV в.

На земли в долинах Карпатских гор и обширные территории к югу от них, до среднего течения Дуная, которые в значительной части входили в состав древней Дакии, после падения в III в. римского владычества не раз устремлялись племена готов, гуннов, гепидов и авар; они отчасти оседали в этих местах, отчасти продвигались на запад. В VI—VII в. здесь появились и прочно осели славяне, смешавшись в дальнейшем с местным населением, основу которого составляли потомки романизованных даков. О тех далеких временах напоминают славянские названия рек и гор, орудий труда и других предметов. От славян местное население и получило имя «волохи», которое впервые упоминается в русской летописи «Повесть временных лет». Согласно этой летописи, «волохи» вместе со

славянами жили в конце IX в. на территории, занимаемой ныне Социалистической Республикой Румынией. Волохи, или влахи, говорили на так называемой народной латыни — разговорном языке римлян, который был воспринят дакийскими племенами еще во времена римского господства. Этот язык и стал основой современного румынского языка.

Возникновение и развитие феодальных отношений на территории Валахии, Молдавии и Трансильвании

В период VI—VIII вв. в сложном процессе ассимиляции местным населением многочисленных этнических элементов, в том числе и славянских, формировались народности будущих валахов и молдаван. После крушения рабовладельческой Римской империи и славянских вторжений VI—XII вв. у местных дакийских и славянских племен начался процесс феодализации. Так как основу этого процесса, даже в областях бывшей Римской Дакии, составляло постепенное разложение первобытнообщинного строя при незначительном воздействии остатков римских рабовладельческих отношений, то процесс этот сначала шел сравнительно медленно.

Становление феодальных отношений было значительно ускорено в IX — начале X в. в результате укрепления связей валашских, трансильванских и молдавских земель с более феодализованными южнославянскими и восточнославянскими государствами. В этот период территория между Дунаем и Южными Карпатами находилась в подчинении у Первого Болгарского царства. Болгарские феодалы захватывали общинные земли, а свободных общинников превращали в зависимых, а затем в крепостных крестьян. В конце IX—X вв. и особенно после принятия в 865 г. христианства населением валашских, трансильванских и западной части молдавских земель, подвластных в то время болгарам, здесь выросли монастыри, которые также захватывали общинные земли. Одновременно в X—XI вв. возник ряд небольших феодальных владений, называвшихся кнезатами. Во главе кнезата стоял князь, владевший обширными землями и пользовавшийся военной, судебной и административной властью. Несколько кнезатов составляли воеводство во главе с воеводой, или господарем.

Складывание феодальных отношений на территории современной Румынии происходило под большим влиянием феодальных отношений, развивавшихся на Руси, с которой народы, населявшие эти территории, было тесно связаны. В восточной части этих земель рядом с валахами и молдаванами проживали восточнославянские племена — уличи и тиверцы. После того как в той части молдавских земель, которая не подчинялась болгарам, одновременно с Древнерусским государством было принято христианство (989), здесь, а также на территории Валахии и Трансильвании славянский язык стал (вплоть до середины XVIII в.) языком официальной переписки и церкви, подобно латинскому языку в Западной Европе.

Валахия, Молдавия и Трансильвания в XI—XIII вв.

Довольно длительное время в X—XI вв. молдавские и часть валашских земель находились под властью киевских князей. В 1116 г. сюда посылал своих наместников киевский князь Владимир Мономах. В XII в. эти земли входили в состав Галицкого княжества. Благодаря тесным связям с Древнерусским государством на молдавских землях возникали торгово-ремесленные центры — города Романов торг (Роман), Сочава (Сучава), Серет, Байя, Малый Галич (Галац), Берлад (Бырлад), Яський торг (Яссы), — через которые проходили торговые пути в Византию и другие страны. В XI—XIII вв. города возникали и развивались также в Валахии: Арджеш, Тырговиште, Кымпулунг и в Трансильвании: Клуж, Алба Юлия, Орада Маре, Сибиу и др.

В процессе развития феодальных отношений постепенно складывались народности валахов и молдаван. Однако процесс этот затянулся в связи с большой пестротой

этнического состава в западномолдавских и валашских землях и с постоянными внешними вторжениями. Мелкие государства, существовавшие на этих землях, экономически были слабо связаны между собой. Налаживанию связей мешали постоянные войны, набеги венгров. Территорию современной Румынии опустошали с XI в. печенеги, а с XII в. — половцы (куманы). Наконец, экономика и культура этого довольно высокоразвитого края были сильно подорваны монголо-татарским нашествием 1241 г. После двух лет грабежей и насилий основная масса монголо-татар отошла на восток, однако значительные их силы остались в молдавских землях, и около столетия эта область испытывала все ужасы Монголо-татарского ига. Валашские земли также подверглись нашествию, но после отхода монголо-татар они оказались в более выгодном положении. Здесь сложились довольно благоприятные экономические и политические условия для объединения мелких князатов и воеводств в более крупное княжество.

Образование княжеств Цара Ромыняска (Валахия) и Молдавия

В начале XIV в. ряд разрозненных воеводств к югу от Карпат до Дуная объединился в одно государство со столицей в Кымпулунге. Как сообщает венгерская хроника, в 1324 г. великим воеводой этого государства был Басараб I, а само государство стало называться Цара Ромыняска, т. е. Румынская страна. Другое название этого княжества, распространенное в исторической литературе, — Валахия.

С самого начала основания Цары Ромыняски ей угрожали западные соседи — венгерские феодалы. Только с помощью Болгарии и Сербии, связи с которыми усилились при сыне Басараба I Николае-Алексадре (1352—1364), Царе Ромыняске удалось противостоять венгерским феодалам и особенно католической церкви.

Молдавские земли до середины XIV в. оставались под властью Золотой Орды. Затем они на короткое время попали в зависимость от Венгерского королевства. Однако стремление венгерских феодалов полностью подчинить себе молдавские земли встретило единодушное сопротивление населения. Против гнета венгерских феодалов восстали крестьяне, которых возглавил боярин Богдан. В 1359 г. восставшие изгнали из Байи венгерского воеводу Балка и провозгласили независимость Молдавии. Однако полную самостоятельность Молдавии сохранить не удалось. Сын Богдана Лацку (1365—1373) вынужден был стать вассалом польского короля, принять католичество и основать в новой столице Молдавии — Серете католическое епископство. Католицизм не пустил глубоких корней на молдавской земле, так как основная масса народа, в том числе и многие бояре, придерживались православия и выступали против венгерских и польских феодалов. В этом их поддерживала Цара Ромыняска, связи с которой стали особенно крепкими в конце XIV в. при валашском государе Мирче Старом (1386—1418).

Экономическое и социальное развитие Валахии и Молдавии. Крестьянские движения

Несмотря на опустошения, причиненные татаро-монгольским нашествием Валахии и особенно Молдавии, в XIV—XV вв. в обоих княжествах наблюдался значительный экономический подъем. Развивалось и совершенствовалось земледелие, в частности виноградарство и садоводство, развивалось также скотоводство, делало успехи ремесло, росли старые и возникали новые города, расширялась внутренняя торговля, укрепляющая связи внутри обоих княжеств, а с XIV—XV вв. — и внешняя торговля (с Польшей, Германией, Византией). Международное значение получил так называемый Молдавский торговый путь из Кракова через Львов и Сучаву к побережью Черного моря, по которому шла транзитная торговля восточными товарами. Доходы от ремесла и торговли давали молдавским и валашским государям значительные дополнительные ресурсы, что способствовало укреплению центральной власти.

К началу XIV в. в Молдавии и Валахии феодальный строй достиг полного развития. Вся земля находилась в руках феодалов, высший слой которых составляли бояре, а низший — мелкие служилые люди — куртени. И те и другие считались непосредственными вассалами господарей. Значительная часть крестьянства была закрепощена. Крепостные крестьяне платили натуральный оброк и отбывали барщину в вотчинах — «баштинах» феодалов. Если до XIV в. основную массу крестьянства в обоих княжествах составляли свободные крестьяне (кнези, мошнены), то в XIV в. число их заметно сократилось. Феодалы захватывали общинные земли. Господари щедро раздавали им иммунитетные грамоты, изымавшие их владения из-под власти господарских должностных лиц (привилегии, называвшиеся в Молдавии и Валахии «слобозия», или «тарханство»).

В XV в. процесс закрепощения крестьян почти завершился. Одновременно по мере усиления крепостного гнета росло сопротивление крестьянских масс, принимавшее подчас форму восстаний. Волна крестьянских восстаний прокатилась в середине XIV в. по Трансильвании. Они продолжались и позже. В 1408 г. восстали крестьяне Ти-мишоары. В 1434—1435 гг. происходили восстания крестьян областей Фагараша и Марамуреша. В 1437 г. крестьянское восстание охватило всю Трансильванию и Северо-Восточную Венгрию. Центром его стала деревня Альпарет у подножья горы Бобыльна. Крестьяне захватывали города и замки и одержали не одну победу над дворянским ополчением. Феодалы были вынуждены принять требования крестьян о свободе перехода от одного феодала к другому после уплаты установленных платежей. Крестьяне требовали также некоторых политических прав. Венгерские и немецкие феодалы (в Трансильвании было много немецких феодалов-колонистов) заключили с восставшими перемирие, чтобы выиграть время, и стали готовиться к наступлению. Однако осенью 1437 г. они потерпели новое поражение. Только к концу 1438 г., разбив один за другим отряды крестьянского войска, единство которого постепенно ослабевало, трансильванским феодалам удалось подавить восстание.

Большое крестьянское восстание происходило в 1490—1492 гг. в северной части Молдавии. 10-тысячная крестьянская армия во главе со своим вождем Мухой двинулась из Молдавии в Галицкую землю, убивая молдавских бояр и польских панов, сжигая их усадьбы. Восстание было подавлено объединенными силами польского короля и рыцарей Тевтонского ордена.

Организация феодального государства в Валахии, Молдавии и Трансильвании

В течение XIV и XV вв. в Валахии и Молдавии укреплялась центральная княжеская власть. В этот период в обоих государствах был реорганизован государственный аппарат, усилена княжеская армия, построены новые города и крепости. Во главе каждого из княжеств стоял господарь, власть которого формально ничем не ограничивалась. Однако в действительности в своей внутренней и внешней политике валахские и молдавские господа вынуждены были считаться с волей бояр. В руках крупнейших феодалов — «великих бояр» — находились высшие правительственные органы и должности. Им подчинялись «малые бояре», ведавшие местным управлением. Не получая вознаграждения за службу, все эти должностные лица жили за счет населения.

Борьба Цары Ромыняеки и Молдавии против Османской империи, польских и венгерских феодалов

Трансильвания с XI в. находилась под властью Венгрии. Власть венгерского короля в Трансильвании была значительно ограничена в пользу крупных феодалов и католической церкви еще со времени «Золотой буллы» 1222 г. В XIV—XV вв. привилегии феодалов еще более расширились. Власть наместника венгерского короля — трансильванского воеводы — существенно ограничивалась дворянским сеймом. Значительная часть феодалов и

городской патрициат в Трансильвании состояли из венгров и немцев, пользовавшихся привилегиями. Иным было положение валахов (валахов), которые составляли основную массу крестьянства и оказались на положении угнетенной народности; их представители не участвовали в управлении страной. Некоторое усиление центральной власти, достигнутое в XIV—XV вв. в Царе Ромыняске и в Молдавии, позволило этим княжествам упорно сопротивляться многочисленным внешним врагам, в частности такому мощному противнику, как турки-османы. Разгромив в 1389 г. на Косовом поле сербские войска, турки вышли на левый берег Дуная и двинулись на север. Однако войска валашского господаря Мирчи, который заключил с венгерским королем Жигмондом Люксембургом договор, одержали в 1394 г. серьезную победу над турками в битве при Рови-не. И хотя вскоре под давлением превосходящих турецких сил, на короткое время занявших Цару Ромыняску, Мирче все же пришлось стать вассалом турецкого султана, борьба против турок не прекратилась. В 1444 г. валашские войска участвовали в битве под Варной на стороне трансильванского воеводы Яноша Хуньяди. Позднее при господаре Владе Цепеше (1456—1462) валашские войска нанесли туркам ряд поражений.

В более сложных условиях разрывалась борьба молдавского княжества за свою независимость. Кроме турок, Молдавии угрожали венгерский король с запада, польский — с севера. Положение осложнялось еще и тем, что после смерти Александра Доброго (1400—1432), укрепившего княжескую власть, в Молдавии долгое время шла борьба за престол между различными боярскими группировками. Она прекратилась только тогда, когда Стефан III (1457—1504), опираясь на служилое дворянство, городское население и свободных крестьян, сломил сопротивление «великих бояр» и добился почти неограниченной власти в молдавском княжестве. Будучи искусным дипломатом, Стефан III заключал союзы то с одним, то с другим своим противником и достиг значительных дипломатических и военных успехов. Заключив союз с Польшей, он в 1467 г. разгромил у Байи вторгшуюся в Молдавию армию венгерского короля Матьяша Хуньяди (Корвина) и вынудил его заключить мир. Это дало ему возможность сосредоточить силы против турок, которые в 1474 г. вторглись в молдавские земли. В 1475 г. 120-тысячная турецкая армия Мехмеда II, втрое превосходившая армию Стефана III, потерпела поражение в битве у Васлуя. И хотя вскоре турки взяли реванш в битве при Валя Алба, в том же году молдавское войско, состоявшее в основном из крепостных крестьян, вновь нанесло ряд поражений армии турецкого султана.

Силы, однако, были неравными. Многочисленные турецкие набеги, захват турками в 1484 г. южных крепостей — Килии и Белгорода — ослабили Молдавское княжество. К тому же в 1489 г. польский король Казимир IV нарушил ранее заключенный договор о союзе против турок и стал готовиться к нападению на Молдавию. Все это заставило Стефана III заключить с турками мир, по которому он обязался выплачивать им ежегодно 4 тыс. дукатов. Одновременно он подтвердил свой союз с венгерским королем. К этому же времени относится упрочение связей Стефана III с Москвой. Все эти шаги создали условия для отпора угрожавшим Молдавии польским феодалам. В 1497 г. польская армия под руководством Яна I Альбрехта была разбита в Козьминском лесу (у нынешнего города Черновцы). В 1499 г. был заключен новый мир между Молдавией и Польшей.

Глава 17

ВИЗАНТИЯ В XI-XV вв.

§ 1. ВИЗАНТИЯ В XI-XII вв.

Феодальная вотчина в конце XI—XII в.

Формирование основных институтов феодального общества завершилось в Византии в конце XI — начале XII в. В это время в главных чертах сложилась феодальная вотчина и значительная масса свободного ранее крестьянства была превращена в феодально зависимых держателей. Отражая интересы феодалов, центральная власть предоставляла им все более широкие привилегии. Они получали «экскуссию» — полное или частичное освобождение от налогов и изъятие их земель из-под контроля чиновников казначейства. При этом сбор налогов не прекращался, но их собирал в свою пользу в пределах своих владений сам вотчинник. Иногда он осуществлял и право суда на этой территории. Государство официально закрепляло сложившееся положение, выдавая феодалам грамоты с правом сбора судебных пошлин (исключая случаи особо серьезных преступлений) и таким образом предоставляя феодалам судебные права. Складывался иммунитет феодального поместья, во многом сходный с западноевропейским.

В Византии в этот период не было крепостного права. Домен императора и земли казначейства были достаточно обширны, но значительная их часть не культивировалась, а те, которые были обработаны, быстро сокращались в результате пожалований. Доходы с этих владений не могли стать главным источником силы императорской власти. Основные средства государства по-прежнему слагались из налогов со свободного крестьянства и париков тех феодалов, которые не имели полной экскуссии. Поэтому центральная власть не была заинтересована в прикреплении этих париков к земле вотчинников.

Сдерживая децентрализаторские тенденции феодалов и стремясь «привязать» их к трону, императоры стали жаловать им доходы с определенной территории, населенной свободными крестьянами, а затем и сами эти территории при условии несения службы в пользу государства. В XI в. эти пожалования — пронии — состояли в передаче в управление светским лицам государственных земель, а в XII в. прения стала превращаться в подобие западноевропейского бенефиция, предоставляемого пожизненно при условии выполнения преимущественно военной службы. Но вскоре прения обнаружила тенденцию к превращению в наследственное владение. Зародившись как средство упрочения центральной власти, она стала средством усиления феодалов, способствующим феодальному раздроблению страны.

И обычные вотчинники, и прониары имели собственные военные отряды, доходящие иногда до тысячи воинов. Они имели свой суд, свою тюрьму, телохранителей и многочисленную челядь; часть своих воинов они наделяли деревнями, и эти мелкие феодалы несли своим сеньорам военную службу. Так в Византии проявилась тенденция к созданию феодальной иерархии, сходной с западноевропейской.

Феодальный город в XI—XII вв.

Начавшийся в IX в. подъем ремесла и торговли привел в XI—XII вв. к расцвету провинциальных городов. Укреплялись экономические связи внутри небольших районов. Ярмарки и рынки возникали не только в городах, но и близ крупных монастырей и светских вотчин, увеличивавших производство продуктов на продажу.

В отличие от западных византийские города не принадлежали отдельным феодалам; они находились под властью государства, которое поэтому не искало союза с горожанами. Так как с упадком свободного крестьянства доходы от налогов с горожан приобретали все большее значение, то правительство не давало городам никаких привилегий; и хотя торгово-ремесленная верхушка городов, как и на западе, пыталась отстаивать свои интересы, государство активно противодействовало ее стремлению самостоятельно управлять жизнью города. Властвовал в городе назначенный императором стратиг, войска которого нередко состояли из наемников.

В таких условиях феодалы укрепляли свои позиции в городе. Они приобретали здесь дома, подворья, склады, лавки, причалы, суда и сами, без посредничества местных купцов, продавали продукты своих вотчин. С конца XI в. императоры стали широко прибегать к военной помощи итальянских республик (Венеции, Генуи, Пизы), предоставляя им за это многочисленные привилегии и прежде всего право беспошлинной торговли в наиболее крупных городах империи. Феодалы развернули широкую оптовую торговлю с иноземцами, которые платили дороже, чем местные купцы, вынужденные вносить высокие пошлины и налоги в казну.

Таким образом, горожанам пришлось вести борьбу не непосредственно с феодалами, а с государством. Поставленные в крайне невыгодные условия, византийские города не могли выдержать конкуренции с иноземцами. В конце XII в. симптомы надвигавшегося упадка были в провинциальных городах еще довольно слабыми, но в столице они быстро прогрессировали уже с начала XII в. Консервативная система управления ремесленными и торговыми корпорациями, мелочная опека со стороны государства, высокие налоги — все это препятствовало росту городского ремесла и торговли, приходивших постепенно в упадок. Итальянские торговцы все в большем количестве привозили иноземные ремесленные изделия, которые были дешевле византийских, а скоро превзошли их и по качеству.

Внешняя политика империи при Комнинах

Вступление на престол Алексея I Комнина (1081—1118) означало победу землевладельческой феодальной знати над чиновной аристократией. Положение империи было крайне тяжелым. Турки-сельджуки отняли у Византии почти всю Малую Азию. Норманы, завоевав последние владения империи в Италии, высадились в 1081 г. на Адриатическом побережье и захватили важный стратегический пункт — Диррахий (Драч). Они разграбили Эпир, Македонию и Фессалию. В борьбе с норманами Алексей Комнин терпел поражения. Лишь в 1085 г., призвав на помощь Венецию, за что венецианское купечество получило большие торговые привилегии, император добился ухода норманов с Балканского полуострова.

Но тогда же возникла еще более серьезная опасность. Печенеги, ранее совершавшие кратковременные набеги и обычно возвращавшиеся за Дунай, стали зимовать в пределах империи. Поход против них Алексея завершился полным разгромом его армии. Печенегам помогали половцы, полчища которых также вторглись в империю. Турки вступили в переговоры с печенегами о совместных действиях против Константинополя. Отчаявшийся император обратился на Запад с просьбой о военной помощи. Ему удалось столкнуть половцев и печенегов. Весной 1091 г.; печенежская орда была почти полностью уничтожена. С помощью дипломатии Алексей во время Первого крестового похода вернул Никею, а затем, используя победы западноевропейских рыцарей и междоусобия турок-сельджуков, отвоевал весь северо-запад Малой Азии и южное побережье Черного моря. Положение империи значительно укрепилось. Глава Антиохийского крестоносного княжества Боэмунд Тарентский признал себя вассалом Византии.

В 1122 г. новые полчища печенегов разорили Фракию и Македонию, но Иоанну II Комнину (1118—1143) удалось разгромить кочевников. К этому времени венецианское купечество прочно обосновалось в Константинополе и других городах Византии. Попытка лишить венецианцев невыгодных для империи привилегий была неудачной. Венецианский флот опустошил острова и побережье и вынудил императора подтвердить льготы, данные им Алексеем I. Главная опасность угрожала Византии с Востока. В борьбе с турками-сельджуками империя отвоевала южное побережье Малоазийского полуострова, но войны с крестоносцами за Сирию и Палестину лишь ослабили страну. Только в Северной Сирии империя сохраняла сильные позиции.

С середины XII в. центр тяжести византийской внешней политики был перенесен в Европу. Империя отражала новое нашествие сицилийских норманов на Адриатическое побережье, остров Корфу, Коринф, Фивы и острова Эгейского моря. Попытка Мануила I Комнина (1143—1180) перенести войну с норманами в Италию кончилась поражением. Однако Мануилу удалось утвердить свою власть в Сербии, вернуть Далмацию и поставить Венгрию в вассальную зависимость от Византии. Но силы империи были истощены. В 1176 г. Мануил был наголову разгромлен при Мириокефале турками-сельджуками Иконийского (Румского) султаната (Малая Азия). Империя была вынуждена на всех своих границах перейти к обороне.

В конце XII в. положение внутри империи было крайне неустойчивым: шла острая борьба за власть, сопровождавшаяся частыми дворцовыми переворотами.

После смерти Мануила I власть попала в руки придворной камарильи во главе с регентшей малолетнего Алексея II — Марией Антиохийской. Новые правители расхищали казну, открыто покровительствовали итальянцам, у которых искали поддержки. Столица кипела от негодования.

В 1182 г. восставший народ обратил в руины богатые итальянские («латинские») кварталы Константинополя. Воспользовавшись народным восстанием, власть захватил представитель боковой линии Комнинов — Андроник I Комнин (1183—1185).

В борьбе с крупными феодалами, вопреки воле которых он пришел к власти, Андроник стремился опереться на мелких землевладельцев и получить поддержку купечества. Он отменил береговое право, по которому крупные феодалы могли захватывать груз кораблей, терпящих бедствие у берегов их владений. Для пресечения произвола чиновников был упорядочен сбор налогов. Запрещалась продажа должностей. Современники говорят о заметном оживлении ремесла и торговли в это время и о некотором улучшении в положении крестьянства.

Но реформы Андроника оставили неприкосновенной всю сложившуюся систему феодального государства. Налоги оставались по-прежнему очень высокими. Чтобы чиновники прекратили вымогательство, им было установлено непомерно высокое жалованье. Итальянцы не были изгнаны. Восстановлены были даже отмененные Мануилом в 1171 г. привилегии венецианцев. Константинопольское купечество выражало недовольство; столичная аристократия и провинциальная знать поднимали против императора восстание за восстанием. Андроник ответил неслыханным террором — начались массовые казни. Враждовавшие группировки крупных феодалов объединились против императора. Они призвали на помощь сицилийского короля. В 1185 г. сицилийские норманы взяли Фессалонику и опустошили ее. Против Андроника был составлен заговор. Его схватили, подвергли истязаниям и казнили.

Власть захватил Исаак II Ангел (1185—1195). При нем были отменены все нововведения Андроника. Конфискованные владения крупной знати были возвращены. Щедро раздавались в пронию остатки земель со свободным населением. Налоговый гнет возрос еще более. Император расточал казну на пиры и увеселения. Процветало взяточничество. Империя теряла одну область за другой. Еще в 1183 г. венгры захватили Далмацию, в 1184 г. отошел Кипр, в 1185 г. освободилась Северная Болгария, и в 1187 г. независимость Болгарского государства была признана Византией.

В середине 90-х годов крупнейшие феодалы Македонии отказались повиноваться императору. В 1190 г. Византия должна была признать независимость и Сербского государства, сложившегося еще в X в. и с начала XI та. находившегося в зависимости от Византии. Объявил себя самостоятельным Трапезунд. Вновь разгорелись феодальные смуты. Исаак II был свергнут и ослеплен своим братом Алексеем III (1195-1203).

§ 2. ВИЗАНТИЯ В XIII—XV вв.

Классовая борьба. Еретические движения

Крестьянские антифеодалные выступления конца XI—XII в. отличались возросшим размахом и остротой, особенно в тех районах, где сохранялось свободное крестьянство. В последней четверти XI в. в европейских провинциях империи, особенно во Фракии и Македонии, оживилось павликианское движение; его центром был Филиппополь. Еретическое движение переросло здесь в 80-е годы XI в. в открытое восстание. Свободные крестьяне-павликиане, служившие в византийской армии, отказались повиноваться. Они изгнали правительственных чиновников и более года не признавали власти императора. Высланная против них армия была разбита. Второе восстание они подняли в начале XII в. Алексею Комнину удалось хитростью захватить предводителей павликиан и обезоружить их главные силы. Имущество участников восстания было конфисковано, а они переселены в новые места.

Одновременно усилилось влияние богомилства. (Название ереси, как полагают, происходит от имени священника Богомила, или Богумила, возглавившего в X в. первую богомилскую общину в Болгарии. Существует и другая версия, согласно которой название «богомилы» истолковывается как «милые» (угодные) богу»). Учение богомилов, родственное учению павликиан, также выражало социальный протест закрепощаемых крестьянских масс и городской бедноты против феодальной эксплуатации, против гнета церкви и государства. Богомилы не признавали догматов официального православия, церковной иерархии и обрядов. Их доктрина была построена на дуалистической основе. Богомилы считали весь материальный мир творением дьявола.

В человеке и во всем мире они видели борьбу материального (злого) и духовного (добра) начала и вели строгую аскетическую жизнь в борьбе со злом, рассеиваемым повсюду дьяволом. Они призывали не повиноваться властям и не трудиться на господ. Богомилы подверглись жестокому преследованию. Ересиарх Василий и его ученики были схвачены, и глава богомилов около 1111 г. был публично сожжен в Константинополе.

В XII в. вспыхивали одно за другим крестьянские восстания в Малой Азии. Чрезвычайно накаленной была обстановка и в городах, особенно в Константинополе. Горожане столицы поднимали восстания в 1181, 1182, 1185 и 1186 гг., однако все они кончались поражением. У повстанцев не было ни союзников, ни ясной цели, ни понимания обстановки. Столичная аристократия ловко маневрировала в критические моменты, искусно направляя гнев народа против иноземцев.

Основной удар приходился на итальянские кварталы столицы. Участников восстаний подвергали репрессиям. Реакция углублялась. Таково было положение империи перед появлением флота крестоносцев — участников Четвертого крестового похода под стенами Константинополя.

Четвертый крестовый поход и Латинская империя

В самом начале XIII в. ослабленная внутренней борьбой Византия стала легкой добычей крестоносцев. Венеция, Германская империя и папство, направившие Четвертый крестовый поход к стенам Константинополя, нанесли удар Византийской империи, в результате которого она временно прекратила свое существование. После разгрома Константинополя крестоносцами начался распад империи, подготовленный всем ходом ее социально-экономического и политического развития. Раздираемая феодальными усобицами, провинция не пришла на помощь Константинополю и вскоре сама стала жертвой завоевателей. На развалинах Византии в 1204 г. возникло новое, искусственно созданное государство — Латинская империя (названная так в отличие от греческой империи — Византии) во главе с избранным крестоносцами императором Балдуином Фландрским (1204—1205). Патриарший престол занял ставленник Венеции католический

прелат Томазо Морозини, и православная церковь в Латинской империи должна была признать главенство римского папы.

Овладев Константинополем, победители мечтали о создании огромного государства, включавшего не только все владения Византии, но также и земли балканских славян. Этим замыслам, однако, не суждено было сбыться. Западноевропейским феодалам, правда, удалось захватить Фракию, Македонию, часть Фессалии, восточную половину Средней Греции, Пелопоннес, острова Эгейского и Ионического морей и некоторые опорные пункты в северо-западной части Малой Азии, но распространить свою власть на весь Балканский полуостров и на всю Малую Азию они не смогли. Местное славянское и греческое население Балкан оказало рыцарям упорное сопротивление. Борьбу возглавил болгарский царь Калоян, войска которого нанесли крестоносцам сокрушительное поражение в 1205 г. под Адрианополем. Неудача постигла крестоносцев и в Малой Азии. Там и на Балканах возникли независимые государства: Никейская империя (в северо-западной части Малой Азии с центрами Никея, Нимфей, Смирна), Трапезундская империя (на южном побережье Черного моря) и Эпирский деспотат, занявший территорию от Коринфского залива до Диррахия (Драча).

Латинская империя представляла собой непрочное объединение феодальных владений западноевропейских баронов; крупнейшими из них были: Фессалоникское королевство в Македонии и Фессалии, Ахейское (Морейское) княжество в Пелопоннесе, Афино-Фиванское герцогство в Средней Греции. Крупнейшие торговые центры достались венецианцам. В их руки перешли Адрианополь, порты на Мраморном море — Редесто, Галлиполи, в Пелопоннесе — Корон и Мо-дон, острова Эгейского моря, остров Крит, торговые кварталы Константинополя. В Латинской империи господствовала феодальная раздробленность: она была поделена на феодальные лены, была введена сложнейшая система вассалитета. Вместе с тем усилилась феодальная зависимость крестьян. Византийские феодалы, перешедшие на сторону завоевателей, сохранили свои владения. В результате завоевания Византии западноевропейскими феодалами складывавшиеся здесь феодальные институты получили более законченную форму.

Латинское завоевание привело к экономическому упадку Византии, в частности многих цветущих городов. Большое недовольство православного населения вызвало то, что завоеватели ввели богослужение по католическому обряду и совершенно не считались с верованиями и обычаями греков. Греческие государства — Никейская империя и Эпирский деспотат, а также Болгария — стали центрами сопротивления завоевателям. Более сильной и экономически устойчивой оказалась Никейская империя. Энергичному никейскому императору Иоанну III Ватацу (1222—1254) удалось укрепить государство, обуздать своеволие феодалов, создать сильную армию. Он вытеснил латинских рыцарей из Малой Азии, а затем подчинил Фракию и превратил эпирский деспотат в своего вассала.

Главной силой в борьбе против господства латинян были народные массы. Усилились патриотические настроения и среди части феодалов. Это и было использовано никейскими императорами, чтобы добиться освобождения Византии от иноземного ига.

Восстановление Византийской империи

В 1261 г. в результате длительной борьбы греческого народа за свою независимость пала эфемерная Латинская империя, и на ее развалинах вновь возродилось Византийское государство. Последний никейский правитель Михаил VIII Палеолог (1259—1282), ловкий и гибкий политик, сумел объединить всех противников латинских баронов и венецианских купцов. В борьбе с Латинской империей он привлек на свою сторону генуэзцев, но поддержка генуэзского флота была куплена ценой предоставления им торговых привилегий, которыми пользовались раньше венецианцы. В 1261 г. войска Михаила Палеолога при помощи генуэзцев и населения Константинополя овладели столицей. Византийская империя была восстановлена, а на императорском престоле в лице Михаила

VIII укрепились династия Палеологов, правившая Византийским государством с некоторыми перерывами вплоть до конца его существования (1261—1453).

Восстановленная Византийская империя была, однако, лишь тенью некогда могущественного и обширного государства; территория ее сократилась в несколько раз. Теперь она включала только северо-запад Малой Азии, часть Фракии и Македонии, Фессалонику, некоторые острова Архипелага и ряд опорных пунктов в Пелопоннесе (Мистра, Монемвасия, Майна). Трапезундская империя и Эпирский деспотат сохранили самостоятельность. Византийскую империю при Палеологах со всех сторон теснили враги: с востока — турки, с севера — сербы и болгары; на западе в период правления Михаила Палеолога появился новый враг — неаполитано-сицилийский король Карл Анжуйский; венецианцы занимали часть островов Архипелага, генуэзцы — ряд важных опорных пунктов на Черном море, латинские рыцари еще удерживали свои владения в Пелопоннесе и Средней Греции.

Поздневизантийский феодализм (XIII — первая половина XV в.) и его особенности

Последние два с половиной века существования Византии являются периодом господства феодальных отношений. Завершается процесс превращения свободных крестьян в феодально зависимых. Крестьянам-парикам запрещается свободный переход с земель одного феодала во владения другого. Предписания правительства не разрешают феодалам принимать беглых париков и требуют возвращать их прежним хозяевам. Владения, пожалованные на основе прении, полностью превращаются из условных держаний, ограниченных определенным сроком, в наследственные вотчины, подобные западноевропейским феодам, или ленам. В окончательном оформлении феодальной зависимости крестьян значительную роль сыграла экскуссия. Из права сбора налогов с определенной территории она превратилась теперь в иммунитетные пожалования, гарантировавшие феодалам широкие судебные и административные права по отношению к зависимому от них населению.

Формы зависимости крестьян в поздневизантийское время были разнообразны. Наряду с основной категорией зависимых крестьян — наследственных держателей (париков), источники часто упоминают «чужаков», или «свободных» (элеветеры). Последние тоже находились в поземельной зависимости, но назывались «свободными» потому, что еще не были включены в податные списки и не платили податей государству. Обычно элеветеры по истечении некоторого времени переводились феодалами на положение париков. Некоторая часть зависимого крестьянства находилась на положении дворовых, живущих в усадьбе феодала. Часть домениальных земель сдавалась феодалами в аренду крестьянам-издольщикам за определенную долю урожая. Основная часть ренты крестьян состояла из так называемого подворного» — преимущественно денежного — платежа. В добавление к нему уплачивались оброки натурой, главным образом хлебом и вином. Парики отбывали также барщину (пахотную и подводную), правда, незначительную: в одних областях империи 12 дней в году, в других — 1 день в неделю. Помимо этого феодалы взимали многочисленные дополнительные сборы — десятину со скота, платежи за пользование пастбищами, за рыбную ловлю и охоту, за пользование господской мельницей, прессами для получения масла и вина (аналогично западноевропейским баналитетам), судебные и рыночные пошлины и всевозможные экстраординарные поборы. На крестьян ложилось и бремя государственных повинностей — обязанность строить укрепления и военные корабли и др., а также поборы в пользу церкви. В XIV—XV вв. феодальная рента росла, особенно за счет увеличения различных дополнительных платежей.

В Византии XIII—XIV вв. сохранялась, правда уже немногочисленная, прослойка свободного крестьянства, главным образом в горных районах Малой Азии, Пелопоннеса и Эпира. Там сильны были пережитки общинных порядков, например община у живших в

Пелопоннесе славян. Поздневизантийская община, за редким исключением, была уже не свободной, а подчиненной феодалу крепостной общиной.

Появление элементов разложения феодального хозяйства в Византии

В XIV—XV вв. в экономике Византии все более-значительную роль стали играть товарно-денежные отношения. В деревне развивается производство хлеба и других продуктов на рынок устанавливаются связи с внешним рынком. Города Фессалоника, Родесто, Монемвасия стали в XIV в. довольно крупными центрами хлебной торговли. Следствием развития товарно-денежных отношений была частичная замена натуральных повинностей крестьян денежными платежами, усиливавшая имущественную дифференциацию крестьянства. В деревне образуется зажиточная прослойка, вместе с тем часть крестьян разоряется и превращается в бедняков. В документах XIV—XV вв. часто упоминаются так называемые активомы — неимущие. Из их среды иногда выходили наемные работники — мистии, все чаще привлекавшиеся для обработки значительных по размерам домовладческих земель феодалов. Барщина крепостных и труд дворовых крестьян с XIV в. играют уже сравнительно небольшую роль в домениальном хозяйстве.

Разорению крестьянства способствовало также ростовщичество, о развитии которого в XIV—XV вв. свидетельствовали многие современники, называвшие ростовщиков «дикими зверями», «обращающими соплеменников в рабство». Особенно беспощадными ростовщиками в Византии были монастыри.

Византийский город в XIII-XV вв.

Развитие товарно-денежных связей и рост имущественной дифференциации крестьянства вели к появлению элементов разложения феодального строя. В византийской деревне XIV—XV вв. по сравнению со странами Западной Европы оно шло замедленными темпами. Для Византии XIII—XV вв. характерен все возрастающий упадок городской жизни. Исключение составляли лишь некоторые города, ставшие центрами хлебной торговли. Тяжелый удар экономике византийского города нанесло латинское завоевание, наводнившее Византию итальянскими купцами и собственниками ремесленных мастерских. Их конкуренция, а также развитие ростовщительства в городах способствовали обеднению и разорению широких слоев местных византийских ремесленников, пополнявших ряды городского плебса.

С XIV в. в результате недальновидной политики феодальных правителей империи значительная часть внешней торговли государства сосредоточилась в руках генуэзских, венецианских, пизанских и других западноевропейских купцов. Торговые фактории Венеции находились в важнейших пунктах империи — в Фессалонике, в Адрианополе, почти во всех городах Пелопоннеса, на островах Эвбее, Крите, Кипре. Генуэзцы, укрепившись на берегах Босфора, распространяли свое влияние на берега Черного моря. В XIV—XV вв. на Черном и Эгейском морях господствовали корабли генуэзцев и венецианцев. Некогда могущественный флот Византии пришел в упадок.

Все эти причины обусловили упадок экономики Византии в XIV—XV вв., хотя Константинополь и продолжал играть роль крупного торгового центра, а в руках византийских купцов еще сохранялись значительные богатства.

Народные движения в XIII—XIV вв. Восстание зилотов

Усиление феодальной эксплуатации вызывало сопротивление народных масс. В стране вспыхивают крестьянские восстания. Самым крупным из них было восстание в 1262 г. вифинских акритов — пограничных военных поселенцев в Малой Азии. К восставшим акритам присоединились свободные крестьяне, жившие в горах Вифинии близ Никеи.

Наивно веря в доброго «крестьянского» царя, восставшие объявили Михаила Палеолога узурпатором и провозгласили императором некоего мальчика под именем Иоанна, считая его законным наследником никейских императоров. Правительственные войска, двинутые против восставших, понесли тяжелые потери, и восстание удалось подавить лишь подкупив обещаниями зажиточную часть восставших.

В XIV в. классовая борьба народных масс Византии приобретает новые черты: народные движения в деревне и городе часто объединяются в единые выступления против феодалов и правительства. Ярким примером выступлений такого типа явились восстания, охватившие в 40-х годах XIV в. почти всю Фракию и Македонию. Народное движение вспыхнуло в обстановке кровопролитной борьбы за престол двух кланов феодальной знати. Одна из них поддерживала представителя правившей династии Иоанна V Палеолога, другая провозгласила императором ставленника провинциальной феодальной знати Иоанна VI Кантакузина. Движение началось в 1341 г. в Адрианополе. Ремесленная беднота города совместно с крестьянами окрестных деревень подняла восстание против знати — крупных феодалов-динатов, поддерживавших Кантакузина. Во главе восстания стоял Вран, по свидетельству современников, «человек из народа, землекоп, едва добывающий средства к жизни». Одержав победу, восставшие беспощадно расправились с ненавистными динатами. Восстание в Адрианополе нашло широкий отклик в других городах и селениях Фракии и Македонии.

С особой силой народное движение развернулось в крупнейшем городе Македонии — Фессалонике — в следующем, 1342 г. Зилоты («ревнители»), возглавившие восстание, захватили власть в городе, и провозгласили Фессалонику независимой республикой. В этом восстании первоначально приняли участие разнородные социальные элементы — плебейские массы города, поддержанные крестьянством окрестных деревень, торгово-ремесленная верхушка, боровшаяся против власти динатов, и даже мелкие феодалы, примкнувшие к движению в расчете на то, что они смогут поживиться за счет конфискованных у знати земель. Пестрота социального состава вскоре сказалась на ходе восстания. Напуганные радикальными требованиями зилотов и размахом народного движения, торгово-ремесленная верхушка Фессалоники и мелкие феодалы пошли на тайное соглашение со знатью и составили в 1345 г. заговор против зилотов. Однако заговор был раскрыт, и вновь поднявшие оружие народные массы выступили против заговорщиков под руководством своих вождей Андрея Палеолога и Георгия Кокала. Вся полнота власти перешла в руки зилотов.

В упорных боях отстаивали зилоты независимость своей республики вплоть до 1349 г. За время своего правления они осуществили ряд радикальных мер: конфискацию земель и имущества церковей, монастырей и крупных светских феодалов в Фессалонике и ее округе, раздачу их беднейшему крестьянству и городскому плебсу. Зилоты отменили также налоговые льготы монастырей и светских феодалов и облегчили налоговое бремя народа. Были аннулированы все долги бедняков ростовщикам. В некоторых случаях зилоты освобождали крестьян от крепостной зависимости. Были проведены и политические реформы. Все граждане города получили возможность участвовать в народных собраниях и выбирать должностных лиц. Особенно резко выступали зилоты против привилегий церкви. Они отняли у ее представителей все административные и судебные функции, запретили взимать плату за исполнение религиозных обрядов. Под влиянием еретических учений в религиозную программу зилотов были включены требования отказа церкви от богатств и упрощения обрядности.

Против республики зилотов объединились все силы феодальной реакции. Феодалы не колеблясь обратились за помощью к опаснейшему врагу Византии — туркам. Несмотря на героическое сопротивление, Фессалоника пала под ударами объединенных сил ее врагов. В 1349 г. это крупнейшее народное движение в Византии было подавлено. Последствием

разгрома зилотов и полной победы феодалов явилось торжество феодальных кланов в Византийском государстве, которые неуклонно вели страну к гибели.

Турецкие завоевания на Балканах

Византийское государство в XIV — начале XV в. переживало глубокий упадок. Постоянные феодальные междоусобицы и борьба за престол, ослабление центральной власти, разорение народа, расстройство финансов и ослабление армии — таково было внутреннее положение империи. Резко ухудшилось и ее внешнеполитическое положение.

С конца XIII в. самым опасным врагом Византии становятся турки-османы, которые начали вытеснять ее из Малой Азии. Взятием Никеи в 1331 г. было завершено завоевание турками малоазийских владений Византии. В 1352 г. турки захватили на европейском берегу Дарданелл важный опорный пункт — крепость Цимпе, а в 1354 г. — город Галлиполи. Воспользовавшись внутренним упадком Византийского государства, турки приступили к завоеванию его европейских областей. В 1363 г. султан Мурад I взял Адрианополь и перенес сюда свою столицу. Затем турки разгромили сербов на Косовом поле (1389) и подчинили себе Болгарское (Тырновское) царство (1393). К концу XIV в. территория Византии была сведена к Константинополю с очень небольшим количеством ближайших восточно-фракийских городов. В нее входили также несколько островов Эгейского моря, Фессалоника и Пелопоннес, фактически отрезанные турецкими владениями от столицы. Византийская империя стала вассалом османских турок. Императоры должны были платить большую дань и являться в армию султана во время походов.

Но даже и в этих условиях смертельной опасности, нависшей над Византией, продолжалась и даже усилилась борьба между различными группами византийских феодалов. Среди них отчетливо наметились три основных течения: латинофильское, ортодоксально-православное и туркофильское. Латинофилы, выражавшие интересы части феодальной знати, имевшей экономические и политические связи с Западом, считали, что сохранить феодальную Византию можно только с помощью Запада. Для этой цели необходимо добиваться помощи от него ценой уступок католичество. Программа латинофилов была не только антипатриотичной, но и нереалистичной, ибо западноевропейские феодалы и папство отнюдь не хотели «спасать» Византию, а, наоборот, мечтали восстановить там свое владычество. Однако и православное течение не смогло сплотить народные массы для отпора турецким завоевателям. Вождями его были церковные иерархи и часть придворной знати, а основным ядром — многочисленное монашество. Под покровом борьбы за «чистоту отеческой веры» скрывалось только одно — нежелание делить свои доходы и ренты с кем бы то ни было. Никакой реальной программы борьбы представители православного течения не выдвинули. Открыто ренегатским было туркофильское течение, которое поддерживали как отдельные группы феодалов, так и часть купечества, откровенно пренебрегавшие родиной ради спасения своих богатств и привилегий.

Борьба с турками-османами. Падение Константинополя

Турецкая угроза нависла над столицей империи — Константинополем. Ослабленные Сербия и Болгария не могли оказать серьезного сопротивления туркам. С начала XV в. вокруг Константинополя смыкалось кольцо турецких владений.

Гибель Византии была отсрочена на полстолетия лишь потому, что в 1402 г. Османская держава потерпела под Анкарой страшное поражение от войск Тимура. Вспыхнувшая в Турции вооруженная борьба за трон между сыновьями султана Баязида и крестьянские восстания в Анатолии (1415—1418) на некоторое время отвлекли внимание турок от Византии. Но уже в 1422 г. турки пытались взять штурмом Константинополь.

Султан Мурад II снял осаду только потому, что в Малой Азии вновь начался мятеж османской знати. Византия вынуждена была уступить туркам целый ряд городов в Македонии и Фракии и сохранила за собой лишь жалкие остатки владений. В 1430 г. турки овладели крупнейшим экономическим центром Византии — Фессалоникой.

В этой обстановке византийское правительство решило любой ценой получить помощь Запада. В 1439 г. на Феррарско-Флорентийском церковном соборе была заключена уния между католической и православной церквями на условии признания главенства папского престола. Купленная такой ценой уния никакой реальной помощи Византии не принесла. Более того, она вызвала недовольство и обострение политической борьбы в самой Византии, что помешало сплочению сил для защиты от турок. «Объединительная комедия» нужна была папству лишь для подчинения себе православных церквей, в первую очередь русской и константинопольской, для укрепления своей супрематии в церковной иерархии. Несмотря на сговор верхов, уния с католической церковью была отвергнута византийским народом и потерпела полный провал.

Летом 1452 г. турки начали непосредственную подготовку к захвату Константинополя. Они организовали блокаду, отрезав его от внешнего мира. Весной 1453 г. султан Мехмед II с большими силами осадил византийскую столицу. Под стенами Константинополя собралась 200-тысячная турецкая армия, снабженная превосходной для того времени артиллерией, а многочисленный турецкий флот закрыл подступы к городу с моря. По словам византийского историка Дуки, на одного защитника стен приходилось до 20 осаждающих. Кроме того, внутри города продолжались распри между политическими партиями, ослаблявшие его оборону. Близорукая политика правительства, боявшегося народа и возлагавшего главные надежды на иноземных наемников (генуэзцев, французов, испанцев, немцев и др.), привела к тому, что лишь сравнительно небольшая часть греков приняла участие в последнем сражении. Защита наиболее важных укреплений была поручена наемникам. Правители генуэзской колонии Галаты, расположенной на северном берегу залива Золотой Рог, еще до осады вступили в переговоры с Мехмедом II и тайно оказывали помощь турецким войскам.

Несмотря на героическое сопротивление защитников, Константинополь 29 мая 1453 г. был взят штурмом и подвергнут трехдневному разграблению. Последний византийский император Константин XI Палеолог (1449—1453), был убит в сражении. Большинство жителей города было перебито или обращено в рабство. Великолепные храмы и дворцы были разграблены и сожжены, а многие прекрасные памятники искусства уничтожены.

С падением Константинополя прекратила свое существование и Византийская империя. В Константинополь, переименованный в Стамбул, была перенесена столица Османской империи. Вслед за Константинополем турки захватили и другие области бывшего Византийского государства в Средней Греции и Пелопоннесе, а в 1461 г. — и Трапезунд, столицу Трапезундской империи.

Причины падения Византийской империи и его последствия

Византия пала под ударами чужеземного нашествия. Однако ее гибель была обусловлена не одним только внешним завоеванием, но и внутренними причинами. Главнейшие из них — экономический упадок Византии и прежде всего упадок ее ремесла и торговли (что было связано в значительной степени с проникновением в империю чужеземных купцов и предпринимателей, подорвавших ее экономику), бедственное положение крестьянства и народных масс города, обострение классовых противоречий в византийском обществе и борьбы внутри господствующего класса, бесконечные феодальные усобицы и предательская политика значительной части феодальной знати. Способствовала гибели Византии также своекорыстная политика папства и западноевропейских государств, оставивших Византию без помощи перед лицом турецкой опасности.

Турецкое завоевание Византии, славянских и других государств Балканского полуострова принесло неисчислимые бедствия народам, населявшим эти страны, и имело глубоко отрицательные последствия для их судеб. Оно надолго задержало дальнейшее экономическое развитие стран Юго-Восточной Европы, привело к упадку и разрушению их производительных сил, задушило те ростки новых производственных отношений, которые уже начинали там пробиваться.

Вместе с установлением турецкого господства началась длительная упорная борьба славянских и других народов Балканского полуострова против иноземного ига.

Окончательное утверждение турок на Балканах создало угрозу для европейских государств, не ослабевавшую на протяжении ряда следующих столетий. Папство и западноевропейские феодалы должны были расплачиваться за свою близорукую политику по отношению к Византии: в руки турок попали важнейшие торговые пути в Черное море, на Ближний и Дальний Восток, что нанесло сильнейший удар европейской торговле с Востоком.

Глава 18

ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. НАРОДНЫЕ ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Социальная роль христианской религии и церкви в феодальном обществе

Христианство стояло у колыбели феодального общества как сложившаяся религиозная идеология. Уже в последние столетия существования Римской империи оно из религии угнетенных превратилось в орудие порабощения трудовых масс в руках господствующего класса рабовладельцев.

Христианская проповедь внушала трудящимся мистическую веру в то, что справедливость и добро, которые не могут осуществиться в земном мире, восторжествуют в загробном царстве для всех последователей новой религии. Фантастической идеей о равенстве всех людей перед богом христианство стремилось прикрыть зияющую пропасть социальных противоречий реального существования. Религиозным утешением «страждущих и обремененных» оно стреми-лось потушить социальный протест эксплуатируемых, обещая им воздаяние за страдания в «потусторонней жизни». Благодаря этой своей социальной и идеологической функции христианство смогло пережить крушение рабовладельческого строя и оставалось важным средством духовного порабощения трудящихся и в феодальном обществе.

Господствующий класс этого общества, приспособляя христианство к условиям нового феодального строя на протяжении всего средневековья, стремился всемерно укреплять церковь в экономическом, политическом и идейном отношении. Церковь и обслуживающее ее духовенство стали частью феодальной системы, ее важнейшей идеологической опорой. Христианская религия в Западной Европе — католицизм — в средние века являлась господствующей формой идеологии. Она доминировала во всех областях общественной, идейной, культурной жизни, подчинила себе мораль, науку, культуру, образование, облекла в свои формы и пронизала все стороны средневекового мировоззрения.

Исключительно большая роль религии и церкви в феодальную эпоху, их сильнейшее воздействие на умы людей определялись тем, что мировоззрение средневекового человека

было по преимуществу теологическим. Представления всех людей в ту эпоху, независимо от их социальной принадлежности, были пронизаны религиозным духом.

Идейные основы средневекового христианства

Христианское вероучение возникло из борьбы и вместе с тем из взаимного влияния множества философских и религиозных течений, среди которых особое значение имели идеи иудейского философа — неоплатоника Филона из Александрии и римского стоика Сенеки. Однако в дальнейшем философские основы христианства, хотя и сильно упрощенные, обросли плотной тканью более примитивных религиозных представлений, приспособленных к пониманию «варваров», наводнивших Западную Римскую империю.

Основы феодально-церковного мировоззрения средних веков были заложены на рубеже IV и V вв. епископом города Гиппона (Северная Африка) Августином (354—430). К догматическим положениям христианства, в основном утвержденным на Никейском и Константинопольском церковных соборах в 325 и 381 гг., он добавил разработанное им учение «о единоспасающей роли церкви». Августин вел ожесточенную борьбу против различных еретических течений, догматически обосновал право частной собственности, объявил богатство и бедность «божественным установлением». В своем главном сочинении «О государстве божьем» («De civitate Dei») Августин дал христианское представление о мировой истории. Согласно его концепции, «земному государству» — миру (*civitas terrena*), которое является порождением дьявола, противостоит, хотя и сплетаясь с ним в реальной жизни, «государство божие» (*civitas Dei*). Представителем последнего является церковь; ее задача — одолеть «царство дьявола» путем распространения христианской веры, искоренения ересей и обращения в «истинную веру» всего человечества. Августин считал, что история развивается по божественному плану и, в конечном счете, по восходящей линии — к блаженному состоянию человечества.

Провиденциализм в истории, выдвинутый Августином, послужил теоретической основой всей церковной исторической литературы средневековья. Объявляя нехристиан и еретиков жертвами дьявола, Августин проповедовал необходимость не только убеждать, но и принуждать их к принятию учения церкви. Он разработал также положение, согласно которому церковь является единственной хранительницей «божественной благодати», с помощью которой она может дать людям искупление грехов и тем даровать им «вечное спасение». Это учение поднимало общее значение церкви и догматически обосновывало глубокое различие между духовенством и массой верующих, которое особенно характерно для западной христианской церкви средних веков.

Вместе с тем в теологических и философско-исторических воззрениях Августина было много противоречий. Этим объясняется то, что на некоторые его положения пытались опираться и сторонники враждебных официальной церкви взглядов, в частности Виклиф, Ян Гус и др.

Укрепление экономической базы церкви и ее феодализация в VI—XI вв.

Церкви не только удалось сохранить свои владения и имущество во время варварских нашествий и революционных восстаний, но и значительно умножить свои богатства. Она активно содействовала процессу феодализации и играла в нем немалую роль. Уже в раннее средневековье в большинстве стран Западной Европы в руках монастырей, епископов, соборных капитулов была сосредоточена значительная часть земельной площади; церковь жестоко эксплуатировала труд зависимых крестьян. Церковные феодалы занимали видное место в складывающейся феодальной иерархии. Являясь вассалами королей и других светских государей, сами они имели многочисленных не только духовных, но и светских вассалов. Крупные церковные феодалы располагали широкими иммунитетными правами. Большое значение в укреплении экономического и

социального влияния церкви имели монастыри. Основанный около 529 г. Бенедиктом Нурсийским монастырь Монтекассино (Италия) положил начало первому монашескому ордену — ордену бенедиктинцев. Его устав широко использовался при дальнейшей организации раннесредневековых монастырей, большинство которых принадлежало к бенедиктинскому ордену. Монастыри и епископские владения уже в VII—VIII вв. обычно были средоточием экономической жизни — рядом с ними устраивались ярмарки, на принадлежащих им землях трудом зависимых крестьян — колонов и сервов — велось обширное хозяйство. Обогащаясь, они еще шире развертывали свою хозяйственную деятельность, округляя владения за счет разоряющихся общинников, а также за счет освоения, конечно с помощью своих крестьян, лесов, болот и пустошей. Наиболее крупные и богатые монастыри (аббатства) оказывали влияние и на политическую жизнь стран Западной Европы.

Церковь все более приобретала характер мощной централизованной и вместе с тем иерархической организации. Низшей ячейкой церковной организации на Западе и на Востоке был приход во главе с приходским священником (пресвитером). Пресвитеры входили в состав иерархии, возглавляемой епископом. Епископ, ставший единоличным главой «общины верующих» каждой епархии, приобретал в церкви особое значение. Ряд епархий объединялся в митрополию, во главе которой стоял митрополит на Востоке и архиепископ на Западе. На Востоке еще в V в. возникли церковные объединения более высокой ступени — патриаршества (в Константинополе, Александрии, Антиохии и Иерусалиме). На Западе равное с патриархами признание (а затем и более высокое, чем они) получил римский епископ — папа.

Большое значение приобрели в управлении церковью соборы (съезды) епископов. На местные (или поместные) соборы собирались епископы отдельной провинции или нескольких провинций; «вселенские соборы объединяли всех епископов церкви, на них решались вопросы догматики, культа, организации церкви (до IX в. они созывались византийским императором).

Большую роль в усилении церкви в Западной Европе сыграло возникновение папства. В конце IV — начале V в. римские епископы присвоили себе исключительное право называться папой, т. е. главой церкви. Свои претензии на верховенство в церкви папы основывали на том, что являются «преемниками апостола Петра», который, согласно легенде, был первым епископом — наместником Христа в Риме. Используя отсутствие на Западе, в частности в Италии, сильной светской власти, папы в V—VI вв. быстро возвысились, став фактически светскими правителями римской епархии. С ростом церковного землевладения в странах Западной Европы в распоряжение папы «тали поступать различные платежи с земель церкви. Совокупность земель, находившихся в руках папы, стала рассматриваться как «вотчина Св. Петра» («patrimonium S. Petri»), а он сам — как их верховный сеньор. Организация церкви все более приобретала феодально-иерархическую структуру; во главе ее стоял папа, а на самых низших ее ступенях — приходское духовенство. К концу VI в. папство в Западной Европе стало выдвигать претензии на полное верховенство в христианской церкви. Папа Григорий I (590—604) энергично выступил против константинопольского патриарха, отрицая за ним право на титул «вселенского» владыки.

Союз между церковью и государством

Эти домогательства папства, а также притязания пап на политическое влияние в Италии и остальной Западной Европе наталкивались на сопротивление и внутри церкви, и со стороны светских государей. И в этот, и в более поздний период им приходилось считаться с византийскими императорами и с константинопольским патриархом, с лангобардскими королями, позже с Франкской, еще позднее — с Германской империями.

Однако в целом между церковью и государством в Западной Европе в период раннего средневековья существовал тесный союз. Церковь выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя». В борьбе с врагами этого строя, так же как и с теми, кто в чем-либо посягал на авторитет церкви, она использовала тщательно разработанную систему церковных наказаний: «отлучение», которое ставило человека вне церкви; «интердикт», когда всякое отправление культа запрещалось на территории какой-либо области или даже целой страны; «анафема» — торжественное публичное предание проклятию; разного рода церковные покаяния и т. д. Все эти меры для суеверных людей того времени были не менее страшны и действенны, чем наказания, налагаемые светской властью. Лишение церковного покровительства, по представлениям той эпохи, отнимало у человека надежду на «спасение» и грозило адскими мучениями в потустороннем мире.

Раннефеодальное государство, в свою очередь, защищало и поддерживало интересы церкви. Пипин Короткий активно участвовал в создании Папского государства в Италии. Карл Великий узаконил церковную десятину (*decima*) как обязательную подать, которой облагалось все население. Основная Тяжесть ее падала на крестьянство, выплачивавшее десятину в трех видах: «большая десятina» — с зерна; «малая» — с овощей, плодов и домашней птицы; «десятina крови» — со скота.

Огромное влияние церкви в раннесредневековом обществе определялось не только ее богатствами и союзом с государством, а также той монополией, которой она пользовалась в интеллектуальной жизни общества. В руках церкви тогда были полностью сосредоточены элементарное школьное образование, литература, производство и переписка книг, от нее всецело зависели отбор и сохранение тех крайне урезанных элементов античной культурной традиции, в которых она нуждалась для осуществления своих идеологических целей. Преимущественно из рядов духовенства в то время выходили все сколько-нибудь образованные люди, поэты, писатели, историки, педагоги.

Восточная экспансия папства и разделение церквей

В середине IX в. при папе Николае I (858— 867) столкновения между западной и восточной церковью приобрели особую остроту. Территориальные домогательства папства и появление в Болгарии папских легатов вызвали конфликт между папой Николаем I и константинопольским патриархом Фотием. На созывавшихся обеими сторонами церковных соборах выявились догматические, канонические и обрядовые разногласия между восточной и западной церквями, сохранившиеся до нашего времени. На Западе считали, что «святой дух» исходит в равной степени от «бога-отца» и от «бога-сына» (латинское *filioque*), тогда как на Востоке признавалось исхождение «святого духа» только от «бога-отца». Западная церковь придерживалась учения о «сверхдолжных заслугах» святых перед богом, создавших якобы священный запас «благодати», за счет которого церковь по своему усмотрению может отпускать людям грехи и давать их душам «вечное спасение» и даже продавать грамоты о таком отпущении — индульгенции. На Востоке это учение отвергалось. Главные обрядовые расхождения заключались в том, что у католиков духовные лица причащались хлебом и вином, а миряне — только хлебом; у православных же все верующие без различия получали причастие и вином, и хлебом. На Западе крестное знамение совершалось пятью пальцами, на Востоке — тремя. В западной церкви служба повсюду велась только на латинском языке, в православной же — на местных языках. На Западе церковь требовала безбрачия от всех духовных лиц, на Востоке безбрачие требовалось только от монахов. Западная церковь в отличие от византийской не допускала выхода из духовного звания, запрещала мирянам читать и толковать Священное писание, утверждала первенство папы в христианской церкви и институт кардиналов, не признаваемый на Востоке.

Реальной основой непрекращавшихся споров между церквами были, однако, вовсе не догматические, канонические и обрядовые разногласия, а вполне реальные практические интересы. Папство усиленно стремилось расширить сферу своего религиозно-политического влияния на Восток. Восточная церковь этой экспансии решительно противилась.

В борьбе с восточной церковью папа Николай I впервые использовал сборник папских посланий, ложно приписанный епископу Исидору Севильскому (VI—VII вв.). Этот сборник («Лжеисидоровы декреталии») включал свыше ста вымышленных папских посланий, водложные документы о решениях церковных соборов, «Константинов дар» и другие фальшивки, целью которых было обоснование папского примата в церкви и миродержавных притязаний папства. С этих пор «Лжеисидоровы декреталии», позднее официально включенные в свод канонического права, стали общепризнанной в средние века основой папского владычества, пока в XV—XVI вв. не была доказана их подложность.

Летом 1054 г. присланные в Константинополь легаты папы Льва IX предали проклятию византийского патриарха Михаила Керуллария. Последний, в свою очередь, созвал церковный собор и проклял папских легатов. Так совершилось окончательное разделение ранее формально единой христианской церкви на западную — римско-католическую, и восточную — греко-католическую, или православную. Разделение церквей и дальнейшее развитие каждой из них определялось особенностями социально-политического развития Византии и западноевропейских стран. В Византии церковь была полностью подчинена императорской власти, на Западе она в ходе борьбы со светской властью отстаивала свою самостоятельность и долго сохраняла притязание на политическое верховенство.

Упадок папства в IX—XI вв. Клунийское движение

Со второй половины IX в. наступает почти двухсотлетний период упадка папства. После раздела Каролингской империи Италия оказалась политически раздробленной. Как феодальный государь папа являлся далеко не самым могущественным среди итальянских феодалов. Будучи не в состоянии подчинить их своему влиянию, он стал орудием, а иногда и жертвой в междоусобной борьбе различных феодальных группировок. Распад Франкской империи временно нарушил еще недостаточно укрепившиеся в предшествующий период связи папства с духовенством в других странах и областях Европы. Этим были отчасти подорваны общеевропейское влияние и финансовая база папства.

Пользуясь упадком папства, крупные феодалы перестали считаться с ним, захватывали принадлежавшие папам земли. После образования при Оттоне I так называемой Римской империи папский престол в течение почти столетия занимали ставленники германских императоров. На местах же церковь все более оказывалась в зависимости от отдельных светских правителей.

Упадок папства способствовал усилению власти епископов и архиепископов, которые превратились в феодальных князей, подчинявших общецерковные интересы своим политическим целям и стремлению к обогащению. Церковь все более «обмирщалась», все дальше отходила от идеала бедности и аскетизма, что подрывало ее авторитет и влияние на массы.

В связи с этим в среде монашества возникло движение, направленное на укрепление морального престижа церкви и ее самостоятельности по отношению к светским властям, на создание сильной церковной организации, в частности на усиление папской власти. Это движение в начале X в. возглавил монастырь Клуни (Французская Бургундия), вскоре ставший центром крупного объединения монастырей (к концу XII в. в клунийскую конгрегацию входило около 2 тыс. монастырей Франции, Германии, Италии, Англии и Испании). Клунийский аббат подчинялся непосредственно папе: строгий устав исключал подчинение монастырей не только светским властям, но и местным епископам. Он требовал от монахов строгого соблюдения обета безбрачия («целибата»). Клунийцы выступали

также против продажи церковных должностей («симония») и назначения епископов и аббатов светскими государями. Для успеха проповедей в монастырях создавались библиотеки и школы, проникнутые церковным духом. Монахам запрещалось заниматься физическим трудом.

Клюнийское движение использовалось также частью крупной феодальной знати как средство в борьбе против королевской власти и поддерживавших ее епископов, с одной стороны, и против народных выступлений и усиливавшихся в это время еретических движений — с другой. Многие феодальные сеньоры X—XI вв. щедро одаривали клюнийские монастыри землями, сами нередко уходили в эти монастыри и энергично поддерживали клюнийскую реформу.

В 1059 г. на Латеранском соборе в Риме один из главных вождей клюнийского движения монах Гильдебранд (впоследствии папа Григорий VII) добился решения о новом порядке выборов пап: папа должен был впредь избираться кардиналами без вмешательства императоров или других светских властей.

Став папой (1073—1085), Григорий VII в своем трактате «Диктат папы» развернул программу папской теократии, утверждая верховенство папской власти над властью светских государей. Всю свою деятельность этот решительный и непреклонный политик направил на осуществление своей программы. Он вел ожесточенную борьбу с германским королем (впоследствии императором) Генрихом IV, поводом для которой послужил спор из-за инвеституры. Ему принесли ленную присягу и отдали в качестве «дара св. Петру» свои земли нормандские герцоги Южной Италии. Того же он требовал от венгерского короля и английского короля Вильгельма Завоевателя. Схожую политику Григорий VII проводил в Испании и Чехии, Дании и Далмации, на Корсике и Сардинии. Воспользовавшись междоусобной борьбой сыновей русского великого князя Ярослава Мудрого, папа пообещал одному из них, Изяславу, свою помощь при условии, что он, став киевским князем, признает себя вассалом римского престола.

Григорий VII добился значительного укрепления авторитета папства и католической церкви. Однако его теократические идеи и планы создания универсальной папской монархии не были осуществлены. Его политика потерпела поражение во Франции и Англии, не увенчалась полным успехом и в Германии. В конце своей долгой борьбы с императором Генрихом IV папа вынужден был даже покинуть Рим и бежать на юг Италии, где и умер.

Социальные и политические предпосылки возвышения папства в XII—XIII вв.

В XII—XIII вв. происходит дальнейшее усиление влияния католической церкви и папства. Этот процесс был связан с тем, что в это время большинство стран Западной Европы переживало состояние феодальной раздробленности. При отсутствии сильных централизованных государств церковь, усилившая к этому времени свое могущество, оказалась на какое-то время единственной силой, авторитет которой признавался во всех странах. По словам Энгельса, в этот период католическая церковь была «крупным интернациональным центром феодальной системы».

Папство успешно использовало феодальную раздробленность в своих интересах. Главную его опору в отдельных странах Западной Европы составляли представители церковной иерархии, прежде всего епископы и монастыри, располагавшие обычно весьма широкими им-мунитетными привилегиями. Однако, являясь одновременно вассалами и короля своей страны, и папы как главы церкви и будучи зависимыми во многих отношениях от обоих, они в разные периоды занимали различные позиции. Многие из них поддерживали усиление центральной светской власти в своих странах и поэтому не сочувствовали крайним теократическим притязаниям папства; другие, напротив, рьяно проводили в своих странах папскую политику, препятствуя там усилению центральной власти и охотно поддерживая феодально-сепаратистские выступления.

Папство в XII—XIII вв. использовало для усиления своего влияния все важнейшие политические события времени. Оно выступало как организатор крестовых походов на Восток; придало Реконкисте в Испании религиозный характер «защиты христианского мира от неверных»; под лозунгом распространения христианства среди язычников церковь освящала грабительские походы немецких рыцарей против славянских и прибалтийских народов. Папство активно участвовало в подавлении народных антифеодальных движений и ересей. Политическое влияние церкви и ее главы — папы — опиралось также на финансовую мощь римской курии. Сюда из всех католических стран Европы стекались ежегодно значительные суммы денег — доходы от земельных владений церкви, от церковной десятины, от сборов на крестовые походы и другие церковные поборы. Располагая огромными средствами, нередко далеко превосходившими финансовые ресурсы светских государей Европы, папы имели возможность проводить активную внешнюю политику. Укреплению могущества церкви и папства в Западной Европе содействовало и то, что она продолжала сохранять власть над всей умственной и идейной жизнью общества.

В 1123 г. папа Каликст II после долгого перерыва созвал в Риме I Латеранский вселенский собор, утвердивший заключенный в 1122 г. Вормский конкордат. С тех пор такие соборы стали созываться регулярно.

XIII век был временем наивысшего могущества и международного влияния папства. Это проявилось уже во время понтификата (правления) папы Иннокентия III (1198—1216), который еще активнее, чем Григорий VII, отстаивал идею верховенства церковной власти над светской и выдвигал притязания на мировое господство. Он полностью восстановил свои владения в Папской области и значительно расширил ее границы; одно время он даже был правителем Сицилийского королевства. Он придал папской курии значение высшей судебной инстанции во всем католическом мире. Ему удалось добиться, что его вассалами признали себя английский король Иоанн Безземельный, короли арагонский и португальский. Иннокентий III и его преемники через своих легатов постоянно вмешивались во внутренние дела западноевропейских государств, претендуя на роль всеевропейского арбитра.

Для того чтобы пресечь длительную борьбу вокруг выборов папы, которые нередко затягивались на длительное время, II Лионским собором 1274 г. было установлено, что кардиналы, собравшиеся для избрания нового папы, должны находиться в полной изоляции от внешнего мира — «под ключом» (*cum clave*), отсюда выборная сессия кардиналов получила название «конклав». Если в течение трех дней кардиналы не закончили выборов, их питание должно быть ограничено одним блюдом к обеду и ужину. Еще через пять дней кардиналов оставляли только на хлебе и воде, и на все последующее время конклава они лишались доходов от своих церквей.

Папы стремились выставить себя в качестве борцов с «татарской опасностью», нависшей в середине XIII в. над Западной Европой, проведя на I Лионском соборе (1225) решение о необходимости общей борьбы с монголами. Однако в действительности папа не пытался возглавить борьбу европейских народов с этим нашествием. Он и его преемники лишь искали пути для переговоров с монгольскими ханами, рассчитывая с их помощью распространить католическое влияние на Руси.

Папа Бонифаций VIII (1294—1303), стремясь еще больше поднять престиж папства, организовал в 1300 г. празднование «юбилея церкви», по случаю которого объявил «отпущение грехов» всем присутствовавшим на этом празднестве и выпустил особые индульгенции — грамоты об отпущении грехов, которые продавались за деньги. С этого времени весьма доходная продажа индульгенций получила широкое распространение во всех католических странах.

Бонифаций VIII всеми силами стремился реализовать на практике реакционные идеи папской теократии. В 1302 г. он издал буллу «*Unam sanctam*», заключительное положение которой гласило: «Подчинение всякой твари человеческой римскому первосвященнику есть неременное условие спасения». Тем самым папская власть объявлялась высшей властью

на земле. Булла Бонифация VIII требовала признания папы заместителем бога на земле, объявляла власть светских государей зависимой от полномочий папы и провозглашала универсальную теократическую (точнее, иерократическую, т. е. управляемую духовенством) монархию. Но притязания Бонифация VIII, как и его предшественников — Григория VII и Иннокентия III, не могли быть осуществлены на практике, так как для этого не было ни экономических, ни политических предпосылок. Процесс государственной централизации осуществлялся в этот период королевской властью в рамках национальных государств — Франции, Англии и др. Папская политика оказалась в непримиримом противоречии с этим прогрессивным процессом. Ход исторического развития показал, что идея папского верховенства над светской властью всегда была не только крайне реакционной, но и утопичной.

Еретические движения средневековья

Важнейшую сторону папской политики составляла борьба с ересями. Ереси — религиозные учения, в той или иной степени отклоняющиеся от догматов официальной церкви. Ереси сопровождают христианство на всем протяжении его существования, начиная с первых его шагов как самостоятельной религии. Однако наибольший размах и значение еретические движения получили в эпоху феодализма.

Христианская религия в средневековой Западной Европе определяла не только мировоззрение класса феодалов, но как господствующая идеология — во многом и сознание народных масс. Их чувства, как писал Энгельс, «вскормлены были исключительно религиозной пищей». В этих условиях любое, даже враждебное официальной ортодоксии общественное учение и движение неизбежно должно было принять теологическую форму. Основой еретических движений был социальный протест против отдельных сторон феодального строя или феодализма в целом. Но поскольку католическая церковь теоретически обосновывала и утверждала существовавшие порядки, выступала в роли их «божественной санкции», постольку «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости».

В раннее средневековье, в условиях, когда феодальные отношения еще не сформировались, а феодальная эксплуатация и орудия ее осуществления (в том числе и католицизм как основная форма идеологического воздействия) еще не приняли всеобъемлющего характера, Западная Европа еще не знала массовых еретических движений. Но уже тогда имелась благоприятная почва для еретических учений.

На развитие ересей в Северной Италии и Южной Франции X—XI вв. большое влияние оказала также ересь богомилов.

Подъем еретического движения в Западной Европе в период развитого средневековья был, в первую очередь, связан с возникновением и ростом городов. Сословно неполноправное положение горожан в феодальном обществе, эксплуатация городских низов не только со стороны светских и церковных феодалов, но и со стороны городского купечества и патрициата, острота социальных противоречий, наконец, относительно (в сравнении с деревней) активная общественная жизнь делали города подлинными очагами ересей. Не случайно области наиболее раннего и бурного городского развития — Северная Италия, Южная Франция, Рейнская область, Фландрия, Северо-Восточная Франция, Южная Германия были одновременно и областями наиболее активного развития еретических движений.

Рост городов способствовал распространению ересей и в деревне. Развитие товарно-денежных отношений и связанное с этим ухудшение положения значительной части крестьянства создавали почву для вовлечения в еретические движения крестьянских масс. Антицерковные, еретические настроения усиливались тем, что церковные феодалы особенно рьяно препятствовали попыткам находившихся под их властью городов добиться самоуправления, личному освобождению крестьян в своих владениях. Религиозная оболочка пронизывала все формы общественного движения и классового сопротивления этой эпохи. «Революционная оппозиция феодализму, — писал Ф. Энгельс, — проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».

Социальная сущность и главные идеи средневековых ересей

По социальной направленности можно выделить два основных типа средневековых ересей — бюргерскую и крестьянско-плебейскую. Бюргерская ересь выражала протест горожан против феодальных оков, препятствовавших развитию городской экономики, и притеснений бюргерства со стороны феодального общества. Это направление Энгельс называл «официальной ересью средневековья». Именно к нему принадлежало большинство еретических движений XII—XIII вв. Требования таких ересей предусматривали ликвидацию особого положения духовенства, политических притязаний папства, земельных богатств церкви. Они стремились к упрощению и удешевлению обрядов и улучшению морального облика клира. Идеалом этих еретиков была раннехристианская «апостольская» церковь — простая, «дешевая» и «чистая». Ереси этого типа выступали только против «церковного феодализма» и не затрагивали основ феодального строя в целом. Поэтому к ним иногда примыкали целые группы феодалов, пытавшихся использовать бюргерскую ересь в своих интересах (ради секуляризации церковных имуществ или ограничения политического влияния папства). Так было в эпоху альбигойских войн в Южной Франции, гуситских войн в Чехии, во времена Виклифа в Англии.

Гораздо более радикальный характер имели крестьянско-плебейские ереси, отражавшие враждебное отношение обездоленных низов города и деревни не только к церкви и духовенству, но и к феодалам, богатому купечеству и городскому патрициату. Разделяя все религиозные требования бюргерской ереси, крестьянско-плебейская ересь требовала, кроме того, равенства между людьми. Из равенства перед богом выводилось гражданское равенство, отрицались тем самым сословные различия. Крестьянско-плебейские ереси, как правило, требовали также отмены крепостного права и барщины, а отдельные крайние секты призывали к установлению имущественного равенства и общности имуществ. В XIV—XV вв. наиболее радикальные крестьянско-плебейские ереси нередко сочетались с народными восстаниями (апостолики, лолларды, табориты и др.).

Вместе с тем на протяжении всего средневековья существовали и такие ереси, в которых элементы обоих этих течений — бюргерского и крестьянско-плебейского — не были четко разграничены.

Догматика средневековых еретических учений была довольно разнообразна, но основные идеи и положения были общими для многих сект. К их числу относится, прежде всего, резко критическое отношение к католическим священникам всех рангов, включая папу, характерное для всех сект и всех их участников, к какому бы общественному слою они ни принадлежали. Главным приемом критики духовенства являлось противопоставление реального поведения священников идеальному образу библейского пастыря, их слов и проповедей — повседневной практике. Резким нападкам со стороны большинства еретиков подвергались также индульгенции, требование присяги на Библии, раздельное — для мирян и для клира — причастие. Еретики многих сект называли церковь «вавилонской блудницей», творением сатаны, а папу — его заместителем, антихристом.

При этом некоторая, более умеренная часть еретиков считала себя истинными католиками, стремящимися помочь исправлению церкви. Другая, не менее значительная часть открыто порывала с католической церковью, создавая свои религиозные организации (катары, вальденсы, апостолики, табориты); наиболее же радикальные среди них (особенно апостолики, лолларды XIV в.) переносили свое враждебное отношение к католической церкви на весь феодальный общественный строй.

Для подавляющего большинства еретических учений было характерно также стремление следовать Евангелию, признание его единственным источником веры в противовес писаниям «отцов церкви», решениям соборов, папским буллам и пр. Это можно объяснить тем, что из всей христианской литературы только Евангелие сохранило некоторые остатки первоначальных бунтарско-демократических идей раннего христианства. Они и послужили основой для многих еретических учений. Одной из наиболее популярных в кругах еретиков идей, почерпнутых в Евангелии, была идея «апостольской бедности», привлекавшая сочувствие людей, принадлежавших к различным слоям общества. Многие из них продавали или раздавали свое имущество и вели аскетический образ жизни. Но идеал бедности понимался еретиками из различных общественных групп по-разному: представители господствующего класса видели в нем средство ослабления политической роли церкви и возможность поживиться за счет ее богатств; бюргерство — путь к созданию «дешевой», не требующей больших средств от прихожан церкви. Отношение широких трудящихся масс к идеалу бедности было противоречивым. С одной стороны, идея бедности, уравнивающая всех перед богом, утверждавшая достоинство простых бедных людей, была среди них чрезвычайно популярна; с другой — она не давала выхода из их тяжелого положения. Поэтому среди участников крестьянско-плебейских ересей получили распространение также идеи общности и равенства имуществ, предполагавшие глубокие социальные изменения. Большое значение имел идеал аскетизма, тесно связанный с проповедью бедности. Революционный аскетизм крестьянско-плебейских масс той эпохи, отмежевывавший неимущие и бесправные низы от остального общества, являлся, по словам Энгельса, средством сплочения угнетенных масс и специфической формой их самосознания.

Влиянием среди еретиков пользовались также мистические идеи. Мистика в средневековых ересях выступала в двух основных формах. По-своему трактуя библейские обличения и пророчества, в частности видения Апокалипсиса, многие ересиархи — Иоахим Калабрийский, Дольчино и др. — не только предрекали неизбежное изменение существующих порядков, но и называли близкие сроки этого переворота. Такого рода пророчества носили радикальный характер, отвечали революционным настроениям крестьянско-плебейских кругов еретиков. Они были связаны с характерными для этих кругов «милле-наристскими» или «хилиастическими» идеями — о скором наступлении «тысячелетнего царства» справедливости, иначе — «царства божьего» на Земле. Иной характер имело бюргерское направление в мистике, опиравшееся на учения немецких теологов XIV в. — Эккарта, Таулера и др. Они и их последователи считали, что «божественная истина» заключена в самом человеке, который поэтому обладает «свободой воли» и должен быть творчески активен. Им были свойственны элементы пантеизма, приводившие их к идее ненужности церкви. Вместе с тем для этого типа мистики был характерен уход во внутренний мир человека, религиозный экстаз, видения и пр., что резко снижало радикализм подобных учений и уводило их сторонников от реальной жизни и борьбы.

Историческая роль ересей в средние века заключалась в том, что они подрывали авторитет и духовный диктат католической церкви и защищавшегося ею феодально-церковного мировоззрения, разоблачали корыстолюбие и разврат духовенства, объективно способствовали распространению свободомыслия (хотя сами по себе еретики чаще всего не проявляли свободомыслия, им были свойственны фанатизм и нетерпимость к инакомыслящим).

Поскольку ереси, пусть в религиозной форме, выражали антифеодалные настроения народных масс, они расшатывали и феодальный строй в целом. Однако большинство сект, за исключением ярко выраженных крестьянско-плебейских, обычно не выдвигали открытых требований коренных общественных преобразований, ликвидации феодальной эксплуатации. Они ограничивались проповедью более или менее радикальных изменений в церковной догматике или организации. «Плохой» церкви и «ложной» вере они противопоставляли «хорошую» церковь и «истинную» веру. Тем самым ереси в большинстве случаев уводили народные массы в область фантастических вымыслов, отвлекали их от решения реальных задач.

Главные еретические движения XI—XIII вв.

Отдельные секты еретиков получили распространение в Западной Европе уже в начале XI в.: в Шалоне, Орлеане, Аррасе (Франция), Мон-форте (Италия), Госларе (Германия). Во второй половине XI в. развернулись широкие народные движения в городах Италии (Милан, Флоренция). Их участники проповедовали бедность, аскетизм, отвергали обрядность. Среди этих движений особенно известна была миланская патария (по названию квартала в Милане, населенного нищими, старьевщиками и пр.). Патарены, большинство которых составляла городская беднота, резко нападали на богатство и нравы клира, призывая, в частности, к безбрачию духовенства. Вместе с тем они выступали против богатых купцов и знати. Однако эти ранние движения носили в основном негативный характер и не имели разработанной позитивной программы. Одним из первых создателей самостоятельного еретического учения был Арнольд Брешианский, возглавивший в середине XII в. антипапское восстание в Риме. Резко критикуя современную ему церковь, он обратился к Евангелию, из которого выводил требование передачи власти в руки светских лиц. В условиях борьбы бюргерства с местным епископатом и поддерживавшим его папством это требование выражало политическую программу зарождающейся городской коммуны Рима. Созданная им секта (арнольдистов), представлявшая раннюю бюргерскую ересь, продолжала существовать и после казни своего вождя; только в начале XIII в. она растворилась в массе других еретических течений. Расцвет еретических движений в ряде стран Западной Европы приходится на вторую половину XII и на XIII в. Особенно много их было в эти столетия в Южной Франции и Северной Италии, где еретики составляли значительную часть населения. В одной только Ломбардии в этот период действовали арнольдисты, катары, вальденсы, «ломбардские бедняки» фратичелли, апостолики, флагелланты и многие другие. Характерной особенностью еретических движений этого времени было то, что хотя в подавляющем большинстве это были бюргерские ереси, многие из них включали и элементы не выделившейся еще из бюргерского течения крестьянско-плебейской ереси. К числу наиболее массовых еретических движений XII в. относится ересь катаров (от греческого «катарос» — чистый), в которой прослеживается наряду с бюргерской крестьянско-плебейская струя. Учение катаров носило антифеодалный характер; они отказывались признавать власть государства, отвергали физическое насилие и пролитие крови. Католическую церковь, а также и весь земной мир они считали творением сатаны, а папу — его наместником; поэтому они отвергали догматику и культ официальной церкви, ее иерархию и выступали против богатств и власти церкви. В их учении были сильны дуалистические представления, близкие к богомильским, — об извечной борьбе в мире начал добра и зла. Катары создали собственную церковную организацию, состоявшую из «совершенных» (*perfecti*), обязанных вести аскетический образ жизни, и основной массы «верующих» (*credentes*), на которых суровый аскетизм не распространялся; они могли свободно заниматься разными профессиями. Катарство было широко распространено во всех странах Южной Европы, где оно нередко сливалось с другими ересями (с вальденсами в Лангедоке, патаренами в Ломбардии и др.), оказывая на них радикализирующее влияние.

Большим влиянием среди еретиков XII—XIII вв. пользовались идеи Иоахима Флорского (или Калабрийского) (ок. 1132—1202), одного из крупнейших мистиков того времени. Три лица христианской троицы он толковал как три эры мировой истории. Сначала, как учил Иоахим, господствовала власть «бога-отца», отличающаяся суровостью, рабским подчинением, которую регулировал древний «закон Моисеев», воплощенный в Ветхом Завете. Ему на смену пришла вторая, более мягкая эра — власть «бога-сына», основанная на Евангелии, Новом Завете. Третью же эпоху, эру «святого духа», «Вечного Евангелия», он трактовал как царство подлинной любви и полной свободы: тогда установится вечная справедливость. По мнению иоахимитов, царство мира и правды на земле должно наступить в результате «вселенского переворота» в промежуток между 1200 и 1260 гг. Учение иоахимитов, хотя оно и было проникнуто мистицизмом, имело враждебное феодализму содержание. В противоположность церковной догме, учившей, что «райская жизнь» возможна только в ином мире, оно обещало людям скорое избавление от страданий в реальной земной жизни, утверждало преходящий характер существующих порядков и неизбежность их гибели. Это хилиастическое учение было одним из ранних проявлений крестьянско-плебейской оппозиции феодальному строю, которая связывала представление о социальной справедливости с уничтожением этого строя. Поэтому идеи иоахимитства долго пользовались большой популярностью в народе и получили дальнейшее развитие в творчестве наиболее радикальных представителей еретической мысли средневековья: апостоликов во главе с Дольчино и др.

Особенно широкое распространение в рядах еретиков имели евангелические идеи. Среди множества сект, мечтавших о возрождении порядков раннехристианской церкви, особое значение в XIII в. приобрели вальденсы.

Сын богатого лионского купца Петр Вальд (Вальдо, Вальда), живший в последней четверти XII в., оставив все свое имущество жене, начал активную проповедь бедности и аскетизма. Его последователи — вальденсы наряду с резкой критикой священников выдвинули идеи, оспаривающие церковную догматику: они отрицали чистилище, большинство таинств, иконы, молитвы, культ святых, церковную иерархию, их идеалом была «бедная» апостольская церковь. Они выступали также против церковной десятины, налогов, воинской службы, феодального суда и отрицали смертную казнь. Эти взгляды сближали их с катарами, и в конце XII в. катары и вальденсы в Южной Франции действовали сообща под общим названием альбигойцев. В XIII в. вальденсы раскололись. Часть их сблизилась с католической церковью на условиях признания некоторых особенностей их культа и права на проповедь («католические бедняки»). Крайнее крыло вальденсов слилось с катарами и ушло в Италию, где из него выделился ряд новых сект («ломбардские бедняки» и др.). Еще одна часть вальденсов переселилась в Германию, Австрию, Чехию, Польшу, где в XIV в. вальденство широко распространилось среди крестьян и мелких городских ремесленников. Одна из вальденских групп действовала в отсталых и малодоступных местах Швейцарии и Савойи. Там, по словам Ф. Энгельса, вальденство стало представлять собой «реакцию патриархальных альпийских пастухов на проникновение к ним феодализма».

В Италии евангелические идеи исповедовались десятками различных сект и пользовались исключительной популярностью как среди городского, так и сельского населения. Нередко проповедь аскетизма и покаяния принимала крайние формы, как это было в движении флагеллантов. Флагелланты («бичующиеся») выходили на дороги и улицы в рубище, босыми и публично истязали себя, доводя своих сторонников до состояния экстаза. Особенно массовым это движение стало в 1260 г., в предсказанную иоахимитами эпоху «божественного переворота»; позже оно пошло на убыль.

Ереси в XII и XIII вв. широко распространялись не только среди низших слоев населения, но и в среде образованной части горожан — преподавателей и учащихся городских школ и университетов. Так, Арнольд Брешианский был одним из учеников и продолжателей свободомыслящего философа Абеяра.

Магистр Парижского университета Амори Венский выступил в начале XIII в. с враждебным церкви пантеистическим учением и провозгласил близкое наступление «царства божия на земле». Это учение было признано в 1210 г. еретическим, а его последователи — амальриканы были схвачены и сожжены.

Борьба церкви с еретическими движениями. Инквизиция

Борьбу против еретических идей и антиклерикальных течений церковь вела с жестоким фанатизмом и непримиримостью. Церковные соборы XII—XIII вв. обязывали не только духовенство, но и светскую власть принимать активное участие в этой борьбе. На соборах в разное время были преданы анафеме катары, пата-рены, вальденсы, позднее — бегины. Были признаны ересью и запрещены учения Иоахима Флорского, Амори Венского, позже — Петра Оливи, в XV в. — Джона Виклифа и Яна Гуса. Были осуждены и сожжены сотни руководителей еретических направлений и сект, а рядовые еретики подвергались жестоким преследованиям. Наиболее кровавой формой расправы с еретиками были вдохновлявшиеся церковью и папством крестовые походы: против альбигойцев (начался в 1209 г.), против апостоликов (1306—1307), пять крестовых походов против гуситов (1420—1431) и т. д.

Особую роль в борьбе с ересями играла инквизиция (от латинского *inquisitio* — расследование). Возникшая в конце XII в. как форма церковного суда, осуществлявшегося сначала епископами, инквизиция постепенно была изъята из-под контроля епископов и превратилась в первой половине XIII в. в самостоятельную организацию, обладавшую огромными полномочиями и подчиненную непосредственно папе. Постепенно инквизиция создала специальную систему розыска и судебного расследования по делам еретиков. Она широко ввела в практику шпионаж и доносы. У своих жертв она вырывала признания путем запутанных софистических ухищрений, к упорствующим же применялись изощренные пытки. Усердие инквизиторов и их доносчиков награждалось разделом между ними части имущества, конфискованного у осужденных. Уже в XIII в. наряду с еретиками инквизиция стала преследовать ученых и философов, проявлявших свободомыслие. Инквизиция лицемерно провозглашала принцип «непролития крови», поэтому уличенные в ереси передавались в руки светских властей для наказания. Наиболее распространенной карой для еретиков было сожжение на костре, причем нередко групповое (так называемое аутодафе — от португальского *auto-da-fé* — дело веры).

С деятельностью инквизиции связана одна из самых трагичных страниц в истории человечества.

Нищенствующие ордена

Церковь старалась подорвать еретическое движение и изнутри. С этой целью она легализовала некоторые секты, направляя их деятельность в нужное для себя русло и постепенно превращая их в обычные монашеские ордена. Именно так возникли ордена еремитов, гумилиа-трв и некоторые другие. Видя большую популярность среди еретиков идей аскетизма и бедности, а также практики свободной проповеди, папство ввело новый тип монашества — ордена нищенствующих монахов-проповедников. С их помощью папство пыталось противодействовать влиянию еретических учений в массах, удержать верующих в лоне церкви.

Первый из этих орденов — францисканский — возник в результате умелого использования церковью популярной в народе проповеди бедности, которую вел итальянец Франциск Ассизский (1182—1226). Сын богатых родителей, он под влиянием вальденсов предался аскетизму и, странствуя по Италии, призывал к отказу от собственности и покаянию, требуя от своих последователей («миноритов» — меньших братьев) простоты нравов и занятий полезным трудом. Но Франциск не выступал резко против церкви, он

проповедовал смирение в послушание. Критикуя, например, монашество, он не отрицал его в целом, а лишь призывал монахов отказаться от жизни в монастыре и превратиться в странствующих проповедников, живущих милостыней. Папство воспользовалось этой относительно умеренной позицией Франциска и, стремясь поставить под свой контроль недовольство народных масс, в 1210 г. учредило монашеский орден францисканцев (миноритов), а самого Франциска позже канонизировало. Постепенно орден отошел от своих первоначальных идеалов бедности и аскетизма. За короткое время минориты, используя свою популярность, превратились в один из самых богатых монашеских орденов; многие из их монастырей (число которых в середине XIII в. достигло 1100) стали играть видную политическую роль. Орден был реорганизован по принципу строгой дисциплины и иерархии; вся территория Европы ; была разбита на «провинции», управлявшиеся «провинциалами»; во главе ордена стоял «генерал», назначавшийся папой. Главной целью ордена стала борьба с народными ересями: действуя в широких кругах, францисканцы стремились ограничить их влияние, склоняя колеблющихся на свою сторону.

Почти одновременно с францисканцами возник основанный испанским монахом-фанатиком Домиником нищенствующий орден доминиканцев (1216), подчиненный непосредственно папе. Доминиканцы придавали особое значение искусству проповеди и схоластических богословских споров, что являлось основой тогдашней «образованности». «Братья-проповедники» (как называли доминиканцев) при поддержке папы вскоре захватили богословские кафедры в крупнейших университетах Европы, из их среды вышли известные богословы и схоласты того времени — Альберт Великий, Фома Аквинский и др. Доминиканцы вскоре приобрели огромное влияние, которое использовали в интересах папства в его конфликтах с монархами, городами, университетами и отдельными епископами. Но главной своей целью они считали борьбу с еретиками. На их знамени была изображена собака с факелом в зубах, себя они называли «псами господними» (игра слов: *domini canes* вместо *dominicanī*). Из доминиканцев состояло подавляющее большинство инквизиторов. Возглавляемый доминиканцами богословский факультет Парижского университета (Сорбонна) являлся высшим судьей в определении степени отклонения того или иного учения от ортодоксии.

Занимаясь также миссионерством и дипломатической деятельностью, «нищенствующие ордена» являлись важным орудием католической экспансии на Восток; так, доминиканцы основали свой монастырь под Киевом (1233), проникли в Китай (1272), Японию и другие восточноевропейские и азиатские страны.

Еретические движения XIV—XV вв.

Несмотря на жестокие преследования и деятельность нищенствующих орденов, еретические движения не прекращались. На смену старым возникали новые ереси. В XIV—XV вв. центр их переместился из Южной Франции и Ломбардии в Северо-Восточную Францию, Нидерланды, Англию, Южную и Западную Германию, Чехию. Важной особенностью еретических движений этого периода было четкое размежевание между бюргерскими и крестьянско-плебейскими ересями, превращение последних «в резко выделяющееся партийное воззрение». Эти радикальные ереси теперь порой сливаются с открытыми крестьянскими восстаниями. Так, секта апостоликов во главе с Дольчино в начале XIV в. выделилась из более умеренных еретических течений и сыграла ведущую роль в крестьянско-плебейском восстании, вождем которого стал Дольчино. Ересь ранних лоллардов, единомышленников Джона Болла, слилась с восстанием Уота Тайлера. Наиболее радикальные группировки в таборитском лагере также были тесно связаны с антифеодальным крестьянско-плебейским движением.

В то же время получают дальнейшее развитие и более четко обособляются бюргерские ереси. Углубляются и оформляются теоретические основы их воззрений,

особенно в учениях Джона Виклифа и его последователей, Яна Гуса и «чашников» во время гуситских войн.

Однако и в этот период, наряду с четко выраженными крестьянско-плебейскими и бюргерскими ересями, развиваются еретические движения, в которых под общим названием скрываются иногда различные по своей социальной направленности течения. Это характерно, например, для ряда вновь возникших в конце XIV—XV вв. сект, в которых заметна сильная крестьянско-плебейская струя, хотя и не связанная с восстаниями.

В XIV в. значительным влиянием среди еретиков пользовалось учение «спиритуадов» — течения, сложившегося на основе радикального крыла францисканского ордена, представители которого не примирились с его перерождением. Вождем их был богослов Петр Оливи, во взглядах которого переплетались евангелизм и мистицизм. Резко критикуя официальную церковь как «плотскую» и «греховную» и предсказывая скорую гибель папства, он призывал к созданию новой церкви на основах бедности и любви. Учение Оливи не выходило за рамки бюргерской ереси. Но, проникая в простонародную среду, оно иногда истолковывалось в более радикальном духе. Это проявилось в одном из наиболее массовых еретических движений конца XIII—XIV в. — в движении бегинов, а также близких к ним бегардов и фратичелли, охватившем Южные Нидерланды, германские земли, Австрию, Чехию, Италию и Францию. Большое влияние на еретиков оказали взгляды Оливи, которого они (особенно бегины Южной Франции) считали своим духовным отцом. Наиболее радикально настроенная часть их трактовала пророчества Оливи о гибели католической церкви и папства как предсказание скорого «божественного перево-рота» (определялись даже его конкретные сроки — 1325, 1330, 1335 гг.); результатом его будет общество, в котором «никто не обидит своего ближнего» и все имущество будет общим. В то же время значительная часть бегинов оставалась на позициях бюргерской ереси, ограничиваясь критикой «церковных порядков». К бегинам и бегардам Германии, Фландрии и северофранцузских земель были близки разнообразные мистические секты «свободного духа», находившиеся под влиянием учений уже упоминавшихся немецких теологов-мистиков XIV в. Эккарта и др. Странники этих сект сосредоточивали свое внимание на поисках свободного «божественного духа» в самом человеке, на его внутреннем мире. Эти тенденции и присущие им элементы пантеизма приводили их к идее ненужности церкви. Однако они не выдвигали социальных, антифеодальных требований; как правило, эти секты представляли собой бюргерскую ересь.

В XV в. наиболее значительными еретическими движениями были английский лоллардизм и гусизм. Лолларды XV в., в отличие от более ранних последователей Джона Болла, в подавляющей своей массе были мирными сектантами бюргерского типа, хотя среди них значительную часть составляли простые трудовые люди — небогатые городские и сельские ремесленники и торговцы, крестьяне, и даже сельскохозяйственные рабочие, а также бедные приходские священники. В основной своей массе лолларды опирались на учение Джона Виклифа. Они резко критиковали духовенство, выступали против церковной иерархии, большинства таинств, иконопочитания, церковной десятины, требовали секуляризации церковных имуществ, свободы проповеди для всех, в том числе и мирян, богослужения на родном языке, но не посягали на существующий строй. Исключение составляла небольшая группа лоллардов, проповедовавшая в 30-е годы XV в. крестьянско-плебейские идеи общности и уравнивания имуществ, но организационно не выделившаяся из общего движения.

Гуситская ересь, возникшая в Чехии в начале XV в. и поглотившая многие распространенные там до того ереси, вовлекла в свою орбиту самые разные социальные слои. Первоначально гусизм опирался на умеренное бюргерское учение Яна Гуса, отражавшее также стремление всех слоев чешского общества к освобождению от немецкого засилья и диктата папства. Но затем движение раскололось на два лагеря: умеренный — чашников, еретиков бюргерского типа, и радикальный — табористский, в котором в начале

20-х годов XV в. превалировали революционные крестьянско-плебейские, в частности хилиастические, идеи о скором установлении царства божьего на земле.

Упадок папства в XIV в.

Ни жестокие преследования еретиков, ни инквизиция, ни ловкая демагогия «нищенствующих» орденов не смогли, однако, предотвратить упадок папства в XIV—XV вв. К этому вел общий ход исторического развития феодальной Европы. Папа Бонифаций VIII, вступивший в 1302 г. в конфликт с французским королем Филиппом IV Красивым, потерпел в этой области поражение. Папы оказались вынужденными покинуть «вечный город» и перенести свою резиденцию под сень короля Франции в Авиньон. Началось «авиньонское пленение» пап, продолжавшееся около 70 лет (1309—1378). В этот период папство стало орудием укрепления во Франции королевской власти. После возвращения папы в Рим (1378) наступил сорокалетний «великий раскол» («великая схизма»), когда за папский престол вели борьбу два, а затем даже три претендента. К концу XIV в. папство утратило былой авторитет и власть, вынуждено было навсегда отказаться от обоих теократических притязаний.

Упадок папства в XIV—XV вв. определялся, в первую очередь, тем, что формирование национальных государств и вызванный этим рост национального самосознания в ряде стран Европы подрывали бывшее значение церкви и папства как «интернационального центра» феодальной Европы. В связи с этим в тех странах, где шел процесс государственной централизации, все больше распространялись идеи сильной королевской власти, независимой от папства. Опираясь на них, короли этих стран успешно проводили политику, направленную на дальнейшее ослабление их зависимости от Рима. После успешных действий в этом духе Филиппа IV Красивого постановления, ограничивающие право пап на церковные выборы и запрещающие подачу апелляций папе на решения королевских судов и т. п., издаются королем и парламентом в Англии (в 1343, 1351 и 1353 гг.) и в некоторых других странах. В Германии эти новые представления переплетались со стародавними имперскими претензиями и получили практическое воплощение в борьбе германского императора Людвига IV Баварского с папством. Идею сильной, независимой от папства светской власти обосновывали теоретически в XIV в. Марсилиус Падуанский в трактате «Защитник мира» и Жан Жанден, французский легионер Пьер Дюбуа, известный английский схоластик Вильям Оккам, а затем Джон Виклиф. Великий Данте проводил еще раньше эту же мысль в трактате «О монархии», в поэтической форме — в «Божественной комедии». В некоторых еретических учениях существенную роль играло требование национальной церкви и богослужения на национальном, понятном народу языке, предвосхищавшее идеи будущей Реформации XVI в.

Соборное движение

Одновременно внутри самой официальной церкви в XIV и XV вв. все шире распространяется «соборное движение», отвергавшее притязания папства на полное единовластие и доказывавшее необходимость подчинения папства в светских делах государственной власти, а в религиозных — решениям вселенского собора. «Соборное движение» особенно сильно разрослось с началом «великого раскола». Во Франции оно привело к требованию «галликанских вольностей» — автономии французской церкви от Рима, — которое было реализовано в «Буржской прагматической санкции» Карла VII (1438). Этим актом во Франции устанавливалась относительная независимость французской, галликанской церкви и провозглашался примат церковного собора над папскими решениями. За королевской властью признавались особые права при назначении высшего духовенства, а также устанавливалась подсудность духовенства светскому суду (парижскому парламенту). Аналогичное движение развивалось и в Англии. Все реже

выплачивались взносы в папскую курию, установленные со времен Иннокентия III, а в 1366 г. они были отменены окончательно.

Стремясь укрепить пошатнувшийся авторитет церкви и прежде всего преодолеть «великий раскол», сторонники «соборного движения» требовали созыва нового вселенского собора. Созванный по настоянию императора Сигизмунда напой Иоанном XXIII, собор открылся в 1414 г. в г. Констанце и заседал до весны 1418 г. Он должен был покончить со схизмой, реформировать церковь, уничтожить ереси. Однако собор не смог осуществить эти задачи. Правда, он принял постановление о том, что решения вселенского собора обязательны для папы, и низложил одного из трех пап — Иоанна XXIII, оказавшегося бывшим морским пиратом и фальшивомонетчиком. Но борьба за папский престол продолжалась.

Отсутствие единства на соборе помешало принятию каких-либо решений о реформе церкви, зато его участники проявили полное единодушие в осуждении учения Джона Виклифа и Яна Гуса. Гус, в нарушение юридических и моральных норм лишенный права защиты, был сожжен в 1415 г. Не смогли покончить со схизмой и ряд следующих соборов — в Павии 1423 г., Базельский собор 1421—1449 гг. и Феррарско-Флорентийский собор, созданный в противовес Базель-скому собору папой Евгением IV в 1438 г. и закончившийся в Риме в 1445 г. Схизма была ликвидирована только в 1449 г. на соборе в Лозанне, где последний «антипапа» Феликс V отказался от своих претензий и папой был признан Николай V.

На Феррарско-Флорентийском соборе в 1439 г. после долгой борьбы была заключена уния между западной и восточной церквями. В подписании соглашения участвовали представители восточной церкви во главе с византийским императором и патриархом константинопольским, а также киевский митрополит. Католическая пропаганда изображала эту унию как важнейший акт объединения христианского мира и спасения Византии от турецкой опасности. Однако на деле уния призвана была служить орудием традиционной папской политики, направленной на подчинение папскому влиянию ослабленной Византии и особенно Руси. И в Византии, и на Руси она была отвергнута и народом, и большинством духовенства. Католической церкви удалось навязать унию населению только тех земель Украины и Белоруссии, которые находились под польско-литовским владычеством.

Крушение политических притязаний панства в XV в.

Во второй половине XV в. стало вполне определенным, что папство с его теократическими притязаниями является помехой дальнейшему развитию отдельных государств. Передовые мыслители этого времени, особенно гуманисты, представители новой прогрессивной идеологии, все чаще обращали оружие критики против папства, в частности против его теократических притязаний. В XV в. была поставлена под сомнение подлинность «Константинова дара» и «Лжеисидоровых декреталий» — документов, служивших главными обоснованиями политических притязаний папства. Теряя свое международное значение, папская власть все более принимала в политическом отношении характер местной княжеской власти. В XV в. папам приходилось напрягать большие усилия, чтобы сохранять за собой свои владения в Риме, а также вблизи него и обеспечить папский престол своим преемникам, которые зачастую были их незаконными сыновьями. В своей политике папы применяли любые средства — подкуп, интриги, убийства. Папский двор (курия) славился на всю Европу циничными вымогательствами и продажностью.

В конце XV в. в условиях быстрого развития передовых гуманистических идей папы пытались сохранить и оживить самые нелепые суеверия. Так, в 1484 г. была опубликована папская булла о ведьмах и ведовстве, в которой существование ведьм провозглашалось непререкаемой истиной и их уничтожение объявлялось первейшим долгом христианина. Этим был дан толчок изуверской охоте за ведьмами, массовым сожжениям ни в чем не повинных людей, главным образом женщин. Именно в это время инквизиция развернула

самое широкое наступление против действительных и мнимых врагов церкви и освящаемого ею строя. Особое значение она приобрела в Испании, где превратилась в верховное судилище, подчинявшееся «великому инквизитору». Первым «великим инквизитором» был Томас Торквемада, который за 18 лет пребывания на этом посту организовал около 9 тыс. массовых сожжений, жертвами которых были еретики и враги политического режима.

По мере развития феодального строя католическая церковь в Западной Европе становилась все более реакционной силой.

В раннее средневековье она еще во многом содействовала формированию новых феодальных отношений и соответствующей им духовной культуры, но и тогда, как всякая религия, она носила в себе реакционные черты. В период же развитого феодализма она чем дальше, тем больше становилась преградой на пути общественного прогресса и в социально-политической, и в интеллектуальной сфере. Церковные феодалы особенно упорно сопротивлялись какому-либо смягчению эксплуатации крестьян: на их землях дольше всего сохранялись барщина и крепостничество. Епископы и монастыри особенно рьяно препятствовали освобождению расположенных в их владениях городов. Папство упорно противодействовало складыванию централизованных национальных государств, противопоставляя им реакционную утопическую идею всеевропейского папского государства. Церковь топала в крови народные движения, жестоко преследовала еретиков и других противников феодального строя, не останавливаясь перед массовым уничтожением всех непокорных; она была вдохновителем и организатором грабительских походов против не католических народов, неся им разорение и порабощение. Наконец, церковь насаждала суеверия и предрассудки, особенно дикие и нелепые на фоне зарождавшихся в этот период светской культуры и образованности. Хотя и в эти столетия, как и в раннее средневековье, из рядов духовенства выходило немало крупных философов, ученых людей, политических мыслителей, ересиархов, в том числе и передовых для своего времени, церковь как корпорация душила малейшие проявления свободомыслия, препятствовала развитию знаний, светского образования и культуры. Освящая феодальный строй, она пыталась остановить дальнейшее развитие общества.

В XV в., когда феодальный мир, в недрах которого уже зарождались элементы буржуазных отношений, шел навстречу ранним буржуазным революциям, католическая церковь оказалась накануне величайшего потрясения в ее истории — Реформации.

Глава 19

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XI-XV вв.

§ 1. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XI-XV вв.

Характер международных отношений

На протяжении XI—XV вв. в Европе складывается определенная система международных отношений; постепенно вырабатываются некоторые дипломатические нормы и традиции. Однако международные отношения этого периода не приняли еще достаточно регулярного характера: не было постоянных послов и дипломатических представительств, не сложилось еще и международное право; само это понятие в целом едва

ли применимо к этому времени — развивались лишь отдельные его элементы и прежде всего право войны и морское право (например, Барселонское морское право, оформившееся в XII в.).

На развитие международных отношений этого периода повлияло несколько факторов. Особенно способствовал сближению народов и государств экономический подъем Европы, связанный с завершением процесса феодализации, появлением городов, расширением внутренней и внешней торговли. С другой стороны, внешняя торговля нередко порождала и противоречия на почве торгового соперничества, приводившие подчас к открытым столкновениям и даже войнам. Увеличение потребностей феодалов в связи с развитием рынка не только обусловило рост эксплуатации крестьянства, но и усилило стремление феодалов к захватам чужих земель и богатств. Это порождало множество войн как в самой Европе, так и за ее пределами; усиление центральной королевской власти и постепенное преодоление феодальной раздробленности во многих странах Западной Европы также порождали конфликты и столкновения, обострявшиеся династическими спорами. В них оказывались втянутыми (в силу переплетения и запутанности вассальных связей) многие феодальные сеньоры и государства. Границы государств постоянно менялись. Более могущественные государи стремились подчинить себе других, выступая с претензиями на мировое владычество, пытались создать «универсальное» (всеобъемлющее) государство под своей гегемонией. Главными носителями этих универсалистских тенденций выступали римские папы и германские императоры.

Большое влияние на развитие международных отношений в Европе оказывали процесс формирования народностей и начавшийся к концу рассматриваемого периода процесс складывания национальных государств. Значительную роль играли также внешние факторы: в XIII в. — нашествие монголо-татар на Восточную и Южную Европу, в XIV—XV вв. — утверждение турок-османов в Передней Азии и на Балканском полуострове.

Западная Европа и восточные страны

В XI—XIII вв. расширялись и укреплялись экономические, политические и культурные связи не только между разными европейскими странами, но и между странами Европы и Востока.

Путешествия европейцев в восточные страны, предпринимавшиеся с политическими, религиозными и торговыми целями (Гильом Рубрук, Джованни Плано Карпини, Пикколо, Маффео и Марко Поло и др.), обмен товарами, продуктами ремесла и земледелия были чрезвычайно плодотворными для Запада. Они значительно расширили географический кругозор европейцев; европейцы позаимствовали у народов Востока ряд технических достижений, в том числе ветряную мельницу и усовершенствованное водяное колесо. Из восточных стран были заимствованы некоторые сельскохозяйственные культуры: рис, гречиха, арбузы, лимоны, абрикосы, стал входить в употребление тростниковый сахар, завезенный в Европу из Сирии. По восточному образцу начали в это же время изготавливать некоторые ткани — муслин (по названию города Мосула в Месопотамии), Дамаск (от города Дамаска), атлас (по-арабски «красивый»). Влияние Востока, которое шло также через арабов Сицилии и Испании, сказалось и в бытовых нововведениях — ношении бороды, устройстве горячих бань, частой смене белья и др.

В 40-е годы XIII в. Центральная Европа оказалась перед опасностью монгольского завоевания. Полчища хана Бату, разорив и опустошив в 1237—1240 гг. русские земли, весной 1241 г. двинулись в Польшу и Венгрию. Большое войско, состоявшее главным образом из польских и немецких отрядов, пыталось остановить татаро-моигольских завоевателей в Силезии, однако было полностью разгромлено. Было разбито и 60-тысячное венгерское войско. Передовые монголо-татарские отряды дошли до Адриатики. Ослабленная крестовыми походами и внутренними раздорами

Запад-пая Европа оказалась беззащитной перед надвигавшейся грозной опасностью. Однако неожиданно монголо-татары, основательно истощенные к этому времени героическим сопротивлением Руси, повернули в степи Причерноморья и Заволжья. Русь оказалась в этот решающий момент заслоном для Западной Европы.

Между тем немецкие рыцари в союзе со Швецией, Норвегией и Данией с благословения папы римского пытались использовать тяжелое положение русских княжеств в своих интересах. Почти одновременно с монголами они предприняли крестовый поход против Северо-Западной Руси, завершившийся полным провалом в результате блестящих побед новгородского князя Александра Ярославича в знаменитых сражениях на Неве (1240) и на Чудском озере (1242).

В середине 40-х годов XIII в. папа Иннокентий IV пытался даже заключить союз с монголо-татарами, предлагая им принять католицизм и рассчитывая найти в них союзников против сарацин, угрожавших Латинской империи, и против своего врага германского императора Фридриха II, а также с целью подчинить римской курии подвластные татаро-монголам русские земли.

Перемены в соотношении сил на международной арене в XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. соотношение сил на международной арене существенно изменилось. Германская империя после Гогенштауфенов (1254) и наступившего затем периода междуцарствия перестала играть сколько-нибудь значительную роль в международной политике. Ослабело к концу XIII — началу XIV в. и политическое могущество папства. Главное место в международной политике занимают теперь отношения и конфликты между наиболее централизованными к этому времени западноевропейскими государствами — Англией, Францией, Кастилией, Арагоном.

Самым крупным из международных конфликтов этого времени явилась Столетняя война между Францией и Англией (1337—1453). В англо-французский конфликт с самого начала оказались втянутыми многие европейские государства. Францию поддерживали папа, короли Шотландии, Сицилии, Кастилии, граф Фландрский. На стороне Англии выступали германский император Людвиг Баварский, позднее герцог Бургундии, ряд нидерландских и немецких князей.

Столетняя война, закончившаяся в конце концов победой Франции, имела важные международные последствия. В результате ее завершилась политическая консолидация Франции, и с этого времени она стала играть первостепенную роль в европейской международной политике.

В Столетней войне начали вырабатываться новые методы ведения военных действий и новые принципы организации военных сил, которые затем получили широкое распространение.

Феодалное ополчение в значительной степени уступило место наемным войскам. Вместо тяжеловооруженной рыцарской конницы на первое место выдвигается пехота, вооруженная сначала большими луками, поражающими цель на далекое расстояние, а затем, с изобретением пороха, — и огнестрельным оружием. С появлением в XIV в. артиллерии изменилась тактика военных действий. Если раньше войска могли отсидеться за толстыми стенами замков, то с появлением артиллерии, для которой крепостные стены не являлись непреодолимой преградой, эта тактика была уже малоэффективна. Военные действия все больше приобретали характер не осадной, а маневренной войны, боя в открытом поле.

Следует, однако, иметь в виду, что эта эволюция военной тактики, связанная с появлением огнестрельного оружия, особенно артиллерии, заняла не одно столетие и продолжалась и после окончания Столетней войны.

§ 2. РОЛЬ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В XII — XV вв.

С самого начала средних веков народы Западной и Центральной Европы имели связи с многочисленными славянскими племенами и народами, занимавшими обширные территории в Южной, Восточной и отчасти Центральной Европе. Эти народы играли весьма важную роль в истории Европы в целом.

Международное значение борьбы славянских народов с немецкой агрессией

Большое значение имела борьба славянских народов с агрессией немецких феодалов. Важную роль в отпоре ей сыграла Польша. На протяжении 60—70-х годов XII в. земли полабско-прибалтийских славян были захвачены немцами. Вслед за этим вынуждено было признать вассальную зависимость от Германской империи Западное Поморье. А с середины 30-х годов XIII в. с территории Прибалтики начал свои агрессивные действия против Польши Тевтонский орден, объединившийся в 1237 г. с Орденом меченосцев и захвативший в начале XIV в. Восточное Поморье с Гданьском.

Угроза завоевания Польши немцами облегла князю Владиславу Локетку объединение Малой и Великой Польши в единое государство. В 1320 г. он был коронован в Кракове. Однако Восточное Поморье осталось в руках Тевтонского ордена. Не вошли в состав Польского королевства и другие польские земли (Силезия, Мазовия). Борьба против немецкого наступления сближала Польшу с соседней Литвой, включавшей ряд украинских, белорусских и русских земель, и привела в 1385 г. к их унии (Кревская польско-литовская уния). В 1409 г. объединенное Польско-Литовское государство оказалось вовлеченным в «Великую войну» с Тевтонским орденом. Решающее сражение произошло 15 июля 1410 г. под Грюнвальдом. Выставленные Литвой полки были укомплектованы в значительной части белорусскими, украинскими и русскими воинами. В состав польского войска входили полки из Силезии, состоявшие из поляков и чехов.

В начале сражения литовская конница стала отступать. Немецкие силы обрушились на польские и чешские полки, вызвали в их среде смятение. Но стоявшие в центре русские смоленские полки выдержали атаку, и это позволило польским частям, оправившись от замешательства, перейти в решительное наступление. Битва завершилась полным разгромом войск Тевтонского ордена. Хотя орден и не был уничтожен, но мощь его была подорвана. По первому Торуньскому мирному договору 1411 г. орден отказался от своих притязаний на Прибалтику (Жемайтия) и Привисленье (Добжанская земля) и обязался уплатить большую контрибуцию. По Торуньскому миру 1466 г. Тевтонский орден вынужден был признать себя вассалом Польши и вернуть ей Восточное Поморье с Гданьском, а также и другие исконные польские земли.

Грюнвальдская битва положила предел германской феодальной экспансии на Востоке.

Чехия в XIV в.

Большую роль в международных отношениях начиная с XIII в. играла в Европе Чехия. Чехия номинально входила в состав Германской империи, но с середины XII в. фактически была самостоятельным государством. Чешские короли, будучи вассалами германского императора, не противодействовали проникшему в Чехию немецкому влиянию и отчасти даже покровительствовали немецкой колонизации, что вызывало

обострение социальных, политических, национальных и религиозных противоречий в стране и острые конфликты Чехии с Германской империей.

В середине XIV в. в Чехии усилились социальные противоречия. Развитие товарно-денежных отношений способствовало разорению немалою числа мелких и средних феодалов (шляхты), не сумевших приспособиться к ведению хозяйства в новых условиях. Крупные феодалы (паны), среди которых было много выходцев из Германии, стремились увеличить свои владения за счет крестьян и низшего дворянства. Возрастали повинности крестьян, росло имущественное расслоение в их среде, увеличивалось число малоземельных и безземельных крестьян. Особенно тяжелой эксплуатации подвергалось крестьянство со стороны церкви. Естественно поэтому, что растущее недовольство крестьянства выливалось в антифеодальные движения, часто проявлявшиеся в форме ересей.

Усилились противоречия и в городах, где немногочисленная городская верхушка, в значительной части состоявшая из немцев, сосредоточила в своих руках немалые богатства. Основную же массу населения городов составляло бюргерство — ремесленники, мелкие и средние торговцы — и городской плебс, состоявший преимущественно из чехов. Поэтому социальные противоречия в городах нередко переплетались с национальными.

Всеобщее резкое недовольство чехов вызывала политика папства, его постоянное вмешательство в дела чешской церкви с целью все больше подчинить ее себе. А так как высшее духовенство в Чехии было по преимуществу немецким, недовольство направлялось не только против римской курии, но и против немецкого засилья в церкви и в стране в целом.

Гуситское движение

Выступления против злоупотреблений немецкого духовенства, оппозиция католической церкви а борьба за национальную чешскую церковь вылилась в широкое общественное движение, принявшее религиозную форму. Оно объединило вначале различные социальные слои чешского народа — бюргерство, крестьянство, плебейские элементы города и деревни и часть феодалов, особенно мелких и средних. Возглавил это движение профессор богословия Пражского университета Ян Гус (ок. 1369—1415). Он обличал пороки католического духовенства, выступал против церковных богатств и требовал секуляризации церковных имуществ. Соглашаясь с некоторыми из положений Джона Виклифа, Гус считал, что вечное спасение людей определяется божьей волей, а потому они не нуждаются в многочисленных священнослужителях. Гус не признавал папу наместником Христа на земле, отвергал необходимость церковной иерархии. Он требовал создания национальной чешской церкви, независимой от Рима.

Хотя проповеди Гуса были проникнуты сочувствием к простому народу, он являлся представителем «бюргерской ереси». Но в то же время он был идеологом борьбы чехов за освобождение от немецкого засилья. Гус писал свои сочинения на чешском языке, составил его грамматику, перевел на чешский язык Библию. Он возглавил борьбу против немцев, господствовавших в Пражском университете. Она завершилась передачей управления университетом чехам (1409) и избранием Яна Гуса ректором университета.

Католическая церковь и немецкое духовенство Чехии повели ожесточенную борьбу против Гуса. Сначала он был отлучен от церкви и должен был уехать из Праги (1412), а через некоторое время папа вызвал его на церковный собор в Констанц. Здесь Гус был осужден за свои убеждения как еретик и сожжен на костре (1415).

Гуситские войны

Казнь Гуса вызвала бурю негодования в Чехии и за ее пределами. В ответ на эту расправу в 1419 г. в Чехии начались гуситские войны. Вся страна раскололась на два лагеря: феодально-католический и гуситский. К первому принадлежало высшее

духовенство, чешские крупные феодалы — паны, городской патрициат и часть низшего дворянства; ко второму — крестьяне, городские ремесленники, мелкие и средние торговцы, подмастерья, наемные рабочие, большая часть среднего и низшего духовенства и мелкого и среднего рыцарства.

Вскоре в гуситском лагере обособилась радикальная группировка, получившая наименование таборитов (по названию города Табор, на юге Чехии, где был их центр). Основу ее составляли крестьяне и ремесленники. Они создали армию, во главе которой стоял опытный полководец Ян Жижка. Табориты выступали против феодальных порядков, поборов и повинностей, отвергали организацию и иерархию католической церкви, имели выборных священников. Часть таборитов стремилась к установлению общности имущества. Табориты, близкие к крестьянско-плебейской ереси, стояли за революционные методы борьбы. Крестьянско-плебейская армия таборитов была основной военной силой в гуситских войнах.

Радикализм взглядов вождей крестьянского движения привел к постепенному отходу от таборитов бюргерства и рыцарства — сторонников бюргерской реформы церкви. Этот умеренный лагерь в гуситском движении получил название «чашники», потому что одним из важных для них лозунгов было требование причащения мирян не только хлебом, но и из чаши (как причащалось в католической церкви только духовенство).

Размах гуситского движения в Чехии побудил римского папу объявить крестовый поход против еретиков-гуситов. Феодально-католические силы в самой Чехии и за ее пределами возглавил император Сигизмунд. Всего против гуситов в 1420—1431 гг. было организовано папой и германским императором пять крестовых походов, но все они оканчивались полным поражением крестоносцев. Гуситское движение перестало быть чисто чешским явлением и способствовало брожению и революционным выступлениям крестьян в соседних с Чехией землях; оно имело отклики и во многих других странах Европы, даже далеко отстоящих от Чехии (в Англии, Франции, Фландрии, Испании), а также в славянских странах Балканского полуострова, Византии и др. Табориты перешли в наступление на Германию и, проникнув на ее территорию — в Баварию, Саксонию и другие области, достигли в своих походах побережья Балтийского моря, распространяя свое учение среди народных масс Германии. Немецкие крестьяне вступали в армию таборитов и поднимались на борьбу со своими светскими и духовными феодалами. Крестьянские восстания вспыхивали не только в разных частях Германии, но и в Венгрии, Австрии, Польше, Франции, Фландрии и других странах. Поэтому вся католическая Европа была заинтересована в подавлении гуситского движения. В этих целях собор католической церкви в Базеле повел переговоры и заключил соглашение с чашниками (так называемые Пражские компактаты 1433 г.), признав причащение мирян из чаши и совершившуюся секуляризацию церковных имуществ. Это соглашение означало окончательный разрыв чашников с таборитами. После этого объединенные силы чашников и католических панов в 1434 г. разгромили и уничтожили таборитское войско в битве у Липан. Хотя отдельные таборитские общины уцелели и просуществовали до второй половины XV в., это поражение было концом таборитского движения.

Гуситское движение — одно из самых мощных антифеодальных движений в средневековой Европе — имело большое международное значение. Оно способствовало подъему антифеодальной борьбы во всех странах Европы. Гуситские, в частности таборитские, идеи распространились в Центральной и Западной Европе, поднимая крестьян и городские низы на борьбу со светскими и духовными феодалами.

Борьба Болгарии и Сербии против турецкой агрессии

Начиная с XIV в. над Византией и соседними с ней славянскими государствами Балканского полуострова нависла угроза завоевания турками-османами. Так же как и при монгольском нашествии, славянские народы, став жертвой завоевателей, явились первым

щитом, заслонившим Западную Европу от грозящей ей опасности. На этот раз таким заслоном явились южнославянские народы — сербы, болгары и др.

Турки-османы обосновались в 1352 г. на европейском берегу Дарданелльского пролива и начали свое продвижение в глубь Балканского полуострова. Король Сербии Стефан Душан (1331—1355) сразу понял размеры угрожающей опасности. Он вступил в переговоры с римским папой, соглашаясь на церковную унию с католичеством, с тем чтобы папа идейно возглавил европейское крестоносное движение против турок. Сам Душан готов был стать во главе крестоносного войска. Но переговоры эти оказались безрезультатными.

В 1363 г. турки захватили Адрианополь, который стал базой их дальнейших действий. Феодалные усобицы в Болгарии, распад ее на три самостоятельных государства в XIV в., распад Сербии после смерти Стефана Душана на ряд самостоятельных феодальных владений способствовали успехам турецкого продвижения на Балканах. Летом 1389 г. на Косовом поле сербы вынуждены были сражаться с турками без всякой поддержки со стороны ближайших соседей и потерпели полное поражение. Вскоре (1393) турки окончательно захватили Тырново и подчинили себе болгарское Тырновское царство, а затем и остальных два болгарских государства, а также Византию (1453). Вслед за этим турки начали окончательное подчинение сербских земель. В 1459 г. пала последняя сербская крепость Смедерево. В 1463 г. турки овладели Боснией и Герцеговиной. В начале XVI в. они начали завоевывать хорватские земли, в первую очередь Далмацию, а затем вторглись в Венгрию и Словакию.

Как и во время монгольского нашествия, правящие круги западноевропейских государств, несмотря на неоднократные обращения к ним Византии и южнославянских народов, ничего не сделали для предотвращения турецкой опасности и организации отпора завоевателям. Западноевропейские феодалы и католическая церковь, как и во время нашествия монголов, пытались даже использовать турецкую угрозу в своих корыстных целях. Это особенно ярко проявилось в политике папства по вопросу об унии католической и православной церквей, провозглашенной в 1439 г. С помощью этой унии панство пыталось установить свою гегемонию в Византии, в южнославянских землях, а также в Русском государстве.

В результате завоевания турками Балканского полуострова Западная Европа непосредственно столкнулась с турецкой опасностью. В руки турок попали важнейшие торговые пути, что нанесло сильнейший удар европейской торговле с Востоком, привело к упадку средиземноморской торговли и имело другие важные последствия для международных отношений в Европе. Так, в частности, турецкая военная угроза стала одним из постоянно действующих факторов в международной политической жизни европейских государств на протяжении ряда последующих столетий.

Глава 20

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В V-XV вв.

§ 1. КУЛЬТУРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Переход от рабовладельческого строя, к феодальному сопровождался коренными изменениями в духовной жизни западноевропейского общества. На смену античной, в основном светской культуре, пришла культура средневековая, для которой было характерно господство религиозных взглядов. Решающее влияние на ее формирование оказали, с одной стороны, унаследованное от старого мира христианство, с другой — культурное наследие варварских народов, сокрушивших Рим. Идейное руководство церкви, старавшейся подчинить всю духовную жизнь общества христианскому вероучению, определило облик культуры средневековой Западной Европы.

Эта особенность средневековой культуры обусловила ее противоречивую оценку в последующие века. Гуманисты и историки-просветители XVIII в. (Вольтер и др.) пренебрежительно относились к культуре средних веков, «темной ночи христианства». В противоположность им реакционные романтики конца XVIII — начала XIX в. положили начало идеализации средневековой культуры, в которой видели проявление высшей морали.

Апология средневековой культуры и той роли, которую играла в ее развитии церковь, характерна и для современной буржуазной католической историографии и философии неотомизма, которая пытается возродить учение католического философа XIII в. Фомы Аквинского и провозглашает это учение высшим достижением философской мысли.

Советские ученые считают, что руководство со стороны церкви всей духовной жизнью общества тормозило развитие культуры средневековья. Вместе с тем, с точки зрения историков-марксистов, средневековье также внесло свой вклад в историю человеческой культуры. В средние века в сферу культурного развития были вовлечены многие новые народы, зародилась национальная культура современных европейских стран, сложилась богатая литература на национальных языках, были созданы замечательные образцы изобразительного искусства и архитектуры. Облаченные в силу исторических условий в религиозную форму, человеческая мысль и художественное творчество продолжали развиваться. Медленный их рост в течение средних веков создал условия для последующего подъема естественнонаучной и философской мысли, литературы и искусства.

Упадок культуры в позднеримской империи и в раннее средневековье

Конец Римской империи и начало средневековья ознаменовались общим падением культуры. Варвары разрушили многие города, являвшиеся средоточием культурной жизни, дороги, ирригационные сооружения, памятники античного искусства, библиотеки. Однако временный упадок культуры определялся не только этими разрушениями, а глубокими сдвигами в социально-экономическом развитии Западной Европы: ее аграризацией, повсеместным нарушением экономических, политических и культурных связей, переходом к натуральному хозяйству. Следствием этих явлений была крайняя ограниченность кругозора людей того времени, отсутствие у них объективной необходимости в расширении знаний. Крестьяне, повсюду составлявшие большинство населения, остро ощущали свою повседневную зависимость от окружающей природы, видели в ней неконтролируемую грозную силу. Это создавало почву для всевозможных суеверий, магии, а вместе с тем и для

устойчивости религиозных чувств и умонастроений. Поэтому «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим».

Черты упадка античной культуры наметились задолго до падения Римской империи. Для литературы поздней империи стали характерны склонность к стилизации и изысканной аллегорической форме в ущерб содержанию. Пришла в упадок философия, а с ней — зачатки научных знаний. Многие произведения античных философов и писателей были забыты.

Глубокий кризис позднеантичного общества содействовал усилению роли христианства, которое становится в IV в. государственной религией и оказывает все большее влияние на идейную жизнь общества. Варварские нашествия V—VI вв. способствовали дальнейшему вырождению античной культуры. Школы, существовавшие еще в V в., в течение VI в. повсеместно закрывались, грамотность стала редкостью. На смену классической приходит так называемая вульгарная «варварская», или народная, латынь, имевшая множество местных диалектов. Сфера применения римского права резко сократилась. Наряду с ним распространяется обычное право, зафиксированное в варварских правах.

Упадок культуры в раннее средневековье объяснялся в немалой степени особенностями складывающейся в Западной Европе церковно-феодальной идеологии, носителем которой выступила католическая церковь.

Монополия церкви на интеллектуальное образование

Господство во всех слоях общества религиозных представлений способствовало установлению на многие столетия церковной «монополии на интеллектуальное образование». Подчинив себе систему начального образования (школы в это время существовали только при монастырях), церковь установила контроль над всей духовной жизнью складывающегося феодального общества. В социальном отношении духовная диктатура церкви выражала ту особую роль, которую церковь играла в средневековом обществе в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции ~ существующего феодального строя'. Обладая во времена политической децентрализации прочной организацией и сложившейся доктриной, церковь располагала и мощными средствами пропаганды.

Установление монополии церкви в области культуры способствовало подчинению всех областей знания церковно-феодальной идеологии. «...Церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия, — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви».

Церковь претендовала на то, что она выступает от имени всего общества, однако объективно она выражала интересы господствующего класса и усиленно насаждала такие черты мировоззрения, которые могли помочь сгладить социальные противоречия. Эти черты и наложили отпечаток на всю средневековую культуру (до XIII в.). Согласно церковному мировоззрению, земная «греховная» временная жизнь и материальная природа человека противопоставлялась вечному «потустороннему» существованию. Как идеал поведения, обеспечивающего загробное блаженство, церковь проповедовала смирение, аскетизм, строгое исполнение церковных обрядов, подчинение господам.

Большое эмоциональное воздействие на глубоко и искренне религиозного средневекового человека оказывали популярные в раннее средневековье духовные гимны, литургические пьесы, рассказы о жизни и чудесных делах святых и мучеников. В «Житиях» святой наделялся чертами характера, которые церковь хотела воспитать у верующего (терпение, твердость в вере и т.п.). Ему последовательно и настойчиво внушалась мысль о тщетности человеческих дерзаний перед лицом неотвратимой судьбы. Так массы уводились от реальных жизненных проблем.

Рост влияния христианства был невозможен без распространения письменности, необходимой для христианского богослужения, опирающегося на церковные книги. Переписка таких книг осуществлялась в организованных при монастырях скрипториях — мастерских письма. Их образцом послужил монастырь Виварий (Южная Италия), возглавлявшийся Кассиодором (ок. 480—573 гг.) — одним из первых средневековых христианских писателей.

Рукописные книги (кодексы) изготовлялись из пергамента — особым образом обработанной телячьей или овечьей кожи. Для изготовления одной Библии большого формата требовалось около 300 овечьих шкур, на ее переписку уходило два-три года. Поэтому книги представляли большую ценность и изготовлялись в небольшом количестве. Цель переписки книг хорошо определена в словах Кассиодора: «Монахи борются пером и чернилами против коварных козней дьявола и наносят ему столько ран, сколько слов господних они переписывают».

Скриптории и монастырские школы были в то время единственными очагами образования в Европе, что способствовало укреплению духовной монополии церкви.

Отношение церкви к античному наследию. Образование в раннее средневековье

Христианство сложилось в идейной борьбе с античной культурой. Особую опасность христианские теологи видели в античной философии. Один из «отцов церкви» — Тертуллиан (ок. 155—222) заявлял: «Философы являются патриархами ереси». Презрительное отношение к разуму и приоритет веры нашли выражение в популярном тогда изречении: «Верю, потому что абсурдно». Один из самых ревностных пропагандистов христианства в VI в. — папа Григорий I был вдохновителем настоящего похода против «мирской науки», противопоставлял ей дарованные свыше «знание незнающего» и «мудрость неученого».

Однако церковь оказалась вынуждена взять для себя кое-что из античного наследия. Без его отдельных элементов стало бы непонятным само христианское вероучение, сложившееся еще до падения Римской империи. Отвергая на словах античную философию, многие теологи раннего средневековья, воспитанные в традициях античной культуры, при разработке догматов веры широко использовали позднеримскую философию — неоплатонизм (например, Августин).

В произведениях отдельных церковных деятелей высказывалась даже мысль о возможности использования некоторых отдельных элементов античной культуры, если это содействует укреплению христианской веры. В начале V в. Сократ Схоласт писал: «Противника намного легче бывает одолеть, когда против него обращается его собственное оружие. Мы не можем сделать это, если сами не овладеем оружием наших противников, проявляя при приобретении этого умения осторожность, дабы не поддаться влиянию их взглядов».

Стремление согласовать христианскую идеологию с традициями античной культуры проявилось в деятельности Боэция (480—525) — философа, поэта, политика Остготского королевства. В его трактате «Об утешении философией» сохранились сведения об астрономии Птолемея, механике Архимеда, геометрии Эвклида, музыке Пифагора, логике Аристотеля.

Церковь вынуждена была использовать отдельные элементы светского знания античности при организации церковных и монастырских школ, необходимых для обучения духовенства. Но и античное наследие было воспринято лишь в том обедненном виде, в котором оно существовало в поздней Римской империи, использовалось односторонне и тщательно согласовывалось с христианскими догмами. Первая попытка свести воедино элементы античных знаний, приспособив их для нужд церкви, была сделана еще в V в. Мар-цианом Капеллой. В книге «О браке Филологии и Меркурия» он дал краткое изложение тех предметов, которые лежали в основе обучения в античной школе и были

известны под названием «семи свободных искусств». В VI в. Боэций и Кассиодор разделили эти «семь искусств» на две ступени обучения: низшую — так называемый тривиум: грамматика, риторика и диалектика — и высшую — «квадривиум»: геометрия, арифметика, астрономия и музыка. Эта классификация сохранилась до XV столетия. В школах, позднее в университетах, риторика преподавалась по Цицерону, диалектика — по Аристотелю. Сочинения Пифагора и Эвклида лежали в основе изучения арифметики и геометрии, Птолемея — в основе астрономии. Однако в раннее средневековье преподавание «семи свободных искусств» было полностью подчинено целям образования духовенства, представителям которого требовались скромные познания: знание молитв, умение читать по-латыни, знакомство с порядком церковных служб, элементарные сведения по арифметике. Церковь не была заинтересована в расширении этого круга знаний. Поэтому риторика рассматривалась церковью лишь как предмет, полезный при составлении проповедей и оформлении церковных и государственных документов; диалектика, под которой тогда понималась формальная логика, — как система доказательств, служащих для обоснования догматов веры; арифметика — как сумма необходимых практических знаний для счета и для религиозно-мистического истолкования чисел.

Геометрия содержала элементарные знания о фигурах и чертежах, необходимые для возведения храмов. Музыка учила петь и сочинять церковные гимны, астрономия обучала способам исчисления сроков наступления христианского праздника пасхи.

Выше всех наук ставился авторитет Священного писания и «отцов церкви». Исторические произведения этой эпохи, написанные Григорием Турским, Исидором Севильским, Бедой Достопочтенным и др., были проникнуты церковным мировоззрением, оправдывающим существующий несправедливый строй общества.

В соответствии с христианской догмой Вселенная (космос) рассматривалась как творение бога, созданное из ничего и обреченное на гибель в установленный богом срок. Таким образом, было отброшено важнейшее достижение античной философии — аристотелевская идея о вечности мира. Геоцентрическое учение о строении Вселенной, созданное в античном мире Аристотелем и Птолемеем, также было приспособлено к христианской догме. Вселенная представлялась как система концентрических сфер в центре которой располагалась неподвижная Земля. Вокруг нее обращались Солнце, Луна, пять планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн); затем следовала сфера неподвижных звезд (Зодиак) и кристальное небо, отождествляемое с перводвигателем. На самом верхнем этаже мироздания находилось местопребывание бога и ангелов. Картина мира включала также ад, символизирующий «грешность» земли, и рай, куда после смерти, согласно церковному учению, попадали души добродетельных христиан.

Не менее фантастическими были географические представления. Центром Земли считался Иерусалим. На Востоке (который на картах изображался вверху), помещалась гора, где, по преданию, некогда находился земной рай и откуда вытекали четыре реки: Тигр, Евфрат, Ганг и Нил.

Особенно отрицательно сказалось господство церковно-религиозного мировоззрения на изучении природы и человека. Согласно учению церкви, бог и его творение — природа, включая человека, неразрывны. Каждый материальный объект рассматривался как символ сокровенного и идеального мира, как проявление божьей мудрости. Предметом науки о природе считалось раскрытие этих символов — «невидимых причин видимых вещей». Такой символизм, насаждаемый церковью, вел к отказу от изучения подлинных связей вещей при помощи опыта. Он наложил отпечаток на всю средневековую культуру. Считалось, что слова объясняют природу вещей. В форме этимологического толкования значения и происхождения слов была написана в VI в. первая энциклопедия средневековья — «Этимология» Исидора Севильского (560 — 636) — свод знаний того времени по грамматике, истории, географии, космологии, антропологии и теологии. Исидор Севильский широко использовал работы греко-римских авторов, но интерпретировал их в

соответствии с христианской доктриной. Эта книга стала главным источником раннесредневековой образованности.

Символизм наложил отпечаток на всю средневековую культуру. Непосредственное реалистическое восприятие мира в искусстве и литературе этого периода часто облекалось в форму символов и аллегорий.

Духовная культура народных масс

Торжество церкви в области культуры и идеологии закрепилось в процессе острой борьбы.

Господствующий феодально-церковной культуре противостояла народная культура — мировосприятие и художественное творчество народных масс. Своими корнями народная культура уходила в дофеодальную древность и была связана с варварским культурным наследием, языческими мифами, поверьями, легендами и празднествами кельтов, германцев, славян и других варварских народов. Эти традиции, сохранившиеся в крестьянской среде на протяжении всего средневековья, тоже были пронизаны религиозными чувствами и представлениями, но иного — языческого толка: они были чужды мрачному аскетизму христианства, его недоверию к живой природе. Простые люди видели в ней не только грозную силу, но и источник жизненных благ и земных радостей. Их мировосприятию был присущ наивный реализм. Большую роль в духовной жизни простого народа играли народные песни, пляски и устная поэзия, открыто противостоявшие церковной музыке и культуре господствующего класса в целом. Формы безымянного народного творчества, фольклора были чрезвычайно разнообразны. Это сказки, предания, различные лирические песни — любовные, застольные, трудовые, пастушеские; хоровые напевы; обрядовые песни — свадебные, погребальные и т. п., восходящие к древним дофеодальным обычаям.

Пережитки языческих представлений и верований, так же как и связанные с ними «обычаи предков», в значительной мере определяли духовную жизнь народных масс. Возрождаясь в новых исторических условиях и часто на новой этнической основе, народные культурные традиции позднее оказали влияние почти на всю письменную средневековую художественную литературу.

Большое место в народном творчестве раннего средневековья, когда культура еще не была дифференцирована в социальном отношении, занимали героические песни и сказания о военных походах, битвах и сражениях, прославлявшие доблесть вождей и героев. Зарождаясь иногда в среде военной дружины, они затем популяризировались народными исполнителями и подвергались соответствующей обработке в плане народных идеалов. Народные сказания явились первоначальной основой крупных эпических произведений западноевропейского средневековья. Народная основа с большой полнотой проявилась в раннесредневековом эпосе Англии, Ирландии и Скандинавских стран, где в силу замедленности процесса феодализации долгое время существовал значительный слой свободного крестьянства и сохранялись пережитки язычества. В народной поэзии этих стран были живы отзвуки кельтских и германских легенд и преданий, в которых особенно ярко проявилась сила народного поэтического воображения.

Наиболее типичны в этом отношении ирландские саги, повествующие о герое Кухулине — защитнике слабых и угнетенных. Значительным памятником скандинавского эпоса является древнеисландская «Старшая Эдда» — сборник песен, наиболее ранние из которых восходят к IX в. Он содержит сказания о богах, в форму предписаний которых облечена житейская народная мудрость, и героические песни, повествующие об отдаленных событиях эпохи «переселения народов». В исландских сагах рассказывается о подлинных исторических событиях, например об открытии исландцами Гренландии и Северной Америки.

Устное народное творчество легло в основу англосаксонской эпической поэмы о легендарном герое Беовульфе (поэма «Беовульф»), записанной на англосаксонском языке в начале X в. В поэме воспевается борьба и победа Беовульфа над кровожадным чудовищем Гренделем и другие подвиги.

Выразителями и носителями музыкального и поэтического творчества народных масс были мимы и гистрионы, а с XI в. — так называемые жонглеры во Франции, хуглары в Испании, шпильманы в Германии и т. п. Они бродили по всей Европе, зарабатывая хлеб насущный представлениями перед народом: пели народные песни, играли на различных инструментах, разыгрывали небольшие сценки, водили с собой дрессированных животных, показывали акробатические номера и фокусы. Повседневно общаясь с народом, эти люди легко воспринимали народные ереси и быстро распространяли их по всей Европе. Церковь терпимо относилась к исполнителям героических песен, но жестоко преследовала носителей игрового народного творчества, так как представления последних часто носили ярко выраженный антицерковный характер.

Будучи не в силах искоренить народную культуру, церковь пыталась подчинить ее своему влиянию: приурочивала пляски и песни, связанные с языческими празднествами и поверьями, к церковным праздникам, канонизировала местных «святых», в которых народная фантазия превращала героев древних мифов или языческих богов. Даже в проповеди включались элементы народных легенд, сказок, притч с целью извлечения из них поучений для верующих. Однако, используя частично народное творчество, церковь постоянно боролась с его проявлениями и в среде мирян и в среде духовенства, так как по своей внутренней сущности народная культура средневековья всегда выражала стихийный протест против феодально-церковной идеологии.

Искусство

Народные варварские традиции определили во многом своеобразие искусства в раннее средневековье. Оно утратило утонченность и совершенство форм искусства античности и многие его ценные качества: почти полностью исчезли скульптура и вообще изображение человека, были утрачены навыки обработки камня. Лишь в Южной Европе сохранялись позднеантичные традиции, в частности каменное зодчество, искусство мозаики. В центре же и в северных областях Западной Европы преобладало деревянное зодчество, образцы которого, за редким исключением, не сохранились.

Варварские вкусы и мироощущение, культ физической силы, выставяемого на показ богатства, но вместе с тем живое непосредственное чувство материала — вот что было характерно для искусства раннего средневековья. Эти черты проявились в ювелирном и книжном деле. Короны, ножны, пряжки, ожерелья, кольца, браслеты украшались драгоценными камнями в золотой оправе и сложным орнаментом, в котором преобладали геометрические, но особенно «звериные» и растительные мотивы. При всем своем примитивизме варварское искусство было исполнено большого внутреннего динамизма. Его главным изобразительным средством был цвет. Яркие предметы создавали ощущение материальности, соответствующее варварскому чувственному видению и восприятию мира, далекому от христианского церковного аскетизма.

С завершением христианизации Западной Европы в VII в. возрождается антропоморфное искусство, в центре которого было изображение в человеческом облике бога и святых.

«Каролингское возрождение»

В конце VIII — начале IX в. при Карле Великом в Каролингском государстве наблюдается некоторый подъем феодально-церковной культуры, получивший в историографии название «Каролингское возрождение». Для аппарата управления обширной

державой Каро-дингов нужны были кадры чиновников и судей, имевших известную образовательную подготовку. Таких людей Карл Великий мог найти среди духовенства — единственно грамотного слоя населения в это время, хотя культурный уровень клириков был невысок.

Так называемый «Капитулярий о науках» (ок. 787 г.) предписывал открывать при каждом монастыре и епископской кафедре школы для монахов и клириков. Была сделана попытка организовать и обучение мирян (в капитулярии 802 г.). Программа обучения во вновь создаваемых школах почти не отличалась от программы прежних церковных школ. Перед ними ставилась задача, как гласит постановление Шалонского церковного собора 813 г., воспитать таких людей, «которые могли бы иметь особенное значение среди простого народа и наука которых могла бы быть противопоставлена не только различным ересям, но и ухищрениям антихриста».

Карл Великий приглашал образованных людей и из других стран: из Италии — Павла Диакона, из Испании — гота Теодульфа, из Англии — Алкуина, который сыграл особенно большую роль в «Каролингском возрождении». Император создал при дворе нечто вроде литературного кружка, получившего наименование «Дворцовая академия». Членами его были сам Карл и его многочисленная семья, виднейшие духовные и светские сановники, учителя и ученики открытой в Ахене придворной школы.

В Академии читались и истолковывались произведения не только церковных, но и античных авторов, а также сочинения участников кружка. Каждый член Академии избирал себе античный или библейский псевдоним: Карл звался «Давидом», Алкуин — «Флакком» и т. д. Из Италии привозились рукописи с сочинениями римских писателей.

В ряде монастырей пишутся анналы. Возрастает интерес к агротехнике: переписываются агротехнические трактаты античности, появляются новые произведения по сельскому хозяйству (например, поэма Валафрида Страбона «Книга об обработке огородов»). Подражая византийским императорам, Карл приказал строить каменные дворцы и церкви в Ахене, Борисе и других городах. Эти постройки в основном копировали византийскую архитектуру, но были гораздо более скромными по размерам. При несовершенстве строительного искусства франков почти все возведенные при Карле постройки погибли. Сохранилась до нашего времени только капелла в Ахене.

Мероприятия Карла Великого оживили культурную жизнь Франкского государства. Расширился круг образованных людей. В церковные школы стали допускаться миряне. В монастырских скрипториях наряду с произведениями христианской литературы стали переписываться произведения многих римских авторов.

В течение IX в. фонд таких рукописей значительно возрос. Общее число дошедших до нас от этого столетия кодексов превышает 7000. Подавляющее большинство рукописей, по которым издаются теперь произведения античных авторов, относится именно к IX в. Значительно улучшилось и внешнее оформление рукописей. Почти повсеместно установилось четкое письмо — каролингский минускул; рукописи украшались миниатюрами и заставками.

Работы каролингских писателей — Павла Диакона, Алкуина. 1 Эйнгарда, написавшего биографию императора «Жизнь Карла Великого», — внесли вклад в развитие средневековой латинской литературы. После двух «темных веков» «Каролингское возрождение» выдвинуло идею пользы образования, в том числе и светских знаний. Однако его нельзя считать подлинным возрождением культуры; оно свелось лишь к внешнему подражанию некоторым римским образцам, преимущественно по форме.

В период «Каролингского возрождения» дальнейшее развитие получили церковно-феодальные политические идеи. Еще в раннее средневековье в сочинениях церковных деятелей 0 в законодательных актах оправдывалось и увековечивалось сословное деление общества. Позднее получила распространение идея о необходимости сотрудничества сословий. Ее наиболее четко сформулировал епископ Лана — Адальберон (конец X — начало XI в.): «...одни молятся, другие воюют, третьи работают, а вместе их три

сословия и не вынести им обособления». В ряде трактатов развивалось положение о короле как слуге бога (*minister dei*) на земле, которому его подданные должны повиноваться, даже если он несправедлив.

Культурные и социальные границы «Каролингского возрождения» были узки и определялись лишь тем, что отвечали нуждам небольшой группы придворных и высокопоставленных виновников. И в период «Каролингского возрождения» церковно-религиозное мировоззрение оставалось господствующим.

«Каролингское возрождение» кончилось с распадом империи Каролингов. Вскоре после смерти Карла Великого прекратили существование многие школы. С 817 г. было запрещено обучать в церковных и монастырских школах тех, кто не готовился к духовному званию. Единственным оригинальным мыслителем IX в., поднявшим над уровнем современного ему богословия был ирландец Иоанн Скотт Эриугена. Хорошо владея греческим языком, он изучил труды греческих неоплатоников и перевел их на латынь. Под их влиянием в своем главном труде «О разделении природы» Эриугена вопреки официальной церковной доктрине склонился к пантеизму. Для Эриугена христианская вера была основой всякого знания, но он считал, что религия не должна стеснять свободу разума. Эриугена утверждал превосходство разума над авторитетом отцов церкви. Позднее его сочинения были осуждены как еретические.

К концу IX в. в большинстве стран Европы наступил новый упадок культуры, охвативший X — первую половину XI в. Только в Германии при дворе германских императоров Саксонской династии — Оттонах — в конце X в. культурная жизнь была более активной: продолжалась литературная деятельность, велось строительство, переписывались рукописи. При некоторых соборах были открыты школы. В одной из епископальных школ в Реймсе «свободные искусства» с 980 г. преподавал ученый монах Герберт, будущий папа Сильвестр II. Он познакомил Европу с арабскими цифрами, счетной доской «абак», облегчавшей арифметические действия, астрономическим прибором астролябией. В целом итоги так называемого «Оттоновского» возрождения, как и «Каролингского», при всей их ограниченности способствовали дальнейшему развитию ранней средневековой культуры. Однако они не сумели создать основы для более широкого и стабильного ее подъема.

§ 2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА XI—XIII вв.

Возникновение города и его роль в развитии средневековой культуры

С возникновением в X—XI вв. городов как центров ремесла и торговли начался новый этап в истории средневековой культуры. Интенсивное развитие в городах товарного производства и денежного обращения вызвало все возрастающую потребность в грамотных людях, умеющих писать, считать, составлять и оформлять документы. Производственная ремесленная практика породила интерес к опытным знаниям и содействовала их накоплению. Свойственные горожанам активное восприятие жизни, трезвый расчет, деловитость способствовали выработке рационалистического типа мышления. Круг умственных запросов и интересов возрос. Усилилось стремление к светскому образованию. Грамотность вышла за пределы узкого круга представителей духовенства.

Монополия церкви на интеллектуальное образование была нарушена. Церковь продолжала сохранять господствующее положение в области идеологии, однако даже в богословие и философию стали проникать идеи, не совместимые с католическим вероучением. Совокупность этих прогрессивных явлений в духовной жизни феодального общества, обусловивших ее подъем, можно определить как «городскую культуру».

Городская культура своими корнями уходила в народную культуру. Свободное население ранних городов вышло из крепостных крестьян. Антифеодалная борьба

эксплуатируемого крестьянства в XI — начале XII в. имела много общего с борьбой горожан против их феодальных сеньоров. Именно народные основы городской культуры, особенно заметные на ранней стадии развития, придавали ей прогрессивный характер. Позднее, со второй половины XIII в., по мере развития в городах социальных противоречий городская культура утратила свою однородность. В ней обнаружились разные социальные тенденции, отражавшие настроения и взгляды, с одной стороны, городской верхушки, а с другой — массы средних и бедных горожан.

Важным элементом подъема культуры и образованности в XI— XII вв. явились городские школы, успешно конкурировавшие с монастырскими. Кроме епископальных, в городах возникали частные, нецерковные школы по инициативе того или иного магистра (учителя), собиравшего вокруг себя группы слушателей, уже не только клириков, но и выходцев из рыцарской и городской среды. Ученики сами оплачивали преподавание. Будучи материально независимыми от церкви, такие школы легко становились центрами новых идей. Церковь относилась к ним с подозрением, как к рассаднику светских знаний и свободомыслия.

Развивается своеобразная специализация школьных центров. В Болонье (Италия) уже в XI в. возникают юридические школы, положившие начало так называемой «рецепции», т. е. усвоению элементов римского права. Здесь изучали правовые нормы, регулирующие торговые сделки, различные денежные операции и иногда междусословные отношения. Юриспруденция начала сбрасывать с себя церковную оболочку. В медицинских школах Салерно (Италия) и Монпелье (Франция) зародились подсказанные опытом идеи о строении человека, изучались труды античных врачей Гиппократ и Галена, учитывались достижения арабских ученых. Это способствовало развитию практической медицины. В Оксфорде (Англия) особенно хорошо преподавалась оптика. В Лане (Северная Франция) изучали теологию, в Орлеане — античную поэзию, в Шартре — «семь свободных искусств», историю и литературу. В школах Шартра преподавал Гильом Коншский, философия которого содержала некоторые стихийно-материалистические тенденции, возрождая отчасти идеи Эпикура о том, что «мир состоит из атомов». Гильом утверждал, что при наличии противоречий между разумом и верой вера должна уступить.

Преподаванием математики, медицины, физики и астрономии славились испанские школы, заимствовавшие естественнонаучные знания арабов. Наконец, признанным центром философии был Париж, где наряду с соборной школой в Нотр-Дам открываются нецерковные школы на левом берегу Сены (так называемый Латинский квартал).

Развитие средневековой философии

В связи с развитием городской культуры в Западной Европе появились мыслители, которые, считая, что они отстаивают «правильное понимание» христианского вероучения, по существу, подрывали его идейные основы.

Беренгар Турский (1000—1088) впервые высказал смелую для того времени тигегель, что реальны лишь единичные вещи (res), доступные человеческим ощущениям, тогда как общие понятия — «универсалии» — реально не существуют, но являются абстрактными обозначениями суммы единичных явлений. Развивая эту мысль, Росцелин Компъенский (1050—1112) доказывал, что «универсалии» возникают «после вещей» и поэтому являются лишь простыми названиями или именами (nomina). Так возник «номинализм» — одно из течений средневековой философии, которое Маркс считал «первым выражением материализма» средних веков.

Номинализму противостоял «реализм» — учение, согласно которому признавалось реальное существование только «общих понятий» (универсалий). Единичные же вещи рассматривались лишь как порождение и несовершенное отражение этих понятий.

Номинализм был опасен для церкви: он мог поставить под сомнение утверждение церкви о материальном характере таинств и «божественной троицы»; в них номиналисты

видели лишь общие понятия. По словам В. И. Ленина, «в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогии с борьбой материалистов и идеалистов».

В ходе философских споров зародились главные направления средневековой схоластики. Такое название (что означает «школьная наука» от schola — школа) получила в целом средневековая философия. В развитии схоластики различаются три периода: ранний (XI—XII вв.), период ее расцвета (XIII в.) и упадка (XIV—XV вв.). Основным вопросом, по которому велись споры в схоластике, был вопрос об отношении знания к вере.

Одним из основателей ранней схоластики был Ансельм-Кентерберийский (1033—1108), считавший основой знания веру и пытавшийся философски обосновать теологию.

Выдающимся представителем другого, более прогрессивного направления ранней схоластики был Петр Абеляр (1079—1142) — яркий выразитель свободомыслия, развившегося на почве ранней городской культуры.

Открыв школу в Париже, Абеляр прославился в Европе как известный магистр «свободных искусств», выступивший против ортодоксальной схоластики. Главным источником познания он считал разум. Тезису «верую, чтобы понимать» он противопоставлял тезис «понимаю, чтобы верить». В своих сочинениях «Введение в теологию», «Да и нет», «Дидактика» и других Абеляр настойчиво проводил мысль о пользе светских знаний, в частности античной философии, для установления истины. «У Абеляра, — указывал Энгельс, — главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви».

В условиях массового распространения ересей и развития широкого освободительного городского движения во Франции XII в. взгляды и деятельность Абеляра были особенно опасны для церкви. Поэтому его учение было признано еретическим, ему было запрещено писать и преподавать. Инициатором травли Абеляра был фанатичный гонитель еретиков, один из основоположников средневековой мистики аббат Бернар Клервосский.

Труды Абеляра способствовали дальнейшему развитию схоластики. Он разработал метод логического доказательства истины путем сопоставления всех доводов «за» и «против».

Арабо-греческое наследие в XII—XIII вв.

С городской культурой было связано возрождение в XII в. более глубокого, чем раньше, интереса к античному наследию. Крестовые походы и Реконкиста в Испании познакомили Запад с культурой стран Востока и Византии. Уже в конце XI в. освобожденный от арабов Толедо становится центром, где переводятся работы арабских и греческих ученых и философов на латинский язык. Другим таким центром в XII в. была Сицилия, отвоеванная в конце XI в. норманнами у арабов. Здесь наряду с арабской наукой сохранилось знание греческого языка. В XII в. были переведены на латынь труды Эвклида, Гиппократ, Птолема, Архимеда, Галена. Европа познакомилась также с естественнонаучными сочинениями арабов, с трудами по физике, минералогии, медицине великого таджикского ученого Ибн-Сины (Авиценны).

Наибольшее влияние на дальнейшее развитие средневековой культуры оказал перевод натурфилософских произведений Аристотеля и его арабских комментаторов. Получают распространение сочинения одного из восточных последователей Аристотеля, араба Ибн-Рушда (1126—1196), известного в Западной Европе под именем Аверроэса. Этот крупнейший ученый, преподававший в Кордове, основывал свою философскую систему на признании приоритета разума и пришел в неизбежное столкновение с религией ислама. Аверроэс истолковывал учение Аристотеля с близкой к материализму точки зрения. Он отрицал религиозные представления о загробной жизни и о сотворении мира богом, учил, что материя существует вечно и что все природные явления подчинены не божественным, а

своим собственным, естественным законам. Мусульманское духовенство изгнало Аверроэса из Кордовы и запретило изучение Аристотеля во всей арабской Испании.

Университеты. Дальнейшее развитие схоластики

В XII—XIII вв. на Западе начинает складываться высшая школа — университет (от латинского *universitas* — совокупность). Так назывались объединения преподавателей (*universitas magistrorum*) или преподавателей совместно с учащимися (*universitas magistrorum et scholarium*). К началу XIII в. университеты появились в Болонье, Палермо, Салерно, Париже, Монпелье, Оксфорде и др.

Типичным средневековым университетом был один из старейших — Царижский, получивший в 1200 г. королевскую грамоту с узаконением его прав. В его состав входили учащиеся, преподаватели, а также книгопродавцы, переписчики, посыльные, аптекари и даже трактирщики, обслуживающие университет.

Преподаватели университета объединялись в особые организации, так называемые факультеты (от латинского *facultas* — способность, т. е. способность преподавать тот или иной предмет). В Парижском университете их было четыре: один «младший», или «артистический», факультет, на котором учащиеся обучались чтению и письму и изучали «семь свободных искусств», и три «старших» — медицинский, юридический и богословский, на которые поступали лишь по окончании младшего «артистического» факультета. Преподаватели выбирали главу факультета — «декана». Учащиеся средневековых университетов назывались «студентами» (от латинского *studere* «усердно заниматься») и, в свою очередь, объединялись в организации («провинции» и «нации»). В Парижском университете имелось четыре «нации» — французская (галльская), нормандская, пикардийская и английская. Все четыре «нации» вместе выбирали главу всего университета — ректора (*rector* — правитель).

Обучение в университетах заключалось в слушании и записывании лекций студентами, в участии их в диспутах. Лекции обычно сводились к чтению и комментированию трудов авторитетных церковных и некоторых излюбленных античных авторов. По образцу Парижского создавались и другие университеты. В XV в. в Европе их насчитывалось уже больше 60. Церковь стремилась подчинить университеты своему полному контролю, но это удалось ей далеко не сразу.

Медленное развитие производства и техники в феодальном обществе как в деревне, так и в городе, общий низкий уровень образованности и связанное с этим господство религиозного мировоззрения тормозили развитие подлинно научного знания. Даже в пору своего расцвета в XIII в. наукой в подлинном смысле этого слова схоластика не являлась. Наиболее характерной ее чертой являлось стремление опереться на «авторитеты», отсюда догматизм и пренебрежение к опыту. Главной целью ее были поиски искусных аргументов для подтверждения заранее намеченных положений, почерпнутых прежде всего из «Священного писания».

Все же деятельность схоластов имела в истории средневековой культуры и известное положительное значение: она способствовала развитию формальной логики, ввела во все университетские программы обязательное изучение Аристотеля; схоласты поставили и пытались разрешить некоторые важные проблемы познания, например вопрос об универсалиях; они познакомили Западную Европу со многими трудами древнегреческих и арабских ученых.

Католическая реакция в университетах. Парижские аверроисты в XIII в.

Расширение научного кругозора на базе усвоения античного наследия подрывало ранее выработанное и поддерживаемое церковью соотношение между христианским вероучением и светскими знаниями. Знакомство с натурфилософскими сочинениями

Аристотеля способствовало распространению в XIII в. рационализма и вольнодумства среди студентов и преподавателей университета, появлению учений, противостоявших официальной схоластике. Так, магистрами Парижского университета Амори Венским и Давидом Динанским высказывались пантеистические идеи о том, что бога, соответствующего пониманию христианской церкви, не существует, но он разлит во всей природе, а поэтому церковь со всеми ее догматами и таинствами не нужна. Эти взгляды получили распространение в еретическом движении амальрикан, которое было жестоко подавлено церковью.

К концу XIII в. перед церковью встала задача укрепить свои философские позиции в борьбе с еретическими движениями и свободомыслием. Учитывая растущую в обществе потребность в реальных практических знаниях, церковь изменила тактику. Отрицание светских знаний сменилось требованием рассматривать их как опору веры. Философия была объявлена «служанкой богословия», а учение Аристотеля стало использоваться для «обоснования» религиозной догмы. «Поповщина,— писал Ленин,— убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое».

С помощью нищенствующих монашеских орденов (см. гл. 18) церковь захватила в свои руки руководство университетами. Сначала в Парижском, а затем и в других университетах богословские факультеты с благословения папства оказались во власти доминиканцев. В результате схоластика приобрела чисто церковный характер. «Схоластическое богословие снова заняло первенствующее положение, и успешно соперничать с ним могли только практические науки, как медицина и юриспруденция... С того времени, как в университетах обосновались нищенствующие монахи, схоластика поглотила все духовные силы ученого мира...».

Наступление католической реакции в университетах сопровождалось острой идеологической борьбой. Ее центром стал Парижский университет. Здесь во второй половине XIII в. столкнулись две школы аристотелизма. Одна, возглавляемая католическими ортодоксами Альбертом, прозванным Великим (1193—1280), и его учеником Фомой Аквинским (1225—1274), стремилась приспособить труды Аристотеля к церковному учению. Другая школа, возникшая на «артистическом факультете», выступала за трактовку Аристотеля в духе Аверроэса. Ее глава Сигер Брабантский, утверждая вслед за Аристотелем вечность мира и всех живых существ, в том числе человеческого рода, фактически отрицал их сотворение богом-творцом. Сам бог в учении Сигера оказывался подчиненным законам природы. Церковь запретила учение аверроистов (1270, 1277). Сигер Брабантский погиб в папском застенке.

Крупнейшим представителем ортодоксальной схоластики XIII в. был итальянский доминиканец Фома Аквинский. Он выработал те общие принципы отношения католического богословия к природе и обществу, которые и поныне католическая церковь считает неоспоримыми. В своем главном сочинении «Богословская сумма» и в ряде других Фома Аквинский, односторонне интерпретируя Аристотеля, пытался рационалистически обосновать церковную систему догм, поставить науку на службу религии, выдвинув идею гармонии разума и веры. Однако он сохранил за философией ее место служанки богословия. «В вопросах веры,— писал он,— любая старуха знает больше всех философов ... ибо какая старуха не знает, что душа бессмертна». «Всякое знание,— утверждал он,— греховно, если только оно не имеет целью познание бога».

Экономические и политические идеи Фомы Аквинского отражали новые явления в развитии феодализма — развитие денежных отношений и городов. Он развивал учение о греховности ссудного процента и о «справедливой цене», при определении которой считал необходимым учитывать количество труда, затраченного на производство вещи. Вместе с тем он доказывал вечность частной собственности, сословной организации общества, призывал к сотрудничеству сословий, прославлял теократическое государство.

Фома Аквинский создал энциклопедическую систему средневекового миросозерцания, пытаясь охватить ею все вопросы, выдвигавшиеся его временем с позиций

безусловной защиты церкви и феодального строя. Именно поэтому папство даже в XX в. неоднократно объявляло учение Фомы Аквинского «единственно истинной философией католицизма», возрождая его под именем неотомизма. В этом учении идеологи современного католицизма ищут «доводы» в пользу существования религии и увековечения капитализма.

Развитие опытного знания. Роджер Бэкон

Ортодоксальная схоластика стала препятствием для развития основанного на опыте знания. Практические науки — медицина, астрономия, алхимия — были полностью подчинены богословию. Эти черты особенно ярко проявились в алхимии — средневековом учении о веществах и их превращениях. Алхимики пытались превратить в золото неблагородные металлы с помощью чудодейственного «философского камня», которому приписывалась также способность излечивать все болезни и продлевать жизнь. Алхимия была оплотом суеверия и обмана, хотя отдельные производимые алхимиками опыты способствовали изучению свойств некоторых веществ. Достижение в средние века известных успехов в области математики, физики, астрономии и других наук происходило вопреки церкви. Об этом свидетельствует трагическая судьба профессора Оксфордского университета, францисканского монаха Роджера Бэкона (ок. 1214—1294). Преклонению перед авторитетами он противопоставлял опытное знание. По его словам, «умение производить опыты стоит выше всех знаний и искусств».

Главное сочинение Роджера Бэкона, названное им «Большой труд», по праву считают энциклопедией того времени. Высказывая ряд замечательных догадок, подтвержденных на практике лишь значительно позже, Бэкон указывал, что «можно построить приспособления для плавания без гребцов», мечтал о повозках, передвигавшихся без всякой запряжки, о летательных машинах, о подъемных кранах. Он предсказал возможность создания увеличивающих оптических приборов, первый объяснил явления радуги преломлением солнечных лучей в каплях дождя, впервые в Европе составил рецепт пороха и отметил его значение для военного дела. Бэкон установил способы получения фосфора, магния и висмута и, по-видимому, пытался изучать силу пара.

Роджер Бэкон утверждал необходимость свободного развития науки. «Разум,— говорил он,— есть путеводитель правой воли и направляет ее к спасению. ... Нет опасности большей невежества... Нет ничего достойнее изучения мудрости, прогоняющей мрак невежества».

Сочинения Роджера Бэкона были преданы церковью анафеме, а сам он по приговору церковного суда просидел около 14 лет в заключении.

Латинская литература XII—XIII вв.

В атмосфере городских школ и университетов в XII—XIII вв. расцветает латиноязычная литература с ярко выраженными светскими тенденциями: приключенческая литература на античные сюжеты, подражания Овидию и Горацию, автобиографические (например, «История моих бедствий» Петра Абеляра) и эпистолярные сочинения, городские хроники.

Особое место в этой литературе занимает творчество вагантов (от латинского *vagari* — бродить), или голиардов, основную часть которых составляли бродячие школяры (студенты), происходившие из разных социальных слоев. Многие из них принадлежали к низшему духовенству. Утратив постоянную связь со своими сословиями, ваганты превратились в своего рода городскую интеллигенцию. Особенности социального положения определяли своеобразие их творчества. Ваганты были тесно связаны с традициями латинской поэзии, заимствовали у нее образы и стихотворные ритмы. Отсутствие собственности и постоянного места жительства, нужда и унижения, которые им

часто приходилось терпеть, сближали их по настроениям с демократическими слоями города. Ваганты обращались к фольклору, перелагая на латынь народные песни, используя их мотивы и формы, проповедуя жизнеутверждающее отношение к бытию.

Они воспевали простые земные радости. Их жизненным кредо была свобода: «Жизнь на свете хороша, коль душа свободна, а свободная душа господу угодна». Резкой критике подвергали ваганты духовенство, монашество, римскую курию: «Рим и всех и каждого грабит безобразно, пресвятая курия — это рынок грязный! Там права сенаторов продают открыто, там всего добьешься ты при мошне набитой». Ваганты подвергали насмешкам и представителей других сословий: горожан за их любовь к наживе, рыцарей за их чванливость. Однако критика вагантами феодального общества во многом вытекала из их положения деклассированных элементов, не имевших определенной социальной базы, и не была последовательной и глубокой.

Героический эпос

С развитием города латинский язык перестает быть единственным языком письменности. С XII в. в странах Западной Европы начинают складываться национальные литературные языки.

В распространении литературы на национальных языках играли большую роль городские мастерские по изготовлению книг, ставшие теперь главными центрами книжного производства и ориентировавшиеся на светские вкусы горожан.

В XI—XII вв. окончательно оформился и был записан на народных языках героический эпос, существовавший до этого только в устной традиции. Героями народных сказаний, которые читались нараспев певцами-сказителями, были обычно воины — защитники своей страны и народа. В эпосе воспевались их храбрость, сила, воинская доблесть, верность. В идеализированных образах рыцарей находили свое воплощение народные чаяния и представления о справедливости, чести и доблести. В то же время записанный в условиях сложившегося феодализма героический эпос не мог не испытать на себе воздействие рыцарских и церковных представлений; герои эпоса часто изображаются как защитники христианства, преданные вассалы своих сюзеренов.

Самое значительное произведение героического эпоса во Франции — «Песнь о Роланде» (ок. 1100) — повествует о гибели в Ронсевальском ущелье возглавляемого Роландом арьергарда войск Карла Великого, возвращавшегося из испанского похода. Народное влияние проявляется в мощном звучании патриотической темы, впервые выраженной с такой силой. Свой воинский долг Роланд видит не только в вассальной верности королю, но прежде всего в служении «милой Франции». Роланду противопоставлен образ изменника Ганелона, в обрисовке которого проявляется народное осуждение феодального произвола.

В «Песне о Сиде», возникшей в XII в. в Испании, отображена длительная патриотическая борьба народа с завоевателями-маврами. Прообразом героя поэмы послужил кастильский феодал Родриго Диас де Вивар, прозванный арабами Сидом (господином). Крупнейшим памятником немецкого героического эпоса является «Песнь о Нибелунгах» (ок. 1200). В ее основе лежат древние германские сказания, восходящие к периоду варварских нашествий. В поэме запечатлена мрачная, но правдивая картина нравов феодального мира. В духе народных традиций, осуждаются распри и злодеяния, столь обычные для феодального общества.

Высокохудожественные произведения средневекового эпоса справедливо относятся к числу выдающихся памятников мировой культуры.

Рыцарская литература

В XI—XII вв. с завершением формирования сословий феодального общества складывается идеология рыцарства, нашедшая свое отражение, в частности, в рыцарской литературе. Последняя утверждала привилегированное положение рыцарей в обществе, прославляя их добродетели: военную доблесть, честь, верность королю и христианской церкви.

Рыцарская литература отличалась светским характером и была чужда аскетической морали. Враждебная по идеям народной культуре, она вместе с тем испытала ее известное влияние, в частности заимствовала народные сюжеты, перерабатывая их в своем духе.

В XI в. на юге Франции (Лангедок) возникла и получила широкое распространение светская рыцарская лирическая поэзия трубадуров на народном провансальском языке. По словам Энгельса, в то время южнофранцузская нация «стояла во главе европейского развития», она «вызвала даже отблеск древнего эллинизма среди глубочайшего средневековья». Бросая вызов церковному аскетизму, осуждавшему земную любовь, трубадуры воспевали ее как великое счастье и благо. Они создали культ «Прекрасной Дамы», служа которой рыцарь должен следовать правилам «куртуазии». Согласно им, от рыцаря требовалось кроме военных доблестей умение вести себя в обществе, поддерживать разговор, петь и играть на музыкальных инструментах, ухаживать за дамой в соответствии со строго выработанным ритуалом. «Куртуазия» часто была лишь внешней формой, за которой скрывались грубые феодальные нравы, но она знаменовала возросший интерес к нравственным проблемам воспитания личности. В провансальской поэзии гимн любви сочетался с воспеванием вечно живой природы, родного края; в ней нашли отражение также политические и социальные проблемы (в стихах, называемых сирвентами). При этом пестрый состав трубадуров (от крупных феодалов до бедного рыцарства и даже выходцев из горожан) определил разные социальные тенденции. Откровенно антинародный характер носило творчество одного из самых известных поэтов — Бертрана де Берна. В одной из сирвент он пишет: «Любо видеть мне народ — голодающим, раздетым, страждущим, необогретым!» В сочинениях других трубадуров мы находим, напротив, выпады против крупных феодалов, духовенства, особенно усилившиеся после альбигойских войн. В одной из сирвент говорилось: «В грабежах бароны — мастаки! У этаких под рождество, глядим, чужие забиваются быки: своих им жаль, а пир необходим».

Создателями рыцарской лирической поэзии в других странах были: труверы — в Северной Франции, миннезингеры («певцы любви») — в Германии. Характерной чертой «миннезанга», сложившегося к концу XII в., была тесная связь с народными традициями.

Особое место в рыцарской поэзии принадлежит «лэ» — стихотворным повестям на любовно-приключенческие сюжеты, заимствованные главным образом из кельтских преданий и легенд («лэ» зародились в кельтской Бретани). Главной из них была история короля бриттов Артура, по преданию жившего в V—VI вв., и его рыцарей, собиравшихся за круглым столом. Эти легенды стали источником для обширных стихотворных рыцарских романов так называемого «бретонского цикла». Большую роль в развитии куртуазного романа как особого жанра рыцарской литературы сыграл французский поэт — Кретьен де Труа (вторая половина XII в.). Из артуровских преданий в его романы вошел поэтический мир кельтской фантастики с чудесными странами, говорящими животными, заколдованными людьми, таинственными приключениями. Поиски приключений («авантюры») — основная черта сюжетов рыцарских романов. Но их непреходящее значение заключается в том, что они открыли новый мир индивидуальных человеческих чувств и отношений.

Вместе с тем рыцарские романы отражали и влияние церковной идеологии. Это особенно заметно на широком использовании в целом цикле романов легенды о поисках рыцарями святой чаши «Грааля», фигурировавшей якобы при распятии Христа. Большую известность получил роман о Тристане и Изольде, в котором воспевается высокое и прекрасное чувство любви, преображающее героев. Демократическими тенденциями отличается произведение Гартмана фон дер Ауэ «Бедный Генрих» (конец XII в.) —

поэтический рассказ о трогательной любви девушки-крестьянки к заболевшему проказой рыцарю. В другом произведении немецкой рыцарской поэзии — романе начала XIII в. «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха — изображается борьба простых человеческих чувств с феодальными предрассудками; сострадание и доброта ставятся автором выше рыцарской доблести и «куртуазии».

Рыцарская литература, несмотря на ее классовый характер, способствовала обмирщению средневековой культуры, возникновению интереса к личности человека и его чувствам.

Городская литература

Особенно большую роль в развитии светских и реалистических мотивов в средневековой культуре XII—XIII вв. сыграла городская литература. С XII в. зарождается устный городской фольклор, на котором ярко сказалось влияние народных начал. На его основе в XIII в. создается письменная городская литература на национальных, народных языках. В середине XII в. в городе возникает жанр реалистической стихотворной новеллы («фаблио» — от латинского *fabula* — басня во Франции, «шванки» — шуточные рассказы в Германии). В коротких рассказах в сатирическом духе изображались представители класса феодалов, обличалось корыстолюбие и распутство католического духовенства, восхвалялись находчивость и ум, здравый смысл и практическая сметка представителей простого народа.

Примерно в это же время развивается городской сатирический эпос. Крупнейшим его памятником был «Роман о Лисе», складывавшийся во Франции в течение многих десятилетий (с конца XII до половины XIV в.) и переведенный на многие европейские языки. В «Романе о Лисе» выведен король — лев Нобль, знатный феодал — медведь Брен, рыцарь — злой и голодный волк Изенгрин, придворный проповедник — осел Бодуэн. Под курами, зайцами, улитками и прочими в романе подразумевается простой люд. Главный герой лис Ренар наделен чертами, присущими горожанину: деловитостью, изворотливостью и практичностью. В столкновениях с феодалами он неизменно выступает победителем, но часто оказывается обидчиком и обманщиком простых людей.

Другим выдающимся произведением городской литературы является аллегорическая поэма «Роман о Розе», написанная во Франции в XIII в. и также переведенная на многие языки. Первая часть написана в 30-х годах Гильомом де Лорисом, вторая — в 70-х годах Жаном де Меном. Вторая часть поэмы представляет собой яркий образец средневекового свободомыслия. Автор нападает на глупость и насилие, обличает мракобесие и невежество церковников. В поэме утверждается прирожденное равенство всех людей, о достоинствах которых, по мнению Жана де Мена, надо судить не по их происхождению, а по личным качествам и образованности.

Фаблио и сирвенты (стихотворения на политические темы) поэта Рютбефа (1230—1285) носили ярко выраженный аятипапский характер. В одной из них он писал: «Рим должен быть основою святою, теперь же в нем царят продажность, зло. И те грязны, кто должен чистотою своей сиять: всем хуже оттого». Папа Александр IV осудил особой буллой сочинения Рютбефа на сожжение.

Городская музыка и театр

В городах возникла многоголосная полифоническая музыка, тесно связанная с народным хоровым пением. Городская драма — мистерии, — которая, как и церковная, литургическая представляла собой инсценировку библейских сюжетов, отличалась, однако, тем, что в нее включались народные игрища, пляски ряженных и обряды, характерные для сельских весенних и осенних праздников. Из них выросла, например, знаменитая «Игра о Робене и Марион» (конец XIII в.), изображавшая историю

двух влюбленных: крестьянина Робена и пастушки Марион, которая отвергла ухаживания рыцаря, сохраняя верность своему любимому.

Развитие городского театра вообще было теснейшим образом связано с театрализацией фольклора. В театральное действие, которое с середины XII в. велось уже не на латинском, а на народных языках, постепенно вводились многочисленные эпизоды чисто мирского и комического содержания. Роли исполнялись горожанами, а сами постановки разыгрывались прямо на городских площадях.

Изобразительное искусство в XI—XIII вв.

Церковно-религиозное мировоззрение оказало решающее влияние на развитие средневекового искусства. Его задачи церковь видела в укреплении религиозного чувства верующих и поэтому стремилась к регламентации художественного творчества. Художнику диктовались образы Христа, Мадонны, святых, сюжеты, композиции сцен, заимствованные из Священного писания. От него требовалось не реалистическое изображение этих образов, но раскрытие в них идей божества, святости, совершенства. Отсюда часто нарочито деформированное, условное (с точки зрения законов перспективы и анатомии, неиз-вестных средневековым художникам) изображение человеческих фигур в искусстве того времени. Однако тесная связь с народными традициями определила необыкновенное разнообразие творчества средневековых мастеров; жизненные наблюдения позволили им показать богатство внутренней жизни человека, ценность и красоту труда. В XI—XII вв. значительных успехов достигло прикладное искусство: изготовление художественных ковров, бронзовое литье, эмали. Большого расцвета достигает романская книжная миниатюра. В XI—XIII вв. появляются новые технические приемы обработки стекла и камня (кладка из тесаных камней), что способствовало возрождению в Западной Европе каменного зодчества. В архитектуре вырабатывается новый стиль — романский. Он опирался на традиции римского и византийского зодчества и применялся в строительстве церковных и крепостных сооружений. Церкви представляли собой высокие массивные здания в форме продолговатого креста с многоэтажными башнями, с узкими, высоко расположенными окнами в толстых каменных стенах. Свод поддерживали полукруглые романские арки. Главный фасад и капители колонн были украшены скульптурой. Стены покрывались фресками. И фрески и скульптура были ярко окрашены. Романский стиль отличался большой выразительностью и способствовал усилению религиозного чувства и страха перед богом.

Со второй половины XII в. на Западе, прежде всего в Северной Франции, появляется архитектура иного стиля, так называемого готического, тоже тесно связанного с городом. Технически она была более совершенна и отражала дальнейший прогресс в общем развитии производительных сил. Характерной чертой готической архитектуры является устремление всего здания ввысь. Стрельчатые арки заменили собой полукруглые арки романского стиля. В готике тяжесть свода несли его выступающие ребра-нервюры и пучки колонн, а также расположенные снаружи здания контрфорсы. Поэтому стены готического собора утратили массивность, в них появились огромные окна, украшенные витражами. Множество остроконечных башен и башенок, увенчивающих контрфорсы, усиливают впечатление легкости и одновременно пышности готического собора. Образцами этого стиля могут служить собор Парижской богородицы, соборы в Реймсе, Амьене, Ульме, Кентербери и др. Готический собор призван был порождать глубокое религиозное чувство, внушать народным массам идею о недостижимости божества и величии церкви. Эти соборы представляли собой в то же время выдающиеся творения искусства. «Каменной симфонией» назвал их Гюго. В эпоху ротики начинает играть гораздо большую роль, чем в романский период, светская архитектура. В городах руками цеховых ремесленников-строителей сооружаются в готическом стиле здания для городского совета (ратуши), отражавшие рост социального самосознания городского бюргерства.

В XIII в. заметно постепенное нарастание реалистических тенденций в скульптуре. Обычными становятся фигуры, обладающие индивидуальными характерными лицами, свободными и естественными движениями. Сюжетами для рельефных изображений часто являются жанровые сценки (крестьяне за уборкой урожая; магистр, читающий лекцию своим ученикам, и т. д.), а также различные народные сказки и предания. В городском искусстве, как и в литературе, сильны были сатирические моменты. Анонимные городские скульптуры порой изображали на стенах соборов карикатурные фигуры монахов и клириков: например, осел, служащий мессу, с прислуживающими ему медведем и свиньей, и др.

§ 3. КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. церковь постепенно утрачивает господство в духовной жизни общества, чему способствовали распространение ересей, упадок схоластики, потеря ею ведущих позиций в области образования. Университеты частично освобождаются от папского влияния. Важной особенностью культуры этого времени является преобладание литературы на национальных языках. Сфера применения латинского языка все более сужается. Создаются предпосылки для создания национальных культур.

Изобразительное искусство этой поры характеризуется дальнейшим усилением в живописи и скульптуре реалистических форм. В отличие от Италии, где в XIV в. уже началась эпоха Возрождения (см. гл. 22), культура других стран Европы в XIV—XV вв. представляла собой переходное явление. На ее развитие уже оказывала известное влияние культура итальянского Возрождения, но ростки нового продолжали развиваться еще в рамках старого мировоззрения. Этот период в истории западноевропейской культуры иногда называют «Предвозрождение».

Образование. Наука. Философия

Развитие производства в XIV—XV вв. обусловило непрекращающийся рост потребности в образованных людях. В Европе были основаны десятки новых университетов (в Орлеане, Пуатье, Гренобле, Праге, Базеле и в других городах). Гораздо более широкое развитие получают науки, связанные с практическими потребностями общества: математика, юриспруденция, медицина.

Усиливается реалистическое направление в алхимии, которая все теснее связывает свои опыты с повседневными нуждами, в частности, с медициной (создание лекарств из неорганических соединений врачом Парацельсом в XV в.). Разрабатываются новые методы опытов, совершенствуется аппаратура (перегонный куб, химические печи), были найдены способы получения соды, едких натрия и калия.

Среди магистров и студентов появляется много выходцев из горожан и даже крестьянства. Распространение грамотности увеличило спрос на книги. При университетах создаются обширные библиотеки. Так, библиотека Сорбонны в середине XIV в. уже насчитывала почти 2000 томов. Появляются частные библиотеки. Для обеспечения возросшей потребности в книгах в городах организуется их массовая переписка в мастерских с широким разделением труда. Крупнейшим событием в культурной жизни Европы являлось изобретение Гуттенбергом книгопечатания (ок. 1445), распространившегося затем по всем странам Европы. Искусство книгопечатания дало в руки читателя дешевую и удобную книгу, способствовало быстрому обмену информацией и распространению светской образованности.

Развитие философии XIV в. ознаменовалось новым временным подъемом номинализма. Крупнейшим его представителем был Уильям Оккам (ок. 1300 — ок. 1350), получивший образование в Оксфордском университете. Оккам завершил критику

философских доказательств существования бога, объявив, что бытие бога — предмет веры, а не философии. Задача знания — постижение реально существующего, а так как реальны только единичные вещи, то познание мира начинается с опыта. Все же общие понятия (универсалии) — знаки (термины), логически обозначающие многие объекты, существуют только в уме, хотя и не лишены полностью объективного значения.

Учение Оккама широко распространилось не только в Англии, но и в других странах Европы. Один из его продолжателей — Николай из Отрекура отрицал всякую возможность философского доказательства веры. С учением этого философа в схоластику проникает веяние материализма. Представители парижской школы оккамистов Жан Буридан и Никола Орем занимались не только богословием, но и естественными науками. Они интересовались физикой, механикой, астрономией. Орем попытался сформулировать закон падения тел, развил учение о суточном вращении земли, выдвинул идею применения координат. Учение оккамистов было последним взлетом схоластики. Противодействие церкви привело в конце XIV в. к ее окончательному упадку. На смену ей все более выдвигалась экспериментальная наука.

Окончательный удар схоластике был нанесен деятелями Возрождения, полностью обособившими предмет науки (изучение природы) от предмета религии («спасение души»).

Развитие литературы

Для развития придворно-рыцарской литературы этого периода характерно большое разнообразие жанров. Куртуазный роман постепенно приходит в упадок. По мере того как практическое значение рыцарства в качестве военного сословия уменьшалось, рыцарские романы все более теряют связь с действительностью. Попытка возродить рыцарский роман с его героическим пафосом принадлежит английскому дворянину Томасу Мэлори (ок. 1417—1471). Написанный им на основе старинных сказаний о рыцарях «Круглого стола» роман «Смерть Артура» является выдающимся памятником английской прозы XV в. Однако, стремясь воспеть рыцарство, Мэлори невольно отразил в своем произведении черты разложения этого сословия и показал трагическую безысходность его положения в современную ему эпоху.

Большое значение для развития прозы на национальных языках приобретают произведения автобиографического (мемуары), исторического (хроники), дидактического содержания.

Развитие городской литературы отразило дальнейший рост социального самосознания бюргерства. В городской поэзии, драме и в возникшем в этот период новом жанре городской литературы — прозаической новелле — горожане наделяются такими чертами, как житейская мудрость, практическая сметка, жизнелюбие. Бюргерство противопоставляется дворянству и духовенству как опора государства. Этими идеями проникнуто творчество двух крупнейших французских поэтов XIV в. — Эсташа Дюшена (ок. 1346—1406) и Алена Шартье (1385 — ок. 1435). Они высказывают резкие обвинения в адрес французских феодалов за их поражения в Столетней войне, осмеивают королевских советников и духовенство. Выражая интересы зажиточной верхушки бюргерства, Э. Дюшен и А. Шартье в то же время осуждают народ за мятежи.

Крупнейшим поэтом XIV в. был англичанин Джеффри Чосер (ок. 1340—1400), прозванный «отцом английской поэзии» и испытавший уже некоторое влияние идей итальянского Возрождения. Его лучшее произведение «Кентерберийские рассказы» — сборник стихотворных новелл на народном английском языке. Глубоко национальные и по содержанию и по форме, они рисуют яркую картину современной Чосеру Англии. Отдавая дань средневековым традициям, Чосер не свободен и от отдельных предрассудков своего времени. Но главное в его творчестве составляют оптимизм, свободомыслие, реалистическое изображение действительности, высмеивание алчности духовенства и чванства феодалов. Поэзия Чосера отразила высокий уровень развития средневековой

городской культуры. Его можно считать одним из предшественников английского гуманизма.

Народное творчество лежит в основе поэзии замечательного французского поэта XV в. Франсуа Вийона (1431 — ок. 1461). В своих стихах он отразил глубокие классовые противоречия современного ему общества. Высмеивая в сатирических стихах представителей господствующего класса, монахов и богатых горожан, Вийон полон сочувствия к беднякам. Антиаскетические мотивы в творчестве Вийона, прославление им земных радостей — все это является вызовом средневековому мирозерцанию. Глубокий интерес к человеку и его переживаниям позволяет характеризовать Вийона как одного из предшественников Возрождения во Франции.

Особенно ярко народные начала проявились в XIV—XV вв. в городском театральном искусстве. Именно в это время широкое распространение получили французские фарсы и немецкие «фастнахт-шпили» — юмористические сценки, выросшие из народных карнавальных игр. В них реалистически изображался быт горожан и затрагивались социальные и политические проблемы. Большой популярностью в XV в. пользовался во Франции фарс «Господин Пьер Пателен», в котором обличалось корыстолюбие, нечестность и крючкотворство судейских чиновников.

В литургическую драму все более проникают светские элементы. Влияние церкви и ее контроль над городскими зрелищами ослабевает. Организация больших театрализованных представлений — мистерий — переходит от клириков к ремесленным и торговым цехам. Несмотря на библейские сюжеты, мистерии носили злободневный характер, включали комедийный и бытовой элементы; появляются мистерии и на чисто светские сюжеты, посвященные событиям реальной жизни.

В городской культуре в XIV—XV вв. более четко проявляются два направления: культура патрицианской верхушки сильнее сближается со светской феодальной культурой; культура демократических слоев развивается в тесном контакте с крестьянской культурой. Их взаимодействие обогащает и ту и другую.

Крестьянская литература

Крестьянская литература, возникновение которой относится к XIII—XIV вв., была представлена прежде всего народными песнями (любовными, эпическими, застольными, бытовыми). Существовавшие долгое время в устной традиции, они теперь записываются. Классовая борьба крестьянства, народные бедствия в годы войны и разрухи нашли отражение во Франции в песнях-жалобах (комплексах), а также в балладах, возникающих с XIV в. во многих странах Европы. Особенно широкую известность получил цикл баллад, посвященных легендарному разбойнику Робин Гуду — любимому герою английского народа (записывались с XV в.). Он изображается вольным стрелком, живущим со своей дружиной в лесу, защитником бедных против произвола феодалов и королевских чиновников. В образе Робин Гуда отразилась народная мечта о свободе, человеческом достоинстве, благородстве простого человека. В творчестве некоторых писателей — выходцев из крестьянской среды — в противоположность церковно-феодальной традиции, труд крестьян воспевается как основа общественной жизни. Уже в конце XIII в. В первой немецкой крестьянской поэме, написанной Вернером Садовником, — «Крестьянин Гельмбрехт» — честный трудолюбивый крестьянин противопоставляется разбойнику-рыцарю. Еще более выраженный классовый характер носит аллегорическая поэма английского поэта XIV в. Уильяма Ленгленда (ок. 1332 — ок. 1377) «Видение Уильяма о Петре-Пахаре». Поэма проникнута сочувствием к крестьянам, которые составляют, по мнению автора, здоровую основу всякого общества. Крестьянский физический труд рассматривается в поэме как главное средство усовершенствования людей, их спасения в загробном мире и противопоставляется как своего рода идеал тунеядству

духовенства, судей, сборщиков налогов, дурных советчиков короля. Идеи Ленгленда были весьма популярны среди участников восстания Уота Тайлера.

Изобразительное искусство

В XIV—XV вв. в архитектуре большинства стран Европы продолжал господствовать готический стиль в виде изощренной так называемой «пламенеющей» готики. Отличаясь большим единством, он имел, однако, свои особенности в разных странах. Страной классической готики была Франция. Четкость конструкции, богатство декора, яркость витражей, соразмерность и гармония пропорций — основные черты французской готики. Для немецкой готики характерны особенно заметная устремленность ввысь и отсутствие богатого внешнего декора: скульптуры находятся в основном внутри и отличаются сочетанием грубого реализма с мистической экзальтацией. Английские соборы, растянутые в длину, отличались большими размерами и массивностью, почти полным отсутствием скульптурной декорации. Развивается и гражданская архитектура.

В изобразительном искусстве большого расцвета достигает миниатюра. При дворах французских королей, бургундских герцогов создаются роскошные рукописи, над украшением которых работали художники, съезжавшиеся со всех концов Европы. В миниатюре и портретной живописи ярко проявляются черты реализма, начинают формироваться национальные художественные школы.

Развитие культуры в феодальном обществе носило противоречивый характер, отражало идейную борьбу того времени между феодально-церковным мировоззрением и его главным носителем — католической церковью — и народной, а позднее также городской культурой. Но развитие городской, народной, отчасти светской рыцарской культуры уже в XI—XIII вв. исподволь подрывало церковную монополию в духовной жизни общества. Именно в духовной жизни городов в XIV—XV вв. зарождаются отдельные элементы культуры Возрождения.

Глава 21

КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ (IV-XV вв.)

В течение всего раннего средневековья Византийская империя являлась центром яркой и своеобразной духовной и материальной культуры. Своеобразие ее в том, что в ней сочетались эллинистические и римские традиции с оригинальной, восходящей к глубокой древности культурой не только греков, но и многих других народов, населявших империю, — египтян, сирийцев, народов Малой Азии и Закавказья, племен Крыма, а также поселившихся в империи славян. Известное воздействие на нее оказали также арабы. В течение раннего средневековья города Византии оставались очагами образованности, где на основе достижений античности продолжали развиваться науки и ремесла, изобразительное искусство и архитектура. Торговые и дипломатические связи Византии стимулировали расширение географических и естественнонаучных знаний. Развитые товарно-денежные отношения породили сложную систему гражданского права и способствовали подъему юриспруденции.

Вся история византийской культуры окрашена борьбой господствовавшей идеологии правящих классов с оппозиционными течениями, выражающими устремления широких народных масс. В этой борьбе противостоят друг другу, с одной стороны, идеологи церковно-феодальной культуры, отстаивающие идеал подчинения плоти духу, человека — религии, прославляющие идеи сильной монархической власти и могущественной церкви; с другой стороны, представители свободомыслия, облаченного обычно в одежды еретических

учений, защищающие в известной степени свободу человеческой личности и выступающие против деспотизма государства и церкви. Чаще всего это были выходцы из среды оппозиционно настроенных городских кругов, мелкопоместных феодалов, низшего духовенства и народных масс.

Особое место занимает народная культура Византии. Народные музыка и пляска, церковные и театральные представления, сохраняющие черты античных мистерий, героический народных эпос, сатирическое басенное творчество, обличающее и высмеивающее пороки ленивых и жестоких богачей, хитрых монахов, продажных судей, — таковы многообразные и яркие проявления народной культуры. Неоценим вклад народных мастеров в создание памятников архитектуры, живописи, прикладного искусства и художественных ремесел.

Развитие научных знаний. Образование

В ранний период в Византии еще сохранялись старые центры античной образованности — Афины, Александрия, Бейрут, Газа. Однако наступление христианской церкви на античную языческую образованность привело к упадку некоторых из них. Был уничтожен научный центр в Александрии, во время пожара погибла знаменитая Александрийская библиотека, в 415 г. фанатичное монашество растерзало выдающуюся женщину-ученого, математика и философа Ипатию. При Юстиниане была закрыта высшая школа в Афинах — последний очаг античной языческой науки.

В дальнейшем центром образованности становится Константинополь, где в IX в. создается Магнавская высшая школа, в которой наряду с богословием преподавались и светские науки. В 1045 г. в Константинополе был основан университет, имевший два факультета — юридический и философский. Там же была создана высшая медицинская школа. По стране были разбросаны низшие школы, как церковно-монастырские, так и частные. В крупных городах и монастырях встречались библиотеки и скриптории, где переписывались книги.

Господство схоластического богословского мировоззрения не смогло задуть в Византии научное творчество, хотя и тормозило его развитие. В области техники, особенно ремесленной, благодаря сохранению многих античных приемов и навыков Византия в период раннего средневековья значительно обгоняла страны Западной Европы. Более высоким был уровень развития и естественных наук. В математике наряду с комментированием древних авторов развивалось и самостоятельное научное творчество, питаемое потребностями практики — строительного дела, ирригации, мореплавания. В IX—XI вв. в Византии начинают применять индийские цифры в арабском написании. К IX в. относится деятельность крупнейшего ученого Льва Математика, который изобрел систему светового телеграфа и заложил основы алгебры, используя буквенные обозначения в качестве символов.

В сфере космографии и астрономии шла острая борьба между защитниками античных систем и сторонниками христианского мировоззрения. В VI в. Косьма Индикоплов (т. е. «плававший в Индию») в своей «Христианской топографии» поставил задачей опровергнуть Птолемея. Его наивная космогония основывалась на библейских представлениях о том, что Земля имеет форму плоского четырехугольника, окруженного океаном и покрытого небесным сво-дом. Однако античные космогонические представления сохраняются в Византии и в IX в. Проводятся астрономические наблюдения, хотя они еще очень часто переплетаются с астрологией. Значительных ус-пеков достигли византийские ученые в области медицины. Византийские медики не только комментировали труды Галена и Гиппократов, но и обобщали практический опыт.

Потребности ремесленного производства и медицины стимулировали развитие химии. Наряду с алхимией развивались и начатки подлинных знаний. Здесь сохранялись античные рецепты производства стекла, керамики, мозаичной смальты, эмалей и красок. В

VII в. в Византии был изобретен «греческий огонь» — зажигательная смесь, дающая негасимое водой пламя и даже воспламеняющаяся при соприкосновении с ней. Состав «греческого огня» долго держался в глубокой тайне, и лишь позднее установили, что он состоял из нефти, смешанной с негашеной известью и различными смолами. Изобретение «греческого огня» на длительное время обеспечило Византии перевес в морских сражениях и во многом способствовало ее гегемонии на море в борьбе с арабами.

Широкие торговые и дипломатические связи византийцев способствовали развитию географических знаний. В «Христианской топографии» Космы Индикоплова сохранились интересные сведения о животном и растительном мире, торговых путях и населении Аравии, Восточной Африки, Индии. Ценные географические сведения содержат сочинения византийских путешественников и паломников более позднего времени. Параллельно с расширением географических знаний шло знакомство с флорой и фауной различных стран, обобщаемое в трудах византийских ученых-естествоиспытателей. К X в. относится создание сельскохозяйственной энциклопедии — «Геопоники», обобщившей достижения античной агрономии.

Вместе с тем в византийской культуре все больше проявляется стремление приспособить достижения эмпирической науки к религиозным представлениям.

Богословие и философия

С победой христианства видное место в системе тогдашних знаний заняло богословие. В ранний период усилия византийских богословов были направлены на выработку системы ортодоксального вероучения и на борьбу с ересями ариан, монофизитов, манихеев, а также с последними приверженцами язычества. Василий Кесарийский и Григорий Богослов (IV в.), Иоанн Златоуст (IV—V вв.) в своих многочисленных трактатах, проповедях, письмах стремились систематизировать православное богословие.

В отличие от Западной Европы в Византии никогда не прекращалась античная философская традиция, хотя она и подчинялась церковной догме. Византийская философия в противовес западноевропейской схоластике строилась на изучении и комментировании античных философских учений всех школ и направлений, а не только одного Аристотеля. В XI в. в византийской философии возрождается идеалистическая система Платона, которая, однако, используется некоторыми философами для обоснования права на критическое отношение к церковным авторитетам. Наиболее выдающимся представителем этого направления был Михаил Пселл (XI в.) — философ, историк, юрист и филолог. Его «Логика» получила известность не только в Византии, но и на Западе. В XII в. заметно усиливаются материалистические тенденции и возрождается интерес к материалистической философии Демокрита и Эпикура. Богословы этого времени резко критикуют последователей Эпикура, полагавших, что не бог, а рок управляет Вселенной и человеческой жизнью.

Борьба реакционно-мистического и рационалистического направлений особенно обострилась в последние века существования Византийской империи. Мистическое течение — так называемый «сихазм» — возглавил Георгий Палама (ок. 1297—1360). Основой учения Паламы была идея полного слияния человека с божеством во время молитвы посредством мистического озарения. Против него активно выступал калабрийский ученый-гуманист Варлаам (ум. 1348), защищавший, хотя и непоследовательно, тезис о примате разума над верой. Церковь поддерживала Паламу и преследовала сторонников Варлаама.

В XIV—XV вв. в Византии все большее распространение получает новое направление в философии и науке, социально и идейно родственное западноевропейскому гуманизму. Наиболее яркие его выразители — Мануил Хрисолор, Георгий Гемист Шифон и Виссарион Никейский — ученые, философы и политические деятели XV в. Интерес к духовной жизни человека, проповедь индивидуализма, преклонение перед античной

культурой — характерные черты мировоззрения этих ученых. Они были тесно связаны с западноевропейскими гуманистами и оказали на них большое влияние.

Исторические сочинения

В Византии, как ни в одной другой стране средневекового мира, были особенно устойчивы традиции античной историографии. Труды многих византийских историков по характеру изложения материала, по композиции, по обилию античных реминисценций и мифологических образов, по светскому направлению и слабому влиянию христианства, наконец, по языку генетически восходят к классикам греческой историографии — Геродоту, Фукидиду, Полибию.

Довольно богата византийская историография VI — начала VII в., оставившая нам труды Прокопия Кесарийского, Агафия Ми-ринейского, Менандра, Феофилакта Симокатты. Наиболее выдающийся из них — Прокопий Кесарийский, современник Юстиниана, историк и политический деятель — в своем сочинении «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» нарисовал яркое полотно современной ему жизни. В этом официальном труде и, особенно в «Трактате о постройках», Прокопий восхваляет Юстиниана. Но свои истинные взгляды, отражающие ненависть оппозиционных слоев сенаторской аристократии к «выскочке» Юстиниану, историк, опасаясь за свою жизнь, высказывает лишь в мемуарах, написанных в глубокой тайне и поэтому получивших название «Тайная история».

В X в. при императоре Константине Багрянородном делаются попытки приспособить культурное наследие античности к интересам формирующегося класса феодалов. С этой целью был составлен ряд сборников исторического и энциклопедического характера. Самому Константину принадлежат сочинения «Об управлении государством», «О фемах», «О церемониях византийского двора», содержащие ценные, хотя и тенденциозно подобранные данные о жизни той эпохи и ряд важных историко-географических сведений, в частности о русских землях.

XI—XII века — время расцвета византийской историографии: появляется плеяда выдающихся историков — уже упоминавшийся Михаил Пселл, Анна Комнина, Никита Хониат и др. Видное место в историографии этой эпохи занимает талантливое, хотя и глубоко тенденциозное сочинение Анны Комниной «Алексиада» — панегирик в честь ее отца, императора Алексея I Комнина. В этом труде, повествующем о событиях, пережитых самой Анной Комниной, особенно выделяется картина Первого крестового похода, войн Алексея I Комнина с норманнами и подавление им восстания павликиан. Другой талантливый историк — Никита Хониат в своей «Истории ромеев» с большой реалистической силой описал трагические события Четвертого крестового похода.

Другие течения византийской историографии испытали на себе сильное влияние церковно-богословской догматики. Это характерно для многих византийских хронистов, в массе — простых монахов, лишенных критического отношения к источникам и собиравших воедино груды самых разнообразных, порой легендарных, событий и фактов, авторов компилятивных летописей от «сотворения мира» до их дней. Вместе с тем некоторые из них, близко соприкасаясь с жизнью трудового народа, впитывали его помыслы и чаяния, воспринимали народный язык и поэтому нередко ярче и подробнее, чем историки, описывали важнейшие события из жизни народа. Наиболее выдающимися из них были Иоанн Малала (VI в.) и Георгий Амартол (VIII—IX вв.). Сочинения хронистов пользовались большой популярностью и часто переводились на языки соседних народов.

Византийская литература

В византийской литературе также можно наметить два основных направления: одно основы валось на античном культурном наследии, второе отражало проникновение

церковного мировоззрения. Между этими направлениями шла ожесточенная борьба, и хотя христианское мирозерцание возобладавало, однако в византийской литературе никогда не исчезали и античные традиции. В IV—VI вв. были широко распространены античные жанры: речи, письма, эпиграммы, любовная лирика, эротическая повесть. С конца VI — начала VII в. зарождаются новые литературные формы — например, церковная поэзия (гимнография), виднейшим представителем которой был Роман Сладкопевец. Для гимнографии характерны отвлеченный спиритуализм и в то же время использование народной мелодики и ритмики народного языка. Большую популярность в VII—IX вв. получает жанр назидательного чтения религиозного характера для широких масс, так называемые жития святых (агиография). В них причудливо переплетались легендарные рассказы религиозного характера о чудесах и мученичествах святых с реальными событиями и живыми бытовыми деталями жизни народа.

Со второй половины IX в. и особенно в X в. начинается активное собирание византийскими писателями и учеными работ античных авторов. Патриарх Фотий, Константин Багрянородный и другие внесли значительный вклад в дело сохранения памятников эллинистической культуры. Фотием был составлен сборник отзывов о 280 произведениях античных авторов с обстоятельными выписками из них, получивший название «Мириобиблион» («Описание множества книг»). Многие утраченные уже сочинения античных писателей дошли до нас только в выписках Фотия. В придворных кругах получили широкое распространение прозаические и стихотворные куртуазные романы, как правило, на темы античной истории и мифологии.

В X—XI вв. в Византии на основе народных эпических песен о подвигах в борьбе с арабами складывается знаменитый эпос о Дигенисе Акрите. В нем с незаурядной поэтической силой прославляются подвиги знатного феодала и его любовь к прекрасной девушке Евдокии. Народный в своей основе эпос о Дигенисе Акрите впитал многие черты феодальной идеологии.

Изобразительное искусство и архитектура

Искусство Византии занимает видное место в истории средневекового художественного творчества. Византийские мастера, воспринимая традиции эллинистического искусства и искусства народов, населявших империю, создали на этой основе свой собственный художественный стиль. Но церковное влияние сказывалось и здесь. Византийское искусство стремилось увести человека от земных страданий и бед в мир религиозной мистики. Отсюда торжество отвлеченного спиритуалистического начала в живописи над реалистическими традициями античности, которые, однако, никогда полностью в ней не исчезали. Византийский стиль живописи характеризовался сочетанием плоских силуэтов с плавной ритмикой линий, благородной гаммой красок с преобладанием пурпурных, лиловых, синих, оливково-зеленых и золотых тонов. Ведущей формой живописи в Византии была настенная мозаика и фреска. Имела распространение также станковая живопись — иконопись — на досках темперой, а в ранний период (VI в.) — восковыми красками. Большой популярностью пользовалась и книжная миниатюра.

В IV—VI вв. в византийской живописи еще заметно значительное влияние античных традиций, что нашло отражение в мозаиках пола Большого дворца императоров в Константинополе. Они изображали в реалистической манере жанровые сценки из жизни народа. В дальнейшем в византийской живописи получают преобладание библейские сюжеты. В IX—X вв. в монументальной живописи складывается строгая система расположения религиозных сцен на стенах и сводах храмов. Однако и в это время византийская живопись еще сохраняет живую связь с античными традициями. Одной из вершин византийской живописи являются мозаики храма св. Софии в Константинополе, сочетающие античный чувственный реализм с глубокой одухотворенностью. В XI—XII вв. в византийской живописи все сильнее проявляются черты условности и стилизации,

изображений святых делаются все более аскетичными и отвлеченными, краски — более темными. Лишь в XIV — первой половине XV в. византийская живопись переживает кратковременный, но яркий расцвет, условно называемый «Палеологовское Возрождение». Этот расцвет был связан с распространением гуманистических тенденций в культуре того времени. Он характеризуется стремлением художников выйти за рамки установленных канонов церковного искусства, обратиться к изображению не отвлеченного, а живого человека. Замечательными памятниками этого времени являются мозаики и фрески монастыря Хоры (ныне мечеть Кахриэ-Джами) в Константинополе (XIV в.). Однако попытки освобождения человеческой личности от лут церковно-догматического мышления в Византии были сравнительно робкими и непоследовательными. Византийское искусство XIV—XV вв. не смогло подняться до реализма итальянского Ренессанса и по-прежнему облекалось в форму строго канонизированной иконографии.

Высокого развития достигает прикладное искусство. Византийские изделия из слоновой кости и камня, эмали, керамика, художественное стекло и ткани ценились в средневековом мире и имели широкое распространение за пределами Византии.

Вклад Византии в развитие средневековой архитектуры также значителен. Византийские зодчие уже в V—VI вв. переходят к созданию новой планировки городов, характерной для всего последующего средневекового зодчества. В центре городов нового типа расположена главная площадь с собором, откуда лучеобразно расходятся улицы. С V—VI в. появляются дома в несколько этажей, имеющие аркады. Великолепными памятниками светского зодчества являются императорские дворцы в Константинополе. Но со временем замки феодалов и даже дома некоторых горожан все больше приобретают вид крепостей.

Высокого развития достигает церковное зодчество. В 532—537 гг. в Константинополе по приказу Юстиниана был построен знаменитый храм св. Софии — самое выдающееся произведение византийской архитектуры. Храм увенчан огромным, как бы парящим в небе куполом диаметром свыше 30 метров. С двух сторон к куполу примыкает сложная система постепенно повышающихся полукуполов. Особенно поражает интерьер храма св. Софии, отличающийся необычной пышностью и тончайшим вкусом исполнения. Стены и многочисленные колонны внутри храма были облицованы разноцветным мрамором и украшены чудесными мозаиками.

Упадок Византийского государства в XV в. отрицательно сказался на развитии византийской культуры. Распространение реакционно-мистических учений вновь привело в искусстве к преобладанию схематизма, сухости, подчинению живописных форм канону. Переломным моментом в развитии культуры народов, населявших Византийскую империю, явилось турецкое завоевание. Литературное и художественное творчество, особенно народное, не прекратилось, но в условиях турецкого господства приняло своеобразные черты. Оно ярко отражало борьбу народа со своими угнетателями.

Глава 22

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ. РАННЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ГУМАНИЗМ В ИТАЛИИ (XIV-XV вв.)

Предпосылки зарождения раннебуржуазной идеологии и культуры

Со второй половины XIV в. в культурной жизни средневековой Западной Европы происходит важный перелом, связанный с возникновением новой раннебуржуазной идеологии и культуры. Поскольку ранние капиталистические отношения, в частности мануфактурное производство с широким применением наемного труда, прежде всего

зародились и стали развиваться в Италии, в этой стране впервые начала формироваться и раннебуржуазная культура, получившая название «Возрождение». Полного расцвета она достигла в конце XV и XVI в. В период XIV—XV вв. можно говорить лишь о раннем итальянском Возрождении.

В эпоху Возрождения, которая относится ко времени господства феодального строя, классы будущего капиталистического общества — буржуазия и пролетариат — далеко еще не сформировались и были со всех сторон окружены феодальной стихией, даже в наиболее развитых городах Италии. Ранняя буржуазия, только складывавшаяся из наиболее экономически передовых элементов средневекового бюргерства, по своему составу и месту в окружающей общественной среде значительно отличалась от победившей буржуазии более позднего времени. Это и определило специфику ранней буржуазной культуры по сравнению с культурой развитого буржуазного общества.

Характерной чертой ранней буржуазии в Италии XIV—XV вв. были широта и многообразие ее экономической базы. Ее представители занимались торговлей и банковскими операциями, имели мануфактуры и, кроме того, были, как правило, земельными собственниками, владельцами имений в округе. Сферой наибольшего накопления капитала были торговля, связывавшая Италию со всеми известными в то время странами, и ростовщичество (банковское дело), приносившее итальянским городам огромные доходы. Они поступали как от операций в самой Италии, так и от ссуд королям, князьям, прелатам многих западноевропейских стран, от финансовых сделок с папской курией. Поэтому богатая верхушка — купцы, банкиры, промышленники, располагавшие огромными средствами, — включала в свой состав самые разнообразные элементы общества. В XIV в. в результате длительной борьбы попов с феодальными силами в предшествующий период в ведущих городах-государствах Северной и Средней Италии политическая власть уже перешла в руки этой верхушки торгово-промышленных и банковских кругов. Но в среде самой этой верхушки шла борьба за влияние и власть между отдельными группами и партиями, возглавляемыми богатейшими фамилиями. Все это проходило на фоне ожесточенной борьбы городских низов, нередко выливавшейся в восстания. Переворот следовал за переворотом, и стоявшие у власти богачи нередко превращались в изгнанников.

Неустойчивость проявлялась и в экономической сфере. Крупные торговые обороты, ростовщические операции собирали в руках купцов и банкиров огромные по тогдашним меркам состояния. Но нередко за этим следовало разорение в результате неудач с торговыми экспедициями, захвата торговых судов пиратами, политических осложнений, отказа могущественных должников от уплаты долгов.

Неуверенность в завтрашнем дне, вообще характерная для этой переходной эпохи, активизировала предприимчивость и энергию этих людей и в то же время вызывала жажду ко всем «благам жизни», доступным в то время, желание пользоваться настоящей минутой. Богачи соперничали друг с другом в роскоши. Это было время красивых дворцов, роскошной домашней обстановки, дорогих и изысканных костюмов. Народ эксплуатировали, презирали и старались держать в узде, но в то же время его боялись, стремились отвлечь от борьбы за свои права, устраивая пышные празднества.

Роскошь городских богачей, тиранов, пап предьявляла все растущий спрос на архитекторов, художников, скульпторов, ювелиров, музыкантов, певцов и поэтов, которые своими произведениями должны были услаждать жизнь «избранных». В то же время правители итальянских государств нуждались в секретарях, искусных дипломатах для ведения сложных политических дел как в пределах Италии, так и вне ее, в юристах, публицистах и писателях, которые защищали бы их интересы, оправдывали захваты, прославляли их правление, чернили врагов. Нарождающаяся буржуазия нуждалась в деловых людях, которые могли бы вести ее торговые и кредитные дела за границей, в искусных счетоводах, которые могли бы учитывать огромные и разнообразные доходы, в большом штате служащих торговых, промышленных и банковских предприятий. Городам

требовались врачи, нотариусы, учителя. Так вместе с буржуазией зарождается многочисленная обслуживающая ее интеллигенция, принимавшая самое активное участие в создании новой культуры Возрождения. В основе своей эта культура была культурой зарождавшейся буржуазии, эксплуатировавшей и презиравшей народные массы. Однако одним из глубинных ее источников были традиции народной культуры, отражавшие влияние разных, в том числе трудящихся, слоев населения (городских ремесленников и крестьянства).

Понятие «Возрождение»

Термин «Возрождение» (часто употребляемый во французской форме — «Ренессанс») не получил в буржуазной науке устойчивого значения. Одни буржуазные историки — Ж. Мишле, Я. Буркгардт, М. С. Корелин — видели в культуре этой эпохи возрождение интереса к человеческой личности, «открытие мира и человека» в противоположность богословскому и аскетическому мировоззрению средневековья, другие же — возрождение культуры античной древности, надолго забытой после падения античного мира (Фойгт). Многие буржуазные историки конца XIX и особенно XX в. подчеркивали и сейчас подчеркивают тесную преемственную связь культуры Возрождения со средневековьем, стараясь найти ее религиозные и мистические корни. Но все эти определения дают лишь поверхностное и одностороннее описание некоторых внешних сторон культуры Возрождения, не объясняя ее социальной сущности, искажая и затемняя ее историческое значение.

Советская наука видит в культуре Возрождения раннебуржуазную культуру, возникшую на почве зарождения в недрах феодальной формации нового, капиталистического способа производства. Это, однако, не означает, что культуру Возрождения надо оценивать как детище одной лишь буржуазии. В ее создании принимали участие и представители бюргерства, еще не превратившегося в буржуазию, тесно связанные с прогрессивными традициями более ранней городской, а отчасти и широкой народной культуры; и представители дворянства, по заказу которых в ту пору нередко создавались произведения литературы и искусства; и упомянутая выше городская «интеллигенция», пополнявшаяся выходцами из того же бюргерства, а иногда и из простого народа (особенно художники и скульпторы). Не меняя общего раннебуржуазного характера культуры Возрождения, все эти разнородные социальные элементы накладывали на нее свой отпечаток, придавали ей иногда противоречивый характер, но вместе с тем делали ее широкой, далекой от узкоклассовой ограниченности буржуазной культуры капиталистического общества. При оценке исторического значения Возрождения надо учитывать и то, что в эту эпоху буржуазия была еще передовым общественным классом. Поэтому в своей борьбе с феодальным мировоззрением ее идеологи выступали в качестве представителей «всего остального общества... не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества». Поэтому же ее представители «были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными».

Светский характер культуры Возрождения

Идейное содержание культуры Возрождения, выразившееся в научных, литературных, художественных, философских, педагогических взглядах, обычно обозначается термином «гуманизм», который происходит от слова *humanus* — человеческий. Термин «гуманисты» возник в XVI в. Но уже в XV в. деятели Возрождения употребляли для обозначения своей культуры слово *humanitas*, означавшее образованность, и притом светскую. Светские науки (*studia humana*) противопоставлялись церковной науке (*studia divina*).

Основным признаком культуры Возрождения в противоположность церковно-феодальной культуре, господствовавшей в предшествующий период, является ее светский характер. Светский характер, присущий городской культуре и раньше, получает теперь, в эпоху Возрождения, дальнейшее развитие. Представителям ранней буржуазии, занятым «мирскими» делами, были глубоко чужды идеалы церковно-феодальной культуры (идея «греховности» человека, его тела, его страстей и стремлений). Идеал гуманистической культуры — всесторонне развитая человеческая личность, способная наслаждаться природой, любовью, искусством, достижениями человеческой мысли, общением с друзьями. Человек, а не божество стоит в центре мировоззрения гуманистов. «О, дивное и возвышенное назначение человека, — восклицал итальянский гуманист Пико делла Мирандола, — которому дано достигнуть того, к чему он стремится и быть тем, чем он хочет!» «Бог создал человека, — писал он, — чтобы он познавал законы Вселенной, любил ее красоту, поражался ее величию... Человек может расти и совершенствоваться по свободной воле. В нем лежат зачатки самой разнообразной жизни».

Люди Возрождения подвергали критике систему феодального мировоззрения. Они высмеивали аскетизм и теорию воздержания католической церкви и утверждали право человека на наслаждения; требовали научного исследования и издевались над схоластикой. Предшествующий период средневековья был объявлен временем суеверия, невежества и варварства.

Идеологи нового класса — гуманисты — насмешливо относились к предрассудкам феодального общества, к высокомерию феодалов, гордившихся происхождением, древностью рода. Итальянский гуманист Поджо Браччолини (1380—1459) в трактате «О благородстве» писал: «Слава и благородство измеряются не чужими, а собственными заслугами и такими деяниями, которые являются результатом нашей собственной воли». Он утверждал, что «благородство человека не в его происхождении, а в его собственных заслугах. Какое отношение имеет к нам то, что совершено за много веков до нас, без всякого нашего участия!». Воззрения гуманистов подрывали основы феодально-церковной идеологии, утверждавшей сословный строй феодального общества.

Индивидуализм буржуазного мирозерцания эпохи Возрождения

Другой особенностью гуманистического мировоззрения был индивидуализм. Не происхождение, утверждали гуманисты, а личные качества человека, его ум, талант, предприимчивость должны обеспечить ему успех, богатство, могущество, влияние. Поэтому индивидуализм, лежащий в основе всего их мировоззрения, находился в прямой противоположности к феодальному корпоративному мировоззрению, согласно которому человек утверждал свое существование тем, что он был членом какой-нибудь корпорации — общины в деревне, пеха и гильдии в городе — или принадлежал к феодальной иерархии.

Идеализованным выражением этого индивидуализма, особенно характерным для раннего Возрождения в XIV — начале XV в., было утверждение гуманистами ценности человеческой личности вообще и всего того, что с ней связано. Поскольку сословно-корпоративная организация общества в этот период уже тормозила его развитие, индивидуализм гуманистов имел несомненное прогрессивное антифеодальное звучание. Вместе с тем это мировоззрение с самого начала скрывало в себе склонность к такому утверждению личности, которое рассматривало удовлетворение потребностей индивидуума как самоцель и открывало дорогу к жадной погоне за наслаждениями без каких-либо ограничений, к восхвалению личного успеха, какими бы средствами этот успех ни достигался. Эта склонность отражала тот факт, что в конкурентной борьбе друг с другом предприниматели буржуазного типа уже тогда руководствовались принципом «каждый сам за себя и для себя». Кроме того, выдвигавшийся гуманистами идеал развития человеческой личности имел в виду лишь немногих избранных и не распространялся на широкие массы. Многие из деятелей Возрождения свысока относились к простому народу, считая его

непросвещенной «чернью», что придавало их идеалу человека несколько односторонний характер. Однако эти крайние проявления индивидуализма стали особенно очевидными в период позднего Возрождения XVI — начала XVII в. В период же раннего гуманизма на первый план выступали прогрессивные стороны индивидуализма.

Это проявилось, в частности, и в том, что идеал личности раннего гуманизма включал в себя и гражданские добродетели, предполагал, что эта личность должна служить пользе общества и государства. Для многих гуманистов того времени это выражалось в горячем патриотизме по отношению к родному городу-государству, в стремлении его прославить и защитить от посягательства врагов, служить ему, участвуя в его управлении. В частности, во Флоренции многие известные гуманисты, например Коллуччо Салютати (1331—1406) или историк Леонардо Бруни (1370—1444), выступали как убежденные республиканцы, поборники величия своего города. В разное время оба они занимали должность канцлера Флорентийской республики.

Отношение гуманизма к религии и церкви

Гуманисты ушли далеко вперед от философских и моральных воззрений феодально-церковной культуры предшествующего периода, хотя они не порывали окончательно с религией и католической церковью. В основу мироздания они ставили человека, объективно провозглашая антропоцентрический принцип, но существу отрицающий теологическую картину мира. В условиях того времени эта позиция гуманистов была прогрессивной, так как наносила удары по феодально-церковному мировоззрению. Не случайно церковь подвергалась преследованию наиболее решительных представителей светской гуманистической идеологии.

Однако отношение гуманистов к религии было противоречивым. Некоторые из них считали религию необходимой уздой для простого, «непросвещенного» народа и остерегались открыто выступать против церкви. Кроме того, они нередко сами были связаны со многими представителями церковной иерархии и даже состояли у них на службе.

Развитие знаний о природе в связи с развитием техники

Маркс и Энгельс писали: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений». Хотя в Италии XIV—XV вв. буржуазия еще только зарождалась и ранняя форма капиталистического производства — мануфактура — еще не вызвала переворота в орудиях производства, все же уже в эту эпоху наблюдаются известные успехи в развитии техники производства. Совершенствуется обработка металлов, вводятся домны, появляются некоторые усовершенствования в прядильном и ткацком деле (самопрялка и педальный ткацкий станок). Заметные шаги делают кораблестроение и кораблевождение. Употребление компаса, географических карт, приборов для определения широты места делает возможным продолжительные плавания в открытом море и подготавливает географические открытия, сделанные в конце XV и начале XVI в. В городах Италии появляются башенные часы, совершенствуются красильное дело, оптика (производство увеличительных стекол). Значительно совершенствуется строительная техника. В XIV—XV вв. применение точных расчетов, а также технических усовершенствований в виде комбинаций блоков, рычагов и наклонных плоскостей ускорило сроки строительства и позволило разрешать архитектурные задачи, недоступные мастерам предшествующих веков (например, сооружение купола собора во Флоренции по проекту знаменитого архитектора Брунеллески)). Появление артиллерии вызвало крупные перемены в военном деле, также потребовавшие применения точных методов и расчетов. Военным инженерам (по большей

части это были те же архитекторы) приходилось принимать в расчет дальность полета ядра, его траекторию, соотношение веса ядра и заряда пороха, силу сопротивления крепостных стен удару ядра. Совершенствуется техника строительства укреплений, плотин, каналов, гаваней. Без точного учета было бы невозможно вести крупные торговые, банковские и промышленные предприятия. С 60-х годов XIV в. во Флоренции возникает более совершенный способ счетоводства, позволяющий всегда легко учитывать доходы, расходы и прибыли предприятия, — «двойная бухгалтерия» с параллельной записью дебета и кредита. Принцип расчета применяется в XV в. и в области живописи, которая стала строиться на математически точных законах перспективы. Основным принципом красоты стала считаться строгая соразмерность частей целого, основанная на числовых отношениях. Делаются первые попытки подвести математический фундамент и под теорию музыки.

Потребности как производства и торговли, так и искусства вызывают более внимательное изучение природы и ее явлений, хотя оно все еще тормозится господством религиозно-схоластического мировоззрения. Уточняются и расширяются географические знания. Делает успехи астрономия, в особенности в областях, связанных с практическими потребностями мореплавания, совершенствуются планетные таблицы (таблицы Региомонтана), по которым заранее можно было определять положение планет. Врачи и художники внимательно изучают человеческое тело, несмотря на препятствия, чинимые церковью, запрещавшей анатомирование трупов как «греховное» занятие. Внимание людей Возрождения к природе видно из той роли, которую начинает играть в живописи пейзаж. В это же время появляются первые ботанические и зоологические сады.

Выдающийся ученый XV в. Николай Кузанский (1401—1464), хотя он, будучи епископом, во многом находился в плену религиозных доктрин, призывал изучать природу не путем схоластических рассуждений, а посредством опыта. Он пытался подвести под естествознание математические основы, утверждая, что «всякое познание есть измерение», усомнился в неподвижности Земли, в том, что она представляет центр Вселенной. Математик Лука Паччоли (1445—1514) видел в математике «всеобщую закономерность, применимую ко всем вещам». Его книга посвящена практическому применению арифметики, алгебры и геометрии (в том числе и коммерческой арифметики). Но наряду с этим Паччоли много места отводит схоластическим толкованиям таинственных свойств чисел. Огромное значение для развития науки и литературы имело изобретение книгопечатания Иоганном Гуттенбергом в Германии (ок. 1445). Книгопечатание быстро распространяется по всей Европе, в том числе и в Италии, и становится могущественным орудием популяризации новой культуры. Уже первые книги были не только духовного, но и светского содержания. К тому же производство книг значительно удешевилось, и они стали доступны не только богачам, но и широким слоям населения, особенно городского.

Эпоха раннего Возрождения в Италии подготовила подъем буржуазной культуры, начавшийся с конца XV в., к которому относятся слова Энгельса: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Литература раннего Возрождения

На грани между старым, церковно-феодальным, и новым, гуманистическим, мировоззрением стоит одинокая и величественная фигура крупнейшего из поэтов средневековья — Данте Алигьери (1265—1321), о котором Ф. Энгельс писал, что он «последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени». «Божественная комедия» Данте написана на народном тосканском наречии, которое легло в основу литературного языка итальянского народа. Это энциклопедия знаний средневековья. Она во многом связана с мировоззрением католицизма и представляет собой картину «космоса» с точкой зрения правоверного католика. Однако, провозглашая в своей поэме

свободу чувств, пылливость ума, стремление к познанию мира, Данте переступает рамки церковной морали, наносит удары средневековому католическому мировоззрению. Содержание «Божественной комедии» следующее: Данте, руководимый Вергилием, наиболее почитаемым в средние века римским поэтом, спускается в ад с его девятью кругами и здесь созерцает мучения грешников. В первом круге он встречается с великими философами и учеными древности. Они не были христианами, и поэтому доступ в рай им закрыт. Но в первом круге нет мучений, это только преддверие ада; великие люди древности не заслуживают наказания. Во втором круге терпят мучения все, кто извещал преступную любовь. В третьем — кипят в смоле купцы и ростовщики. В шестом — еретики и, наконец, в самом последнем — предатели. Здесь Иуда Искариот, по евангельскому рассказу, предавший Христа, Брут и Кассий — убийцы Цезаря. Из ада Данте попадает в чистилище, где в ожидании приговора томятся души умерших, а затем в рай. Перед входом в рай Вергилий покидает Данте, и его руководительницей становится первая любовь Данте — рано умершая прекрасная Беатриче. Данте поднимается от одного круга к другому, посещает планеты, где праведные вкушают вечное блаженство. Данте обладал исключительной силой воображения, и его поэма, особенно изображение ада, производит потрясающее впечатление.

Несмотря на свое религиозно-фантастическое содержание, «Божественная комедия» дает замечательное по своей правдивости и глубине изображение человеческих стремлений, увлечений, страстей, горя, отчаяния, раскаяния. Реализм в изображении фантастических картин придает великому творению Данте поразительную силу, выразительность и человечность. «Божественная комедия» вошла в сокровищницу лучших творений человеческого гения.

Первыми гуманистами в подлинном смысле этого слова были итальянские писатели Петрарка и Боккаччо.

Франческо Петрарка (1304—1374) был родом из Флоренции, провел часть своей жизни при папской курии в Авиньоне и в конце жизни переселился в Италию. Вместе с Данте и Боккаччо он был одним из создателей итальянского литературного языка. Особенно замечательны сонеты Петрарки к его возлюбленной Лауре, в которых сказался гуманист, переживающий и заставляющий других переживать красоту своего индивидуального чувства, безмерного в своих скорбях и радостях. Вместе с тем в поэзии Петрарки уже проявляется индивидуализм, характерный для гуманистического мировоззрения в целом.

Петрарка не удовлетворен схоластическим и аскетическим мирозерцанием средних веков, он создает свой взгляд на мир и вещи. Он яростно нападает на Рим — хранилище суеверия и невежества:

Поток скорбей, обитель злобы дикой,
Храм ереси и школа заблуждений,
Источник слез, когда-то
Рим великий
Теперь лишь
Вавилон всех прегрешений.
Горнило всех обманов,
мрачная тюрьма,
Где гибнет благо,
зло произрастает,
Живым до смерти ад и тьма, —
Ужель Господь тебя не покарает?

В поэзии Петрарки ясно звучит скорбь о том, что его родина — политически раздробленная Италия — стала полем раздоров и подвергается насилиям со стороны многочисленных государей.

Современник Петрарки—Джованни Боккаччо (1313—1375) особенно прославился своими новеллами, собранными в «Декамероне», где он высмеял невежество и плутни католического духовенства и проповедуемый им аскетизм, которому Боккаччо противопоставил законное стремление человека к свободе чувств, всем радостям земной жизни. Его смех разил суеверие и невежество не меньше, чем негодование Петрарки.

Новеллы Боккаччо — это занимательные рассказы, по большей части выхваченные из жизни и написанные с замечательной наблюдательностью, правдивостью и юмором. Они дают вполне реалистическое изображение картин современной действительности. Боккаччо создал также первый в европейской литературе психологический роман «Фьяметта».

Искусство раннего Возрождения

В отличие от средневекового искусства более раннего времени, носившего в целом церковный характер, искусство Ренессанса было проникнуто светским духом. Даже религиозному искусству художники и архитекторы итальянского Возрождения умели придать светский характер. Храмы этой эпохи были непохожи на романские и готические церкви, рассчитанные на то, чтобы вызвать религиозные и мистические настроения. Это были роскошные светлые дворцы, предназначенные для живописных и красочных церемоний и празднеств. Они были не столько «домами молитвы», сколько горделивыми памятниками богатства, могущества, великолетия городов и пап. Картины, написанные на религиозные темы, изображали живых людей, часто в современных костюмах, на фоне деревенских пейзажей или красивых зданий.

Зачинателем итальянского Возрождения в живописи можно считать младшего современника Данте — Джотто (ок. 1266—1337). В своих картинах, написанных в основном на религиозные сюжеты, он с большой наблюдательностью изображал живых людей с их радостями и печалью, умело и естественно передавал их позы, жесты, выражение лица. Он смело пользовался светотенью для придания изображенным фигурам объемности. Располагая их в нескольких планах, Джотто достигал в своих картинах впечатления глубины и пространства. Все это придает его картинам реалистический характер.

Дальнейшее развитие эти тенденции получили в творчестве Мазаччо (1401—1428). Евангельские сюжеты, на которые он писал картины, переносились им на улицы и площади итальянских городов; костюмы, здания, обстановка были современными и написаны вполне реалистически. В полотнах Мазаччо был создан образ нового человека — свободного, сильного, исполненного достоинства.

Важнейшим шагом вперед, к реализму в живописи было открытие в XV в. законов перспективы, позволившее давать в картинах правильное построение трехмерного пространства.

Силой, страстностью и реализмом проникнуты работы скульптора Донателло (1386—1488). Ему принадлежит ряд произведений портретного характера, созданных глубоко реалистически. Такова, например, его знаменитая статуя Давида, стоящего с мечом в руках над отрубленной головой Голиафа.

Крупнейшим архитектором этого времени был Брунеллески (1377—1446). На основании точных расчетов он разрешил технически трудную задачу возведения купола на Флорентийском соборе. Умело сочетая элементы древнеримской архитектуры с искусно переработанной романской и готической традицией, Брунеллески создал вполне оригинальный и самостоятельный архитектурный стиль, характеризовавшийся строгой гармонией и соразмерностью частей. Он строил не только храмы, но и крепостные сооружения, в частности руководил работами по регулированию течения реки Арно, возведением плотин на реке По, составлял планы по укреплению гаваней.

Отвечая требованиям своего времени, архитекторы и художники Возрождения строили не только храмы, но и красивые жилища; они интересовались самим человеком, его личностью, всеми подробностями его индивидуального существования. Изображая природу, в частности пейзажи, они любовались ее красотой; рисуя людей, стремились передать красоту человеческого тела, одухотворенность человеческого лица, его индивидуальные особенности. Этот реализм, шедший в не-малой степени от народного творчества, был непосредственным выражением опытного познания природы.

Изучение античной культуры

Термин «возрождение» часто употреблялся в Италии XIV—XV вв. в смысле возрождения античной культуры после долгого ее забвения. С этим связывается возвращение к классической латыни после тех искажений, которым она подверглась под пером церковных писателей предшествующего периода, изучение греческого языка и греческой культуры, преклонение перед античной литературой и античным искусством. Деятели Возрождения старались подражать стилю латинских писателей «золотого века» римской литературы, особенно Цицерону. Гуманисты разыскивали старинные рукописи античных писателей. Так, были найдены рукописи Цицерона, Тита Ливия и ряда других знаменитых писателей древности.

В XV в. была собрана большая часть сохранившихся произведений римской литературы. Неустанным собирателем древних рукописей был Боккаччо. Гуманист Поджо Браччолини, сначала папский секретарь, а затем канцлер Флорентийской республики, переводил на латинский язык сочинения греческих писателей и философов.

Греческие ученые, находившиеся в постоянных сношениях с Италией, знакомили итальянских гуманистов с греческим языком, дали им возможность читать в подлиннике Гомера, Платона. Из Византийской империи в Италию было вывезено огромное количество греческих рукописей. Петрарка считал одним из своих лучших сокровищ рукопись произведений Гомера на греческом языке. Боккаччо был первым итальянским гуманистом, который мог читать Гомера по-гречески. Итальянские гуманисты (Гуарино, Филельфо и др.) ездили в Константинополь учиться греческому языку, изучать древнегреческую литературу и философию. Знаменитый греческий ученый Гемист Плифон был одним из основателей Платоновской академии во Флоренции, средства на которую дал Козимо Медичи.

Знание древних языков и особенно хороший латинский стиль высоко ценились. Латинский язык продолжал оставаться языком международных сношений, официальных актов, науки. Он продолжал также оставаться языком церкви, и гуманистически образованные итальянские прелаты старались очистить церковный язык от средневековой порчи. Писатели-гуманисты Италии оставили немало произведений, написанных на изысканном латинском языке.

Античное искусство в Италии поднималось из самой почвы страны в виде бесчисленных развалин; обломки статуй нередко выкапывали при постройке домов, при возделывании садов и огородов. Древнеримские образцы оказали сильное влияние на искусство Возрождения. Но культура Возрождения не подчинялась рабски классическим образцам, а творчески усваивала и перерабатывала их.

Все истинно великое, что создано раннебуржуазной культурой в Италии, было написано на народном итальянском языке. Раннебуржуазная культура в Италии, как и в других странах Западной Европы, вызвала небывалый расцвет литературы на народных языках. Уже на заре Возрождения, на грани XIII и XIV вв., на основе тосканского наречия создается общенародный литературный итальянский язык, живой, богатый, гибкий и понятный для всех классов населения, которым пользовались не только поэзия и художественная проза, но также (наряду с латинским) и наука. На итальянском языке появляются трактаты по математике, архитектуре, военной технике — предметам, близким к практической жизни.

Итальянское изобразительное искусство, испытавшее сильное воздействие античного (преимущественно римского) искусства, в то же время было глубоко самостоятельно и самобытно, образуя особый стиль в истории мирового искусства — стиль Возрождения.

Сознание национального единства

В Италии в то время стали намечаться некоторые элементы будущей нации: складывается общий язык, появляется определенная общность культуры, а вместе с этим зарождается сознание национального единства. Иноземные вторжения, политическая раздробленность страны, вражда между отдельными составлявшими ее государствами и порождаемый ими местный патриотизм заслоняли в XIV — начале XV в. для многих гуманистов проблему единства Италии. Но эта идея уже овладевает передовыми умами, которые только в политическом объединении видят путь к спасению страны от терзавших ее бедствий. Воспоминания о величии Италии в древности усиливали чувство протеста против ее теперешнего бессилия. Выходом казалось создание сильной централизованной власти в виде монархии, как в других больших странах Европы. Данте тщетно ждал объединения страны от императоров Священной римской империи, в частности от Генриха VII, который хотел возобновить прежние походы немцев на Италию. Мечтал об объединении страны и Петрарка. Но это были лишь иллюзии. В Италии не существовало сил, способных объединить страну. Стране еще предстоял ряд веков политической раздробленности.

Гуманистическое просвещение и его центры

Со времени Петрарки и Боккаччо гуманистическое просвещение стало быстро распространяться по всей Италии. Во Флоренции, Риме, Неаполе, Венеции, Милане появились кружки гуманистов. Особенно выделялась в этом отношении Флоренция. Стараясь привлечь на свою сторону сочувствие широких масс населения и завоевать популярность, правители Флоренции — Медичи тратили огромные средства на украшение города церквами и зданиями в новом вкусе, платили крупные суммы за редкие рукописи и собрали в своем дворце большую библиотеку. Наибольшим блеском и пышностью отличалось правление Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным. Он привлекал к своему двору поэтов, писателей, художников, архитекторов, ученых, философов-гуманистов.

Гуманисты сделали своего рода почетным сословием. Аристократические фамилии и мелкие государи Италии наперебой приглашали их к себе на службу в качестве канцлеров, секретарей, посланников и т. д. Одним из выдающихся дипломатов конца XIV в. был гуманист Колуччо Салютати. Остроумный и язвительный писатель, он мог сильно повредить своему политическому противнику. Миланский герцог говорил про Салютати, который преследовал его своими литературными нападениями: «Салютати мне навредил больше, чем тысяча рыцарей». Гуманистическая интеллигенция и сама понимала свое значение. По словам Боккаччо: «Не имена великих полководцев дают славу писателям, наоборот, имена королей переходят к потомству только благодаря писателям».

Историография в период раннего Возрождения

Исторические произведения итальянских гуманистов представляют шаг вперед по сравнению с церковно-феодальной историографией. Историки-гуманисты, по существу, исключили из объяснения истории «божественное вмешательство», рассказы о чудесах, якобы совершавшихся богом и святыми. Вместе с тем гуманисты не доверяли слепо и историческим источникам, особенно церковным, старались установить степень их

достоверности. Критика источников в этот период сделала значительные успехи. Гуманист Лоренцо Балла (1407—1457), пользуясь главным образом приемами филологической критики, доказал подложность «Константинова дара», знаменитой фальшивки VIII в., на которую опирались папы в своих притязаниях на светскую власть.

Историки-гуманисты впервые выдвинули новую периодизацию всемирной истории, легшую затем в основу деления на древнюю, средневековую и новую историю. У них появляется чуждое церковно-феодальной историографии представление о гибели Римской империи в конце античности и о средневековье как об особом периоде, характеризующемся упадком культуры после ее расцвета в античном мире.

Свое время они считали эпохой нового культурного подъема. В такой периодизации всемирной истории сказалось отрицательное отношение нарождающейся буржуазии к феодальному периоду в целом.

Ранняя буржуазная культура — культура Возрождения — впервые складывается в Италии, где раньше всего возникает новый, буржуазный уклад в недрах феодальной формации. Эта культура с начала XV в. оказывает влияние на культурную жизнь других стран Западной Европы, где развитие городов, накопление в руках городской верхушки (главным образом купечества) больших состояний подготавливают почву для возникновения в недалеком будущем раннебуржуазной культуры и гуманистического мировоззрения. Однако свое полное, независимое от итальянского влияния развитие эти новые тенденции получают в других странах Западной Европы лишь в XVI в., когда там также начинают складываться капиталистические отношения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Введение

Глава 1. Источники по истории средних веков (V-XV вв.)

Глава 2. Сущность феодализма и проблема его происхождения в исторической науке

1. Понимание сущности феодализма в исторической науке

2. Проблема происхождения феодализма в исторической науке

Раннее средневековье V-XI вв.

Глава 3. Возникновение феодального строя в Западной Европе

1. Кризис рабовладельческого строя и зарождение элементов феодальных отношений в Римской империи

2. Общественный строй германских племен
- 3 Падение Западной Римской империи и образование варварских королевств
4. Пути развития феодальных отношений в Западной Европе

Глава 4. Развитие феодализма во Франкском государстве

1. Франкское государство Мергвингов
2. Франкская монархия Каролингов
3. Развитие феодальных отношений и закрепощение крестьянства в Каролингском государстве
4. Эволюция Каролингского государства и его распад

Глава 5. Возникновение и формирование феодальных отношений в Византии IV-XI вв.

1. Византия IV - первой половины IX в.
2. Византия во второй половине IX-XI в.

Глава 6. Западная Европа в IX- XI вв.

1. Политическая карта Европы в IX-XI вв.
2. Основные черты феодального строя Западной Европы к концу XI в.
3. Франция в IX-XI вв.
4. Италия до конца XI в.
5. Германия в X-XI вв.
6. Англия до середины XI в.

Развитие средневековья XI-XV вв.

Глава 7. Возникновение и рост средневековых городов, их место и роль в феодальном обществе.

Глава 8. Крестовые походы.

Глава 9. Франция в XI-XV вв.

1. Франция в XI-XIII вв.
2. Франция в XIV-XV вв.

Глава 10. Англия в XI- XV вв.

1. Англия в XI-XII вв.
2. Англия в XIII в.
3. Англия в XIV-XV вв.

Глава 11. Германия в XII-XV вв

1. Германия в XII-XIII вв.
2. Германия в XIV-XV вв.

Глава 12. Италия XI-XV вв.

1. Италия в XI-XII вв.
2. Италия в XIII-XV вв.

Глава 13. Испания и Португалия в XI-XV вв.

Глава 14. Скандинавские страны в XI-XV вв.

Глава 15. Венгрия в XI-XV вв.

Глава 16. Валахия, Молдавия и Трансильвания до конца XV в.

Глава 17. Византия в XI-XV вв

1. Византия в XI-XII вв.
2. Византия в XIII-XV вв.

Глава 18. Церковь и ее организация в Западной Европе. Народные еретические движения

Глава 19. Международные связи в Западной Европе XI-XV вв

1. Развитие международных отношений в Западной Европе в XI- XV вв.
2. Роль западославянских и южнославянских стран в международных отношениях XII-XV вв.

Глава 20. Средневековая культура и идеология в странах Западной Европы в V-XV вв.

1. Культура раннего средневековья
2. Средневековая культура XI-XIII вв.
3. Культура Западной Европы в XIV-XV вв.

Глава 21. Культура Византии (IV-XV вв.)

Глава 22. Зарождение буржуазной идеологии. Раннее Возрождение и гуманизм в Италии (XIV-XV вв.)

Хронология

Библиография